

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2022. № 483. Октябрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• СОЦИОЛОГИЯ

• SOCIOLOGY

И ПОЛИТОЛОГИЯ

AND POLITICAL SCIENCE

• ФИЛОСОФИЯ

• PHILOSOPHY

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 483. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
 В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
 Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
 В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
 филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, д-р биол. наук, доц.;
 С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
 д-р физ.-мат. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
 С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
 наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
 ист. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
 сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р
 геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор
 Издательства Томского государственного университета;
 Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд.
 экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.;
 С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
 канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-
 минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
 О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
 ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
 Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
 V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
 (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
 Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and
 Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy,
 Professor; D. Vorobyov, Dr. of Biology, Associate Professor;
 S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov,
 Dr. of Physics and Mathematics; A. Gortsev, Dr. of Engineering,
 Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
 Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
 V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
 and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
 Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
 O. Petrin, Head of TSU Press; L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor;
 Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov,
 PhD in Chemistry, Associate Professor; S. Sushchenko, Dr. of
 Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics,
 Associate Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy,
 Associate Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya,
 Dr. of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of History,
 Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor; E. Shragher, Dr. of
 Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
 д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
 д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
 д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
 д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
 канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
 д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
 д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
 д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
 канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
 д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
 д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
 д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilij P. Zinoviev,
 Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
 Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
 Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
 Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
 PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
 Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
 Doctor of Law, Professor
Lev M. Prokumentov,
 Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
 PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
 Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
 Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
 Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
 Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
 The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Богданова О.В., Власова Е.А. «Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя»	5
Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича	16
Криволицкая М.А. Языковая репрезентация отрицательных эмоциональных состояний в творчестве Л. Петрушевской	24
Лаврентьев В.А., Логачёва Е.В. Окаzionale слово- и фразеотворчество в художественной прозе С.А. Есенина	33
Мазуров А.Е. Историко-краеведческая тема в интернет-изданиях (на примере материалов «Томского обзора», 2018–2020)	45
Трофимова Н.А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии)	57
Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение»)	72

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Апенько С.Н., Ефимова Г.З., Семёнов М.Ю. Компетенции команд как фактор успешности проектов трансформации университетов: межстрановой анализ	81
--	----

ФИЛОСОФИЯ

Мерзляков С.С., Сухина Т.С. Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации. Результаты интервью. Часть 2	95
--	----

ИСТОРИЯ

Зеляк В.Г. Динамика золотодобычи в Сибири в 1920–1922 гг.	102
Каменецкий И.П. «Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг.	108
Мажинский С.В. Почему Сибирь не Америка: особенности сибирского характера	114
Макеева С.Б. История развития китайского города Харбин в системе межмуниципального сотрудничества с Россией (1993 г. по настоящее время)	121
Малютин Т.П. Освобождение Крыма: отступление румынского горного корпуса под натиском советских войск в апреле 1944 г.	130
Очиров У.Б., Шургучиева В.С. Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX вв.: особенности правоприменительной практики	139
Реент Ю.А. События августа 1991 г. в лицах: штрихи к портрету члена Государственного комитета по чрезвычайному положению Д.Т. Язова	145

CONTENTS

PHILOLOGY

Bogdanova O.V., Vlasova E.A. Gogol's "personality anatomy" in Abram Tertz's narrative <i>In the Shadow of Gogol</i>	5
Dubakov L.V. Buddhist aspects of the image of Baron Ungern von Sternberg in the story <i>Horsemen of the Sands</i> by Leonid Yuzefovich	16
Krivotvorskaya M.A. Language representation of negative emotional states in works by Lyudmila Petrushevskaya	24
Lavrentev V.A., Logacheva E.V. Occasional word- and phrase-creating in Sergei Yesenin's literary prose	33
Mazurov A.E. The specificity of the coverage of the historical and local history topic in online publications (on the example of the materials of <i>Tomskiy Obzor</i> , 2018–2020)	45
Trofimova N.A. Metaphors of pandemic discourse (on the material of German media)	57
Frik T.B. "Zhukovsky is our true brother": Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle)	72

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Apenko S.N., Efimova G.Z., Semenov, M.Yu. Team competencies as a factor of success of university transformation projects: A cross-country analysis	81
---	----

PHILOSOPHY

Merzliakov S.S., Sukhina T.S. Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 2	95
---	----

HISTORY

Zelyak V.G. Dynamics of gold mining in Siberia in 1920–1922	102
Kamenetskiy I.P. The "ambassadorial affairs" of the Tomsk Cossack Yemelyan Vershinin in the 1630s–1640s	108
Mazhinskiy S.V. Why Siberia is not America: Features of the Siberian character	114
Makeeva S.B. The history of the development of the Chinese city Harbin in the system of inter-municipal cooperation with Russia (from 1993 to the present)	121
Malyutina T.P. The liberation of Crimea: The retreat of the Romanian Mountain Corps under the attack of the Soviet troops in April 1944	130
Ochirov U.B., Shurguchieva V.S. The stages of the trial in the Kalmyk steppe in the second half of the 19th – early 20th centuries: Features of law enforcement practice	139
Reent Yu.A. The heroes of the 1991 August Coup: Glimpses of the portrait of Dmitry Yazov, a member of the State Committee on the State of Emergency	145

Самрина Е.В. Идеи самоуправления в национальном движении хакасов в 1905–1907 гг.	151
Шульц Э.Э. Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций	156

ПЕДАГОГИКА

Горская И.Ю., Баймаков Г.С., Аверьянов И.В., Мироненко Е.Н. Аналитический обзор зарубежных публикаций по проблемам подготовки в футболе	165
Дубровская Ю.А., Руденко Г.В., Пихконен Л.В. Комплекс специальных упражнений для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей	175
Косова Е.А. Корпус стандартов цифровой доступности: современный этап развития применительно к электронному обучению	183
Савченко И.А., Алоян Ж.Л., Барсегян С.С. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения	195
Смышляева Л.Г., Семенова Н.А., Куровская Л.В., Смышляев К.А. Оценка и развитие профессионализма преподавателей высшего педагогического образования: изменения концепции и технологии	209

ПРАВО

Боронина В.С. Коллизии административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации	221
Вылегжанин А.Н., Штодина Д.Д. Международно-правовая характеристика регулирования онлайн-торговли в США и ЕС	227
Гончарова В.А., Иванов В.В., Трубникова Т.В., Чурилов А.Ю. Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология	240
Долгиева М.М. Цифровой объект преступления	253
Кравец И.А. Конституционное право на биоэтическое благополучие и достоинство пациента в сфере биомедицины: перспективы нормативной, законодательной и судебной конституционализации (отечественный и международный аспекты)	261

Samrina E.V. Ideas of self-government in the Khakas national movement in 1905–1907	151
Shults E.E. Comparative historical analysis in the prediction of revolutions	156

PEDAGOGICS

Gorskaya I.Yu., Baimakov G.S., Averyanov I.V., Mironenko E.N. An analytical review of foreign publications on the problems of training in football	165
Dubrovskaya Yu.A., Rudenko G.V., Pikhkonen L.V. A set of special exercises for the formation of professionally significant physical qualities of mine rescuers	175
Kosova Ye.A. Corpus of digital accessibility standards: The current stage of development in relation to e-learning	183
Savchenko I.A., Aloyan Zh.L., Barseghyan S.S. The Russian language in modern Armenia: Elements of comparative learning	195
Smyshlyayeva L.G., Semenova N.A., Kurovskaya L.V., Smyshlyayev K.A. Assessing and developing the professionalism of professors of university teacher education: Changes in concept and technology	209

LAW

Boronina V.S. Collisions of administrative legislation on road safety in the Russian Federation	221
Vylegzhanin A.N., Shtodina D.D. International legal characterization of e-commerce regulation in the US and the EU	227
Goncharova V.A., Ivanov V.V., Trubnikova T.V., Churilov A.Yu. A narrative approach in legal research: Purpose and methodology	240
Dolgieva M.M. Digital crime object	253
Kravets I.A. The constitutional right to bioethical well-being and patient dignity in biomedicine: Prospects for normative, legislative and judicial constitutionalization (domestic and international aspects)	261

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.161.1
doi: 10.17223/15617793/483/1

«Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя»

Ольга Владимировна Богданова¹, Елизавета Алексеевна Власова²

^{1,2} *Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*
¹ *olgabogdanova03@mail.ru*
² *kealis@gmail.com*

Аннотация. На материале книги «В тени Гоголя» А. Терца анализируется контентно-нарративная система «филологической прозы» А. Синявского. В ходе интертекстуального анализа выявляются научные интенции литературоведения Терца, обнажаются стратегии «свободной» интерпретации «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголя, прослеживается процесс актуализации философской компоненты художественного дискурса писателя. Дезавуируется идея «терцированного» Гоголя, предстающего в диалектическом синтезе творца и мыслителя.

Ключевые слова: современная русская литература, Абрам Терц, «В тени Гоголя», «филологическая проза», дискурс научный и художественный

Для цитирования: Богданова О.В., Власова Е.А. «Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 5–15 doi: 10.17223/15617793/483/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/1

Gogol's "personality anatomy" in Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol*

Olga V. Bogdanova¹, Elizaveta A. Vlasova²

^{1,2} *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*
¹ *olgabogdanova03@mail.ru*
² *kealis@gmail.com*

Abstract. The article aims to analyze the content and narrative systems of Andrei Sinyavsky's "philological prose" based on the material of Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol* and to prove the involvement of his "literary essay" in modern Gogol studies. The authors explore the little-studied text of Sinyavsky-Tertz, trace the history of the perception of *In the Shadow of Gogol* by modern Gogoliade, review a number of critical provisions of modern science about the Russian comedian, and on this foundation to justify the scholarly potential of the neotraditionalist researcher. The main methods the authors used in the study are historical-literary, comparative-historical, intertextual, in their unity and complementarity. The comprehensive approach showed the new facets of Sinyavsky-Tertz's creative talent. The analysis identified the main research strategy of the "free" investigation by Tertz – the structural and compositional integrity of the work, the setting of the research aim and objectives, the choice of the research methodology, the use of references and bibliography, the following of the logic, analytical thinking, focus of final conclusions, etc. The format of the research (for example, a "dissertation"), which Sinyavsky-Tertz resorted to, allowed the authors to trust the research hypothesis proposed in the work and related to the understanding of the personality of the "Tertzian" Gogol, an artist and thinker. In Sinyavsky-Tertz's opinion (contrary to the traditional scholarly view), Gogol did not experience a "spiritual crisis" in the last years of his life, but by the end of the first volume of *Dead Souls* and the final *Selected Passages from Correspondence with Friends* he returned to his origins and authenticity rising above his own literary works that served him as "material" support in his metaphysical quest and approaching the transcendent philosophical understanding of universal truth. Sinyavsky-Tertz subjects Gogol's "personality anatomy" to associative and metaphorical analysis, and comprehends it in several stages: (1) on the basis of a detailed literary analysis of the texts of the comedy *The Government Inspector* and the novel-poem *Dead Souls*, and (2) in the course of a comparative analysis of the discourses of fiction and journalism (mainly epistolary ones). Combining the various components of Gogol's creative personality leads the researcher to realize the unity and integrity of the path of Gogol-the writer and Gogol-the thinker, avoiding the "mystical crisis" (or "madness"), its gradual and cross-cutting evolution towards a deeply philosophical perception of the world and person. The authors reveal solidarity to Sinyavsky-Tertz's position and draw a conclusion that the researcher's judgments are substantiated and persuasive. The results obtained show that Sinyavsky's hypothesis is valid for a number of criteria and can (should) be

perceived by modern Gogol studies as a research conception that opens up new perspectives for understanding Gogol's personality and works.

Keywords: modern Russian literature, Abram Tertz, *In the Shadow of Gogol*, "philological prose", scientific and literary discourse

For citation: Bogdanova, O.V. & Vlasova, E.A. (2022) Gogol's "personality anatomy" in Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/1

Введение. История вопроса

Книга «В тени Гоголя» (1970–1973), созданная вслед за «Прогулками с Пушкиным» (1966–1968), представляет собой второе произведение Абрама Терца / Андрея Синявского, выстроенное в стратегиях «филологической прозы». Появление «В тени Гоголя»¹ не было связано с очередным скандалом, скорее, наоборот – книга о Гоголе была принята достаточно спокойно и по-своему доброжелательно. Синявский избежал агрессивных нападок; споры вокруг книги возникали, но были немногочисленны и оказались более сдержанными. По выражению одного из исследователей, по всем признакам «книга о Гоголе <...> осталась в тени «Прогулок»» [1. С. 145].

В 1970–1980-х гг. книга «В тени Гоголя» получила освещение только в зарубежной критике: в СССР имя Абрама Терца еще продолжало оставаться под запретом. При этом именно в критике русской эмиграции книга «В тени Гоголя» удостоилась самого резкого неприятия – в статьях Р. Плетнева «О злом суемудрии Абрама Терца» [2] и П. Файнштейна «Прогулки с Пушкиным в тени Гоголя: краткие заметки о прозе А. Синявского» [3]. Р. Плетнев не принял новую книгу Терца, поскольку полагал, что Синявский «жестко и грубо» исказил смысл сочинений Гоголя, «пошлыми» и «грубыми выпадами» оскорбил память русского классика, высказал так «много благоглупостей», исполненных «с чужого голоса» и пронизанных «советским душком», что терцевские писания достойны единственного определения – «сuemудрие» [2. С. 79]. П. Файнштейн обвинял Синявского-Терца в демонстрации симулятивных «философских размышлений», в создании «псевдолитературоведческого исследования», пронизанного «полной чушью» и написанного «исковерка<ным> русским языком» [3].

Однако наряду с остро критическими суждениями на Западе утвердилась и другая точка зрения: среди рецензентов настойчиво высказывались мнения о том, что с текстом Синявского-Терца «придется считаться всей регулярной армии историков русской литературы» [4. С. 9], что это «фундаментальный труд» [5. С. 215], что это «серьезный труд» [6. С. 9].

В России отклики на книгу Синявского-Терца стали появляться только в начале 1990-х гг. Возможность относительно свободно обсуждать произведение и опыт притяжения/непритяжения ранее появившихся «Прогулок с Пушкиным» приводили к тому, что в критике стали звучать суждения о большей основательности текста, о его аналитичности, даже о литературоведческой (научной) составляющей. Так, Ю. Манн, который и во время «круглого стола» в

«Вопросах литературы» отмечал исследовательские векторы мысли Синявского-Терца в «Прогулках с Пушкиным», теперь в связи с работой «В тени Гоголя» подготовил специальную статью – «Над бездной Гоголя» [7], с размышлениями над новым (для отечественного литературоведения) текстом. Следуя логике Синявского-Терца, исследователь осмысливает «бездны» личности и творчества Гоголя, представленные современным автором, обращает внимание на «диалектическую тонкость» «гоголевской логики», увлеченной Синявским, на «единение мистики и реальности», интерпретированных писателем, на «учительный пафос» художественного мироощущения, отрефлексированного Терцем [7. С. 30–33]. Известный специалист по Гоголю вполне серьезно и взвешенно – «непредвзято» [8. С. 100] – принимает наблюдения Синявского и сближается с ним в истолковании гоголевского «Ревизора», пьесы, по его словам, не только сатирической, но и философской.

Сходную открытость к научности суждений и наблюдений Синявского-Терца продемонстрировал и А. Жолковский в статье «Перечитывая избранные описки Гоголя» [9], когда в ходе анализа поздних произведений русского классика исследователь апеллирует к Синявскому и его книге «В тени Гоголя» без каких-либо оговорок или скидок и ставит наблюдения Терца в ряд с положениями известных гоголеведов С. Бочарова, Ю. Лотмана, Ю. Манна и др.

В 90-х десятки авторитетных ученых обращались к книге Синявского «В тени Гоголя». Исследователи находили «ряд внешних признаков серьезного <...> литературоведческого исследования», в частности «большой объем, обилие цитат, деление произведения на главы и даже приметы научного стиля речи» и уверенно предрекали, что «дальнейшая судьба произведения Абрама Терца о Гоголе будет напоминать судьбу научной монографии» [1. С. 143].

Ряд критиков квалифицировали «В тени Гоголя» как (около)научное исследование [10]. Например, А.С. Карпов подчёркивал «субъективность» работы, в которой, по его мнению, А. Терц выступает исключительно как художник [10. С. 57]. А. Терцу вменялось, что им создаётся «образ гения» [2. С. 58], тогда как «академическому литературоведению такого рода суждения противопоказаны» [10. С. 58]. Тем не менее преобладающей дефиницией текста (как и в случае с «Прогулками с Пушкиным») оставалась жанровая метафорика: чаще всего «В тени Гоголя» причисляли к эссе, нередко с уточнением – «фантастическое литературоведческое эссе», относили к «фантастическому литературоведению» [1. С. 132]. Вполне очевидно, что подобная дефиниция возникала как аналог и как

следствие понятия «фантастический реализм», которым окрестил собственную прозу Синявский: фантастический реализм → фантастическое литературоведение. Однако едва ли подобная квалификация может иметь прямое отношение к научному подходу: фантастическое по природе своей противоположно научному и дозволенное писателю не дозволено ученому. Другими словами, речь идет о том, что «фантастическое литературоведение» Синявского-Терца вовсе не фантастично, оно опосредовано исследовательской логикой, пронизано присущими литературоведу и филологу Синявскому прозрениями и точными наблюдениями. На наш взгляд, настало время отказаться от поэтичных определений и признать компетентность и серьезность открытий Синявского, понимая, что «В тени Гоголя» представляет собой не экзотический опыт филолога-писателя, а работу, вставшую в ряд с эссе Вл. Набокова «Николай Гоголь» и книгой А. Белого «Мастерство Гоголя». И если в отношении всех перечисленных работ – Набокова, Белого и Синявского – можно уверенно говорить о субъективности, то также необходимо признать, что Синявский, написавший эссе о Гоголе позднее Белого и Набокова, пошел дальше своих предшественников, предложив «миф о Гоголе». Это особенно актуально в настоящее время, так как, пройдя длительный этап постмодернистского литературоведения, современная наука все чаще прибегает к свободным («артистическим») формам научного изложения. Достаточно вспомнить исследования М. Эпштейна, А. Жолковского, П. Вайля, А. Гениса, В. Курицына и др. (не говоря уже о французских структуралистах и постструктуралистах). Вряд ли сегодня хотя бы одна из квалификационных научных работ способна избежать обращения к этим именам, хотя очевидно, что их филологические практики нередко ассоциативны, метафоричны, творчески «хаотичны» (как по характеру осмысления привлекаемого материала, так и по форме экспликации аллюзийных переключек). Но именно на этом пути все отчетливее стали формироваться пласты интертекстуального анализа, с одной стороны, вбирающего представление о традиции и эволюции русской литературы, с другой – активизирующего представление о «психологии творчества», опосредованного не только научным знанием (интеллектом), но и коллективным (или индивидуально-личностным) бессознательным. Именно Синявский-Терц с его «филологическими эссе» о русских классиках – Пушкине и Гоголе – стал родоначальником (основоположником) постмодерного «ассоциативного» литературоведения, прочно утвердившегося сегодня в отечественной науке и особенно в ее зарубежной ветви. Не признать причастность к науке «литературоведческих эссе» Синявского в начале XXI в. уже нельзя, отказаться от оправдательно-оценочной метафоры применительно к его работам необходимо.

Интертекстуальные корреляции повествования Абрама Терца

Контентно-нарративный план «В тени Гоголя» Синявского-Терца весьма репрезентативно раскрыва-

ется в плоскости интертекстуальных связей, которые демонстрирует его повествование. Если применительно к «Прогулкам с Пушкиным» первыми из претекстов Терца-пушкиноведа критика называла произведения В. Розанова, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского (см.: [11–13]), то в отношении к «В тени Гоголя» такую позицию могут (помимо В. Розанова) занять А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, В. Набоков и др., которые в том или ином качестве обращались к различным аспектам обширной гоголевианы.

Следует заметить, что отдельные исследователи уже обращали внимание на некоторые из вышеозначенных интертекстуальных корреляций и даже упрекали Синявского-Терца в плагиате. Так, Р. Плетнев, как уже было сказано, весьма критично настроенный по отношению к книге о Гоголе, упрекал Терца в отсутствии новизны его исследования и настаивал, что ряд положений, выдвинутых Синявским, «вторичен», его «откровения» заимствованы у предшественников. Например, по Плетневу, мысль Синявского-Терца о рождении русского реалистического романа не в рамках творческих поисков Пушкина или Лермонтова, но в творчестве Гоголя, по наблюдению критика, принадлежит А. Белому и почерпнута из его работы «Мастерство Гоголя» [2]. Или: суждения Синявского-Терца о «Выбранных местах из переписки с друзьями», по утверждению Плетнева, напрямую связаны с Набоковым и его фрагментом «Николай Гоголь» [2].

Можно предположить, что Синявский действительно (особенно после освобождения из лагеря) в процессе работы над «своим» Гоголем мог обращаться и к А. Белому, и к «Лекциям по русской литературе» Набокова. Однако, на наш взгляд, нет необходимости искать в работе Синявского-Терца следы плагиата: опора на предшественников и связь с ними отличает все серьезные научные работы, в том числе в области литературоведения.

Действительно, когда Синявский-Терц размышляет о творческой судьбе Гоголя в первой (вступительной) части своей большой работы – «Эпилог» – и опирается преимущественно на «Выбранные места из переписки с друзьями», кажется, можно усмотреть связь с представлениями о Гоголе В. Набокова. Начать можно с того, что Синявский-Терц открывает свои размышления, как и Набоков, «диахронически» – смертью Гоголя, отталкиваясь от «странных» обстоятельств последних лет (месяцев и дней) писателя. Можно было бы сказать, что вслед за Набоковым Синявский-Терц весьма несерьезно размышляет о серьезном. У Набокова: «Парочка чертовски энергичных врачей, которые прилежно лечили его (Гоголя. – О.Б., Е.В.), словно он был просто помешанным <...> пыталась добиться перелома в душевной болезни пациента...» [14. С. 112]. Оценочные эпитеты (чертовски энергичные) и выразительные номинативы (слабительные, помешанный, чуть позже – дьявол и др.) изначально формируют стилевую доминанту набоковского повествования, указывая на возможный претекст Синявского, из которого словно бы «заимствуется» композиционная форма и речестилевая ма-

нера Терца. Однако Синявским были уже написаны «Прогулки с Пушкиным», в которых свобода стиля определялась далеко не плагиатом или заимствованием, а собственной установкой на либертальность слова, мысли, творчества. Использованная Синявским-Терцем манера повествования уже была опробована и в малой степени зависела от Набокова. Более того, когда Набоков писал о Гоголе, что тот «погубил свой гений, пытаясь стать проповедником» [14. С. 34], и когда в этой мысли некоторые исследователи усматривают близость Синявского Набокову, то они решительно ошибаются. Весь «Эпилог» Синявского-Терца подводит не к мысли об утрате таланта Гоголя в последние годы жизни (традиционный ракурс), а об органичности писателю тех философских посылов и постулатов, которые утвердились в нем к концу жизни и вышли на передний план в его «переписке с друзьями». В отличие от Набокова Синявский-Терц не говорит о деградации человека и писателя, но, наоборот, высказывает гипотезу о том, что мнимый кризис Гоголя в последние годы его жизни на самом деле таковым не был. По мысли Синявского, к концу жизни Гоголь вернулся к себе настоящему, истинному, к тому, каким он был всегда и с которым он в себе боролся всю жизнь, чтобы находиться во взаимосвязях с другими (в том числе с литературой).

Синявский: «Однако <...> поздний Гоголь это не какой-то другой, видоизменившийся или пошатнувшийся, автор, но в точности тот же самый, лишь откровенный со своей оборотной, теневой стороны (либо вышедший наконец-то на свет из темноты своего прошлого творчества). Что оба антипода как нельзя удачнее уравновешивают и дополняют друг друга, складываясь в единую фабулу завершенной судьбы человека, расплатившегося при жизни – во второй половине пути – за вину (или благо) первой своей половины...» [15. С. 38].

Едва ли можно согласиться с кем-то из исследователей (критиков), что Синявский-Терц воспроизвел в подобном размышлении чью-либо мысль или суждение. И хотя отголоски сходных мыслей вычитываются у Брокгауза и Ефрона («Энциклопедический словарь»), но очевидно, что Синявский первым в современном гоголеведении решился со всей определенностью высказать подобное суждение, в котором, на наш взгляд, контент возможности и допустимости ничуть не ниже, чем сущность вероятности. Мысль Синявского, что Гоголь «носил в себе смерть от своего рождения» [15. С. 10] и что «смерть лишь прогрессировала по мере того, как он жил» [16. С. 10], в прошлом близкая символистским мистериям Дм. Мережковского, в перспективе присутствующая в текстах современных постмодернистов (Д. Пригов, Л. Петрушевская, В. Сорокин, В. Пелевин и др.), в интерпретации Терца обретает характер аксиомы, не требующей доказательств и отчетливо прочерчивающей трагическую линию жизни Гоголя.

Нечто подобное можно сказать и о «заимствованиях» (приписанных Синявскому-Терцу) «от» А. Белого. Можно было бы согласиться, что Андрей Белый – «задолго до Терца» [2. С. 78] – уже размыш-

лял о том, что Гоголь – «отщепенец», что он не утвердился ни в «его породившей среде», «ни в какой другой...» [16. С. 15]. Можно было бы признать, что А. Белый одним из первых заговорил о «грехе» и «трагедии» отпадения «самодостаточной личности», в частности Гоголя, от «монолитного коллектива» [16. С. 67] рода, однако Синявский, если вдуматься в суть его размышлений, говорит решительно об ином – об отсутствии трагедии Гоголя, скорее наоборот – о благодати и очищении, достигнутых на пути «отщепенства» писателем и человеком. Синявский размышляет: «Что если существует возмездие за писательский грех, то Гоголь уже на земле испытал весь ужас писательского же, по специальности, ада и ушел от нас примиренным, очищенным, расквитавшимся, в то время как у других всё еще впереди...» [15. С. 38]. Синявский-Терц не акцентирует мотив греха, вины или трагедии, которые сопутствовали Гоголю, но принимает его жизнь и судьбу без оценочных эпитетов, без модальной аксиологии и рассматривает уход Гоголя как подъем ввысь согласно последним словам писателя: «Лестницу, поскорей, давай лестницу!..» [15. С. 63].

Классически образованный, прочно связанный с историей русской литературы, интертекстуально запрограммированный как филолог-специалист, Синявский не мог не знать Гоголя «от Набокова» или «от А. Белого», однако его собственные размышления о писателе не только не стали повторением ранее усвоенного, но и значительно отличались от того, что звучало в работах предшественников.

«Филологическая проза» А. Терца (от Пушкина к Гоголю)

Нет сомнения, что, еще работая над «Прогулками с Пушкиным», Синявский уже задумывался о Гоголе и постоянно апеллировал к нему, в компаративных стратегиях рассуждая о поэте-классике. Так, размышляя о «восприимчивости» («всеприимчивости») Пушкина, Синявский-Терц словно случайно касается в «Прогулках...» Гоголя и показывает, что тот «другой»: на фоне открытого и ясного Пушкина «вспомним Гоголя, беспокойно, кошмарно занятого собою, рисовавшего все в превратном свете своего кривого носа» [17. С. 373].

Или рассуждение о стиле Пушкина: «Если Гоголь все валит в одну кучу (“Какая разнообразная куча!” – поражался он “Мертвым Душам”, рухнувшим Вавилонскую Башней, недостроенной Илиадой, попытавшейся взгромоздиться до неба и возвести мелкопоместную прозу в героический эпос, в поэму о Воскресении Мертвых), то Пушкин по преимуществу мыслит отрывками. Это его стиль» [17. С. 390].

Даже о переписке поэта Пушкина в «Прогулках»: «Начав петербургский демарш преимущественно с посланий частным лицам по частному поводу, Пушкин наполнил поэзию массой <...> личного материала. <...> (Какой контраст Гоголю – кто частную переписку с друзьями ухитрился вести и тиснуть как государственный законопроект!)» [17. С. 401].

И подобного рода «отсылок» к Гоголю в «Прогулках с Пушкиным» множество. Работая над Пушкиным, Синявский-Терц неизменно сопоставлял одного и другого, как бы уже готовый обнаружить свои суждения о Гоголе, словно бы подготавливая «тень» будущего «терцированного» Гоголя-Яновского. Фактически сопоставляя писателей изначально, Синявский-Терц уже в «Прогулках» вычерчивал различные (противонаправленные) векторы эволюции и творческих судеб художников-современников. Формировал собственный гоголевский метатекст.

Как и в случае с «Прогулками с Пушкиным», доминантой «В тени Гоголя» остается проблема творчества – классическая проблема творца и его творения, предназначения поэта и поэзии. Но на примере Гоголя Синявский рассматривает другой вариант творческой «литературной матрицы». Если в ситуации «Прогулок» доминировал Пушкин-Поэт, то в атмосфере нового трактата, по Синявскому-Терцу, побеждала «тень» Гоголя, мистика Гоголя, т.е. не Гоголь-литератор, но Гоголь-мыслитель (религиозный метафизик).

Обращение Синявского-Терца к произведениям Гоголя не подчинено условной хронологии (как в «Прогулках»), но базируется в основном на двух выдающихся гоголевских творениях – «Ревизоре» и «Мертвых душах». И оба произведения служат Синявскому не столько материалом для литературоведческого анализа, сколько фундаментом («пейзажем») для осмысления творческой личности Гоголя, пронизанного «обратной перспективой» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Если исходным претекстом для «Прогулок» служил двухтомник В. Вересаева «Пушкин в жизни», то вересаевский «Гоголь в жизни» (1933), построенный по тому же принципу, что и хроника о Пушкине, по видимому, оказался вне поля зрения (или доступности) Синявского, так как собранный Вересаевым эпистолярный о Гоголе на страницах книги Терца не актуализируется (если только в «растворенном» виде). Между тем интенция писателя-исследователя – быть честным и объективным – остается «вересаевской». Даже принцип привлечения мемуарно-эпистолярного претекста, предложенный Вересаевым и опробованный Терцем в «Прогулках», сохраняется в структуре книги «В тени Гоголя». Размышления исследователя подкрепляются цитатным материалом из «переписки с друзьями», в необходимых случаях – выдержками из критических и литературоведческих работ (былого С.Т. Аксакова или современного М. Гершензона), сопровождаются библиографическими отсылками, указанием на авторство, дату, «географию прозы [цитаты]». При этом основой интертекстуальных пересечений в «В тени Гоголя» остается претекст Гоголя, интерпретируемый в собственном терцевском (синявском) ракурсе, позволяющем создать новое научно-художественное исследование.

Ахроническая композиция «В тени Гоголя», начиная с «Эпилога» (со смерти Гоголя) и пронизанная мыслью о возвращении Гоголя в «Выбранных местах...» к самому себе (о предсмертном возвышении

Гоголя), позволяет Синявскому-Терцу «от обратного» взглянуть на тексты писателя, с точки зрения уже известного будущего осмыслить пока (в ходе анализа) еще не осознанное настоящее. Обратная перспектива исследования позволяет Синявскому-Терцу не столько выдвигать гипотезы, сколько склоняться к умозаключениям. Синявский-Терц, кажется, поступает алогично. Но взгляд «из будущего», с позиции «всезнания» дает исследователю право (и возможность) сопоставлять разновременные факты и события в жизни и творчестве Гоголя не эволюционно, но революционно, не последовательно, но стадияльно. «Параллельные» планы обеспечивают Синявскому-Терцу стереоскопию видения, глубину макропроекции.

«Ревизор» Гоголя в восприятии Абрама Терца

В традиции классического литературоведения уже в начале изыскательской практики текст первого из выделенных для анализа произведений – «Ревизор» – помещается Синявским-Терцем в рамки литературной преемственности: исследователем изначально устанавливается связь гоголевской комедии с «Недорослем» Д. Фонвизина и «Горем от ума» А. Грибоедова (точнее, на их фоне констатируется отход от устаревшего к 30-м гг. XIX в. комедийного канона). Синявский: «...комедия – меньше, чем в два месяца, – выскочила из-под пера, рядом с ней другие, виднейшие творения отечественной комедиографии – “Недоросль” и “Горе от ума” – смотрели мрачнее трагедии. Так и назвал их Гоголь – трагедиями <...> бесконечно дивясь, до чего ж неуклюжи, бесформенны и нисколько не смешны эти основоположники русской комедии по сравнению с “Ревизором”» [15. С. 66].

С одной стороны, как квалифицированный ученый Синявский расчищает «матрицу», встроенную в «Ревизор» из прошлого века, – комедия опирается на знаменитое классическое «триединство» (единство места, времени, действия) [15. С. 68], в ней репрезентированы устойчивые фабульные узлы-коллизии, прослеживаются линии знакомых сюжетных «интриг» [15. С. 68]. «...в проекции, в схеме, эта комедия восходит к той же традиционной, из восемнадцатого века, канве (с которой Гоголь был прочно связан), откуда повелись и Фонвизин, и Грибоедов со своим ревизором Чацким, и множество других ревизоров, прокуроров, резонеров, приезжающих в собрание плутов и дураков, с тем чтобы всех распекать, выводя на чистую воду, к большому удовольствию зрителей» [15. С. 67].

Однако, с другой стороны, «нетрадиционный» исследователь позволяет себе увидеть новизну (новаторство) Гоголя, но не в том направлении, которое предлагала советская наука: «Замените в “Недоросле” Правдина – Вральманом, у Грибоедова вместо Чацкого поставьте Загорецкого, и вы получите почти готовый гоголевский “Ревизор”. Гоголь произвел эту простую замену и вместо ревизора привез в город вралья, болтуна, словоохотливого “резонера” в кавычках, от которого вся комедия зажглась, заиграла красками, забродила кровью нового, не верящего в добродетели

века и в этом смысле стала менее “Ревизором”, чем “Недоросль” Фонвизина и “Горе от ума” Грибоедова» [15. С. 67]. Смелые «перестановки» и знаменитые терцевские «перевертыши» позволяют Синявскому под иным углом зрения взглянуть на классические произведения русской литературы и их «внутреннюю связь» с «Ревизором» обнаружить на другом уровне.

Тип центрального героя комедии XVIII в. – герой-резонер (например, Стародум у Фонвизина) – по Синявскому-Терцу, остается в фокусе гоголевской комедии. Однако у Гоголя это резонерствующий герой «в обратном, минусовом значении», «перевертыш». По Синявскому, «...лже-ревизор Хлестаков оказался ключом, от завода которым (в обратную сторону) “Ревизор” играет, наподобие чудесной шарманки, исполняющей административный мотив с бурностью польки-мазурки, или, вернее, в более гибком, изысканном, хотя, может быть, и чуточку старомодном, упоительно капризном, порхающем ритме менуэта» [15. С. 67].

Синявскому-Терцу достает наблюдательности, чтобы связать природу легкости гоголевской комедии с французским театром – сопоставить с «плутами Бомарше» и «эскападами Лопе де Вега» [15. С. 68], проследить по-французски «пружинистое продвижение действия». Однако (в отличие от французских комедографов), как показывает Синявский-Терц, Гоголь успешно избегает традиционной любовной интриги – отказывается от канонически обязательного «сговора невесты» (в том числе традиционного для «Недоросля» и для «Горя от ума»). Синявский высоко оценивает талант Гоголя, сумевшего обойтись без «типично комедийной пружины»: «Гоголь и без любви добился всех тех отличий, которые за граница добывала любовной наживкой» [15. С. 69]. Пратекстуальный канон, как показывает Синявский-Терц, успешно преодолевается Гоголем, творя своеобразие новой комедийной классики.

Несмотря на характер повествования (изложения материала) – вольного и неакадемичного, в самой сути наблюдений Синявского-Терца сохраняется профессиональный градус научного изыскания, предлагающего к осмыслению точные и аналитичные наблюдения. Форма наррации, к которой прибегает Синявский-Терц, только на первый взгляд может показаться вненаучной. По утверждению В. Колоновского, Синявский-Терц – специалист высокого уровня и широкой эрудиции: «Вы не просто читаете его книги. Вы вычленяете исторические параллели, ассоциативные связи, замечаете неожиданные стилистические обороты и гротескные аллюзии, расшифровываете автобиографические эпизоды. Чтобы понимать Синявского, надо обладать знаниями историка, навыками детектива и упорством Сизифа» [18. Р. 386].

Артистизм повествовательной манеры Синявского-Терца не должен отвлек от сути неожиданных для традиционной отечественной гоголевианы серьезных интерпретаций, которые предлагает исследователь. В этом плане обращает на себя внимание аналитика сюжетной коллизии «Ревизора», понимание особенности

и самобытности гоголевской комедийной конфликтности. По Синявскому-Терцу, «у Гоголя, по русским обычаям, сюжет заполнен всецело общественным интересом, не оставляющим места иного рода страстям». С точки зрения исследователя и очень по-гоголевски это «национальная наша черта – привязанность не к личным причинам, но к устремлениям общества» [15. С. 69]. Свобода нарративной манеры не отвлекает от убедительности того, что «сюжет, подсказанный Пушкиным, как и просил Гоголь, [действительно] оказался чисто русской, принципиально русской закваской» [15. С. 70].

Не признать эту особенность русской драмы (шире – литературы) нельзя: неслучайно едва ли не в каждой русской пьесе должен быть актуализирован общественный и гражданский аспекты (ракурсы), социальная драма (как известно) – одна из самых устойчивых жанровых разновидностей русского театра (драма социально-психологическая, социально-философская, социально-публицистическая, социально-политическая и др.). При этом, выводя такую особенность в гоголевском «Ревизоре», Синявский не абсолютизирует ее: «...административный восторг принимает в “Ревизоре” гривуазную даже форму. В изгибах Городничего, в готовности Бобчинского бежать “петушком” за дрожками, в податливом словце “лабардан-с” есть что-то от любовной истомы». По Синявскому, Хлестаков «под юбки <...> залезает не ловеласом, но ревизором» [15. С. 69] – и подобное суждение не только остроумно, но и точно.

Несмотря на поэтический слог, к которому нередко прибегает Синявский-Терц² (огромные стилистические периоды, обилие и протяженность рядов однородных членов, риторические конструкции, перебивки речи, парцелляция и проч.), исследователь пошагово, последовательно раскрывает «механизм» комедийной интриги и в «более научных» [15. С. 71] стратегиях подводит к выявлению своеобразия гоголевского текста.

Как и предполагает научное исследование, в центре анализа «Ревизора» у Синявского-Терца оказывается система образов героев гоголевской пьесы. С одной стороны, отметив «общественный» характер конфликта комедии Гоголя, Терц, с другой стороны, подчеркивает: «Нравственное негодование, которое якобы мы призваны испытывать при виде “Ревизора”, возможно только как чувство головное и отвлеченное, появляющееся в процессе наших собственных рассуждений на тему, что вот де целым светом заправляет шайка безбожников. Непосредственно от соприкосновения с пьесой – читательски, зрительски – это чувство не возникает» [15. С. 72]. И, как следствие, один из центральных героев «Ревизора» – Хлестаков – не воспринимается Синявским как обличитель (обыкновенно, со школьной скамьи, этимологически фамилия героя производится от глагола «хлестать», т.е. бичевать, обличать, критиковать)³. Однако Синявский верно подмечает, что в комедии «нет никого, кто бы подлинно потерпел от властей и общественных порядков»: «Здесь нет добродетели, здесь все в меру порочны, и поэтому, собственно, нам не за что беспо-

коиться. Купцы-аршинники? Да это ж первые воры и, ошипанные Городничим, без промедления обрастают. Слесарша и унтер-офицерша, представляющие, так сказать, пострадавшее население? Но обе они, мы видим, своего не упустят и в жадности, глупости, ругани не уступают начальству...» и т.д. Синявский тонко улавливает сочувствие Гоголя к его героям, умение посмеяться над ними, но при этом продолжать их любить. «Жаль, по-человечески жаль лишь виновников беззакония, попадающих к исходу комедии в крайне неприятный расклад. И более всех жаль, конечно, Городничего: его падение всех ужаснее, хотя, понятно, и всех смешнее» [15. С. 72].

Объективность Синявского-Терца в умении разглядеть интенцию автора и его особая «терпимость» оказываются «близко родственны» Гоголю. Позиция писателя и позиция исследователя сближаются и порождают интертекстуальную корреляцию, усиливая и дополняя друг друга. По Синявскому, отказ от «многопудовой инерции» [15. С. 73], бытующей в современной (советской тогда) науке, когда «персонажи “Ревизора” утрачивают свое обаяние, обращаются в манекены, в сатирические маски и хари» [14. С. 73], позволяет обнажить его в собственно гоголевском пафосе, в «дружелюбном слове» [15. С. 74].

Солидарность Синявского в отношении к классику перспективна: она дает возможность понять логику творчества и логику личностной эволюции (и революции) Гоголя. «Отринув предвзятость “свинных рыл” и имея дело непосредственно с текстом, как свободной от сторонних аналогий поэтической данностью, нетрудно убедиться, что персонажи комедии Гоголя, будучи до конца отрицательными, тем не менее остаются людьми и в этом качестве возбуждают сочувствие. Больше того, смех и посрамление отрицательного лица в значительной мере зиждутся на любовном вхождении в круг человеческих его интересов и снисходительном отношении автора к его слабостям и грехам». Выявленная еще в «Эпilogе» «кривая» жизни Гоголя актуализируется в рамках художественного текста писателя, эксплицируя веру писателя в человека, собственно гоголевский идеализм. «Здесь не просто любовь к сочному образу. Здесь любовь к человеку» [15. С. 74]. Метафизическая любовь Гоголя к человеку и желание (надежда) видеть его будущее совершенство, особым образом проступившие в «Выбранных местах из переписки с друзьями», увязываются Синявским-Терцем с художественным творчеством писателя, словно бы подтверждая высказанную в «Эпilogе» (= прологе) мысль о возвращении Гоголя в последние годы жизни к себе раннему, всегдашнему, к утопическому философу: «вдохновляться мелочным бытом» [15. С. 78] и «любить и лелеять, кого только что презирали» [15. С. 79].

«Мертвые души» Гоголя в восприятии Абрама Терца

Литературоведческий текст Синявского-Терца мощно насыщается философемами Гоголя, прочно соединяя в себе строго научный подход и интертек-

стуальную аллюзийность. И на этом пути роман-поэма «Мертвые души» в контексте автотекстуальных «Выбранных мест...» дает Синявскому возможность постичь «анатомию личности» [15. С. 127] Гоголя, через призму своеобразной «авторской исповеди» вырисовать «рельеф<ный> портрет» [15. С. 112] писателя и человека.

Сохраняя свободную манеру повествования, Синявский-Терц (как и в размышлениях о «Ревизоре») на материале «Мертвых душ» реализует нарративные стратегии, близкие логике научного изыскания или аудиторной лекции. «Свободный ученый» в самом начале главы «Мертвые души» озвучивает бытующий гоголеведческий тезис, который он намерен оспорить или подвергнуть ревизии: «Мы привыкли думать, что Гоголя погубила религия, по вине которой он отрекся от литературы, впал в мистицизм и т.д. Но...» [15. С. 115]. Репрезентативный план Синявского-Терца таков, что он исходно демонстрирует знание «истории вопроса», но тут же фокусируется на новизне научного исследования и предлагает собственную «рабочую гипотезу». По существу, каждый последующий (под)тезис Синявского, призванный развернуть его основной «контртезис», структурируется и формулируется в стратегии оппозиционности: «...завершалась работа над первым томом “Мертвых душ”, положившая конец литературному дарованию Гоголя. Но...» [15. С. 118]. Синявский-Терц открыто вступает в конфронтацию с существующими тенденциями традиционного гоголеведения и предлагает новые перспективы осмысления личности и творчества «странного» позднего Гоголя, оставаясь в рамках научной системы и приемов литературоведческого анализа.

Вопреки дефиниции повествования Терца как «фантастического литературоведения» Синявский не отвергает существующие знания, но аксиологически взвешивает их. Повествованию Терца о «Мертвых душах» характерны диалогически структурированные обороты «Перед нами пример...» [15. С. 119], «...привычно думать» [15. С. 115], «широко и подробно был освещен...» [15. С. 93], «делались попытки отыскать...» [15. С. 152]. Или, например: «Документами биографии Гоголя можно без труда подтвердить...» [15. С. 135]. То есть Синявский фундаментализирует свои наблюдения над «Мертвыми душами», предлагает их (как и в случае «Ревизора») на фоне и в контексте уже существующих (бытующих) концепций.

Между тем острота научного видения позволяет Синявскому-Терцу преодолеть (игнорировать) привычную общетеоретическую «аксиому» о несовпадении автора и героя, личности и персонажа. Канонический «лирический герой» (например, не равный Пушкину ни в одном из его поэтических текстов) революционно опровергается Терцем в его аналитических размышлениях о Гоголе. И даже более того – исследователь смело запараллеливает и совмещает Гоголя и «мертвые души» (реальную личность и вымышленный персонаж). Синявский выдвигает «крамольную» гипотезу: «биография подлинника» превращается в «фабулу романа» [15. С. 121], «...именно с ними, с

мертвыми душами своей поэмы, он [Гоголь] устанавливает душевную близость» [15. С. 126].

На основе «неожиданного сближения» Синявский-Терц подступает к осознанию сущности не столько собственно художественного текста, сколько глубин психологии творчества. По Синявскому: «Одно из чудесных внушений, как сделалось известным из достаточно откровенных признаний Гоголя, состояло в том, что он должен наделять персонажей собственными пороками и освобождаться от них по мере литературной работы. Этим убивались сразу два зайца: писатель оснащал и уваживал произведение хорошо ему знакомым, взятым из души материалом, и сам постепенно становился лучше и чище, расправляясь со своими грехами» [15. С. 122].

Сегодня современную литературоведческую науку уже нельзя удивить сентенцией о «писательской психотерапии» (например, широко известны слова В. Сорокина о начале его творчества как отвлечении от (юношеской) травмы головы; сходная «травматическая» ситуация лежит и в основе романа С. Гандлевского «Трепанация черепа»). Однако в начале 1970-х гг., когда писалась книга «В тени Гоголя», отечественное литературоведение было еще далеко от «психотерапевтической» стороны вопроса, и Синявский-Терц обнаруживал редкое мужество (особенно применительно к классическому Гоголю). Синявский был склонен к убеждению: «Творческий процесс [в “Мертвых душах”], таким образом, непосредственно смыкался с усилиями по переделке собственной личности, которая всё яснее осознавала себя в ходе внутреннего допроса и духовного созидания. Рационалист-аналитик протягивал руку художнику, и вместе они заключали союз с человеком, поставившим дело исправления и спасения души во главу угла» [15. С. 122]. Ранее «разрозненный» (ранний и поздний) Гоголь предстал в размышлениях Синявского-Терца личностью и творцом одновременно, в неразрывной совокупности, казалось (традиционным гоголеведам), различных его ипостасей, единым и цельным вместилищем «невероятной полноты и густоты» [15. С. 119].

Еще не найдя, не выработав терминологический инструментарий для «литературного психоанализа» (и не ставя перед собой такой задачи), не квалифицируя творческий процесс Гоголя как «автопсихологизм», Синявский-Терц фактически открывает пути «психотехнологиям» и «психодиахронологии» известного специалиста по психоанализу И.П. Смирнова [19 и др.]. На этом нетрадиционном (особенно в 1970-е гг.) направлении Синявский-Терц приходит к убеждению: «В таком повороте творчество [Гоголя] закономерно обретает черты нравственного подвига и религиозного делания. Сама задача возведения литературного здания требует этого крена в сторону исследования и оздоровления души. Тем же высшим внушением, что побудило его “наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью”, Гоголю начали открываться его изъяны и недостатки. Строгий самоанализ и упорное морализа-

торство становятся неотъемлемым условием работы» [15. С. 123].

Синявского не останавливает мнимая некорректность в отношении к гению: он называет своими именами (вслед за Гоголем) «гадости» и «дряни», но именно это позволяет представить самое сложное произведение писателя в его автопсихологическом ракурсе: «В результате “Мертвые Души” обращаются в поле битвы между автором и его низменными свойствами, вынесенными во вне, в художественную плоть поэмы, которая вместе с тем сохраняет связь с его нутром и несет на себе следы душевного порождения» [15. С. 123].

Синявский-Терц напоминает о «дряни»: «Гоголь в молодости имел страстишку к приобретению ненужных вещей – всевозможных чернильниц, вазочек, пресс-папье: в дальнейшем она отделилась и развилась в накопительство Чичикова, изъятая навсегда из домашнего достояния автора. Или, скажем, за Гоголем замечалась охота к покупке излишних сапог – эта невинная страсть воссоздана в “Мертвых Душах” в загадочном ночном поведении поручика из Рязани, в конце седьмой главы беспрестанно примеряющего пятую пару сапог...». Однако Синявский-Терц понимает, что «мелкие раскопки», рассматриваемые отдельно от «творческой особи» [15. С. 152] Гоголя, мало что значат сами по себе. Исследователю-нетрадиционалисту важна «общая картина». По Синявскому, «Гоголь был и неизмеримо обширнее прочих своих современников и влекся к соединению в своем гении всех многосторонних способностей, обязанностей и полномочий» (выделено нами. – О.Б., Е.В.) [15. С. 153].

Посредством нетрадиционного анализа «Мертвых душ» Синявский-Терц выводит общую концепцию творчества писателя: «Странно вымолвить, но на путь христианского самосознания Гоголь был подвигнут в первую очередь творчеством» [15. С. 124]. По Синявскому, творчество писателя становится «делом спасения души» человека (неординарной личности). Казавшийся классическому гоголеведению «странным» переход Гоголя от писательства к философствованию у Синявского-Терца обретает законность и закономерность, логичность и доказательность: автопретекст, обильная цитация Гоголя служат «суммарности» научной концепции исследователя.

Намерение Гоголя «устремить все общество и даже все поколение к прекрасному» [15. С. 125], по Синявскому-Терцу, питается «первичной» мыслью о бессмысленности существования и, как следствие, потребностью придать смысл «бессмыслице», к осмыслению направить себя и общество. В интерпретации Синявского-Терца, «“Мертвые Души” посвящены совсем не типам русских помещиков и не премудрым похождениям Чичикова, но подземной и всеобъемлющей мысли Гоголя о цели и бесцельности жизни. Потому они и были написаны, что сам он тогда, в работе над ними, сделался сопричастным этой идее в каком-то очень кровном и личном смысле» [15. С. 155].

При этом масштаб философско-религиозной прикровенности (растворенности) Гоголя, по Синявскому, оказывается вселенским, наднациональным. Исследователь проследживает протестантские и католические «пристрастия» Гоголя, закрепляя корни веры писателя (в опоре на эпистолярный) в православии. И в этой связи примечательно, что Синявский одним из первых приходит к вопросу об «итальянизированной» композиции «Мертвых душ». Причем «не по Данте», а по канону католичества. Действительно, может показаться неожиданным (с поверхностной стороны), что композиция поэмы опосредована католической структурной терцией: ад – чистилище – рай, тогда как православную свойственна диада: ад – рай. «Ступенчатость» католицизма, его постепенность и трехэтапность ближе опасениям Гоголя, связанным с «неготовностью» человека (любого человека, по Гоголю) к прохождению сложного пути «христианского самопознания» [15. С. 124].

Синявский-Терц различает в облике Гоголя «неслыханную жажду синтеза» [15. С. 141], когда нет необходимости и потребности разделять поэта и человека, творца и религиозного мыслителя. Тема творчества (поэта и поэзии) применительно к Гоголю обретает у Синявского категорически иной абрис, чем, например, ранее в связи с Пушкиным. Еще в «Прогулках с Пушкиным» Синявский-Терц реанимировал строку К. Рылеева «Я не поэт, а гражданин» в ее некрасовской огласовке: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» [17. С. 399]. Причем в связи с творческим «предназначением» Пушкина Синявский говорил о доминанте Поэта над Гражданином, отстаивая концепт «чистого искусства» («свободного искусства»). В размышлениях же о Гоголе исследователь расширяет аргументацию и актуализирует цитату из письма П.А. Вяземского о том, как Пушкин иронизировал в адрес рылеевской сентенции: «Если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом: если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозою» [15. С. 145]. Однако применительно к оппозиции «свет» ↔ «тьма» (Пушкин ↔ Гоголь) Синявский не делает примитивной полифонической перестановки, не поднимает в Гоголе Гражданина над Поэтом. В случае Гоголя Синявский-Терц приходит к более глубокому наблюдению, что «корни его гражданственности, как и общественной активности вообще, лежат глубже, в самой его поэтической природе» [15. С. 145], в единстве поэта и гражданина. В сложной личности Гоголя Синявский-Терц не разделяет слагаемые (впрочем, как не делает этого и применительно к Пушкину), стремится разрешить «загадку личности» [15. С. 144] Гоголя в их совокупности, дополнительной и суммарности. «Гоголю вообще не свойственно раздвоение на поэта и деятеля (или кого-то еще), и упорнее, чем кто-либо, он стреми<т>ся к их стройной гармонии в укрупненной и целостной личности поэта, которая, не изменяя своей природе, соединяет черты, встречающиеся в жизни обычно в разрозненном состоянии – деятеля, поэта, ученого, моралиста и т.д.» [15. С. 141].

Для Синявского-Терца в Гоголе-человеке и творце совершенству служат все мелочи и странности. «Подвиг позора, подвиг сожжения неудавшихся рукописей, подвиг скитания по европейским курортам... Это было, конечно, нелепо, комично, но в том-то и суть, что всё, что ни писал и ни делал Гоголь, являлось, согласно его внутреннему голосу, либо подвигом, либо приоткрытием к таковому». И при этом Синявский вновь актуализирует сопоставление с Пушкиным: «Как для Пушкина всякая поэтическая работа – безделица, так для Гоголя – подвиг» [15. С. 154].

Материальным воплощением духовного подвига Гоголя (его эквивалентом) Синявский-Терц видит роман «Мертвые души». «„Мертвые Души“ – это поэма о том, что сама природа и душа мира мертвы, доколе они, как Гоголь, не проникнуты сознанием высшего назначения. Весь ужас и вся беспросветная мгла его поэмы в том и состоит, что в мертвецы зачисляется всякий человек, какой только ни встретится нам на дороге, любого класса и звания, притом не отягощенный сверх меры какими-либо пороками, но просто заурядный, обыкновенный человек, взятый в разнообразии даже не недостатков, но темпераментов, свойств и портретов рода людского. Единственное уязвимое место, сводящее человека на нет, – пошлость, то есть *бесцельность и бессмысленность существования...*» (выделено нами. – О.Б., Е.В.) [15. С. 156].

По наблюдениям Синявского-Терца, пошлость в гоголевских «Мертвых душах» принимает образ не субъективной, личностной или национальной стихии, но универсального качества человеческой жизни, которое синонимично смерти и омертвелости всего мироздания. «Губернский город NN служил прообразом всего человечества, земного существования в целом, представленного разнообразными видами бесцельности (или бездельности), смыкавшими мировую жизнь с процессом омертвления мира» [15. С. 156].

Философский потенциал поэмы Гоголя «Мертвые души» возводится (проецируется) Синявским-Терцем фактически до уровня философии Н.В. Федорова с его идеей о воскрешении мертвых, провидчески эксплицированных исследователем в будущий посттекст. В «Мертвых душах», по мысли Синявского-Терца, обнаруживает себя «целеустремленная воля творческой энергии автора, созидающая колоссальное здание и вопиющая о смерти живых, для того чтобы в скором будущем те восстали из праха вместе с завершением книги, с достижением цели...» [15. С. 159]. Не педалируя связь Гоголя с символистской мирофилософией начала XX в., Синявский затекстово ее констатирует.

В отличие от исследователей-традиционалистов Синявский-Терц приходит к заключению, что Гоголь не просто писатель, не религиозный мистик, не «святой» (как у С. Аксакова: «...Гоголь для меня не человек... Я признаю Гоголя святым» [15. С. 160]) и не бес (как у В. Розанова: «Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило на нашу землю»), у Синявского Гоголь «одно слово – Гоголь» [15. С. 161].

Синявский исследовательски продуктивно соединяет накопленные общетеоретические знания гоголеведения

и собственные тонкие наблюдения (прозрения), создавая не традиционный литературоведческий анализ текста «Мертвых душ», которых существует множество, но на материале гоголевского художественного произведения – через посредство «выбранных мест из переписки с друзьями» – реинкарнирует «тень» Гоголя, расчищает от наслоений личность Гоголя, писателя, мыслителя, философа, религиозного мистика, гуманиста.

«Обратная перспектива», избранная в качестве доминантной формы научной рефлексии, позволяет Синявскому-Терцу через «позднего» Гоголя (как казалось, отошедшего от творчества) увидеть Гоголя «творческого», пишущего, созидającego и осознать единство его ипостасей. Потому, по Синявскому-Терцу, «самой гармонической личностью в русской литературе был, безусловно, Пушкин, но Пушкину то единство, на какое покусился Гоголь, и не снилось» [15. С. 173]. В представлении Синявского-Терца, Гоголь оказывается цельной и «равной себе» личностью, не достигшей кризиса в конце жизни, а преодолевшей кризис, в полной мере реализовав в себе те интенции, которые составляли его человеческую (личностную) сущность. «Гоголь со своей карикатурной внешностью, карикатурной психикой, карикатурной судьбой воспроизвел образец, который всегда и бесконечно будет манить человечество. Образец гармонической личности человека, заключающей собою единство всевозможных совершенств и достоинств. Не так, что с одной стороны писатель, а с другой христианин, с одной стороны умник, а с другой патриот, а так, чтобы все эти умы и таланты сливались в одно целое, взаимно помогая друг другу, перетекая и образуя стройный оркестр богоподобного Гоголя» [15. С. 172].

Заключение

Таким образом, подводя итоги анализу филологического исследования Синявского-Терца «В тени Гоголя», можно заключить, что в своей книге автор сделал значительный шаг вперед, с одной стороны, «учтя» упреки в «расхристанности» слога «Прогулок с Пушкиным» и в значительной мере «нейтрализовав» его, с другой – оставаясь верным принципу «чистого искусства», в том числе «чистоты» и свободы науки об искусстве (литературе), предложил неординарные (подчас спорные, но перспективные) наблюдения над творчеством и личностью Гоголя.

Примечания

¹ Впервые книга «В тени Гоголя» появилась в Лондоне в 1975 г.: Терц А. В тени Гоголя. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975. 557 p.

² Заметим, в тексте «В тени Гоголя» совершенно отсутствует «блатная фея». В работе о Гоголе Синявского больше привлекает контентность предложенных суждений и гипотез, а не намерение эпатировать читателей-реципиентов.

³ Авторы настоящей работы предлагают иную этимологию фамилии героя: не от глагола «хлестать», а от глагола «хлестаться» в значении «хвастаться» (например: «Ну хватит хлестаться!», т.е. «перестать хвастаться»), широко распространенную в Петербурге и, вероятно, чутко уловленную Гоголем, приехавшим из провинции. В этой связи фамилия героя «Хлестаков» по-гоголевски прочитывается как «Хвастунов».

Список источников

1. Ратькина Т.Э. Никому не задолжав... Литературная критика и эссеистика А.Д. Синявского. М. : Совпадение, 2010. 229 с.
2. Плетнев Р. О злом семуудрии Абрама Терца // Новый журнал. 1975. № 121. С. 72–80.

В этом плане наиболее значительные художественные тексты Гоголя – «Ревизор» и «Мертвые души», пропущенные через призму поздних гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», – дают исследователю материал, позволяющий на метатекстуальном уровне, во-первых, эксплицировать ранее не выявленные особенности неоднозначно-сложного поэтического мира Гоголя, во-вторых, на этом фундаменте спроецировать абрис философической сущности гоголевской личности, не распадающейся (как традиционно принято считать) на Гоголя «раннего» и «позднего», но увиденного Синявским-Терцем в его синтезе и синестезии.

Как и в «Прогулках с Пушкиным», тема творчества и предназначения поэта и поэзии остается в центре «В тени Гоголя», но она структурируется принципиально в ином аспекте – на первый план выходит тема творческой личности Гоголя, совокупная в своей художественной и личностной составляющих. В отличие от традиционных гоголеведов Синявский-Терц не усматривает «кризисности» в Гоголе времен «Выбранных мест из переписки...» – идея Синявского-Терца простирается на весь жизненный и творческий путь писателя, им самим определенный как поиск смысла, высшего человеческого предназначения, подъема ввысь по бытийной лестнице от житейской «бессмыслицы» к красоте беспредельного «дружелюбия» и человеколюбия.

Разгаданные Синявским-Терцем «тайны» и «загадки» художественной мистики Гоголя открывают перед исследователем религиозного мыслителя Гоголя, существенные векторы философии которого отчасти получили свое продолжение в философских поисках мыслителей Серебряного века – Дм. Мережковского, Н.В. Фёдорова, Н. Бердяева, И. Шмелева и др.

А приемы ассоциативного литературоведения Синявского-Терца, неизменно опирающегося на научно-теоретические подходы (подчас развенчанные им), и опосредованные конкретикой аналитических приемов, нашли свое продолжение не только в «деталях» и «частностях» литературоведческих изысканий, например, в работах П. Вайля, А. Гениса, А. Жолковского, В. Курицына, М. Эпштейна или И. Смирнова, но и в сфере собственно художественной наррации, в литературных творениях писателей-постмодернистов (сегодняшних классиков постмодернизма) А. Битова, С. Довлатова, Л. Петрушевской, Т. Толстой, С. Гандлевского, С. Соколова, Д. Пригова, В. Сорокина, В. Пелевина и многих других.

3. Файнштейн П. Прогулки с Пушкиным в тени Гоголя: краткие заметки о прозе А. Синаевского. Берлин, 1987. URL: www.berkovich-zametki.com (дата обращения: 05.02.2021).
4. Вейдле В. Синаевский о Гоголе // Русская мысль. 1975. № 3080. 4 дек. С. 9.
5. Теймер-Непомнящи К. Абрам Терц и поэтика преступления. Екатеринбург : Уральский ГУ, 2003. 358 с.
6. Померанцев К. (Рец. на книгу) Терц А. В тени Гоголя. Лондон : Стенвалли, 1975 // Русская мысль. 1975. № 3059. 10 июля. С. 9.
7. Манн Ю. Над бездной Гоголя: о книге А. Терца «В тени Гоголя» // Литературное обозрение. 1993. № 1/2. С. 30–33.
8. Манн Ю. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 95–100.
9. Жолковский А. Перечитывая избранные описки Гоголя // Зеленая лампа. 2005. № 1. Б. п.
10. Карпов А.С. Поэтика филологического романа А. Синаевского / А. Терца // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4. 54–66.
11. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. М. : Академия, 2003. Т. 1: 1953–1968. 416 с.
12. Генис А. Иван Петрович умер: статьи и расследования. М. : НЛЮ, 1999. 336 с.
13. Глад Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М. : Книжная палата, 1991. 320 с.
14. Набоков В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996. 435 с.
15. Абрам Терц / Андрей Синаевский. В тени Гоголя // Абрам Терц / Андрей Синаевский. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Старт, 1992. Т. 2. С. 3–336.
16. Белый А. Мастерство Гоголя. М. : МАЛТ, 1996. 351 с.
17. Абрам Терц / Андрей Синаевский. Прогулки с Пушкиным // Абрам Терц / Андрей Синаевский. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Старт, 1992. Т. 1. С. 339–436.
18. Kolonovsky W. Andrei Sinyavski: puzzle maker // Slavic and East European Journal. 1998. Vol. 42, № 3. P. 386–391.
19. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : НЛЮ, 1995. 352 с.

References

1. Rat'kina, T.E. (2010) *Nikomu ne zadolzhav... Literaturnaya kritika i esseistika A.D. Sinyavskogo* [Not Indebted to Anyone ... Literary criticism and essay writing by A.D. Sinyavsky]. Moscow: Sovpadenie.
2. Pletnev, R. (1975) O zlom suemudrii Abrama Tertsia [On the evil superthinking of Abram Tertz]. *Novyy zhurnal*. 121. pp. 72–80.
3. Faynshteyn, P. (1987) *Progulki s Pushkinym v teni Gogolya: kratkie zametki o proze A. Sinyavskogo* [Walks with Pushkin in the Shadow of Gogol: Brief notes on the prose of A. Sinyavsky]. Berlin: [s.n.]. [Online] Available from: www.berkovich-zametki.com. (Accessed: 05.02.2021).
4. Veydle, V.V. (1975) Sinyavskiy o Gogole [Sinyavsky on Gogol]. *Russkaya mysl'*. 3080. 4 December. p. 9.
5. Teymer-Nepomnyashchi, K. (2003) *Abram Terts i poetika prestupleniya* [Abram Tertz and the Poetics of Crime]. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Pomerantsev, K. (1975) Retsenziya na knigu. Terts A. V teni Gogolya. London: Stenvalli, 1975 [Book review. Terts A. In the Shadow of Gogol. London: Stanvalley, 1975]. *Russkaya mysl'*. 3059. 10 July. p. 9.
7. Mann, Yu.V. (1993) Nad bezdnoy Gogolya: o knige A. Tertsia "V teni Gogolya" [Above the abyss of Gogol: about the book In the Shadow of Gogol by A. Tertz]. *Literaturnoe obozrenie*. 1/2. pp. 30–33.
8. Mann, Yu.V. (1990) Obsuzhdenie knigi Abrama Tertsia "Progulki s Pushkinym" [Discussion of the book Walks with Pushkin by Abram Tertz]. *Voprosy literatury*. 10. pp. 95–100.
9. Zholkovskiy, A. (2005) Perechityvaya izbrannye opiski Gogolya [Rereading Gogol's selected omissions]. *Zelenaya lamp*. 1. N.p.
10. Karpov, A.S. (2012) Poetika filologicheskogo romana A. Sinyavskogo / A. Tertsia [Poetics of the philological novel by A. Sinyavsky / A. Tertz]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 4. pp. 54–66.
11. Leyderman, N. & Lipovetskiy, M. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature: 1950–1990s]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
12. Genis, A. (1999) *Ivan Petrovich umer: stat'i i rassledovaniya* [Ivan Petrovich Died: Articles and investigations]. Moscow: NLO.
13. Glad, J. (1991) *Besedy v izgnanii. Russkoe literaturnoe zarubezh'e* [Conversations in Exile. Russian Literary Abroad]. Translated from English. Moscow: Knizhnaya palata.
14. Nabokov, V. (1996) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
15. Tertz, A. / Sinyavsky, A. (1992) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Start. pp. 3–336.
16. Belyy, A. (1996) *Masterstvo Gogolya* [Gogol's Artistry]. Moscow: MALT.
17. Tertz, A. / Sinyavsky, A. (1992) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Start. pp. 339–436.
18. Kolonovsky, W. (1998) Andrei Sinyavski: puzzle maker. *Slavic and East European Journal*. 3 (42). pp. 386–391.
19. Smirnov, I.P. (1995) *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiachronology. Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day]. Moscow: NLO.

Информация об авторах:

Богданова О.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Власова Е.А. – канд. филол. наук, докторант кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kealis@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Bogdanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Research Institute of Educational Regional Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

E.A. Vlasova, Cand. Sci. (Philology), doctoral student, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kealis@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 11.02.2021;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 82-312.1
doi: 10.17223/15617793/483/2

Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича

Леонид Викторович Дубаков¹

¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, КНР, dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Анализируются буддийские составляющие образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести Л.А. Юзефовича «Песчаные всадники» и шире – в его творчестве. Сделан вывод о том, что в связи с образом барона Унгерна в повести «Песчаные всадники» писатель задействует укорененную в буддийской философии проблематику, в частности поднимает вопросы иллюзорности бытия, кармы и ненасилия. Кроме того, образ барона Унгерна у Л.А. Юзефовича сопряжен с большим количеством буддийской метафизики.

Ключевые слова: Л.А. Юзефович, Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, буддизм, религия, Гражданская война

Для цитирования: Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 16–23. doi: 10.17223/15617793/483/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/2

Buddhist aspects of the image of Baron Ungern von Sternberg in the story *Horsemen of the Sands* by Leonid Yuzefovich

Leonid V. Dubakov¹

¹ Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China, dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The article explores the Buddhist components of the image of Baron Roman Ungern von Sternberg in the works of Leonid Yuzefovich. The analysis is carried out within the framework of the concept of the “Buddhist text” in modern Russian literature. The author of the article discovers and comprehends Buddhist ideas and motifs present in the story *Horsemen of the Sands* and the documentary novel *The Autocrat of the Desert*. Indirectly, the article also uses the essay “The Six-Armed God and His ‘Sons’” from Yuzefovich’s *The Most Famous Impostors*. The story and the novel were reprinted several times, and each time the writer made significant edits to them, which fixed significant changes in the image of the main character and reflected the writer’s deepening knowledge about Buddhism. The image of Baron Ungern in the story and in the novel is a complex and synthetic image, it combines the signs of a positive hero and of an infernal being, each of which is rooted in Buddhist metaphysics. The image of the baron as a character in Yuzefovich’s fiction correlates with the image of the real Roman Ungern von Sternberg. The real Baron Ungern looks no less exotic than his literary reflection. He is a participant in the White Movement, a religiously motivated warrior for the Buddhist faith, who comes into conflict with the West. He realizes himself inspired by Buddhist hierarchies and exists in the space of the approaching apocalypse. At the same time, in connection with the image of Baron Ungern in the story *Horsemen of the Sands*, the writer turns to the problems rooted in Buddhist philosophy, in particular, he raises questions of the illusory nature of being, karma and nonviolence. The image of horsemen of the sands fixed in the title of the story is a metaphor of time absorbing people and events, of the illusory space, of the unreliable human ontology, and of the unseemly vanity. Another idea of the story is the impossibility of avoiding the consequences of what has been done both at the level of the history of nations and of the fate of an individual due to karma, that is, the Buddhist law of created causes and matured consequences. The writer interprets both the appearance of Ungern in Mongolia and his passing away as a manifestation of bad karma. Finally, another important idea of the story is the idea of the essential discrepancy between the ethics of Buddhism and the idea of its violent, military propagation. The convergence of Buddhism and war in *Horsemen of the Sands* looks wrong and inappropriate, and leads people who have embarked on such a road to collapse at the level of their own destiny and to a historical defeat.

Keywords: Leonid Yuzefovich, Roman Ungern von Sternberg, Buddhism, religion, Civil War

For citation: Dubakov, L.V. (2022) Buddhist aspects of the image of Baron Ungern von Sternberg in the story *Horsemen of the Sands* by Leonid Yuzefovich. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 16–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/2

Присутствие буддизма в русской литературе – факт, относящийся уже к периоду древнерусской словесности, когда в пространство русской культуры вошла «Повесть о Варлааме и Иоасафе», героем которой является индийский царевич, чей образ генетически восходит к Будде Шакьямуни. Буддийские идеи и мотивы присутствуют в русской литературе XIX в., в значительной степени в литературе рубежа веков, также в литературе 20-х гг. XX в., советской и эмигрантской. Особенно много буддизма в современной русской литературе. Опираясь на классическую работу В.Н. Топорова, который ввел в научный оборот понятие «петербургский текст» [1], и на работы его последователей, по аналогии заговоривших о «венецианском», «московском», «парижском» и других текстах русской литературы, П.В. Алексеев обозначил существование «мусульманского текста» русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х гг. [2]. Перевод структурно-семиотического подхода из урбанистически-культурной в религиозную сферу очевидно позволяет применить его и к литературоведческому исследованию присутствия в литературе элементов и других религий, в частности буддизма. Одним из таких элементов является буддийский герой, т.е. литературный персонаж, тесным образом связанный с буддизмом. В русской литературе в этой связи в первую очередь речь может идти о Романае Фёдоровиче Унгерне фон Штернберге.

К фигуре этого белого генерала, завоевателя Монголии, отечественная литература испытывает интерес с 20-х гг. прошлого века. И практически все авторы так или иначе не обходят вниманием то, что он принял буддизм. Так, например, в 1928 г. участник Белого движения, поэт-эмигрант А.И. Несмелов написал «Балладу о Даурском бароне», в которой соединяется романтическая готическая атмосфера и азиатский религиозный колорит, а в 1929 г. об Унгерне написали романы советский поэт С.Н. Марков (роман «Рыжий Будда») и писатель-эмигрант В.С. Познер (роман «Кровавый барон»). Однако особенно активно обращается к образу Р.Ф. Унгерна современная отечественная литература. Наряду с большим блоком маскульта в России появились и по-настоящему значимые произведения, в которых в центре повествования оказывается барон Унгерн. Это, в частности, роман Ф.Н. Горенштейна 1995 г. «Под знаком тибетской свастики» и роман В.О. Пелевина 1996 г. «Чапаев и Пустота».

При этом одним из современных русских писателей, кто долгие годы исследует жизнь Р.Ф. Унгерна фон Штернберга, является Л.А. Юзефович. Он написал о нем эссе, повесть и документальную книгу (или роман), которые неоднократно переиздавались. Юзефович – историк по образованию, и характер его художественного интереса к Унгерну определяется стремлением к объективности, а также глубиной и длительностью погружения в биографию и в исторический контекст (ориентированный как в прошлое, так и в будущее). Унгерн оказался универсальным, калейдоскопическим образом, который позволяет смотреть на Октябрьскую революцию и Гражданскую

войну практически под любым углом зрения. А учитывая, что эти исторические события до сих пор не ушли из общественной дискуссии, фигура барона Унгерна в какой-то степени отражает и наше время. Унгерн – герой (или антигерой) одновременно для «правых» и «левых», политических прагматиков и религиозных мистиков, представителей титульной нации и национальных меньшинств, западников и евразийцев и т.д. Согласно замечанию Юзефовича, «фигура Унгерна окружена мифами и кажется загадочной, но его тайна скрыта не в нем, а в нас самих, мечущихся между желанием восхищаться героем и чувством вины перед его жертвами; между надеждой на то, что добро приходит в мир путями зла, и нашим опытом, говорящим о тщетности этой надежды; между утраченной верой в человека и преклонением перед величием его дел; наконец, между неприятием нового мирового порядка и страхом перед близостью архаических стихий, в любой момент готовых прорвать тонкий слой современной цивилизации» [3. С. 22]. Таким образом, барон Унгерн в изображении писателя – сложная и неоднозначная фигура, он пытается смотреть на него с разных сторон, постоянно корректируя свой взгляд.

Одной из составляющих мифа, связанного с образом барона Унгерна, является буддизм. Неслучайно в качестве одного из эпиграфов к книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович берет цитату из буддийского учителя Гунтана Данби Донме, автора известной книги «Обучение методу исследования текстов сутр и тантр»: «Смысла железные двери величиной в пядь / Открываются ключами примеров величиной в локоть» [3. С. 15].

Повесть «Песчаные всадники» – первое проявление интереса Л.А. Юзефовича к фигуре барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Эта отчасти автобиографическая (история про встречу с Больжи, поведавшим автору про амулет барона Унгерна, приводится в документальной книге Л.А. Юзефовича «Самодержец пустыни») повесть была впервые опубликована в 1984 г. в журнале «Уральский следопыт». По словам самого Л.А. Юзефовича, «в урезанном виде» [5]. В 2001 и 2012 гг. состоялись ее книжные переиздания, и эти «Песчаные всадники» оказались не только расширены, но и в значительной степени переработаны, уточнены – в главном и в деталях. Например, в издании 1984 г. Больжи дарит рассказчику бурхан – это метонимическое наименование амулета с изображением будд: бурхан значит «будда». В поздних изданиях это называется «гау» – амулетница для ношения на груди священных предметов, и изображен на ней может быть не только будда (что точнее, в книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович пишет, что, согласно легенде, барон Унгерн носил в гау охранную мантру Белозонтичной Тары, буддийского божества, защитницы от демонов [3. С. 321]. Или, например, в издании 1984 г. Цырен-Доржи (в последующих изданиях он именуется Найданом-Доржи) во время погребального обряда ждет ответа просто от Будды, в изданиях 2011 и 2012 гг. – от Будды Амитабы, владыки Западного рая, или Сукхавати, той священной сферы,

где перерождаются те, кто не полностью освобожден из сансары, иллюзорной реальности. Это уточнение или изменение адресата молитв Найдана-Доржи проясняет его отношение к барону Унгерну: тот для него – духовный ученик, о посмертной судьбе которого он промышлял изначально. В издании 2001 г. в этом эпизоде, в отличие от издания 1984 г., появляется образ собак, которые «разрывают землю над мертвецами» [5. С. 93]. Найдан-Доржи отбивается от них основным колом. В издании 2012 г. Найдан-Доржи, видя собак, радуется, «что после смерти джан-джин послужит на благо других живых существ» [6]. Позже выяснится, что надежды Найдан-Доржи потерпят крах, и собаки, которые будут разрывать могилу барона Унгерна, задним числом вызовут не мысль о высоком сострадании буддизма, а воспоминание о репрессиях в завоеванной реальным Унгерном Урге, где будет много жертв, которых будут поедать местные псы, и где «Буддийский погребальный обычай превратился в шабаш» [3. С. 311].

Повести 2001 г. издания предпослан эпиграф, взятый из буддийской сказки «Дайни-Кюрюль». Л. Юзефович сократил и немного изменил монголо-ойратскую конкретику текстового фрагмента и вывел на первый план его символическую составляющую, которая прочитывается в том числе в контексте Гражданской войны 1920-х и судьбы барона Унгерна. Этот эпиграф задает модус восприятия главного героя: в его личности имеется нечто магическое и inferнальное. Он подобен мангысу, т.е. демону, который не просто (как сказано в сказке) «живет на северо-западе от наших кочевий», но пришел (как изменил писатель) с северо-запада. Кроме того, внешний вид сказочного мангыса – «черно-лысый» [7. С. 478] – символически соотносится с условным местом действия повести – улусом Хара-Шулун, или Чернокаменный. Также эпиграф, предваряющий вторую главу, содержит метафору, говорящую о «черных глубинах моря» [5. С. 21], со дна которого как бы «вынырнул» Унгерн. Эта метафора подкрепляется также образом «выходов черного базальта» [5. С. 13] в сопках неподалеку от Хара-Шулуна.

В издании 1984 г. эпиграф отсутствует, и время действия отнесено к 1970 г. Издания 2001 и 2012 гг. отсчитывают время действия уже от 1971 г. То есть символизация времени – ровно сто лет назад от расстрела Унгерна – появляется в повести не сразу. Как и сама сложность образа барона. В издании 1984 г. он просто «тот самый» [8. С. 34], и лишь в книгах нулевых годов будет сразу обозначены все прихотливые пути его судьбы.

Также сложность образа барона Унгерна обусловлена динамикой его изменений – от издания к изданию. В издании 1984 г. и его внешний вид, и поступки, и цели изображены зачастую так или иначе «снизженными». Например, фраза «Грубо обрезанные ногти и бугристые пальцы с мозолями от поводьев» [8. С. 38], относящаяся к барону, исчезает из изданий 2001 и 2012 гг. или уходит на второй план. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович, восстанавливая по многочисленным воспоминаниям портрет реального

Унгерна, говорит о его неопрятности: «Здесь же берет начало его странная для аристократа неопрятность – нестриженные усы и волосы, грязная, а то и рваная одежда» [3. С. 76]. В издании 1984 г. глаза барона Унгерна – колючие, зеленые, «с желтыми просверками» [8. С. 40]. Эти глаза в контексте повести вызывают романтические ассоциации с хищником и, возможно, с «желтой религией». В изданиях 2001 и 2012 гг. у Унгерна «белые глаза мангыса» и «стеклянные глаза маньяка» [6]. (Это определение ближе к действительности и восходит к словам одного из тех людей, которые видели реального Унгерна: у него были «выцветшие, застывшие глаза маньяка». Л.А. Юзефович предполагает, что это было связано с «недоразвитием эмоциональной сферы» [3. С. 76].) Во время аудиенции у Богдо-гэгэна VIII, духовного главы Халхи, Унгерн изданий 2001 и 2012 гг. ведет себя сдержанно, как опытный дипломат, в отличие от грубоватого и эмоционального Унгерна 1984 г. В 1984 г. его русская свита способна на дерзость, которую барон не пресекает. Подобная дерзость немыслима для Унгерна последующих изданий [4]. Незримый Саган-Убугун, берегущий барона, в издании 1984 г. восседает на кобыле по кличке Манька. В последующих изданиях это «снижающее» имя лошади снято. У реального барона Унгерна была кобыла, которую он назвал Машкой в честь любовницы атамана Семёнова [3. С. 116]. В ответ на отказ бывшего члена городской Думы города Кяхта поставить в зале собраний статую Будды барон напивается и плачет и стреляет в статую. В изданиях 2001 и 2012 гг. его все боится, потому что он стреляет в людей [12]. Унгерн издания 1984 г. бьет отца Жоргала книгой по щеке, а после стреляет ему в затылок. В издании 2001 г. барон пытается найти решение, но после непослушания и оскорбления в свой адрес стреляет старику в грудь. При этом в издании 2012 г. Унгерн стреляет в старика, покачивая перед этим головой, что, вероятно, является жестом сожаления. Убийство остается убийством, но мотивация меняется: от эмоциональной реакции к вынужденной мере. Унгерн постепенно становится героем, которого ничто не должно однозначно «кронять» в глазах читателя, даже жестокость и безумие.

Позже, по ходу действия рассказчик увидит фонетическую близость фамилии барона и буддийских реалий («...с их “у”, “г”, “р” или “н”» [9. С. 42]): «В немецкой фамилии странно отзывалось название монгольской столицы и имя буддийского отшельника, словно некто, дающий имена и через имена определяющий судьбы, предвидел, что когда-нибудь их будут произносить вместе» [5. С. 73]. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович обозначает еще одну похожую фонетическую параллель: Унгерн – Даурия [3. С. 113]. Л. Юзефович здесь имеет в виду созвучие «Унгерн – Саган-Убугун», но любопытно также совпадение немецкой фамилии и названия тюркского племени «хунгират», что по-монгольски – «хонгират», а по-китайски – «унгир». Считается, что мать Чингисхана происходила из этого племени. Если эта ономастическая версия верна, то в фамилии барона Унгерна с еще большей отчетливостью зву-

чит фонетическое символическое сближение с чингизидами, предположенное Найданом-Доржи (в книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович приводит цитату из разговора писателя Ф. Оссендовского с бароном Унгерном. Унгерн говорит о том, что «в жилах его предков течет кровь гуннов, германцев и венгров» [3. С. 37]).

Другой аспект в оценке барона – это обусловленность его появления в Азии кармой (т.е. буддийским законом созданных причин и созревших следствий) всех народов, вовлеченных в геополитические трансформации конца XIX – начала XX в. И вновь он не просто «родился» [7. С. 478] (как сказано в сказке), но «явился в силу воздаяния грехов всех живых существ» [5. С. 9].

Однако у образа барона Унгерн есть и иное, по сути противоположное, измерение в «Песчаных всадниках»: он выступает в качестве батора, т.е. богатыря, воина буддизма, того, кто собирается его защищать и распространять. По мнению Л.А. Юзефовича, в случае с реальным Унгерном «титул “бог войны” не был только лестной метафорой. Возможно, Унгерн сравнивался с богом войны и лошадей Джамсараном (потибетски – Бег-Дзе) или даже признавался его воплощением» [3. С. 225]. «Одновременно предпринимались попытки объявить Унгерн перерождением Богдо-гэгэна V» [3. С. 229]. Найдан-Доржи, бывший ширетуй, т.е. настоятель, петербургского буддийского храма, буддийский наставник барона, предполагает, что Богдо-гэгэн VIII считает того «хубилганом самого Чингисхана» [5. С. 32]. И этот образ в повести парадоксален: Унгерну дарован ханский титул в Халхе, при этом он остзейский барон; он, кажется, принял буддизм (в книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович, перефразируя А. Камю, предполагает, что религия Унгерн – это соединение обоготворенной судьбы с божествами буддийского пантеона но вместе с тем не расстался с христианством [3. С. 34]). Так, в издании 2001 г. Унгерн на вопрос Ивановского о кресте многозначительно молчит, а позднее излагает концепцию, в которой связываются апокалиптические концепции буддизма и христианства. В издании 2012 г. Унгерн на тот же вопрос прямо отвечает, что крест на нем есть, так как «Учение Будды не противоречит Евангелию» [6].

Данная антиномия, по-видимому, разрешается не только хаосом военной и политической ситуации: «...события на Востоке складываются таким образом, что при удаче и определенной ловкости любой человек может стать императором Китая» [5. С. 81], – но также родовой памятью Унгерн, наследственностью (по словам реального барона Унгерн, его прапрадед стал в Индии буддистом, хотя Л.А. Юзефович считает это не более чем семейной легендой и возводит буддизм его отца к влиянию А. Шопенгауэра, а буддизм сына – к влиянию Г. фон Кайзерлинга [3. С. 40, 353]). Не зря в издании 2002 г. его воины сравниваются с крестоносцами, которые стояли под стенами Константинополя [5. С. 22]. В издании 2012 г. это будет сказано еще прямее, уже не через сравнение «потомок крестоносцев» [6]. В книге «Самодержец пустыни»

Л.А. Юзефович пишет, что реальный Унгерн вынашивал «планы создания ордена рыцарей-буддистов для борьбы с революцией» [3. С. 48]. Для него Гражданская война – не сражение Белой армии с Красной, а война религиозная. Т.Е. Сорокина в монографии «Художественное становление национально-исторического архетипа “Русский мир” в современной прозе» пишет об этой идее следующее: «С другой стороны, Унгерн своим присутствием ставит вопрос о тайной природе революции – о борьбе за ту или иную религию, которой предстоит определить контуры и смысл национального мировоззрения. В конце концов буддийский вектор русской революции выглядит не менее странно, чем вектор большевистский. Более того, он – в более тесных отношениях с природой русского отношения к действительности» [10. С. 101]. И если в издании 1984 г. Цырен-Доржи с Унгерном во сне первого по одному из доступных им миров – земле – просто «убегают от красных» [8. С. 47], то в издании 2001 г. Найдан-Доржи надеется, что на земле «скоро от моря до моря воцарится желтая религия» [5. С. 57]. Бурят Хара-Шулуна Унгерн пугает «красной верой», которую большевики насадят вместо «веры желтой», пугает, используя образы буддийской космологии, касающиеся ада. Ужасы «седьмого ада» в повести: «...после смерти такие люди попадут в седьмой ад, будут мучиться на меч-горе, поросшей нож-деревом. Сорок девять ножей войдут отступнику в печень и по трижды семь – в каждый глаз» [5. С. 45], – это отсылка к «Абхидхарма-коше», или «Компендиуму Абхидхармы», индо-буддийского автора Васубандху: «Бу-ди-лам. Когда живые существа при ходьбе в нем ставят ноги, кожа, мясо и кровь разрушаются, как было выше сказано. В месте (лесу), где листья подобны острому мечу, эти листья-мечи падают, и у живых существ разрезаются на части тела и их члены. Собаки Срэ-во съедают их. В лесу Чжаг-чжи-шал-ма-ли – острые шипы в 16 пальцев длиной. Когда живые существа влезают [на дерево] вверх, то эти шипы, направленные вниз, пронзают тело, а когда слезают, эти шипы направляются вверх. Вороны с железными клювами вырывают у живых существ глаза и съедают» [11. С. 66].

Однако, в отличие от крестоносцев, Унгерн несет не Крест, а катит Колесо: «Унгерн считал себя буддистом, поклонялся местным святыням, жертвовал деньги ургинским монастырям» [5. С. 24], он мечтал «распространить желтую религию вплоть до Урала и, может быть, еще дальше. Она казалась ему единственным противоядием от губительной культуры Запада» [5. С. 24]. В издании 2012 г. в этом пассаже Л. Юзефович пишет как раз про Колесо Учения, которое Унгерн собирается покатить на Запад. Там же, в издании 2012 г., писатель обозначает и причины того, почему западная культура стала «губительной», с точки зрения Унгерн: «Христианство не сумело ни сохранить монархии в Европе, ни противостоять революции, губительная культура белой расы проникла в Японию и даже в Китай, где республиканцы-гамины свергли маньчжурскую династию» [6]. Мотивы борьбы реального барона Унгерн с западной цивилизацией

ей описываются в книге Л.А. Юзефовича «Самодержец пустыни» в главе «Стрела в колчане божьем». По мнению автора, Унгерн – первый из представителей западной и отечественной интеллигенции – собрался нести буддизм в Европу на «острие монгольской сабли» [3. С. 23–36], чтобы бороться с социализмом и либерализмом. Т.Е. Сорокина пишет об этой идее следующее: «Центральная мысль “Песчаных всадников” – соединение “революционного” и “буддийского”. Буддизм, столь востребованный современной литературой, в том числе и русской, оказывается здесь не философией нравственного самопостижения, не практикой медитации, которая очевидна в романе Иванченко, а идеей антизападного выбора, стремления героя выбрать Восток в качестве этики и метафизики для подлинной революции. Революция видимая в сражениях и повседневных усилиях по борьбе с “красными”. Революция внутренняя – в избрании восточной пустотности, восточных чудес и восточной стабильности для спасения от Запада, чья история подходит к концу. По мнению Унгерна, главного героя романа, России надлежит стать буддийской империей. Гражданская война изображена Юзефовичем как битва за буддизм, который должен избавить от страстей, приведших западную цивилизацию к кризису» [10. С. 100].

В изданиях 2001 и 2012 гг. Унгерн исповедует мессианскую концепцию монгольского буддизма, которая состоит в том, что после войны «буддистов с неверными... наступит царство Майдари» [5. С. 61], царство Шамбалы. О воззрениях реального барона Унгерна относительно Шамбалы, о влиянии на него «Молитвы о рождении в Шамбале», написанной Панчен-ламой III, Л.А. Юзефович говорит в «Самодержце пустыни» [3. С. 422]. В целом можно сказать, что реальный барон Унгерн видит «северную войну» – войной мистической и себя частью ее: « – До завершения семисотлетнего срока, / После которого время свершится, / Ты станешь Ригдэном Дагпо – / “Грозным Наследником Рода”. // Тогда, сокрушив окончательно религиозных фанатиков орды, / Не изменяя принятым прежде обетам своим, / Сделай так, чтобы и я / последовал во главе Твоего окружения! // Сам же Ты, досточтимый благодатный высший Учитель, Вождя Коня оседлав, что с силою ветра (летит), / Коротким мечом поразишь (вожака) по имени «Скудоумный», / – Пусть в час бесспорной победы последую я за Тобой!» [13. С. 15].

При этом барон соотносит Майдари, или Бодхисаттву Майтрею, с архангелом Михаилом. Тот же мотив можно увидеть в романе «Князь ветра»: «...это архангел Михаил, а Майдари – его монгольское имя» [14]. Унгерн верит в воцарение Майдари после победы желтой расы и в то, что «везде будет буддизм, буддизм, буддизм» [5. С. 61]. Эта фраза – переделанная, но сохранившая синтаксический строй и ритм цитата из протокола допроса реального барона Унгерна в Новониколаевске в 1921 г.: «...и повсюду будет монархия, монархия, монархия» [3. С. 323]. Генезис паназиатских взглядов реального барона Унгерна исследуется в книге «Самодержец пустыни» в главе

«Стрела в колчане божьем». Л.А. Юзефович возводит их к европейской публицистике середины XIX в., книгам В.С. Соловьёва и российской публицистике конца десятых годов XX в. [3. С. 23–36]. Однако в целом в буддизме его интересует не философская и этическая сторона, не Четыре Благородные Истины, а отдельные мрачные аспекты его космологии и его магическая составляющая (при этом, по словам Л.А. Юзефовича, реальный Унгерн «компетентно рассуждал о буддизме» [3. С. 45]: буддизм для него – «всего лишь инструмент для овладения тайными силами» [5. С. 56]). Вместе с тем пассаж в книге «Самодержец пустыни», в котором Л.А. Юзефович приводит слова Унгерна о том, что он никому не может больше верить, что все имена фальшивы, звания присвоены, прочитывается не только как констатация реальности Гражданской войны и не только как предположение о психической аномалии барона, но и как высказывание, основывающееся на буддийской философии: действительность иллюзорна, имена – не более чем концепты, присоединенные к конвенциональной реальности. И не исключено, что реальный барон Унгерн знал буддизм лучше, чем кажется [3. С. 129]. Также Л.А. Юзефович обращает внимание на существование в буддизме тантрической традиции, которая ориентирует верующего на установление связи с буддами и бодхисаттвами посредством особых символических практик и ритуалов ради быстрого достижения Освобождения и на то, что, вероятно, Унгерн знал об этой традиции, хоть и низводил ее до магии. Кроме того, Юзефович пишет, что в Монголии в религиозной практике буддийское Учение оказалось смешано с добуддийскими верованиями, в которые корнями уходит, например, культ докшитов, или защитников, что привлекал Унгерна и, по его незнанию и неразборчивости, релятивизировал его этические установки в связи с буддизмом [3. С. 364–365].

Унгерн 1984 г. если и проводит подобные параллели, то выглядят они не более чем попыткой объяснить себе самому буддизм через христианство, а не пусть и неоднозначной, но мистической интерпретацией или осознанным политическим решением: Саган-Убугун (Белый Старец) для него кто-то «Вроде святого Георгия». И понятно, почему на это Цырен-Доржи из издания 1984 г. замечает про себя, что барон «по-прежнему все меряет на свой православный аршин» [10. С. 39].

Барон Унгерн 1984 г. – мечтатель, представляющий среди монгольских пространств «новый город – чистый, с прямыми улицами и уютными кафе, где торгуют мороженым и прохладительными напитками, с искусственным озером» [10. С. 40]. Унгерн изданий 2001 и 2012 гг. если и мечтает о том, чтобы стать императором Китая или соединить судьбы Востока и Запада, то делает это вскользь: он, скорее, не мечтатель, он деятель. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович отмечает, что вряд ли Унгерн через женитьбу на маньчжурской принцессе (а реальный Унгерн действительно женился на «принцессе Цзи») собирался претендовать на императорский трон, но неопределенная мысль о причастности к спа-

сению мира через приближение к Китаю, возможно, у него была [3. С. 64].

Унгерн представляет себя совершенным существом [5. С. 62], по сути, бодхисаттвой, но на самом деле не является таковым, так как лишен подлинного сострадания, которое укоренено в мудрости. Приводя в книге «Самодержец пустыни» ответ Джа-ламы на вопрос о том, не считает ли он, что его террор противоречит Учению Будды: «Эта истина (“щадя все живое”. – Л.Ю.) для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. <...> Если совершенный знает, что какой-то человек может погубить тысячу себе подобных и причинить бедствие народу, такого человека он может убить...» [3. С. 366], – Л.А. Юзефович обращает внимание, что так же мог бы, вероятно, ответить и реальный барон Унгерн. Найдан-Доржи, проводя погребальный ритуал над местом его захоронения, напоминая о тщете земного бытия и надеясь на благой исход для сознания своего ученика, становится свидетелем гибели этой надежды: «Он ждал, что <...> из сердца будды Амидабы, владыки Западного рая, исторгнется белый луч, ослепительно сияющий и полый внутри. Божественный тростник, растущий вершиной вниз, пронизает могильную глину, и душа джан-джина, покинув мертвое тело через правую ноздрю, с тихим свистом, который слышат лишь посвященные, втянется в сердцевину этого луча, умчится по нему к звездам, как пуля по ружейному стволу. Найдан-Доржи смотрел вверх, но пусто было в небесах» [5. С. 94].

Образ барона Р.Ф. Унгерн фон Штернберга в «Песчаных всадниках» и в целом в творчестве Л.А. Юзефовича – это сложный, противоречивый образ, меняющийся от издания этой повести к изданию, прирастающий новыми аспектами истолкования в других произведениях, соотносящийся с реальным бароном Унгерном в «Самодержце пустыни». В этом образе на фоне Гражданской войны сошлись природный романтический авантюризм и монголо-буддийские паттерны, черты богатыря из монголо-ойратского буддийского эпоса и одновременно черты демонического существа: «Отец сказал правду, это были глаза мангыса» [5. С. 80]. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович, говоря о Дамби-Джамцан-ламе, или Джа-ламе, который некоторыми своими чертами схож с реальным бароном Унгерном, пишет о том, что монголы, спустя шесть лет после смерти Джа-ламы, допытывались у Юрия Рериха, кем был Джа-лама – «святым хубилганом-перерожденцем или мангысом, злым духом» [3. С. 64]. Причем восприятие барона Унгерн персонажами повести и рассказчиком также не является однозначным, оно пребывает в динамике. Иллюстрацией этого подвижного восприятия оказывается приводимый в тексте философский буддийский феномен под названием «чубаб» (*chubab*), или «Рассмотрение воды», который говорит об относительности взгляда на реальность в зависимости от особенностей субъекта восприятия. Так, Больжи спрашивает рассказчика о природе чая и обращает внимание на условность этого феномена: «Ты пьешь его как чай, потому что ты человек. А дашь чашку с

чаем счастливому из рая, он скажет: это гной. Дашь несчастному из ада, он скажет: это божье питье» [5. С. 105]. Что касается автора, то и его собственное отношение к барону Унгерну не является однозначным. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович резюмирует свое отношение к реальному барону Унгерну: «Одним из первых в нашем столетии Унгерн прошел тот древний путь, на котором странствующий рыцарь неизбежно становится бродячим убийцей, мечтатель – палачом, мистик – доктринёром. На этом пути человек, стремящийся вернуть на землю золотой век, возвращает даже не медный, а каменный. Но и в такую схему Унгерн тоже целиком не укладывается. В нем при желании можно увидеть кого угодно: героя борьбы с большевизмом, разбойничьего атамана, евразийца в седле, предтечу фашизма, реликт Средневековья, вестника грядущих глобальных столкновений между Востоком и Западом, создателя одной из кровавых утопий XX в. и тип тирана, вырастающего на развалинах великих империй, или маньяка, опьяненного грубыми вытяжками великих идей» [3. С. 21–22]. В раннем своем стихотворении, первая строфа которого цитируется в повести, Л.А. Юзефович иронически написал: «Что ж, скажи, воплощая зло, / По изданиям Учпедгиза» [3. С. 582], – но и жестокость и безумие барона он не ретуширует.

Однако, помимо прочего, образ Унгерн явился для Л.А. Юзефовича той возможностью, что позволяет рассмотреть проблему власти. Как сказал Найдан-Доржи, «если власть опирается на обман, она будет свергнута не мудростью познавших, а простотой одурченных. Если власть заставляет людей верить в то, во что не верит сама, ее раздавит тяжестью этой веры» [5. С. 105]. И эта максима применима к любой власти – и 20-х гг., и 70-х (начала этих десятилетий XX в. являются подзаголовком повести в издании 2001 и 2012 гг.), и Чингисхановой, и Унгерновой, и советской: времена и пространства стягиваются в «Песчаных всадниках» в одну историю: «Градуировка шкалы рассекала летящие из Гоби песчаные облака, и <...> казалось, что походы Чингисхана окончились только вчера» [5. С. 73]. Неслучайно также, что стихи о вытравшемся из песка и распавшемся в прах и в пыль всаднике [5. С. 74], посвященные барону Унгерну, рассказчик читает в повести возле Медного всадника – одного из символов российской государственности. Образ героя, связанного со стихией ветра и песка, которые обозначают его ненадежность, иллюзорность, позже будет развит в романе Л.А. Юзефовича «Князь ветра».

Заглавный образ «Песчаных всадников» – это метафора времени, поглощающего людей и события, а также неблагодарной суесть, приводящей к катастрофе. Стихийные метафоры и мотивы ухода проявляются также в поэтических произведениях Л.А. Юзефовича. Так, в стихотворении «Ветеран. 1975 г.» присутствует образ уландинских песка и ветра, что «хлещут по глазам» и превращаются в «песчаные штандарты», что «летят над самой Селенгой, / Воды касаясь пыльными кистями» [15]. В стихотворении «Баллада» жена хана Зундуя, не смотря на крушение, которое он потерпел, от него «Не

ушла, как все, за чужим седлом / Ни травой под снег, ни водой в песок» [15], что, впрочем, опровергается заключительными строками. Эти образы напоминают герою о былых боях и вызывают внутренний вопрос о том, как он прожил жизнь. Ветром сдуваются звуки полковой рации, и «Сквозь тлен армейского эфира / Забытый голос пропоет / О красоте иного мира» [15] в стихотворении «Манёвры». Повесть «Песчаные всадники» имеет два финала, и в них обоих проявляются мотивы неожиданного сотворения и скорого наступающего распада. В конце девятой главы Найдан-Доржи снится сон: «Неисчислимы страшные всадники в сверкающих доспехах скакали по бескрайней, дикой и сумрачной равнине, но подул ветер от уст праведника, и они распались прахом, ибо все были песчаные» [5. С. 105]. В рассказе «Полковник Казагранди и его внук», продолжая разрабатывать побочные истории, связанные с историей барона Унгерна и вновь используя эту метафору, Л.А. Юзефович пишет: «В ирреальной действительности тех лет самые фантастические проекты казались осуществимыми, а нередко и осуществлялись, если за них брались люди, умеющие проходить над бездной по острию ножа, возводить песчаные цитадели и вербовать под свои знамена призраков» [16. С. 67]. В финале десятой, последней, главы между Больши и рассказчиком проходит «песчаная конница» и «рассеивается» [5. С. 110]. Как в начале «Песчаных всадников» «пустыня прикидывалась степью» [5. С. 14], так и воинство Унгерна прикидывалось армией, а его мечты о военном распространении буддизма на Запад – реальностью, которой не суждено было сбыться. То же можно сказать и про Найдана-Доржи, который строил «мост над бездной» [5. С. 57] из неправды ради буддизма и тех благих возможностей, что он предоставит людям, но обманывал при этом сам себя.

Другая идея повести – невозможность избежать последствий содеянного как на уровне истории народов, так и судьбы отдельного человека вследствие кармы: «мангыс» Унгерн явился «в силу воздаяния грехов всех живых существ» [5. С. 9], Унгерново «перерождение будет исполнено ужаса» [5. С. 93], по словам Найдан-Доржи, так как он стремился «к лишенному сути» [5. С. 93], т.е. не видел и не хотел видеть, согласно буддизму, иллюзорной природы мира, а гнался за властью и поклонением. В книге «Самодержец пустыни» Л.А. Юзефович пишет, что тайна скрыта не в Унгерне, «а в нас самих, мечущихся между <...> надеждой на то, что добро приходит в мир путями зла, и нашим опытом, говорящим от тщетности этой надежды» [3. С. 22].

Наконец, еще одной важной идеей повести является мысль о сущностном несовпадении этики буддизма с идеей его насильственного, военного распространения. Тема сближения буддизма и войны в истории барона Унгерна проходит через весь текст «Песчаных всадников». Отец Жоргала при попытке уйти от Унгерна говорит, что вера того не «желтая вера», а ружье, и, вероятно, это также одна из ключевых фраз повести, которая раскрывает неоднозначную суть барона. Субурган, культовое сооружение буддизма, реликварий, используется как ориентир военными то-

пографами. В издании 1984 г. это вычитывается из контекста истории рассказчика, того, что он военный, в 2001 г. это сказано прямо, в 2012 г. автор неопределенное наречие «издавна» конкретизирует до времен генерал-майора Н.М. Пржевальского: «...топографы со времен Пржевальского предусмотрели для них специальный значок» [6]. В связи с этим субурганом интересно, как автор обозначает отношение местного населения к буддизму. В 1984 г. субурган оказался на окраине как бы случайно, потому что «за пятьдесят лет дома постепенно стеклись к дороге» [6. С. 34], в издании 2001 г. о нем сказано как о последнем обломке цивилизации, «процветавшей в этих местах много веков назад» [5. С. 12] и символику которого буряты перестали понимать, в издании 2012 г. «буряты» стали «колхозниками» и никто из них «не знал, какие драгоценности желтой веры в нем хранятся» [6]. То, что вначале могло показаться обычной случайностью, постепенно обретает причину и признаки исторической драмы. В издании 1984 г. на крыше дацана Узун-Хурэ «рядом с колесом учения Будды, похожим на корабельный штурвал, китайские гамины <...> устанавливали пулемет» [9. С. 42]. То же – в издании 2001 г. Но несообразность соединения того и другого особенно становится заметна в издании 2012 г., где рядом с пулеметом проявляются образы ланей – символов буддийской кротости: «Справа и слева от колеса лежали выкрашенные в красный цвет деревянные лани – память о том, что они были первыми слушательницами бенаресской проповеди Будды Шакьямуни. Между ними китайцы устанавливали пулемет» [6]. И это сближение буддизма и войны в «Песчаных всадниках» чем дальше, тем больше выглядит неправильным, недолжным и приводящим людей, которые встали на такую дорогу, к краху на уровне собственной судьбы и к историческому поражению.

В предисловии к изданию книги «Самодержец пустыни» 2019 г. Л.А. Юзефович отмечает, что старается быть объективным, но его убеждения с течением времени меняются, что-то кажется ему ошибочным, что-то наивным, что-то лишним [3. С. 7–8]. То же самое можно сказать и о журнальных и книжных изданиях повести «Песчаные всадники». Писатель постепенно больше узнает о бароне Унгерне и о его современниках, больше узнает о буддизме, и это приводит к переписыванию исходного текста. Образ барона Унгерна становится у Юзефовича все сложнее и все глубже, Унгерн меняется, проходя путь от человека к мифу, от яркой фигуры Гражданской войны к метафорическому образу человеческого сознания, что ищет свое духовное призвание, и универсальному образу власти, которая переходит границу осмысленного насилия. Барон Унгерн у Юзефовича произвольно относится к буддизму, пытаясь переделать его под свои устремления, но религия оказывается больше, чем культурный и политический опыт, и в результате писатель в повести «Песчаные всадники» оценивает жизнь и поступки Унгерна с буддийской точки зрения и фактически выносит ему посмертный приговор.

Список источников

1. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды. СПб. : Искусство-СПБ. 2003. 616 с.
2. Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 188 с.
3. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 с.
4. Березин В.С. От Унгерн до Путилина // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/izdat/2001-05-24/1_ungern.html (дата обращения: 10.04.2020).
5. Юзефович Л.А. Песчаные всадники. М. : Зебра Е ; ЭКСМО ; Деконт +, 2002. 220 с.
6. Юзефович Л.А. Песчаные всадники. URL: <http://indbooks.in/mirror4.ru/?p=69512> (дата обращения: 10.04.2020).
7. Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М. : Вост. лит., 2003. 608 с.
8. Юзефович Л.А. Песчаные всадники // Уральский следопыт. 1984. № 8. С. 34–48.
9. Юзефович Л.А. Песчаные всадники // Уральский следопыт. 1984. № 9. С. 34–49.
10. Сорокина Т.Е. Художественное становление национально-исторического архетипа «Русский мир» в современной прозе. Ростов н/Д : АкадемЛитТМ, 2018. 222 с.
11. Абхидхарма. Гл. III, близкий к тексту перевод с тибетского на русский язык, подготовка тибетского текста, примечаний и таблиц Б.В. Семичова и Н.Г. Брянского. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1980. 259 с.
12. Юзефович Л.А. Песчаные всадники // Последний звонок. М. : Астрель, 2012.
13. Лобсанг Палден Еше (Панчен-лама III). Молитва Шамбалы / пер. М. Кожевниковой // Буддизм России. 1997. № 28. С. 14–17.
14. Юзефович Л.А. Князь ветра. URL: <https://e-libra.ru/read/137715-knyaz-vetra.html> (дата обращения: 10.04.2020).
15. Юзефович Л.А. Кяхтинский тракт. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2036> (дата обращения: 10.04.2020).
16. Юзефович Л.А. Полковник Казагранди и его внук // Маяк на Хийумаа : [рассказы] / Л. Юзефович. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 57–90.

References

1. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB.
2. Alekseev, P.V. (2006) *Formirovanie musul'manskogo teksta russkoy literatury v poetike russkogo romantizma 1820–1830-kh gg.* [Formation of the Muslim Text of Russian Literature in the Poetics of Russian Romanticism in the 1820s–1830s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Yuzefovich, L.A. (2019) *Samoderzhets pustyni. Baron R.F. Ungern-Shternberg i mir, v kotorom on zil* [Autocrat of the Desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived]. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoy.
4. Berezin, V.S. (2001) *Ot Ungerna do Putilina* [From Ungern to Putilin]. *Nezavisimaya gazeta*. 24 May. [Online] Available from: http://www.ng.ru/izdat/2001-05-24/1_ungern.html. (Accessed: 10.04.2020).
5. Yuzefovich, L.A. (2002) *Peschanye vsadniki* [Sand Riders]. Moscow: Zebra E; EKSMO; Dekont +.
6. Yuzefovich, L.A. (n.d.) *Peschanye vsadniki* [Sand Riders]. [Online] Available from: <http://indbooks.in/mirror4.ru/?p=69512>. (Accessed: 10.04.2020).
7. Vladimirtsov, B.Ya. (2003) *Raboty po literature mongol'skikh narodov* [Works on the Literature of the Mongolian Peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Yuzefovich, L.A. (1984) *Peschanye vsadniki* [Sand Riders]. *Ural'skiy sledopyt*. 8. pp. 34–48.
9. Yuzefovich, L.A. (1984) *Peschanye vsadniki* [Sand Riders]. *Ural'skiy sledopyt*. 9. pp. 34–49.
10. Sorokina, T.E. (2018) *Khudozhestvennoe stanovlenie natsional'no-istoricheskogo arkheta "Russkiy mir" v sovremennoy proze* [Artistic Formation of the National-Historical Archetype "Russian World" in Modern Prose]. Rostov-on-Don: AkademLitTM.
11. Semichov, B.V. & Bryanskiy, N.G. (eds) (1980) *Abkhidharma. Gl. III* [Abhidharma. Chapter 3]. Translated from Tibetan by B.V. Semichov & N.G. Bryanskiy. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
12. Yuzefovich, L.A. (2012) *Pozdnyy zvonok* [Late Call]. Moscow: Astrel'.
13. Lobsang Palden Yeshe (Panchen Lama III). (1997) *Molitva Shambaly* [Prayer of Shambhala]. Translated from Tibetan by M. Kozhevnikova. *Buddizm Rossii*. 28. pp. 14–17.
14. Yuzefovich, L.A. (2001) *Knyaz' vetra* [Prince of the Wind]. [Online] Available from: <https://e-libra.ru/read/137715-knyaz-vetra.html>. (Accessed: 10.04.2020).
15. Yuzefovich, L.A. (2003) *Kyakhtinskiy trakt* [Kyakhtinsky tract]. *Znamya*. 6. [Online] Available from: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2036>. (Accessed: 10.04.2020).
16. Yuzefovich, L.A. (2018) *Mayak na Khiumaa* [Lighthouse on Hiumaa]. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoy. pp. 57–90.

Информация об авторе:

Дубаков Л.В. – канд. филол. наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, КНР). E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Dubakov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, People's Republic of China). E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 17.01.2022;
approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 82.42
doi: 10.17223/15617793/483/3

Языковая репрезентация отрицательных эмоциональных состояний в творчестве Л. Петрушевской

Маргарита Аюшеевна Криволицкая¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, felicity47@yandex.ru*

Аннотация. Представлен анализ лингвистических средств выражения отрицательных эмоциональных состояний в творчестве Л. Петрушевской. В фокусе внимания – семантическая модель эмоционального состояния персонажей, реализованная в рассказах, вошедших в сборники «Странствия по поводу смерти» и «Не садись в машину, где двое». Рассмотрены способы репрезентации основных компонентов пропозиции состояния: предиката, субъекта (или носителя) состояния и каузатора. Подчеркнута значимость локальных и временных характеристик, актуализирующих то или иное эмоциональное состояние. Выявлены экспрессивные способы номинации эмоций, посредством которых вербализуется авторское мировосприятие.

Ключевые слова: семантика состояния, эмоциональное состояние, предикат, субъект, каузатор, локатив, темпоратив, отрицательные эмоции

Для цитирования: Криволицкая М.А. Языковая репрезентация отрицательных эмоциональных состояний в творчестве Л. Петрушевской // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 24–32. doi: 10.17223/15617793/483/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/3

Language representation of negative emotional states in works by Lyudmila Petrushevskaya

Margarita A. Krivolitskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, felicity47@yandex.ru*

Abstract. The article presents an interpretation of the linguistic means of expressing negative emotional states in Lyudmila Petrushevskaya's works included in the collections *Don't Get in a Car with Two People* and *Wanderings About Death*. The aim of this research is to identify the features of the language representation of negative emotional states in Petrushevskaya's stories. Approximately 400 statements with the semantics of an emotional state were revealed in the collections; 90% of them describe the characters' negative experiences. The main research methods are descriptive, linguo-stylistic text analysis, and linguistic modeling. The analysis shows that the semantic model of an emotional state is represented by a wide range of language means that express the characters' negative emotions and experiences: fear, anger, annoyance, grief, sadness, aggression, longing, resentment, despair, etc. The linguistic model of the situation of an emotional state represented in Petrushevskaya's stories includes three main components – the predicate of the state, the subject and the causator, and two optional components – the locative and the temporative. The peculiarity of an emotional state is that it belongs to unobservable phenomena, limited in time, possessing a static feature and lacking volitional activity of the subject (carrier) of the state. The author describes the linguistic means of representing the main components of the proposition of the state: the predicate, the subject (or carrier) of the state, and the causator; emphasizes the importance of local and temporal characteristics that actualize a particular emotional state; reveals the expressive ways of nominating emotions, which verbalize the writer's worldview. The author also notes that intensifiers (standard and specific) and various stylistic means promote the linguistic expression of negative emotions: parcellation, rhetorical questions, addresses, lexical repetitions, etc. Based on the analysis, the author concludes that negative emotional states, among which fear prevails (127 statements), are characteristic for Petrushevskaya's works. The representation of basic emotions (fear, anger, sadness, etc.) shows the writer's perception of reality: the world is dangerous and cruel. The characters who find themselves in difficult and hopeless situations are on the verge of despair; therefore, in the works, both men and women suffer equally with "anguish". The linguistic representation of negative emotions in the analyzed stories reflects the general specifics of the writer's style of narration. Statements with the semantics of an emotional state are full of neologisms, substandard vocabulary, complex constructions, contradictions and oppositions, inappropriate detailing and abrupt transitions.

Keywords: semantics of state, emotional state, predicate, subject, causator, locative, temporative, negative emotions

For citation: Krivolutskaya, M.A. (2022) Language representation of negative emotional states in works by Lyudmila Petrushevskaya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 24–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/3

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению эмоций в психологии, философии, социологии и лингвистике, что обусловлено бесспорным влиянием эмоционального состояния на когнитивную деятельность человека, его восприятие мира, физическую активность и другие жизненные сферы.

Согласно исследованиям Н.Д. Левитова, значимое место в классификации эмоциональных состояний занимает разграничение эмоций, влияющих на человека положительно или отрицательно [1. С. 184]. По степени экспрессивности и интенсивности положительные эмоции значительно уступают отрицательным, К. Изард объясняет это тем, что «в основе любой отрицательной эмоции лежит дискомфорт в самом широком смысле этого слова, который тут же регистрируется, в то время как комфорта может быть достаточно, а может быть недостаточно для удовольствия» [2. С. 171].

Вопрос вербализации эмоций в языке нашел отражение в трудах ученых разных лингвистических направлений: лексикологов (В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Н.Д. Арутюновой), синтаксистов (Т.В. Шмельевой, С.Н. Цейтлин), когнитивистов (А.А. Зализняк, Е.М. Вольф, Г.И. Кустовой) и др.

В когнитивной лингвистике эмоциональные состояния (ЭС) рассматриваются как фреймовые ситуации, состоящие из трех компонентов: субъекта эмоции, самого эмоционального состояния и причины/каузатора [3, 4]. В трудах представителей отечественного семантического синтаксиса состояние определяется пропозицией событийного типа, структуру которой определяют *актанты* и *сирконстанты*. Классическая модель ЭС – одноактантная, предполагает наличие субъекта и предиката [5]. Наибольшее внимание уделяется предикату эмоционального состояния, поскольку он обладает уникальными признаками (ограниченность во времени, ориентированность на субъект, невозможность изменяться во времени и др.) и указывает на неагентивность субъекта [6].

В рамках данной работы эмоциональное состояние определяется как «внутренние, скрытые от посторонних глаз ощущения человека, которые он испытывает, переживая ту или иную эмоцию» [7. С. 174].

Цель статьи – выявить особенности языковой репрезентации отрицательных эмоциональных состояний в творчестве Л. Петрушевской. Объектом анализа выступают высказывания, репрезентирующие эмоциональное состояние персонажей в рассказах Л. Петрушевской. Отдельного внимания кроме основных компонентов исследуемой ситуации заслуживают локатив и темпоратив, подчеркивающие значимость временных и пространственных характеристик в изображении внутреннего состояния персонажа.

Актуальность работы обусловлена особой значимостью отрицательного эмоционального состояния в художественном пространстве произведений Л. Петрушевской. В круг исследования входят понятия, ко-

торые обозначают отрицательные эмоциональные состояния: злость, досада, агрессия, огорчение, страдание, волнение и др. Новизна работы состоит в том, что анализ языковых средств, репрезентирующих негативные внутренние переживания персонажей в творчестве Л. Петрушевской, проводится впервые.

В исследовании внутреннего состояния человека и соответствующих способов языковой репрезентации важную роль сыграли работы, выполненные на материале художественных текстов. По мнению лингвистов и психологов, именно в рамках целостного художественного произведения становится возможным изобразить эмоции героев в полном объеме, показать их внутренний мир и сложность человеческой натуры [1, 7]. Предлагаемое исследование опирается на произведения, вошедшие в сборники «Странствия по поводу смерти» (М., 2017) и «Не садись в машину, где двое». Рассказы и повесть «Конфеты с ликером» в основном относятся к позднему периоду творчества Л. Петрушевской, в них выявлено около 400 высказываний и сложных синтаксических целых с семантикой эмоционального состояния, из них менее 40 указывают на положительные эмоциональные состояния, остальные описывают отрицательные эмоциональные состояния.

В работе используется общенаучный описательный метод (прием сравнения, элементы анализа и систематизации), метод лингвостилистического анализа текста (особое место занимает контекстный анализ языковых единиц), метод лингвистического моделирования, направленный на выявление основных компонентов семантической структуры высказывания и описание способов языковой репрезентации анализируемой ситуации.

Разнообразие эмоций по степени интенсивности и глубине переживаний привело к созданию классификации на основании авторской репрезентации ЭС. По способу репрезентации выделены эксплицитно и имплицитно выраженные ЭС. Эксплицитно представленные ЭС (ядерные) наиболее точно передают внутренние переживания субъекта: *Клавочка замерла от страха на эти три дня («Как Пенелопа»)/ Она буквально умирала от злости («Мырка и ее смех»)*. Определение имплицитно обозначенных ЭС (косвенные) осуществлялось на основании «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой: *И девушка Оля оказалась в западне («Девушка Оля»): фраза **оказаться в западне** указывает на ощущение безысходности (западня – искусный, ловкий маневр, прием для завлечения противника в невыгодное, опасное положение [8. С. 552]) / Он был растерян и стал похож на маленького мальчика («Заечка и Алешка»): растерянный – утративший способность соображать, не знающий, как поступать, как действовать от сильного волнения, потрясения [9. С. 672].*

По типу эмоций было выделено 3 группы:

1. Положительные ЭС (около 40 репрезентаций): *радость, восторг, счастье, ликование*. Например:

Увидев сына, она заплакала от счастья («Дорога Д.») или Она-то после душа увидела себя в зеркале, и она пребывала в восторге и изумлении («Не садись в машину, где двое»).

2. Нейтральные ЭС (меньше 20): удивление, изумление, спокойствие, равнодушие: Он явно **был ошарашен** появлением настоящего Деда Мороза («Мальчик Новый год»), или **Ей не было страшно** у себя дома («Строгая бабушка»).

3. Отрицательные эмоции составляют основную часть выделенного материала (более 300 репрезентаций). В работе «синонимичные» эмоции были объединены в микрогруппы с учетом степени интенсивности. Большая часть групп обозначена ключевым словом, значение которого присутствует в семантике других ЭС: *страх* (робость, испуг, паника, боязнь, страх, ужас), *злость* (раздражение, злоба, гнев), *страдание* (грусть, печаль, горе, скорбь), *обида* (досада), *отчаяние* (подавленность, безысходность), *истерия*, *скука* (тоска), *возмущение*, *волнение* (переживание, потрясение), *тревога*, *сочувствие*. По количеству преобладают высказывания с семантикой состояния: *страх* – 127 (*страх* – 52, *испуг* – 21, *боязнь* – 39, *ужас* – 10, *робость* – 4, *паника* – 1), *злость* – 34 (*злость* – 16, *раздражение* – 3, *злоба* – 10, *гнев* – 5), *грусть* – 37 (*грусть* – 5, *печаль* – 5, *горе* – 25, *скорбь* – 2), *отчаяние* – 16 (*отчаяние* – 7, *безысходность* – 8, *подавленность* – 1), *скука* – 12 (*скука* – 2, *тоска* – 10), *волнение* – 36 (*волнение* – 17, *переживание* – 6, *потрясение* – 14), *тревога* – 8, *сочувствие* – 2, *жалость* – 2, *досада* – 5, *обида* – 8, *истерия* – 8, *возмущение* – 1.

В текстах Л. Петрушевской разные ЭС часто представлены в их единстве: например, *горе* и *отчаяние*: Явление этой слегка смущенной и нетрезвой Раисы Ивановны произвело на мать **сокрушительное впечатление**, она просто **рехнулась**, **перестала спать**, **рыдала** и все время консультировалась с родней («Дорога Д.»). Одно высказывание состоит из нескольких пропозиций ЭС. В первой пропозиции предикат описывает шоковое состояние персонажа – **сокрушительное впечатление** (сокрушительный – потрясающий все существо человека, глубокий, сильный [10. С. 188]; впечатление – влияние, воздействие на кого-либо [8. С. 221]). Во второй ситуации ЭС глаголы **рехнулась**, **перестала спать**, **рыдала** и темпоратив **все время** указывают на разные ЭС – отчаяние и горе, выраженные косвенно (рехнуться – прост. сойти с ума [9. С. 712]; перестать спать или бессонница – болезненное отсутствие сна [8. С. 86]; рыдать – громко плакать, судорожно всхлипывая [9. С. 745]). Данный пример отчетливо показывает специфику ЭС – создание накала эмоций за счет экспрессивной лексики для точной передачи состояния.

На основании неравного количественного соотношения эмоционально окрашенных высказываний можно сделать вывод, что состояние страха и других негативных ЭС является наиболее характерным для персонажей творчества Л. Петрушевской. Преобладание отрицательных эмоций, возможно, обусловлено собственным биографическим опытом, сложной об-

становкой в стране и социальным положением населения. Таким образом, описание мучительного существования человека, его борьба со злом, людской ненавистью и мраком подчеркивают особое место отрицательных ЭС в художественной картине мира автора.

С позиции антропоцентрического подхода к языку основным участником является *субъект состояния*, в роли которого могут выступать только одушевленные существа с отсутствием волевой активности. Особенность *предиката внутреннего состояния* заключается в выражении преимущественно ненаблюдаемых явлений, локализованных на временной оси и обладающих признаком статичности [11].

Вопрос о роли и месте *каузатора* в классической модели ЭС остается открытым: ряд исследователей [5] не выделяют каузатор как основной компонент в схеме *субъект – предикат* ввиду его необязательности в структуре высказывания и разнородной семантики.

Необходимость *причины* в модели описания ЭС вне зависимости от того, эксплицитная она или имплицитная, подчеркивает Е.М. Вольф: «...ЭС всегда является следствием некоторых воздействий. Причина ЭС – это событие, которое может быть обозначено разными способами как в пределах... высказывания, так и вне его» [3. С. 65].

Г.И. Кустова выделяет каузатор как важный компонент в полной схеме эмоциональной ситуации, определяя его как «воздействующий фактор, стимул, причина». Автор отмечает, что обычно ЭС имеет причину, даже если она «неизвестна или ее трудно сформулировать» [4. С. 307]. Особенность каузатора в модели ЭС в контексте художественного произведения определяется его возможностью вызывать разные ЭС и таким образом определять характер, поведение, психическое здоровье персонажа и его отношение к внешнему миру.

В работе обозначен основной состав компонентов, репрезентирующих эмоциональное состояние: *субъект – предикат – каузатор*. Субъект и каузатор выступают в роли актантов – действующих лиц в рамках высказывания. В качестве второстепенных, но немаловажных компонентов выделены *локатив* и *темпоратив* – сирконстанты, которые указывают на обстоятельство и время описываемого состояния. В традиционном понимании сирконстанты относятся к компонентам, несущественно влияющим на семантическую структуру предложения, но исследования ученых в рамках когнитивной лингвистики позволили сделать вывод, что для каждой ситуации характерны определенные сирконстанты, способствующие передаче смысла и тональности контекста. А.В. Семкова полагает, что «сирконстанты способны вносить в конструкцию особые характеристики, если репрезентируют параметры, содержащиеся в ситуации, категоризируемой данной конструкцией, а их отсутствие свидетельствует о категоризации другой ситуации» [12. С. 82].

Наиболее распространенная схема предложений, репрезентирующих ЭС, выглядит так: S/N1 + Vf +

Saus, где S – субъект состояния, выраженный существительным или местоимением, Vf – спрягаемый глагол, Saus – каузатор, представленный зачастую существительным, например: *Данила очень уважал и боялся свою старую жену, это было известно* («Конфеты с ликером»). В качестве факультативных компонентов в схеме ЭС выступают локатив или темпоратив: Temp/Loc + S/N1 + Vf + Saus. *Даже в выходы он убежал пораньше, как будто боялся, что его спросят: а почему ты не ходишь на рынок, все приходится таскать вместо тебя, а ешь ты все так же регулярно и носишь выстиранное, но за квартиру и телефон не даешь денег* («Странная история мужа и жены»). В ряде высказываний ЭС может быть представлено только глаголом: Vf, например *испугалась* («Странствия по поводу смерти»), либо существительным: Npl *печали* («Заечка и Алешка»).

В анализируемых высказываниях пропозиция отрицательного эмоционального состояния репрезентирована различными способами:

1. Предикативный способ. Предикат может быть выражен:

а) личными глаголами – *переживать, бояться, испугаться* и т.д.: *Клавошка очень переживает, что ты не хочешь даже померить* («Как Пенелопа»); *Только страдала, когда учителя ставили ему двойки* («Богиня. Физиологический очерк»);

б) безлично-предикативными словами: *Ее несколько раз пытались остановить на ходу пьяноватые мужики... хотя было очень страшно, но там, на виду, ее не трогали, хотя некоторые водилы замедляли ход, что казалось ей еще ужасней* («Строгая бабушка»); *«Ему я что, понравилась?» – подумала Вера. Стало жутко* («Странствия по поводу смерти»);

в) предложно-падежной формой имени существительного «в + П. п.» с пропущенным глаголом-связкой с семантикой «находиться в состоянии»: *Я за себя не отвечаю. Я в подавленном состоянии. Я убью, мне ничего не будет* («Строгая бабушка»);

г) фразеологическими оборотами: *Девушка вернулась и присела на свой стул, выгнула глаза* («Не садись в машину, где двое»).

2. Полупредикативный способ представлен:

а) деепричастным оборотом: *Убью, убью, – застонала мать и зарыдала, топая ногами и дергая себя за волосы* («Девушка Оля»); *И девочка потом целый день все ходила под этим впечатлением, боясь бабушки* («Строгая бабушка»);

б) деепричастием: *Да-а? – пропела тетка, явно испугавшись* («Конфеты с ликером»);

в) причастным оборотом: *Это произошло потому, что мать, уставшая лежать по больницам в тоске по исчезнувшему сыну, наконец нашла свой путь...* («Падение вниз»);

г) причастием: *Сидели на кухне, пили пустой чай с сахаром. Все поняли. Расстроенные ушли* («Девушка Оля»).

3. Непредикативный способ репрезентирован:

а) словосочетанием «прил. + сущ. в П. п.»: *Я вам покажу! – кричала, не слыша, в полной истерике соседка* («Сила воды»);

б) существительным в Т. п.: *И вот, повторяем, девушка Оля со страхом поняла, что она беременна* («Девушка Оля»).

Предикат чаще всего выражен личными глаголами *бояться* (15 словоупотреблений) и *испугаться* (10), они служат прямым обозначением ЭС и не осложняются дополнительными смыслами: *Ганна вдруг испугалась и стала бормотать «триста тысяч», потом сказала «пятьсот тысяч», совсем запуталась, что-то посчитала в уме и произнесла наконец «триста рублей»* («Как Пенелопа»). К точным обозначениям ЭС можно отнести существительные, безлично-предикативные слова, деепричастия и причастия: *Оттуда они с папой вдвоем и привезли домработницу домой, опасаясь, что деревенские соседи уже заходили, глазами инырлили, жди доносов* («Странствия по поводу смерти»); *...хотя было очень страшно, но там, на виду, ее не трогали, хотя некоторые водилы замедляли ход, что казалось ей еще ужасней* («Не садись в машину, где двое»).

В предикатах, описывающих ЭС через физическое действие, всегда присутствует дополнительный элемент значения в зависимости от контекста. Например, глагол *плакать* и его дериваты *заплакать, плачущий, плача, плач* (всего 43) нередко дополняются семей *страха*: *...выяснилось, что мама ее скособочилась и заплакала, и на лице ее не возникло выражения сочувствия или радости, наоборот, был виден испуг, что начнется новая жизнь...* («Заечка и Алёшка»). Прием градации усиливает ситуацию ЭС: *Сестра яростно заплакала, даже завывала* («Мырка и ее смех»).

Таким образом, в высказываниях с семантикой состояния в произведениях Л. Петрушевской предикативный компонент представлен широким спектром языковых единиц, среди которых преобладают личные глаголы (*бояться, испугаться*), безлично-предикативными словами (*страшно, жутко*) и существительными (*паника, страх*).

Субъект эмоционального состояния представлен в основном существительными, а также личными местоимениями:

1) уменьшительно-ласкательные имена: *Верочка бессильно заплакала...* («Богиня. Физиологический очерк»); *Мариночка еще сильнее прижималась и начала плакать* («Сила воды»);

2) номинация по внешнему признаку: *Крошка вошла и остолбенела: там были снесены почти все стены* («Крошка и Бумажка в дикие времена»); *Заечка была испугана и открыла глаза* («Заечка и Алёшка»). К примеру, автор называет героиню рассказа Крошкой ссылаясь на ее миниатюрность: *... ее все обожали, Крошку – это было существо без косметики, похожее на подростка, какая-то прямо не от мира сего дворянка художочных кровей, одетая в приличный секонд-хэнд, глаза туманные от вечного недосыпу – и живет в пяти минутах от Кремля* («Крошка и Бумажка в дикие времена»). Имя *Заечка* отражает отношение персонажей к главной героине, она предстает хорошенькой, но глупенькой: *Заечка, бравая, хорошенькая по-американски, такая стриженная блондинка типа кинозвезды 50-х годов, какой-нибудь Дорис Дэй...* («Заечка и Алёшка»);

3) номинация по половому признаку: *Девушка* с бьющимся сердцем достала из сумочки телефон («Не садись в машину, где двое»); *И вот, повторяем, девушка Оля* со страхом поняла, что она беременна («Девушка Оля»);

4) авторские неологизмы: *А поскольку шляпка все время пропадала (явные происки Шуши), а маленькая Мырка этой вещию очень дорожила и лихорадочно искала, плача под неприкрытый смех Шуши...* («Мырка и ее смех»); *...Валюшка* плакала в голос («Странствия по поводу смерти»);

5) номинация по родственным отношениям: *Мать* ахнула, увидев свою *дочь* и сразу же ее спросила: *ты с ума сошла, ты беременная? Грудь как расплзлась!* («Девушка Оля»);

6) косвенная номинация:

а) лично-указательными местоимениями: *Только что он пережил весь ужас похорон...* («Воспитание чувств»); *Но однажды жена встретила его в рыданиях. Она сидела в машине, и по ее щекам катились неподдельные обильные слезы отчаяния* («Бедный человек»);

б) указательными и притяжательными местоимениями: *А наша абонентка (то есть та, которой он позвонил) находилась дома, что называется, в отчаянии, пришла с похорон и не знала, что поделать.* («След на руке»);

7) инициалы: *В конце концов обозленный Д.* сказал матери, что если они скоро не разведутся, то через месяц он женится на Раисе Ивановне и приведет ее к себе в комнату («Дорога Д.»);

8) названия праздников: *Двое людей той ночью с надеждой смотрели в окна, где сверкало и грохотал фейерверк, – мальчик Новый год и его мама* («Мальчик Новый год»);

9) номинация по временному статусу: *Пленница* в ответ (сердце бешено стучало) огляделась, якобы от нечего делать осматривая комнату, и повернулась к боковой двери («Не садись в машину, где двое») и др.

Субъект в пропозиции ЭС чаще всего представлен именами существительными женского рода. Это связано с актуальной для творчества темой *дочки-матери*, которая раскрывает непростые судьбы героинь, например, в романе «Время ночь», в пьесе «БИФЕМ» и других произведениях.

Нетипичные имена персонажей и неологизмы (*Мырка*, *Шуша*) отражают авторскую субъективную картину мира и показывают игру с читателем. Номинация субъекта ЭС характеризует личность персонажа – описание перехода человека на «путь просветления» через редукцию его имени до инициала – *Д.* в рассказе «Дорога Д.», или указывает на семейные связи – *отец*, *сын* («Воспитание чувств»), или демонстрирует гендерный признак – *девушка*, *женщина* («Странная история мужа и жены»). Также с помощью номинации автор выражает свое отношение к персонажу, различные оттенки чувств, например неприязнь – *Валюшка* («Странствия по поводу смерти»).

В исследуемой пропозиции каузатор чаще выражен одушевленными или неодушевленными существительными:

1) одушевленное существительное: *Но она панически боялась мышей, и она понимала, что без кота не обойтись* («Строгая бабушка»);

2) неодушевленное существительное: *Явление этой слегка смущенной и нетрезвой Раисы Ивановны произвело на мать сокрушительное впечатление, она просто рехнулась, перестала спать, рыдала и все время консультировалась с родней* («Дорога Д.»);

3) предлог *после* + неодушевленное существительное: *А мама Лора после этого письма расстроилась и рассказала Вере историю о еще одной, первой измене, о незаконном папином ребенке* («Странствия по поводу смерти»);

4) предлог *без* + указательное местоимение: *Он пользовался любым случаем, он должен был убивать, без этого ему стискивало сердце и начиналась жуткая нечеловеческая тоска* («След на руке»);

5) словосочетанием (прилагательное + существительное): *А однажды, когда мама Таня пришла домой после целого дня на рынке, опоздав, да к тому же и с новой прической (ее постригла подруга), строгая бабушка закатила огромный скандал, что волосы надо отрачивать!* («Строгая бабушка»);

6) указательное местоимение + словосочетание (прилагательное + существительное): *Соседка дико боялась этого новоприбывшего семейства...* («Конфеты с ликером»);

7) числительное: *И вообще одному ему страшно* («Бедный человек»).

Стихийное повествование Л. Петрушевской и тяга к приему парцелляции нередко «оставляет» каузатора за пределами высказывания: *Сначала она ждала, что придет известие о его смерти, но донесли, наоборот, новости о его победе на конкурсе студентов-архитекторов. Какие-то миры будущего, надо же. Сердце облилось кипятком* («Не садись в машину, где двое»). Подобные случаи подтверждают точку зрения Е.М. Вольф, что причина может быть представлен за пределами высказывания, но это не означает, что она отсутствует [3].

Актуальность семантики страха для творчества Л. Петрушевской подтверждается частым сочетанием каузатора с глаголом *бояться* «бояться + кого» (всего 15): *Только дети бледнее обычного и боятся, как огня своих бурных родителей...* («Богиня. Физиологический очерк»).

Необходимо отметить, что в работе были выявлены высказывания, включающие каузативную ситуацию, представленную неопределенно-личным предложением: *Холод лютый в декабре, пошел снег, талдычила старушка деревянным голосом, приехала в город, получила пенсию, в свой бывший боялась показаться, а то, Миша сказал, возмут тебя заложницей* («Как Пенелопа»). Или придаточным предложением СПП: *Дочка же обижалась и не хотела разговаривать с отцом, когда он отказал ей в просьбе – дать ключи от той квартиры на день рождения хотя бы* («Бедный человек»).

Поскольку типичный герой Л. Петрушевской – «серединный человек» [13. С. 136], представитель среднего класса, опустившийся на дно жизни, поэто-

му он страдает от рутины, бытовых ситуаций и людей. Причины страданий представлены жизненными ситуациями (событиями): *Только что он пережил весь ужас похорон, пришлось кое-как, за три копейки, сдать родительскую квартиру и взять плату вперед, чтобы хоть оправдать дорогу* («Воспитание чувств»); родственниками (лицо): *...взрослая дочь и внучка оказались у такой бабушки причиной всех ее бедствий...* («Строгая бабушка»); действиями (событиями): *Клавоочка очень переживает, что ты не хочешь даже померить* («Как Пенелопа»). Главной причиной человеческих страданий выступает сама жизнь: *Жизнь оборачивалась к ним своей неизвестной и ужасной стороной* («Бедный человек»).

Сирконстанты локатив и темпоратив представлены меньшим количеством примеров, но это не уменьшает их значимости в репрезентации ЭС. Локативы выражены существительными и указательными местоимениями со следующей семантикой:

1) «собственно место»: *Леля таилась на лестнице, выше своей двери на пол-этажа* («Конфеты с ликером»); *Там сидели и стояли явные убийцы!* («Не садись в машину, где двое»);

2) «путь движения»: *Осторожно, с замирающим сердцем, вела она детей по страшному, может быть, последнему их пути* («Конфеты с ликером»); *Лена вошла туда, со свистом дыша, надела рюкзак, спустилась по лестнице, тревожно оглядываясь, не бегут ли за ней, нет ли топота по ступеням* («Строгая бабушка»).

Локатив играет второстепенную роль в пропозиции эмоционального состояния, но при детальном анализе описание места косвенно подчеркивает переживания субъекта. Например, в высказывании *Леля таилась на лестнице, выше своей двери на пол-этажа* («Конфеты с ликером») локатив «на лестнице, выше своей двери» указывает на угрожающую опасность в собственной квартире. Автор не поддерживает традиционные представления о доме как убежище и подчеркивает состояние безысходности героини в родной квартире. Нередко дом предстает в произведениях Л. Петрушевской в образе места с разрушительной силой: *...все у них плохо, что в квартире дым коромыслом, буквально не отдохнешь после работы, жена злится, кричит* («Девушка Оля»); *Отец понимал, что она боится того, что последует дома* («Воспитание чувств»). Или возникает квартирный вопрос: *А мать завелась и закричала, иди езжай откуда явился, к себе в Мухоморск, еще выступает, это там моя твоя квартира* («Воспитание чувств»). Всего к проблеме дома/квартиры в контексте высказываний с ЭС автор обращается 40 раз.

Скорость передвижения из одного места в другое говорит о стремительности и сильных переживаниях: *Отец прибыл на дачу прямо из своего госпиталя, видимо, в мрачном расположении духа, боясь увидеть какого-нибудь соперника помоложе, и нашел в избушке чудище костлявое, лысое и вдобавок, как огородное пугало, одетое в большую рубаху* («Странствия по поводу смерти»).

В высказывании *И вот загремели в дальних дверях ключи, Вера мигом вскочила и вскарабкалась наверх и там застыла* имплицитно отражена ситуация страха. В первой пропозиции на ситуацию страха подчеркивают глагол со значением слухового восприятия «загремели» и локатив «в дальних дверях», во второй пропозиции локативы «наверх» и «там» также указывают на возможность героини укрыться от опасности.

Локатив с семантикой пути, направления встречается в рассказах «Дорога Д.» и «Странствия по поводу смерти». Главные персонажи, несмотря на жизненные обстоятельства, движутся по своему пути, меняют пространство (переезд в другую страну) и выходят на новый, совершенно непривычный уровень жизни.

Темпоратив занимает особое место в высказываниях с семантикой состояния в связи с тем, что одним из ключевых свойств предиката ЭС является ограниченная протяженность во времени (период переживания эмоций чаще всего представлен имплицитно). Эксплицитно обозначенные временные отрезки акцентируют внимание их важности. Темпоратив представлен в рассказах Л. Петрушевской именами числительными, существительными, указательными местоимениями с семантикой:

1) период жизни героя: *Она была абсолютно невыносима в тот момент. Так откровенно, настырно, напрашиваясь, как больная, любить мужика!* («Тамила»); *Клавоочка замерла от страха на эти три дня* («Как Пенелопа»);

2) обозначение времени через описание события (придаточное предложение с союзом *когда*): *А однажды, когда мама Таня пришла домой после целого дня на рынке, опоздав, да к тому же и с новой прической (ее постригла подруга), строгая бабушка закатила огромный скандал, что волосы надо отрацивать!* («Строгая бабушка»);

3) время суток: *К середине ночи мама Нового года очнулась в реанимации, заплакала, забеспокоилась и решила встать* («Мальчик Новый год») и др.

Временная характеристика ситуации ЭС представляет отдельный интерес. К вопросу времени, особенно темного времени суток, Л. Петрушевская обращается на протяжении всего творческого пути. Так, ночь проходит красной нитью через немалое количество произведений писательницы (роман «Время ночь», книга пьес «Брачная ночь, или 37 мая»). Это время суток – без просвета, наполненное страхом и отчаянием: *А потом подумала: и там он их настигнет. Как-нибудь ночью. Еще страшнее* («Конфеты с ликером»). Автор показывает усиление страха, если *он настигнет ночью*. Роль темпоратива *ночь* усиливается за счет атрибутива *как-нибудь* – «когда-нибудь», как только найдется время»: [14. С. 18], он демонстрирует способ действия субъекта – внезапно/неожиданно. В материале темпоратив *ночь* часто используется в контексте тревожной ситуации: *...раз уж он однажды ночью, доведенный до отчаяния, написал ей письмо с прямыми указаниями, что для него надо сделать, иначе конец* («Падение вниз»). В некоторых случаях темпоратив *ночь* может выполнять функцию

локатива с семантикой «направление»: ...и Владимир однажды вечером ушел из объятий плачущей Ванны **никуда, в темную ночь** («Падение вниз»).

С помощью темпоративов *целый день, ночь напролет* показывается интенсивность переживаний (тоска): **Целыми днями** Соня тосковала, ждала почту – ночь напролет надеялась на утреннюю, а **целый день** на вечернюю («Тамила»). Или подчеркивается степень робости и стыдливости субъекта, которая заставляет героиню именно ночью, а не днем расклеивать объявления: *Она, помирая от робости, ночью* расклеила объявление о гуляльной группе, что «Педагог с медицинским образованием набирает детей, прогулка и обед, с десяти до пяти ежедневно» («Конфеты с ликером»).

На основании анализа был сделан вывод, что важно учитывать роль локатива и темпоратива в высказываниях, репрезентирующих внутреннюю мир персонажей. Безусловно, роль сирконстантов второстепенна, но в зависимости от контекста темпоратив и локатив влияют на семантику ЭС и подчеркивают специфику творчества Л. Петрушевской.

При репрезентации эмоционального состояния субъекта необходимо уделить внимание интенсификаторам. В анализируемых рассказах можно выделить два типа интенсификаторов по степени экспрессивности:

1) стандартные (*очень, сильно, слишком*): *Надо было действовать **очень** разумно. Хотя сердце билось **очень** сильно* («Странствия по поводу смерти») и др.;

2) специфические (разговорные) (*дико, жутко, до ужаса, до полубоморока и др.*): *Соседка **дико** боялась этого новоприбывшего семейства...* («Конфеты с ликером»). *Потрясенный **до полубоморока** отец* приволок сына домой, где обкуренный отрок плюхнулся у телевизора, распространяя знакомый, родственный перегар («Воспитание чувств») и др.

Представленные интенсификаторы являются стилистическими маркерами экспрессивности эмоционального состояния персонажа и демонстрируют индивидуальные черты авторского повествования.

Одна из особенностей произведений Л. Петрушевской заключается в стремлении к речевой свободе. Автор умело сочетает книжную и сниженную лексику, создавая необычные комбинации, нарушающие литературные нормы. Подобный речевой хаос, вложенный в уста повествователя и героев, создан показать неприглядный мир контрастов: *Заечка вытытывала, огорчалась, снова готовила (а **поди успеи все купить и доволочь** после работы **до дому**)* («Заечка и Алёшка»); *Был вечер, тоска накрыла Лиду с головой как толстым одеялом, не выбраться самой, не выпутаться, пришлось включить **дурацкий** телевизор, но бедняга ничего не могла найти хорошего, **тупо сидела, переключая программы*** («След на руке»).

Своеобразный стиль повествования наиболее ярко представлен при описании волнительных ситуаций: *...выросли ни на что не способными **дармоедками, живоглотками и чулиндрами**, сидящими на шее* («Строгая бабушка»); *Мамаша* поняла, испугалась и на все тут же согласилась («Дорога Д.»).

Анализ основных компонентов семантической модели не позволяет охватить все языковые средства,

характеризующие эмоциональное состояние персонажей в рамках художественного пространства рассказов. Стоит сказать несколько слов об изобразительно-выразительных средствах, используемых автором для создания художественных образов.

В анализируемых сборниках «Не садись в машину, где двое» и «Странствия по поводу смерти» для вербализации отрицательных эмоциональных состояний используются следующие стилистические средства:

1. Парцелляция: *И тут я **услышала** опять звук мотоцикла и **побежала. Испугалась*** («Странствия по поводу смерти») – ситуация страха. *Как какой-то похоронный колокол забился в ушах Лели. **Идет! Убийца идет!*** («Конфеты с ликером») – нагнетание эмоций.

2. Риторические вопросы и восклицания: *Куда человека тянет, куда его несет? Туда, где его любят* («Богиня. Физиологический очерк»); *...И не лей слезы! Плачет еще! Мне плакать надо! А на кухне... Что пол не помыть? Ах ты дрянь! Идите тогда на улицу!* («Строгая бабушка»).

3. Вставные конструкции: *А наша абонентка (**то есть та, которой он позвонил**) находилась дома, что называется, в отчаянии, пришла с похорон и не знала, что поделать* («След на руке»).

4. Обращения: *Ты жива? – зарыдала мама. – Жива? **Верочка!*** («Странствия по поводу смерти»).

5. Лексические повторы: *Лечащий врач прятала глаза, не отвечала ничего конкретного, сказала, все, курс **пока** закончен. Продлевать его опасно **пока что. Пока что** вот* («Леди»).

6. Инверсия: *Сильно билось сердце* («Странствия по поводу смерти»).

7. Уподобление разговорной речи за счет сочинительных союзов в начале предложения: *А соседки бушевали – что, что, явилась тут, на пол **повыкидывала*** («Заечка и Алёшка»).

8. Сравнение: *Он был **похож на убийцу. Его друг тоже*** («Не садись в машину, где двое») и др.

Перечисленные средства нацелены на создание эффекта непринужденного повествования. Для этого текст стилизуется под стихийную эмоциональную речь, наполненную косноязычием. Указанные приемы изображают близость повествователя с читателем и создают иллюзию повседневности.

Необходимо также отметить и специфику описания чувств мужских и женских персонажей. В традиционном понимании эмоции мужчин выражаются сдержанно и без экспрессии, но Л. Петрушевская предпочитает изображать эмоции героев также «надрывно», как и переживания героинь: *Он сначала онемел, остановился, а потом завопил: – От меня? От Богдана! Убью, плизть! Закопаю вообще **нах*** («Крошка и Бумажка в дикие времена»); *Он **весь дрожал и безостановочно лил слезы*** («Воспитание чувств»); *Видно было, что Никита **боится** знакомить Лелю с матерью и сестрой – кто она такая, деревенщина, – и в то же время он **всегда дико ревновал**, вплоть до того, что не хотел оставлять Лелю одну* («Конфеты с ликером») и др.

Значимую роль в описании чувств героев играет язык тела, который плохо поддается контролю, по-

этому выдает истинные эмоции и естественную реакцию на происходящее. Автор часто выражает наиболее тревожные и сложные эмоции через мимику, жесты, позы, голос или хаотичные действия персонажей для придания ситуации экспрессии: *Клава дрожала крупной дрожью* («Не садись в машину, где двое»); *Вой слышался по всему академическому дому, Марина не сдерживала себя кричала, как роженица, монотонна визжа* («Нет решения»).

В художественном тексте эмоциональная сфера жизни персонажей репрезентируется через восприятие повествователя и его видение (описание) внутреннего мира героя. Е.М. Вольф отмечает его «непогрешимость» в описании эмоционального состояния своего героя: «Внутренние состояния непосредственно ненаблюдаемы, о них можно судить по их проявлениям. Именно поэтому описания состояний часто даются косвенным путем, через внешние признаки или действия. Очевидно, состояние как таковое может быть оценено лишь самим его субъектом. Описания состояний в авторской речи оказываются возможными, поскольку повествователь как бы “влезает” в душу действующего лица или судит о его состоянии по косвенным причинам» [15]. Характеристика ЭС от лица повествователя в произведениях Л. Петрушевской – самый распространенный вариант описания чувственной сферы: *Схоронили, и вскоре приехал Владимир, все узнал, был нечеловечески потрясен, сверх меры, был напуган так, что трясся. Лицо побелело* («Падение вниз»); *А у нашей девушки все надежды кончились* («Девушка Оля»).

Описание ЭС возможно и «глазами» персонажей, автор подобным образом подчеркивает не только зрительный контакт между персонажами, но и показывает важность восприятия как часть ситуации ЭС: *Артем поднялся, увидел растерянную Крошку, бросил на пол пакеты, схватил ее за плечи, выкрикивая ругательства и повторяя: «А, ты уже с Богданом живешь, сука, в моем доме! Я понял, он выбежал!»* («Крошка и Бумажка в дикие времена»); *...а Владимир появился из небытия месяц спустя, вошел со своими ключами, растерялся, увидев Лизу, но сказал...* («Падение вниз»). Смысл художественного текста актуализируется при учете контекстуальных наращений и индивидуальной картины мира автора. Основным способом достижения символической экспрессии речи эффекта «колеблющихся смыслов» является ослабление денотативной соотнесенности и переход в другие семантические поля. Элементы семантического поля восприятия регулярно репрезентируют эмоционально-психическое состояние и связаны с ним коннотативными компонентами значения [16. С. 36].

В редких случаях состояния репрезентируются как саморефлексия персонажа... *чувствую себя плохо, плохо* («Зачека и Алёшка»); *И тут я услышала опять звук мотоцикла и побежала. Испугалась* («Странствия по поводу смерти»). Герои Петрушевской – неговорящие, им нечеловечески трудно выразить невыговариваемое, прежде всего им трудно описать свои человеческие катастрофы [17. С. 109]. Именно поэто-

му в уста рассказчика «вложена» задача поведать о страданиях и ужасах героев.

Перечисленные выше примеры показывают разные способы получения информации об эмоциональном состоянии субъекта. В исследуемых произведениях преобладает описание ЭС субъекта от лица повествователя, и несмотря на то, что в описании отсутствует компонент зрительного восприятия, автор создает эффект присутствия повествователя. Часто повествователь позволяет передать ЭС субъекта через восприятие другого персонажа: *Ее внуки стояли, все трое, и смотрели, как Крошка хлопает глазами и тарачится на матрасе внизу, а их бабушка сверху на нее кричит* («Крошка и Бумажка в дикие времена»). В когнитивной лингвистике принято полагать, что человек выступает объектом воздействия внешнего мира, в процессе которого он изменяется, в результате чего он испытывает перцептивные или ментальные состояния: человек ощущает, чувствует, видит, слышит, знает [4. С. 283].

Исследователи художественного творчества Л. Петрушевской подчеркивают языковое и стилистическое своеобразие ее рассказов: «Идя навстречу стихии устного слова, она творит, как справедливо утверждает Р. Тименчик, целый «лингвистический континент» со своим словарем, синтаксисом, тропами, создавая свой «петрушевский» стиль – стиль максимальной речевой свободы, соответствующий будничной и неприглаженной реальности» [18. С. 37].

Проведенный лингвистический анализ рассказов позволяет говорить о том, что семантическая модель эмоционального состояния представлена в творчестве Л. Петрушевской широким спектром языковых средств, которые репрезентируют в первую очередь отрицательные эмоции и переживания персонажей: злость, досаду, агрессию, огорчение, страдание и др. Большое внимание уделяется эмоции *страха*, что подтверждается количественным подсчетом (127 высказываний с семантикой страха). Частая репрезентация самого древнего чувства *страха* на страницах произведений показывает авторское восприятие действительности – мир опасен и жесток. В этом мире не работает правило «мужчины не плачут» – чувствам подвластны все герои независимо от возрастной и гендерной принадлежности.

Языковая репрезентация отрицательных эмоций в проанализированных рассказах отражает общую специфику авторской манеры повествования. Слог Л. Петрушевской отличается своеобразной «хаотичностью стиля», что вызывает у читателя некий когнитивный диссонанс. Высказывания с семантикой эмоционального состояния пестрят неологизмами, сниженной лексикой, сложными конструкциями, противоречиями и противопоставлениями, неуместной детализацией и резкими переходами. Все перечисленные индивидуальные приемы создают художественную картину мира, центром которой является герой Л. Петрушевской – не идеальный, но сложный и неоднозначный.

Список источников

1. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М. : Просвещение, 1964. 343 с.
2. Изард К. Психология дифференциальных эмоций. М. : Медицинская книга, 2002. 276 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М. : Наука, 1989. С. 55–76.
4. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Флинта, 2016. 468 с.
5. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. 47 с.
6. Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М. : Наука, 1982. 368 с.
7. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 182 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 1: А–Й. 1985. 696 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 3: П–Р. 1987. 752 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 4: С–Я. 1988. 800 с.
11. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 337 с.
12. Семкова А.В. К вопросу о статусе сирконстанта в предложении // Вестник Академии знаний. 2014. № 1 (8). С. 76–84.
13. Рыбальченко Т.Л. Русская реалистическая проза 1950–1960-х годов о культуре страха // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог : сб. ст. Вып. 3. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 116–148.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 2: К–О. 1986. 736 с.
15. Юсева Ю.В. Вербализация эмоциональных состояний на уровне языковых единиц в англоязычной художественной прозе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 519. С. 174–184.
16. Корячканова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Brno, 2016. 237 с.
17. Плеханова И.И. Принципы художественной игры Петрушевской. М., 2019. 128 с.
18. Маркова Т.Н. Поэтика повествования Л. Петрушевской // Русская речь. 2004. № 2. С. 37–44.

References

1. Levitov, N.D. (1964) *O psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka* [About the Mental States of a Person]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Izard, C. (2002) *Psikhologiya differentsial'nykh emotsiy* [Psychology of Differential Emotions]. Translated from English. Moscow: Meditsinskaya kniga.
3. Vol'f, E.M. (1989) *Emotsional'nye sostoyaniya i ikh predstavleniya v yazyke* [Emotional states and their representations in language]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Problems of Intensional and Pragmatic Contexts]. Moscow: Nauka. pp. 55–76.
4. Kustova, G.I. (2016) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Derived Value Types and Language Extension Mechanisms]. Moscow: Flinta.
5. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis* [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
6. Seliverstova, O.N. (ed.) (1982) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow: Nauka.
7. Babenko, L.G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Designating Emotions in Russian]. Sverdlovsk: Ural State University.
8. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
9. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Matkhanova, I.P. (2001) *Vyskazyvaniya s semantikoy sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Statements with the semantics of the state in modern Russian]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
12. Semkova, A.V. (2014) *K voprosu o statuse sirkonstanta v predlozhenii* [On the status of the circustant in the sentence]. *Vestnik Akademii znaniy*. 1 (8). pp. 76–84.
13. Rybal'chenko, T.L. (2001) *Russkaya realisticheskaya proza 1950–1960-kh godov o kul'ture strakha* [Russian realistic prose of the 1950s–1960s about the culture of fear]. In: Rybal'chenko, T.L. (ed.) *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, problems, cultural dialogue]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 116–148.
14. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Yuseva, Yu.V. (2007) *Verbalizatsiya emotsional'nykh sostoyaniy na urovne yazykovykh edinit v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze* [Verbalization of emotional states at the level of language units in English fiction]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 519. pp. 174–184.
16. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic Picture of the World Through the Prism of the Category of Perceptuality]. Brno: MUNI PRESS.
17. Plekhanova, I.I. (2019) *Printsipy khudozhestvennoy igry Petrushevskoy* [Principles of artistic play by Petrushevskaya]. Moscow: Flinta.
18. Markova, T.N. (2004) *Poetika povestvovaniya L. Petrushevskoy* [Poetics of narration by L. Petrushevskaya]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 37–44.

Информация об авторе:

Криволицкая М.А. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: felicit47@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Krivolutskaya, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: felicit47@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.12.2018;
одобрена после рецензирования 17.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 04.12.2018;
approved after reviewing 17.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/483/4

Окказиональное слово- и фразеотворчество в художественной прозе С.А. Есенина

Виталий Александрович Лаврентьев¹, Елена Владимировна Логачёва²

¹Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, v.lavrentev@365.rsu.edu.ru

²Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань, Россия
logacheva81@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены индивидуально-авторские образования, извлеченные методом сплошной выборки из художественной прозы С.А. Есенина. Проанализированы окказиональные лексемы и показаны способы их образования. Описаны билексемы и их специфика. Выявлены фразеологические единицы с заменой компонентов, расширением или усечением состава. Обращено внимание на контаминацию фразеологизмов. Сделан вывод о том, что окказиональность является приметой индивидуального стиля писателя.

Ключевые слова: С.А. Есенин, окказионализмы, словообразование, билексемы, фразеологизмы, художественная проза

Для цитирования: Лаврентьев В.А., Логачёва Е.В. Окказиональное слово- и фразеотворчество в художественной прозе С.А. Есенина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 33–44. doi: 10.17223/15617793/483/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/4

Occasional word- and phrase-creating in Sergei Yesenin's literary prose

Vitaly A. Lavrentev¹, Elena V. Logacheva²

¹Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, v.lavrentev@365.rsu.edu.ru

²Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov, Ryazan, Russian Federation, logacheva81@gmail.com

Abstract. The language of Sergei Yesenin's prose is still poorly studied. The article aims to analyze Yesenin's individual authorial formations extracted by the method of continuous sampling from the story *Yar*, the short story "Boby and Druzhok" and the novella *At White Water*. The main methods of analysis were descriptive, component, and contextual ones. As a result of the study, we identified Yesenin's individual authorial lexemes, billexemes and phraseological units. We recorded occasional names of everyday objects, natural phenomena, as well as names of people, animals and body parts formed by suffixation, prefixation and suffixation, and composition. For the derivation of adjectives the writer uses suffixation (with various suffixes, sometimes unproductive), occasional patterns (with missing stages in the derivation chain), and composition. To coin verbs, Yesenin chooses mainly prefixation-suffixation and prefixation-suffixation-postfixation methods. He also adds a derivational morpheme to an onomatopoeic word, which is occasional by nature. When coining participles and adverbs, Yesenin uses mainly traditional schemes, but takes the stems of occasional and dialect verbs as generating ones. His adverbs are mostly lexical occasionalisms and are formed mainly by prefixation-suffixation. We also recorded authorial participles and interjections in Yesenin's prose. A feature of the writer's individual creative manner is the presence of the so-called billexemes in his works. Yesenin's prose contains occasional phraseological units, in which a unit's component is replaced, a unit is part of a comparative construction with a completely replaced predicative component, a unit is broken, a unit's composition is expanded, several units are combined, a unit is shortened or dephraseologized. A separate group is units with the concept "God" – these are modified set phrases and formations created by Yesenin himself. The structural and semantic analysis of the transformed and authorial phraseological units showed their main functions: emotive, evaluative, transmitting additional information and saving speech resources. Transforming a phraseological unit, Yesenin introduces various semantic clarifications, enhances expression and achieves a comic effect. Occasionalisms are found both in the author's speech and in characters' remarks. The performed analysis of Yesenin's individual authorial formations from literary prose, as well as the appeal to the poet's lyrics give us grounds to conclude that, for Yesenin, occasional words and phrases are not just a means of expression, but an integral element of his individual style that, on the one hand, emphasizes the originality of his language, and, on the other, brings it closer to the poetic traditions of folk speech, which indicates the versatility of Yesenin's talent.

Keywords: Sergei Yesenin, occasional words, word formation, billexemes, phraseological units, literary prose

For citation: Lavrentev, V.A. & Logacheva, E.V. (2022) Occasional word- and phrase-creating in Sergei Yesenin's literary prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 33–44. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/4

Творчество С.А. Есенина позиционируется в русском литературоведении как новаторское (например, в работах Н.И. Шубниковой-Гусевой [1], Ю.Л. Прокушева [2], О.Е. Вороновой [3] и др.). Искания писателя не ограничиваются экспериментами в области создания образности, стремлением выразить свои мысли и внутренний мир посредством различных жанров, соединением романтического и реалистического начал в поэзии и прозе. С.А. Есенин, как он сам выражался, писал на «своем рязанском языке» [4. Т. 6. С. 66]. Широко используя диалектизмы, просторечные слова, индивидуально-авторские неологизмы, писатель раскрывает все богатство и семантический потенциал русского языка, благодаря чему читатель имеет возможность видеть внимательное и бережное отношение поэта к слову, к его форме и содержанию и по достоинству оценить словотворческий дар певца «страны березового ситца».

Индивидуально-авторские новообразования присутствуют в произведениях многих поэтов и писателей разных временных срезов, однако в последние десятилетия авторское экспрессивное словотворчество (создание неузвучных слов, словоформ, слово- и буквосочетаний и т.п.) заметно активизировалось, что связано с динамическими процессами в публицистике, СМИ и сети Интернет, и стало высокопродуктивным типом пополнения стилистически маркированных единиц. Этот факт говорит об актуальности дальнейшего изучения данной проблемы.

Различные аспекты теории окказиональности, вопросы дифференциации потенциальных, окказиональных слов и неологизмов, их классификации рассматриваются в трудах Н.М. Шанского [5], Е.А. Земской [6], Н.Г. Бабенко [7], А.Г. Лыкова [8], В.В. Лопатина [9] и др. Экспрессивно-эмоциональные возможности окказионализмов, вопросы их систематизации получили развитие в статьях М.А. Пахомовой [10], Н.А. Самыличевой [11] и др.

Несмотря на достаточно солидное количество научных работ, посвященных проблеме индивидуально-авторских образований, многие вопросы до сих пор являются спорными. Под окказионализмами в данной статье мы будем понимать языковые единицы, представляющие собой особые индивидуально-авторские образования, которые возникают в зависимости от определенной ситуации, от тех или иных выразительно-речевых задач, стоящих перед автором, и не зафиксированы толковыми словарями. Процесс образования таких лексем в целом опирается на существующие в языке словообразовательные модели, однако нередко писатели намеренно нарушают те или иные деривационные схемы или смешивают их [6. С. 238]. Учитывая опыт ряда ученых, при формировании эмпирической базы, мы отбирали для анализа все «одноразовые» слова, образованные как по имеющимся языковым моделям (в том числе и потенциальные слова), так и с их нарушением, поскольку счита-

ем, что любое авторское новообразование, независимо от его близости к норме, узусу, требует лексического, семасиологического, словообразовательного и иных аспектов рассмотрения. Необходимо отметить, что отнесение того или иного слова к группе окказиональных вызывает объективные трудности: имеются факты, когда исследователи причисляют языковую единицу то к областным, то к созданным автором произведения. Например, не находя фиксации в диалектных лексикографических источниках, в словаре В.И. Даля [12] или в материалах языковедческих экспедиций, лингвисты делают предположение, что то или иное слово не относится к диалектизмам; в этом случае его, как правило, относят в категорию «случайных» (от лат. *occasio* – случай). Таково, например, у С.А. Есенина имя существительное *прохожалка*. Л.А. Кононенко отмечает по поводу данной лексемы: «В словаре В.И. Даля, СРНГ (Словарь русских народных говоров. – *Примеч. наше*) приведенное имя существительное, значение которого определяется глаголом *проходить* (в данном контексте с явно неодобрительным значением), не зафиксировано» [13. С. 19]. В словаре Г.И. Шипулиной оно толкуется как «проходящая мимо», помечается и как окказиональное, и как областное, но со «знаком сомнения, пометой с вопросом», что является показателем неуверенности составителя в точности пометы или невозможности однозначно квалифицировать лексему [14. Т. 2. С. 134].

В русистике имеются работы, посвященные изучению окказионализмов в творчестве С.А. Есенина (например, работы Г.С. Васильевой [15], М.Д. Моргуна [16], Л.А. Шероновой [17], Г.И. Шипулиной [18] и др.), однако в них, как правило, анализируются поэтические произведения. Согласно нашим наблюдениям, детальное рассмотрение специфики окказионализмов в прозе С.А. Есенина до сих пор не становилось предметом специального исследования, хотя данный аспект заслуживает пристального внимания, поскольку здесь проявляется самобытность языка художественной прозы С.А. Есенина, многогранность таланта писателя. Таким образом, обращение к лингвистическому анализу окказионализмов в прозаических произведениях помогает раскрыть особенности идиолекта С.А. Есенина, а само исследование оказывается мотивированным и своевременным.

В качестве источников языкового материала были взяты три произведения С.А. Есенина, которые традиционно относятся исследователями к жанру художественной прозы (к данному жанру составители «Полного собрания сочинений Сергея Есенина в семи томах (девяти книгах)» [4. Т. 5] причисляют и очерк «Железный Миргород», однако специфика жанра, стиля данного произведения дает основания для его обособленного рассмотрения). При этом обнаружено, что индивидуально-авторские слова и выражения с наибольшей частотностью представлены в повести «Яр», неслучайно называемой своеобразной творче-

ской лабораторией [19. С. 24]. Короткий рассказ «Бобль и Дружок» включает в себе лишь два авторских композита, а в новелле «У белой воды» «случайная» номинация представлена единичным примером. Метод сплошной выборки позволил выявить, что в прозаических произведениях содержится в общей сложности 70 окказиональных единиц (в том числе и билексемы) и 38 созданных либо переосмысленных, трансформированных устойчивых выражений. При анализе имеющихся в индивидуальном словаре писателя «новых» слов были учтены данные «Словаря языка С. Есенина: художественная проза» [14], «Словаря диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина» [20], словарика местных слов и выражений, составленного сестрой поэта Александрой Александровной Есениной [4. Т. 5. С. 378–384], а также «Словаря русских народных говоров» [21] и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [12].

В результате изучения художественной прозы писателя были выявлены следующие особенности.

В категории **имен существительных** представлены названия предметов быта, явлений природы, а также наименования людей, животных, частей тела.

Основу данной группы составляют лексические индивидуально-авторские образования (о разграничении в языкознании лексических и семантических окказионализмов подробно пишет Н.Г. Бабенко [7]).

В зависимости от способа деривации и словообразовательного форманта окказиональные имена существительные подразделяются на несколько типов.

1. Имена существительные, образованные суффиксальным способом (нами зафиксировано семь языковых единиц).

Отадъективное имя существительное, образованное суффиксальным способом. *После обеда к поту подъехала запряжённая в колымагу пара сиваков* [4. Т. 5. С. 15] – лексема *сивак* образована при помощи суффикса *-ак-* (ср. с аналогичными: *русак, рысак, гусак* и др.), свойственного словам, которые называют животных по характерному признаку либо являются обозначением самца животного (в данном примере объединены оба признака): *сив/ак* ← *сив/ый*.

Отглагольные номинативы *застыв* и *слив* образованы по одинаковой модели (ср.: *слив, наплыв* и др.) с помощью непродуктивного в общелитературном языке суффикса существительных *-в-*: *Вытянул кошкин слив-то, а мы теперь без всякой гребости попьём* [4. Т. 5. С. 101]; *Домой ее привезли на санях, сарафан был скороблен ледяным застывом* [4. Т. 5. С. 22]: *спи/в* ← *спи/ть*; *засты/в* ← *засты/ть*.

Упомянутое выше слово *прохожалка* образовано от глагола *проходить* по модели слов типа *гадалка, сиделка* путем добавления к глагольной основе суффикса *-лк-* со значением лица, производящего действие, названное мотивирующим глаголом [22. С. 149] (по А.Н. Тихонову, суффикса *-к-* и интерфикса *-л-* [23. Т. 1. С. 123; Т. 2. С. 332]): *То-то... камни... знаем мы вас, прохожалок. Нахайте с чужой кровито, а потом раздаете* [4. Т. 5. С. 114] – *прохож/а/л-к/а* ← *проход/и/ть* (ср.: *гад/а/л-к/а* ← *гад/а/ть*). Учитывая контекст повести «Яр», можно предположить,

что таким образом С.А. Есенин пытался передать одним словом значения лексем *странница-богомолка, проходимка* и *приживалка*. Отметим, что в тексте повести «Яр», размещенном на отдельных интернет-ресурсах, в том числе на официальном сайте ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина» (<http://www.museum-esenin.ru/tvorchestvo/743>), а также в базе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/index.html>), анализируемое слово дается в ином написании – *прихожалка*. Такая техническая ошибка, по нашему мнению, существенно меняет семантику слова и явно противоречит замыслу С.А. Есенина, поскольку мотивируется не глаголом *проходить*, а глаголом *приходить*, ср.: *Интересный. Видный собой. Жениться не женится, а так будет... прихожалка. Зачем ему брать мать с дитём, когда за него любая пойдет?* (<https://www.litmir.me/br/?b=153800&p=8>).

Интересна лексема *дремь*, представленная окказиональными омонимичными вариантами: *дремь* ← *дрем/уч/ий* (*...Но в крови его светилась, с зеленоватым блеском, через черные, как омут, глаза, лесная глушь и дремь* [4. Т. 5. С. 38]) и *дремь* ← *дрем/а/ть* (*В лицо пахло приятным запахом луга, и синее небо, прилипаясь к глазам, окутало их дремью* [4. Т. 5. С. 78]). Нулевая суффиксация продуктивна и в поэзии Сергея Есенина (ср.: *Дорога довольно хорошая, Приятная хладная звень* [4. Т. 3. С. 161] – *звень* ← *звен/е/ть*; *Так испуганно в снежную выбель заметалась звенящая жуть* [4. Т. 1. С. 157] – *выбель* ← *выбел/и/ть* и др.), ее можно назвать одним из доминантных способов авторского словообразования, а подобные окказионализмы – приметой есенинского идиостиля.

Сергей Есенин, образуя субстантивы, использует и непродуктивные суффиксы субъективной оценки, присоединяя их к усеченной основе имени существительного: *«Убил!» – мелькнуло в его голове, и, дрожа радостным страхом, он склонился обрезать для спуска задние колешки* [4. Т. 5. С. 37] – *кол/ешк/о* ← *колен/о* (ср.: *ладонь – ладошка, пельмень – пельмешка*). Использование нерегулярного уменьшительно-ласкательного суффикса *-ешк-* в данном контексте объясняется особым отношением героя (Кузки) к первому подстреленному им животному, свидетельствует о радостном опыте юного охотника.

2. Имя существительное, образованное префиксально-суффиксальным способом (обнаружен один языковой факт).

Окказиональное имя существительное *расслоняй* со значением лица позволяет дать точную характеристику человеку посредством включения в состав слова приставки *рас-*, которая образует имена существительные со значением высшей степени проявления качества, названного мотивирующим существительным (ср.: *расподлец, раскрасавец*), и суффикса *-яй* (ср.: *негодяй*) со значением «презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека, который характеризуется отрицательным качеством или свойством, названным словами, от которых соответствующие имена существительные образованы» [24]:

Экий расслоняй, все время бегаёт по ветру [4. Т. 5. С. 129]. Следует, однако, отметить, что в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано слово «слоняй» – «лентяй, бездельник. Пск., Осташк. Твер., 1855» [21. Вып. 38. С. 303], поэтому допускаем вариант и префиксального образования.

3. Лексема, образованная способом сложения (в нашей картотеке данный способ представлен одним случаем): *Ты чередом говори с неповинными людьми, а не собачья. Ишь ты тоже, какой липоед!* [4. Т. 5. С. 111] – *липоед* ← *липа* + *есть*. Л.А. Кононенко констатирует факт отсутствия данной лексемы в диалектных словарях, что дает основание отнести ее к авторским образованиям: «Вероятнее всего, это существительное образовано автором по модели имен *короед, листоед*: насекомое, поедающее молоденькие, мягкие, пахучие, сладковатые листья липы» [13. С. 19]. С помощью данного окказионализма Сергей Есенин устами деда Иена подчеркивает вредительскую, неотвязчивую сущность пристава, согнавшего мужиков для дознания в убийстве барина.

Названный способ окказионального образования является малопродуктивным и в поэтических произведениях С.А. Есенина: зафиксированы лишь единичные случаи типа *кровопроед, листоет*: *Не обольщен я гимнами герою, Не трепещу кровопроедом жил* [4. Т. 4. С. 214]; *Мне нравится запах травы, холодом подоженной, И сентябрьского листоета протяжный свист* [4. Т. 3. С. 21].

В художественной прозе Сергея Есенина встречаются имена существительные, относящиеся к семантическому окказионализму (словам, у которых контекстуальное значение расходится с зафиксированным в лексикографических источниках). Так, *насыпь* в значении «то, что сыплется, осыпается» [14. Т. 1. С. 471] теряет присущее нормативному толкованию искусственно созданного сооружения: *Он грустно смахивал с волос насыпь игл и все еще чувствовал, как горели его губы* [4. Т. 5. С. 98].

В имени существительном *подлунье* соединились, на наш взгляд, признаки лексических и семантических окказионализмов. Так, сама лексема не обнаруживается в лексикографических изданиях, однако встречается в ряде литературных текстов и других источниках. Мотивирована она прилагательным «подлунный», которое в словаре Т.В. Ефремовой трактуется как «находящийся под Луною, на Земле; земной» [24]. В повести мы наблюдаем переосмысление, сужение смысла производящего имени прилагательного и образованного от него имени существительного до места, освещенного луной: – *Волки, – качнулась высокая тень в подлунье* [4. Т. 5. С. 7].

В словаре Г.И. Шипулиной [14. Т. 2] как окказиональное помечается слово *прохлябы*: *Кочки, сказывает, да прохлябы* [4. Т. 5. С. 89]. Автор-составитель полагает, что С.А. Есенин, используя данное слово, дает указание не только на характеристику почвы вследствие дождей, но и на остающиеся на ней следы. Такое объяснение вполне соотносится с толкованием слова *хляба* – хижка (осенняя слякоть, дрябля) [12. Т. 4], и *хлябь* – жидкая грязь, топь [24].

Однако в «Словаре русских народных говоров» имеется диалектизм «прохляба», зафиксированный в тамбовских говорах и выражающий значение «выбоина на дороге, колдобина» [21. Вып. 33. С. 28], что в принципе соответствует и есенинскому употреблению данной лексемы. Учитывая близость рязанских и тамбовских говоров, считаем справедливым отношение лексемы *прохлябы* не к окказиональной, а к диалектной лексике.

В категории имен прилагательных, по нашим наблюдениям, присутствуют лишь лексические окказионализмы.

Преобладающий способ деривации таких лексем – суффиксальный (нами выявлено восемь образований).

Среди словообразующих суффиксов обнаруживаем:

1) *-чат-*, характеризующийся многозначностью: – *Не тужи, красавица! Прискачет твой суженый, недолго тебе томиться в терему затворчатом* [4. Т. 5. С. 65] – *затворчатый* ← *затвор/и/ть*. В современном русском литературном языке подобные слова образуются преимущественно от имен существительных (ср.: *бревенчатый* ← *бревн/о*, *зубчатый* ← *зуб* и др.), хотя фиксируется и отглагольное образование (ср.: *рассыпчатый* ← *рассып/а/ть*, *взрывчатый* ← *взрыв/а/ть*);

2) *-лив-*, образующий имена прилагательные, которые обозначают состояние, свойство или обладание каким-либо качеством: *В избе пахло воском, копотливой гарью и кадильным ладаном* [4. Т. 5. С. 63] – *копотливый* ← *копоть*;

3) *-л-*, образующий имена прилагательные с семантикой «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» [22. С. 295] от непереходных глаголов: *В заслуделую дверь, спотыкаясь на пороге, ввалились грузной походкой дьячок и дьякон* [4. Т. 5. С. 16] – *заслуделый* ← *заслуде/л/ть*. Любопытным является тот факт, что у производящего диалектного глагола *заслудеть* (покрыться чем-то блестящим [21. Вып. 11. С. 43]) в Национальном корпусе русского языка зафиксировано лишь одно употребление – это стихотворение «От дрёмы, от теми-вина...», написанное другом Сергея Есенина Николаем Клюевым, датированное 1914 г.: *В избе заслудела стена Как риза, рябой позолотой* [25], а повесть «Яр» написана в 1916 г.;

4) *-овит-*, выражающий значение «обладающий в большей степени чем-нибудь». Образует адъективы преимущественно от односложных имен существительных: *Над божницей горевшая лампадка заморгала от шумовитого храма* [4. Т. 5. С. 9]; *Филипп вышел на дорогу и упал ухом на мятущие порошни. В ухе, как вата, втыкался пуховитый налёт* [4. Т. 5. С. 8] – *пуховитый* ← *пух, шум/овит/ый* ← *шум* (ср.: *яд/овит/ый* ← *яд*).

Подобные индивидуально-авторские слова широко представлены в лирических произведениях поэта, ср.: *Говорят со мной коровы На кивлицом языке. Духовитые дубровы Кличут ветками к реке* [4. Т. 1. С. 52].

В художественной прозе С.А. Есенина зафиксировано имя прилагательное, образованное суффиксальным способом путем чресступенчатого словообразо-

вания: *Просинья тыкала в лапти травяниковые оборки и, опустив ногу на пенек, поправляла портянку* [4. Т. 5. С. 79] – *травян/ик/ов/ый* ← *трав/ян/ой* (ср.: *дровяной* → *дровяник* → *дровяниковый).

Способом сложения, при котором главный компонент сочетания – самостоятельное имя прилагательное, созданы два окказиональных слова: *мутно-голубой* и *черно-рыжий*: *Околь бурыги, посытаясь белою пылью, валяясь черно-рыжий пестун* [4. Т. 5. С. 10]; – *На сход! – кричал он, прислоняясь к мутно-голубым стёклам* [4. Т. 5. С. 68].

Обращает на себя внимание прилагательное *огнепёрый*: *Куры, с кудахтаньем и хлопая крыльями, падали наземь, а сердитый огнепёрый петух, нахохлившись, кричал на дьякона и топорилил клювом* [4. Т. 5. С. 17]. Вероятнее всего, данная лексема образована от сочетания *огненный* (в значении «ярко-красный, оранжево-красный») + *перо* путем сложения с нулевой суффиксацией (ср.: *желтопёрый* ← *желтое перо*) с одновременным усечением основы производящего прилагательного (*огн-енн-оперый, ср.: *огненнобрюхий*).

Три названные выше лексемы передают различные оттенки цвета. Сергей Есенин и в поэзии нередко пользуется приемом подбора названия для колоративных нюансов, не находя в кодифицированном языке подходящих лексем, позволяющих выразить цветовое богатство окружающего мира (например: *Как по мостику, кудряв и желторус, Бродит отрок, сын Иосифа, Иисус* [4. Т. 4. С. 161]; ...*Я главу свою власовездную Просуну, как солнечный блеск* [4. Т. 2. С. 64]; *По лоцинам черных паиен – Пряжа выснежного льна* [4. Т. 2. С. 16] и др.

Отдельно отметим окказиональное имя прилагательное *шубейный* (два употребления в повести «Яр»): *Из кустов, в коротком шубейном пиджаке, с откинутой на затылок папахой, вынырнул высокого роста незнакомец* [4. Т. 5. С. 11]; *Коротайка шубейная да платок от савана завязаны* [4. Т. 5. С. 112]. Есть основания предполагать, что в первом случае (речь о мужской одежде) прилагательное мотивировано существительным *шуба* и образовано суффиксальным способом с интерфиксацией – *шуб/ей/н/ый* ← *шуб/а* (ср.: *Европа* → *европ/ей/ск/ий* – одна и та же словообразовательная модель, производящая основа не претерпевает никаких морфонологических изменений). Во втором случае (речь идет о женской одежде), скорее всего, производящим является имя существительное *шубейка* (короткая женская шубка выше колен, телогрея или душегрея на меху [12. Т. 4]), также встречающееся в тексте повести «Яр»: *Она надела новую шубейку, покрыла белую тужильную по покойному мужу косынку и пошла свахой* [4. Т. 5. С. 112] – *шуб/ей/н/ый* ← *шуб/ей/к/а* – суффиксация с усечением конечного согласного основы. Вывод сделан на основании того, что в описываемое время на территории, где разворачиваются события, как говорят местные жители, мужчины носили шубы, а женщины – шубейки.

Таким образом, среди окказиональных имен прилагательных превалирует суффиксальный способ деривации с различными суффиксами, порой непродуктивными в современном поэту языке.

Для образования глагольных индивидуально-авторских лексем в художественной прозе Сергеем Есениным используется префиксально-суффиксальный (в проанализированных произведениях выявлено три случая) и префиксально-суффиксально-постфиксальный (один случай) способы деривации: *Где-то замузыкала ливенка, и ухабистые канавушки поползли по росному лугу* [4. Т. 5. С. 74]; *Филипп налил брусницы водой, заткнул клоком скошенной травы и одну припоясал, свешивая на лопатку, сам, а другую подал Кареву* [4. Т. 5. С. 75]; *Старик, лёжа, согнув кольцом над головой руки, отсвистывал носом храповитую песню, и на шапку его сыпался пепел* [4. Т. 5. С. 75]; – *Прошли бы, оброснулись* [4. Т. 5. С. 114]. В качестве опорного компонента выступает глагол (*от/свист/ыва/ть* ← *свист/е/ть*) или имя существительное (*за/музык/а/ть* ← *музыка*, *при/пояс/а/ть* ← *пояс*, *об/рос/н/и/ть/ся* ← *роса*).

Глагольным словоформам С.А. Есенина присуща семантическая новизна. Так, *прихлопывать* приобретает значение «ухаживать, приударять» [14. Т. 2. С. 121]; *присватываться* – «уделять внимание кому-либо с целью воровства» [14. Т. 2. С. 117], а *взглядывать* – «выбирать, разглядывать» [14. Т. 1. С. 108]: *Прихлопывал он [поп] за кухаркой Анисьей* [4. Т. 5. С. 78]; – *Невесту, что ль, взглядываешь? – спросил гармонист. / – Невесту, – тихо ответил Степан* [4. Т. 5. С. 116]; *В корогоде с нами старушка шла. Двох-лая такая старушонка, всю дорогу перхала. / Прослышал я, что она деньжонки с собой несет, ну и стал присватываться к ней* [4. Т. 5. С. 47].

Одной из интересных черт в области глагольного образования является, по нашему мнению, звукоподражательная деривация, когда словообразовательный формант присоединяется к звукоподражательному слову, которое само по себе является окказиональным (*кугакаться*, *кугукнуть*, *фенькать*): *За печурками фенькал сверчок, а на полатах дремал, поджав лапы калачиком, сивоухий кот* [4. Т. 5. С. 24]; *За окошком кугакались совы* [4. Т. 5. С. 58]. Традиционно словообразовательным средством при таком способе выступает суффикс (в данном случае -к- + видовой суффикс глагола), иногда в сочетании с постфиксом.

В повести «Яр» подражание различным звуковым явлениям носит регулярный характер. Так природа становится наблюдателем и участником событий, о которых идет речь в произведении. С самого начала повести у читателя формируется не только зрительная, но и звуковая картина, состоящая из разнообразных звуков леса и его обитателей, человека. Нередко ключевой, завершающей нотой в сознании читателя Сергей Есенин предпочитает оставлять именно звук, чаще природный, иногда в сочетании с производимым человеком (так заканчиваются восемь глав из шестнадцати). – *Ку-гу, ку-гу... – шомонила за мельницей сова* [4. Т. 5. С. 145] – на такой ноте завершается повесть. Голосами природы, как эхом, отдаются произошедшие нелепые, но закономерные события.

Приведенный выше пример относится к группе парных звукоподражательных слов (*ку-гу*), при образовании которых один компонент подвергнут фонети-

ко-структурным трансформациям и означает повторение звука с измененным оттенком. В большинстве же случаев наблюдаются удвоенные и утроенные мимемы, служащие «для повторяемости одного и того же звукового явления или образно-картинного представления», благодаря чему усиливается степень их выразительности [26. С. 105]: *фюи, фюи; тех, тех, тех; тинь, тинь, тинь* и др. Например: – *Фюи, фюи, – шиньяряла, шаря по сочной коре, желтохвостая иволга* [4. Т. 5. С. 33].

В подгруппе **причастных** окказиональных образований (в повести «Яр» зафиксировано три лексемы) соблюдаются традиционные схемы. Особенностью языка Сергея Есенина можно считать то, что производящими являются основы окказиональных глаголов, которые, в свою очередь, восходят к узуальным именам существительным: *К кружевующему крыльцу подбег бородатый старик...* [4. Т. 5. С. 8]; *В запутинившееся окно билась бабочка* [4. Т. 5. С. 123] – *кружев/е/ющ/ий* ← *кружев/е/ть* ← *кружев/о*; *запутин/и/ви/ий/ся* ← *запутин/и/ть/ся* ← *паутин/а*. Семантический окказионализм *потянутый* представляет собой компиляцию значений узуальных причастий «подёрнутый» и «затянутый» и их составляющих морфем: *Ветер тропыхал корявый можжевельник и сыпал обдёрнутой мианиной в потянутые изморозью промоины* [4. Т. 5. С. 14].

В нашей картотеке имеется три окказиональных **деепричастия**. Лексема *ощури* образована традиционным способом (*ощури-в* ← *ощури-ть*), но от основы инфинитива глагола, не представленного в русском узусе: *Ехидно засмеялся, ощутив гнилые, как суровиковой обмазанные зубы* [4. Т. 5. С. 49]. Следует отметить, что в стихотворении Сергея Есенина «Лисица» встречается имя существительное, образованное безаффиксным способом от упомянутого инфинитива: *Пахло инеем и глиняным угаром, А в ощури сочилась тихо кровь* [4. Т. 1. С. 108].

Деепричастия *схолясь* и *опепеля* образованы от диалектных глаголов совершенного вида *схолиться* (зафиксировано в рязанских говорах со значением «спрятаться» [21. Вып. 43. С. 73]) и *опепелить* (без указания места со значением «сжечь, обратить в золу, пепел» [21. Вып. 23. С. 250]), но не при помощи суффиксов *-в*, *-вши*, как это диктуется грамматическими нормами современного русского языка (ср.: *схоли-ть-ся* – *схоли-вши-сь*; *опепели-ть* – *опепели-в*), а при помощи суффикса *-я*, который обычно добавляется к основе настоящего времени глаголов несовершенного вида (ср.: *опепеля-ют* – *опепеля-я*): *Кузька вошел в калиновый кустарник и сел, схолясь, в мостовую опад* [4. Т. 5. С. 36]; *Свернув папиросу, он [Карев] чиркал, закрывая ладонями, спичку, но она тут же, не опепеля тружеску, гасла* [4. Т. 5. С. 32]. Отметим, что в лирике Сергея Есенина также встречаются индивидуально-авторские деепричастия: *Но ведь дуб молодой, не разжелудясь, так же гнется, как в поле трава...* [4. Т. 1. С. 216].

Авторские **наречия** относятся в основном к группе лексических окказионализмов.

Обстоятельственные отглагольные наречия *напересек*, *наперескок* образованы префиксально-

суффиксальным способом (нулевая суффиксация) по идентичной модели с разными оттенками значений (ср.: *наперерез*): «Упустил», – *мелькнуло в одурманенной голове, и, кидая бивший в щёки чапыжник, он [Филипп] помчал ему [медведю] наперескок* [4. Т. 5. С. 10]; *Собака погналась по кулижке вдогонь за кошкой напересек, но она ловко повернула назад и прыгнула на сосну* [4. Т. 5. С. 101].

Наречие *анкедова* (прост.: *откудова*; литерат.: *откуда*) имеет ярко выраженное просторечное звучание и буквенно-морфемный состав: – *Как же это ты ни пужаисси-то? Ночь, а ты Бог знает анкедова идешь...* [4. Т. 5. С. 151]. В словаре Г.И. Шипулиной данная лексема помечается и как окказиональная, и как областная, но со «знаком сомнения» [14. Т. 1]. Отсутствие названного наречия в «Словаре русских народных говоров», в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, а также в Национальном корпусе русского языка (диалектный корпус) дает основания предположить, что это окказиональное образование. В лексикографических источниках [12. Т. 2; 21. Вып. 24. С. 199] как диалектные (в том числе с пометой «Ряз.») даются наречия *откедова*, *откедоча* и *откедыча*, *откель*.

Среди определительных наречий особого внимания заслуживает лексема *впотаюку* – приставочно-суффиксальный дериват, образованный по модели таких узуальных лексем, как «взаправду», «спозаранку», «вприпрыжку»: *Просинья подошла к телеге, взяла впотаюку ее [табакерку] двумя пальцами и пошла на дорогу* [4. Т. 5. С. 79]. Подобного рода лексемы также несут на себе печать разговорности, просторечия, очевидно, благодаря конечному форманту *-у* (*-ку*) и стечению префиксов. Стоит отметить, что в стихотворении «Руси» («Тебе одной плету веноч...»), написанном годом ранее, встречается однокоренное индивидуально-авторское наречие *потайственно*, но образованное по другой деривационной модели и имеющее иную стилистическую окраску: *И хоть сгоняет твой туман Поток ветров, крылато дующих, Но вся ты – смирна и ливан Волхвов, потайственно волхвующих* [4. Т. 4. С. 115]. Наречие *потайственно* имеется в «Словаре диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина» А.А. Никольского [20. С. 88], и толкуется оно через прилагательное *потайный*, зафиксированное в «Словаре русских народных говоров», – скрываемый от других, тайный [21. Вып. 30. С. 263], однако этот факт не говорит об однозначной квалификации названного наречия как диалектной лексемы, поскольку во введении А.А. Никольский отмечает, что в «Словарь...» включаются не только слова, однозначно являющиеся диалектизмами, но и лексемы, которые могут являться авторскими неологизмами, образованными на диалектной основе [20. С. 8].

Особенностью словотворчества Сергея Есенина можно считать образование **слов, не выполняющих номинативную функцию** (выявлено шесть окказиональных единиц). В художественных текстах писателя такие языковые факты представлены междометиями и частицами.

В прозе Сергея Есенина нами зафиксированы побудительные и эмоциональные междометия. Первые представляют собой понукания, обращения к животным (– *Гыть-кыря!* – *пронеслось над самым окном* [4. Т. 5. С. 70]; – *Чукан,* – *крикнула она* [Лимпиада] *собаку.* – *Вчизи, Чукан!* [4. Т. 5. С. 101]); вторые эксплицируют значение неудовольствия: – *А-ат,* – *поднимается нищенка* [4. Т. 5. С. 114].

Обращает на себя внимание возглас *Аллилуйя* (у Сергея Есенина в повести «Яр» – *Аллилуйя*). В словаре Т.В. Ефремовой данная лексема трактуется как «хвалебный припев церковных песнопений в христианском богослужении; хвалебный гимн» [24], однако в контексте повести названное слово предстает как семантический окказионализм и выражает антонимичное общепринятому значение – горестное восклицание в связи с уходом близкого человека: – *Фуражка, фуражка!* – *застонал Афонюшка и сунулся под жернов.* / *Громыхающий поворот приподнял обмученный комок и отбросил на ларь.* / *На полу рассыпались красные ягоды.* / *Думы смялись... Это, может быть, рухнула старая церковь.* *Аллилуйя, аллилуйя...* [4. Т. 5. С. 42]. С тем же значением, но уже в общепринятой орфографии данная лексема впоследствии встречается в «Сорокоусте»: *Хорошо им стоять и смотреть, Красить рты в жестяных поцелуях,* – *Только мне, как псаломщику петь, Над родимой страной «аллилуйя»* [4. Т. 2. С. 83].

Наличие незначительных индивидуально-авторских слов в прозе Сергея Есенина служит свидетельством того, что автор видит в них широкие возможности, скрытый семантико-прагматический потенциал, способный обеспечить «требуемый коммуникативно-стилистический эффект путем включения их в определенный стилистический приём» [27. С. 68].

Таким образом, в художественной прозе Сергея Есенина имеются знаменательные и незначительные слова, образованные непосредственно от узуальных лексем и диалектных по имеющимся в русском языке моделям, слова с новым значением, а также производные от «придуманных» автором, значения которых в лексикографических источниках не зафиксированы.

Одной из особенностей индивидуально-творческой манеры Сергея Есенина является функционирование на страницах его произведений так называемых **билексем** (нами выявлено десять языковых фактов). Термин считается относительно новым в языкознании. По определению, данному А.А. Черкасовой, билексемы – это «сложные номинативные единицы, состоящие из двух (или более) самостоятельных слов, соединенных аналитическим (дефисно оформленным) способом и обладающих синкретическим значением» [28. С. 69].

Билексемами считаются композиты, составленные из узуальных слов-компонентов и выражающие новое синкретическое значение, характерное для конкретного художественного произведения. Р.И. Хашимов [29], В.В. Краснянский [30], Г.И. Шипулина [18] указывают на обязательную невоспроизводимость таких

сочетаний и потому признают неприемлемым включение в ряды билексем существующих в языке словоформ типа «диван-кровать», «хлеб-соль», «скатерть-самобранка», «жили-были» и т.п.

Г.И. Шипулина, проанализировав весь пласт поэзии С. Есенина и количество функционирующих на страницах его произведений билексем, созданных на агглютинативной основе, делает вывод об активном «развитии тенденции аналитизма в сфере номинации» [18. С. 98] и называет прием применения номинаций, оформленных как «слово+слово», типичным и характерным для поэзии Сергея Есенина. Эта тенденция нашла свое проявление и в художественной прозе.

Проанализировав прозу С.А. Есенина, мы выявили композиты, представляющие собой свободное агглютинативное сочетание двух лексем, – это билексемьединства (согласно классификации, представленной А.А. Черкасовой [28]). Они являются потенциальными эквивалентами слов, могут быть соотнесены со свободными сочетаниями по внешней оболочке, поэтому между конститuentами таких композитов возможно усмотреть сочинительные отношения [28]. Нами зафиксирован пример, представляющий собой поэтическую билексему (метафорическое сочетание), основанную на фольклорной традиции: *Побежали ручьи-колокольчики* [4. Т. 5. С. 157]. Также нами был найден композит, представляющий собой билексему с достаточно слабой спаянностью ее составляющих. В традиционной классификации такие словоформы рассматриваются как аппозитивные сочетания: – *Вьнь, Господи, бессионницу у Алексея-младенца* [4. Т. 5. С. 128].

Встречаются в языке Есенина-прозаика сочетания имен существительных, имеющих характерологическую стилистическую народно-поэтическую окраску: *Курок целкнул в наскребанную селитру, и кверху с дымом взвился вожак и веснянка-волчиха* [4. Т. 5. С. 9]; *В щеки сыпал молодятник-мох, и веяло пролетней вялостью* [4. Т. 5. С. 68]; – *Ты знаешь про Алёнушку и про братца-козленочка Иванушку? – пришепывая губами, выговаривал Юшка* [4. Т. 5. С. 27]. Последняя билексема заимствована писателем из русской народной сказки (ср.: *братец Иванушка*), но дополнена конкретизатором, указывающим на суть проблемы.

Фольклоризм является характерным признаком глагольных сочетаний, образованных путем соединения синонимичных или однокоренных словоформ: *Стали ноги его подкашиваться, кашель грудь давил, поясница болит-ломит, и глаза уж совсем помутнели* [4. Т. 5. С. 158]; ...*Только, каналья, и зазналась больно, не исть хлебушка, а давай-подавай жареного мяса...* [4. Т. 5. С. 78].

Собственно окказиональные компоненты представлены двумя билексемами. Одна из них – полный окказионализм: *Филипп телеиом стал... Мимо, болезно взглядывая, проходили девки и бабы.* – *Прикрой свои хундры-мундры-то,* – *пошла к нему сгорбившаяся старушонка и подала ему свою шаль* [4. Т. 5. С. 88] (*хундры-мундры* в есенинском контексте представляет собой эвфемизм, за которым скрывается наименование мужского полового органа). Другая –

содержит окказиональное определяющее существительное: *Печка-согревушка засопела березняком, и огоньки запрыгали, свивая бересту в свиной высушенный пузырь* [4. Т. 5. С. 39]. Проанализировав художественную прозу С.А. Есенина, мы убедились в справедливости тезиса Г.И. Шипулиной, которая утверждает, что «окказиональные или областные существительные в качестве компонента билексемы в целом нетипичны для С. Есенина» [18. С. 93].

Многочисленными окказиональными единицами в прозе Сергея Есенина являются трансформированные **фразеологические сочетания и выражения** (нами зафиксировано тридцать восемь случаев).

Фразеологические единицы – один из видов широкого набора выразительных языковых средств, которые являются неотъемлемой частью не только разговорной речи, но и языка писателей. Одной из функциональных возможностей устойчивых сочетаний, несмотря на их фиксированность и грамматическую устойчивость, можно назвать окказиональную трансформацию в зависимости от целей высказывания говорящего (пишущего), степени их инвариантности и дефразеологизации.

Фразеологическая трансформация ярко проявляется в рамках одного произведения – повести «Яр». Большинство модифицированных сочетаний обнаружено нами в диалогах, что объясняется свойственным живой разговорной речи фразеотворчеством. Во многих случаях такие преобразования могут становиться характерологическими приметам персонажей повести.

1. Замена компонента фразеологизма. Среди данной группы выделяются наиболее приближенные к оригиналу: – *...А ежели будешь тыкаться, так я так тыкну, что ты **ребер не соберешь*** [4. Т. 5. С. 72] – ср.: «костей не соберешь»; *Нету в нас, как говорится, **ни добра, ни совести*** [4. Т. 5. С. 112] – ср.: «ни стыда, ни совести», – *Экий расслоняй, все время **бегают по ветру*** [4. Т. 5. С. 129] – ср.: «болтаться по ветру» и др., а также имеющие, наряду с лексической, ту или иную грамматическую трансформацию, перемену мест компонентов либо и то и другое: – *Ишь, Бог послал. У меня наемни сын тоже **какого ухлопал матёрого, четвертную, не стуча по рукам, давали*** [4. Т. 5. С. 31] – ср.: «ударить по рукам»; *Так у меня **по телу муравьи бегали**, когда я слушал* [4. Т. 5. С. 90] – ср.: «мурашки по коже (по спине, по телу) бегают».

2. Сложное видоизменение, включающее, наряду с заменой компонента (компонентов), другие виды модификаций. Это может быть включение фразеологического оборота в сравнительную конструкцию при полной замене предикативного компонента (*Филипп чужал, как **под ложечкой** у него **словно скреблась мышь и шевелила усиками*** [4. Т. 5. С. 86] – ср.: «сосать под ложечкой»); разрыв сочетания, расширение его состава (*От **судьбы**, говорится, **на коне не ускачешь*** [4. Т. 5. С. 60] – ср.: «от судьбы не уйдешь»); усечение фразеологизма и его дефразеологизация (*Карев увидел, как за **копной сверкнули ее*** [Лимпиады] *лапти и, раз-*

веваясь, запыльхал сарафан [4. Т. 5. С. 80] – ср.: «только пятки сверкнули»).

Дефразеологизация сочетания подчеркивается автором синтаксически; таким образом, создается впечатление реально осуществленного действия, названного предикатом: – *Я тут, как **кирнич, толку...*** [4. Т. 5. С. 54] – ср.: «толочь воду в ступе».

Буквальное воплощение действия, называемого фразеологической единицей, получает реализацию в следующем примере: *Акютка горько улыбнулся, вздрогнул, **протягивая свесившиеся ноги**, и замер* [4. Т. 5. С. 58] – ср.: «протянуть ноги». Автор заставляет читателя вникнуть в изначальный смысл устойчивых оборотов, с одной стороны, уже закрепившихся в сознании носителей языка в виде готовых элементов, а с другой стороны, еще не лишившихся связей с существующими семантико-словоизменительными нормами. С.А. Есенин, таким образом, опосредованно показывает пути их возникновения в языке, обращает сознание читателя к прошлому, к формированию подобного рода оборотов.

3. Контаминация (соединение нескольких фразеологизмов): *Филипп пожал плечами, и **по спине его закололи булавки*** [4. Т. 5. С. 108] – ср.: «мурашки по коже (по спине, по телу) бегают» и «сидеть как на иголках»; – *Хотите сказать, чтобы я **не совался не в свои сани**, и пообещаете наградить* [4. Т. 5. С. 72] – ср.: «не суйся не в свое дело» и «не в свои сани не садись».

Обращает на себя внимание сочетание *плюнула на каблук* в приведенном ниже фрагменте повести «Яр»:

– *Мы было хотели ведь погодить, с приданным **ни как не собрались**.*

– *Да мы и немного берем-то.*

– *Сколько?*

– *Да как тебе сказать, не менее сотни.*

– *Ладно, – кинула в заслон мочалку, – сговорено.*

– *А он-то, – указала она на спящего на лавке писаря, – как же?..*

*Писариха подняла ногу и **плюнула на каблук**.*

– *В пятках он у меня, я с ним и разговаривать не стану* [4. Т. 5. С. 118].

Описывая совершаемое писарихой элементарное, казалось бы, действие, С.А. Есенин благодаря соединению двух фразеологизмов («плевать хотела» и «быть под каблуком») не только создает яркий образ властной, решительной женщины, но и помогает читателю понять ее отношение к супругу.

4. Переосмысление фразеологизма и создание на его основе собственного варианта: *Одежонка худая, **сапожки снег жуют**, знамо дело, поневоле схватишь **скарлатину или еще что...*** [4. Т. 5. С. 43] – ср.: «сапоги есть просят»; *А разве **сыщешь...** он сам **семь волков съел*** [4. Т. 5. С. 84] – ср.: «он в этом деле собаку съел».

Кроме этого, можно отметить окказиональную замену компонента созвучным словом: – *Мне теперь, видно, **капут – дух вон и лапти кверху*** [4. Т. 5. С. 122] – ср.: «лапки кверху», а также конкретизацию фразеологизма: – *Это он, – крикнул [Ваньчок] **с брызгами пены у рта*** [4. Т. 5. С. 144] – ср.: «с пеной у рта».

В отдельную группу нами выделены единицы с концептом «Бог». Они составляют значительную часть всех фразеологических трансформов и подразделяются на модифицированные устойчивые новообразования и сочетания, созданные самим Сергеем Есениным (в трактовке Г.И. Шипулиной).

О причинах и особенностях частого обращения поэта к «божественной» концептосфере имеется ряд литературоведческих исследований (см. работы Н.И. Шубниковой-Гусевой [1], О.Е. Вороновой [31–33 и др.]; Л.В. Захаровой [34], М.В. Скороходова [35]; О.В. Юдушкиной [36] и др.). Говоря в целом, отметим большое влияние на творчество С.А. Есенина христианско-православной традиции, что связано с воспитанием поэта, обстановкой, в которой он рос, а также его личными исканиями и устремлениями. Кроме того, фразеологизмы, фразеорефлексы (вербальные реакции фразеологического характера на ситуацию) и пословицы, содержащие компонент «Бог», его синонимы и дериваты, составляют в русском языке порядка пятисот единиц [37]. Они являются отражением специфичной и в то же время универсальной концептуализации действительности русского народа. Поэтому логично, что христианская тематика и символика занимают значительную часть в творческом наследии Сергея Есенина.

Жители Яра, Чухлинки и близлежащих деревень неоднократно «поминают Бога» в своих разговорах. Все заявленные примеры окказиональных устойчивых единиц с фразеологемой «Бог» отмечены в репликах персонажей.

Изменение данного типа фразеологизмов преследует различные цели. Например, предикат в узуальном сочетании «Бог обидел» о жалком, убогом, сошедшем с ума человеке конкретизируется и указывает, какое именно наказание было уготовано человеку: *Попортился. А може, и Бог отнял разум: не лезь, дескать, куды не годится тебе* [4. Т. 5. С. 82]. Замена предиката имеет место в сочетании *Бог шельму карает* [4. Т. 5. С. 57] (вместо «Бог шельму метит»), где также общее значение обретает более узкую направленность. Лексема *карат* более информативна, придает контексту насыщенность и содержит указание на негативные последствия, на конкретные действия Всевышнего.

«Словарь языка Есенина: художественная проза» [14] фиксирует несколько созданных Сергеем Есениным окказиональных единиц. Иногда они основаны на параллельных соответствиях: *Бог видит душу* – «Бог все видит», *ничего у Бога нет непутевого* – «Богу угодно все», *прогневаю Бога чем-то* – «не гневи Бога». Некоторые не имеют таких соответствий, но содержат признаки потенциальной устойчивости благодаря их обобщенному смыслу, назидательности, морализму: *лучше Богу заслужишь, куда Бог носил, как тебя Бог донес*. Например: – *Где была, куда Бог носил? – подошел он* [Епишка], *заглядывая на ребенка* [4. Т. 5. С. 128].

Во всех приведенных примерах, как и в немодифицированных фразеологизмах, отражены вера в божественное провидение, а также оделяющая, защищающая, карающая сила Всевышнего.

Таким образом, в речи автора и героев широко используются готовые единицы (предикативные и непредикативные сочетания) как в неизменном виде, так и преобразованные в соответствии с контекстом, ситуацией.

Авторская фразеология является крайне интересным и перспективным объектом изучения в языкознании, поскольку в едином комплексе фразеологической единицы заключена возможность передачи многоаспектного значения, культурного кода нации, который воспроизводится, но порой не распознается ее носителями. Изучение данного аспекта фразеологии лежит в русле когнитивно-прагматического модуля языкознания (см.: [37]).

Для повести «Яр» характерно сгущение фразеологических единиц и неделимых сочетаний. В реплике одного персонажа могут присутствовать две и более назидательно-обобщенные фразы. В таком случае «насыщенный фразеологический контекст подчеркивает напряженность эмотивно-оценочного содержания текста» [38. С. 225]. Структурно-семантические модификации фразеологических единиц позволяют корректировать формально-смысловую структуру языковой единицы.

Окказиональные фразеологизмы как «полифункциональные речевые единицы» [39. С. 311] – один из значимых инструментов организации произведения, который дает возможность емко выражать мысли. К основным функциям авторских фразеологизмов относятся: эмотивная, оценочная, функция экономии речевых средств, передачи дополнительной информации, а также трансляции закодированных данных, лежащих в основе миропонимания предков. Кроме того, задачи той или иной трансформации фразеологизма – это различные смысловые уточнения, интенсификация экспрессивности, в ряде случаев создание комического эффекта.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что для идиолекта Сергея Есенина характерным является употребление окказионализмов. Примерно равным количеством представлены в повести «Яр» авторские имена прилагательные, существительные и глаголы. Значимо, по нашему мнению, функционирование окказиональных незначительных слов, а также билексем. Нередко возникают объективные трудности в причислении тех или иных лексем к окказиональным или диалектным. Наибольшей по количеству является группа окказионально трансформированных фразеологизмов и выражений. Явления окказиональности обнаруживаются как в речи автора, так и в репликах персонажей.

По словам Л.В. Измайловой, «окказионализмы – художественные изыскания писателя, отраженные в сознании носителей языка как осознанная необходимость» [40. С. 6]. Это один из важных компонентов в составе языковой личности. Л.В. Измайлова выдвигает понятие словотворца – человека, преимущественно поэта, преобразующего действительность с помощью лингвистических средств. Она подчеркивает идею о том, что словотворчество характерно для поэтической речи в силу ее специфичности, выражающую миро-

восприятие и мышление поэта, связанности поэтической речи с личностью ее творца. Одна из главных характеристик поэтической речи – «принадлежность поэтического слова к сфере подсознательного, интуитивного начала мышления личности» [40. С. 10].

Проведенный анализ индивидуально-авторских образований из художественной прозы, а также обращение к лирике поэта дают нам основание сде-

лать вывод о том, что окказиональность является для С.А. Есенина не просто средством выразительности, а неотъемлемым элементом индивидуально-стиля, с одной стороны, подчеркивающим оригинальность языка писателя, а с другой – сближающим его с поэтическими традициями народной речи, что свидетельствует о многогранности таланта писателя.

Список источников

- Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2001. 684 с.
- Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин: Жизнь, творчество, эпоха : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1999. 68 с.
- Воронова О.Е. Жанровая система лирики С.А. Есенина: энциклопедический аспект // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. Рязань : Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2012. С. 32–45.
- Есенин С.А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М. : Наука ; Голос, 1995–2002. Т. 1. 1995. 671 с.; Т. 2. 1997. 464 с.; Т. 3. 1998. 718 с.; Т. 4. 1996. 544 с.; Т. 5. 1997. 559 с.; Т. 6. 1999. 816 с.
- Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 312 с.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение, 1973. 304 с.
- Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград : Изд-во КГУ, 1997. 87 с.
- Львов А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово. М. : Высшая школа, 1976. 120 с.
- Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука, 1973. 152 с.
- Пахомова М.А. Окказиональные слова и словари окказионализмов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 3. С. 79–87.
- Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4-1. С. 354–360.
- Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4. Т. 1: А–З. 912 с.; Т. 2: И–О. 912 с.; Т. 3: П–Р. 912 с.; Т. 4: С–В. 864 с. М. : Прогресс ; Универс, 1994.
- Кононенко Л.А. Диалектная лексика в прозе С.А. Есенина // Исследования по русскому языку. Рязань : РГУ, 2004. С. 17–22.
- Шипулина Г.И. Словарь языка Есенина: художественная проза. Баку : Мутарджим, 2015. Т. 1: А–О, 2015. 536 с. ; Т. 2: П–Я. Приложения, 2015. 506 с.
- Васильева Г.С. Окказионализмы в поэзии Сергея Есенина // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : в 7 ч. Ч. 2. М. : АР-Консалт, 2014. С. 14–16.
- Моргун М.Д. Окказионализмы как средство художественной выразительности в лирике С.А. Есенина 1910–1916 гг. // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Благовещенск : БГПУ, 2017. С. 247–248.
- Шеронова Л.А. Новообразования в поэтических произведениях С. Есенина и их художественная роль // Ученые записки Горьковского педагогического института. 1966. Вып. 62. С. 108–123.
- Шипулина Г.И. Билексемы-существительные в поэзии С. Есенина // Современное есениноведение. 2013. № 25. С. 91–98.
- Воронова О.Е. Мифологический и фольклорно-этнографический контекст повести С.А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2013. № 27. С. 24–38.
- Никольский А.А. Словарь диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина. Рязань : Ряз. обл. науч.-метод. центр народ. творчества, 2017. 90 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Зароситься – Зубрёнка. Л. : Наука, 1976. 364 с.; Вып. 23. Одале – Осеть. Л. : Наука, 1987. 376 с.; Вып. 24. Осець – Отчураться. Л. : Наука, 1989. 368 с.; Вып. 30. Поприугомонить – Почестно. СПб. : Наука, 1996. 385 с.; Вып. 33. Протока – Разлука. СПб. : Наука, 1999. 362 с.; Вып. 38. Скинуть – Сметушка. СПб. : Наука, 2004. 373 с.; Вып. 43. Сухлость – Телеса. СПб. : Наука, 2010. 349 с. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 28.02.2021).
- Русская грамматика / отв. ред. Н.Ю. Шведова : в 2 т. М. : РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2005. Т. 1. 784 с.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с.; Т. 2. 886 с.
- Ефремова Т.В. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 28.10.2020).
- Клюев Н. «От дремы, от теми-вина...» // Сайт, посвященный творчеству Николая Клюева. URL: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/stihi/stih-203.htm> (дата обращения: 25.12.2020).
- Никифорова Ж.Б. Образование глаголов от звукоподражательных слов в бурятском и турецком языках // Вестник БГУ. 2010. № 8. С. 105–108.
- Токарчук И.Н. Функционирование частиц в художественном тексте (к вопросу о стилистическом приеме и идиостиле) // Мир русского слова. 2010. № 4. С. 66–71.
- Черкасова А.А. Структурно-семантическая классификация билексем // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1, № 17. С. 69–74.
- Хашимов Р.И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. 2008. № 4. С. 30–39.
- Краснянский В.В. Лексемы, фразеологизмы, билексемы // Филологос. 2011. № 8. С. 5–14.
- Воронова О.Е. Духовный путь Есенина (религиозно-философские и эстетические искания). Рязань : М-Пресс, 1997. 288 с.
- Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань : Узорочье, 2002. 520 с.
- Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты. Рязань : РГУ им. С.А. Есенина, 2013. 356 с.
- Захарова Л.В. Эволюция христианской образности в поэзии С.А. Есенина // Университет XXI века: исследования в рамках научных школ. Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 60–63.
- Скорыходов М.В. Библиейские сюжеты и образы у Есенина: от учебных курсов к поэтическому осмыслению // Современное есениноведение. 2014. № 31. С. 18–27.
- Юдушкина О.В. Библиейские мотивы в поэмах С.А. Есенина 1917–1920 годов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 170 с.
- Пак С.Г. Фразеорефлексы с компонентом Бог в русском языке // Язык, сознание, коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1999. Вып. 10. С. 35–40.
- Калёнова Н.А. Когнитивно-прагматический потенциал есенинской фразеологии (на примере повести С.А. Есенина «Яр») // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Тула : Тульское производств. полиграфич. объединение, 2018. С. 222–227.

39. Батурова Н.И. Окказиональный фразеологизм как языковое явление // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 306–313.
40. Измайлова Л.В. Индивидуально-авторские образования (окказионализмы) в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1990. 22 с.

References

- Shubnikova-Guseva, N.I. (2001) *Poemy Esenina: Ot "Proroka" do "Chernogo cheloveka": Tvorcheskaya istoriya, sud'ba, kontekst i interpretatsiya* [Yesenin's Poems: From the "Prophet" to the "Black Man": Creative history, fate, context and interpretation]. Moscow: IWL RAS; Nasledie.
- Prokushev, Yu.L. (1999) *Sergey Esenin: Zhizn', tvorchestvo, epokha* [Sergei Yesenin: Life, creativity, era]. Philology Dr. Diss. Moscow.
- Voronova, O.E. (2012) [Genre system of lyrics by S.A. Yesenin: encyclopedic aspect]. *Biografiya i tvorchestvo Sergeya Esenina v entsiklopedicheskom formate* [Biography and Work of Sergei Yesenin in an Encyclopedic Format]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 22–24 September 2011. Ryazan: Gos. muzey-zapovednik S.A. Esenina. pp. 32–45. (In Russian).
- Esenin, S.A. (1995–1999) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 1–6. Moscow: Nauka; Golos.
- Shanskiy, N.M. (2009) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the Modern Russian Language]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- Zemskaya, E.A. (1973) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word formation]. Moscow: Prosveshchenie.
- Babenko, N.G. (1997) *Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskiy analiz* [Occasional in a Literary Text. Structural and semantic analysis]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
- Lykov, A.G. (1976) *Sovremennaya russkaya leksikologiya. Russkoe okkazional'noe slovo* [Modern Russian Lexicology. Russian occasional word]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Lopatin, V.V. (1973) *Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazional'nye obrazovaniya* [The Birth of a Word. Neologisms and occasional formations]. Moscow: Nauka.
- Pakhomova, M.A. (2013) Okkazional'nye slova i slovari okkazionalizmov [Occasional words and dictionaries of occasionalisms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 3. pp. 79–87.
- Samylicheva, N.A. (2011) Ekspressivnost' kak bazovoe svoystvo okkazional'nykh slov [Expressiveness as a basic property of occasional words]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4-1. pp. 354–360.
- Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Progress; Univers.
- Kononenko, L.A. (2004) Dialektnaya leksika v proze S.A. Esenina [Dialect vocabulary in the prose of Sergei Yesenin]. In: *Issledovaniya po russkomu yazyku* [Studies in the Russian Language]. Ryazan: Ryazan State University. pp. 17–22.
- Shipulina, G.I. (2015) *Slovar' yazyka Esenina: khudozhestvennaya proza* [Dictionary of Yesenin's Language: Prose]. Vols 1–2. Baku: Mutardzhim.
- Vasil'eva, G.S. (2014) [Occasionalisms in the poetry of Sergei Yesenin]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy* [Science, Education, Society: Trends and prospects]. Proceedings of the International Conference. Part. 2. Moscow. 1 August 2014. Moscow: AR-Konsalt. pp. 14–16. (In Russian).
- Morgun, M.D. (2017) Okkazionalizmy kak sredstvo khudozhestvennoy vyrazitel'nosti v lirike S.A. Esenina 1910–1916 gg. [Occasionalisms as a means of artistic expression in the lyrics of Sergei Yesenin 1910–1916]. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee* [Youth of the 21st Century: A step into the future]. Proceedings of the Regional Conference. Blagoveshchensk. 18 May 2017. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 247–248.
- Sheronova, L.A. (1966) Novoobrazovaniya v poeticheskikh proizvedeniyakh S. Esenina i ikh khudozhestvennaya rol' [Neoplasms in the poetic works of Sergei Yesenin and their artistic role]. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo pedagogicheskogo instituta*. 62. pp. 108–123.
- Shipulina, G.I. (2013) Bileksemy-sushchestvitel'nye v poezii S. Esenina [Bilexemes-nouns in the poetry of Sergei Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie*. 25. pp. 91–98.
- Voronova, O.E. (2013) Mifologicheskiy i fol'klorno-etnograficheskiy kontekst povesti S.A. Esenina "Yar" [Mythological and folklore-ethnographic context of Yar, a short novel by Sergei Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie*. 27. pp. 24–38.
- Nikol'skiy, A.A. (2017) *Slovar' dialektnoy leksiki v poezii S.A. Esenina* [Dictionary of Dialect Vocabulary in the Poetry of S.A. Yesenin]. Ryazan: Ryazan obl. nauch.-metod. tsentr narod. tvorchestva.
- Filin, F.P. et al. (eds) (1976–2010) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vols 11, 23, 24, 30, 33, 38, 43. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/vocubula/srng/srng>. (Accessed: 28.02.2021).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (2005) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS.
- Tikhonov, A.N. (1985) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-Building Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Efremova, T.V. (2000) *Novyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Explanatory Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <https://www.efremova.info>. (Accessed: 28.10.2020).
- Klyuev, N.A. (1914) "Ot dremy, ot temi-vina..." ["From slumber, from dark wine ..."]. [Online] Available from: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/stihi/stih-203.htm>. (Accessed: 25.12.2020).
- Nikiforova, Zh.B. (2010) Obrazovanie glagolov ot zvukopodrazhatel'nykh slov v buryatskom i turetskom yazykakh [Formation of verbs from onomatopoeic words in the Buryat and Turkish languages]. *Vestnik BGU*. 8. pp. 105–108.
- Tokarchuk, I.N. (2010) Funktsionirovaniye chastits v khudozhestvennom tekste (k voprosu o stilisticheskom prieme i idiostile) [The functioning of particles in a literary text (on the issue of stylistic device and idiostyle)]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 66–71.
- Cherkasova, A.A. (2012) Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya bileksem [Structural-semantic classification of bilexemes]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 17 (1). pp. 69–74.
- Khashimov, R.I. (2008) Bileksema kak osobaya edinitsa yazyka [Bilexem as a special unit of language]. *Voprosy filologii*. 4. pp. 30–39.
- Krasnyanskiy, V.V. (2011) Leksemy, frazeologizmy, bileksemy [Lexemes, phraseological units, bilexemes]. *Filologos*. 8. pp. 5–14.
- Voronova, O.E. (1997) *Dukhovnyy put' Esenina (religiozno-filosofskie i esteticheskie iskaniya)* [Yesenin's Spiritual Path (Religious-philosophical and aesthetic searches)]. Ryazan: M-Press.
- Voronova, O.E. (2002) *Sergey Esenin i russkaya dukhovnaya kul'tura* [Sergei Yesenin and Russian Spiritual Culture]. Ryazan: Uzoroch'e.
- Voronova, O.E. (2013) *Natsional'noe i obshchechelovecheskoe v tvorchestve Sergeya Esenina. Arkhetipy. Universalii. Kontsepty* [National and Universal in the Work of Sergei Yesenin. Archetypes. Universals. Concepts]. Ryazan: Ryazan State University named for S. A. Yesenin.
- Zakharova, L.V. (2015) [The evolution of Christian imagery in the poetry of S.A. Esenina]. *Universitet XXI veka: issledovaniya v ramkakh nauchnykh shkol* [University of the 21st Century: Research within scientific schools]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tula. 15–17 April 2015. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. pp. 60–63. (In Russian).
- Skorokhodov, M.V. (2014) Bibleyskie syuzhety i obrazy u Esenina: ot uchebnykh kursov k poeticheskomu osmysleniyu [Biblical plots and images in Yesenin: from training courses to poetic comprehension]. *Sovremennoe eseninovedenie*. 31. pp. 18–27.

36. Yudushkina, O.V. (2011) *Bibleyskie motivy v poemakh S.A. Esenina 1917–1920 godov* [Biblical motifs in the poems of S.A. Yesenin 1917–1920]. Philology Cand Diss. Moscow.
37. Pak, S.G. (1999) *Frazeoreflexy s komponentom Bog v russkom yazyke* [Phraseoreflexes with the God component in the Russian language]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 10. Moscow: Dialog-MGU. pp. 35–40.
38. Kalenova, N.A. (2018) [Cognitive-pragmatic potential of Yesenin's phraseology (on the example of Sergei Yesenin's story "Yar")]. *Poliparadigmnye konteksty frazeologii v XXI veke* [Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. Tula. 17–19 May 2018. Tula: Tul'skoe proizvodstv. poligrafich. ob'edinenie. pp. 222–227. (In Russian).
39. Baturova, N.I. (2013) *Okkazional'nyy frazeologizm kak yazykovoe yavlenie* [Occasional phraseologism as a linguistic phenomenon]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 306–313.
40. Izmaylova, L.V. (1990) *Individual'no-avtorskie obrazovaniya (okkazionalizmy) v romane M.A. Sholokhova "Tikhyy Don"* [Individual-author's formations (occasionalisms) in the novel by M.A. Sholokhov And Quiet Flows the Don]. Abstract of Philology Cand Diss. Rostov-on-Don.

Информация об авторах:

Лаврентьев В.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, Россия). E-mail: v.lavrentev@365.rsu.edu.ru

Логачёва Е.В. – преподаватель кафедры иностранных языков с курсом русского языка Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Рязань, Россия). E-mail: logacheva81@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Lavrentev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: v.lavrentev@365.rsu.edu.ru

E.V. Logacheva, lecturer, Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russian Federation). E-mail: logacheva81@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2021;
одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 23.04.2021;
approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 070:93/94 (571.1)
doi: 10.17223/15617793/483/5

Историко-краеведческая тема в интернет-изданиях (на примере материалов «Томского обзора», 2018–2020 гг.)

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
rumatamonteg@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается вопрос специфики освещения историко-краеведческой темы в интернет-изданиях на примере 178 материалов «Томского обзора». Проводится анализ тематического разнообразия материалов, освещаемых исторических периодов, жанровой картины и работы с источниками информации. Делается вывод о том, что историко-краеведческие материалы в интернет-изданиях часто представляют собой полноценные исследования с большим количеством источников информации.

Ключевые слова: историко-краеведческие материалы, интернет-издания, новые медиа, краеведение, «Томский обзор»

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. Историко-краеведческая тема в интернет-изданиях (на примере материалов «Томского обзора», 2018–2020 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 45–56. doi: 10.17223/15617793/483/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/5

The specificity of the coverage of the historical and local history topic in online publications (on the example of the materials of *Tomskiy Obzor*, 2018–2020)

Alexandr E. Mazurov¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rumatamonteg@gmail.ru*

Abstract. The article deals with the specifics of the coverage of the historical and local history topic in online publications using the materials of *Tomskiy Obzor* as an example. The thematic diversity of materials, historical periods covered, genre picture, work with information sources are analyzed. The media are one of the main channels for broadcasting historical knowledge to a mass audience. Historical materials on the federal agenda often take on a journalistic tinge and serve to express a position within the framework of socio-political speeches. In the regions, local history materials are also gaining more and more popularity – many online publications start special sections, and publications covering the historical past often become the most read. The aim of this study is to identify the specifics of the coverage of historical and local history topics in online publications. The material for the study is 178 local history texts of *Tomskiy Obzor* published in 2018–2020. The work uses methods of genre research, genre analysis, and content analysis. The study concludes that in 2018–2020 *Tomskiy Obzor*'s local history materials focused mainly on pre-revolutionary history. Despite the prevalence of a neutral position in relation to historical events, the materials created a certain stable and contradictory image of the historical past. The materials of the publication covered both the tourist side of history, characteristic of the media, with architecture, industrial development, enterprises, patrons and merchants, and the secret life of the city, showing robberies, everyday life with pubs, prostitution, and domestic violence. Another conclusion is that local history materials are often full-fledged historical studies with many well-developed historical sources, which ensures their exclusivity. It is through the study of a large number of documentary sources that the functions of local history materials are formed: most of the texts are aimed at the audience's cognitive interest. Despite the prevalence of information journalism genres, a large number of photojournalism genres appear in online publications. There are also analytical and literary journalistic materials on historical and local history topics. The key difference between online publications is the emergence of modern multimedia genre forms, in particular longreads, which are characterized by a deep study of the covered topic, as well as experimental formats.

Keywords: local history materials, online publications, new media, local history, *Tomskiy Obzor*

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

For citation: Mazurov, A.E. (2022) The specificity of the coverage of the historical and local history topic in online publications (on the example of the materials of *Tomskiy Obzor*, 2018–2020). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 45–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/5

Введение

СМИ являются одним из основных каналов трансляции исторического знания для массовой аудитории. Исторические материалы в федеральной повестке часто приобретают публицистическую окраску, служат для выражения позиции в рамках общественно-политических выступлений. В регионах историко-краеведческие материалы также набирают все большую популярность – многие интернет-издания заводят специальные рубрики, а сами освещающие историческое прошлое публикации нередко становятся наиболее читаемыми [1].

Стоит отметить, что региональные историко-краеведческие тексты, в отличие от федеральной повестки, чаще всего выступают в качестве фактора формирования имиджа региона и рассчитаны скорее на познавательный интерес аудитории. Историко-краеведческая тематика в региональных СМИ, таким образом, выступает одним из катализаторов туристического интереса к региону, а также способствует развитию внутреннего туризма [2, 3]. Кроме того, часто журналисты в рамках работы над публикацией проводят собственные полноценные научные исследования, открывая новые страницы локальной истории.

В Томске историко-краеведческие материалы пользуются популярностью как в печатных СМИ, так и в интернет-изданиях: «Томский обзор», «Красное знамя», «Агентство новостей ТВ-2», «РИА Томск», «Томск.ру», «vtomske.ru». При этом в мультимедийном варианте историко-краеведческие тексты претерпевают значительные изменения: увеличивается объем материалов, количество иллюстраций, меняются методы работы журналистов, источники информации [4].

Популярность историко-краеведческих текстов в томских интернет-изданиях обусловлена прежде всего количеством доступных источников, охватывающих, как дореволюционную историю города, так и советские годы: это архивные дела, оцифрованные томскими университетами подшивки дореволюционных газет, экспонаты музеев. История города часто становится предметом исследований научного сообщества и краеведов-любителей, что, в свою очередь, способствует популяризации конкретных тематических ниш, вызывая интерес к ним со стороны СМИ.

Кроме того, история Томска в последние десятилетия эксплуатируется региональными властями как бренд, обеспечивающий туристический потенциал региона: в городе появляются разнообразные экскурсионные программы, наблюдается активизация общественного интереса к проблеме сохранения объектов культурного наследия. Вопрос сохранения Петропавловской церкви в Нагорном Иштане, поднятый информационным агентством «РИА Томск», нашел отражение в федеральной повестке.

В «Томском обзоре» историко-краеведческие материалы встречаются чаще, чем в других интернет-

изданиях Томска. В частности, на сайте присутствует специальная рубрика, посвященная краеведению, которая по наполняемости занимает ведущее место. Помимо этого, историко-краеведческие публикации «Томского обзора» представляют интерес с точки зрения их жанрового разнообразия и глубины проработки темы: журналисты экспериментируют с жанровыми формами, обращаясь к современным мультимедийным форматам, прорабатывают различные источники информации в работе над крупными материалами.

Исследователи редко обращались к анализу исторических и историко-краеведческих материалов в традиционных СМИ и интернет-изданиях [см.: 1, 5–11]. Чаще всего исследователи не фокусировались на специфике влияния канала трансляции и типа СМИ на публикацию, обращаясь к вопросам исторического и биографического дискурса [1, 11], взаимодействия СМИ и истории [4], рассматривая СМИ как источник информации для исследований [6], изучая проблему популяризации исторической тематики в современных изданиях [9]. Обращаясь к анализу материалов в конкретных изданиях, исследователи чаще всего уделяли внимание газетной публицистике [1], рекреативным историческим изданиям [8] и трактовке истории на телевидение [10].

Целью исследования является выявление специфики освещения историко-краеведческой темы в интернет-изданиях. Материалом для исследования выступают историко-краеведческие материалы «Томского обзора», опубликованные в 2018–2020 гг. [11].

Краткая характеристика издания

«Томский обзор» – интернет-издание, существующее с 2005 г. «Томский обзор» имеет следующие постоянные тематические блоки/рубрики: «Город», «Люди», «Бизнес», «Еда», «Краеведение». Также на ресурсе предлагают разбивку по форме предлагаемого материала: «Новости», «Статьи», «Тэги/темы», «Спецпроекты», «Афиша», «Реклама».

На данный момент издание присутствует практически на всех популярных интернет-платформах: «ВКонтакте», Telegram, «Одноклассники», Instagram, Facebook, Twitter, YouTube, «Яндекс.Дзен». В социальной сети «ВКонтакте» у «Томского обзора» 11 114 подписчиков, в «Одноклассниках» – 1 980, Telegram – 1 599, Instagram – 3 330, Facebook – 3 106, Twitter – 544, YouTube – 1 630, «Яндекс.Дзен» – 9 009. Наиболее популярными социальными сетями «Томского обзора» являются «ВКонтакте» и Instagram.

В социальной сети «ВКонтакте» «Томский обзор» обозначает одним из первых пунктов историческую направленность: «Настоящее краеведение, еда и городские события, локальный бизнес, архитектура, дизайн и все остальное, за что мы любим Томск». По данным исследования социальных сетей Brand Analytics за ап-

рель 2022 г., основная аудитория социальной сети «ВКонтакте» – от 25 до 34 лет, их доля в общем числе пользователей достигает 30%, далее по численности следуют возрастные категории 18–24 и 35–44 лет. Таким образом, можно прийти к выводу, что основной аудиторией издания являются люди среднего возраста и молодежь.

В 2018–2020 гг. в «Томском обзоре» было опубликовано 178 историко-краеведческих материалов. Основными авторами выступали: Валентина Бейкова (31), Александр Мазуров (13), Катерина Кайгородова (5), Катерина Маас (4), Сергей Мальцев (4), Лукия Мурина (4), Елена Фаткулина (3), Егор Хворенков (3), Мария Симонова (3), Алина Малютина (3). Другими авторами были написаны единичные статьи, а остальные материалы публиковались без подписей.

Тематическое разнообразие и отношение к историческим событиям

Тематическое разнообразие историко-краеведческих материалов «Томского обзора» можно условно разделить на следующие блоки, основанные на отображаемых в текстах объектах и целях публикаций:

- Архитектура и места (48).
- Явления городской жизни (42).
- История как контекст (31).
- События (22).
- Люди (15).
- Тайная история (13).
- История сквозь мнения людей (7).

Большинство материалов «Томского обзора» следует отнести к «архитектуре и местам». Примером такой публикации может служить материал «Удивительный ломбард. История здания на Карла Маркса, 26» (Валентина Бейкова, 2018) [12], где журналистом освещаются как архитектурные особенности здания, так и его история. Большинство материалов, вошедших в тематическую нишу, посвящено томскому деревянному и каменному зодчеству.

Часть публикаций, несмотря на освещение прошлого объектов, соотносится с блоком условно, раскрывая тему на примере частных историй людей. Материал «Ленина, 44. История 120-летнего дома и тех, кто в нем жил, работал, вырос и умирал» (Марина Сенинг, 2020) [13] раскрывает историю здания на основе данных о проживавших, найденных в архивах, а также рассказов людей, живших в доме в советские годы. Таким образом, этот тематический блок в той или иной степени затрагивает все последующие, в том числе обозначая события, социальные явления и биографию людей.

Тематический блок «явления городской жизни» в издании представлен материалами, описывающими и разбирающими конкретные социальные явления за выбранный период. Так, материал «Сладкий Томск. История местной кондитерской промышленности в фантиках и фактах» (Елена Клевцова, 2019) [14] описывает развитие в городе кондитерской промышленности. Под «историей как контекст» в рамках исследования понимаются информационные материалы,

описывающие события современности, приуроченные к историческим событиям.

Частные события и биографии конкретных людей представлены в материалах «Томского обзора» значительно реже. Примером публикаций является материал, посвященный известному томскому археологу и исследователю кулайской культуры: «Первооткрыватель Иван Мягков. Удивительная история человека, собравшего городу его легенды» (Александр Мазуров, 2020) [15].

Отдельное внимание в рамках блоков заслуживают «история сквозь мнения людей» и «тайная история». Первый блок представляет собой рассказ об историческом прошлом Томска краеведами и экскурсоводами, а также рассказ об истории прошлого различными людьми, в частности потомками современников исторических событий. Так, в 2018–2020 гг. в «Томском обзоре» было опубликовано 4 интервью с экскурсоводами. «Тайная история» представляет собой фокусирование журналистского внимания на негативных исторических и социальных явлениях, являясь, таким образом, вынесенной в исследование в отдельный блок частью тематической ниши «явления городской жизни».

В материалах «Томского обзора» можно увидеть следующие коннотации в оценке описываемых исторических событий и явлений [16, 17]:

- позитивное отношение (5);
- нейтральное отношение (159);
- негативное отношение (12).

Преобладающей позицией авторов историко-краеведческих материалов является нейтральное отношение. В большинстве материалов представлены социальные явления, не связанные с конкретными историями людей, т.е. историко-краеведческие материалы носили обзорный характер. В качестве примера можно привести материал «Плачь – да бей молодую жену». Домашнее насилие в Старом Томске» (Александр Мазуров, 2020) [18], где, несмотря на описание избияния женщин и детей в дореволюционном Томске через косвенную речь и прямые цитаты, автор излагает события сухим языком, не выражая собственного отношения.

Образ Томска в историко-краеведческих материалах

Материалы «Томского обзора» за рассматриваемый период сфокусированы на истории региона в целом и Томска в частности. Лишь несколько материалов издания сфокусированы на других конкретных населенных пунктах. Примером таких материалов могут служить «Сентиментальное путешествие из Нарыма в Гданьск. Как сохраняют деревянные дома в Сибири и в Польше» (Мария Аникина, 2018) [19] и цикл материалов, посвященный деревням и селам – «Глобус Томской области». Всего в рамках издания выходило 7 материалов о других населенных пунктах; в остальных текстах в той или иной степени объектом или локацией для описываемых событий выступал Томск.

В 2018–2020 гг. полноценный образ Томска проявляется в 63 историко-краеведческих материалах. Условно говоря, образ города формируется из нескольких пластов: деревянное зодчество и архитектура (41 материал), «тайная история» (13), купечество и меценатство (5), университетский город (4). Под «тайной историей» понимается обращение журналистов к изнаночной жизни Томска: освещение преступлений, легенд, бытовых подробностей, непривычных современному читателю, а также маргинальных сторон жизни.

Обращаясь к традиционной для образа Томска тематике деревянной архитектуры, журналисты «Томского обзора» называли имена архитекторов, описывали дома и их историю. Материал «Асимметрия, шпили и кружева. Как томские зодчие строили собственные дома» (Ульяна Сидорова, 2019) [20] был посвящен архитекторам и домам, которые они для себя построили. Традиционное звучание приобретала в издании и тема ностальгии по утраченным памятникам архитектуры. В материале «Листая старый альбом: 45 лет назад вышла самая известная книга о Томске» (Сергей Мальцев, 2020) [21] автором приводятся утраченные и сохранившиеся, в том числе в плохом состоянии, деревянные дома из посвященного деревянной архитектуре альбома «Деревянная архитектура Томска».

Другой тематикой, традиционной для раскрытия характера Томска, служили образы меценатства и купечества, представленные пяти публикациями за рассматриваемый период. Примером может служить материал «Просвещая, изменил облик Томска. 3 главных здания Петра Макушина» (Ульяна Сидорова, 2019) [22]. В материале Макушин традиционно рассматривается как меценат, открывший первые просветительские учреждения Томска: книжный магазин, библиотеку и др.

Другим примером может выступить фотосерия «Фотофонд. Редкие фото Петра и Алексея Макушиных» (Катерина Кайгородова, 2018) [23], в которой опубликованы редкие фотографии из коллекции Томского областного краеведческого музея. Большинство материалов, посвященные купечеству и меценатству, представлены информационными жанрами, в частности короткими новостными заметками и более объемными информационными корреспонденциями.

Аналогичным, формирующим Томск с позитивной стороны, пластом выступают материалы, посвященные Томску как университетскому городу. В данную категорию были отнесены тексты не только напрямую связанные с появлением первого университета в Сибири, но и описывающие жизнь различных исследователей и представителей томской интеллигенции. Примером может служить лонгрид «Первооткрыватель Иван Мягков. Удивительная история человека, собравшего городу его легенды» (Александр Мазуров, 2020) [15], где через работу с архивными документами, общение с музейными работниками и дочерью исследователя автор раскрывает биографию первооткрывателя кулайской культуры.

Ключевым тематическим и отличающим от других изданий пластом, формирующим образ Томска, предстает его «тайная история» – 13 материалов. В рамках текстов автор рассматривал различные скрытые от обывателя исторические явления: организация движения в дореволюционном городе («Не ставьте экипаж на тротуар. ПДД и ДТП в старом Томске», Александр Мазуров, 2019 [24]), домашнее насилие («“Плачь – да бей жену”. Домашнее насилие в Старом Томске», Александр Мазуров, 2019 [18]), питейные заведения («Тайная жизнь города. Из истории томских кабаков», Александр Мазуров, 2019 [25]), бани и притоны («Тайная жизнь города. Бани и притоны старого Томска», Александр Мазуров, 2019 [26]). Тем самым традиционный деревянный и купеческий образ исторического Томска вступал в конфликт с новыми подробностями его жизни.

Материалы «тайной истории» представлены крупными жанровыми формами с многочисленными иллюстрациями, инфографиками и экспериментальными форматами: криминальной стороне Томска посвящались подкасты и тесты, а сами материалы собирались в дайджесты («Тайная жизнь города: все выпуски в одной подборке», 2020 [27]). Примером эксперимента с жанровыми формами может выступить лонгрид «Тайная жизнь города. Из истории томских кабаков» (Александр Мазуров, 2020) [25], где перед каждым подзаголовком присутствуют беллетристические прозаические вставки, посвященные томскому полицмейстеру Аршаулову. Вставки описывают встречу полицмейстера с Чеховым, ограбление полицмейстера и процесс написания им стихотворений.

Освещаемые исторические периоды

В контексте исследования выделим следующие освещаемые в историко-краеведческих материалах «Томского обзора» периоды: советская история, дореволюционная история, современная история и смешанная история [28]. К категории смешанной истории в рамках исследования будут относиться историко-краеведческие тексты, охватывающие сразу несколько исторических периодов.

В 2018–2020 гг. в «Томском обзоре» было 43 публикации, посвященные советской истории. Наиболее популярными периодами в рамках советского были: индустриализация, Великая Отечественная война и период застоя. Индустриализация отразилась преимущественно в материалах, посвященных репрессиям («Выставка «Е. Керсновская. Сколько стоит человек» Музея истории ГУЛАГа открылась в Томске», Александр Мазуров, 2019 [29]), эпоха застоя – в рассматриваемой области первого секретаря Томского обкома КПСС Егора Лигачева, столетний юбилей которого отмечался в 2020 г. («Время Лигачева. 100 лет Егору Кузьмичу», Елена Фаткулина, Сергей Мальцев, Катерина Кайгородова, 2020 [30]). Также в рамках периода значительное внимание уделялось публикациям, характеризующим и описывающим быт горожан во временной протяженности («Фотофонд. Пионерское лето в Томске», Зоя Игнатенко, 2019 [31]).

Наиболее популярным периодом в 2018–2020 гг. – около 70 материалов – была дореволюционная история. Журналисты чаще всего обращались к историческому отрезку с середины XIX в. до 1917 г., что обусловливалось числом сохранившихся документальных источников, в том числе подшивок дореволюционных газет и архивных дел («Не ставьте экипаж на тротуар. ПДД и ДТП в старом Томске», Александр Мазуров, 2019 [24]). Несколько материалов затрагивали древнюю историю, связанную с кулайской культурой («Handmade железного века: как изготовить фигурку священного лося, если ты кулаец?», Николай Исаев, Алина Малютена, 2019 [32]).

Современной истории за указанный период посвящено 9 публикаций издания. Все тексты охватывают 1990-е и 2000-е гг. и представляют собой обращение к незначительным, но примечательным характеристикам времени. Так, материал «“Варёнки” и Abibas. Шесть историй от томичей о моде 90-х» (Лейла Гурбанова, Дарья Глушенкова, Денис Панов, Нина Волощенко, 2018) [33] представлял собой воспоминания жителей города о моде перестройки.

Смешанная история отражается на страницах издания в 56 материалах, посвященных сразу нескольким периодам – преимущественно концу XIX – началу XX в. Примером может служить материал «Фотофонд. Дом офицеров: 10 фото и 11 фактов» (Катерина Кайгородова, 2019) [34] по истории здания с момента постройки в 1897 г. до наших дней. Чаще всего такие публикации, охватывающие сразу несколько периодов, были посвящены описанию социальных явлений.

Жанровая картина историко-краеведческих текстов

В рамках исследования жанровая принадлежность историко-краеведческих материалов «Томского обзора» определяется, основываясь на исследованиях традиционной жанровой системы журналистики [35], фотожурналистики [36] и современных мультимедийных форматов [37, 38]. Так, жанровая система историко-краеведческих материалов «Томского обзора» определяется следующим образом:

- информационная корреспонденция (33 материала);
- фотосерия (29);
- заметка (29);
- обзор (19);
- репортаж (16);
- фотохроника (17);
- лонгрид (14);
- дайджест (8);
- интервью (5);
- очерк (4);
- фоторепортаж (2);
- тест (1);
- подкаст (1).

Преобладающей группой жанров в «Томской обзоре» за рассматриваемый период выступали информационные жанры (91), из них самыми популярными были информационная корреспонденция (33), заметка (29) и репортаж (16).

Информационная корреспонденция представляет собой детализированное рассмотрение вопроса, чаще всего с привязкой к современности. Например, в материале «Суд вместо “заброшки”: в Томске завершили восстановление исторического здания» (Алина Малютена, Елена Фаткулина, 2018) [39] рассматривается завершение восстановления исторического здания в Томске, где после ремонта разместится коллегия арбитражного суда. В материале подробно на блоки разбита история здания, а также обозначается проблема, вокруг которой сгруппирован исторический материал – почти 100 лет в здании не было ремонта.

Заметки или новости представлены на страницах «Томского обзора» обращениями к историческим событиям в преломлении к инфоповодам. Для написания заметки «В Томске сгорел деревянный дом на Красноармейской, 84» (2018) [40] поводом стал пожар. В тексте новости после описания событий (со ссылкой на пресс-службу регионального ГУ МЧС) приводится историческая справка со снимками – в доме в течение долгого времени проживала семья Карла Зилинга, выходца из Лифляндии. Репортажи, затрагивающие историко-краеведческую тему, преимущественно направлены на события современности. Например, в материале «Выставка “Е. Керсновская. Сколько стоит человек” Музея истории ГУЛАГа открылась в Томске» [29], помимо описания происходящего на выставке, находит отражение и история узницы.

Следующими по количеству материалов за анализируемый период являются жанры фотожурналистики (48). Наиболее популярным жанром является фотосерия (29), объединявшая в себе фотографии, связанные одной темой, без выстраивания по хронологии и сюжету. Примером фотосерии могут выступать материалы цикла «Фотофонд», представляющие собой подборку снимков из архивов Томского областного краеведческого музея. Так, материал «Фотофонд. Извозчики в Старом Томске» (2018) [41] представляет собой подборку кадров с каретами и кошевками в городе и в окрестностях с кратким справочным сопровождением в виде подписей.

Фотохроника (17) представлена подборкой снимков различных знаковых для города мест, выстроенных внутри материала по хронологии. Примером может служить материал «“Славянский базар”: 10 фотографий разных лет» (2018) [42], объединявший в себе фотографии известного ресторана с конца XIX в. по 2017 г. Аналогичным примером выступает публикация «5 превращений вокзала “Томск-1” за 120 лет» (2018) [43], где показано, как менялось здание вокзала с 1896 г. по наши дни.

Аналитические (19) и художественно-публицистические (4) жанры были представлены в издании не столь обширно. Под аналитическими материалами в рамках статьи понимаются обзоры (19), представлявшие расширенные версии информационных корреспонденций с четко-выраженной повествовательной канвой. Часто обзоры в издании – сгруппированные автором вокруг тематики факты и

события. Примером таких публикаций может служить материал «Восемь знаменитых женщин Томска» (Катерина Маас, 2018) [44], где журналист поставил целью отследить, «как женская частная история вписана в канву городской хроники». Автор в рамках материала рассказывал про учредительницу Томского отделения Императорского русского музыкального общества, художницу, организатора первых женских батальонов, а также про главного врача роддома.

Под художественно-публицистическими понимаются преимущественно материалы, вышедшие за рамки информационных и переходящие в другие категории – портретные, очерки, интервью. Один из материалов представлял собой полностью художественно-публицистический путевой очерк – «Сентиментальное путешествие из Нарыма в Гданьск. Как сохраняют деревянные дома в Сибири и в Польше» (Мария Аникина, 2018) [19]. В материале автор описывал собственное путешествие в село Нарым Томской области и польский город Гданьск, сравнивая отношение к историческому прошлому в Сибири и Польше.

Другим значительным жанровым блоком выступают современные мультимедийные жанры и экспериментальные форматы. В «Томском обзоре» к таким материалам следует относить лонгриды (14). Основным отличием лонгридов от обзоров и информационных корреспонденций является наличие многочисленных источников информации, глубина проработки темы, а также использование мультимедийных элементов, жанровые эксперименты. Так, материал «Тайная жизнь города. Из истории томских кабаков» (Александр Мазуров, 2019) [25] содержит три беллетризованные истории, связанные с томским полицмейстером Аршауловым, инфографики, газетные вырезки, снимки и иллюстрации. Экспериментальные форматы представлены опубликованным квизом (тестом) – «Тест. Отличаются ли преступления XIX в. от нынешних?» (Анастасия Кураленко, Александр Мазуров, 2019) [45], в котором читателю предлагается отличить дореволюционные криминальные новости от современных, а также подкастом «Тайная жизнь города: История проституции в дореволюционном Томске» (Александр Мазуров, Алина Малютена, Егор Хворенков, Игорь Фаткулин, 2018) [46].

Классификация на основе глубины проработки темы

Обращаясь к классификации историко-краеведческих текстов Д.Ю. Асташкина [1], составленной на основе глубины проводимых журналистами исследований, лингвистического компонента и источников информации, анализируемые в рамках статьи материалы «Томского обзора» группируются следующим образом:

- реферат по истории (98);
- история как инфоповод (37);
- мнение эксперта (19);
- личные впечатления участника исторических событий (9).

Чаще всего историко-краеведческие материалы «Томского обзора» представлены «рефератами по истории», в которых журналисты пересказывали историю объекта, события или биографии. Стоит отметить, что в классификации Д.Ю. Асташкина под рефератами по истории преимущественно понимаются поверхностные по отношению к «мнениям эксперта» и «личным впечатлениям» формы представления историко-краеведческой темы, выполняющие рекреативную функцию журналистики.

В контексте материалов, анализируемых в «Томском обзоре», сюда были отнесены как лонгриды с множеством проработанных источников, так и информационные корреспонденции, в рамках которых представлены только вырезки дореволюционных газет. Под «рефератами по истории» понимались журналистские публикации с различной глубиной охвата источников, но связанных самостоятельностью – материалы являлись авторскими исследованиями с опциональным присутствием комментариев экспертов в качестве дополнения.

Следующая по количественному показателю категория – «история как инфоповод». В рамках исследования к данному типу были отнесены материалы, имеющие косвенное отношение к истории: открытие выставок, сбор средств для музеев, пожары в памятниках архитектуры, их ремонт. Чаще всего данные материалы представляли собой заметки или репортажи с мест событий. В качестве примера можно привести материал «Ключи от солдатской синагоги передали еврейской общине» (Катерина Кайгородова, 2018) [47], где описывается торжественная передача мэром Томска ключей от деревянной синагоги раввину. При этом в материале присутствуют обращения к истории как в авторском тексте, так и в прямой речи участников мероприятия.

«Мнения эксперта» в «Томском обзоре» представлены в рамках портретных интервью, а также в привлечении экспертов как основного источника информации. Примером интервью является материал «Инстакраевед Наталья Каракорскова: “Видишь поворот во двор – заходи”» (Мария Симонова, 2020) [48], в котором героиня рассказывает о том, откуда черпает новые знания, какие интересные находки, связанные с историей города, обнаруживала во время прогулок. Экспертное изложение истории можно встретить в материале «Любовь и революция. Тайны личного дневника Нины Адриановой» (Валентина Бейкова, 2019) [49], где драматург, изучивший дневник дочери известного томского этнографа и журналиста Александра Адрианова, рассказывает интересные факты и анализирует прочитанное.

«Личные впечатления участника исторических событий» встречаются реже других типов историко-краеведческих материалов, что в частности связано с превалированием в издании интереса к дореволюционному периоду. Примером «впечатлений» может служить материал «Семейные реликвии. Женщины рода Клыковых» (Валентина Бейкова, 2018) [50], где Оксана Лоскутова, жительница Томска из купеческого рода, делится собственными воспоминаниями о

предках, а также передает журналисту материалы из семейного архива.

Функции историко-краеведческих материалов

Материалы на историко-краеведческую тему в «Томском обзоре», как и любые другие материалы СМИ, выполняют определенные социальные функции журналистики [51]:

- коммуникативная (178);
- культурно-формирующая (111);
- рекреативная (67).

Все анализируемые в рамках статьи материалы выполняют коммуникативную функцию журналистики, отвечая тем самым за налаживание контакта с читателем.

Другими функциями, которым соответствовали историко-краеведческие публикации издания, были культурно-формирующая и рекреативная. Стоит отметить, что в рамках исследования разделение довольно условное – обе функции встречаются практически во всех материалах издания. Разделение, таким образом, было выполнено на основе превалирования одной функции над другой.

Так, к полностью культурно-формирующим материалам можно отнести лонгрид «Тайная жизнь Томска. Церковный раскол» (Александр Мазуров, 2019) [52], в рамках которого немного визуальных средств представления материала, а многочисленные факты, несмотря на подбор интересных историй в рамках сюжета, изложены сухим языком без привлечения экспертных оценок. Тест «Отличаются ли преступления XIX в. от нынешних?» (Анастасия Кураленко, Александр Мазуров, 2019) [45] выполняет полностью рекреативную функцию и не содержит в себе новой информации. Материал выступает своего рода аттракционом, суть которого заключается в отгадывании эпохи, в которой произошли различные курьезные преступления и происшествия.

Источники информации в историко-краеведческих материалах

Часто источником информации в материалах «Томского обзора» служили дореволюционные региональные издания: «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирская жизнь» (1897–1919) и «Сибирский вестник» (1885–1906). Ряд материалов издания практически полностью составлен на основе публикуемых в дореволюционных изданиях заметок. Так, обзор «Плачь – да бей молодую жену». Домашнее насилие в Старом Томске» (Александр Мазуров, 2020) [18] почти полностью состоит из новостей и корреспонденций «Сибирской газеты» – всего в материале в качестве иллюстраций используются 16 вырезок из издания. Аналогичная ситуация с квизом «Тест. Отличаются ли преступления XIX в. от нынешних?» (Анастасия Кураленко, Александр Мазуров, 2019) [45], где авторами использовались новости о происшествиях из дореволюционных «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни», а также современных интернет-изданий. Дореволюционные

газеты выступали источником информации в 15 материалах издания за рассматриваемый период.

В большинстве материалов газетные вырезки не служили основным источником информации, они дополняли архивные документы или рассказы экспертов и очевидцев. В материале «Тайная жизнь Томска. Церковный раскол» (Александр Мазуров, 2019) [52] основным источником информации служат архивные документы, а газетные вырезки посвящались определенным конкретным случаям вокруг освещаемого явления. Например, в материале присутствует вырезка о раскрытом полицией в 1882 г. преступлении: «жена-еврейка» выкопала тело «мужа-еврея», принявшего православие, для похорон «по обрядам Моисеева закона».

Чаще дореволюционных газет в рамках работы над историко-краеведческими материалами журналистами использовались архивные документы. Всего архивные документы в качестве источника присутствуют в 42 материалах «Томского обзора» в 2018–2020 гг. Архивные документы используются в материалах как в качестве источников информации, так и для иллюстраций. Например, в материале «Исчезнувший лифт и световые колодцы. Как был устроен пассаж Второва в Томске и что его может ждать» (Валентина Бейкова, 2020) [53] архивные документы выступают в качестве основного источника, дополняющего новыми деталями общеизвестные факты. Автор в материале обращается к письму-прошению, адресованному томскому губернатору, в котором содержалась просьба разрешить установку парового котла на нужды строительства от доверенного лица товарищества Второвых. В материале в качестве иллюстраций также используются фотографии строящегося пассажи, фасадные решения архитектурных проектов.

Журналисты «Томского обзора» обращались как к исследованиям современников исторических событий, так и к современным энциклопедическим справкам и статьям. В статье «Тайная жизнь Томска. Церковный раскол» [52] автор обращался к научным трудам XIX в. по старообрядчеству протоиерея С.Д. Беликова: «Старообрядческий раскол в Томской губернии: (по судебным данным)» (1894). Кроме того, в материале журналист прибегал и к современным исследованиям, в частности к научным трудам сотрудницы Томского областного краеведческого музея Л.Н. Приль «Аспекты старообрядческого дневника: “Божий мир” и “апостольская” община» (1996). В историко-краеведческих материалах «Томского обзора» за рассматриваемый период журналисты обращались к исследованиям современников исторических событий и современным исследованиям 73 раза.

Стоит отметить, что в крупных публикациях, где авторы прорабатывали различные источники информации, чаще всего присутствуют ссылки на архивы, исследования, газеты. В конце материалов источники информации оформляются в виде списка. Например, в материале «Тайная жизнь Томска. Церковный раскол» (Александр Мазуров, 2019) [52] указано 15 источников информации; в материале «Исчезнувший лифт и световые колодцы. Как был устроен пассаж Второва в Том-

ске и что его может ждать» (Валентина Бейкова, 2020) [53] – 11 источников; «Протезные мастерские. История болотовского особняка на проспекте Фрунзе» (Валентина Бейкова, 2020) [54] – 7 источников. При этом источники информации отсутствуют в коротких новостных заметках вокруг исторической темы, а также в не крупных по объему исторических справках – в таких случаях источником информации выступает представленный в материале эксперт, открытые источники или сам журналист.

Интервью как источник информации в материалах «Томского обзора» используется журналистами в двух вариантах: для внесения в текст личного впечатления участника исторических событий и в качестве экспертного мнения или оценки. В материале «Арестантские. Три ключевые тюрьмы в истории Старого Томска» (Анастасия Кураленко, Александр Мазуров, 2018) [55] журналисты обращались к эксперту по пенитенциарной системе, заведующему музеем истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» Василию Ханевичу. В материале «Трудкоммуна “Чекист”». Как под Томском из беспризорников делали идеальных советских граждан» (Валентина Бейкова, 2020) [56] основным источником информации выступают архивные документы, а голос очевидца исторических событий – Анастасии Никитичны, которая жила вблизи коммуны в 1934 г. – вводится как дополнительная деталь.

Часто в материалах издания источник информации – эксперт – определяет и жанр. Например, материал «“Всегда заходите в подворотни”». Интервью с автором семичасовых экскурсий по Томску» (Александр Мазуров, 2019) [57] представляет собой освещение краеведческой темы в рамках интервью с экскурсоводом – история города преломляется в восприятии конкретного человека. К реальным людям как к источникам информации журналисты «Томского обзора» обращались 42 раза.

Наблюдение как источник информации в историко-краеведческих материалах присутствует в рамках репортажных, новостных материалов и в рамках материалов, посвященных историко-краеведческим артефактам или знаковым для истории города зданиям. Так, метод наблюдения используется в материале «Исчезнувший лифт и световые колодцы. Как был устроен пассаж Второва в Томске и что его может ждать» (Валентина Бейкова, 2020) [53]: автор показывает читателю сохранившиеся секции батарей в пассаже Второва, а также вентили и фрагменты труб отопления. В репортажных материалах метод наблюдения часто является единственным и соседствует с интервью. Так, в материале «Томские подземелья ищут проекта. Экскурсия по подвалам Второвского пассажа» (Александр Мазуров, 2019) [58] основными источниками информации, кроме слов владельца, служат такие детали, как обнаруженные автором внутри исторического здания старые опорные балки, отпечатки собачьих лап, сохранившиеся на дореволюционном кирпиче.

Выводы

Таким образом, «Томский обзор» в 2018–2020 гг. в историко-краеведческих материалах фокусировался преимущественно на дореволюционной истории. Несмотря на превалирование нейтральной позиции по отношению к описываемым историческим событиям, материалы создавали определенный устойчивый и противоречивый образ исторического прошлого. Они не только освещали характерную для СМИ туристическую сторону истории с архитектурой, развитием промышленности, предприятиями, меценатами и купцами, но раскрывали и тайную жизнь города, показывая грабежи, бытовую жизнь с питейными заведениями, проституцией, домашним насилием. Чаще всего в материалах журналисты обращались не к частным историям, а описывали определенные явления социальной жизни.

Исходя из изученных историко-краеведческих материалов «Томского обзора», можно выделить следующие черты, характерные для освещения исторической тематики в интернет-изданиях:

1. В работе над материалами интернет-издания используют практически все источники информации, применяемые в журналистике. Из-за специфики и увеличения по отношению к печатным СМИ числа крупных жанровых форм, в частности работы с лонгридами, журналисты обращаются сразу к нескольким источникам в одной публикации: архивам, дореволюционным изданиям, экспертам и очевидцам. Часто в материалах изданиях источники информации указываются в виде списка. Благодаря этому тексты обладают высокой степенью эксклюзивности.

2. Именно за счет проработки большого числа документальных источников формируются и функции историко-краеведческих материалов: большинство текстов направлены на познавательный интерес аудитории. Рекреативная функция журналистики чаще всего реализуется в созданных аттракционах – художественно-публицистических вставках, отборе наиболее интересных фактов, стилистических особенностях материалов и иллюстраций, а также в выборе тематики. Так, в «Томском обзоре» рекреативная функция историко-краеведческих текстов реализовывалась за счет противопоставления «тайной истории» и истории традиционной, туристической.

3. Несмотря на традиционную для освещения историко-краеведческой тематики жанровую картину – превалирование информационных жанров над остальными – в интернет-СМИ появляется большое число жанров фотожурналистики. Также встречаются посвященные историко-краеведческой тематике аналитические и художественно-публицистические материалы. Ключевым отличием интернет-изданий является появление современных мультимедийных жанров, в частности лонгридов, для которых характерна глубина проработки освещаемой темы. Значительные изменения в освещении историко-краеведческой темы затрагивают и традиционные информационные жанры – увеличивается их объем, глубина проработки,

также в материалах встречается большое количество иллюстраций.

4. Интернет-издания чаще других видов СМИ фокусируются не на частных событиях и биографиях конкретных людей, а на социальных явлениях, освещаемых за выбранный период. Именно с этим связано обращение авторов сразу к нескольким историческим периодам – советскому и дореволюционному.

5. В интернет-изданиях историко-краеведческая тема чаще всего раскрывается в «рефератах по истории», а не во «мнениях эксперта» и «личных впечатлениях участника исторических событий». Обращение к «рефератам» связано в первую очередь с самостоятельностью исследований, проводимых журналистами, а также с характерными источниками информации – обращение к архивным документам, газетам.

Список источников

1. Асташкин Д.Ю. Исторический дискурс в региональной медиасфере (на примере Новгородской области) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 73. С. 6–9.
2. Карабанова С.Ф. Слагаемые имиджа города. // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 162–167.
3. Терских М.В. Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 199–205.
4. Мазуров А.Е. Историко-краеведческая тема в СМИ г. Томска (на примере печатных и интернет-изданий: «Красное знамя», «Сибирская старина», «Томский обзор», «ТВ-2», «Новости «Втомске»): выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 42.03.02 – Журналистика. Томск, 2017. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:5279>
5. Нод Л.П. Медиа и история: векторы интеграции // Исторические науки. 2013. № 3. С. 5–7.
6. Белковский С.В. Использование исторических материалов в современной газетной публицистике // История литературы и публицистики. 2013. № 2. С. 45–48.
7. Костокова Ю.Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника // Армия и общество. 2011. № 3. С. 15–18.
8. Маркасов М.Ю. Исторический медиадискурс в контексте рекреативной журналистики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. № 6. С. 100–109.
9. Барканова Е.В. Популяризация истории как медийная проблема // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 2. URL: <http://www.novsu.ru/file/1165965>
10. Константинова Е.Г. Популяризация науки на современном российском экране: кризис направления и пути преодоления // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. URL: <http://www.mediascope.ru/old/node/290>
11. Маркасов М.Ю. Цифра и вещь в биографическом дискурсе современной журнальной периодики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. № 6. С. 93–99.
12. Бейкова В. Удивительный ломбард. История здания на Карла Маркса, 26 // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/586145---udivitelnyj-lombard.-istorija-zdanija-na-karla-marksa-26>
13. Сенинг М. Ленина, 44. История 120-летнего дома и тех, кто в нем жил, работал, вырос и умер // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/626841---lenina-44.istorija-120-letnego-doma-i-teh-kto-v-nem-zhil-rabotal-vzroslel-i-umiral>
14. Клевцова Е. Сладкий Томск. История местной кондитерской промышленности в фантиках и фактах // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/626841---lenina-44.istorija-120-letnego-doma-i-teh-kto-v-nem-zhil-rabotal-vzroslel-i-umiral>
15. Мазуров А. Первооткрыватель Иван Мягков. Удивительная история человека, собравшего городу его легенды // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/618361---pervootkryvatel-ivan-mjagkov.-udivitelnaja-istorija-cheloveka-sobravshego-gorodu-ego-legendy->
16. Соловьев С. «Деидеологизация» и новые мифы. О некоторых особенностях историографической ситуации конца 80-х годов XX века // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 5–19.
17. Дук О.Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс Пи. Научно-практический альманах. 2005. № 5. С. 170–172.
18. Мазуров А. «Плачь – да бей молодую жену». Домашнее насилие в Старом Томске // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/634626---plach---da-bej-moloduju-zhenu.-domashnee-nasilie-v-starom-tomske>
19. Аникина М. Сентиментальное путешествие из Нарыма в Гданьск. Как сохраняют деревянные дома в Сибири и в Польше // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/572868---sentimentalnoe-puteshestvie-iz-naryma-v-gdansk-kak-sohranjajut-derevjannye-doma-v-sibiri-i-v-polshe>
20. Сидорова У. Асимметрия, шпили и кружева. Как томские зодчие строили собственные дома // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/593654---asimetrija-shpili-i-kruzheva.-kak-tomskie-zodchie-stroili-sobstvennye-doma>
21. Мальцев С. Листая старый альбом: 45 лет назад вышла самая известная книга о Томске // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/632301---listaja-staryj-albom-45-let-nazad-vyshla-samaja-izvestnaja-kniga-o-tomske>
22. Сидорова У. Просвещая, изменил облик Томска. 3 главных здания Петра Макушина // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/599477---prosveshchaja-izmenil-oblik-tomska.-175-let-so-dnja-rozhdenija-kupca-prosvetitelja-petra-makushina>
23. Кайгородова К. Фотофонд. Редкие фото Петра и Алексея Макушиных // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/571462---fotofond-redkie-foto-petra-i-alekseja-makushinyh>
24. Мазуров А. Не ставьте экипаж на тротуар. ПДД и ДТП в старом Томске // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/594319---ne-stavte-ekipazh-na-trotuar-pdd-i-dtp-v-starom-tomske>
25. Мазуров А. Тайная жизнь города. Из истории томских кабаков // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/595011---tajnaja-zhizn-goroda-iz-istorii-tomskih-kabakov>
26. Мазуров А. Тайная жизнь города. Бани и притоны старого Томска // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/614485---tajnaja-zhizn-goroda.-bani-i-pritony-starogo-tomska>
27. Тайная жизнь города: все выпуски в одной подборке // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/621644---tajnaja-zhizn-goroda-vse-vypuski-v-odnoj-podborke>
28. История России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. 528 с.
29. Мазуров А. Выставка «Е. Керсновская. Сколько стоит человек» Музея истории ГУЛАГа открылась в Томске // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/news/592305---vystavka-e.-kersnovskaja.-skolko-stoit-chelovek-muzeja-istorii-gulaga-otkrylas-v-tomske-12-marta>
30. Фаткулина Е., Мальцев С., Кайгородова К. Время Лигачева. 100 лет Егору Кузьмичу // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/658827---vremja-ligacheva.-100-let-egoru-kuzmichu>
31. Игнатенко З. Фотофонд. Пионерское лето в Томске // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/601885---fotofond.-pionerskoe-letu-v-tomske>

32. Исаев Н., Малютена А. Handmade железного века: как изготовить фигурку священного лося, если ты кулаец? // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/585384---handmade-zhelezno-go-veka-kak-izgotovit-figurku-svjashchennogo-losja-esli-ty-kulaec-infografika>
33. Гурбанова Л., Глушенкова Д., Панов Д., Волощенко Н. «Варёнки» и Abibas. Шесть историй от томичей о моде 90-х // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/566908---moda-90h-shest-istorij-ot-tomichej>
34. Кайгородова К. Фотофонд. Дом офицеров: 10 фото и 11 фактов // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/612813---fotofond-dom-officerov-10-foto-i-11-faktov>
35. Тертычный А.А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm>
36. Ворон Н.И. Жанры фотожурналистики : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М. : Факультет журналистики, 2012. 145 с. URL: <http://knigi.link/jurnalistikauchebniki/janryi-fotojurnalistiki-ucheb-posobie-dlya.html>
37. Анюхина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С. 146–150.
38. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета : учеб. пособие. М. : Факультет журналистики, 2005. 87 с.
39. Малютена А., Фаткулина Е. Суд вместо «заброшки»: в Томске завершили восстановление исторического здания // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://inlnk.ru/ND5O3R>
40. В Томске сгорел деревянный дом на Красноармейской, 84 // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/news/575667---v-tomske-sgorel-derevjannyj-dom-na-krasnoarmejskoj-84>
41. Фотофонд. Извозчики в Старом Томске // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/572909---fotofond-izvozchiki-v-starom-tomske>
42. «Славянский базар»: 10 фотографий разных лет // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/572529---slavjanskij-bazar-i-okrestnosti-foto-raznyh-let>
43. 5 превращений вокзала «Томск-1» за 120 лет // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/571049---5-prevrashchenij-vokzala-tomsk-1>
44. Маас К. Восемь знаменитых женщин Томска // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/565933---vosem-znamenityh-zhenshchin-tomska>
45. Кураленко А., Мазуров А. Тест. Отличаются ли преступления XIX века от нынешних? // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/598528---test-otlichajutsja-li-prestuplenija-xix-veka-ot-nyнешnih>
46. Мазуров А., Малютена А., Хворенков Е., Фаткулин И. Тайная жизнь города: История проституции в дореволюционном Томске // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/584175---tajnaja-zhizn-goroda-istorija-prostitucii-v-dorevoljucionnom-tomske>
47. Кайгородова К. Ключи от солдатской синагоги передали еврейской общине // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://inlnk.ru/n0K4JZ>
48. Симонова М. Инстакраевед Наталья Каракоркова: «Видишь поворот во двор – заходи» // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/652401---instakraeved-natalja-karakorkova-...>
49. Бейкова В. Любовь и революция. Тайны личного дневника Нины Адриановой // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/608810---ljubov-i-revoljucija-tajny-lichnogo-dnevnika-niny-adrianovoj>
50. Бейкова В. Семейные реликвии. Женщины рода Клыкковых // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/583687---semejnye-relikvii-zhenshchiny-roda-klykovyh>
51. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М. : Аспект Пресс, 2003. URL: <http://hiedu.ru/e-books/xbook714/01/part-004.html>
52. Мазуров А. Тайная жизнь Томска. Церковный раскол // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/615209---tajnaja-zhizn-tomska-cerkovnyj-raskol>
53. Бейкова В. Исчезнувший лифт и световые колодцы. Как был устроен пассаж Второва в Томске и что его может ждать // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/658993---ischeznuvshij-lift-i-svetovye-kolodcy-kak-byl-ustroen-passazh-vtorova-v-tomske-i-что-его-mozhet-zh>
54. Бейкова В. Протезные мастерские. История болотовского особняка на проспекте Фрунзе // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/628733---protezhnye-masterskie-istorija-bolotovskogo-osobnjaka-na-prospekte-frunze>
55. Кураленко А., Мазуров А. Арестантские. Три ключевые тюрьмы в истории Старого Томска // Томский обзор. Томск, 2018. URL: <https://obzor.city/article/564081---arestantskie-tri-kljuchevye-tjurny-v-istorii-starogo-tomska>
56. Бейкова В. Трудкоммуна «Чекист». Как под Томском из беспризорников делали идеальных советских граждан // Томский обзор. Томск, 2020. URL: <https://obzor.city/article/626543---trudkommuna-chekist-kak-pod-tomskom-iz-besprizornikov-delali-idealnyh-sovetskih-grazhdan>
57. Мазуров А. «Всегда заходите в подворотни». Интервью с автором семичасовых экскурсий по Томску // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/596753---vsegda-zahodite-v-podvorotni-intervju-s-avtorom-semichasovyh-ekskursij-po-tomsku>
58. Мазуров А. Томские подземелья ищут проекты. Экскурсия по подвалам Второвского пассажа // Томский обзор. Томск, 2019. URL: <https://obzor.city/article/619838---tomskie-podzemelja-ishchut-proekty-ekskursija-po-podvalam-vtorovskogo-kvartala>

References

1. Astashkin, D.Yu. (2003) Istoricheskiy diskurs v regional'noy mediasfere (na primere Novgorodskoy oblasti) [Historical discourse in the regional media sphere (on the example of the Novgorod region)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 73. pp. 6–9.
2. Karabanova, S.F. (2016) Slagaemye imidzha goroda [Components of the image of the city]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 1. pp. 162–167.
3. Terskikh, M.V. (2015) Imidzh regiona: teoreticheskiy aspekt (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) [The Image of the Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience)]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (52). pp. 199–205.
4. Mazurov, A.E. (2017) *Istoriko-kraevedcheskaya tema v SMI g. Tomsk (na primere pechatnykh i internet-izdaniy: "Krasnoe znamya", "Sibirskaya starina", "Tomskiy obzor", "TV-2", "Novosti "Vtomske")* [The historical and local history topic in the media of Tomsk (on the example of print and online publications: Red Banner, Siberian Antiquity, Tomsk Review, TV-2, Vtoms News)]. Bachelor thesis. Tomsk. [Online] Available from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:5279>.
5. Nod, L.P. (2013) Media i istoriya: vektory integratsii [Media and history: vectors of integration]. *Istoricheskie nauki*. 3. pp. 5–7.
6. Belkovskiy, S.V. (2013) Ispol'zovanie istoricheskikh materialov v sovremennoy gazetnoy publitsistike [The use of historical materials in modern newspaper journalism]. *Istoriya literatury i publitsistiki*. 2. pp. 45–48.
7. Kostyukova, Yu.B. (2011) Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sredstv massovoy informatsii kak istoricheskogo istochnika [Theoretical and methodological aspects of the study of the media as a historical source]. *Armiya i obshchestvo*. 3. pp. 15–18.
8. Markasov, M.Yu. (2016) Istoricheskiy mediadiskurs v kontekste rekreativnoy zhurnalistiki [Historical media discourse in the context of recreational journalism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 6. pp. 100–109.
9. Barkanova, E.V. (2015) Populyarizatsiya istorii kak medijnaya problema [Popularization of history as a media problem]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. 2. [Online] Available from: <http://www.novsu.ru/file/1165965>.
10. Konstantinova, E.G. (2009) Populyarizatsiya nauki na sovremennoy rossijskom ekrane: krizis napravleniya i puti preodoleniya [Popularization of Science on the Modern Russian Screen: Crisis of Direction and Ways to Overcome]. *Mediascope*. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/old/node/290>.

11. Markasov, M.Yu. (2013) Tsifra i veshch' v biograficheskom diskurse sovremennoy zhurnal'noy periodiki [Figure and thing in the biographical discourse of modern journals]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6. pp. 93–99.
12. Beykova, V. (2018) Udivitel'nyy lombard". Istoriya zdaniya na Karla Marksa, 26 [Amazing pawnshop. History of the building on Karla Marksa, 26]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/586145---udivitelnyj-lombard.-istoriya-zdaniya-na-karla-marksa-26>.
13. Sening, M. (2020) Lenina, 44. Istoriya 120-letnego doma i tekhn, kto v nem zhil, rabotal, vzrosel i umiral [Lenina, 44. The history of a 120-year-old house and those who lived, worked, grew up and died in it]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/626841---lenina-44.istoriya-120-letnego-doma-i-teh-kto-v-nem-zhil-rabotal-vzrosel-i-umiral>.
14. Klevtsova, E. (2019) Sladkiy Tomsk. Istoriya mestnoy konditerskoy promyshlennosti v fantikakh i faktakh [Sweet Tomsk. The history of the local confectionery industry in wrappers and facts]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/626841---lenina-44.istoriya-120-letnego-doma-i-teh-kto-v-nem-zhil-rabotal-vzrosel-i-umiral>.
15. Mazurov, A. (2020) Pervootkryvatel' Ivan Myagkov. Udivitel'naya istoriya cheloveka, sobravshego gorodu ego legendy [Pioneer Ivan Myagkov. An amazing story of a man who collected his legends for the city]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/618361---pervootkryvatel-ivan-myagkov.-udivitel'naya-istoriya-cheloveka-sobravshego-gorodu-ego-legendy->.
16. Solov'ev, S. (2013) "Deideologizatsiya" i novye mify. O nekotorykh osobennostyakh istoriograficheskoy situatsii kontsa 80-kh godov XX veka ["Deideologization" and new myths. On some features of the historiographical situation in the late 1980s]. *Svobodnaya mysl'*. 4. pp. 5–19.
17. Duk, O.G. (2005) Diskurs istoricheskoy nauki i diskurs identichnosti [Discourse of historical science and discourse of identity]. *Diskurs Pi. Nauchno-prakticheskij al'manakh*. 5. pp. 170–172.
18. Mazurov, A. (2020) "Plach' – da bey moloduyu zhenu". Domashnee nasilie v Starom Tomske ["Cry – and beat the young wife." Domestic Violence in Old Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/634626---plach---da-bej-moloduju-zhenu.-domashnee-nasilie-v-starom-tomske>.
19. Anikina, M. (2018) Sentimental'noe puteshestvie iz Naryma v Gdan'sk. Kak sokhranyayut derevyannye doma v Sibiri i v Pol'she [Sentimental journey from Narym to Gdansk. How wooden houses are preserved in Siberia and Poland]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/572868---sentimentalnoe-puteshestvie-iz-naryma-v-gdansk-kak-sohranjajut-derevyannye-doma-v-sibiri-i-v-polshe>.
20. Sidorova, U. (2019) Asimetriya, shpili i kruzheva. Kak tomskie zodchie stroili sobstvennyye doma [Asymmetry, spiers and lace. How Tomsk architects built their own houses]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/593654---asimetrija-shpili-i-kruzheva.-kak-tomskie-zodchie-stroili-sobstvennyye-doma>.
21. Mal'tsev, S. (2020) Listaya staryj al'bom: 45 let nazad vyshla samaya izvestnaya kniga o Tomske [Leafing through the old album: 45 years ago the most famous book about Tomsk was published]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/632301---listaja-staryj-albom-45-let-nazad-vyshla-samaja-izvestnaja-kniga-o-tomske>.
22. Sidorova, U. (2019) Prosveshchaya, izmenil oblik Tomska. 3 glavnykh zdaniya Petra Makushina [Enlightening, changed the face of Tomsk. 3 main buildings of Petr Makushin]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/599477---prosveshchaja-izmenil-oblik-tomska.-175-let-so-dnja-rozhdjenja-kupca-prosvetitelja-petra-makushina>.
23. Kaygorodova, K. (2018) Fotofond. Redkie foto Petra i Alekseja Makushinykh [Photo fund. Rare photos of Peter and Alexei Makushin]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/571462---fotofond-redkie-foto-petra-i-alekseja-makushinykh>.
24. Mazurov, A. (2019) Ne stav'te ekipazh na trotuar. PDD i DTP v starom Tomske [Do not put the carriage on the sidewalk. Traffic rules and traffic accidents in old Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/594319---ne-stav'te-ekipazh-na-trotuar-pdd-i-dtp-v-starom-tomske>.
25. Mazurov, A. (2019) Taynaya zhizn' goroda. Iz istorii tomskikh kabakov [The secret life of the city. From the history of Tomsk taverns]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/595011---tajnaja-zhizn-goroda-iz-istorii-tomskih-kabakov>.
26. Mazurov, A. (2019) Taynaya zhizn' goroda. Bani i pritony starogo Tomska [The secret life of the city. Baths and dens of old Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/614485---tajnaja-zhizn-goroda.-bani-i-pritony-starogo-tomska>.
27. Tomskiy obzor. (2020) Taynaya zhizn' goroda: vse vypuski v odnoj podborke [Secret life of the city: all issues in one collection]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/621644---tajnaja-zhizn-goroda-vse-vypuski-v-odnoj-podborke>.
28. Orlov, A.S. et al. (2006) *Istorija Rossii* [History of Russia]. 3rd ed. Moscow: TK Velbi; Izd-vo Prospekt.
29. Mazurov, A. (2019) Vystavka "E. Kersnovskaya. Skol'ko stoit chelovek" Muzeja istorii GULAGa otkrylas' v Tomske [Exhibition "E. Kersnovskaya. How much does a person cost" of the Gulag History Museum opened in Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/news/592305---vystavka-e.-kersnovskaja.-skolko-stoit-chelovek-muzeja-istorii-gulaga-otkrylas-v-tomske-12-marta>.
30. Fatkulina, E., Mal'tsev, S. & Kaygorodova, K. (2020) Vremya Ligacheva. 100 let Egoru Kuz'michu [Time of Ligachev. 100 years of Egor Kuzmich]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/658827---vremja-ligacheva.-100-let-egoru-kuzmichu>.
31. Ignatenko, Z. (2019) Fotofond. Pionerskoe leto v Tomske [Photo fund. Pioneer summer in Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/601885---fotofond.-pionerskoe-leto-v-tomske>.
32. Isaev, N. & Mal'yutina, A. (2019) Handmade zheleznoego veka: kak izgotovit' figurku svyashchennogo losya, esli ty kulaets? [Handmade of the Iron Age: how to make a figurine of a sacred elk if you are a Kulaite?]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/585384---handmade-zheleznoego-veka-kak-izgotovit-figurku-svyashchennogo-losja-esli-ty-kulaec-infografika>.
33. Gurbanova, L. et al. (2018) "Varenki" i Abibas. Shest' istorij ot tomichey o mode 90-kh [Varenki and Abibas. Six stories from Tomsk residents about the fashion of the 1990s]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/566908---moda-90h-shest-istorij-ot-tomichej->.
34. Kaygorodova, K. (2019) Fotofond. Dom ofitserov: 10 foto i 11 faktov [Photo fund. House of Officers: 10 Photos and 11 Facts]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/612813---fotofond.-dom-ofitserov-10-foto-i-11-faktov>.
35. Tertychnyy, A.A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodicals]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm>.
36. Voron, N.I. (2012) *Zhanry fotozhurnalistiki* [Genres of Photojournalism]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki. [Online] Available from: <http://knigi.link/jurnalistikauchebniki/janryi-fotozhurnalistiki-ucheb-posobie-dlya.html>.
37. Anyukhina, A.M. (2017) Fenomen mul'timedijnogo longrida i digital storytelling v setevykh media [The Phenomenon of Multimedia Longread and Digital Storytelling in Network Media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2 (24). pp. 146–150.
38. Lukina, M.M. & Fomicheva, I.D. (2005) *SMI v prostranstve Interneta* [Media in the Space of the Internet]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki.
39. Mal'yutina, A. & Fatkulina, E. (2018) Sud vmesto "zabroshki": v Tomske zavershili vosstanovlenie istoricheskogo zdaniya [Court instead of "abandoned house": restoration of a historic building was completed in Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://inlnk.ru/ND5O3R>.
40. Tomskiy obzor. (2018) V Tomske sgorel derevyannyj dom na Krasnoarmejskoy, 84 [In Tomsk, a wooden house on Krasnoarmejskaya, 84 burned down]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/news/575667---v-tomske-sgorel-derevjannyj-dom-na-krasnoarmejskoj-84>.
41. Tomskiy obzor. (2018) Fotofond. Izvozchiki v Starom Tomske [Photo fund. Cab drivers in Old Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/572909---fotofond-izvozchiki-v-starom-tomske>.
42. Tomskiy obzor. (2018) "Slavyanskiy bazar": 10 fotografij raznykh let [Slavianski Bazaar: 10 photographs from different years]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/572529---slavjanskij-bazar-i-okrestnosti-foto-raznyh-let>.

43. Tomskiy obzor. (2018) 5 prevrashcheniy vokzala "Tomsk-1" za 120 let [5 transformations of the station Tomsk-1 in 120 years]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/571049---5-prevrashchenij-vokzala-tomsk-1>.
44. Maas, K. (2018) Vosem' znamenitykh zhenshchin Tomska [Eight famous women of Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/565933---vosem-znamenityh-zhenshchin-tomska>.
45. Kuralenko, A. & Mazurov, A. (2019) Test. Otlichayutsya li prestupleniya XIX veka ot nyneshnikh? [Test. Are the crimes of the 19th century different from those of today?]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/598528---test-otlichajutsja-li-prestuplenija-xix-veka-ot-nyneshnih>.
46. Mazurov, A. et al. (2018) Taynaya zhizn' goroda: Istoriya prostitutsii v dorevoljucionnom Tomske [The secret life of the city: The history of prostitution in pre-revolutionary Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/584175---tajnaja-zhizn-goroda-istorija-prostitucii-v-dorevoljucionnom-tomske>.
47. Kaygorodova, K. (2018) Klyuchi ot soldatskoy sinagogi peredali evreyskoy obshchine [The keys to the soldiers' synagogue were handed over to the Jewish community]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://inlnk.ru/n0K4JZ>.
48. Simonova, M. (2020) Instakraeved Natal'ya Karakorskova: "Vidish' povorot vo dvor – zakhodi" [Local historian Natalya Karakorskova: "If you see a turn into the yard, come in"]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/652401---instakraeved-natalja-karakorskova-...>
49. Beykova, V. (2019) Lyubov' i revolyutsiya. Tayny lichnogo dnevnika Niny Adrianovoy [Love and Revolution. Secrets of the personal diary of Nina Adrianova]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/608810---ljubov-i-revoljucija.-tajny-lichnogo-dnevnika-niny-adrianovoj>.
50. Beykova, V. (2018) Semeynye relikvii. Zhenshchiny roda Klykovykh [Family relics. Women of the Klykov family]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/583687---semejnye-relikvii-zhenshchiny-roda-klykovykh>.
51. Prokhorov, E.P. (2003) *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to the Theory of Journalism]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: <http://hiedu.ru/e-books/xbook714/01/part-004.html>.
52. Mazurov, A. (2019) Taynaya zhizn' Tomsk. Tserkovnyy raskol [The secret life of Tomsk. Church Schism]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/615209---tajnaja-zhizn-tomska.-cerkovnyj-raskol>.
53. Beykova, V. (2020) Ischeznuvshiy lift i svetovye kolodtsy. Kak byl ustroen passazh Vtorova v Tomske i chto ego mozhet zhdad' [Disappeared elevator and light wells. How Vtorov's Passage in Tomsk was arranged and what can happen to it]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/658993---ischeznuvshij-lift-i-svetovye-kolodcy.-kak-by-l-ustroen-passazh-vtorova-v-tomske-i-chto-ego-mozhet-zh>.
54. Beykova, V. (2020) Proteznye masterskie. Istoriya bolotovskogo osobnyaka na prospekte Frunze [Prosthetic workshops. The history of the Bolotovskiy mansion on Frunze Avenue]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/628733---protezye-masterskie.-istorija-bolotovskogo-osobnjaka-na-prospekte-frunze>.
55. Kuralenko, A. & Mazurov, A. (2018) Arestantskie. Tri klyuchevye tyur'my v istorii Starogo Tomsk [Three key prisons in the history of Old Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/564081---arestantskie-tri-kljuchevye-tjurmy-v-istorii-starogo-tomska>.
56. Beykova, V. (2020) Trudkommuna "Chekist". Kak pod Tomskom iz besprizornikov delali ideal'nykh sovetskikh grazhdan [Labor commune Chekist. How homeless children were made into ideal Soviet citizens near Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/626543---trudkommuna-chekist.-kak-pod-tomskom-iz-besprizornikov-delali-idealnyh-sovetskih-grazhdan>.
57. Mazurov, A. (2019) "Vsegda zakhodite v podvorotni". Interv'yu s avtorom semichasovykh ekskursij po Tomsku ["Always go to the gateways." Interview with the author of seven-hour excursions around Tomsk]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/596753---vsegda-zahodite-v-podvorotni.-intervju-s-avtorom-semichasovykh-ekskursij-po-tomsku>.
58. Mazurov, A. (2019) Tomskie podzemel'ya ishchut proekty. Ekskursiya po podvalam Vtorovskogo passazha [Tomsk dungeons are looking for projects. Excursion to the cellars of the Vtorovskiy passage]. *Tomskiy obzor*. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/619838---tomskie-podzemelja--ishchut-proekty-ekskursija-po-podvalam-vtorovskogo-kvartala>.

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Mazurov, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.06.2022;
одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 13.06.2022;
approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 811.111
doi: 10.17223/15617793/483/6

Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии)

Нэлла Аркадьевна Трофимова^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} nelart@mail.ru

Аннотация. Описывается метафорическая репрезентация пандемии коронавируса в текстах немецких СМИ с опорой на теорию метафорического моделирования. Выделяются модели концептуальных и новых, «живых» метафор, рассматриваются языковые способы их актуализации. Устанавливается, что метафоры не только обособляют пандемический дискурс, но и способны объяснить реципиенту дискурса сложные понятия, транслировать эмоционально-оценочные смыслы, влиять на формирование мнения, а следовательно, и на систему мировоззрения.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, пандемический дискурс, СМИ Германии, метафора, концептуальная метафора, метафорическая модель

Для цитирования: Трофимова Н.А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 57–71. doi: 10.17223/15617793/483/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/6

Metaphors of pandemic discourse (on the material of German media)

Nella A. Trofimova^{1,2}

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1,2} nelart@mail.ru

Abstract. This article focuses on the analysis of metaphorical representations of the coronavirus pandemic in texts selected by continuous sampling from German-language media. The methodological basis of the research is the theory of conceptual metaphor, as well as the Russian theory of metaphorical modeling, which allow us to single out universal metaphorical models that are in line with the Zeitgeist and are part of the national picture of the world. Pandemic discourse was selected as the research space. It is understood as a media supertext or as a collection of media texts united by one topic and aimed at reflecting events associated with the pandemic. Further, the article examines predictable metaphorical models – the military model with an extensive system of slots representing most of the elements of “military” actions aimed at combating the virus; the disaster model (tsunami, storm, fire) showing the attitude to the virus as to a dangerous and uncontrollable phenomenon; the ambivalent road model (the road from the pandemic, on the one hand, and the road along which the virus is walking around the world, on the other); the legal model focusing attention on the protest part of the discourse; the zoomorphic model; the theatrical-game model. The author shows an example of the interaction of units of different metaphorical models for the implication of certain nuances of meaning. The conceptual metaphors that fill the slots of these models show the complex moral and psychological state of society and an ambiguous social attitude towards the pandemic reality. The final part of the article describes living metaphors, born as a response to the anxiety of the situation and fear, realizing unconventional meanings, to some extent a carnival attitude to what is happening, speaking ironically and/or describing everything in a plain, upfront way. A striking linguistic fact in this category of metaphors is serial metaphors, which form large word families and, by one feature, characterize a number of objects or phenomena of the new reality. Attention is drawn to complex metaphors, the semantics of which is made up of a pun on the direct meanings of the components. The conclusion states the high degree of emotional impact of metaphors, the dynamism of the metaphorical picture of the pandemic reality, its dependence on many objective and individual factors, as well as on ideological reasons. The prospect of the research is seen in the description of anthropomorphic metaphorical images of pandemic discourse of the corona-humorous texts.

Keywords: coronavirus pandemic, pandemic discourse, German media, metaphor, conceptual metaphor, metaphorical model

For citation: Trofimova, N.A. (2022) Metaphors of pandemic discourse (on the material of German media). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 57–71. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/6

Постановка вопроса

Пандемия коронавируса, в реалиях которой мы живем с весны 2020 г., за короткое время кардинально изменила нашу жизнь, создав новую нормальность с социальным дистанцированием, обязательными средствами защиты, ограничением общения. Опомнившись от первого ошеломления, мы стали оглядываться вокруг и фиксировать возникающее новое. К сегодняшнему дню мы имеем уже значительный багаж исследований не только в области вирусологии, но и во многих гуманитарных сферах. Ученые-лингвисты тоже с большим энтузиазмом взялись за рассмотрение языковых новаций, наполнивших все без исключения языки мира. Мы наблюдаем бум заимствований и неологизмов, необыкновенно продуктивно и творчески реализуются словообразовательные модели, множество новых метафор меняет устоявшуюся картину мира носителей языка. Об этих процессах уже написаны статьи [1–6 и др.], их обсуждению посвящены недавние и планируемые научные конференции, созданы даже первые словари лексики коронавирусной пандемии (например, *OWID – Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch*). Авторы публикаций анализируют особенности новых слов [7, 8], эвфемистические номинации болезни [9], фразеологический аспект функционирования новой лексики [10], рассматривают метафорические репрезентации новых концептов [11–16]. Очевидно, что интерес к теме велик, и ее многие аспекты еще ждут своих исследователей. Это определяет актуальность задачи лингвистического анализа текстов пандемического дискурса, поиска ответа на вопрос о языковой актуализации пандемии, о том, какими средствами формируется смысл мотивированных определенными интенциями текстов о коронавирусе, обладающих большой воздействующей силой, значительными манипуляторными возможностями.

Целью настоящей статьи является описание наиболее частотных метафорических репрезентаций, встречающихся в текстах немецких СМИ о пандемии коронавируса.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определение методологической основы исследования;
- составление корпуса фрагментов текстов о пандемии с примерами концептуальной метафоры;
- выявление денотатов сферы цели и сферы источника метафорической проекции, распределение их по семантическим группам;
- выделение моделей концептуальных метафор, характерных для пандемического дискурса, определение их прагматических задач, анализ языковых способов их актуализации в рамках указанного дискурса.

Научная новизна настоящего исследования обусловлена его комплексным характером – автор рас-

сматривает не отдельные, наиболее распространенные метафорические модели, а делает своего рода метафорический «срез» пандемического дискурса, при этом в поле зрения попадают такие метафоры и метафорические модели, которые еще не были описаны в предшествующих работах.

Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки из текстов немецких СМИ фрагменты, содержащие метафорические номинации рассматриваемой тематической сферы. Часть языковых иллюстраций и пояснения к семантике новых метафор взяты из созданного в Институте немецкого языка им. Лейбница в г. Мангейм на основе текстов СМИ словаря-гlossария пандемической лексики Новейшего времени. Отобранный текстовый материал отражает языковую деятельность разного типа и представляет все уровни знания (теоретическое, эмпирическое, научное, обыденное). Анализируемый корпус примеров насчитывает 1 239 текстовых фрагментов, включающих 215 тематических метафор.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его основные выводы и материалы смогут найти применение в практике преподавания метафорологии и дискурсологии, в том числе при разработке учебных пособий для студентов, изучающих немецкий язык и медиалингвистику.

Структура статьи определяется логикой рассуждений автора: в первом разделе статьи определяются методологические основы исследования, далее рассматриваются универсальные метафорические модели, репрезентированные в текстах немецких СМИ. В третьем разделе представлены новые метафоры, меняющие традиционный фокус восприятия действительности. В заключении подводятся общие итоги сказанного.

Методология исследования

Методологической базой исследования является теория концептуальной метафоры, главные положения которой сформулированы в основополагающей и обобщающей работе предыдущих исследователей монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [17] и в работах их последователей. Отталкиваясь от ставших классическими идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона (метафора есть «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [18. Р. 244], «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [18. Р. 203], метафора есть «когнитивный механизм осмысления одного через другое» [19. Р. 45]), мы рассматриваем метафору как способ осознания действительности, способ смысломоделирования: опираясь на имеющиеся в сознании устойчивые образы, человек в метафорических номинациях формирует новые концепты действительности [20. С. 36]: свойства известного и более конкретного накладываются по

аналогии на неизвестное и абстрактное и затем, многократно повторяясь, становятся рефлексам в речи, культуре, способах научного мышления. Основой знаний для концептуальных доменов (сфера-источник и сфера-мишень) чаще всего является опыт физического взаимодействия человека с окружающей действительностью, который категоризирует ее в виде простых когнитивных структур. Между двумя структурами знаний – структурами концептуальных доменов (и/или их элементами) и осуществляется метафорический перенос, иначе говоря, когнитивная топология сферы-источника определяет способ осмысления сферы-мишени [21. С. 25].

Для описания метафорической составляющей пандемического дискурса мы обращаемся к понятию «метафорическая модель», активно используемому в исследованиях отечественных лингвистов (см., например, [22–24 и др.]). Этот термин обозначает теоретические конструкты, выступающие аналогами концептуальных метафор как проекций между концептуальными доменами. При помощи моделей мы воссоздаем деятельность сознания, двигаясь от объективации метафоры в языке и речи к моделированию когнитивных структур [25. С. 123]. Несмотря на то что метафорическая модель представляет собой субъективное теоретическое построение и поэтому во многом зависит от особенностей мышления исследователя, определен и целый ряд универсальных метафорических моделей, встречающихся в каждом конкретном типе дискурса и определяющих его специфику. Доминируя в определенный период в соответствии с «духом времени», эти универсальные метафорические модели разворачиваются и становятся особенно частотными. При изменении вектора развития общества и его ценностной системы значимость и, следовательно, продуктивность отдельных универсальных метафорических моделей может меняться в сторону увеличения или уменьшения. В рассматриваемом нами дискурсе четко выделяются несколько универсальных метафорических моделей как часть национальной языковой картины мира, несущих «печать» истории народа и современной социально-политической ситуации в обществе. К рассмотрению этих наиболее частотных моделей мы обращаемся в следующем разделе.

Важным в ряду принципиальных для понимания рамок настоящего исследования является вопрос определения понятия дискурса. Для его решения мы обращаемся к транстекстовой модели дискурса, в которой последний предстает как специфический способ вербального представления мира или фрагмента мира [26. С. 8–12], проще говоря, как совокупность текстов, объединенных темой (спортивный дискурс, медицинский дискурс и др.), коммуникативным сообщением (дискурс о Фукусиме и др.), интенцией (персуазивный, аргументативный, полемический дискурс и др.), идеологией (политический дискурс и др.) и т.п. [27]. Представление дискурса как сверхтекста, элементы которого объединены одной темой – пандемия коронавируса, позволяет нам остановиться на термине «пандемический дискурс» и определить его как ориентированный на широкую общественность дискурс,

направленный на реализацию интенции информирования населения о происходящих в контексте пандемии событиях, т.е. реализующий отражательный сценарий («дискурсивный мониторинг» [28]) и их оценки. Публичный подход к исследованию значений и смыслов текстов о пандемии валиден в широком дискурсивном пространстве, поэтому изучение пандемического дискурса может быть наиболее продуктивно на материале текстов СМИ, отражающих события и процессы окружающей реальности, реализующих воздействующую функцию, формирующих систему взглядов на мир, в том числе и посредством эксплуатации определенных метафорических образов.

Универсальные метафорические модели немецкого пандемического дискурса (Германия)

Модель «Пандемия – это война». Предсказуемой универсальной моделью с наиболее разветвленной системой метафор в немецкоязычном пандемическом дискурсе является модель «пандемия – это война», которая отражает богатый опыт ведения военных действий как наиболее эффективный путь решения сложных проблем, зафиксированный в ментальности человека XXI в. «... Война – одна из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к числу базовых, что подтверждается <...> высокой продуктивностью этой метафорической модели» [29. С. 189].

Рассмотрение милитарных метафор в текстах о пандемии создает представление о настоящем театре военных действий со всеми необходимыми атрибутами. Назовем их в простом схематическом перечислении с иллюстрациями их функционирования в рассматриваемом контексте.

Милитарная метафорическая модель представляет жизнь в условиях пандемии как сражение, как собственно войну (1), стороны которой «на смерть» стоят в своем противоборстве. Агрессия противника предполагает объявление войны (2), наличие врагов (3), фронт (4) и фронтовые окопы (5), наступление (6) и оборону другой стороны (7). Линия фронта динамично меняется в зависимости от того, насколько успешны действия противоборствующих сторон. Например, утверждается, что противник – коронавирус – значительно продвинулся в своем наступлении из-за промедления ответственных лиц в китайском Ухане (8):

(1) *Die ganze Welt im Krieg gegen das Coronavirus* ‘Весь мир ведет войну против коронавируса’ [30];

(2) *Biden erklärte dem Coronavirus den Krieg und versprach einen „umfassenden Kampf“ gegen die Pandemie* ‘Байден объявил войну коронавирусу и обещал вернуть «всеобщую борьбу» с пандемией’ [31];

(3) *Was das Coronavirus zum gefährlichen Feind macht, zeigt sich beim Blick ins Immunsystem* ‘Что делает коронавирус опасным врагом, становится понятно при рассмотрении иммунной системы’ [32];

(4) *Nichts Neues von der Virus-Front* ‘На вирусном фронте без перемен’ [заголовок] [33];

(5) *Aber befindet sich unsere müde Welt nicht schon seit einem Jahr in den Schützengräben?* ‘Но

разве наш усталый мир не находится вот уже год в окопах?» [31];

(6) *Der Angriff des Coronavirus auf die Blutgefäße* 'Атака коронавируса на кровеносные сосуды' [34];

(7) *Infektion mit SARS-CoV-2: Abwehr im Ausnahmezustand* 'Заражение ковидом: защита в чрезвычайной ситуации' [35];

(8) *In der Tat hat sich der Feind von einem lokalen Ausbruch im chinesischen Wuhan genau deshalb zu einer globalen Pandemie entwickelt, weil die chinesischen Behörden wertvolle Wochen verschwendet haben, bevor sich ihn bekämpften* 'На самом деле врагу потому удалось превратить локальную вспышку в китайском Ухане в глобальную пандемию, что китайские власти потратили впустую драгоценные недели, прежде чем начали борьбу с ним' [36].

Коронавирус представляется авторами публикаций антропоморфным существом – невидимым агрессором, вторгающимся на территорию противника – в организм человека, захватывающим все больше и больше пространства на этой территории (9).

(9) *Das aggressive SARS-CoV-2 attackiert nicht nur die Lunge, sondern auch das Herz, die Nerven, das Hirn, die Gefäße, die Nieren und die Haut* 'Агрессивный вирус атакует не только легкие, но и сердце, нервы, мозг, сосуды, почки и кожу' [37].

Враг-вирус находит себе в организме союзников, объединение с которыми приводит его к частым победам (10). Противники наступающего врага – иммунная система, с одной стороны, и врачи, – с другой, прилагают все усилия, чтобы победить в борьбе (11, 12):

(10) *Deutsche Forscher haben eine unheilvolle Allianz des Virus mit unseren Körperzellen aufgedeckt* 'Немецкие исследователи обнаружили губительный союз вируса с клетками нашего тела' [38];

(11) *Die Wissenschaftler hoffen nach ersten Erfolgen nun viel genauer Medikamente einsetzen zu können, um nicht nur Covid-19 besser zu bekämpfen* 'После первых успехов ученые надеются теперь ещё более точно использовать медикаменты для эффективной борьбы с вирусом ковид-19' [37];

(12) *In vielen Fällen reicht diese erste Aktivität des Immunsystems bereits aus, um einen Eindringling zu bekämpfen* 'Часто этой первой реакции иммунной системы бывает достаточно для победы над врагом' [37].

Человечество обороняется: строятся оборонительные укрепления (13), используются защитные материалы и средства (*der Spukschutz, die Spukschutzwand, die Spukschutztrennwand* 'защитный экран' и др. [39]), в оборонительные сооружения превращаются даже дома (14):

(13) *Digitales Portal als Corona-Schutzwand für Kliniken* 'Цифровой портал как антиковидный заслон для клиник' [заголовок] [40];

(14) *Die zur Quarantänefestung umfunktionierten eigenen vier Wände ersetzen verrammelte Lieblingsbars und Eckkneipen* 'Переоборудованное в карантинные крепости собственное жильё заменяет закрытые бары и пабы' [41].

В «сражениях» сторонами применяется разного рода оружие: *die Virenbombe* 'вирусная бомба' (15),

die Corona-Keule 'корона-дубинка' (удар «дубинкой» эпидемии по, например, рынку труда (16)), *Bazooka* 'базука или ручной гранатомет' – метафора для обозначения совокупности мероприятий правительства, направленных на борьбу с распространением вируса, сравнимых с эффективностью удара из обозначенного оружия (17):

(15) *Selbst heißgeliebte Verwandte sind potentielle Virenbomben geworden* <...> 'Даже самые любимые родственники стали потенциальными вирусоносителями' (вирусными бомбами) [42];

(16) *Die deutschen Arbeitnehmer bekommen die Corona-Keule auf dem Job-Markt deutlich zu spüren* 'Немецкие рабочие хорошо почувствовали удар корона-дубинкой по рынку труда' [43];

(17) *In der Corona-Krise stemmt sich die Bundesregierung mit aller Macht gegen einen drohenden Einbruch der deutschen Wirtschaft. Mit Kreditzusagen und weiteren Hilfen soll verhindert werden, dass reihenweise Firmen kollabieren und Beschäftigte ihre Arbeit verlieren. "Es ist die Bazooka", sagte Bundesfinanzminister Olaf Scholz (SPD) in militärischem Jargon* 'В период корона-кризиса федеральное правительство изо всех сил противостоит угрозе обвала немецкой экономики. Кредитные обязательства и другие формы финансовой поддержки имеют целью предотвратить крах ряда компаний и потерю сотрудниками рабочих мест. «Это базука, мощное оружие», – сказал федеральный министр финансов Олаф Шольц (СДПГ) на военном жаргоне' [44].

К сожалению, несмотря на все усилия, оборона часто оказывается недостаточно надежной, и победа остается за вирусом-врагом (18). В таких случаях говорят о жертвах агрессии (19, 20) и призывают объединиться для достижения победы над вирусом (21):

(18) *Das Immunsystem wehrt sich gegen Covid-19 wie gegen jeden Angriff. Aber warum wirkt die Verteidigung oft nur unzureichend und führt zu schweren Verläufen oder zum Tod?* 'Иммунная система сопротивляется вирусу ковид-19 как любой другой атаке. Но почему оборона часто бывает недостаточно эффективной и приводит к тяжелому течению болезни или даже к смерти?' [37];

(19) *Das Virus und seine Opfer* 'Вирус и его жертвы' [заголовок] [45];

(20) *Vier von Tausenden: Sie haben den Kampf gegen Corona verloren* 'Четверо из тысяч: они проиграли в борьбе с короной' [заголовок] [46];

(21) *Gegen Covid gewinnen wir nur gemeinsam* 'Только вместе мы можем одержать победу в борьбе с ковидом' [47].

Панорамный обзор военной метафоры в пандемическом дискурсе показывает, что она реализуется по четко определенному сценарию с традиционными элементами (начальное состояние, последовательность событий и итоговое результирующее состояние [17. С. 127]) и представлена целой системой взаимосвязанных лексических единиц – текстовых метафор (*der Krieg* 'война', *der Kampf* 'борьба', *der Feind* 'враг', *die Front* 'фронт', *der Angriff* 'атака', *die Abwehr* 'сопротивление', *die Verteidigung* 'оборона', *der Schutz* 'защита', *die Bombe* 'бомба', *das Opfer* 'жерт-

ва', *eindringen* 'нарушать границы', *sich wehren* 'сопротивляться', *kämpfen* 'бороться', *bekämpfen, gewinnen* 'побеждать', (*den Kampf*) *verlieren* 'проигрывать (в борьбе)' и под.). Эти метафоры объединены концептуальным базисом «пандемия – это война», они мозаично «вырисовывают» картину активных военных действий и этим в полной мере проявляют милитаризованное сознание современного человека. Это и понятно, ведь практически каждое поколение европейцев, в том числе и немцев вынужденно сталкивалось с войной, это обусловило метафорическую экспансию военной лексики на разных этапах развития общества в целом и, следовательно, на его современном этапе, когда Германия, как и весь мир, озабочена стремительным распространением опасной болезни.

Модель «Пандемия – это стихийное бедствие».

Вторая универсальная метафорическая модель, активно функционирующая в пандемическом дискурсе, – «пандемия – это стихийное бедствие». Популярный элемент этой модели – метафора волны, описывающая рост числа инфицированных в течение определенного периода времени. Морская (водная) «тема» в описании скорости распространения коронавируса в мире удобна, поскольку она одним словом рождает множество ассоциаций, укорененных в сознании в результате многовекового близкого контакта с опасной стихией моря. Метафора волны описывает некоторое колебание, подъем и спад, ассоциируется с неотвратимостью, опасностью (большая волна может сбить с ног, накрыть с головой, даже смыть). Волна может быть страшной, сопротивляться ее силе бывает бессмысленно, следует принять ее как данность и дожидаться ее ухода. Поскольку речь идет об одиночной волне (как правило, это существительное употребляется в единственном числе (22, 23)), то сознание рождает представление о волне-убийце, ошеломляющей своим мощным вторжением, дезориентирующей находящегося в радиусе ее действия человека:

(22) *Die zweite und dritte Corona-Welle könnten schlimmer als die erste werden* 'Вторая и третья коронаволны станут, возможно, более опасными, чем первая' [заголовок] [48];

(23) *Deutschland könnte eine dritte Welle bevorstehen* 'Германии, возможно, предстоит третья волна' [49].

Следует, правда, оговориться, что после первого оцепенения от сообщений о скорости распространения корона-вируса появились метафоры, «рисующие» картину приспособления к волне (*der Wellenreiter* – сёрфер, человек, «поймавший» волну и скользящий на доске без дополнительных усилий по преодолению волн, в нашем случае – приспособившийся к условиям пандемии, нашедший себя в новой реальности (24)) или сопротивления волне (*der Wellenbrecher* – волнорез, здесь – жесткие и последовательные меры по преодолению волн эпидемии), создающие совсем иное, более позитивное настроение, репрезентирующие надежду/обещание на изменение ситуации (25):

(24) *Neuer Lockdown – Familien als Wellenreiter* [заголовок] *Die zweite Corona-Welle verunsichert Familien. Wie sollen sie sich verhalten? Es lohnt sich, über*

Hybridmodelle zwischen familiärem Lockdown und Normalität nachzudenken 'Новый локдаун – семьи как «сёрферы». Вторая волна пандемии вселяет неуверенность. Как следует вести себя в семье? Есть смысл подумать о гибридной модели жизни между самоизоляцией и нормальностью' [50];

(25) *Das Virus greift weiter rasant um sich. Und deshalb schalten sie sich heute tatsächlich wieder zusammen. Diesmal wollen sie härter sein, schärfere Regeln beschließen. Von einem zeitlich befristeten echten Wellenbrecher ist die Rede* 'Вирус продолжает быстро распространяться. И поэтому они сегодня на самом деле снова объединяются. На этот раз они хотят быть жестче, принять более строгие меры. Речь идет об ограниченном во времени настоящем заграждении, «волнорезе»' [51].

Если в метафоре волны основой переноса является признак колебания поверхности воды (*sich fortpflanzende auf und ab gehende Bewegung der Wasseroberfläche, besonders des Meeres* [52. Welle]), иллюстрирующий внезапный и интенсивный рост числа заболеваний, который, однако, в какой-то момент времени неизбежно станет уменьшаться, то в других «морских» метафорах (*der Sturm* 'буря, шторм' (26), *der Tsunami* 'цунами' (27)) речь идет о переносе на основе признака «катастрофа, крушение, гибель множества людей в результате стихийного бедствия»:

(26) *"Jetzt sind wir mittendrin im Sturm, vor dem wir uns so lange gefürchtet haben", sagt Gesundheitsminister Zweli Mkhize. Auch Präsident Cyril Ramaphosa sprach vom "Coronavirussturm", der "deutlich heftiger und zerstörerischer" sei, "als wir es bislang erlebt haben"* '«Сейчас мы находимся в эпицентре шторма, которого мы так долго боялись», – говорит министр здравоохранения Цвели Мхизе. И президент Сирил Рамафоса говорил о «коронавирусном шторме», более интенсивном и разрушительном, чем все предыдущие' [53];

(27) *"Wir betrachten die Covid-19-Tragödie wie einen Tsunami, der sich mit den wirtschaftlichen Lockdowns von Osten nach Westen bewegt", sagte Verwaltungsratspräsident Johann Rupert* 'Мы рассматриваем трагедию с ковид-19 как цунами, идущее с востока на запад и несущее с собой экономические ограничения' [54].

Метафоры в приведенных высказываниях выступают в роли действующего лица в противостоянии человек – стихия, где вирус выступает как «живое море», особая активно развивающаяся форма жизни, агрессивная, обладающая разрушительной сверхсилой. Эмоциональная оценка описываемых метафорами событий включена в саму метафорическую номинацию и поддерживается коллокатами – прилагательными негативной оценки (*heftig* 'интенсивный', *zerstörerisch* 'разрушительный') и глаголом-реакцией на событие (*fürchten* 'бояться'). Трагический в своих последствиях шторм/цунами (*die Covid-19-Tragödie wie ein Tsunami*), в эпицентре которого находится человечество в настоящий момент (*Jetzt sind wir mittendrin im Sturm*), не знает границ и практически бесконтрольно передвигается в пространстве (*bewegt sich von Osten nach Westen*), принося беды, оставляя губи-

тельный след (огромное количество жертв этой «стихии», кризис экономики, социальное недовольство).

К «стихийным» базовым метафорам пандемического дискурса следует отнести и концептуальную метафору огня (модель «пандемия – это огонь»), которая используется при описании внезапного возникновения «очага» инфекции и его дальнейшего распространения (28). Подчиненные ей метафоры – *das Auf-flammen* (вспышка), *der Coronaherd* (очаг коронавируса), *das Glutnest* (очаг тления), *lodern* (пылать), *vor sich hin glühen* (тлеть), *auslöschten* (тушить) – рождают в сознании известные всем картины лесных пожаров, когда огонь, затушенный в одном месте, с новой силой вспыхивает рядом (29):

(28) *Vielmehr müsste man das Infektionsgeschehen eher mit zahlreichen Glutnestern unterschiedlicher Größe vergleichen, die überall aufflackern können, manchmal vor sich hinglimmen, manchmal von alleine erlöschen und sich – wenn es schlecht läuft – zu einem größeren Brand zusammenschließen* ‘Распространение инфекции следовало бы скорее сравнивать с многочисленными очагами возгорания разного размера, которые могут вспыхнуть в любом месте, иногда тлеть, иногда даже самостоятельно гаснуть и – при неблагоприятном стечении обстоятельств – сливаться в более крупный пожар’ [55];

(29) *Wie ein Brand verläuft die Seuche in Phasen, mal flammt sie auf, mal lodert sie nur noch, mal taucht sie, schon besiegt geglaubt, in kleinen Glutnestern wieder auf. Abstand und Quarantäne wiederum entziehen dem Feuer die Nahrung, Masken bremsen die Viren, die von Menschen ausgeatmet werden und wie Funken neue Feuer entfachen* ‘Эпидемия, как пожар, имеет фазы своего развития, она то вспыхивает, то бушует в полную силу, то, казалось бы, потушенная, вновь появляется в виде маленьких очагов возгорания. Дистанция и карантин лишают огонь питания, маски препятствуют распространению вирусов, которые выдыхаются людьми и как искры разжигают новый огонь’ [56].

Ассоциативные функции метафоры огня отличаются от таковых у морских метафор: огонь ассоциируется с непредсказуемостью (появлением исподтишка, рождением от малой искры), динамикой (большая скорость распространения), сильной энергетикой и огромным деструктивным потенциалом. Отрицательная оценка образа и боязнь большого огня передается из поколения в поколение посредством своего рода генетической памяти (разорительные пожары на протяжении всей истории цивилизации), поэтому элементы огненной концептосферы представляют собой очень действенный инструмент воздействия. Убеждение достигается в том числе и наличием в «огненных» метафорах указания на скрытость потенциального источника огня, «тлеющего» и несущего угрозу именно своей невидностью и коварством. Кроме того, важным компонентом семантики метафоры огня является указание на меры борьбы с «пожаром», необходимости взять объятую огнем территорию под контроль и не дать ему распространиться (что в случае с разгулом морской стихии невозможно сделать). Но как показывает практика, меры не всегда

применяются адекватно ситуации и вовремя, поэтому эта вирусная «вспышка» в какой-то момент тоже может стать неукротимым пожаром (30).

(30) *Gefährlich würde es erst, wenn eine einzelne Flamme ein Feuer auslöst, das nicht mehr aufzuhalten ist. Dann wird aus einem kleinen Lagerfeuer schnell ein großer Waldbrand* ‘Опасно это стало бы только в том случае, если одиночное пламя вызовет пожар, который уже больше нельзя остановить. Тогда небольшой костер быстро становится большим лесным пожаром’ [57].

В метафорическом осмыслении пандемии представления об огне и воде являются той субстанциальной прототипической базой, которая связывает две сферы – стихийную и пандемическую. При этом водная и огненная концептосферы могут быть связаны между собой в единый сценарий [58. С. 242], описывающий процессы распространения коронавируса либо как явную неотвратимую опасность (*die Welle* ‘волна’, *der Tsunami* ‘цунами’, *der Sturm* ‘шторм’), либо как вероломного лазутчика, таящегося до поры до времени (*vor sich hin glühen* ‘тихо тлеть’, *das Glutnest* ‘очаг возгорания’) и при отсутствии контроля за развитием событий разворачивающегося в большой пожар, справиться с которым бывает значительно сложнее.

Модель «пандемия – это политический режим».

Не обошлось в пандемическом дискурсе и без метафор из сферы политики, они встречаются в контекстах, связанных с обусловленными опасностью заражения ограничениями. Например, при описании демонстрационных выступлений людей, недовольных социальными мерами защиты, появляется метафора режима или диктатуры как осуществление власти (здесь – насаждение правил поведения и даже жизни в период пандемии) прямым, директивным путем (31, 32):

(31) *Das Corona-Regime darf nicht zum Dauerzustand werden* ‘Корона-режим не должен остаться надолго’ [заголовок] [59];

(32) *Leben wir in einer Corona-Diktatur?* ‘Разве мы живем во времена корона-диктатуры?’ [заголовок] [60].

Среди метафор этой модели выделяется *der Corona-Faschismus* как метафора власти, подавления индивидуальности, преследования взглядов и воззрений, повседневного поведения (33).

(33) *Der Vorsitzende des Kreiselternrats Bautzen <...> leugnet er die Gefahren der Corona-Pandemie. <...> Auf seiner Facebook-Seite schrieb er wörtlich von „Corona-Faschismus“* ‘Председатель окружного родительского комитета Бауцена отрицает опасность пандемии коронавируса. На своей странице в фейсбуке он писал буквально о корона-фашизме’ [61].

Метафора фашизма – не просто фигура речи. Она имеет четкий семантический – отрицательно оценочный эмоциональный – вектор: каждый взрослый человек в Германии имеет представление о том, что такое фашизм и что он несет. Поэтому эмоциональное воздействие на читателя этой метафорой зла превра-

щается в безотказный политический инструмент повышения градуса напряжения в обществе, манипуляции общественным сознанием и формирования «нужного» общественного мнения.

В протестной тематической зоне пандемического дискурса концентрируются тревожные метафоры, сферой-источником для которых избирается право, например, в части исполнения наказания: для мест, куда инфицированные помещаются на карантин, используется метафора тюремного заключения (*der Corona-Knast* ‘корона-тюрьма’, *die Corona-Haft* ‘корона-заключение’), перенос в этом случае осуществляется по признаку приговоренности к наказанию (здесь – за угрозу быть причиной распространения инфекции) и как следствие – состояние вынужденной (недобровольной) отчужденности от жизни, ограничение возможностей передвижения и общения (34, 35). Образность такой метафоры играет значительную прагматическую роль, нагнетая страх и/или рождая протест просто своей семиотикой насильственной несвободы:

(34) *Die Corona-Haft hat Lotchen zu einem einsamen Kind gemacht, abhängig von Papa und Mama* ‘Корона-изоляция превратила маленькую Лотту в одинокого ребенка, зависимого от папы и мамы’ [62];

(35) <...> *Stadt, die das als "Corona-Knast" bekanntgewordene Feldbetten-Lager Ende März in einer Turnhalle errichtet hatte* ‘город, который развернул в конце марта в спортивном зале полевой госпиталь, ставший известным как коронавирусная тюрьма’ [63].

Криминально-правовая концептосфера в рассматриваемом дискурсе не ограничивается метафорой тюрьмы, последняя связана дискурсивными «ниточками» с другими элементами сценария: заключение под стражу обеспечивается действиями корона-следователей (*der Corona-Detektiv*) – специальных людей или компьютерных программ, отслеживающих цепочки взаимодействия инфицированных людей (36). А политикам, проявляющим особенное рвение в попытках обеспечить безопасность граждан, достается прозвище шериф (37) – метафора на основе сходства функций, выполняемых представителями этой должности в сфере-источнике – англосаксонской правовой системе, т.е. поддержание правопорядка, помощь в исполнении правосудия (здесь – в исполнении правил социального дистанцирования), борьба с преступностью (здесь – с нарушителями установленных правил):

(36) *Lutz Ehlkes <...> ist einer jener Corona-Detektive, die seit Wochen bundesweit in jedem Gesundheitsamt gegen die Pandemie kämpfen* ‘Лутц Элькес – один из тех корона-детективов, которые вот уже несколько недель в департаментах здравоохранения всех федеральных земель ведут борьбу против пандемии’ [64];

(37) *Markus Söder: Ein unnachgiebiger Seuchen-Sheriff* ‘Маркус Зёдер – негибкий шериф пандемии’ [заголовок] [65].

Метафоры такого рода, связанные с политическим опытом человечества (известные диктатуры 20 в. и действующая полицейская система), являются очень интенсивным средством отрицательного воздействия

на читателя, эксплуатирующим чувство тревоги и страха, недоверия к мерам защиты, принимаемым правительством. Сила привязки к буквальному значению в этих метафорах велика, поэтому высок и уровень их убедительности.

Интересным моментом в этом контексте является факт тесного сплетения правовой метафорической модели и метафор из религиозной сферы-источника *der Corona-Gläubiger* ‘корона-верующий’ и *der Corona-Sünder* ‘корона-грешник’. Первая лексема является обозначением категории людей, верящих в опасность вируса, вторая называет людей, скептически относящихся к происходящему в стране и в мире. Появление таких понятий в светском и очень рациональном обществе имплицитно не преступление (грех не имеет ничего общего с законодательством), а апелляцию к общественной морали и коллективной совести: несоблюдение правил поведения нарушает некий негласный коллективный договор о солидарности мыслей и действий для сохранения здоровья. За совершение «греха» – нарушение правил поведения, ношения масок – априори не может быть юридического наказания, он должен прощаться при покаянии (кстати, штраф за нарушение правил поведения обозначается лексемой *das Bußgeld* ‘штраф’, первый компонент которой и называет покаяние). Но коллокации лексемы *der Corona-Sünder* показывают наличие необходимых (процессуальных) действий по обнаружению и наказанию нарушителей: *den Corona-Sünder anzeigen, aufspüren, bestrafen, jagen* ‘донести на корона-грешника, выслеживать, штрафовать, преследовать корона-грешника’, *gegen Corona-Sünder ermitteln, vorgehen* ‘вести следствие по делу корона-грешника, принимать меры по отношению к корона-грешнику’. Помещение безобидного провинившегося на карантин («за решетку»; см. названные выше метафоры *Corona-Knast/Corona-Haft*) также не соответствует степени вины «грешника» и поэтому тоже не одобряется. Так, метафоры сталкивают представления, делят общество на правоверных и отступников от общественных интересов, вызывают моральное возмущение. Для обозначения раскола общества на два лагеря в дискурс «вплетается» метафора *der Coronagraben* ‘корона-ров’ (слот еще одной метафорической модели), главный элемент которой называет коронавирус разделяющим пространство **рвом**, – симптоматическая номинация, основанная на образе искусственно созданного углубления в рельефе для разделения противоборствующих сил (в период средневековых войн). Эта метафора реализует устойчивые отрицательно-оценочные коннотации, каждый реципиент, знакомый с исходным значением лексемы, испытывает на себе ее эмоционально-экспрессивную маркированность и, следовательно, становится уязвимым для «эпидемии страха».

Модель «Пандемия – это дорога». В пандемическом дискурсе, конечно, представлены и конвенциональные ориентационно-пространственные метафоры, областью-источником которых является дорожно-транспортная сфера, например, *die Corona-Wende* ‘корона-поворот’, *die Corona-Bremse* ‘корона-тормоз’, *der*

Corona-Stau ‘корона-пробка’, *der Weg aus der Pandemie* ‘дорога из пандемии’, *der Coronafahrplan / Exitfahrplan* ‘корона-расписание (движения) / расписание выхода (из пандемии)’, они описывают историю наших «отношений» с коронавирусной инфекцией как линейный, однонаправленный и поступательный процесс – дорогу к цели со всеми ее атрибутами – поворотами, торможением на опасных участках, пробками, расписанием движения по этой дороге. С другой стороны, речь идет о пути, которым персонифицированный коронавирус идет к своей цели (38). Логично поэтому, что в совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути и транслирующих глубинную ориентационную когницию, включается и базисная метафора следа, оставляемого идущими по дороге (39, 40). На этой – второй – проекции дороги успех зависит от того, насколько быстро и компетентно работают ученые-вирусологи, чтобы «взять след» и настичь нарушителя. Образ ловкого и уверенного в себе антропоморфного существа (41), умело заматающего за собой следы (42), создается в сценарии преследования на дороге при использовании глагольной метафоры *hinterherhinken* ‘ковылять, хромать’ по отношению к тем, кто идет по следу вируса (43).

(38) *Coronavirus – ein Virus geht um die Welt* ‘Коронавирус – вирус идет по миру’ [66];

(39) *Dem Virus auf der Spur* ‘По следу вируса’ [заголовки];

(40) *Die Genomsequenzierung ermöglicht es, mutierte Viren aufzuspüren* ‘Секвенирование генома позволит выйти на след мутировавших вирусов’ [67];

(41) *Der Virus nimmt den Weg* ‘Вирус выбирает путь’ [67];

(42) *Das Virus verwischt die Spur* ‘Вирус заматает следы’ [67];

(43) *Wir hinken der Sache hinterher* ‘Мы отстаем в этом вопросе’ [67].

Таким образом, мы имеем дело с амбивалентностью метафорического образа дороги в пандемическом дискурсе: с одной стороны, она представляется полосой пространства, на которую мы выходим из оцепенелости (еще одна метафора для обозначения этого состояния – *die Corona-Starre* ‘корона-ступор’) и хаоса начала пандемии, и по которой мы надеемся прийти к решению глобальных проблем, несмотря на встречающиеся на ней препятствия. С другой стороны, дорога выступает как нить (нити) пространства, контроль над которыми находится в руках у коронавируса, он по-хозяйски идет по ним в любую сторону, невидимый и опасный; человечеству при таком фокусе рассмотрения достается роль не всегда удачливого догоняющего.

Зооморфные метафоры. Тексты о пандемии включают немногочисленные зоометафоры, например, метафору *der Zellstoff-Hamster* ‘целлюлозный хомяк’ [41], описывающая людей, запасующихся большим количеством туалетной бумаги на период пандемии (перенос на основе свойств животного – запасливости, способности хранить в защечных мешках большое количество собранной пищи). Метафорой *der Babyelefant* ‘слоненок’

обозначается расстояние социальной дистанции, рекомендованной для людей в общественных местах (перенос на основе признака «размер животного») (44):

(44) *Der Babyelefant-Abstand ist leider immer noch nicht zur Gewohnheit geworden* ‘Соблюдение дистанции в размере слоненка пока, к сожалению, не стала привычкой’ [68].

Для номинации людей, игнорирующих правила социального дистанцирования или даже просто проживающих в очагах инфекции, используется пейоративная метафора *die Coronasau* ‘корона-свинья’ [41] (перенос по признаку «нечистоплотность»), фокусирующая внимание на моральной нечистоплотности и ущербности объектов номинации. Уже устоявшаяся зоометафора для обозначения очереди *die Schlange* ‘змея’ приобретает определяющий компонент *Distanz* ‘дистанция’ (*Distanzschlange* [41]) и обозначает явление новой реальности – очереди с правилом сохранения дистанции в 1,5 метра между каждым стоящим в ней. К категории зооморфных номинаций (сфера-источник – фауна) следует отнести и следующие: *die Corona-Mähne* ‘корона-грива’ [41] (волосы, неухоженные по причине закрытых в период большого локдауна парикмахерских, перенос на основе внешнего сходства с львиной гривой), *die Herdenimmunität* ‘коллективный иммунитет’ [41] (в основе метафоры укорененный в языке образ группы людей/народа как стада), *die Brutstätte* ‘рассадник, инкубатор инфекции’ [41] (перенос на основе сходства функциональных характеристик устройства для искусственного вывода сельскохозяйственных птиц и места, ставшего источником распространения вируса). И, наконец, еще одна зоометафора – *das Coronatier* ‘корона-зверь’ (45) – интересна тем, что она не называет конкретный вид животного, но из сопровождающего метафору глагола (*kriecht* ‘ползет’) можно, однако, сделать вывод об указании на класс пресмыкающихся, «ползучих», за которыми в лингвокультуре закреплена характеристика подлой злокозненности. Метафора описывает вирус как некое живое существо, которое передвигается крадучись, наносит удар (порой смертельный) неожиданно, исподтишка.

(45) *Allmählich kriecht das Coronatier immer näher ran. Selbst wenn es an mir vorbeikriecht, was macht es mit uns allen? Die Welt wird eine andere sein, nichts ist mehr, wie es war...* ‘Постепенно корона-зверь подползает все ближе. Даже если он проползет мимо меня, что он сделает со всеми нами? Мир будет другим, ничто не будет таким, как прежде’ [69].

Единичной метафорой представлена театральнотирковая сфера как область-источник – *der Pandemie-Zirkus* ‘цирк пандемии’ [41]: процесс решения проблем, связанных с пандемией, описывается как нечто пародийно-абсурдное, где тон задают не серьезные люди, политики, а клоуны и иллюзионисты, за плату развлекающие неискушенную публику.

Новые метафоры

Практически все описанные выше метафорические репрезентации эксплуатируют чувство страха реци-

пиентов, нагнетают паническое настроение, их наличие в текстах о пандемии диагностирует стрессовое состояние общества на фоне невиданного масштаба эпидемии и непредсказуемости ее развития. Но такое состояние не может существовать длительное время, наступает момент, когда в ответ на серый пандемический «сумрак», на тотальность, детерминирующую человека, раздается антисистемный карнавальский смех (иногда сквозь слезы), позволяющий справляться с негативными эмоциями. Он вербализуется в шутках и анекдотах, а также в новых, живых метафорах, более позитивных, рассеивающих тревожность ситуации. Такие метафоры свидетельствуют о живом уме и богатой фантазии авторов, во многих из них есть что-то простонародно-ярмарочное, скоморошье – они называют все «прямым текстом», поэтому они противостоят устоявшимся конвенциональным метафорам, выстраивающимся в модели. Примерами таких метафор могут служить упомянутые выше метафоры *Wellenreiter*, *Wellenbrecher*, свидетельствующие об изменении настроения в обществе. Нетривиальными образными метафорами являются также следующие: *der Corona-Kater* ‘корона-похмелье’ (обусловленное социальными и экономическими ограничениями плохое настроение людей; мотивом метафорического переноса является сходство физического и морального состояния после неосторожного принятия алкоголя и психоэмоционального состояния в результате долгого локдауна (46); *das Gesichtskondom* ‘презерватив для лица’ (шутливое обозначение самостоятельно изготовленных средств защиты органов дыхания, перенос на основе сходства неприятных последствий использования презерватива плохого качества и изящной, но малоэффективной маски (47); *der Nasenpimmel* ‘нос как пенис’ (перенос из сферы телесности на основе внешнего сходства незакрытого маской носа и мужского полового органа (48); *die Zombies* ‘зомби, живые мертвецы’ – практически обанкротившиеся предприятия с большими долгами, которые функционируют только благодаря кредитам (49):

(46) *Wie äußert sich der "Corona-Kater" bei den Menschen? [Überschrift] Dr. Sven Sebastian: Die Corona-Krise geht für die Menschen mit einer hohen emotionalen Belastung einher. Während der Kopf in der ersten Phase der Pandemie auf Durchhalten gestellt hat, merken wir jetzt, wie anstrengend die Situation war – und immer noch ist. Was die Menschen jetzt spüren, fühlt sich an wie ein Kater* ‘Как проявляется у людей «коронавирусное похмелье»? [заголовок] Доктор Свен Себастиан: Коронакризис сопровождается у людей высокой эмоциональной нагрузкой. Если в первой фазе пандемии установка была на терпение, то сейчас мы замечаем, какой напряженной была и остается ситуация. То, что чувствуют сейчас люди, похоже на похмелье’ [70];

(47) *Es lebe das Gesichtskondom! [заголовок] Es ist unverantwortlicher Unsinn gegen den Mund- und Nasenschutz ins Feld geführt worden, als er Pflicht wurde in Bussen, Bahnen und Läden. Inzwischen weiß man, wie effizient dieses simple Mittel schützt* ‘Да здравствует презерватив для лица! Было много бессмысленных и безответственных высказываний против средств за-

щиты органов дыхания, когда их использование стало обязательным в автобусах, поездах и магазинах. Теперь мы знаем, как эффективно защищает это простое средство’ [71];

(48) *"Keine Maske" sehe ich in Berlin sehr selten. Aber dafür viele mit Nasenpimmel: Maske nur über dem Mund, wenn überhaupt. Und der fette Zinken guckt raus* ‘Я очень редко вижу людей без маски в Берлине. Но зато много с торчащим как член носом: маска закрывает только рот, если закрывает вообще. И выглядывает жирный носяра’ [72];

(49) *Zombies sind in diesem Kontext Unternehmen, die nicht einmal vernünftig ihre Zinsen bedienen können, nach normalen Kriterien also pleite sind und nur durch Liquiditätszuführung von außen am Leben gehalten werden* ‘В этом контексте зомби – это компании, которые даже не могут толком выплачивать свои проценты по кредитам, т.е. согласно обычным критериям, являются банкротами и поддерживаются только вливаниями ликвидности извне’ [73].

Неожиданно красивая метафора *der Corona-Blues* ‘корона-блюз’ или корона-меланхолия (англ. the blues = Anfall von Depression, Schwermut) называет депрессивное настроение из-за ограничения общения в период пандемии; перенос основан на сходстве эмоционально-психического состояния грусти и меланхолии и состояния, наступающего в результате вынужденного одиночества (50). Это еще один пример «украшения» реальности, вербальное превращение критического психического состояния в приятную меланхолию (ср. «настоящие» обозначения такого или похожего состояния: *der Corona-Koller* ‘корона-ярость’, *die Corona-Hysterie* ‘корона-истерия’, *der Corona-Wahn* ‘корона-бешенство’ [41]):

(50) *Mit bunten Farben gegen Coronablues: Nicht nur Regenbogenbilder am Trabitzer Metzgereischaufenster oder Schmunzelsteinschlangen in vielen Orten rund um den Kulm, sondern auch der "kunterbunte Zaun" vor der Trabitzer Kindertagesstätte wollen erfreuen und aufmuntern* ‘Яркие краски против корона-меланхолии: не только радуга в витрине мясной лавки в Трабице или выложенные детьми змейки из разноцветных камешков в деревушках в окрестностях Кульма, но и пестрый забор вокруг детского сада в Трабице хотят обрадовать и ободрить’ [74].

Серия новых метафор касается правил поведения в общественных местах. Все они включаются в зонтичную метафору *der Corona-Knigge* – совокупность правил поведения во время пандемии, перенос по сходству со сводом правил поведения в обществе, написанном немецким аристократом Адольфом фон Книнге более 200 лет назад. В нее включаются метафоры-гипонимы с компонентом *etikette* ‘этикет’: *die Hustenetikette* ‘правила гигиены при кашле’, *die Niesetikette* ‘правила гигиены при чихании’ [41], в той же тематической (гигиенической) зоне находится метафора *der Hygieneritter* ‘рыцарь гигиены’ [41], определяемый компонент которой называет оваянный средневековыми легендами образ рыцаря «без страха и упрека», доблестного, защищающего чистоту нравов, борющегося против зла, мужественного в битвах и

т.д. В контексте пандемии эти метафорические образы отражают новую культуру общения, описывают тех, кто особенно сознательно, честно и терпеливо выполняет правила гигиены, подчиняет свое поведение современным санитарным нормам.

Интересную метафорическую трансформацию претерпевает один из главных предметов «одежды» в период пандемии – гигиеническая маска. Наряду с «серьезным» употреблением названия этого защитного средства (например, в словах *die Behelfsmaske* ‘самошитая маска’, *die Alltagsmaske* ‘повседневная маска’, *die Maskendisziplin* ‘дисциплина в отношении использования маски’ и др. [41]) фиксируется использование ироничных метафор *die Coronafashion* ‘корона-мода’, *die Coronacouture* ‘корона-кутюрье’, сферой-источником для которых служит индустрия моды. Такие метафоры обозначают изделия ручной работы, часто с логотипами известных брендов или просто стильные, подобранные в цвет одежды маски, которые изобретательные предприниматели, сориентировавшись в конъюнктурной среде пандемии, продают в интернет-магазинах (51). Само появление таких метафор (как, собственно, и обозначаемых ими денотатов) тоже свидетельствует о стремлении избавиться от чувства нахождения на войне, найти занятное модное решение, стильный аксессуар к одежде:

(51) *Die Bandbreite reicht von Kreationen mit pflanzlichen Ornamenten über Designs mit geometrischen Mustern bis hin zu schlichten Entwürfen aus schwarzer Biobaumwolle. Fast alle Artikel sind derzeit ausverkauft, denn die Nachfrage nach der Corona-Couture übertrifft das Angebot beim Weitem. Masken entwickeln sich gerade zum Must-have der Saison* ‘В ассортименте изделия с растительным орнаментом, геометрическим рисунком и простые маски из черного биохлопка. Почти все изделия в настоящий момент распроданы, поскольку спрос на корона-кутюрье значительно превосходит предложение. Маски становятся в этом сезоне обязательным аксессуаром’ [75].

Нельзя не упомянуть в категории новых метафор серию сложных слов (словообразовательное гнездо) с компонентом *Geister-* ‘привидения, призраки’ (*die Geisterküche* ‘кухня для призраков’, *das Geisterrestaurant* ‘ресторан для призраков’, *das Geisterrennen* ‘гонка с призраками-зрителями’, *die Geistermeisterschaft* ‘чемпионат с призраками-зрителями’, *das Geisterspiel* ‘спектакль для призраков-зрителей’ и под. [41]), который означает обусловленный опасностью заражения запрет на присутствие зрителей при проведении обычно многолюдных мероприятий (театральных спектаклей, спортивных состязаний) или отсутствие посетителей в гастрономическом заведении. Перенос в этих словах осуществляется из мистико-религиозной сферы-источника на основе признака «невидимый, незримо присутствующий». Он рисует ироничную, «как бы» апокалиптическую картину города, наполненного только призраками, вызывает ассоциации с известными фильмами, является оценочным элементом нового словотворческого процесса (ср. нейтральное обозначение той же ситуации *Spiel/Rennen/Meisterschaft/Turnier ohne Zuschauer* или

Restaurant ohne Besucher ‘Спектакль/гонка/чемпионат/турнир без зрителей, ресторан без посетителей’) (52):

(52) *Null Zuschauer und 100 statt 1.000 Medienvertreter beim 24-Stunden-Rennen von Le Mans: wie sich das größte Geisterrennen der Welt als Reporter anfühlt* ‘Ноль зрителей и 100 вместо 1000 журналистов на гонке 24 часа Ле Мана: ощущения репортера на самой большой в мире гонке для призраков’ [76].

Нестабильность ситуации, непредсказуемость «поведения» вируса и чередование необходимости усиления противоэпидемических мер и возможности их ослабления мотивировали появление игровых метафор *das Lockdown-Jo-Jo* и *das Shutdown-Jo-Jo*, описывающих многократное введение и отмену социальных ограничений (перенос на основе принципа действия игрушки йо-йо). В метафорическом образе йо-йо важно направление движения катушки – вверх-вниз, оно демонстрирует закрепленный в культуре знак оценки (положительное ориентировано вверх (отмена ограничений) ↔ отрицательное – вниз (ввод ограничений)). Такая аксиологическая иерархия имеет основание в особой мыслительной модели (представлении об уровне устройства мира), которая закреплена в лексиконе немецкой языковой личности [77]. Многослойная семантика данной метафоры имеет глубинные основания и не ограничивается только внешним сходством движения катушки йо-йо.

Приведенные рассуждения охватывают не все многообразие метафор, используемых на страницах немецкой прессы о пандемии. Но уже этот небольшой обзор показывает, что метафоризация как способ описания явлений, связанных с пандемией, находится в фазе активного развития и предполагает не только пополнение уже сложившихся метафорических моделей новым языковым материалом, но и создание новых.

Заключение

В ходе настоящего исследования, предпринятого с целью описания наиболее частотных вариантов метафорической репрезентации новой пандемической реальности в текстах немецких СМИ, рассмотрены особенности структурирования и объяснения окружающего нас мира в период глобальной катастрофы. В качестве методологической основы исследования избрана теория метафорического моделирования, опора на которую позволила провести анализ метафор, характерных для текстов немецких СМИ о пандемии коронавируса. Сплошная выборка из созданного для исследования корпуса текстов (1 239 единиц) выявила перечень концептуальных метафор (215 единиц), которые были распределены в семантические группы в соответствии с основанием переноса и далее собраны в наиболее частотные метафорические модели. Для каждой модели определены прагматические задачи и показаны языковые способы актуализации. Анализ показал, что доминирующими кластерами конвенциональных метафор являются кластеры «война», «стихийное бедствие», «политический режим», «дорога», «животные», которые функционируют как инстру-

мент отрицательного эмоционального воздействия, во многом обуславливающего специфическое восприятие социальной реальности и реализующего закрепленные в сознании образы, проникнутые эмоциями страха, опасности, тревожности. Причины активизации таких моделей в настоящий момент – это действительная опасность ситуации и сложность отношения общества к ней, что отражается в сознании носителей языка и объективируется в их речи. С другой стороны, анализ выявил появление новых «живых» образных метафор, имеющих значительный положительный прагматический потенциал, позволяющий переосмысливать картины мира («метафоры определяют сознание»). В таких метафорах очевидны попытки изменения системы базисных представлений

адресатов о болезни, о происходящем и своей роли в нем: это ироничные метафоры, порождающие смех, стирающий связанный с болезнью негативный компонент. Можно констатировать, что картина пандемической действительности, отраженная в метафорическом «зеркале», не статична, она меняется в зависимости от множества объективных и идеологических факторов, а также от индивидуальных особенностей восприятия.

В качестве перспективы дальнейшего исследования рассматривается анализ и описание антропоморфных метафор, в большом количестве функционирующих в текстах о пандемии, а также отдельное рассмотрение карнавального аспекта языка пандемического дискурса (анализ так называемого корона-юмора).

Список источников

1. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
2. Майер В.С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. Филология. 2020. № 4. С. 123–137.
3. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Лингвистическое портретирование пандемии COVID-19 в прессе России и Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 202–210.
4. Sprache in der Coronakrise: Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronapandemie. URL: <https://www.ids-mannheim.de/index.php?id=4566>
5. Balnat V. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen // Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des Nouveaux Cahiers d'Allemand. 2020. Vol 38 (2). hal-02931171. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931171/document>
6. Klosa-Kückelhaus A. Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie // Sprache in der Coronakrise: Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronapandemie. URL: https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/klosa_Bilder_und_metaphern.pdf
7. Басыров Ш.П. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16, вып. 4 (50). С. 79–86.
8. Редкозубова Е.А. COVID-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. Филология. 2020. № 4. С. 193–200.
9. Бирюкова И.А. Эвфемизация номинативного поля «эпидемия» в современном англоязычном медийном дискурсе // Грамота. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 186–191.
10. Северская О.И., Селезнев Л.В. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 1. С. 96–109.
11. Варнавская Е.В., Афанасьева С.О., Яковенко Н.С. Лексические маркеры социальной тревожности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-3. С. 62–64.
12. Данкова Н.С., Крехтунова Е.В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. 2020. № 8. С. 69–83.
13. Купина Н.А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Журналистика и массовые коммуникации. 2020. Т. 26, № 3. С. 5–13.
14. Новые слова и словари новых слов : сб. науч. ст. / ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 220 с.
15. Петренко Ю.А., Лихачев Э.В., Чернышова М.В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого публицистического дискурса СМИ) // Научный диалог. 2020. № 7. С. 194–209.
16. Рычева Е.А., Сорока С.С. Пандемия в зеркале концептуальной метафоры: образ коронавируса в политическом дискурсе в России и Чехии // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. 15 ноября 2020 г. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д. : Дониздат, 2020. С. 71–82.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
18. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. Cambridge, 1993.
19. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York : Basic Books, 1999.
20. Хоречко У.В. Метафора «войны» в научном историческом дискурсе (на материале «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова) // Молодой ученый. 2011. № 8 (31), т. 2. С. 36–39.
21. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 19–35.
22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.
23. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
24. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Академии наук. Серия Литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.
25. Кульчицкая Л.В. Когнитивная метафора – концептуальная метафора – метафорическая модель: онтологический статус понятий // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, вып. 1 (77). С. 117–124.
26. Андреева В.А. Позиции дискурса в современной лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 7–14.
27. Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2011. Вып. 9. С. 26–33.
28. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М. : Гнозис, 2006. С. 66–81.
29. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
30. Gueterres rüffelt nationale Alleingänge // zdf.de vom 24.06.2020. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/coronavirus-un-guetterres-100.html>

31. James H. Im Krieg gegen das Virus // Project Syndicate vom 04.02.2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/war-on-covid-what-it-means-by-harold-james-2021-02/german>
32. Müller-Jung J. Immun-Chaos durch Covid-19 // Frankfurter Allgemeine vom 17.07.2020. URL: https://www.faz.net/aktuell/wissen/studie-deutscher-forscher-immun-chaos-durch-corona-16859687.html?fbclid=IwAR2v2j-ZZ2ei_Rx4dwCcxwOkeZxN-xgLXLwdTAlCoEENsUEPv7mYcMIuWYU&utm_campaign=GEPCC%253Ds6&utm_content=buffer7bfa8&utm_medium=social&utm_source=facebook.com
33. Nichts Neues von der Virus-Front // lie-zeit vom 18.06.2020. URL: <https://www.lie-zeit.li/2020/06/nichts-neues-von-der-virus-front/>
34. Der Angriff des Coronavirus auf die Blutgefäße // Der Tagesspiegel vom 13.05.2020. URL: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/covid-19-schaeden-jenseits-der-lunge-der-angriff-des-coronavirus-auf-die-blutgefuesse/25823834.html>
35. Eckert N. Infektion mit SARS-CoV.2: Abwehr im Ausnahmezustand // Ärzteblatt. 2020. № 4. URL: <https://www.aerzteblatt.de/archiv/216372/Infektion-mit-SARS-CoV-2-Abwehr-im-Ausnahmezustand>
36. Haass R.-N. Im Krieg gegen ein Virus // Project Syndicate vom 06.04.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-to-win-the-war-with-covid19-by-richard-n-haass-2020-04/german?barrier=accesspaylog>
37. Damen A. Corona nachgehakt: Was Covid-19 mit dem Immunsystem macht // phoenix.de vom 07.09.2020. URL: <https://www.phoenix.de/sendungen/ereignisse/corona-nachgehakt/was-covid-19-mit-dem-immunsystem-macht-a-1804530.html>
38. Müller-Jung J. Immun-Chaos durch Covid-19 // Frankfurter Allgemeine vom 27.07.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/studie-deutscher-forscher-immun-chaos-durch-corona-16859687.html>
39. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.ovid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>
40. Digitales Portal als Corona-Schutzwall für Kliniken // Hamburger Abendblatt vom 13.05.2020. URL: <https://www.abendblatt.de/region/norderstedt/article229104715/Digitales-Portal-als-Corona-Schutzwall-fuer-Kliniken.html>
41. Cocktail-Rezepte für den Corona-Lockdown // Frankfurter Rundschau vom 27.04.2020. URL: <https://www.fr.de/ratgeber/medien/corona-coronavirus-deutschland-cocktails-alkohol-drinks-selber-machen-zr-13717169.html>
42. Wietersheim von S. So können wir endlich wieder Gäste einladen // Frankfurter Allgemeine vom 17.06.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wohnen/haus/wie-man-eine-dinnerparty-in-corona-zeiten-veranstaltet-16813372.html>
43. Corona-Keule! 637 000 mehr Arbeitslose als vor einem Jahr // Bild vom 01.07.2020. URL: <https://www.bild.de/politik/2020/politik/arbeitslosenzahlen-637000-mehr-menschen-ohne-job-als-vor-einem-71615312.bild.html>
44. Knuf Th. Mit der Bazooka gegen die Krise – Bundesregierung beschließt Hilfen // Badische Zeitung vom 14.03.2020. URL: <https://www.badische-zeitung.de/mit-der-bazooka-gegen-die-krise-bundesregierung-beschliesst-hilfen--183827118.html>
45. Das Virus und seine Opfer // zdf.de vom 03.02.2021. URL: <https://www.zdf.de/dokumentation/zdfzoom/zdfzoom-das-virus-und-seine-opfer-100.html>
46. Vier von Tausenden: Sie haben den Kampf gegen Corona verloren // Märkische Allgemeine vom 02.03.2021. URL: <https://www.maz-online.de/Nachrichten/Ostdeutschland/Ein-Jahr-Corona-Pandemie-Vier-von-Tausenden-Sie-haben-den-Kampf-gegen-Corona-verloren>
47. Brugger A., Cavazzini A., Edelatian P., Schäfer J. Gegen Covid gewinnen wir nur zusammen // gruene.de vom 7.01.2021. URL: <https://www.gruene.de/artikel/gegen-covid-gewinnen-wir-nur-gemeinsam>
48. Die zweite und dritte Corona-Welle könnten schlimmer als die erste werden // Der Tagesspiegel vom 05.05.2020. URL: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/zwei-lange-jahre-voller-hoehen-und-tiefen-die-zweite-und-dritte-corona-welle-koennten-schlimmer-als-die-erste-werden/25800632.html>
49. Corona-Pandemie: Die Sorge vor der dritten Welle // br24.de vom 16.02.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/bayern/corona-pandemie-die-sorge-vor-der-dritten-welle,SP7Q87B>
50. Fritzen F. Familien als Wellenreiter // Frankfurter Allgemeine vom 29.10.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/rhein-main/neuer-corona-lockdown-in-hessen-verunsichert-familien-17024664.html>
51. Henkel S. Auf der Suche nach dem Wellenbrecher // tagesschau.de vom 28.10.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bund-laender-treffen-vorab-101.html>
52. Digitaler Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de/>
53. Macheroux-Denault N. Südafrika erlebt "Coronavirus-Sturm" // n-tv vom 17.07.2020. URL: <https://www.n-tv.de/panorama/Suedafrika-erlebt-Coronavirus-Sturm-article21916457.html>
54. Richemont sieht sich im Corona-"Tsunami" // Handelsblatt vom 15.05.2020. URL: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/handel-konsumgueter/luxuskonzern-richemont-sieht-sich-im-corona-tsunami-umsatz-bricht-ein/25833458.html?ticket=ST-563376-WkfdcYfNaGrpx7yjjmLD-ap2>
55. Bartens W. Geht es wieder los? // Süddeutsche Zeitung vom 24.07.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/coronavirus-neuinfektionen-anstieg-1.4978065>
56. Koch J. Erste Welle, zweite Welle, Dauerwelle // Spiegel.de vom 15.08.2020. URL: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/corona-pandemie-linguisten-finden-die-perfekte-metapher-fuer-die-ausbreitung-a-64f72e88-ec98-4bd5-acc7-e642a949c2c5>
57. Merkel Chr. Corona: warum die zweite Welle Quatsch ist // nordbayern.de vom 09.08.2020. URL: <https://www.nordbayern.de/region/corona-warum-die-zweite-welle-quatsch-ist-1.10331917>
58. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические основания метафоризации в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 343 с.
59. Dreier H. Das Corona-Regime darf nicht zum Dauerzustand werden // Welt vom 09.08.2021. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus233022745/Corona-Regeln-in-Deutschland-Hoehste-Zeit-fuer-die-Freiheit.html>
60. Räwel J. Leben wir in einer Corona-Diktatur? // Telepolis vom 07.02.2021. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Leben-wir-in-einer-Corona-Diktatur-5045967.html?seite=all>
61. Schönbach U. Elternrat: Amtsmissbrauch ohne Folgen? // Saechsische.de vom 18.01.2021. URL: <https://www.saechsische.de/coronavirus/elternrat-amtsmissbrauch-ohne-folgen-5360000-plus.html>
62. Höfer M.A. Mit Lottchen in Corona-Haft // Childhood Business vom 13.08.2020. URL: <https://www.childhood-business.de/2020/08/13/mit-lottchen-in-corona-haft/>
63. Feldbettenlager für Quarantäne-Sünder in Menden abgebaut // Süddeutsche Zeitung vom 02.05.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/krankheiten-menden-sauerland-feldbettenlager-fuer-quarantaene-suender-in-menden-abgebaut-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-200522-99-149252>
64. Wenn der Coronavirus-Detektiv ermittelt // Merkur.de vom 25.05.2020. URL: <https://www.merkur.de/leben/gesundheits/wenn-coronavirus-detektiv-ermittelt-zr-13775238.html>
65. Schilling M. Markus Söder: Ein unnachgiebiger Seuchen-Sheriff // Abendzeitung vom 26.05.2020. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/politik/markus-soeder-ein-unnachgiebiger-seuchen-sheriff-art-563008>
66. Coronavirus – ein Virus geht um die Welt // br.de vom 26.01.2021. URL: <https://www.br.de/kinder/coronavirus-corona-virus-kinder-lexikon-100.html>
67. Geiger M. Dem Virus auf der Spur: Genom-sequenzierung zur Pandemie-Bekämpfung // zdf.de vom 25.01.2021. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/corona-genom-pandemie-100.html>

68. Kahlweit C. Kurz, Kogler und der Babyelefant // Süddeutsche Zeitung vom 30.12.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/panorama/corona-sebastian-kurz-babyelefant-oesterreich-1.5153842>
69. Hoffmann K. Septemberherz. Eintrag ins Gästebuch am 02.04.2020. URL: <http://stille-musik.de/?kat=9&p=15>
70. Jehmlich D. „Corona-Kater“: Was HR und Mitarbeiter dagegen tun können // HR Jour-nal vom 10.09.2020. URL: <https://www.hrjournal.de/corona-kater-was-hr-und-mitarbeiter-dagegen-tun-koennen/>
71. Schwennicke Ch. Es lebe das Gesichtskondom! // Cicero vom 08.07.2020. URL: <https://www.cicero.de/innenpolitik/maskenpflicht-frank-ulrich-montgomery-gesundheitsminister-schutz-viren-merkel>
72. NRW plant hohes Bußgeld bei Verstoß gegen Maskenpflicht im ÖPNV // klamm.de. Kommentareintrag vom 05.08.2020. URL: <https://www.klamm.de/news/nrw-plant-hohes-bussgeld-bei-verstoss-gegen-maskenpflicht-im-oepnv-21N1596605054868.html>
73. Urschitz J. Corona und die staatliche Zombie-Zucht // Die Presse vom 19.06.2020. URL: <https://www.diepresse.com/5827903/corona-und-die-staatliche-zombie-zucht>
74. Kunterbunter Kitazaun gegen Coronablues // ONETZ vom 19.05.2020. URL: <https://www.onetz.de/oberpfalz/trabitz/kunterbunter-kitazaun-gegen-coronablues-id3027633.html>
75. Zwirner H. Warum ist es so schwer, sich an den Anblick von Masken zu gewöhnen? // Welt vom 20.04.2020. URL: <https://www.welt.de/icon/mode/article207365357/Corona-Couture-Masken-sind-das-Must-Have-der-Saison.html>
76. Seiwert R. 24h Le Mans: Als Reporter beim größten Geisterrennen der Welt // Motorsport Magazin.com vom 20.09.2020. URL: <https://www.motorsport-magazin.com/24h-stunden-le-mans/news-266090-24h-le-mans-2020-corona-als-reporter-beim-groessten-geisterrennen-der-welt/>
77. Денисова Г.Л. Оценочная составляющая метафоры «верх-низ» в немецкой политической карикатуре // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 3. С. 559–575.

References

1. Karasik, V.I. (2020) Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Estimates, Positions]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 25–34.
2. Mayer, V.S. (2020) Pandemiya koronavirusa kak yazykovoy marker sovremennosti (na materiale nemetskogo yazyka) [The Coronavirus Pandemic as a Language Marker of Modernity (on the Material of the German Language)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. Filologiya*. 4. pp. 123–137.
3. Serebryakova, S.V. & Milostivaya, A.I. (2020) Lingvisticheskoe portretirovanie pandemii COVID-19 v presse Rossii i Germanii [Linguistic portrayal of the COVID-19 pandemic in the press of Russia and Germany]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 202–210.
4. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). (2021) *Sprache in der Coronakrise: Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronapandemie*. [Online] Available from: <https://www.ids-mannheim.de/index.php?id=4566>.
5. Balnat, V. (2020) Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen. *Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des Nouveaux Cahiers d'Allemand*. 38 (2). hal-02931171. [Online] Available from: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02931171/document>.
6. Klosa-Kückelhaus, A. (2020) Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie. *Sprache in der Coronakrise: Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronapandemie*. [Online] Available from: https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/klosa_Bilder_und_metaphern.pdf.
7. Basyrov, Sh.R. (2020) Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki perioda pandemii koronavirusa [Structural and semantic features of the vocabulary during the coronavirus pandemic]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 4-16 (50). pp. 79–86.
8. Redkozubova, E.A. (2020) COVID-leksika: etimologicheskii i slovoobrazovatel'nyy aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov) [COVID vocabulary: etymological and word-formation aspects (based on Russian, English and German languages)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. Filologiya*. 4. pp. 193–200.
9. Biryukova, I.A. (2020) Evfemizatsiya nominativnogo polya “epidemiya” v sovremennom angloyazychnom mediynom diskurse [Euphemization of the nominative field “epidemic” in modern English-language media discourse]. *Gramota*. 9 (13). pp. 186–191.
10. Severskaya, O.I. & Seleznev, L.V. (2021) Refreyming idiom i paremiy v koronavirusnom diskurse [Reframing idioms and paremias in coronavirus discourse]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. 1 (12). pp. 96–109.
11. Varnavskaya, E.V., Afanas'eva, S.O. & Yakovenko, N.S. (2020) Leksicheskie markery sotsial'noy trevozhnosti [Lexical markers of social anxiety]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 7–3. pp. 62–64.
12. Dankova, N.S. & Krekhtunova, E.V. (2020) Reprezentatsiya pandemii v SMI: metaficheskiy obraz voyny (na materiale amerikanskikh gazet) [Representation of the pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on American newspapers)]. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 69–83.
13. Kupina, N.A. (2020) Pandemiya koronavirusa: metaficheskiy diagnostika trevozhnoy real'nosti v tekstakh SMI [Coronavirus Pandemic: Metaphorical Diagnosis of Disturbing Reality in Media Texts]. *Zhurnalistika i massovye kommunikatsii*. 3 (26). pp. 5–13.
14. Kozlovskaya, N.V. (ed.) (2020) *Novye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. Saint Petersburg: ILS RAS.
15. Petrenko, Yu.A., Likhachev, E.V. & Chernyshova, M.V. (2020) Sredstva yazykovoy vyrazitel'nosti v obraze COVID-19 (na materiale nemetskogo publitsisticheskogo diskursa SMI) [Means of linguistic expressiveness in the image of COVID-19 (based on the German journalistic discourse of the media)]. *Nauchnyy dialog*. 7. pp. 194–209.
16. Rycheva, E.A. & Soroka, S.S. (2020) [Pandemic in the mirror of a conceptual metaphor: the image of coronavirus in political discourse in Russia and the Czech Republic]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya* [Language and Law: Actual Problems of Interaction]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. 10. Rostov-on-Don. 15 November 2020. Rostov-on-Don: Donizdat. pp. 71–82. (In Russian).
17. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
18. Lakoff, G. (1993) The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999) *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.
20. Khorechko, U.V. (2011) Metafora “voyny” v nauchnom istoricheskom diskurse (na materiale “Polnogo kursa lektsiy po russkoy istorii” S.F. Platonova) [The metaphor of war in the scientific historical discourse (based on the Full Course of Lectures on Russian History by S.F. Platonov)]. *Molodoy uchenyy*. 8-2 (31). pp. 36–39.
21. Budaev, E.V. (2007) Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory [The formation of the cognitive theory of metaphor]. *Lingvokul'turologiya*. 1. pp. 19–35.
22. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaficheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
23. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Baranov, A.N. (2004) Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki [Metaphorical models as discursive practices]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya Literatury i yazyka*. 1 (63). pp. 33–43.
25. Kul'chitskaya, L.V. (2013) Kognitivnaya metafora – kontseptual'naya metafora – metaficheskiy model': ontologicheskii status ponyatiy [Cognitive metaphor – conceptual metaphor – metaphorical model: ontological status of concepts]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 1-15 (77). pp. 117–124.

26. Andreeva, V.A. (2015) Pozitsii diskursa v sovremennoy lingvistike [Positions of discourse in modern linguistics]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2. pp. 7–14.
27. Klushina, N.I. (2011) Ot stilya k diskursu: novyy povorot v lingvistike [From style to discourse: a new turn in linguistics]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*. 9. pp. 26–33.
28. Plotnikova, S.N. (2006) Kognitivno-diskursivnaya deyatel'nost': nablyudenie i konstruirovaniye [Cognitive-discursive activity: observation and construction]. In: Vinogradov, V.A. (ed.) *Studia Linguistica Cognitiva*. Vol. 1. Moscow: Gnozis. pp. 66–81.
29. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1991) *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian Political Metaphor (Materials for the dictionary)]. Moscow: Institute of the Russian Language of USSR AS.
30. Zdf.de. (2020) Gueterres rüffelt nationale Alleingänge. *Zdf.de*. 24 June. [Online] Available from: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/coronavirus-un-guterres-100.html>.
31. James, H. (2021) Im Krieg gegen das Virus. *Project Syndicate*. 04 February. [Online] Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/war-on-covid-what-it-means-by-harold-james-2021-02/german>.
32. Müller-Jung, J. (2020) Immun-Chaos durch Covid-19. *Frankfurter Allgemeine*. 17 July. [Online] Available from: https://www.faz.net/aktuell/wissen/studie-deutscher-forscher-immun-chaos-durch-corona-16859687.html?fbclid=IwAR2v2j-2Z2ei_Rx4dwCxwOkEZxN-xgLXLwdTAICoEENsUEPv7mYcMIAuWYU&utm_campaign=GEPC%253Ds6&utm_content=buffer7bfa8&utm_medium=social&utm_source=facebook.com.
33. Lie-zeit. (2020) Nichts Neues von der Virus-Front. *Lie-zeit*. 18 June. [Online] Available from: <https://www.lie-zeit.li/2020/06/nichts-neues-von-der-virus-front/>.
34. Der Tagesspiegel. (2020) Der Angriff des Coronavirus auf die Blutgefäße. *Der Tagesspiegel*. 13 May. [Online] Available from: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/covid-19-schaeden-jenseits-der-lunge-der-angriff-des-coronavirus-auf-die-blutgefuesse/25823834.html>.
35. Eckert, N. (2020) Infektion mit SARS-CoV-2: Abwehr im Ausnahmezustand. *Ärztblatt*. 4. [Online] Available from: <https://www.aerzteblatt.de/archiv/216372/Infektion-mit-SARS-CoV-2-Abwehr-im-Ausnahmezustand>.
36. Haass, R.-N. (2020) Im Krieg gegen ein Virus. *Project Syndicate*. 06 April. [Online] Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-to-win-the-war-with-covid19-by-richard-n-haass-2020-04/german?barrier=accesspaylog>.
37. Damen, A. (2020) Corona nachgehakt: Was Covid-19 mit dem Immunsystem macht. *Phoenix.de*. 07 September. [Online] Available from: <https://www.phoenix.de/sendungen/ereignisse/corona-nachgehakt/was-covid-19-mit-dem-immunsystem-macht-a-1804530.html>.
38. Müller-Jung, J. (2020) Immun-Chaos durch Covid-19. *Frankfurter Allgemeine*. 27 July. [Online] Available from: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/studie-deutscher-forscher-immun-chaos-durch-corona-16859687.html>.
39. OWID. (n.d.) *Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. [Online] Available from: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>.
40. Hamburger Abendblatt. (2020) Digitales Portal als Corona-Schutzwall für Kliniken. *Hamburger Abendblatt*. 13 May. [Online] Available from: <https://www.abendblatt.de/region/norderstedt/article229104715/Digitales-Portal-als-Corona-Schutzwall-fuer-Kliniken.html>.
41. Frankfurter Rundschau. (2020) Cocktail-Rezepte für den Corona-Lockdown. *Frankfurter Rundschau*. 27 April. [Online] Available from: <https://www.fr.de/ratgeber/medien/corona-coronavirus-deutschland-cocktails-alkohol-drinks-selber-machen-zt-13717169.html>.
42. Wietersheim von, S. (2020) So können wir endlich wieder Gäste einladen. *Frankfurter Allgemeine*. 17 June. [Online] Available from: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wohnen/haus/wie-man-eine-dinnerparty-in-corona-zeiten-veranstaltet-16813372.html>.
43. Bild. (2020) Corona-Keule! 637 000 mehr Arbeitslose als vor einem Jahr. *Bild*. 01 July. [Online] Available from: <https://www.bild.de/politik/2020/politik/arbeitslosenzahlen-637000-mehr-menschen-ohne-job-als-vor-einem-71615312.bild.html>.
44. Knuf, Th. (2020) Mit der Bazooka gegen die Krise – Bundesregierung beschließt Hilfen. *Badische Zeitung*. 14 March. [Online] Available from: <https://www.badische-zeitung.de/mit-der-bazooka-gegen-die-krise-bundesregierung-beschliesst-hilfen--183827118.html>.
45. Zdf.de. (2021) Das Virus und seine Opfer. *Zdf.de*. 03 February. [Online] Available from: <https://www.zdf.de/dokumentation/zdfzoom/zdfzoom-das-virus-und-seine-opfer-100.html>.
46. Märkische Allgemeine. (2021) Vier von Tausenden: Sie haben den Kampf gegen Corona verloren. *Märkische Allgemeine*. 02 March. [Online] Available from: <https://www.maz-online.de/Nachrichten/Ostdeutschland/Ein-Jahr-Corona-Pandemie-Vier-von-Tausenden-Sie-haben-den-Kampf-gegen-Corona-verloren>.
47. Brugger, A. et al. (2021) Gegen Covid gewinnen wir nur zusammen. *Gruene.de*. 07 January. [Online] Available from: <https://www.gruene.de/artikel/gegen-covid-gewinnen-wir-nur-gemeinsam>.
48. Der Tagesspiegel. (2020) Die zweite und dritte Corona-Welle könnten schlimmer als die erste werden. *Der Tagesspiegel*. 05 May. [Online] Available from: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/zwei-lange-jahre-voller-hoehen-und-tiefen-die-zweite-und-dritte-corona-welle-koennten-schlimmer-als-die-erste-werden/25800632.html>.
49. Br24.de. (2021) Corona-Pandemie: Die Sorge vor der dritten Welle. *Br24.de*. 16 February. [Online] Available from: <https://www.br.de/nachrichten/bayern/corona-pandemie-die-sorge-vor-der-dritten-welle,SP7Q87B>.
50. Fritzen, F. (2020) Familien als Wellenreiter. *Frankfurter Allgemeine*. 29 October. [Online] Available from: <https://www.faz.net/aktuell/rhein-main/neuer-corona-lockdown-in-hessen-verunsichert-familien-17024664.html>.
51. Henkel, S. (2020) Auf der Suche nach dem Wellenbrecher. *Tagesschau.de*. 28 October. [Online] Available from: <https://www.tagesschau.de/inland/bund-laender-treffen-vorab-101.html>.
52. Digitaler Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). (n.d.) [Online] Available from: <https://www.dwds.de/>.
53. Macheroux-Denault, N. (2020) Südafrika erlebt "Coronavirus-Sturm". *N-tv*. 17 July. [Online] Available from: <https://www.n-tv.de/panorama/Suedafrika-erlebt-Coronavirus-Sturm-article21916457.html>.
54. Handelsblatt. (2020) Richemont sieht sich im Corona-"Tsunami". *Handelsblatt*. 15 May. [Online] Available from: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/handel-konsumgueter/luxuskonzern-richemont-sieht-sich-im-corona-tsunami-umsatz-bricht-ein/25833458.html?ticket=ST-563376-WkfdCYfNaGrpx7yjjmLD-ap2>.
55. Bartens, W. (2020) Geht es wieder los? *Süddeutsche Zeitung*. 24 July. [Online] Available from: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/coronavirus-neuinfektionen-anstieg-1.4978065>.
56. Koch, J. (2020) Erste Welle, zweite Welle, Dauerwelle. *Spiegel.de*. 15 August. [Online] Available from: <https://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/corona-pandemie-linguisten-finden-die-perfekte-metapher-fuer-die-ausbreitung-a-64f72e88-ec98-4bd5-acc7-e642a949c2c5>.
57. Merkel, Chr. (2020) Corona: warum die zweite Welle Quatsch ist. *Nordbayern.de*. 09 August. [Online] Available from: <https://www.nordbayern.de/region/corona-warum-die-zweite-welle-quatsch-ist-1.10331917>.
58. Pankratova, S.A. (2013) *Kognitivno-semanticheskie osnovaniya metaforizatsii v sovremennoy angliyskom yazyke* [Cognitive-semantic foundations of metaphorization in modern English]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
59. Dreier, H. (2021) Das Corona-Regime darf nicht zum Dauerzustand werden. *Welt*. 09 August. [Online] Available from: <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus233022745/Corona-Regeln-in-Deutschland-Hoehste-Zeit-fuer-die-Freiheit.html>.
60. Räwel, J. (2021) Leben wir in einer Corona-Diktatur? *Telepolis*. 07 February. [Online] Available from: <https://www.heise.de/tp/features/Leben-wir-in-einer-Corona-Diktatur-5045967.html?seite=all>.

61. Schönbach, U. (2021) Elternrat: Amtsmissbrauch ohne Folgen? *Saechsische.de*. 18 January. [Online] Available from: <https://www.saechsische.de/coronavirus/elternrat-amtsmissbrauch-ohne-folgen-5360000-plus.html>.
62. Höfer, M.A. (2020) Mit Lottchen in Corona-Haft. *Childhood Business*. 13 August. [Online] Available from: <https://www.childhood-business.de/2020/08/13/mit-lottchen-in-corona-haft/>.
63. Süddeutsche Zeitung. (2020) Feldbettenlager für Quarantäne-Sünder in Menden abgebaut. *Süddeutsche Zeitung*. 02 May. [Online] Available from: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/krankheiten-menden-sauerland-feldbettenlager-fuer-quarantaene-suender-in-menden-abgebaut-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-200522-99-149252>.
64. Merkur.de. (2020) Wenn der Coronavirus-Detektiv ermittelt. *Merkur.de*. 25 May. [Online] Available from: <https://www.merkur.de/leben/gesundheit/wenn-coronavirus-detektiv-ermittelt-zr-13775238.html>.
65. Schilling, M. (2020) Markus Söder: Ein unnachgiebiger Seuchen-Sheriff. *Abendzeitung*. 26 May. [Online] Available from: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/politik/markus-soeder-ein-unnachgiebiger-seuchen-sheriff-art-563008>.
66. Br.de. (2021) Coronavirus – ein Virus geht um die Welt. *Br.de*. 26 January. [Online] Available from: <https://www.br.de/kinder/coronavirus-corona-virus-kinder-lexikon-100.html>.
67. Geiger, M. (2021) Dem Virus auf der Spur: Genom-sequenzierung zur Pandemie-Bekämpfung. *Zdf.de*. 25 January. [Online] Available from: <https://www.zdf.de/nachrichten/panorama/corona-genom-pandemie-100.html>.
68. Kahlweit, C. (2020) Kurz, Kogler und der Babyelefant. *Süddeutsche Zeitung*. 30 December. [Online] Available from: <https://www.sueddeutsche.de/panorama/corona-sebastian-kurz-babyelefant-oesterreich-1.5153842>.
69. Hoffmann, K. (2020) Eintrag ins Gästebuch. *Septemberherz*. 02 April. [Online] Available from: <http://stille-musik.de/?kat=9&p=15>.
70. Jehmlich, D. (2020) „Corona-Kater“: Was HR und Mitarbeiter dagegen tun können. *HR Journal*. 10 September. [Online] Available from: <https://www.hrjournal.de/corona-kater-was-hr-und-mitarbeiter-dagegen-tun-koennen/>.
71. Schwennicke, Ch. (2020) Es lebe das Gesichtskondom! *Cicero*. 08 July. [Online] Available from: <https://www.cicero.de/innenpolitik/maskenpflicht-frank-ulrich-montgomery-gesundheitsminister-schutz-viren-merkel>.
72. Klamm.de. (2020) NRW plant hohes Bußgeld bei Verstoß gegen Maskenpflicht im ÖPNV. *Klamm.de*. 05 August. [Online] Available from: <https://www.klamm.de/news/nrw-plant-hohes-bussgeld-bei-verstoess-gegen-maskenpflicht-im-oepnv-21N1596605054868.html>.
73. Urschitz, J. (2020) Corona und die staatliche Zombie-Zucht. *Die Presse*. 19 June. [Online] Available from: <https://www.diepresse.com/5827903/corona-und-die-staatliche-zombie-zucht>.
74. Piegsa, B. (2020) Kunterbunter Kitazaun gegen Coronablues. *ONETZ*. 19 May. [Online] Available from: <https://www.onetz.de/oberpfalz/trabitz/kunterbunter-kitazaun-gegen-coronablues-id3027633.html>.
75. Zwiner, H. (2020) Warum ist es so schwer, sich an den Anblick von Masken zu gewöhnen? *Welt*. 20 April. [Online] Available from: <https://www.welt.de/icon/mode/article207365357/Corona-Couture-Masken-sind-das-Must-Have-der-Saison.html>.
76. Seiwert, R. (2020) 24h Le Mans: Als Reporter beim größten Geisterrennen der Welt. *Motorsport-Magazin.com*. 20 September. [Online] Available from: <https://www.motorsport-magazin.com/24h-stunden-le-mans/news-266090-24h-le-mans-2020-corona-als-reporter-beim-groessten-geisterrennen-der-welt/>.
77. Denisova, G.L. (2021) Otsenochnaya sostavlyayushchaya metafora “verkh-niz” v nemetskoj politicheskoy karikature [Evaluative component of the metaphor “top-bottom” in the German political caricature]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3. pp. 559–575.

Информация об авторе:

Трофимова Н.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); профессор департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nelart@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), head of the German Language Department, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nelart@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2021;
одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 06.05.2021;
approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 82-65: 821.161 (091)
doi: 10.17223/15617793/483/7

«Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение»)

Татьяна Борисовна Фрик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, tfrik@tpu.ru*

Аннотация. В рамках решения исследовательской проблемы установления и максимально полного описания круга общения Н.М. Карамзина обосновывается актуальность создания словаря-справочника «Н.М. Карамзин и его окружение», описаны принципы подготовки и оформления словарных статей. Представлены материалы для справочной статьи о В.А. Жуковском, включающие систематизированные документальные свидетельства контактов поэта и Н.М. Карамзина, анализ истории и характера их взаимоотношений. Сделаны выводы о роли, которую сыграли Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский в жизни друг друга, о степени близости их мировоззрения и поведенческих стратегий.

Ключевые слова: окружение Н.М. Карамзина, В.А. Жуковский, словарь-справочник, взаимоотношения

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н.М. Карамзин и его окружение».

Благодарности: исследование выполнено в Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета.

Для цитирования: Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/7

“Zhukovsky is our true brother”: Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle)

Tatyana B. Frik¹

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tfrik@tpu.ru*

Abstract. The work is aimed at solving a topical research problem of establishing and maximally describing Karamzin’s circle. The article examines the relationship of the historiographer with Vasily A. Zhukovsky. To prepare an entry about Vasily A. Zhukovsky for the *Nikolay M. Karamzin and His Circle* reference dictionary, the author identified and systematized the available documentary evidence concerning the contacts of the poet and the historiographer. Based on a large number of sources, the author traces the history of their communication from the moment of acquaintance in 1800 to their last meeting in May 1826. She also considers facts reflecting Zhukovsky’s actions aimed at preserving the memory of Karamzin. The author notes the friendly nature of their relationship, highlights its significance for both Zhukovsky and Karamzin, and concludes that they both had a great influence on each other’s life and work. The facts confirming the closeness of Karamzin’s and Zhukovsky’s worldviews and behavioral strategies are considered separately. The historiographer and the poet had similar attitudes to life. Karamzin was significant in Zhukovsky’s behavioral discourse throughout his life: the poet regularly refers to Karamzin’s philosophemes when formulating maxims of his own life philosophy. Examples of Zhukovsky’s and Karamzin’s similar behavioral strategies are their statements regarding participation in the polemic, testimonies by their contemporaries. The author also emphasizes the historical and ideological role of the historiographer and the poet as courtiers, and mentions the continuity between the behavioral text of the monarch and the citizen formed by Karamzin and the imperial text of Zhukovsky. Based on the surviving letters of Karamzin to Zhukovsky, as well as the epistolary works of their closest friends, the author reconstructs the images of the poet and the historiographer in their perception of each other. Karamzin saw Zhukovsky as a truly close person, and Zhukovsky perceived the historiographer as a father and a friend, an evangelist and a mentor. In conclusion, the author notes that the poet played a significant role in the formation of the Karamzin myth. The poet sacralized the historiographer, which was based on both Zhukovsky’s sincere love for Karamzin and the idea of the historical and cultural significance of a person like Karamzin. Idealizing the

historiographer, Zhukovsky constructed his image under his own pedagogical and educational program, bringing to the fore ethical personal qualities that were particularly significant for him.

Keywords: Nikolay Karamzin's circle, Vasily Zhukovsky, reference dictionary, relationship

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00292A.

Acknowledgements: The study was carried out at Tomsk Polytechnic University within the framework of the Competitiveness Improvement Program of Tomsk Polytechnic University.

For citation: Frik, T.B. (2022) "Zhukovsky is our true brother": Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 72–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/7

Исследования, проводимые в настоящее время в рамках научного проекта «Н.М. Карамзин и его окружение», направлены на изучение круга общения Н.М. Карамзина в разные периоды его жизни. Их целью являются воссоздание на основе документальных данных реальной картины общественных, бытовых и литературных связей писателя и подготовка материалов для словаря-справочника, который должны составить статьи о знакомых Карамзина и характере его взаимоотношений с ними. Планируется впервые представить по возможности полный словарь знакомств писателя в максимальном хронологическом и географическом диапазоне.

Изучение круга общения такой значимой для историко-литературного процесса фигуры, как Карамзин, безусловно, актуально, поскольку понимание контекста, в котором жил и работал писатель, определяет, с одной стороны, вектор восприятия его наследия, с другой – позволяет полнее охарактеризовать эпоху в целом, расширить представление о каждом из знакомых Карамзина в свете их контактов с ним. Словарь-справочник «Н.М. Карамзин и его окружение» рассматривается как инструмент для составления летописи жизни и творчества писателя, а также для научного комментирования его сочинений. Основным при такой постановке проблемы является биографический аспект: в центре внимания оказываются данные об истории, хронологии и сути взаимоотношений конкретного лица с Карамзиным, рассматриваются прежде всего биографические связи писателя с данным лицом, что не исключает обращение к историко-литературным источникам, особенно при изучении взаимоотношений Карамзина с литераторами, однако исследование литературных связей в рамках словарных статей не предполагается.

В словаре-справочнике планируется размещение статей в алфавитном порядке, включение сведений о смене фамилии, профессиях, чинах и должностях. Их содержание заключается в освещении характера общения Карамзина и описываемого лица, приведении их взаимных оценок. Изложение выстраивается по хронологическому принципу, рассматривается эволюция отношений, при этом акцент сделан на факты, касающиеся Карамзина и его близких. В статье будут включены ссылки на источники сообщаемых фактов, после каждой справочной статьи будет дан библиографический перечень.

Данная работа посвящена рассмотрению личных взаимоотношений Н.М. Карамзина и В.А. Жуковско-

го. Традиционно исследователи обращаются к изучению творческих и идеологических связей двух литераторов в рамках историко-литературной проблемы «Жуковский и Карамзин», при этом биографические пересечения писателя и поэта также затрагиваются, но, как правило, настолько, насколько это необходимо для характеристики связей творческих [1–4 и др.], однако с целью подготовки статьи о В.А. Жуковском для словаря-справочника «Н.М. Карамзин и его окружение» необходимо систематизировать и проанализировать разрозненные сведения о контактах Карамзина с поэтом и характере их взаимоотношений, значимости данных отношений для обоих с привлечением на сегодняшний день доступных для исследования документальных источников. Представленные в работе материалы лягут в основу словарной статьи в описанном выше справочнике.

Как известно, В.А. Жуковский и Н.М. Карамзин приходились друг другу дальними родственниками по первой жене Н.М. Карамзина Е.И. Протасовой. Исследователи допускают, что они могли встречаться еще в 1790-х гг. в Знаменском у Плещеевых, где много времени проводил Н.М. Карамзин: сводная сестра Жуковского Е.А. Протасова (в девичестве Бунина) могла возить его туда в гости [5. С. 132]. Документально знакомство с Карамзиным Жуковский подтверждает в своем дневнике записью от декабря 1800 г.: «С Карамзиным» [6. С. 33]. П.А. Плетнев в своих воспоминаниях утверждает, что встреча, положившая начало долгих отношений литераторов, произошла в доме И.П. Тургенева [7. С. 382]. Сближение Жуковского с Карамзиным продолжается после женитьбы последнего в апреле 1801 г. на Е.И. Протасовой, в этом же году Жуковский знакомит Карамзина с первой редакцией своего перевода «Сельского кладбища». Летом 1802 г. поэт часто бывает у И.И. Дмитриева, где, по всей вероятности, встречается и с Карамзиным [8. С. 54, 56]. В декабре 1802 г. в «Вестнике Европы» была опубликована элегия «Сельское кладбище» с подписью «Жуковский», ее появление в печати сыграло очень важную роль в дальнейшем творческом пути поэта. К.К. Зейдлиц пишет по этому поводу в своих воспоминаниях следующее: «Этот верховный судья на Парнасе (Карамзин. – Т.Ф.) похвалил стихотворение и напечатал его в VI книге своего журнала с полным означением имени Жуковского, переменяв окончание *ой* на *ий*; с тех пор и сам Жуковской стал подписываться Жуковский» [7. С. 40].

«Святое имя: Карамзин» [9. С. 287] и в дальнейшем оказывало огромное влияние на жизнь и творчество поэта.

По-настоящему близкими отношения Карамзина и Жуковского становятся весной 1803 г., когда потерявший первую жену Карамзин приглашает поэта в подмосковное имение Свирлово, о чем последний сообщает Е.А. Протасовой: «Вообразите, какое блаженство, и порадайтесь вместе со мною. Его знакомство для меня – счастье» [10. С. 14]. Желание Карамзина общаться именно с Жуковским в такое сложное для него время исследователи объясняют тем, что молодой родственник любимой жены как никто другой мог помочь Карамзину в переживании его утраты. Таким образом, семейство Протасовых стало важнейшим объединяющим фактором, повлиявшим на близость взаимоотношений литераторов: «Отношения с Протасовыми не только содействовали глубокой дружбе двух писателей, но и проявили общность их человеческих качеств и “тождественность” их чувств» [5. С. 134].

В дальнейшем жизни Карамзина, его семейства и Жуковского оказались неразрывно связаны. Поэт входил в ближний дружеский круг общения писателя, они совместно переживали знаковые для обоих события частной, профессиональной и общественной жизни. Хроника их встреч, общения через общих друзей, упоминаний друг друга в письмах потребует не одного десятка страниц. С Карамзиным связаны важные для Жуковского публикации его произведений в «Вестнике Европы», а позднее и издание этого журнала [7. С. 122]. Летом 1804 г. поэт гостит в Свирлово, где Карамзин работает над своей «Историей» [11. Ч. 1. С. 389]. При любой возможности поэт навещает историографа и его семейство. В феврале–марте 1810 г. они встречаются в Москве за дружескими обедами у А.И. Тургенева и у Карамзиных [10. С. 83], в июле этого же года Жуковский живет у Карамзина в Остафьеве [10. С. 87]. Будучи зачисленным в Московское ополчение в августе 1812 г. поэт проводит десять дней вместе с Вяземским у Карамзина в Москве [10. С. 709], откуда последний, по его собственным словам, благословляет Жуковского на брань [12. С. 165]. Известна роль Жуковского в организации и деятельности «Арзамаса», который во многом собирается вокруг и под знаменем Карамзина. Именно Жуковский читает знаменитую речь «при вручении диплома господину Историографу» [13. С. 349], он активно участвует в возникшей вокруг Карамзина полемике [1. С. 208–209].

Дружеское общение писателя и поэта было неотделимо от их творческого взаимодействия. Еще в годы детства и отрочества Жуковский познакомился с ключевыми произведениями Карамзина, жанрово-стилистическая система которого оказала серьезное влияние на его раннее творчество [1. С. 191–195]. В дальнейшем произведения Жуковского проходят оценку Карамзина, который часто делает, по словам П.А. Вяземского, «некоторые замечания справедливые» [10. С. 306; 14; 15; 16. Стлб. 1834–1835 и др.]. Жуковский прислушивается к суждениям Карамзина, но далеко не во всем с ним соглашается [1. С. 210–

211]. В последний период творчества расхождения Жуковского и Карамзина становятся более заметными, карамзинские идеи, темы и образы переосмысливаются поэтом, вытесняются из его художественной системы, но в вопросе о сущности и задачах поэтического искусства, значимости его этической основы и в понимании нравственного долга поэта они остаются близки [1. С. 207]. Жуковский высоко оценивает «Историю государства Российского», она служит для него источником материала и вдохновения [1. С. 211; 10. С. 314]. Мнением Жуковского Карамзин также дорожит, обращается к нему с просьбой об оценке своего труда: «Не худо, если б Вы сказали мне, что Вам именно полюбили и не полюбили в моей истории» [16. Стлб. 1831]. В конспекте по истории русской литературы Жуковский дал высокую характеристику творчества Карамзина, который, по его мнению, «открыл тайну слова в прямом значении – ясности, изящества и точности» [1. С. 214].

Карамзин и Жуковский были опорой друг друга в непростые периоды жизни. Поэт рядом с историографом в период его петербургской пятидесятницы в 1816 г., он навещает его, присутствует на чтениях фрагментов «Истории» [17. С. 165, 167]. Вернувшись из Петербурга в Москву, благодарный друзьям, Карамзин написал А.И. Тургеневу 13 апреля 1816 г.: «Жуковский есть истинный наш брат. С такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствует Арзамас!» [20. С. 473]. Он поддерживает Жуковского, переживающего драматическую развязку своей любви к М.А. Протасовой, ободряя его, как через ближайших обоим родственников, так и в личных письмах. В письме к Е.А. Протасовой от 6 декабря 1816 г. Н.М. Карамзин, поздравляя адресата с предстоящей свадьбой дочери, пишет: «Доброго, и весьма доброго Жуковского прижимаю к сердцу и надеюсь скоро увидеть его» [18. С. 143]. 18 февраля 1817 г. он обращается уже к самому Жуковскому: «Сердцу бывает легко в таких случаях, и горизонт будущего светлеет в глазах, омоченных слезами великодушной жертвы. Обнимаю моего друга Жуковского!» [19. Стлб. 1385].

Карамзину Жуковский обязан своим назначением на должность учителя великой княгини Александры Федоровны, о чем с гордостью пишет сам Карамзин в письме к П.А. Вяземскому: «И Жуковский с местом, и не по милости Глинки¹ <...> Я представил, что ему 34 года, и описал его благородный характер» [21. С. 33]. П.А. Вяземский так комментирует этот факт: «Призваньем своим на новую дорогу Жуковский обязан был первоначально себе, то есть личным своим нравственным заслугам, дружбе и уважению к нему Карамзина и полному доверию царского семейства к Карамзину» [7. С. 212–213]. Сам Жуковский о роли Карамзина, не только в получении этого места, но и в целом в своей судьбе пишет И.И. Дмитриеву в сентябре 1817 г. следующее: «Еще одно особое счастье: я всем обязан ревностной дружбе Карамзина. Чтобы доставить мне это место, надобно было Карамзину сказать вслух, что он любит меня и уважает. Радость наполняет сердце всякой раз, когда об этом подумаю» [10. С. 547].

Жуковский и Карамзин вместе проводят время в Царском селе в 1818 г. [12. С. 243–244], поэт с друзьями-арзамасцами частый гость у Карамзиных [22. Т. I. С. 119–120], как и летом 1819 г. [6. С. 130–131]. Светская молва приписывала Жуковскому сватовство к С.Н. Карамзиной, старшей дочери писателя от первого брака. Интересно в этом отношении письмо А.П. Елагиной к Жуковскому от марта 1819 г., которая рассуждая об услышанной радостной для нее новости, говорит о духовной близости поэта и Карамзина: «С тех пор, как я услышала о вашей женитьбе, я вижу вас беспрестанно во сне и наяву, и сердце ежеминутно волнуется. – По рассудку я нахожу, что это бесподобно делается! Быть зятем *Карамзина*, делить с ним занятия, обоим вам свойственное, драгоценное, обоим главное в жизни, сойтись на одной дороге, к одной цели, и кроме Карамзина автора и славного человека, который и в этом отношении вам близкая родня, быть сыном Карамзина-человека, по сердцу, по характеру, по нравам почтенного, прекрасного! Все это восхищает душу! Тут судьба не слепа, а выбирает Провиденье» [23. С. 215]. Интересно, что в своем эмоциональном порыве Елагина обращается к такой значимой для Карамзина и Жуковского категории, как «Провидение». Как известно, «доверенность к Провидению» – это одна из важных для Карамзина словесных формул [10. С. 601; 24], зафиксировавшая ключевое основание его мировоззрения. Знаково в этом смысле замечание Жуковского в письме к П.А. Вяземскому: «Спроси у Карамзина, он тебе растолкует, что такое Провидение. В иные минуты можно бы было и мне этот вопрос сделать, и я бы умел на него отвечать» [10. С. 423]. Доверенность Провидению была свойственна и Жуковскому, который, например, еще 11 августа 1801 г., цитируя Карамзина, утешает И.П. Тургенева: «Как бы то ни было, доверенность к Провидению! как говорит Карамзин и как должен говорить всякий добрый человек. Если есть Бог, то есть и душа, вечная, бессмертная. А как не быть Богу!» [10. С. 16]. А.П. Елагина же, как человек очень близкий Жуковскому, использует, возможно, не осознанно в эпистолярном общении с поэтом значимые для него слова. Известно, что слухи о женитьбе Жуковского на С.Н. Карамзиной возобновляются в 1831 г. О.С. Пушкина так их комментирует: «Что до Жуковского и м-ль Карамзиной и их свадьбы – это в самом прямом смысле история 1815 г. <...> Ничего нет более ложного, за тысячу лет, чем эта пресловутая свадьба» [25. С. 63]. Замуж С.Н. Карамзина так и не вышла, а с Жуковским сохранила дружеские отношения на всю жизнь [25. С. 65]. Тема поиска невесты для Жуковского в шуточном контексте возникает и безотносительно к С.Н. Карамзиной: в письме поэту от 1 ноября 1817 г. Карамзин пишет: «Все вас обнимаем, любезнейший; но за *невесту* не отвечаем; впрочем, ищем, ищем! М-ле Левенштерн у нас пила чай; и об вас говорили: бьется ли сердце?» [16. Стб. 1830–1831].

В апреле 1820 г. Жуковский и Карамзин вместе с А.И. Тургеневым и П.Я. Чадаевым выступают в защиту Пушкина [12. С. 286–287, 290]. Жуковский частый гость у Карамзиных до и после своего загранич-

ного путешествия, он, как и Карамзины, царскосельский житель летом 1822 г., о чем писатель сообщает П.А. Вяземскому: «Жуковский хочет тоже быть царскосельским жителем до глубокой осени. Я с удовольствием слушал его перевод Энеиды» [21. С. 133]. Вместе они присутствуют на торжественном заседании Академии наук в январе 1823 г. [12. С. 345]. Карамзину Жуковский доверяется во время своей размовки с А.И. Тургеневым, чем последний остался очень недоволен: «Жуковский дурно сделал, что и Карамзину предлагал себя и меня на суд» [22. Т. II. С. 358]. Именно к Карамзину Жуковский приходит в исторический день 14 декабря 1825 г. [1. С. 211].

Карамзин и Жуковский часто встречаются и в последние годы жизни писателя как в Петербурге, так и в Царском Селе. По этому поводу последний пишет 2 сентября 1825 г. И.И. Дмитриеву: «Педагога Жуковского, доброго, милого по-прежнему вижу часто; но поэт Жуковский, кажется, спит до поры до времени» [12. С. 166]. Жуковский – автор рескрипта Николая I о выплате Карамзину пенсионера в размере пятидесяти тысяч рублей в год. В своих дневниках 9 мая 1826 г. он делает запись: «Отдал Государю письмо о Карамзине» [6. С. 246]. Последняя встреча Жуковского с Карамзиным происходит 11 мая 1826 г., в день отъезда поэта из Петербурга, о чем он также пишет в своем дневнике: «Поутру у Карамзина» [6. С. 246]. В нем также поэт фиксирует свои переживания о здоровье своего друга и наставника, которые обуревают его в пути: «Удивительный вид на Ораниенбаум. Сколько перемен в нем с тех пор, как я в нем был в последний раз. Прекрасный петергофский праздник; Александр в полном цвете жизни; Елизавета; Карамзин, здоровый, веселый. Теперь два во гробе. Карамзин едва ли воскреснет. Я на море. Погода ясная. Но не предвещает ли это бури?» [6. С. 246]. Здесь Жуковский вспоминает о празднике 1818 г., о котором Карамзин так рассказывал И.И. Дмитриеву: «Мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подальше» [12. С. 244]. О смерти Карамзина Жуковский узнает из газет, по поводу чего пеняет А.И. Тургеневу: «Не умею изъяснить твоего молчания и не могу никак с ним помириться! Ни ты, ни Вяземский не вспомнили обо мне в минуту несчастья! <...> Вообрази мое положение: узнать из газет, что Карамзина нет на свете <...> Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия <...> Карамзин – в этом имени было и будет все, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного» [26. С. 324].

Жуковский навсегда сохранил любовь в сердце к своим «бесценным Карамзиным» [27. Стб. 645]. После смерти Н.М. Карамзина он не оставляет его семью, продолжает хранить и оберегать память о нем. Показательно в этом смысле письмо Е.А. Карамзиной И.И. Дмитриеву от 8 мая 1828 г.: «Собираюсь на прежнее пепелище в Китайский домик Царского Села, данный мне по милости любезного, всегда одинако нас любящего Жуковского» [12. С. 430]. Жуковский следит за тем, что пишут о Карамзине в печати [28. С. 300], публикует статью «О древней и новой России», хлопочет вместе с П.А. Вяземским о сохранении

карамзинского эпистолярия, в частности, хранившегося у И.И. Дмитриева [29]. В 1835 г. поэт переводит и публикует письмо Карамзина к графу И.А. Каподистрия, прилагает к нему воспоминания о последнем периоде его жизни, замечая при этом, что для него «было наслаждением особенного рода выражать мысли Карамзина на том языке, который был им создан и которого еще никому не удалось перенять у него» [30. С. 6]. И.И. Дмитриев, выражая благодарность Жуковскому за эту публикацию, пишет: «Не мудрено вам так верно постигать и изображать нашего незабвенного: вы сами во многом на него похожи» [31. Стб. 1695–1696]. В другом своем письме Дмитриев добавляет: «Мне кажется, одни только вы могли бы составить совестливую и полную его биографию» [8. С. 316]. По этому поводу в ответном письме Жуковский замечает: «Посмотрю, буду ли уметь написать ее (биографию Карамзина. – Т.Ф.) <...> Когда поселюсь в уединении <...> тогда примусь, может быть, за это святое дело, которое будет если не собственно моею исповедью, то, по крайней мере, исповедью того, что было в моей жизни лучшего» [32. Стб. 1639–1640]. В 1849 г. П.А. Вяземский вновь обращается с просьбой к Жуковскому: «Напиши воспоминания свои о Карамзине. В эту раму можешь внести и его, и себя, и собратий современника, и душу свою, и взгляд свой на все и на всех <...> это будет живой памятник и ему, и тебе. Тут можешь говорить о нем, о себе, о России, о целом мире и прочем» [33]. За биографию Карамзина Жуковский так и не принимается, он, как и многие друзья и знакомые Карамзина, помогает Погодину в сборе материалов [28. С. 307–310]. В апреле 1841 г. перед своим отъездом за границу Жуковский посещает могилу Карамзина в Александро-Невской лавре [13. С. 256]. Символично, что прах В.А. Жуковского был захоронен рядом с прахом его учителя и друга спустя двадцать шесть лет.

Сохранилось 14 писем Карамзина к Жуковскому, написанных в период с 1804 г. до февраля 1807 г., в июне 1811 г., июле 1813 г. и с августа 1816 г. по март 1818 г. [16; 19; 34; 35], и одно письмо Жуковского Карамзину от 8 ноября 1817 г. [10. С. 555–556]. Несмотря на то, что переписка дошла до настоящего времени в таком ограниченном объеме, она все же дает представление о степени близости писателя и поэта, пересечениях их частной и общественной жизни, творческом взаимодействии. Письма отражают схожесть их человеческой природы, являются «единым пространством диалога душ» [36. С. 206]. В письмах Карамзин ласков с любезным Василием Андреевичем, он часто напоминает ему о большой степени своей дружеской привязанности, особенно ценит доброту поэта: «Любезнейший поэт! <...> Мы любим, чтобы нас любили, а особливо хорошие люди, такие как Ваше Превосходительство» [16. Стб. 1830–1831]; обращается к нему «добрый и мне милый человек!» [16. Стб. 1832–1833]. Дружеский эпистолярный содержит свидетельства доброй иронии Карамзина по отношению к Жуковскому, которая подчеркивает близость и сердечность их отношений. Так, П.А. Вяземский в письме к поэту в 1823 г. ссылается на слова

Карамзина: «Согласен с тобою и даже охотно забываю суждение Карамзина о тебе, что он ни малейшей доверенности не имеет ко мнениям твоим насчет ума и чести людей» [37. С. 185]. Сам Карамзин, подсмеиваясь над поэтом, в письме к тому же Вяземскому от 13 июня 1824 г. пишет: «Жуковский занимается не только грамматикою, но и азбукою, которая есть начало премудрости. Знаете ли, что я часто воображаю его в французском кафтане, в парике, с кошельком, с лентой через плечо? Это будет в 1862 г., не ранее, как надеюсь» [21. С. 154]. Атмосферу взаимоотношений всех троих передает фрагмент более раннего (от 11 декабря 1818 г.) карамзинского письма все к тому же адресату: «Жуковский смеется, и вы смеетесь, и я готов смеяться; а между тем мы все трое любим сердечно друг друга» [21. С. 68].

Не нуждается в доказательстве тот факт, что для Жуковского Карамзин был культовой личностью, его поэт воспринимал как учителя, считал образцом человека в самом объемном смысле этого слова. Жуковский не устает об этом писать их общим друзьям, А.И. Тургеневу и П.А. Вяземскому: «Милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека» [10. С. 314]; «Сказать “Карамзин” значит сказать “Свет прекрасен!” – ибо в нем есть Карамзины, ибо в этом свете можно любить Карамзина и желать быть ему подобным» [10. С. 423]; «Любовь его есть счастье. И для меня она также нужна, как счастье» [10. С. 503].

Слова Карамзина, его поступки органично вписываются в жизненную философию Жуковского, являются неотъемлемой частью его поведенческого дискурса, его евангелием, опорой в непростые периоды жизни. Одним из ярких примеров этого является письмо поэта к А.П. Елагиной от 17 декабря 1815 г., которое он пишет в сложный для себя момент, переживая недовольство служебной ситуацией и новость о планируемом замужестве М.А. Протасовой [23. С. 144]. Карамзин, его стойкость, его слова становятся ярким фонарем², озаряющим жизнь Жуковского, который, цитируя отрывок из письма писателя, потерявшего дочь³, восклицает: «Эти строки возвышают душу и дают ей большую твердость и ясность. Карамзин в минуту горести и самой тяжелой, в минуту сокрушения о дочери, говорит, что он понимает жизнь. Всякий учитель несчастье! Не страсти, а несчастья разрабатывают душу! Внутреннее побуждение и чувство – вот тайна жизни! Тайна, известная только двум: действующей душе и свидетелю ее, Богу!» [23. С. 146]. Степень влияния карамзинских ценностей на мировоззрение Жуковского позволяет оценить также фраза последнего из письма к А.И. Тургеневу от середины июня 1816 г., в котором поэт вновь возвращается к размышлению Карамзина о роли Провидения, называя его своим евангелистом: «Мне здесь хлопотать будет довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то есть Карамзина, думать только о том, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидения: ибо все прочее принадлежит ему так же неограниченно, как наша воля, способная со-

вершенствоваться, принадлежит нам» [10. С. 890]. Близость мировоззрения в части веры в провидение и важности его уроков отражается и в письме Жуковского к самому Карамзину. Так, поэт, сообщая новость о кончине Митеньки Вяземского, пишет: «Эта горестная потеря подтверждает наши вседневные мысли о жизни. Кто скажет: счастье цель ее, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. Действие нравственное, сколько можно чистое, вот цель! <...> Это был урок без слов, и нельзя было его сильно не почувствовать. Меня он поразил, и я не могу не сообщить Вам этого впечатления» [10. С. 555].

Словами Карамзина Жуковский «разговаривает» с А.П. Елагиной и в письме от 19 февраля 1816 г., подчеркивая близость их с ним жизненных установок: «Как прекрасно сказал недавно Карамзин (который теперь здесь), и он только выразил ясными словами то, что я чувствовал ясно: *нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действия от нас не зависят, но воля есть человек! Это совершенная правда!*» [23. С. 164]. Мировоззренческие максимы, лежащие в основе карамзинского самостоянья, актуализируются в дискурсе и поведении Жуковского в критические для него минуты, они помогают поэту, говоря словами Карамзина, «разрабатывать душу»: «Карамзин, говоря о вере, сказал, что мы не можем себе доказать бессмертия и существования Бога! но доказательства и не нужны! Здесь разум не действует! Кто *почувствовал* Бога и бессмертия, тот никогда не перестанет *верить*. То же мне можно сказать и о добре! Пожелав в *сердце* добра, никогда не потеряешь этого желания, что бы потом не случилось, какие бы мысли ни забрели в голову – сторож хорошего есть воспоминание о хорошем» [23. С. 164]. Карамзин, его образ, воспринимается Жуковским как верификатор достойного поведения и верного образа мыслей, он пишет об этом А.И. Тургеневу в письме от 8 ноября 1817 г.: «Мое все хорошо, и я радуюсь своей участью, ибо на душе легко, и мне весело находить в этой душе одни только теплые, бескорыстные желания и намерения, достойные тебя, Карамзина и “Арзамаса”» [10. С. 556]. Голос Карамзина слышится и в рассуждениях Жуковского об истории и проблемах просвещения. Так, в письме к С.С. Уварову от 15 июля 1813 г. Жуковский пишет, очевидно, согласуя свои размышления с размышлениями автора статьи «О любви к отчеству и народной гордости» [10. С. 724]: «Я бы разделил преподавание оной (истории. – Т.Ф.) на два курса: один моральный, другой политический. Первый начинался и кончился бы в народном училище; другой начинался бы в гимназии, а кончился бы в университете» [10. С. 170]. О многом говорит и тот факт, что Жуковский использует в качестве учебного материала на занятиях со своей царствующей ученицей «Письма русского путешественника» Карамзина [26. С. 10]. Слова своего евангелиста Жуковский повторяет и после его кончины, примером может служить письмо к А.И. Тургеневу 1844 г., в котором, размышляя о счастье семейном, пишет: «Земное счастье живет только в семействе –

это правда; но я часто вспоминаю Карамзина; он, счастливый муж и отец, никому не советовал брать на себя крест семейной жизни. В минуты тревог, каких ни в каком другом состоянии не бывает, я бываю готов с ним согласиться» [38. С. 307].

«Карамзин и Жуковский: в последнем отразилась жизнь первого, равно как в Лермонтове отразился Пушкин» [7. С. 194]. Это утверждение П.А. Вяземского одинаково справедливо по отношению к творческой, общественной и частной жизни как Жуковского, так и Карамзина. Так, Ф.Ф. Вигель в своих записках замечает, что «Жуковский, также, как и Карамзин, чуждался всякой чернильной брани» [7. С. 165]. Поэт, в ответе П.А. Вяземскому косвенно цитируя Карамзина, формулирует их общую позицию: «Наш Ник<олай> Мих<михайлович> в этом случае поступает как истинный автор, достойный своего почтенного звания, он не думает о враньях, пишет и отвечает новыми прекрасными произведениями <...> Я положил себе за правило не принадлежать ни к какой партии, ни мешаться ни в какие распри <...>, довольствуясь одним наслаждением труда, ожидая без всякого беспокойства заслуженной награды» [10. С. 146]. По поводу полемики, разгоревшейся вокруг «Липецких вод», Жуковский писал А.П. Елагиной: «Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше бы, когда бы и все молчали» [10. С. 414]. Карамзин, как известно, поддерживает его в этом, он пишет А.И. Тургеневу: «Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами: Шаховской за ним не угонится» [20. С. 469]. На преемственность принципов, лежащих в основе жизненной философии Карамзина, сам Жуковский указывает в письме к нему самому: «Цель моя – быть в ладу с самим собою; постараюсь, до нее достигнув, от нее не удаляться. Вы уже меня благословили на все доброе: постараюсь не изменить благословиению бесценного друга» [10. С. 556]. Писатель и поэт известны своей филантропической деятельностью. В письме к Дмитриеву Жуковский так характеризует суть своего душевного сродства с Карамзиным: «В душе у меня есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиньим*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего <...> Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести что-нибудь такое, чтобы осталось бы памятником доброй жизни» [10. С. 469].

П.А. Вяземский, комментируя публикацию писем Жуковского к великому князю Константину Николаевичу, пишет: «Скажем и мы: дай Бог для блага России поболее таковых царедворцев, каковы были Карамзин и Жуковский» [39. Стб. 1387]. Оба они являются замечательными примерами взаимодействия творческой личности с властью, при этом очевидна связь, преемственность типов поведения, отразившихся, в частности, в переписке обоих с членами царствующего дома, в той просветительской программе, проводниками которой они оба являлись. Безусловно, «роль, которую Карамзин сыграл как историк и идеолог в александровскую эпоху, вполне сопоставима с ролью Жуковского в николаевское царствование» [40. С. 47]. Так, Карамзин в личных письмах монаршему семей-

ству формирует особый поведенческий текст монарха и гражданина [41], который не мог не отразиться и в имперском тексте Жуковского [42].

В заключение нельзя не сказать о том, что очарованный Карамзиным Жуковский многим способствовал созданию и поддержанию карамзинского мифа. Еще во времена «Арзамаса» – во многом благодаря ему – автору формулы «Карамзин – лучший из людей» [43. 1. С. 562]) – образ писателя стал своеобразной эмблемой арзамасского общества, а сакрализация Карамзина – фактом арзамасского игрового поведения. Для Жуковского же Карамзин всегда был сакральной фигурой, это особенно ярко проявилось в эпистолярной поэме периода болезни и сразу после смерти его друга и в конечном итоге в 1831 г. нашло воплощение в уже упомянутой емкой поэтической формуле: «Святое имя: Карамзин». Весной 1826 г. Жуковский повторяет: «Сохрани его Провидение. <...> Его жизнь лучшее укрепление нашего света: без нее он самым горестным образом обнажится и кости скелета слишком явно скажутся» [26. С. 301–302]. Получив известие о кончине Карамзина, в своих письмах поэт очень емко определит, кем писатель был для него: «Об нем могу думать, как об ангеле, которого только лицо для меня закрылось <...> Он

был другом-отцом в жизни! он будет тем же и по смерти <...> Воспоминание об нем есть религия <...> Он жив, как вера в Бога, как добродетель» [26. С. 324–325]; Карамзин для Жуковского – «друг, хранитель, наставник, пример всего доброго, ободритель для всего прекрасного» [26. С. 327], «все, что есть на земле чистого, высокого, добродетельного, все он!» [26. С. 337]. В письме императрице Александре Федоровне Жуковский восклицает: «На земле еще одним ангелом меньше! да! ангелом! Это настоящее его название. Никогда еще существо более чистое не украшало мир!» [26. С. 319], чуть ранее в письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне, говоря о могиле Карамзина, поэт написал: «Благословенно место, где покоится прах его! Оно будет святынею для отечества» [26. С. 314]. Последнее замечание, как и упоминание в этом же письме почивших Александра I и императрицы Елизаветы, показательны: любя Карамзина как друга-отца, Жуковский прекрасно осознавал историческую и культурную значимость личности, подобной ему. Идеализируя Карамзина, поэт конструирует его образ в соответствии с собственной педагогической и просветительской программой⁴, выводя на передний план особо значимые для него самого этические личностные качества.

Примечания

¹ Глинка Григорий Андреевич (1776–1818) – филолог, прозаик, поэт, переводчик, кавалер великих князей Николая и Михаила Павловичей.

² Фонарь – один из значимых для В.А. Жуковского философско-поэтических символов. См. об этом: [23. С. 634].

³ Речь идет о цитате из письма Н.М. Карамзина от 17 ноября 1815 г. [11. Ч. II. С. 131–132].

⁴ О факте наставничества Жуковского с опорой на пример Карамзина см.: [3].

Список источников

1. Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1978. С. 190–215.
2. Канунова Ф.З. Карамзин в историко-литературной концепции В.А. Жуковского (1826–1827 гг.) // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 337–346.
3. Степанищева Т.Н. К проблеме литературного наставничества: Карамзин – Жуковский – Пушкин // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. Вып. 2. С. 79–90.
4. Коропова М.А. Карамзин и Жуковский. История литературных отношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
5. Глаголева О.Е. «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. Вып. 1. С. 126–148.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.
8. Дмитриев И.И. Сочинения : в 2 т. Т. 2: Проза. Письма. СПб. : Изд. Евг. Евдокимова, 1893. 338 с.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. М. : Языки русской культуры, 2000. 840 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 15: Письма 1795–1817-х гг. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 1088 с.
11. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии / с примеч. и объяснениями М. Погодина. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1866. Ч. I–II.
12. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб. : В Тип. Императорской Академии наук, 1866. 709 с.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847-х гг. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
14. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 43.
15. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 117.
16. Письма Н.М. Карамзина к Жуковскому // Российский архив. 1868. Вып. 7–12. Стлб. 1828–1836.
17. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. 240 с.
18. Сапченко Л.А. Неопубликованное письмо Н.М. Карамзина к Е.А. Протасовой (урожденной Буниной) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23 (79–1). С. 141–145.
19. Два письма Н.М. Карамзина к В.А. Жуковскому в Дерпт // Русский архив. 1869. Вып. 7–12. Стлб. 1383–1386.
20. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806–1826) // Русская старина. 1899. Т. XXVII. Вып. 2. С. 463–480.
21. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1987. 204 с.
22. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. I–II.
23. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подг. текста и коммент. Э.М. Жиликовой. М. : Знак, 2009. 728 с.
24. Сапченко Л.А. «Мир совести и доверенность к проведению» в альбомах Н.М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 72–82.
25. Дневник сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлицевой в письмах к мужу и отцу / сост. М.А. Александров. СПб., 2016. 314 с.

26. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 16: Дневники. Письма 1818–1827 гг. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 1152 с.
27. Письмо Жуковского к графу М.Ю. Виельгорскому // Русский архив. 1869. Вып. 1–6. Стлб. 644–648.
28. Письма М.П. Погодина к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1899. Вып. 9–12. С. 300–310.
29. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 б. Л. 48.
30. Карамзин Н.М. Письмо к графу Каподистрия / пер. В.А. Жуковского // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. Отд. 2. С. 1–13. Январь. С. 11–12.
31. Из бумаг В.А. Жуковского // Русский архив. 1870. Вып. 7–12. Стлб. 1682–1723.
32. Письма разных лиц к И.И. Дмитриеву // Русский архив. 1866. Вып. 7–12. Стлб. 1616–1730.
33. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 122 об. 121.
34. Из бумаг В.А. Жуковского. Письма Н.М. Карамзина // Русский архив. 1869. Вып. 8–9. Стлб. 1682–1689.
35. Неизданные письма Карамзина и Жуковского // Голос минувшего. 1919. № 3. С. 39.
36. Кожевникова А.Г. Письма Н.М. Карамзина к В.А. Жуковскому: обзорный комментарий // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VI (XX) Междунар. конф. молодых ученых, г. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Томск : Изд-во STT, 2020. С. 204–206.
37. Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. Вып. 1–4. С. 181–208.
38. Письма В.А. Жуковского Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
39. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу // Русский архив. 1867. Вып. 7–12. Стлб. 1385–1439.
40. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский : исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 2. С. 45–76.
41. Фрик Т.Б. «Как мы говорим с Богом и совестью, хочу поговорить с Вами»: переписка Н.М. Карамзина с членами царствующего дома // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 24–29.
42. Янушкевич А.С. Особенности имперского текста В.А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 77–92.
43. Арзамас : сб. в 2 кн. М. : Худож. литература, 1994.

References

1. Kochetkova, N.D. (1987) Zhukovskiy i Karamzin [Zhukovsky and Karamzin]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 190–215.
2. Kanunova, F.Z. (1999) Karamzin v istoriko-literaturnoy kontseptsii V.A. Zhukovskogo (1826–1827 gg.) [Karamzin in the historical and literary concept of V.A. Zhukovsky (1826–1827)]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [18th Century]. Vol. 21. Saint Petersburg: Nauka. pp. 337–346.
3. Stepanishcheva, T.N. (2000) [On the Problem of Literary Mentoring: Karamzin – Zhukovsky – Pushkin]. *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin Readings in Tartu]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tartu: University of Tartu. pp. 79–90. (In Russian).
4. Koropova, M.A. (2003) *Karamzin i Zhukovskiy. Istoriya literaturnykh otnosheniy* [Karamzin and Zhukovsky. History of literary relations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Glagoleva, O.E. (2010) “Kto zh rodnye?” Rol' sem'i Protasovykh v zhizni i tvorchestve V.A. Zhukovskogo i N.M. Karamzina [“Who are the relatives?” The role of the Protasov family in the life and work of V.A. Zhukovsky and N.M. Karamzin]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–148.
6. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Yanushkevich, A.S. & Lebedeva, O.B. (eds) (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Nauka; Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
8. Dmitriev, I.I. (1893) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izd. Evg. Evdokimova.
9. Zhukovskiy, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
11. Pogodin, M.P. (ed.) (1866) *Nikolay Mikhailovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzvyam sovremennikov. Materialy dlya biografii* [Nikolai Mikhailovich Karamzin, according to his writings, letters and reviews of contemporaries. Materials for the biography]. Parts 1–2. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.
12. Grot, Ya. & Pekar'skiy, P. (eds) (1866) *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters from N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: IAS.
13. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No. 20. File 43. (In Russian).
15. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No 21. File 117. (In Russian).
16. Rossiyskiy arkhiv. (1868) Pis'ma N.M. Karamzina k Zhukovskomu [Letters from N.M. Karamzin to Zhukovsky]. *Rossiyskiy arkhiv*. 7–12. Columns 1828–1836.
17. Karamzin, N.M. (1862) *Neizdannye sochineniya i perepiska Nikolaya Mikhailovicha Karamzina* [Unpublished Works and Correspondence of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena i Komp.
18. Sapchenko, L.A. (2021) Neopublikovannoe pis'mo N.M. Karamzina k E.A. Protasovoy (urozhdennoy Buninoy) [Unpublished letter to N.M. Karamzin to E.A. Protasova (nee Bunina)]. *Izvestiya Samar'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 23 (79–1). pp. 141–145.
19. Russkiy arkhiv. (1869) Dva pis'ma N.M. Karamzina k V.A. Zhukovskomu v Derpt [Two letters to N.M. Karamzin to V.A. Zhukovsky in Dorpat]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1383–1386.
20. Russkaya starina. (1899) Pis'ma N.M. Karamzina k A.I. Turgenevu (1806–1826) [Letters from N.M. Karamzin to A.I. Turgenev (1806–1826)]. *Russkaya starina*. 2 (97). pp. 463–480.
21. Barsukov, N.P. (ed.) (1897) *Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu* [Letters from N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky]. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
22. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafiev Archive of Princes Vyazemsky]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
23. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znak.
24. Sapchenko, L.A. (2008) “Mir sovesti i doverennost' k provedeniyu” v al'bomakh N.M. Karamzina [The World of Conscience and Power of Attorney for Carrying Out in the albums of N.M. Karamzin]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 8. pp. 72–82.
25. Aleksandrov, M.A. (ed.) (2016) *Dnevnik sestry Pushkina Ol'gi Sergeevny Pavlishchevoy v pis'makh k muzhu i otsu* [Diary of Pushkin's Sister Olga Sergeevna Pavlishcheva in Letters to Her Husband and Father]. Saint Petersburg: Pushkinskiy fond.
26. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

27. Russkiy arkhiv. (1869) Pis'mo Zhukovskogo k grafu M.Yu. Viel'gorskomu [Zhukovsky's letter to Count M.Yu. Vielgorsky]. *Russkiy arkhiv*. 1–6. Columns 644–648.
28. Russkiy arkhiv. (1899) Pis'ma M.P. Pogodina k V.A. Zhukovskomu [Letters from M.P. Pogodin to V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 9–12. pp. 300–310.
29. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No 1909 b. File 48. (In Russian).
30. Karamzin, N.M. (1835) Pis'mo k grafu Kapodistriya. Per. V.A. Zhukovskogo [Letter to Count Kapodistrias. Translated by V.A. Zhukovsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 5. Section 2. pp. 1–13. Yanvar'. pp. 11–12.
31. Russkiy arkhiv. (1870) Iz bumag V.A. Zhukovskogo [From the papers of V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1682–1723.
32. Russkiy arkhiv. (1866) Pis'ma raznykh lits k I.I. Dmitrievu [Letters from various persons to I.I. Dmitriev]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1616–1730.
33. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No 20. File 122. Rev. 121.
34. Russkiy arkhiv. (1869) Iz bumag V.A. Zhukovskogo. Pis'ma N.M. Karamzina [From the papers of V.A. Zhukovsky. Letters to N.M. Karamzin]. *Russkiy arkhiv*. 8–9. Columns 1682–1689.
35. Golos minuvshogo. (1919) Neizdannye pis'ma Karamzina i Zhukovskogo [Unpublished letters of Karamzin and Zhukovsky]. *Golos minuvshogo*. 3. P. 39.
36. Kozhevnikova, A.G. (2020) [N.M. Karamzin's letters to V.A. Zhukovsky: review comment]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 6th (20th) International Conference. Tomsk. 18–19 April 2019. Tomsk: STT. pp. 204–206. (In Russian).
37. Russkiy arkhiv. (1900) Iz pisem knyazya Vyazemskogo k Zhukovskomu [From the letters of Prince Vyazemsky to Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 1–4. pp. 181–208.
38. Russkiy arkhiv. (1895) Pis'ma V.A. Zhukovskogo Aleksandru Ivanovichu Turgenevu [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Russkiy arkhiv.
39. Russkiy arkhiv. (1867) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu [Letters of V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1385–1439.
40. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters to V.A. Zhukovsky to royalty as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Researches and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
41. Frik, T.B. (2012) N.M. Karamzin's correspondence with members of the Royal Family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 24–29. (In Russian).
42. Yanushkevich, A.S. (2017) Features of V.A. Zhukovsky's imperial text: ideology and cultural enlightenment. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 7. pp. 77–92. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/7/5
43. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) *Arzamas*. Moscow: Khudozh. literatura. (In Russian).

Информация об авторе:

Фрик Т.Б. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tfrik@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.B. Frik, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2021;
одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 19.12.2021;
approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/15617793/483/8

Компетенции команд как фактор успешности проектов трансформации университетов: межстрановой анализ

Светлана Николаевна Апенько¹, Галина Зиновьевна Ефимова², Максим Юрьевич Семёнов³

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

^{2,3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ ApenkoSN@omsu.ru

² G.Z.Efimova@utmn.ru

³ M.Y.Semenov@utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются компетенции команд университетской трансформации как основной фактор успешности реализации стратегических проектов стратегических изменений вуза. Проведено теоретико-эмпирическое изучение компетенций проектных команд трансформации университетов. Определено значение компетентности управленческой команды проектов трансформации академического сектора. Анализ опыта реализации конкретных проектов трансформации университета позволил выявить значимые критерии успешности данных проектов: факт завершения проекта; получение результата и продукта проекта, устраивающего заказчика/потребителя.

Ключевые слова: компетенции, управление персоналом, команды трансформации, проекты трансформации, успешность проектов трансформации университетов, университет, высшее образование, проектный менеджмент, управление проектами, эффективность команды, групповые компетенции проектной команды

Информация о финансировании: грант Российского научного фонда (проект № 22-28-20359), <https://www.rscf.ru/project/22-28-20359/>

Для цитирования: Апенько С.Н., Ефимова Г.З., Семёнов М.Ю. Компетенции команд как фактор успешности проектов трансформации университетов: межстрановой анализ // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 81–94. doi: 10.17223/15617793/483/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/8

Team competencies as a factor of success of university transformation projects: A cross-country analysis

Svetlana N. Apenko¹, Galina Z. Efimova², Maksim Yu. Semenov³

¹ Omsk State University, Omsk, Russian Federation

^{2,3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ ApenkoSN@omsu.ru

² G.Z.Efimova@utmn.ru

³ M.Y.Semenov@utmn.ru

Abstract. The article examines the competencies of university transformation teams as the main factor in the success of the implementation of strategic projects of strategic changes of the university. A theoretical and empirical study of the competencies of university transformation project teams has been conducted. The importance of the competence of the management team of academic sector transformation projects is determined. Empirical data were collected on the materials of a cross-country analysis, implemented in two stages: (1) questionnaire survey of 203 experts from universities in Russia, Serbia, Georgia, Iran; (2) in-depth semi-formalized interview of 78 informants in three Russian universities. Based on the empirical data, the competence profile of qualified specialists (from among the administrative and managerial staff of universities involved in university transformation project teams) was measured, and a competence model was built. The analysis of the experience of implementing specific transformation projects of the university allowed us to identify significant criteria for the success of these projects: the fact of completion of the project; the obtained result and product of the project that suits the customer / consumer. When as-

sessing success, it is more important for experts to receive a product and to a much lesser extent the criterion of product quality is significant. When assessing the failure of projects, the absolute majority of experts named the unsatisfactory quality of the product and the result of the university transformation project as the most important criterion. The perception of success is almost not affected by the criterion of meeting the deadlines of the project, but the state of failure is determined by compliance with the time frame of the project. Stakeholders' satisfaction with the project results is designated as a significant criterion for both the success and failure of the project. The positions of the administrative and managerial staff of universities regarding the criteria for the success of project activities of transformation correlate with the existing standards for evaluating project activities. Measures are proposed to improve the competencies of the project teams of the transformation of universities. The research has value for the leadership of the academic sector for the development of team competencies of employees.

Keywords: competencies, personnel management, transformation teams, transformation projects, success of university transformation projects, university, higher education, project management, project management, team effectiveness, group competencies of the project team

Financial support: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-20359), <https://www.rscf.ru/project/22-28-20359/>

For citation: Apenko, S.N, Efimova, G.Z. & Semenov, M.Yu. (2022) Team competencies as a factor of success of university transformation projects: A cross-country analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 81–94. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/8

Введение

Окружающая нас действительность характеризуется хрупкостью (brittle), тревожностью (anxious), нелинейностью (nonlinear) и непостижимостью (incomprehensible). Именно этими словами футуролог Дж. Касио (J. Cascio) описал современный мир (модель **BANI**) и функционирующие в нем социальные институты¹. Обозначенные характеристики распространяются и на систему высшего образования. Она становится не просто изменчивой, но еще и *хрупкой*, что подтверждено в результате пандемии COVID-19, которая изменила образовательные процессы и формат проведения занятий, внеся существенные корректировки в трудовую деятельность преподавателей вузов. *Тревожности* добавляет неопределенность, связанная с изменением наполнения учебных курсов в соответствии с постоянно меняющимися требованиями индустрии, в которую предстоит выходить студентам по окончании учебного заведения. Учебное заведение осознает необходимость обеспечить студентам актуальные компетенции и базовую конкурентоспособность на начальном этапе карьерного пути. *Нелинейность* определяется комплексностью и многоаспектностью деятельности университета (образовательная, научно-исследовательская, инновационная, административно-управленческая и иное). *Непостижимость*, как тренд современности, «отражается» на университетах необходимостью справляться с огромным информационным массивом и учитывать различные социально-экономические условия. Опираясь на тренды, способные сохранить актуальность в перспективе как минимум полутора десятилетий, университетам необходимо выстраивать тактики и стратегии развития. Основная роль в поддержании актуальности стратегий развития университетов принадлежит университетским командам трансформации. В связи с этим рассмотрим, какими компетенциями они должны обладать, для поддержания конкурентоспособности университетов в мире современной ре-

альности. Особый интерес представляет межстрановой анализ набора компетенций команд проектов трансформации университетов и наличие статистически значимых различий в показателях успешности проектных команд университетов разных стран.

Обзор литературы

В последнее десятилетие многократно возрос интерес к управлению персоналом и изучению групповых компетенций проектных команд организации. Это отразилось на росте количества публикаций по теории управления, которая пополняется информацией, отражающей изменения в обществе – развитие и распространение социальных сетей, создание и повсеместное функционирование виртуальных и даже мультикультурных команд. В практике работы университетских работников становится рутиной укоренение смешанного формата образования, дистанционной работы научно-исследовательских групп (из разных городов и стран), а также удаленное административное управление высшим учебным заведением и реализация проектов трансформации достижения установленных показателей.

Для поддержания конкурентоспособности, эффективного выполнения поставленных задач и соответствия изменяющимся должностным требованиям работник направляет усилия не только на развитие индивидуальных компетенций, но также на формирование и актуализацию групповой компетентности, чтобы быть востребованным и эффективным. В настоящее время повышается актуальность разработки теоретических основ компетентностного подхода к управлению проектной деятельностью [1].

М.В. Ермолаева отмечает, что принципы современного проектного управления отличаются от функционального управления по многим значимым характеристикам. «Во-первых, это работа в командах, отсутствие ярко выраженной иерархии. Во-вторых, при выполнении проектов существует высокий уровень неопределенности. К числу таких неопределенностей

относят отсутствие четкого распределения полномочий, изменение круга задач в зависимости от различных воздействующих факторов, возможность выполнения в рамках проектного цикла межфункциональных заданий. Неопределенность также возникает при высоком темпе изменений, что характеризует современную внешнюю среду, в которой реализовываются проекты. В-третьих, для проектной деятельности характерна ограниченность наличных ресурсов (финансовых, временных, человеческих), что влечет за собой высокие риски при выполнении работы. В этих условиях большое значение уделяется управлению процессами командообразования и разрешения конфликтов» [1].

Компетенции трактуются как совокупность знаний, личностных характеристик, навыков и соответствующего опыта, необходимых для успешного выполнения определенных функций. Компетенции описываются в виде требований к знаниям, навыкам и качествам сотрудника для функции, должностной позиции или роли в проекте. Компетенции могут быть *групповыми* и отражать такие процессы, как командообразование, групповая сплоченность и иные; *управленческими* (компетенциями менеджера проекта), к которым относятся лидерство, независимость, способность генерировать новые идеи и вовлекать в их реализацию членов команды; *компетенциями персонала* (ответственность, жизнестойкость, коммуникативная компетентность и др.).

Успешная реализация проектов в организации повышает ее конкурентные преимущества. Принципиальное отличие команды от других форм организации персонала (отдел, бригада и т.д.) заключается в двух аспектах [2]: команда создает конечный продукт (ценность); команда несет полную групповую ответственность за продукт.

Команда проекта, являясь ведущим элементом технологии проектного подхода, способна оказать существенное влияние на качество реализации проекта.

Выделяют следующие ключевые компетенции команды проекта [2]:

1) *структурно-ролевые* (умение создавать концепцию проекта с учетом динамической внешней и внутренней среды, обозначать границы проекта, отслеживать актуальность целей проекта, определять отсроченные эффекты проекта; умение планировать работы проекта с учетом всех условий и ограничений; умение работать в условиях жестких ресурсных ограничений, неопределенности; умение управлять рисками; умение завершать проект и «закрывать» договоры; умение отслеживать наступление или отсутствие отсроченных эффектов);

2) *профессиональные* (качество исполнения структурно-ролевых компетенций, способность достигать цели, знание методов и способов достижения наибольших результатов);

3) *коммуникативные* (способность создавать и поддерживать высокий уровень открытости в обсуждении проблем; создавать и поддерживать высокий уровень мотивации; поддерживать высокий уровень креативности, заинтересованности и ответственности

как в осуществлении процессов проектного управления, так и в межличностных отношениях).

Ю.Н. Лапыгин и М.А. Розенков предлагают рассматривать распределение компетенций по стадиям управления проектами [3]: 1) «*инициация*» (задание на проектирование, определение факторов, анализ ситуации, принятие решения по результатам анализа, цели реализации проекта); 2) «*планирование*» (задачи реализации проекта, критерии оценки, определение ресурсов, мероприятия – методы реализации проекта, контроль – процедуры контроля); 3) «*реализация*» (реализация мероприятий и оценка результатов); 4) «*завершение*» (принятие решения о завершении проекта).

С.Н. Апенько и М.А. Романенко рассмотрены профессиональные компетенции команды в условиях гибких технологий проектной деятельности [4]. Профессиональные компетенции традиционно понимались как индивидуальные свойства. Однако, в связи с растущим внедрением команд в организациях, утверждается, что компетенции можно рассматривать как коллективную характеристику.

Развитие конкретных командно-ориентированных компетенций включено в сферу менеджмента, построения команды и обучения персонала. Квалифицированная команда специалистов играет важную роль в процессе производства в любом секторе экономики [5–7].

Обзор отечественной и зарубежной литературы показал, что именно вопросы оценки успешности проектов и необходимых для этого компетенций команды являются наименее проработанными и в то же время наиболее важными в области управления проектами.

А. Такеда (А. Takeda) и М. Новатары (М. Nowatari) (Япония) отмечают, что наращивание командной компетентности и осознание командной работы приводят к позитивным организационным достижениям и повышению конкурентоспособности компании [8].

Определены *факторы успеха*, которые необходимо учитывать при совершенствовании процесса разработки проекта [9]: коммуникация, планирование проекта, четкий состав команды, поддержка высшего руководства, надлежащее распределение ресурсов, изменения в требованиях к проекту, финансирование проекта, компетентность команды, методология работы над проектом и время проекта.

Изучаются критические факторы успеха в междисциплинарных проектах (на примере проектирования зданий) с точки зрения участников проекта. Факторы сгруппированы в четыре взаимозависимые группы: факторы управления, факторы проектной группы, факторы компетенций и ресурсов и факторы, способствующие реализации проекта. Д. Коутсикоури (D. Koutsikouri, Швеция), С. Аустин (S. Austin, Англия), А. Дэйнти (A. Dainty, Англия) определено, что особенно важны в проектных средах факторы, связанные с социально-политической динамикой междисциплинарной командной работы (страсть, энтузиазм, общие ценности, креативность, инновации), и так называемые «сверхмягкие факторы», отражающие личный успех и его значимость в достижении поло-

жительных результатов проекта [10]. Выявлены взаимосвязи, существующие между контекстом проекта, процессами, опытом участников проекта и самой командой в работе над проектом для достижения желаемых результатов.

М. Ох (M. Oh) и С. Чой (S. Choi) (Корея) изучена взаимосвязь между эмоциональной, управленческой и интеллектуальной компетентностью членов команды (на примере специалистов по управлению проектами в различных отраслях промышленности) и их влиянием на успех проекта [11]. Не выявлено статистически значимых различий в восприятии влияния компетенций членов команды на фактор успеха проекта, в зависимости от их ролей: руководитель проекта или член команды.

Н. Русан (N. Rusan) и О. Войтенко (O. Voitenko) (Украина) рассмотрены критерии оценки успешности реализации проекта [12]. Имеющиеся теоретические исследования выявили отсутствие систематического понимания, как компании реализуют проекты, которые можно считать успешными по завершении. Разработана формализованная модель успеха проекта, обеспечивающая комплексное понимание процессов проекта. Модель определяет элементы, которые могут и должны находиться под контролем руководителя проекта: компетенции лидера, командные ценности, трансформационное лидерство, эмоциональный интеллект [12].

Критические факторы успеха (CSF) определялись и проверялись учеными на протяжении многих лет, чтобы помочь руководителям проектов с ограниченными ресурсами в реализации успешных проектов по строительству зданий [13]. Факторам успеха, связанным с персоналом или командой, в последнее время уделяется больше внимания из-за преимуществ эффективного сотрудничества между проектировщиками, подрядчиками и специалистами. Определены факторы успеха, связанные с командой, посредством тематического анализа интервью, проведенных с руководителями проектов по девяти наиболее успешным и семи наименее удачным проектам в зависимости от их стоимости и выполнения графика. Основные темы, характеризующие факторы успеха, возникающие внутри команды, включали: устранение барьеров для общения, развитие культуры взаимоотношений в проекте, понимание роли владельца и поощрение автономии. По сравнению с предыдущими исследованиями результаты дают представление о том, как факторы успеха, связанные с командой, развивались с течением времени и определяли направление для создания эффективных команд по реализации проектов в будущем (на примере строительной отрасли). Темы носят больше стратегический, чем тактический характер и направлены на то, чтобы дать командам возможность эффективнее использовать компетенции отдельных членов.

Культура команды – один из факторов, способствующих успеху проекта. Руководитель проекта создает культуру, в которой пристальное внимание уделяется командной работе, эффективной коммуникации и безбарьерному обмену знаниями. Подоб-

ная культура приведет к росту эффективности команды, что в итоге будет способствовать успеху реализуемого проекта [14].

На успех реализации проекта (на примере сферы строительства автодорог) влияют семь критических факторов: четкие руководящие принципы по распределению средств, сильная национальная ответственность за проект, консультации по предпроектной разработке с заинтересованными сторонами, понимание проекта старшими менеджерами, четкое понимание условий проекта подрядчиками, компетентность команды по разработке и планированию проекта и доступ / достаточные ресурсы [15]. Выявлена статистически значимая сильная положительная взаимосвязь между критическими факторами успеха и показателями эффективности проекта. Важно, чтобы руководители проектов выявляли и учитывали критические факторы успеха на каждом этапе проектного цикла для обеспечения эффективного выполнения.

Значительное влияние на эффективность реализации проектов трансформации в компании оказывает *человеческий фактор*. Р. Ваничкова (R. Vaníčkova) (Чехия) доказала, что успех завершения локального проекта зависит от роли и компетенций менеджера проекта в сотрудничестве с полномочиями отдельных членов проектной команды [16]. К числу причин провала проекта отнесены использование ненадлежащих методов управления проектом и недостаточное развитие человеческого капитала и компетенций у руководства [16].

Эмоции членов проектной команды, вызванные различными проблемами, играют ключевую роль в успехе проекта [17]. Эмоции проектных команд неизбежны из-за высокой динамичности проектов. «Отдельные лица и команды в проектах нуждаются в эмоциональных компетенциях (как части социальных компетенций), чтобы справляться с эмоциями» [10]. На то, как люди справляются с эмоциями, влияют человеческие факторы организационной среды. На примере команд разработчиков программного обеспечения сделан вывод, что человеческие факторы и эмоции команд много значат для успеха проекта.

Эффективная команда – значимый фактор, способствующий достижению целей проекта и организации [18]. Отбор членов команды часто основан на знакомстве и личных отношениях, в которых квалификация и компетентность кандидата в команде не была высокоприоритетной [18]. Это влияет на эффективность проекта и потенциал успеха его реализации. Предложен метод подбора членов команды, основанный на сопоставлении соответствия индивидуальных компетенций, ожиданий организации и предполагаемых результатов проекта. При использовании отбора, основанного на компетенциях и квалификации работников, эффективность команд возросла по сравнению с отбором, основанным на личных отношениях.

Исследование Ю. Байлей (Y.T. Bayley) и Г. Теклу (G.K. Teklu) направлено на определение факторов и критериев успеха проекта сотрудничества в целях развития Европейского союза (ЕС), а также на объяснение

взаимосвязи между критическими факторами успеха (CSF) и успехом проекта с точки зрения руководителей проектов и членов команды проекта [19]. Определены факторы успеха для проектов (финансируемых ЕС) [19]: интеллектуальный капитал, обоснование проекта, ключевые кадровые компетенции и эффективное взаимодействие с заинтересованными сторонами. Также выделены *пять переменных успеха*: четкая политика доноров и правительства-получателя, сильная местная ответственность за проект, эффективные консультации во время планирования, высокая мотивация и заинтересованность, совместимые правила и процедуры [19]. Ранжированы актуальность, воздействие, эффективность, устойчивость и эффективность в соответствии с их уровнем важности для участников опроса.

В качестве важного фактора успеха проектов назван интеллектуальный капитал. Подчеркивается важность обеспечения постоянной поддержки со стороны заинтересованных сторон и проведения эффективных консультаций с заинтересованными сторонами на этапах планирования, реализации и завершения проектов [19].

Успешная *реализация проектов*, требующих временных затрат, зависит от ряда факторов: эффективность управления изменениями, инвестиции заинтересованных сторон и компетентность проектной команды [19]. Факторы успеха проекта (на примере энергетической отрасли Южной Африки), выявленные на протяжении жизненного цикла проекта, позволяют организации отфильтровывать проблемы и риски, существующие на каждом этапе проекта [20]. Структура разрабатывается на основе описательного анализа отзывов, полученных от заинтересованных сторон внутри организации.

Определены главные поведенческие компетенции для руководителей (на примере ИТ-проектов), включая компетенции, обеспечивающие превосходную производительность в управлении проектами. Две категории компетентности (командное лидерство и забота о порядке) связаны с более высокими показателями эффективности проектов. Поведение в рамках двух категорий – полезный ориентир для организаций, стремящихся повысить эффективность управления проектами. Некоторые виды поведения (детальное планирование и организация совещаний) относятся к начальному уровню, должны стать целью базового обучения для начинающих менеджеров проектов. Другие формы поведения (точная оценка и стратегии решения проблем) наблюдались у меньшего числа респондентов. Два ценных, но редко наблюдаемых вида поведения (создание убедительного видения и обеспечение соответствия стратегическим целям бизнеса) связаны с эффективностью, связанной с поддержкой долгосрочных выгод для бизнеса от ИТ-проектов. Развитие компетенции менеджера проекта в поведении особенно полезно для достижения долгосрочного успеха ИТ-проектов [21].

А. Чан (A. Chan), Д. Хо (D. Ho), Ч. Там (C.M. Tam) (Китай) определен набор факторов успеха для проектов (на примере проектирования и строительства), изучена относительная важность факторов для результатов

проекта [22]. Ими выделены шесть факторов успеха проекта: приверженность проектной команды, компетентность подрядчика, оценка рисков и ответственности, компетентность клиента, потребности пользователей и ограничения, налагаемые пользователями. Приверженность проектной команды, компетентность клиента и компетентность подрядчика признаны важными для достижения успешного результата проекта [22]. Компетенции подрядчика способствуют выполнению проекта в установленные сроки. При этом членам проектной группы важно понимать, что временные и финансовые показатели, качество проектирования и изготовления представляют собой ключевые элементы общего. Практикующим специалистам рекомендуется сосредоточиться на командной работе и партнерстве для успешного завершения проекта.

Высокий процент неудачных проектов изучен исследователями из разных стран с целью выявления критических факторов успеха проектов (без ограничения их сферы реализации).

Выявлены четыре организационных фактора влияющих на успех проектов (на примере ИТ-проектов в общественных организациях Саудовской Аравии и Малайзии) [23]: поддержка высшего руководства, компетенции проектной команды, управление коммуникациями и управление проектами. Выявлено, что на успех ИТ-проектов влияет управление проектами и не влияет компетентность проектной команды. На успех ИТ-проекта в Саудовской Аравии повлияла поддержка высшего руководства, в то время как в Малайзии на него влияет управление коммуникациями. Организационная культура смягчает отношения между поддержкой высшего руководства и управлением проектами и успехом ИТ-проекта в Саудовской Аравии, в то время как организационная культура смягчает отношения между управлением коммуникациями и успехом ИТ-проекта в Малайзии [23].

Рассмотрен подход к анализу внутренних взаимосвязей структуры модели индивидуальных компетенций менеджеров проектов с использованием элементов теории принятия решений и теории игр [24]. В качестве основы для анализа используется матрица смежности для модели Маркова, которая рассматривается как «матрица принятия решений». Количество связей между элементами модели интерпретируется как степень «силы реакции природы» на использование конкретного элемента в качестве «стратегии игроков» при анализе кооперативных игр. Рассмотрены критерии выбора стратегий управления, основанные на использовании моделирования значений пары взаимосвязанных параметров «позиция игрока» – «позиция осторожного игрока», используемых в ряде критериев принятия решений в теории игр. Под «увлеченностью» понимается степень уверенности в успехе проекта. Показана взаимосвязь степени такой «увлеченности» с уровнем значимости конкретных элементов компетенции менеджера проекта.

С. Мисра (S. Misra), К. Сривастава (K. Srivastava) (Индия) проведено изучение взаимосвязи навыков построения команды (на примере банковского сектора) с

личной эффективностью и удовлетворенностью работой, посредническая роль лидерства и технологий показала положительную взаимосвязь между навыками построения команды и переменными результата, предполагая, что командные компетенции играют ключевую роль в определении эффективности и удовлетворенности сотрудников [25]. Исследование показывает появление стиля руководства и технологий в качестве посредников в повышении эффективности и удовлетворенности работой сотрудников.

Отдельными учеными изучены культурные различия в представлениях о компетенциях, необходимых для эффективного функционирования команды [26]. Различия сохранялись даже в отношении компетенций, ориентированных на команду, которые, противоречат западной независимости и индивидуализму (например, ставить командные цели выше личных) [26].

Отдельно изучались предпринимательские компетенции команд. Для определения, какие из компетенций, рассматриваемых как предпринимательские, характерны для предпринимательских команд, определена внутренняя структура компетенций. Проверено соответствие предпринимательской компетентности эффективному и причинно-следственному подходу, что позволило исследователям определить, какой из подходов в большей степени характеризует предпринимателей. Компетенции, связанные с эффективным подходом, чаще и сильнее характеризуют опрошенных предпринимателей [27].

Ученые подтверждают, что компетенции – коллективные свойства и действуют как предикторы эффективности работы команды [28]. Коллективные компетенции команды объясняют около 20% ее производительности и воспринимаются как характеристика, предсказывающая результаты работы команд [28]. Члены команды предлагали информацию о компетенциях, а лидеры – информацию о результатах работы команд.

Прозрачность оценки компетенций членов команды и их ролей в реализации проекта оказывает положительное влияние на его итоговую эффективность. Д. Осек (D. Oserek) и В. Райкович (V. Rajkovič) (Словения) разработана иерархическая многослойная модель компетенций, цель которой – лучшее понимание и оценка компетенций каждого члена команды, их ролей, воздействий и масштабов проекта [29].

Методология исследования

Цель исследования – разработка методологических положений о составе компетенций и их влиянии на показатели успешности проектов трансформации университетов, а также проверка обозначенных положений посредством эмпирических исследований в университетах разных стран. Задачи исследования: разработать комплекс компетенций команд проектов, адаптированный к условиям университетов; определить набор показателей успешности проектной деятельности, максимально соответствующих видам проектов университетов; оценить уровень значимости компетенций и их влияния на показатели успешности посредством эмпирических исследований, провести межстрановой анализ по-

лученных данных, сравнить состояние практики проектных команд университетов разных стран.

Эмпирическое исследование реализовано в два этапа: 1) анкетный опрос в четырех странах – Россия, Сербия, Грузия, Иран; 2) глубинное полуструктурированное интервью в трех российских вузах.

На первом этапе в 2021 г. проведено анкетирование в форме онлайн-опроса по разработанной анкете, содержащей 21 вопрос по модулям: востребованные компетенции проектных команд, цифровые навыки для проектов, компетенции в области управления изменениями в проектах, влияние компетенций на показатели успешности проектов, данные о респондентах. Выбор стран обусловлен представленностью в составе исследовательской группы граждан России, Сербии, Грузии и Ирана. Анкетирование проводилось в ведущих университетах с развитой системой управления проектами трансформационных преобразований и инноваций. Отбор экспертов основан на следующих характеристиках: опыт участия в проектах трансформации и инноваций университета не менее двух лет; стаж работы в университете не менее трех лет. Всего опрошено 203 эксперта (в России – 54 эксперта, в Грузии – 48, в Сербии – 51, в Иране – 50). Достигнут следующий охват университетов: в России собраны данные от экспертов из 10 университетов, в Грузии – из 6, в Сербии – 5, в Иране – 7. Всего в исследовании использованы данные от экспертов 28 университетов. Репрезентативность данных обеспечивается широким охватом ведущих университетов разных стран и тщательным отбором экспертов по заранее заданным критериям.

Качественная структура совокупности экспертов по странам представлена в табл. 1. Данная структура включает разные категории персонала университетов, что дополняет репрезентативности полученной выборочной совокупности экспертов.

На втором этапе сбора эмпирической информации реализовано глубинное полуструктурированное интервью с 78 представителями административно-управленческого аппарата в трех крупных университетах России (Приволжский и Сибирский федеральные округа). Выбор университетов сделан согласно таким критериям отбора, как опыт проектной деятельности, в частности участия в проекте повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (проект «5-100») и включения в реализацию Государственной программы поддержки университетов Российской Федерации «Приоритет 2030». Университеты, принявшие участие в исследовании, имеют богатый опыт реализации проектов трансформации и изменений в различных областях и сферах – научной, образовательной, управленческой, предпринимательской и иных. Отбор информантов осуществлен по двум признакам: опыт участия в проектах и в управлении проектами трансформации университета не менее трех лет; стаж работы в университете не менее десяти лет. Интервью проведены в 2020–2022 гг. по месту работы эксперта (в онлайн- или оффлайн-формате).

Структура совокупности экспертов университетов России, Сербии, Грузии, Ирана, % к числу опрошенных

Характеристика	Страна			
	Россия	Грузия	Сербия	Иран
<i>Профиль факультета эксперта:</i>	N=54	N=48	N=51	N=50
– гуманитарный	41	42	41	36
– естественно-научный	32	25	24	30
– технический	27	33	35	34
<i>Должность эксперта</i>				
– топ-менеджмент (ректор, проректоры)	18	13	14	16
– деканы, директора институтов, заведующие кафедрами	26	29	28	33
– управленческий состав (руководители служб)	22	23	26	23
– преподаватели	33	31	33	28
<i>Стаж работы в университете</i>				
– 3–6 лет	31	31	41	38
– свыше 6 лет	69	69	59	62
<i>Опыт проектной деятельности</i>				
– 2–5 лет	56	56	39	32
– более 5 лет	44	44	61	68

В выборочную совокупность вошли: ректор, проректоры, директора институтов, деканы, руководители управлений и служб.

Результаты эмпирического исследования

В данном исследовании под компетенциями команд проектов трансформации университетов понимается совокупность знаний, навыков, умений, способностей, мотивации, личных качеств членов команд, реализуемых ими в разных моделях поведения и посредством которых достигаются результаты проекта (составлено авторами на основе обобщения классических подходов к трактовке компетенций). Компетенции определяют успешность функционирования команд, тем самым влияя на успешность всего проекта. Успешность проекта в нашем исследовании трактуется как позитивное и соответствующее ожиданиям различных стейкхолдеров состояние результатов, с которыми завершается проект. Как будет показано далее, критерии успешности разнообразны, а кроме компетенций могут быть и иные факторы достижения состояния успешности проекта трансформации вуза.

Обозначив авторскую позицию по ключевым понятиям предметной области проведенного нами эмпирического исследования, обратимся к анализу результатов, полученных с помощью анкетирования и экспертного интервью в университетах России и ряда зарубежных стран.

Исследование позволило выявить значимые для университетов критерии успешности проекта. Для этого экспертам трех российских вузов предложено выбрать для анализа успешные и неуспешные проекты, а затем назвать признаки, свидетельствующие в пользу вывода об успешности или неуспешности избранных проектов. К наиболее распространенным в ответах информантов критериям как успешности, так и неуспешности проектов трансформации отнесены: факт завершения или незавершения проекта; получение продукта проекта, устраивающего или неустраивающего заказчика, потребителя (табл. 2). Примечательно, что для экспертов при оценке успешности важнее само событие получения продукта и в гораздо меньшей степени значим критерий качества этого продукта, в то время как при оценке неуспешности проектов критерий неудовлетворительного качества продукта называется почти всеми экспертами в числе важнейших.

На восприятие успеха почти не влияет критерий соблюдения сроков проекта, но состояние успеха во много определяется, со слов экспертов, критерием соблюдения временных рамок проекта. Удовлетворенность стейкхолдеров результатами проекта обозначена как значимый критерий равно как успеха, так и неуспеха проекта. В целом можно сказать, что в университетах сложились критерии успешности проектной деятельности, аналогичные тем, которые называются в изданиях по проектному менеджменту [30, 31]. Это говорит о согласованности позиции университетов с имеющимися стандартами оценки проектной деятельности.

На следующем этапе исследования нами выявлены факторы, определяющие успех проектов. Этот аспект изучен в процессе интервью трех вузов России и в ходе анкетирования экспертов разных стран. Данные анкетирования представлены в табл. 3.

Среди наиболее значимых факторов, влияющих на успешность проектов, экспертами всех университетов названы уровень зрелости проектного управления в университете, уровень планирования в проектах, цифровизация технологий проектной деятельности, гибкость управления проектами, управление изменениями. Среди приоритетных назван и фактор уровня развития команды и её компетенций. Выявлены различия по странам. Так, в России эксперты чаще указывают в качестве ключевых факторов административную поддержку проектов со стороны топ-менеджмента, соответствие проектной деятельности стратегии университета, четкость проработки планов проектов, т.е. в большей степени внешние административно-бюрократические факторы.

Таблица 2

Оценка экспертами критериев успешности и неуспешности проектов трансформации университетов, % к числу опрошенных

%	Критерии неуспешности проекта	Критерии успешности проекта	%
91	факт незавершения проекта	факт завершения проекта	83
41	получение невостребованного продукта	получение значимого продукта проекта	78
92	не получение планируемого результата, неудовлетворительное качество продукта	обеспечение показателей качественного состояния продукта проекта	36
24	неудовлетворенность результатами проекта различных стейкхолдеров	удовлетворенность результатами проекта различных стейкхолдеров	29
62	нарушение сроков проекта	выполнение проекта в заданные сроки	6

Таблица 3

Оценка факторов успешности проектов трансформации университетов, %

Фактор / страна	Россия	Грузия	Сербия	Иран
	N = 54	N = 48	N = 51	N = 50
Уровень планирования проекта	59	44	47	40
Административная поддержка	67	25	29	34
Гибкость управления проектом	39	56	51	54
Команда и её компетенции	57	54	61	54
Управление изменениями	33	52	49	50
Соответствие стратегии университета	45	31	29	28
Цифровизация управления	28	58	51	60
Зрелость проектного управления	44	67	67	54
Инновации в управлении проектом	18	42	32	40

Для России крайне значимы неформальные межличностные коммуникации, такие как фактор успеха проекта. И гораздо реже отмечаются факторы способности управлять изменениями, использования инноваций в управлении и цифровых технологий, т.е. внутренние факторы организации самой деятельности по проекту. Следует признать, что данным существенным факторам эксперты других стран придают большую значимость. Необходимо отметить значимый тренд в мировой практике – переход на управление изменениями, придание меньшей значимости жесткому планированию, усиление гибкости в управлении проектами, мобильности принимаемых решений. По этим факторам Россия пока отстает от иных стран, хотя и признает их значимость.

Подтверждают полученные с помощью анкетирования данные и результаты интервью в трех вузах России. Информантам задан вопрос: «Какие факторы способствуют успешности проекта, а какие факторы мешают получить ожидаемые результаты проекта?» Среди ответов часто фигурирует фактор качественного состава команды проекта, её способностей и навыков, ее моделей поведения. Также названы факторы положительного влияния, такие как скорость принятия решений, оперативность реагирования на изменения, четкость планирования проектных работ и сроков реализации, наличие властных и административных ресурсов, поддержка проектов топ-менеджерами согласованности проектов со стратегией развития университета.

Следующим этапом стало выяснение наиболее значимых компетенций для работы в проектных командах университета. Для этого экспертам в ходе анкетирования предложен перечень компетенций и высказана просьба отметить степень значимости каждой

из них. Значимость отражалась по трем уровням: высокая, средняя и низкая. Эксперты выбирали один из трех уровней значимости компетенции. В целях анализа полученных данных каждому уровню значимости присвоены баллы: низкая значимость – 1 балл, средняя – 2 балла, высокая – 3 балла. Далее проведен подсчет среднего балла по каждой компетенции. Результаты по странам представлены в табл. 4.

В российских вузах значимыми оказались компетенции проектных команд, связанные со стратегическим и системным мышлением, наличием мотивации к проектной работе, гибкостью мышления, способностью работать в изменяющихся условиях. Эти же компетенции как высокозначимые отмечают и эксперты других стран. В отличие от других стран в России эксперты придают меньшую значимость таким компетенциям, как способность работать в кросскультурной и многонациональной команде, в команде с представителями разных стран; навыки работы в виртуальной команде; владение иностранным языком. Можно предположить, что в российских вузах пока слабо развиты международные проекты, для которых могли бы потребоваться данные компетенции. Характерной особенностью является и то, что эксперты российских университетов вновь указывают на низкую востребованность навыков работы с инновациями и способностей к риску. В других странах эти компетенции оценены как более значимые. Цифровые компетенции названы представителями вузов России высокозначимыми, но уровень значимости их ниже, чем в других странах. Что касается исследовательских навыков, то они не высоко оценены как востребованные в текущий момент во всех четырех странах.

Значимость компетенций для работы в проектных командах университета, баллы

Компетенция	Россия	Грузия	Сербия	Иран
	N = 54	N = 48	N = 51	N = 50
Способность работать в изменяющихся условиях	2,7	2,8	2,7	2,9
Владение цифровыми технологиями	2,2	2,7	2,6	2,8
Стратегическое и системное мышление	2,8	2,6	2,7	2,5
Владение иностранным языком	1,3	2,5	2,4	2,3
Профессионализм в предметной области проекта	2,5	2,2	2,1	2,4
Исследовательские навыки	1,4	1,8	1,9	1,6
Навыки открытых коммуникаций в команде проекта и с партнерами, в том числе онлайн, в соц. сетях	2,5	2,3	2,2	2,5
Наличие выраженной мотивации для работы в проекте	2,8	2,7	2,7	2,9
Концентрация на достижениях результатов	2,4	2,3	2,4	2,2
Гибкость (не шаблонность) мышления и работы	2,7	2,6	2,5	2,6
Готовность рисковать при принятии решений	1,7	2,2	2,3	2,2
Способность участвовать в проектах в разных ролях	2,2	2,1	2,0	2,3
Лидерство и ответственность в управлении командой	2,3	2,4	2,6	2,5
Способность работать в команде с представителями разных стран, культур, национальностей	1,2	2,4	2,5	2,4
Способность работать в виртуальной команде	1,3	2,3	2,1	2,2
Инновационность и предпринимательство	1,3	2,2	2,1	2,4

Примечание. Здесь и в табл. 5: 1 – низкая значимость, а 3 – высокая значимость.

Далее с помощью экспертов в ходе анкетирования нами осуществлена оценка степени влияния компетенций на показатели успешности проектов. В результате выделены следующие показатели успешности:

- эффективность проекта (выполнение графика и бюджетных целей);
- удовлетворенность команды (моральный дух команды, развитие навыков, рост членов команды, удержание членов команды);
- удовлетворенность клиентов (удовлетворение потребностей клиента, решение проблем клиента);
- успех в бизнесе (коммерческий успех, получение финансовых выгод);
- наращивание с помощью проектов потенциала на будущее.

Эксперты оценивали степень влияния по трем уровням: низкая, средняя, высокая степени, после чего каждой степени присвоены баллы: 1 балл – низкая, 2 – средняя, 3 балла – высокая степень. Это позволило провести бальную оценку степени влияния компетенций на каждый из выделенных показателей успешности проекта.

В таблице 5 приведены данные по всем странам в совокупности. На показатели эффективности проекта в большей степени влияют такие компетенции членов команды, как способность работать в изменяющихся условиях, стратегическое и системное мышление, концентрация на достижении результатов, гибкость мышления и проектной деятельности, инновационность и предпринимательство, владение цифровыми технологиями. Успех в бизнесе определяется примерно такими же компетенциями, к перечисленным добавляются еще и профессионализм в предметной области, а также лидерство и ответственность в управлении командой. Иные компетенции влияют на показатель удовлетворенности команды, к ним эксперты отнесли: наличие выраженной мотивации для работы в проекте, лидерство и ответственности, навыки открытых коммуникаций, способность к работе в условиях изменений. На по-

казатель удовлетворенности клиентов максимально влияют компетенции: способность работать в изменяющихся условиях, концентрация на результате и профессионализм, инновационность и предпринимательство, стратегическое и системное мышление. Показатель, связанный с наращиванием потенциала в будущем, определяется компетенциями, которые менее значимы в иных показателях, например исследовательские навыки. Вместе с тем для этого показателя важны: способность работать в изменяющихся условиях, стратегическое и системное мышление, инновационность и предпринимательство.

Именно для получения этого показателя успеха проекта начинают играть особую роль компетенции, которые не включались ранее экспертами в группу востребованных. Например, владение иностранным языком также повышает свою значимость для достижения показателя успешности. Если говорить о потенциале и будущих резервных возможностях проектной деятельности, то эксперты признают при этом возрастание значимости на данный момент пока маловостребованных компетенций проектной команды.

Межстрановый анализ показал, что имеются различия в оценках экспертов из университетов разных стран. Так, в России, в сравнении с другими странами, продолжают быть менее значимыми компетенции, связанные с владением цифровыми технологиями, готовность рисковать при принятии решений, способность работать в виртуальной команде с представителями разных стран, культур, национальностей. Но в целом для всех стран зафиксирована необходимость всей совокупности выделенных нами компетенций, так как разные группы компетенций определяют различные показатели успешности проектов трансформации университетов.

Результаты интервью в трех университетах России подтвердили значимость в перспективе на ближайшие пять лет таких компетенций, как способность рабо-

тать в изменяющихся условиях, цифровые навыки, стратегическое и системное мышление, владение иностранным языком, профессионализм, исследователь-

ские компетенции. То есть некоторые из компетенций, малозначимых в текущий момент, отнесены экспертами к перспективным и значимым в будущем.

Таблица 5

Степень влияния компетенций на показатели успешности проекта (данные по четырём странам), баллы

Компетенция	Степень влияния компетенции на показатели успешности проекта				
	Эффективность	Удовлетворенность команды	Удовлетворенность клиентов	Успех	Потенциал
Способность работать в изменяющихся условиях	2,8	2,5	2,5	2,9	2,9
Владение цифровыми технологиями	2,5	1,9	2,3	2,5	2,5
Стратегическое и системное мышление	2,6	2,0	2,4	2,6	2,8
Владение иностранным языком	1,5	1,4	2,0	1,9	2,1
Профессионализм в предметной области проекта	2,2	2,0	2,6	2,5	2,0
Исследовательские навыки	2,1	1,8	1,9	2,2	2,6
Навыки открытых коммуникаций в команде проекта и с партнёрами, в том числе онлайн, в соц. сетях	1,8	2,5	2,3	1,9	2,2
Наличие выраженной мотивации для работы в проекте	2,3	2,9	1,9	2,2	2,0
Концентрация на достижениях результатов	2,5	2,3	2,5	2,6	2,0
Гибкость (не шаблонность) мышления и работы	2,6	2,3	2,4	2,6	2,4
Готовность рисковать при принятии решений	1,8	1,7	1,6	2,1	2,2
Способность участвовать в проектах в различной роли	1,7	2,4	1,8	1,9	1,9
Лидерство и ответственность в управлении командой	2,2	2,6	2,2	2,4	2,1
Способность работать в команде с представителями разных стран, культур, национальностей	1,7	2,0	2,2	1,9	1,9
Способность работать в виртуальной команде	1,8	2,2	2,2	1,8	1,8
Инновационность и предпринимательство	2,4	1,7	2,4	1,9	2,5

Обсуждение результатов исследования

Новизна наших разработок заключается в следующем. Во-первых, впервые предложена совокупность компетенций, адаптированная под специфику университета и его проектов трансформации. Как показали эмпирические исследования в вузах разных стран, именно эти компетенции в текущий момент и в будущем являются наиболее значимыми. Кроме того, данные компетенции обладают универсальностью и отражают практику проектных команд разных стран, что доказано в нашем исследовании. Во-вторых, выделены показатели успешности проектов университетов, которые также адаптированы к особенностям проектной деятельности университетов и применительно к любым странам. В качестве таких показателей избраны показатели эффективности проекта, бизнес-успеха, удовлетворенности команды, удовлетворенности клиентов и наращивания потенциала в будущем. Все эти показатели применимы к разного вида проектам университетов различных стран: образовательным, научным, инновационно-предпринимательским, управленческим и иным.

Полученные результаты апробации положений и разработок посредством эмпирических исследований в университетах четырёх стран позволили обнаружить как их согласованность с результатами исследований других авторов, так и увидеть новые аспекты в теории и практике компетенций проектных команд университетов.

Сформированный нами комплекс компетенций команд проектов трансформации университетов включает в свой состав компетенции, созвучные тем, которые называются в разных исследованиях. Напри-

мер, результаты исследования PMI Pulse of the Profession в 2021 г. показали, что передовые организации всё чаще обращаются к практике новых методов и технологий проектного менеджмента². Главными ценностями, достигаемыми посредством управления проектами, называют: ускорение темпов перехода к цифровизации проектов, внедрение инноваций в проектную деятельность, успешная реализация стратегических целей компании с помощью проектов, переход к гибкости в управлении проектами. Также нами предусмотрены компетенции, созвучные этим ценностям проектного менеджмента.

Корпус проанализированных эмпирических исследований, посвященных работе с проектными командами, подходам к оценке эффективности деятельности проектных команд, созвучен нашим идеям по критериям эффективности проектных команд и по влиянию на показатели успешности проектов определенных качеств и характеристик команд. Помимо этого, представляется возможным провести параллели результатов эмпирического исследования с типологией компетенций в проектных командах, которые описаны в литературе. Можно обобщить, что в российских университетах среди членов проектных команд трансформации указывается низкая значимость коммуникативного типа компетенций (неформальные межличностные коммуникации в данном случае не учитываются).

Нами предпринята попытка оценить достижение результатов проекта посредством особенностей руководства проектом, практик управления проектом, вовлечения команды и внедрения системы мониторинга проекта. Значимыми предикторами достижения результатов проекта и показателей его эффективности

являются согласованность целей проектной команды, координация и сотрудничество со стороны заинтересованных сторон. В проведенном исследовании изучены факторы достижения показателей успешности проектов, а в их числе рассматриваются компетенции, включающие аналогично приведенному исследованию коммуникации и ориентацию на цели создания продукта в проекте.

Исследование успешности проектов трансформации университетов в разных странах делает возможным переход к уровню обобщений, связанному с международной конкурентоспособностью высших учебных заведений. Используя открытые данные международного рейтинга университетов QS³, среди стран, в которых собран эмпирический материал, Сербия занимает лидирующую позицию по наличию высокорейтинговых вузов на душу населения (1 вуз на 2,1 млн человек), в России показатель равен 1/3 млн человек. В Грузии и Иране эти показатели меньше – 1/3,6 и 1/14 соответственно. Так, важным в исследовании компетенций команд трансформации университетов может стать определение их взаимосвязи с конкурентоспособностью системы высшего образования на уровне всего государства. В этом, несомненно, будут заинтересованы как представители академического сообщества, так и государственные управленцы.

Заключение

Проведенное исследование команд как фактора успешности проектов трансформации университетов позволило сделать несколько выводов.

Во-первых, на данном этапе как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе существует значительное количество работ, посвященных темам компетентности как свойства личности, компетенций членов команд проектов, факторов их успеха, однако все эти наработки можно лишь отчасти применить при анализе команд проектов трансформации в сфере высшего образования. Таким образом, в нашем исследовании предпринимается попытка частично закрыть существующий пробел через осмысление и оценку набора компетенций команд проектов трансформации, адаптированный к особенностям отрасли высшего образования.

Во-вторых, межстрановая специфика проведенного исследования позволила определить схожесть и отличия в подходах университетов разных стран к проектной деятельности, в частности выявлены отличия российских университетов в их подходе к компетенциям команд проектов, к факторам успешности проектов трансформации. Таким образом, применение метода сравнения ответов экспертов из разных стран позволяет всесторонне проанализировать ситуацию в конкретной стране. Предполагаем, что подобный подход для анализа системы высшего образования в разных её аспектах будет эффективным в условиях международной конкуренции за развитие систем высшего образования.

В-третьих, по результатам исследования определены компетенции команд проектов трансформации в российских университетах, которым придается наименьшая значимость, по сравнению с другими странами. К ним можно отнести компетенции, связанные с инновационной деятельностью, риск-менеджментом, а также коммуникациями. Подобные результаты могут зафиксировать и актуализировать необходимость проработки ряда компетенций среди университетских управленцев с целью повышения эффективности при реализации трансформации университетов. Также установлены связи между конкретными компетенциями и показателями успешности проектов трансформации университетов.

Помимо основных выводов можно перечислить некоторые научные заделы для дальнейшего изучения компетенций команд трансформации университетов. К ним можно отнести расширение и конкретизацию перечня компетенций команд проектов, предполагающему оценку готовности членов команд к различным направлениям проектной деятельности.

В итоге это позволит определять соответствие членов команды типу реализуемого проекта.

Помимо этого, в будущем возможно исследовать наличие зависимостей между уровнем компетентности команд проектов трансформации конкретных высших учебных заведений и их рейтингом. Таким образом, можно будет описать реальную ценность командного подхода в процессе повышения конкурентоспособности высшего образования.

Примечания

¹ BANI – How to make sense of a chaotic world? Think Insights. URL: <https://thinkinsights.net/leadership/bani/> (дата обращения: 19.07.2022).

² Report. Beyond Agility: Flex to the Future // Pulse of the Profession. Project Management Institute, 2021. URL: <https://www.pmi.org/learning/library/beyond-agility-gymnastic-enterprises-12973>

³ QS World University Rankings 2022. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>

⁴ BANI – How to make sense of a chaotic world? Think Insights. URL: <https://thinkinsights.net/leadership/bani/> (дата обращения: 19.07.2022).

⁵ Report. Beyond Agility: Flex to the Future // Pulse of the Profession. Project Management Institute, 2021. URL: <https://www.pmi.org/learning/library/beyond-agility-gymnastic-enterprises-12973>

⁶ QS World University Rankings 2022. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>

Список источников

1. Ермолаева М.В. Компетентностный подход к управлению персоналом // Мир психологии. 2021. № 3 (106). С. 110–115.
2. Гостица О.В. Феномен команды проекта как фактор повышения конкурентного преимущества предприятия // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2009. № 1. С. 126–128.
3. Лапыгин Ю.Н., Розенков М.А. Компетенции команды на этапах реализации проектов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 29–34.

4. Апенько С.Н., Романенко М.А. Профессиональные компетенции команды в условиях гибких технологий проектной деятельности // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2018. № 4. С. 29–40.
5. Косматская Е.С., Курзюкова Ф.В. Формирования команды проекта на основе компетенции участников // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2010. № 2. С. 347–349.
6. Han T.W., Liang, L. Study of skilled talent team competency // Engineering Technology, Engineering Education and Engineering Management – International Conference on Engineering Technology, Engineering Education and Engineering Management, ETEEEM 2015. 2014. P. 1157–1160.
7. Ramirez C.M. Teams: A competence-based approach (Book). Teams : A Competence-Based Approach, 2013. 239 p.
8. Takeda A., Nowatari M. A case study on team competency under organizational restructuring in a German company // Journal of Japan Industrial Management Association. 2008. Vol. 59 (2). P. 184–194.
9. Utama D., Purwandari, B. Critical Success Factors of Software Projects: The Perspective A Software Company from Indonesia // 6th International Conference on Computing, Engineering, and Design, ICCED 2020. 9415817.
10. Koutsikouri D., Austin, S., Dainty, A. Critical success factors in collaborative multi-disciplinary design projects. Journal of Engineering, Design and Technology. 2008. Vol. 6 (3). P. 198–226.
11. Oh M., Choi S. The competence of project team members and success factors with open innovation. Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6 (3). P. 51.
12. Rusan N., Voitenko O. Emotional-intellectual and cognitive factors of success in project management. CEUR Workshop Proceedings. 2021. 2851. P. 85–94
13. Franz B., Roberts B.A.M. Thematic Analysis of Successful and Unsuccessful Project Delivery Teams in the Building Construction Industry // Journal of Construction Engineering and Management. 2022. Vol. 148 (3). 05022001.
14. Patanakul P., Aronson Z.H. Managing a Group of Multiple Projects: Do Culture and Leader's Competencies Matter? // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 3 (2). P. 217–232.
15. Acakpovi A., Adutwum A.M., Michael M.B., Amo S.B., Deku A. Critical success factors (CSFs) of MIDA compact I road transport project in Ghana // Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management. 2018 (NOV). P. 1525–1537.
16. Vaničková R. The Influence of the Human Factor on the Success of the Localization Project of the Automated Technological Line for Wood Production. TEM Journal. 2021. Vol. 10 (1). P. 5–12.
17. Koppensteiner S. Overview of practices and methods to influence human factors in software project. Proceedings of the Interdisciplinary Information Management Talks Conference, IDIMT. 2009. P. 159–165.
18. Watthananon J., Yoosuka B. Feature preparing for competency-based on team recruitment. 9th International Conference on Digital Information Management, ICDIM. 2014. 6991428. P. 21–26.
19. Bayiley Y.T., Teklu G.K. Success factors and criteria in the management of international development projects: Evidence from projects funded by the European Union in Ethiopia // International Journal of Managing Projects in Business. 2016. Vol. 9 (3). P. 562–582.
20. Mathew S., Pretorius J.H.C. Critical success factors for instrumentation and control projects within the power industry in South Africa // IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management. 2017. December. P. 608–613.
21. Taylor H., Woelfer J.P. Project manager competencies and performance outcomes in it projects // ECIS 2012 – Proceedings of the 20th European Conference on Information Systems. 2012.
22. Chan A.P.C., Ho D.C.K., Tam C.M. Design and build project success factors: Multivariate analysis // Journal of Construction Engineering and Management. 2001. Vol. 127 (2). P. 93–100.
23. Almajed A.I., Mayhew P. An empirical investigation of IT project success in developing countries // Proceedings of 2014 Science and Information Conference, SAI 2014. 6918305. P. 984–990.
24. Lukianov D., Prymak Y., Gogunskii V., Kolesnikov O. Passion and confidence in success as unaccounted factors for ICB 4.0 IPMA model. CEUR Workshop Proceedings. 2021. 2851. P. 70–84.
25. Misra S., Srivastava K.B.L. Team-building Competencies, Personal Effectiveness and Job Satisfaction: The Mediating Effect of Transformational Leadership and Technology // Management and Labour Studies. 2018. Vol. 43 (1–2). P. 109–122.
26. Sieck W.R., Smith J.L., McHugh A.P. Cross-national comparison of team competitiveness values // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society. 2007. 1. P. 268–272.
27. Stankiewicz K., Tomczak M.T., Ziemiański P., Krawczyk-Bryłka B. The structure of entrepreneurial team members' competencies: Between effectuation and causation // Education Sciences. 2020. Vol. 10 (11), 337, P. 1–12.
28. Puente-Palacios K., Brito, L.S. Impact of team competencies on performance |[Impact das competências de equipes sobre o desempenho] Puente-Palacios, K., Brito, L.S. 2017 Psicologia: Teoria e Pesquisa. 2017. Vol. 33, e3352, P. 1–10.
29. Osepek D., Rajkovič, V. Multilayer evaluation model for project team competencies // Proceedings of the 14th International Symposium on Operational Research, SOR 2017. 2017. September. P. 541–546.
30. Зуб А.Т. Управление проектами : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2021. 422 с.
31. Управление проектами в современной организации : учеб.-метод. пособие / Г.Л. Ципес, А.С. Товб, М.И. Нежурина, М.Г. Коротких. М. : Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2019. 264 с.

References

1. Ermolaeva, M.V. (2021) Kompetentnostnyy podkhod k upravleniyu personalom [Competence-based approach to personnel management]. *Mir psikhologii*. 3 (106), pp. 110–115.
2. Gosteva, O.V. (2009) Fenomen komandy proekta kak faktor povysheniya konkurentnogo preimushchestva predpriyatiya [The phenomenon of the project team as a factor in increasing the competitive advantage of an enterprise]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami – osnova razvitiya innovatsionnoy ekonomiki*. 1. pp. 126–128.
3. Lapygin, Yu.N. & Rozenkov, M.A. (2022) Kompetentsii komandy na etapakh realizatsii proektov [Team competencies at the stages of project implementation]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2. pp. 29–34.
4. Apen'ko, S.N. & Romanenko, M.A. (2018) Professional'nye kompetentsii komandy v usloviyakh gibkikh tekhnologiy proektnoy deyatel'nosti [Professional competencies of the team in the conditions of flexible technologies of project activity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*. 4. pp. 29–40.
5. Kosmatskaya, E.S. & Kurzyukova, F.V. (2010) Formirovaniya komandy proekta na osnove kompetentsii uchastnikov [Forming a project team based on the competence of the participants]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami – osnova razvitiya innovatsionnoy ekonomiki*. 2. pp. 347–349.
6. Han, T.W. & Liang, L. (2014) [Study of skilled talent team competency]. *Engineering Technology, Engineering Education and Engineering Management. ETEEEM 2015*. Proceedings of the International Conference on Engineering Technology, Engineering Education and Engineering Management. Hong Kong. 15–16 November 2014. CRC Press. pp. 1157–1160.
7. Ramirez, C.M. (2013) *Teams: A competence-based approach*. Routledge.

8. Takeda, A. & Nowatari, M. (2008) A case study on team competency under organizational restructuring in a German company. *Journal of Japan Industrial Management Association*. 59 (2). pp. 184–194.
9. Utama, D. & Purwandari, B. (2020) [Critical Success Factors of Software Projects: The Perspective A Software Company from Indonesia]. *ICCED 2020*. 6th International Conference on Computing, Engineering, and Design, ICCED. 9415817. Sukabumi 15–16 October 2020. IEEE.
10. Koutsikouri, D., Austin, S. & Dainty, A. (2008) Critical success factors in collaborative multi-disciplinary design projects. *Journal of Engineering, Design and Technology*. 6 (3). pp. 198–226.
11. Oh, M. & Choi, S. (2020) The competence of project team members and success factors with open innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 6 (3). P. 51.
12. Rusan, N. & Voitenko, O. (2021) [Emotional-intellectual and cognitive factors of success in project management]. *CEUR Workshop Proceedings*. 2851. Online. 19–20 August 2021. CEUR-WS. pp. 85–94
13. Franz, B. & Roberts, B.A.M. (2022) Thematic Analysis of Successful and Unsuccessful Project Delivery Teams in the Building Construction Industry. *Journal of Construction Engineering and Management*. 148 (3). 05022001.
14. Patanakul, P. & Aronson, Z.H. (2012) Managing a Group of Multiple Projects: Do Culture and Leader's Competencies Matter? *Journal of the Knowledge Economy*. 3 (2). pp. 217–232.
15. Acakpovi, A. et al. (2018) [Critical success factors (CSFs) of MIDA compact I road transport project in Ghana]. *2018 IEOM Pretoria Conference*. Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management. Pretoria/Johannesburg. 29 October – 1 November 2018. Southfield, MI: IEOM Society International. pp. 1525–1537.
16. Vaníčková, R. (2021) The Influence of the Human Factor on the Success of the Localization Project of the Automated Technological Line for Wood Production. *TEM Journal*. 10 (1). pp. 5–12.
17. Koppensteiner, S. (2009) [Overview of practices and methods to influence human factors in software project]. *IDIMT 2009*. Proceedings of the Interdisciplinary Information Management Talks Conference. Jindřichův Hradec. 9–11 September 2009. Linz: Trauner Verlag. pp. 159–165.
18. Watthananon, J. & Yoosuka, B. (2014) [Feature preparing for competency-based on team recruitment]. *ICDIM 2014*. Proceedings of the 9th International Conference on Digital Information Management. 6991428. Bangkok. 29 September – 1 October 2014. IEEE. pp. 21–26.
19. Bayiley, Y.T. & Teklu, G.K. (2016) Success factors and criteria in the management of international development projects: Evidence from projects funded by the European Union in Ethiopia. *International Journal of Managing Projects in Business*. 9 (3). pp. 562–582.
20. Mathew, S. & Pretorius, J.H.C. (2017) [Critical success factors for instrumentation and control projects within the power industry in South Africa]. *IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management*. Proceedings of the International Conference. Singapore. 10–13 December 2017. IEEE. pp. 608–613.
21. Taylor, H. & Woelfer, J.P. (2012) [Project manager competencies and performance outcomes in IT projects]. *ECIS 2012*. Proceedings of the 20th European Conference on Information Systems. Barcelona. 10–13 June 2012. AIS.
22. Chan, A.P.C., Ho, D.C.K. & Tam, C.M. (2001) Design and build project success factors: Multivariate analysis. *Journal of Construction Engineering and Management*. 127 (2). pp. 93–100.
23. Almajed, A.I. & Mayhew, P. (2014) [An empirical investigation of IT project success in developing countries]. *SAI 2014*. Proceedings of the Science and Information Conference. 6918305. London. 27–29 August 2014. IEEE. pp. 984–990.
24. Lukianov, D. et al. (2021) [Passion and confidence in success as unaccounted factors for ICB 4.0 IPMA model]. *CEUR Workshop Proceedings*. 2851. pp. 70–84.
25. Misra, S. & Srivastava, K.B.L. (2018) Team-building Competencies, Personal Effectiveness and Job Satisfaction: The Mediating Effect of Transformational Leadership and Technology. *Management and Labour Studies*. 43 (1–2). pp. 109–122.
26. Sieck, W.R., Smith, J.L. & McHugh, A.P. (2007) Cross-national comparison of team competitiveness values. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society*. 1. pp. 268–272.
27. Stankiewicz, K. et al. (2020) The structure of entrepreneurial team members' competencies: Between effectuation and causation. *Education Sciences*. 10 (11). pp. 1–12.
28. Puente-Palacios, K. & Brito, L.S. (2017) Impact of team competencies on performance [Impact das competências de equipes sobre o desempenho]. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 33, e3352. pp. 1–10.
29. Osepek, D. & Rajkovič, V. (2017) [Multilayer evaluation model for project team competencies]. *SOR 2017*. Proceedings of the 14th International Symposium on Operational Research. Bled. 27–29 September 2017. Slovenian Society INFORMATIKA. pp. 541–546.
30. Zub, A.T. (2021) *Upravljenje proektami* [Project Management]. Moscow: Yurayt.
31. Tsipes, G.L. et al. (2019) *Upravljenje proektami v sovremennoj organizatsii* [Project Management in a Modern Organization]. Moscow: Izd. Dom NITU "MISiS".

Информация об авторах:

Апенько С.Н. – д-р экон. наук, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: ApenkoSN@omsu.ru

ORCID: 0000-0002-7618-3961

Researcher ID: D-1661-2015.

Ефимова Г.З. – канд. социол. наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: G.Z.Efimova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-4826-2259

Researcher ID: N-8362-2016

Семёнов М.Ю. – канд. социол. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: M.Y.Semenov@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-4526-1159

Researcher ID: N-2162-2026

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе каждого автора: Апенько С.Н. – концепция и дизайн исследования; Ефимова Г.З. – сбор и обработка данных, анализ полученных данных, написание текста статьи; Семёнов М.Ю. – анализ полученных данных, написание текста статьи.

Information about the authors:

S.N. Apenko, Dr. Sci. (Economics), Professor, head of the Department of Management and Marketing, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ApenkoSN@omsu.ru

ORCID ID 0000-0002-7618-3961

Researcher ID D-1661-2015

G.Z. Efimova, Cand. Sci. (Sociology), professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: G.Z.Efimova@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0002-4826-2259

Researcher ID: N-8362-2016

M.Yu. Semenov, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: M.Y.Semenov@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0002-4526-1159

Researcher ID: N-2162-2026

The authors declare no conflicts of interests.

Information about the contribution of each author: Apenko S.N. — concept and design of the study; Efimova G.Z. – data collection and processing, analysis of the data obtained, writing the text of the article; Semenov M.Yu. – analysis of the data obtained, writing the text of the article.

*Статья поступила в редакцию 29.09.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 29.09.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 172
doi: 10.17223/15617793/483/9

Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации Результаты интервью. Часть 2

Сергей Сергеевич Мерзляков¹, Татьяна Сергеевна Сухина²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ merzliakovs@gmail.com

² tssmsu@mail.ru

Аннотация. Статья является второй частью работы, посвященной исследованию социокультурных особенностей российского сообщества IT-специалистов. Рассмотрены такие темы, как модернизация российского общества, оценка процесса и возможных препятствий; развитие цифровой экономики в России; отношение к феномену «русских хакеров»; «полезные» и «вредные» качества российского IT-специалиста; польза гуманитарных практик для специалиста в области цифровых технологий.

Ключевые слова: культура, ценности, социокультурная модернизация, программист, IT-специалист, цифровая экономика, трудовая этика

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00835.

Для цитирования: Мерзляков С.С., Сухина Т.С. Российское IT-сообщество в контексте социокультурной модернизации. Результаты интервью. Часть 2 // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 95–101. doi: 10.17223/15617793/483/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/9

Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 2

Sergei S. Merzliakov¹, Tatiana S. Sukhina²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹ merzliakovs@gmail.com Russian Federation

² tssmsu@mail.ru

Abstract. The article is the second part of a study of the socio-cultural characteristics of the Russian community of IT specialists. The article examines the responses received during interviews of IT specialists on topics such as the modernization of Russian society, the assessment of the modernization process by IT specialists and their identification of possible obstacles; the development of the digital economy in Russia, the effectiveness of the state as a subject of the digital economy; attitude to the phenomenon of “Russian hackers”; “useful” and “harmful” qualities of a Russian IT specialist in the context of the socio-cultural potential of a Russian specialist; the potential of “gray” technologies in Russia; the benefits of humanitarian practices for specialists in the field of digital technologies. In the context of the question of the modernization of Russian society, we found out that the respondents have a request to participate in the choice of the way of social development. The overwhelming majority of the respondents agreed that the digitalization of the Russian economy is going dynamically. In general, they also positively assessed the role of the state in the digital economy. However, they also expressed some concerns about the relationship between Russian society and the state. The respondents also offered options for improving the competitiveness of Russian IT. The useful qualities of the Russian IT specialist included such features as constant learning of new things, the ability to work collectively, diligence, efficiency, logical thinking and increased social activity. Such qualities as arrogance, which, in our opinion, is the main obstacle to the positive use of the studied community as a tool of socio-cultural modernization, as well as some unreliability in work, value nomadism, etc. were attributed to the negative ones. All the interlocutors actively use humanitarian practices in their lives and are versatile personalities, which may indicate the possible effectiveness and the socio-cultural potential of the output of “techies” in purely humanitarian areas. The aim of the research has been achieved: with this research we have confirmed the results of our previous studies. New areas of research have also been discovered. The general conclusion is that the Russian community of IT specialists is a qualitative tool for the socio-cultural modernization of Russian society.

Keywords: culture, values, socio-cultural modernization, programmer, IT specialist, digital economy, work ethics

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00835.

For citation: Merzliakov, S.S. & Sukhina, T.S. (2022) Russian IT community in the context of socio-cultural modernization. Interview results. Part 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 95–101. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/9

Введение

Статья является второй частью работы, посвященной анализу результатов интервьюирования российских IT-специалистов. В данной статье продолжен анализ результатов интервьюирования российских специалистов в области IT. Обсуждаются взгляды IT-специалистов на процесс модернизации российского общества; их оценка развития цифровой экономики в России; отношение к феномену «русские хакеры». Также анализируются «полезные» и «вредные» качества российских IT-специалистов, по мнению самих специалистов.

Модернизация российского общества

Мы просили наших собеседников оценить процесс модернизации российского общества, а также подумать о возможных препятствиях для этой модернизации. Часть респондентов посчитали, что модернизация идет вполне хорошими темпами: «В стране много возможностей, много свободы, но есть области с жестким порогом вхождения – например, политика»; «Да нет особых препятствий для модернизации. Очень разнообразное общество – у всех свои взгляды. Нормально развиваемся. Нужно больше уважения друг к другу»; «Не надо ничего модернизировать – нормальное у нас общество. Если только Правительство на Марс отправить».

Однако большинство все же нашли препятствия для модернизации. Предсказуемо главным препятствием было названо то, что объявлялось и главным вредным качеством российской культуры в целом, – консерватизм: «Неприятие нового. С большим скрипом внедряется новое»; «Мешает – консерватизм, бюрократия»; «Пропаганда консерватизма мешает модернизации». Мы видим противопоставление модернизированных членов сообщества консервативному большинству: «Есть две России: айтишники и заводы¹. Огромный пласт населения ориентирован на советские времена. Очень большой ценностный и интеллектуальный разрыв».

Мы также увидели запрос на демократизацию общества: «...нужна демократичность, законность, чтобы власть, полиция, суд больше прислушивалась к мнению народа»; «Нужны сменяемость власти, верховенство закона, независимость судов». А также сильный запрос на участие в принятии решений: «Главная ошибка – это упразднение выборов». Среди препятствий часто назывались коррупция, кумовство и т.п., то есть незаконное получение тех или иных привилегий. Наши собеседники резко высказывались

против введения цензуры: «Мешают прямые действия властей. Например, законы, направленные на ограничение свободы слова». Отчетливо прозвучало негативное отношение к пропаганде и бюрократии.

Отдельно обратим внимание на следующий момент. Очевидна ориентация российских специалистов на социальные модели западных обществ, в ценностный каркас которых входят независимость личности и коллегиальное принятие решений. Однако ценностные деформации, происходящие в современной западной культуре,стораживают их: многие готовы принять западные модели, но «без перегибов, свойственных современной западной культуре», причем некоторые из наших собеседников, будучи последовательными сторонниками либеральных ценностей, высказывались против подобных перегибов довольно жестко. Также обратим внимание на любопытный вариант развития российского общества, предложенный одним из наших собеседников: «Подходящий вектор развития – если говорить о русской традиции – это экспансия, потому что русские всегда были склонны к первопроходничеству». Если в данном случае имеется в виду экспансия в широком смысле, т.е. коллективная работа над большим проектом, то можно предположить, что подобная установка будет способствовать и работе над большими социокультурными проектами.

Таким образом, российский IT-специалист хочет жить в современном правовом государстве и оказывать влияние на выбор траекторий социального развития – он хочет быть хозяином своей страны и участвовать в коллегиальном принятии решений².

Развитие цифровой экономики

Для того чтобы уточнить отношение к процессу цифровизации российского общества, мы задавали вопросы: хорошо ли развивается цифровая экономика (ЦЭ) в России? Достаточно ли государство делает для развития ЦЭ? Как можно повысить конкурентоспособность российского IT? Абсолютное большинство наших собеседников уверены, что российская ЦЭ развивается быстро – они видят результаты развития, обращают внимание на то, что в некоторых областях российская ЦЭ находится в мировых лидерах: мобильный банкинг, индустрия доставки, «зона контакта» власти и населения, фудретейл и т.д. В целом наши собеседники крайне положительно отнеслись к темпам развития цифровой экономики в России, они демонстрировали эмоции от умеренно позитивных «Неплохо», «Хорошо» и «Вполне нормально» до крайне позитивных «Совершенно на потрясающем

уровне. Очень, очень, очень круто! Все потрясающе здорово!». Несколько человек ответили, что ЦЭ развивается в России недостаточно хорошо, но они скорее указывали не на темпы развития ЦЭ в целом, а фокусировали внимание на отдельных моментах³.

На вопрос о том, достаточно ли государство делает для развития ЦЭ, респонденты отвечали несколько более сдержанно, но в целом все равно позитивно: «Хорошо – создают условия для IT», «Даже слишком много делает. Возможно, стоит сбавить», «Детские кружки, гранты – все это есть». Вместе с тем, прозвучало больше критических ответов: «Государство,

наоборот, мешает, потому что ему не нравится свободный рынок»; «Государство вообще ничего не делает, но и не мешает». Таким образом, мы увидели небольшой крен в сторону позитивного отношения к деятельности государства в пространстве ЦЭ: наши собеседники видят работу государства, но считают, что можно сделать больше и выражают обеспокоенность некоторыми перегибами и тенденциями во взаимоотношениях общества и государства. Опасения можно разделить на три основных блока: 1. Введение цензуры. 2. Усиление контроля. 3. Изоляция России (табл. 1).

Таблица 1

Опасения относительно взаимоотношения общества и государства

Опасения	Примеры
Изоляция России	Закрытость от остального мира («Западные инвесторы боятся “вписываться” в российское IT»)
	Плохой международный имидж России сказывается на имидже IT-специалиста
	Изоляция приведет к тому, что Россия отстанет насовсем («Игры с суверенным Рунетом ни к чему хорошему не приведут»; «Переход на сертифицированное российское ПО приведет к снижению качества»)
Усиление контроля	Чрезмерное развитие средств контроля за населением («Возникает ощущение, что тебя сажают на поводок, все контролируют»)
	Ограничение свободного рынка («Государство против свободного рынка, поэтому во многом мешает ЦЭ. Помогать – значит не мешать»)
Введение цензуры	Введение цензуры в интернете – плохо (категорически не одобряются попытки вводить цензуру в интернете)

Мы также просили предложить рецепты по улучшению конкурентоспособности российского IT. Ниже приведен список предложений наших собеседников, предложения представлены не по важности или количеству упоминаний, а в случайном порядке:

1. Создание инженерной культуры, в том числе в небольших населенных пунктах.
2. Сделать больше частного технического образования.
3. Автоматизировать слежение за бюджетными тратами. Возможно, с помощью нейросети.
4. Переносить офисы в регионы.
5. Самое главное – не мешать в широком смысле. Уменьшать роль государства в IT-секторе.
6. Вводить автоматизацию, где только можно. Например, в ЖКХ. Автоматизация приводит к комфорту.
7. «Раскрутить гайки». Не пытаться контролировать.
8. Ввести налоговые льготы для IT-компаний, больше привлекать зарубежных специалистов.
9. Проводить грамотную социальную политику, чтобы не страдали бедные слои.
10. Приоритет перспективного финансирования, а не финансирование исходя из краткосрочных перспектив.
11. Вводить «гибкое» управление в IT.
12. Больше вкладываться в частные стартапы, создать условия для независимых проектов.
13. Организация тесной интеграции образования и рынка труда.

«Русский хакер»: гордость или раздражение?

Для того чтобы оценить отношение наднациональной идентичности и групповой идентичности

членов российского сообщества IT-специалистов, мы интересовались, как наши собеседники относятся к новостям про «русских хакеров»: какие чувства они испытывают – гордость или раздражение? Мы исходили из предположения, что превалирование наднациональной идентичности⁴ может проявиться в «жестком» порицании подобных явлений и раздражении. И наоборот, превалирование «гордости за своих» укажет на превалирование групповой идентичности российских IT-специалистов. Также предлагалось ответить, как в целом на имидже российских специалистов сказываются подобные новости.

Большинство интервьюируемых обратили внимание на то, что подобные новости являются спекуляциями без подтверждения, инструментом внутренней политики и «пугалкой зарубежных граждан», а сами хакеры представляют собой вненациональный феномен: «Хакер – это космополит без национальности. Русский хакер – это оксюморон». По мнению собеседников, подобные слухи никак не сказываются на имидже специалистов, потому что для профессионалов из сферы IT очевидна несостоятельность подобных обвинений. Поэтому наши собеседники заявили, что они либо вообще не испытывают по этому поводу никаких эмоций и относятся к подобным новостям с безразличием, либо они вызывают у них раздражение, но не из-за действия «русских хакеров», а из-за «глупости» подобных слухов.

Однако многие указали на то, что подобные слухи все же позитивно сказываются на специалистах из России: «На имидже, очевидно, только положительно. Если “безопасник” из России, то его возьмут»; «Отлично сказываются. Говорят только о русских хакерах»; «Хакерство плохо, но с другой стороны – это крутая реклама, хороший уровень»; «IT-сфера – она очень про интеллектуальный снобизм. Там готовы

многое прощать умненьким. История про русских хакеров – это скорее в плюс». Несколько человек прямо заявили, что испытывают гордость, когда слышат новости про русских хакеров. Разумеется, были и те, кто посчитал, что подобные слухи наносят ущерб имиджу российского IT-специалиста: «преступная деятельность вряд ли может рекламировать страну»; «если это действительно подтверждено, то плохо отнoshуся».

В основном наши собеседники относятся к подобным новостям нейтрально, при этом они скорее согласны с тем, что это реклама, чем антиреклама, и гордость несколько превалирует над раздражением. Таким образом, мы не увидели превалирования наднациональной идентичности – «жестко» порицающих ответов было не так много; при этом доминирующая нейтральная позиция может в некоторых случаях рассматриваться как «защита» своих⁵; если добавить к этому «гордых» соотечественников, то мы увидим крен в сторону групповой идентичности российских специалистов: они, являясь инсайдерами, защищают членов своего сообщества; принадлежность к группе повышает полезность идентичности, что выражается в виде гордости за интеллектуальное превосходство членов группы. Это подтверждает и описанное в первой части этой работы выделение специалистами такого позитивного отличия российских IT-специалистов от иностранных, как активное сообщество. Таким образом, «российский IT-специалист» – это значимый элемент идентичности, «социальный бренд».

«Полезные» и «вредные» качества российского айтишника

Одной из задач нашего исследования является определение тех позитивных качеств российских IT-специалистов, которые можно было бы транслировать в другие социальные группы, а также тех качеств, которые являются вредными и могут помешать членам исследуемого сообщества быть агентами социокультурной модернизации (табл. 2).

Самым популярным вредным качеством российского айтишника было названо то, которое является наиболее проблемным с точки зрения рассматриваемого нами проекта социокультурной модернизации и самим фактом своего существования ставит под вопрос потенциал всей нашей работы, – высокомерие. Самоуверенность и завышенную самооценку российских специалистов также выделяли авторы доклада «Культурные факторы модернизации» [2. С. 190]. Обратим внимание на то, что еще в первой работе, имевшей проблемный характер, мы указывали, что именно «фирменное высокомерие айтишника» может оказаться значимым препятствием актуализации российского сообщества IT-специалистов в качестве инструмента социокультурной модернизации российского общества [3]. Высокомерие в формате «жесткого» дистанцирования от других людей является препятствием для повышения доверия в обществе и накопления бриджингового социального капитала,

т.е. формирования связей между разными социальными группами российского бшества [4].

Несмотря на очевидный негативный эффект влияния «фирменного высокомерия айтишника» на социокультурный потенциал, обратим внимание на ряд моментов. Во-первых, российские специалисты сами выделяют это свое качество: «фирменное высокомерие айтишника» является объектом анализа и внутригрупповых дискуссий⁶, а также опознают это качество как негативное⁷. Это говорит о высоком уровне рефлексии и способности работать в том числе с собственными моделями поведения, определять и корректировать их: «...излишняя самоуверенность, собственная переоценка, которая мешает, когда мы сталкиваемся с необходимостью кооперации. Мы чаще всего себя переоцениваем, считая, что все можем сделать лучше, и порой не пытаемся понять, что от нас требуется»; «(А если говорить о вредных качествах, можете что-нибудь назвать?) Да, могу. Высокомерие. В особенности у разработчиков я такое часто встречала. Человек оценивает себя как... Ну, может быть, он объективно является очень крутым специалистом. Но при этом всем они могут принижать остальных. Когда пытаешься что-то обсудить с разработчиками, они смотрят как-то очень недружелюбно. Отвечают, как будто вы такие ничего не понимающие к нему подходите со своими глупыми вопросами»; «(О вредных качествах) ...Это без сомнения – пренебрежительное отношение к другим людям. Зазнайство. Без всякого сомнения. Зазнайство, возможно, имеет право на жизнь в профессиональной сфере, но иногда эти черты переносятся на другие сферы жизни. Так получилось, что IT-специалисты в России имеют больший заработок, чем многие другие профессии, и это зачастую основано не на объективных факторах, а просто на том, что тут сейчас больше денег. Так просто сложилось. Я с этим сталкивался. Не знаю, веду ли я сам себя так. Надеюсь, что нет. Мысль о том, что ты достаточно успешный, достаточно высокооплачиваемый, позволяет тебе думать, что ты умнее или более развит, чем другие люди. На самом деле это, естественно, не так». Приведенные примеры саморефлексии означают, что при необходимости чрезмерное социальное дистанцирование может быть в значительной степени нивелировано силами самого сообщества. Во-вторых, противопоставление своей группы остальному обществу⁸ позволяет накопить модернизационный потенциал, который может быть использован в качестве драйвера позитивных социокультурных изменений. Таким образом, мы не склонны считать «фирменное высокомерие» принципиальным препятствием для того, чтобы российский IT-специалист мог стать каркасным элементом больших социальных проектов.

Также среди негативных черт российского IT-специалиста сами респонденты называли знаменитый «авось»: «Русский фриланс в программмировании беспощаден – это про ненадежность и затягивание сроков». Назывались также такие качества, как номадизм («сбегут и не запарятся») и проблемы с балансом между работой и личной жизнью («быстрое выгорание»). Номадизм⁹ может препятствовать социокультурной модернизации, потому что субъект, который воспринимает свое актуальное место жительства

как временное, готов прилагать меньше дополнительных усилий для модернизации социальных институтов [5]. В этом смысле даже «ценностный»¹⁰ нomaдизм является серьезным вызовом для позитивных социальных изменений. С другой стороны, ценность свободы перемещения сама по себе является значимым социокультурным фактором и модернизационной ценностью. Поэтому важной задачей является анализ культурных предпочтений исследуемого сообщества и формирование больших социальных проектов, учитывающих данные предпочтения. Это позволит рассчитывать на их вовлеченность.

К вредным качествам наши собеседники также относили то, что российские айтишники «слишком рациональны» и несколько «оторваны от реальности».

Полезные качества иногда противоречили вредным. Главным полезным качеством было названо постоянное обучение. В этом нет ничего неожиданного, потому что профессиональная востребованность IT-специалиста определяется его способностью следовать актуальным тенденциям: если ты остановишься в своем обучении, то быстро отстанешь. Это, безусловно, позитивная черта, которая может иметь сильный социокультурный потенциал: если члены исследуемого сообщества имеют склонность к новому, то можно предположить, что они примут участие и в «новых» социальных проектах [6]. Возможно, это качество также может конвертироваться в «отход» от доминирования модели избегания неопределенности и повышения такой дефицитной для российского общества характеристики, как принятие риска [7]¹¹.

Важнейшим качеством является коллегиальность, способность к коллективным действиям, потому что помогает налаживанию связей между людьми. Однако в данном случае речь идет о крепких связях между членами одной группы, а наиболее полезными для развития общества являются связи между представителями разных групп – это бриджинговый социальный капитал, который указывает на степень доверия

людей друг другу. Тем не менее способность к коллективным действиям является исключительно важной характеристикой и условием реализации социальных проектов.

Преемственность в виде наследования ценностей инженерной культуры и советской технической интеллигенции – это, на наш взгляд, одна из самых важных особенностей российского IT-сообщества. Важность этой особенности определяется не только тем, что наследуются позитивные ценностные установки, но и тем, что эти позитивные особенности распространяются не только среди получивших техническое и естественное образование, но и людей «со стороны»: гуманитарии, пришедшие в IT, получают прививку «той самой» культуры советской технической интеллигенции – они становятся частью того культурного пространства, которое создавали люди «с космосом в голове», – это хороший результат с точки зрения социокультурного развития и позитивной преемственности.

Предсказуемо к позитивным качествам был отнесен трудоголизм российского IT-специалиста. Также наши собеседники выделяли качество, которое можно определить как «занудство» – в хорошем смысле, разумеется. Это качество отсылает к потребности всегда «докопаться до правды», логично и эффективно мыслить. Именно эту черту членов исследуемого сообщества мы имели в виду, когда в предыдущих работах обращали внимание на то, что они могут быть эффективным инструментом ревизионных институтов и борьбы с симулятивными конструктами [6]. Также наши собеседники особо отметили «повышенную социальную активность» специалистов. Обратим внимание на предложенное объяснение: у российских специалистов выше доход, чем у других социальных групп, поэтому выше их заинтересованность в социальной активности. Это согласуется с представлением о том, что появление оформленного среднего класса влечет за собой запрос на демократию и участие в жизни общества [8]¹².

Таблица 2

Полезные и вредные качества российского IT-специалиста, по мнению самого IT-специалиста

Вредные качества российского IT-специалиста, по мнению самого IT-специалиста	Полезные качества российского IT-специалиста, по мнению самого IT-специалиста
Высокомерие (пренебрежительное отношение к другим людям; технофашизм; зазнайство; могут принижать остальных; излишняя самоуверенность; снобизм; переоценка себя и т.п.)	Постоянное обучение (любопытность, желание развиваться; желание узнавать постоянно что-то новое; менее испуганы – большая открытость новому; главные драйверы – открытость и свобода; динамичность и желание не отставать от текущего времени)
Авось (лень; затягивание сроков; пофигизм; все в последний момент, на колени, тяп-ляп; шапказакидательство; ненадежность и т.п.)	Коллегиальность (программирование объединяет людей; открытость к окружающему миру; развитие горизонтальных связей в процессе выполнения задачи; скооперированность сообщества и доброжелательность друг к другу)
Номадизм (сбегут и не запарятся)	Преемственность (инженерная культура; советская техническая интеллигенция)
Плохой баланс между работой и частной жизнью (быстрое выгорание)	Работоспособность (умение работать, умение вести бизнес-процессы. Приличные управленцы; заинтересованность в результате; трудолюбие)
Слишком рациональны (пытаются найти логику там, где ее нет)	«Зануды» (нужно докопаться до правды, мыслить логически, мыслить эффективно; структурированный подход к делу, постановка задач)
Безразличие (замкнутые в себе люди, которым особо ничего не надо; сидят в своем мирке технологий, ничем другим не интересуясь; оторванность от реальности, безынициативность в коллективе; интровертность и т.п.)	Повышенная социальная активность (благополучное состояние высокое, поэтому заинтересованность выше)

Потенциал «серых» технологий

В ходе предыдущих исследований мы столкнулись с мнением, что в России сейчас активно развиваются «серые» технологии, т.е. те, которые не регулируются или недостаточно регулируются законодательством. Учитывая, что одной из наших задач является поиск драйверов развития российского ИТ и возможных конкурентных преимуществ, мы задались вопросом: если значительные интеллектуальные ресурсы направлены на работу в этом направлении, то можно ли говорить о том, что подобные технологии имеют потенциал стать специфическим конкурентным преимуществом российских специалистов? Этот вопрос мы адресовали нашим собеседникам. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что не получили сколь-либо оформленного результата: большинство собеседников высказались в духе «нет, да, возможно». Собеседники, скорее, рассуждали о потенциале криптотехнологий и своем отношении к ним или обращали внимание на свою неосведомленность в этом вопросе. Возможно, отрицательный результат связан со спецификой вопроса или с его неверной формулировкой нами. Единственное, на что мы можем обратить внимание – это то, что некоторые респонденты указывали на важность либерализации законодательства для развития ИТ и приводили в пример Ирландию и Эстонию, а также обращали внимание на то, что если за рубежом криптография развивается в направлении сохранения приватности, то в России развитие происходит скорее в направлении прозрачности данных для государства.

Гуманитарные практики

Мы интересовались, присутствует ли в повседневной жизни наших собеседников то, что можно назвать «гуманитарными практиками». Все наши собеседники оказались разносторонне развитыми людьми: они читают художественную литературу, занимаются музыкой, рисуют, увлекаются психологией, современным искусством и т.д. Никакого «технофашизма» мы не увидели. Более того, некоторые наши собеседники заявили о необходимости гуманитарных практик в профессиональной деятельности ИТ-специалиста: «Поскольку конечный продукт направлен на коммуникацию с людьми, то гуманитарные практики не только полезны, но и необходимы. Иначе сложно общаться и делать продукт для людей». Также один из наших собеседников заметил, что способность писать легко читаемый код – это в некотором смысле гуманитарная практика, потому что код должен быть подерживаемым. Из этого мы не только делаем предсказуемый вывод о том, что российский ИТ-специалист

личность вполне гармонично развитая, но и выдвигаем предположение, что выход «технарей» в сугубо гуманитарные сферы¹³ может быть крайне эффективным и иметь позитивные социокультурные следствия.

Выводы

В этом исследовании мы подтвердили предположения, выдвинутые в предыдущих работах, а также обнаружили перспективные направления дальнейших исследований. Общим выводом является то, что российское сообщество ИТ-специалистов имеет сильный социокультурный потенциал и может являться инструментом социокультурной модернизации российского общества. Наиболее важным результатом этого исследования мы считаем обнаруженный запрос на модернизацию существующих социальных институтов российского общества, который сопровождается недоверием существующим механизмам реализации этого запроса и разочарованием в них. Также значимым является определение социокультурного профиля российских специалистов в области информационных технологий, который включает элементы российской и западной культур и почти не включает элементы восточной культуры. Определить культурную идентичность можно следующим образом: российская культура с сильным ценностным креном в сторону западной культуры. Значимым препятствием для того, чтобы исследуемое сообщество могло стать фундаментом «больших» социальных проектов, является так называемое фирменное высокомерие айтишника, т.е. противопоставление себя другим социальным группам. Однако сами ИТ-специалисты видят эту проблему, что указывает не только на высокий уровень рефлексии, но и на потенциал коррекции собственных моделей поведения. Кроме того, дистанцирование от других групп может иметь в качестве позитивного следствия накопление «модернизационного потенциала». Также препятствием для участия в работе по модернизации социальных институтов могут быть «ценностный номуадизм» и представление о том, что неучастие в политической жизни общества является значимым элементом групповой идентичности. К значимым преимуществам в контексте социокультурной модернизации можно отнести такую модернизационную ценность, как коллегиальность, т.е. способность к совместному принятию решений и коллективным действиям. Также положительным моментом является позитивная преемственность в виде наследования культуры советско-российской технической интеллигенции. Анализ социокультурного потенциала российского ИТ-сообщества является актуальной задачей. Тема требует дальнейшего исследования.

Примечания

¹ Обратим внимание на фразу – она фиксирует жесткое противопоставление себя консервативному обществу. Подобное жесткое противопоставление может препятствовать созданию позитивных социальных связей между представителями разных социальных групп.

² Несмотря на часто декларируемую позицию невмешательства. Подробнее см. в первой части данной работы.

³ Прежде всего, опасения в связи с влиянием государства на ЦЭ.

⁴ В том числе профессиональной с соответствующими ценностями и принимаемыми моделями поведения (см., например, [1]).

⁵ «Сначала докажите, а потом обвиняйте».

⁶ См., например: Высокомерие программистов как отпечаток профессии // Dev.by. URL: <https://dev.by/news/vysokomerie-programmistov-kak-otreshatok-professii> (дата обращения: 25.12.2021).

⁷ О чем говорит и наше исследование.

⁸ Например, в формате «мы – те, кто за будущее; они – те, кто за прошлое».

⁹ В данном контексте – как склонность менять место жительства, работы, а также как специфическая ценность – восприятие IT-специалиста как свободного от территориальной привязанности субъекта.

¹⁰ Жизнь с мыслью о том, что в любой момент можно уехать. Идеальное представление, которое может никогда не быть актуализировано в реальности.

¹¹ При этом само по себе исследуемое сообщество не является донором принятия риска, но в указанном формате, т.е. косвенно, все же может способствовать отказу от приоритета избегания неопределенности.

¹² Однако подчеркнем еще раз: мы действительно фиксируем сильный запрос российских IT-специалистов на участие в социальных проектах. Но этот запрос, во-первых, сочетается с недоверием формальным институтам, а во-вторых, ограничен распространенным, по крайней мере среди части членов сообщества, представлением о том, что неучастие в политической жизни общества является элементом групповой идентичности.

¹³ Философия (см., например, [9]), законотворчество, культурология, искусство, политология и т.д.

Список источников

1. Сухина Т.С. Ценности движения за свободное программное обеспечение // *Философия хозяйства*. 2020. № 6 (132). С. 148–160.
2. Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Доклад «Культурные факторы модернизации» // Фонд «Стратегия 2020». 2011. URL: http://inp.ru/files/129/0_backup.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
3. Мерзляков С.С. Российское сообщество IT-специалистов как ресурс позитивных ценностей: проблематизация вопроса // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 9. С. 46–56.
4. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy // *The World Bank Research Observer*. 2000. Vol. 15, № 2. P. 225–249.
5. Мерзляков С.С. Ценностные ориентации российских IT-специалистов: пилотное исследование // *Информационное общество*. 2021. № 2. С. 2–10.
6. Мерзляков С.С. Социокультурные особенности российских IT-специалистов // *Экономика труда*. 2020. Т. 7, № 11. С. 1037–1054.
7. Аузан А. Социокультурная экономика // *Наука и инновации*. 2017. № 2. С. 4–10.
8. Lipset Seymour Martin. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *The American Political Science Review*. 1959. Vol. 53, № 1. P. 69–105.
9. Мерзляков С.С. Границы воображения: как меняются философские представления о человеке и при чем тут программисты? // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2020. № 3. С. 50–59.

References

1. Sukhina, T.S. (2020) Tsennosti dvizheniya za svobodnoe programmnoe obespechenie [Values of the Free Software Movement]. *Filosofiya khozyaystva*. 6 (132). pp. 148–160.
2. Auzan, A.A. et al. (2011) Doklad “Kul’turnye faktory modernizatsii” [Report “Cultural Factors of Modernization”]. *Fond “Strategiya 2020”* [Strategy 2020 Foundation]. [Online] Available from: http://inp.ru/files/129/0_backup.pdf. (Accessed: 14.09.2021).
3. Merzlyakov, S.S. (2020) Rossiyskoe soobshchestvo IT-spetsialistov kak resurs pozitivnykh tsennostey: problematizatsiya voprosa [Russian community of IT-specialists as a source of positive values: problematization of the issue]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 9. pp. 46–56.
4. Woolcock, M. & Narayan, D. (2000) Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy. *The World Bank Research Observer*. 2 (15). pp. 225–249.
5. Merzlyakov, S.S. (2021) Tsennostnyye orientatsii rossiyskikh IT-spetsialistov: pilotnoye issledovanie [Value Orientations of Russian IT Specialists: Pilot Study]. *Informatsionnoye obshchestvo*. 2. pp. 2–10.
6. Merzlyakov, S.S. (2020) Sotsiokul'turnye osobennosti rossiyskikh IT-spetsialistov [Sociocultural features of Russian IT-specialists]. *Ekonomika truda*. 11 (7). pp. 1037–1054.
7. Auzan, A. (2017) Sotsiokul'turnaya ekonomika [Sociocultural economy]. *Nauka i innovatsii*. 2. pp. 4–10.
8. Lipset, S.M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. 1 (53). pp. 69–105.
9. Merzlyakov, S.S. (2020) Granitsy voobrazheniya: kak menyayutsya filosofskie predstavleniya o cheloveke i pri chem tut programmisty? [The boundaries of the imagination: how do philosophical ideas about a person change and what do programmers have to do with it?]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 3. pp. 50–59.

Информация об авторах:

Мерзляков С.С. – канд. филос. наук, научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: merzliakovs@gmail.com

Сухина Т.С. – научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: tssmsu@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Merzlyakov, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: merzliakovs@gmail.com

T.S. Sukhina, research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tssmsu@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 28.10.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/483/10

Динамика золотодобычи в Сибири в 1920–1922 гг.

Виталий Григорьевич Земяк¹

¹ *Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
Zelyak75@mail.ru*

Аннотация. Анализируется динамика золотодобычи в первые годы установления советской власти в Сибири. Ставятся цели: выявить показатели золотодобычи в 1920–1922 гг., определить роль и значение сибирской золотопромышленности в общероссийском масштабе. На основании архивных данных и специализированных периодических изданий показывается, что Сибирь дала 85% общероссийской золотодобычи за этот период. Власти были вынуждены сосредоточиться на поддержке наиболее крупных золотопромышленных районов и, преодолевая значительные трудности, им удалось с 1922 г. обеспечить существенный рост сибирской и общероссийской золотодобычи.

Ключевые слова: золотодобыча, Сибирь, Сибпромбюро, Лензолото, прииски

Для цитирования: Земяк В.Г. Динамика золотодобычи в Сибири в 1920–1922 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 102–107. doi: 10.17223/15617793/483/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/10

Dynamics of gold mining in Siberia in 1920–1922

Vitaliy G. Zelyak¹

¹ *Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, Zelyak75@mail.ru*

Abstract. The article aims to analyze the dynamics of gold mining in Siberia in 1920–1922 years and to determine the role and importance of the Siberian gold industry on the all-Russian scale. This is achieved through a consistent research of the annual gold indicators in Siberia as a whole, as well as production indicators in each major gold mining region of Siberia (except for the territories that were part of the Far Eastern Republic). The dynamics of the number of employees engaged in gold mining in Siberia during this period is also studied. The main historiographic problem of the history of gold mining in Siberia in 1920–1922 is the lack of data on metal mining in absolute parameters; research is mainly based on relative indicators. The article is based on data from statistical reporting materials of the Main Committee of the Gold and Platinum Industry (Glavzoloto) of the RSFSR Supreme Soviet of the National Economy, which systematically published information about the all-Russian and regional production in specialized periodicals. To clarify and expand the understanding of the organization of the gold industry in Siberia, archival data of the State Archive of Novosibirsk Oblast was used. In 1920–1922, more than 7 tons of gold were mined in Siberia, which accounted for 85% of all-Russian gold mining during this period. The absolute leader of Siberian gold mining, like in the pre-revolutionary period, was Lensky gold mining area, which in 1920–1922 gave 84,85% of all-Siberian gold mining. In 1920–1922, Middle Siberia (Yenisei Province) produced more than 1 and Western Siberia about 0.2 tons of gold, which amounted to 12.25% and 2.3% of the all-Russian result, respectively. The period of 1920–1922 was one of the most difficult for the emerging Soviet gold industry both on a national scale and for specific gold mining regions, including Siberia in particular. The main reasons for the crisis of the Siberian gold industry were, first of all, the lack of food, huge difficulties in organizing the delivery of goods to the mining areas, the decline of the technical condition of mines. In some areas, attacks by armed gangs posed a serious threat to the work of gold mining enterprises. During 1920–1922, the authorities were forced to focus on the support of only the largest and most efficient (in terms of production of the metal) units Lenzoloto and Enzoloto. The rest of the gold-mining regions of Siberia switched to prospecting works. As a whole, the central and local authorities, making great efforts, provided a significant increase in Siberian and all-Russian gold mining.

Keywords: goldmining, Siberia, Sibpromburo, Lenzoloto, gold mines

For citation: Zelyak, V.G. (2022) Dynamics of gold mining in Siberia in 1920–1922. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 102–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/10

Период 1920–1922 гг. в истории отечественной золотопромышленности представляется недостаточно изученным, в полной мере это относится к развитию золотодобычи в Сибири. В эти годы, после установления советской власти в регионе, основное внимание партийно-государственного аппарата было сконцентрировано на решении продовольственного вопроса, на восстановлении каменноугольной и металлообрабатывающей промышленности, на борьбе с различными восстаниями и т.д. В 1922 г. особенно острой стала проблема с голодающими регионами Поволжья, и Сибирь оказывала им возможную поддержку. В подобных условиях организация масштабных золотодобычных работ не являлась первоочередной задачей, однако золото было востребовано при закупках товаров за рубежом, и это делало восполнение золотого запаса весьма актуальным.

Цель предлагаемого исследования – проанализировать динамику золотодобычи в Сибири в 1920–1922 гг., определить роль и значение сибирской золотопромышленности в общероссийском масштабе. Необходимо обратить особое внимание, что в статье рассматриваются показатели только по учтенному золоту, т.е. тому, которое было легально извлечено из недр и передано в надлежащие государственные органы. Период 1920–1922 гг. характеризовался значительным размахом хищнической добычи и нелегального сбыта золота, объемы которого трудно выяснить. Также укажем, что добыча золота (т.е. извлечение его из недр) – важный, но не единственный источник пополнения золотого запаса страны. Весьма значительную роль в этом процессе в изучаемый период играли проводимые государством различные изъятия золотых изделий, золотых монет, церковных ценностей, однако в предлагаемом исследовании эта проблема не разбирается.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что в 1920 г. Сибирь была освобождена Красной армией и на значительной части ее территории установилась советская власть (ряд регионов Восточной Сибири находилось в составе Дальневосточной республики (ДВР)), а золотодобывающие предприятия региона были национализированы. Верхняя граница полностью включает 1922 г., так как в последующее время произошли качественные изменения в развитии сибирской золотопромышленности, связанные с интенсивным развитием старательской добычи, появлением золотопромышленников-арендаторов и концессий, включением ДВР – крупного региона золотодобычи – в состав РСФСР.

Территориальные границы исследования охватывают Томскую, Алтайскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, подчиненные Сибирскому революционному комитету (Сибревкому). Дальневосточная республика, включавшая Забайкалье, Приморье и Приамурье, остается за рамками исследования, так как добытое в ДВР золото тратилось на нужды этой республики.

Основной проблемой историографии истории золотодобычи в Сибири в 1920–1922 гг. является отсутствие данных о добыче металла в абсолютных величинах; научные исследования оперируют главным образом относительными показателями. Так, в четвертом томе Истории Сибири («Сибирь в период строительства социализма») указывается, что добыча золота в 1921/22 г. составила 20% довоенного уровня, против 3,3% в 1920/21 г. [1. С. 191]. Отмеченный показатель 3,3% использован и в более современных работах: в монографии М.А. Винокурова и А.П. Суходолова [2. С. 187], в статье П.В. Юрлова [3. С. 197]. В диссертационном исследовании О.Я. Гугак сфокусировала внимание на изучении золотодобычи в южной части Западной Сибири [4]. В отношении рассматриваемого региона она привела сведения об объемах добычи в абсолютных величинах. В частности, указана добыча в Западной Сибири 122,86 кг золота в 1921 г. и 165,4 кг в 1922 г. [4. С. 52, 57]. Однако показатель в 165,4 кг следует признать спорным, так как в «Горном журнале», на данные которого ссылается исследовательница, по 1922 г. показана добыча 10 фунтов 4 золотников, что составляет всего 4,1 кг.

Источниковую базу предлагаемого исследования по динамике сибирской золотодобычи в 1920–1922 гг. составили материалы Главного комитета золотоплатиновой промышленности (Главзолото) ВСНХ РСФСР, который систематически публиковал сведения об общероссийской и региональной добыче в «Горном журнале» (в 1920 и 1921 гг. издание называлось «Горное дело»). Другим важным источником, позволяющим уточнить и расширить представления об организации золотопромышленности в Сибири, послужил фонд Р-918 «Сибирское областное промышленное бюро ВСНХ (Сибпромбюро)» Государственного архива Новосибирской области.

Показатели динамики добычи золота в Сибири в течение 1920–1922 гг., удельный вес сибирского золота в общероссийской добыче и вклад отдельных регионов Сибири в этот период систематизированы в табл. 1.

Таблица 1

Добыча учтенного золота в Сибири в 1920–1922 гг., кг

Регионы	Годы			
	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1920–1922 гг.
РСФСР (без ДВР)	1 790,45	1 371,05	5 118,13	8 279,63
Сибирь, в том числе	1 603,2	1 135,67	4 308,86	7 047,73
Восточная Сибирь (Лензолото)	1 191,07	970,1	3 748,18	5 909,35
Средняя Сибирь (Енисейская губерния)	336,5	118,77	558,97	1 014,24
Западная Сибирь	67,8	46,8	[74,89]	189,49

Примечание. Составлено по: [6; 7. Оп. 1. Д. 278. Л. 15.; 8. С. 173; 15]. По данным отдела статистики Главного управления горной промышленности РСФСР за 1922 г. по Западной Сибири указано только «Алтзолото» и приведен крайне заниженный показатель добычи в 1,72 кг. По отчетным данным Сибпромбюро на приисках «Алтзолото» с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. было добыто 74,89 кг. Близкие к этому показателю данные приводятся и в других материалах Сибпромбюро.

Из приведенных данных следует, что за 1920–1922 гг. в Сибири было добыто более 7 т золота, что составило 85% общероссийской золотодобычи за этот период (без учета добычи в Дальневосточной республике). Резкое увеличение, «рывок» общероссийской золотодобычи в 1922 г. (в 3,7 раза по сравнению с 1921 г.) был сделан в основном за счет улучшения работы приисков Ленского золотопромышленного района (рост добычи в 3,86 раза), на поддержке которого центральные власти осознанно сконцентрировали основные усилия. В общероссийском и общесибирском масштабе спад золотодобычи 1921 г. был достаточно быстро преодо-

лен, с 1922 г. начался динамичный рост. В региональном разрезе за 1920–1922 гг. в системе «Лензолото» было добыто 5,9 т золота, что составило 71,4% общероссийской золотодобычи за этот период. В Средней Сибири (Енисейская губерния) добыча за 1920–1922 гг. превысила 1 т драгметалла, что составило 12,25% общероссийской золотодобычи. В Западной Сибири в 1920–1922 гг. добыча составила около 0,2 т золота, это 2,3% общероссийской добычи.

В табл. 2 представлены сведения о численности работников сибирской золотопромышленности, занятых на государственной добыче.

Таблица 2

Число работников, занятых на золотодобыче в Сибири в 1920–1922 гг.

Регионы	Годы		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
РСФСР (без ДВР)	12 089	7 802	9 623
Сибирь, в том числе	5 766	6 065	5 183
Западная Сибирь	637	610	Не учитывалось
Средняя Сибирь (Енисейская губерния)	1 790	645	613
Восточная Сибирь (Лензолото)	3 339	4 810	4 570
Удельный вес работников сибирской золотодобычи от общего итога	47,6%	77,7%	53,9%

Примечание. Составлено по: [6; 8. С. 174; 15. С. 177].

Из приведенных данных видно, что в общероссийском масштабе число работников, занятых на добыче золота в 1921 г., по сравнению с 1920 г. сократилось на 4,3 тыс. чел. (или на 35,5%). По Сибири, наоборот, в 1921 г. наблюдалось некоторое увеличение золотодобытчиков (на 5%), в основном за счет «Лензолото» (увеличение на 1,5 тыс. работников), которому центральные власти уделяли большое внимание. Однако в Средней Сибири (Енисейская губерния), предприятиям которой оказывалось меньше поддержки, число работников золотодобычи в 1921 г. по сравнению с предшествующим годом сократилось на 1 145 чел., или в 2,8 раза; в менее значительных масштабах сокращение на Енисейских приисках продолжилось и в следующем году.

В 1922 г. число работников золотодобывающей промышленности РСФСР возросло по сравнению с 1921 г. на 1 821 чел. (или на 23,3%). По Сибири за этот период число золотодобытчиков сократилось на 882 чел. (или на 14,5%), вновь в основном за счет сокращения их в системе «Лензолото». Прииски Западной Сибири в начале 1922 г. были сняты с государственного обеспечения и стали переводиться на старательские работы; в свою очередь старатели не являлись госработниками и на данном этапе не учитывались статистикой.

В целом по Сибири меньшим числом работников (на 14,5%) в 1922 г. было добыто золота в 3,86 раза больше, чем в 1921 г. Усредненные показатели соотношения числа работников золотодобычи и объемов добытого металла приводят к выводу, что в 1920 г. в Сибири на одного госработника пришлось 287 г добытого золота, в 1921 г. – 187 г, в 1922 г. – 831 г. Таким образом, в целом очевидно, что рост золотодобычи обеспечивался соответствующим увеличением

производительности труда. При этом уровень механизации золотодобычных работ оставался весьма низким, основной объем работ выполнялся мускульным трудом.

Рассмотрим подробнее основные проблемы развития сибирской золотопромышленности в 1920–1922 гг. В течение 1920 г. сложилась организационная структура сибирской золотопромышленности – она управлялась из четырех районных центров: Усть-Каменогорского Райзолото, Райзолото Западной Сибири (его же называли Томско-Алтайским Райзолото), Средне-Сибирского Райзолото и правления «Лензолото»; на местах им подчинялись приисковые управления. Работу районных управлений золотых приисков – Райзолото – координировал Сибирский горный отдел Сиббюро ВСНХ (Сибпромбюро), через него осуществлялось взаимодействие с центром [5. С. 18].

Однако вследствие тяжелых условий послевоенного периода часть действовавших золотодобывающих предприятий пришлось закрыть. Этот процесс охватил, прежде всего, Западную Сибирь и Енисейскую губернию. Так, по Западной Сибири в 1920 г. добыча золота велась на руднике «Берикуль», в Змеиногорском округе, Бийскими, Егорьевскими, Кузнецкими, Мариинскими и Томско-Алтайскими приисками [6. С. 42]. В 1921 г. по Главзолото учитывалась работа только Мариинской и Бийской групп приисков, на остальных предприятиях работы прекратились. Закрывались предприятия и в Енисейской губернии (Средняя Сибирь), в 1921 г. прекратились работы в Южно-Енисейском районе и на руднике «Богомдарованный» (впоследствии рудник «Коммунар» в Хакасии). Тем не менее в 1922 г. золотодобыча в Енисейской губернии кратно возросла по отношению к 1921 г., чего не произошло в Западной Сибири. В Ир-

кутской губернии в течение 1920–1922 гг. не удалось возобновить работы в Бирюсинском золотопромышленном районе [7. Оп. 1. Д. 351. Л. 65 об.].

Государство в сложившихся условиях существенную поддержку могло оказать только крупным районам золотодобычи, которые в сжатые сроки обеспечат поступление значительного количества драгметалла. Для более централизованного управления добычей драгоценных металлов в конце 1921 г. были образованы объединение платиновых предприятий («Уралплатина») и Ленское объединение («Лензолото»), Совет труда и обороны утвердил соответствующие положения [8. С. 175]. Вскоре после этого, в феврале 1922 г., было организовано объединение Енисейской золотой промышленности («Ензолото») [7. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–14].

В 1922 г., более успешном по объемам добытого металла по сравнению с двумя предшествующими годами, в системе «Лензолото» работало одно управление с восемью приисками (в дореволюционный период функционировало 10 управлений и 82 прииска). В «Ензолото» с начала 1922 г. возобновили работу рудники «Авенировский» и «Ольховский», в августе – рудник «Богомдарованный»; были подняты из воды, отремонтированы и пущены две драги в Северо-Енисейской тайге и четыре драги в Южно-Енисейской, но они начали свою работу уже к концу сезона [7. Оп. 1. Д. 37. Л. 44; Д. 330. Л. 52]. Добыча золота в Западной Сибири велась в 1922 г. управлением «Алтзолото» и только старательскими работами, охватывала систему р. Балыксы, Егорьевские прииски, систему р. Лебедь [7. Оп. 1. Д. 35. Л. 22–23].

В октябре–декабре 1922 г. в Сибири стали заключаться первые арендные договоры с Балыксинской, Вознесенской и Горбуновской артелями, с арендаторами М.М. Юдалевичем и И.Е. Черкасовым. Кроме того, два договора (с Саянским и Джидинским товариществами) были возвращены для внесения уточнений и два договора (с Егорьевской и Салаирской артелями) находились в стадии разработки [7. Оп. 1. Д. 198. Л. 87 об.]. Большинство из этих договоров следует считать предварительными, так как они еще не были утверждены Сибпромбюро. Показательно само начало этого процесса. В активизации старательских и арендных работ прослеживается влияние декрета СНК РСФСР «О золотой и платиновой промышленности» от 31 октября 1921 г. с его идеей привлечения частной инициативы для увеличения добычи драгметаллов (при сохранении на них «исключительной собственности государства»).

Одна из наиболее острых проблем в развитии советской золотопромышленности периода 1920–1922 гг. заключалась в неспособности органов управления организовать масштабное снабжение приисков. Весьма сложно было найти большие объемы продовольствия и организовать его доставку на многие сотни и тысячи километров в условиях недавно прошедших боевых действий, общей разрухи и нехватки управленческих кадров. В дополнение к этому со стороны местных властей в Сибири золотодобыче явно уделялось второстепенное внимание. Так, председатель Главзолото ВСНХ РСФСР Д.Я. Одинцов в 1920 г. в

открытой печати резко и эмоционально критиковал отношение к золотопромышленности, сложившееся на Урале и в Сибири [9. С. 232–233]. По его мнению, Сибирский совет народного хозяйства (Сибсовнархоз) рассматривал золотопромышленность как дело 4–5-й категории, поэтому заявки, направленные на восстановление работы приисков, им не выполнялись. В результате на Ленских золотых приисках сложилось очень тяжелое положение, так как продовольствие, предназначенное для «ленского пролетариата», изымалось по пути следования войсками, партизанами, различными органами власти. В Западной Сибири рабочие и служащие вследствие продовольственных затруднений массово покидали золотодобывающие объекты, в результате «получился полный разгром приисков Западной Сибири».

Сибревком и Сибсовнархоз из г. Омска, а затем из г. Ново-Николаевска, несмотря на принимавшиеся меры, не смогли обеспечить доставку необходимого количества продовольствия и фуража в приисковые районы. Сибирское областное Бюро ВСНХ в отчете о своей деятельности за 1920 г., в свою очередь, упрекало различные органы за реквизиции и хищения грузов, предназначенных для Ленского района, что предопределило закрытие там нескольких предприятий и эвакуацию рабочих [5. С. 21–22].

Еще большей остроты проблема нехватки продовольствия достигла в 1921 г., когда работы на Ленских и Енисейских приисках по этой причине останавливались на многие недели и месяцы. Для улучшения положения отдельные золотые промыслы объявлялись сибирскими властями ударными [7. Оп. 2. Д. 294. Л. 97]. Однако положение оставалось крайне тяжелым, что в итоге привлекло внимание В.И. Ленина. В телеграмме от 16 сентября 1921 г. он как председатель Совета труда и обороны потребовал от Сиббюро ВСНХ и Сибревкома «немедленно употребить все товарные фонды» близлежащих районов для снабжения Ленских приисков [7. Оп. 2. Д. 262. Л. 254–255]. Принятые меры способствовали определенной стабилизации, хотя многие рабочие уже покинули прииски.

Руководитель горного отдела Сиббюро ВСНХ (Сибпромбюро) Н.А. Матрошилин, стоявший у истоков организации советской горнодобывающей промышленности в Сибири, в одном из документов, направленных в Президиум ВСНХ РСФСР, указывал, что с начала 1920 г. в Сибири «никто не хотел и слушать о том, что золото добывать нужно», и только «полная ликвидация золотых предприятий» в конце 1921 г., а также требования Москвы «сдвинули этот вопрос с мертвой точки». Он отмечал, что положение сибирской золотопромышленности осложнялось реорганизациями и сокращениями управленческого аппарата. Также, по его мнению, отсутствие с января по октябрь 1922 г. в составе Сибпромбюро органа, ведавшего горной промышленностью, не дало возможности заранее подготовиться к выполнению задач по развитию мелкой и средней золотопромышленности, нанесло значительный ущерб делу [7. Оп. 1. Д. 189. Л. 181–182].

Особое внимание следует обратить на позицию партийных руководителей Сибири, которые в этот пе-

риод были весьма скептически настроены к необходимости развития золотопромышленности. В августе 1921 г. в печати с докладом о деятельности Сибревкома выступил его председатель И.Н. Смирнов [10]. По вопросу «заготовки валюты» он указывал, что центр все время требовал добычи золота и развития работ на Ленских золотых приисках. При этом Сибревком докладывал, что по объективным причинам «добыча золота чрезвычайно дорога и невыгодна», обойдется «в два золотника за добытый золотник». Несмотря на это, из Москвы настоятельно предлагалось добывать золото «во что бы то ни стало», так как потребность в нем была велика. Со своей стороны И.Н. Смирнов рекомендовал для получения валюты наладить вывоз соли и продажу пушнины, что, по его мнению, «дало бы гораздо больше результатов, чем добыча золота».

Позиция руководителя сибирской парторганизации тем более показательна, что в это время в Сибири находился представитель ВСНХ РСФСР А.Н. Долгов, который упоминал, что на развитии добычи настаивает Совнарком, так как многие заграничные сделки советского правительства «ведутся до сих пор либо на золото, либо в кредит под золото» [11]. Позиция сибирских большевиков в отношении золотопромышленности и в первой половине 1922 г. оставалась настороженной, так как вследствие трудностей снабжения Ленских и Енисейских приисков они опасались нового срыва работ [12].

Свое негативное воздействие на общую обстановку в Сибири оказывали различные вооруженные формирования, продолжавшие борьбу против советской власти. В.И. Шишкин подсчитал, что в 1920 г. произошло пять крупных антикоммунистических вооруженных выступлений в Западной Сибири и шесть – в Восточной, в 1921 г. – пять в Западной Сибири и одно – в Восточной Сибири [13. С. 132]. Из приисковых районов в поле действия подобных бандформирований оказались отдельные регионы Западной Сибири и Енисейской губернии. Так, в конце июня 1921 г. в Мариинской тайге был захвачен рудник «Центральный» и близлежащие мелкие прииски; опасность со стороны бандитов сделала невозможным завоз продовольствия вглубь тайги, привела к остановке работ на всех золотодобывающих объектах по левую сторону р. Кии [7. Оп. 1. Д. 198. Л. 55 об.]. В ноябре 1921 г. Сибпромбюро обращалось в штаб главнокомандующего вооруженными силами республики с указанием на то, что прииски Лебедской системы в течение ко-

роткого промежутка времени уже дважды подверглись нападению бандитов, просило содействия в обеспечении защиты приисков от грабежей [7. Оп. 2. Д. 115. Л. 71]. Летом 1922 г. на рудник «Богомдарованный» было совершено нападение банды И.Н. Соловьева, в результате которого погибло три коммуниста и захвачено более 6 кг золота [14]. В Саралинском золотопромышленном районе на рудниках «Иоанновский» и «Андреевский» «соловьевцами» были сожжены почти все постройки и оборудование, уничтожено много материалов [7. Оп. 3. Д. 15. Л. 10].

Подводя итоги исследования, отметим, что Сибирь (без территорий, входивших в ДВР) в 1920 г. обеспечила добычу 1 603,2 кг золота, а ее удельный вес в общероссийском масштабе составил 89,54%, в 1921 г. в Сибири было добыто 1 135,67 кг драгметалла, или 82,8% от общероссийского итога, в 1922 г. добыча в регионе возросла до 4 308,86 кг, что составило 84,2% от всей добычи по РСФСР. Абсолютным лидером сибирской золотодобычи, как и в дореволюционный период, остался Ленский золотопромышленный район, который дал в 1920–1922 гг. 84,85% всей сибирской золотодобычи.

Период 1920–1922 гг. для формирующейся советской золотопромышленности оказался одним из самых тяжелых как в общегосударственном масштабе, так и для отдельных золотодобывающих регионов, включая Сибирь. Основными причинами кризиса сибирской золотопромышленности стали, прежде всего, нехватка продовольствия, огромные трудности в организации доставки грузов в приисковые районы, упадок технического состояния приисков и рудников. При этом сибирские власти, особенно Сибревком, оказались весьма скептически настроенными в отношении необходимости масштабного развития золотопромышленности. В отдельных районах серьезную угрозу золотодобывающим предприятиям создавали нападения вооруженных бандформирований – отток приисковых рабочих, длительная остановка работ.

В течение 1920–1922 гг. власти вынуждены были сосредоточиться на поддержке только наиболее крупных и эффективных (в плане добычи металла) подразделений «Лензолото» и «Ензолто». Остальные золотопромышленные районы Сибири переводились на артельно-старательские работы. В 1922 г. центральные и местные власти, прилагая большие усилия, в целом обеспечили существенный рост сибирской и общероссийской золотодобычи.

Список источников

1. История Сибири : в 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л. : Наука, 1968. 501 с.
2. Виноуков М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск : Наука ; Сибирская издат. фирма РАН, 1996. 320 с.
3. Юрлов П.В. Условия предпринимательской деятельности в Сибири в 1920-е годы // Вестник КрасГАУ. 2012. Вып. 12. С. 196–201.
4. Гутак О.Я. Золотопромышленность Юга Западной Сибири в 1917–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 218 с.
5. Отчет Сибирского областного Бюро ВСНХ за 1920 г. Омск : Сиб. гос. изд-во, 1921. 83 с.
6. Добыча золота и платины за 1920 г. // Горное дело. 1921. № 1–2. С. 42.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-918.
8. Золотоплатиновая промышленность за последнюю четверть 1921 г. и за весь 1921 г. // Горный журнал. 1922. № 3–5. С. 173–177.
9. Одинцов Д.Я. Главный комитет золотоплатиновой промышленности // Горное дело. 1920. № 6. С. 231–233.
10. IV Сибирская конференция РКП // Советская Сибирь. 1921. 23 авг. С. 4.
11. Сибирская промышленная конференция // Советская Сибирь. 1921. 29 сент. С. 2.
12. Золотодобывающая промышленность (продолжение доклада тов. А.П. Брыкова Пятой Сибирской конференции РКП) // Советская Сибирь. 1922. 18 марта. С. 3.

13. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–142.
14. Дело банды Соловьева // Советская Сибирь. 1924. 20 нояб. С. 7.
15. Добыча платины, золота и движение рабочей силы по предприятиям золотоплатиновой промышленности в 1922 г. (по данным отдела статистики ГУГП) // Горный журнал. 1923. № 3–4. С. 176–177.

References

1. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
2. Vinoukrov, M.A. & Sukhodolov, A.P. (1996) *Ekonomika Sibiri: 1900–1928* [Economy of Siberia: 1900–1928]. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdat. firma RAN.
3. Yurlov, P.V. (2012) *Usloviya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Sibiri v 1920-e gody* [Conditions of entrepreneurial activity in Siberia in the 1920s]. *Vestnik KrasGAU*. 12. pp. 196–201.
4. Gutak, O.Ya. (2005) *Zolotopromyshlennost' Yuga Zapadnoy Sibiri v 1917–1950 gg.* [Gold mining in the South of Western Siberia in 1917–1950]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Supreme Board of the National Economy. (1921) *Otchet Sibirskogo oblastnogo Byuro VSNKh za 1920 g.* [Report of the Siberian Regional Bureau of VSNKh for 1920]. Omsk: Sibirskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
6. *Gornoe delo*. (1921) *Dobycha zlota i platiny za 1920 g.* [Mining of gold and platinum in 1920]. 1–2. p. 42.
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-918. (In Russian).
8. *Gornyy zhurnal*. (1922) *Zolotoplatinovaya promyshlennost' za poslednyuyu chetvert' 1921 g. i za ves' 1921 g.* [Gold-platinum industry for the last quarter of 1921 and for the whole of 1921]. 3–5. pp. 173–177.
9. Odintsov, D.Ya. (1920) *Glavnyy komitet zolotoplatinovoy promyshlennosti* [Main committee of the gold-platinum industry]. *Gornoe delo*. 6. pp. 231–233.
10. *Sovetskaya Sibir'*. (1921) *IV Sibirskaya konferentsiya RKP* [The 4th Siberian Conference of the RCP]. 23 August. p. 4.
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1921) *Sibirskaya promyshlennaya konferentsiya* [Siberian Industrial Conference]. 29 September. p. 2.
12. *Sovetskaya Sibir'*. (1922) *Zolotodobyvayushchaya promyshlennost' (prodolzhenie doklada tov. A.P. Brykova Pyatoy Sibirskoy konferentsii RKP)* [Gold mining industry (continuation of the report of Comrade Brykov to the Fifth Siberian Conference of the RCP)]. 18 March. p. 3.
13. Shishkin, V.I. (2011) [Armed Resistance of the Siberian Peasantry to the Communist Regime in the Early 1920s]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'* [History of Stalinism: Peasantry and Power]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 29 September – 2 October 2010. Moscow: ROSSPEN. pp. 129–142. (In Russian).
14. *Sovetskaya Sibir'*. 1924) *Delo bandy Solov'eva* [The case of the Solovyov gang]. 20 November. p. 7.
15. *Gornyy zhurnal*. (1923) *Dobycha platiny, zlota i dvizhenie rabochey sily po predpriyatiyam zolotoplatinovoy promyshlennosti v 1922 g. (po dannym otдела statistiki GUGP)* [Mining of platinum, gold and the movement of labor at the enterprises of the gold-platinum industry in 1922 (according to the statistics department of the GUGP)]. 3–4. pp. 176–177.

Информация об авторе:

Зеляк В.Г. – д-р ист. наук, профессор кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: Zelyak75@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.G. Zelyak, Dr. Sci. (History), professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Zelyak75@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2019;
одобрена после рецензирования 03.07.2019; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 03.06.2019;
approved after reviewing 03.07.2019; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94(47).046
doi: 10.17223/15617793/483/11

«Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг.

Иван Павлович Каменецкий¹

¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия,
kamenetskiiwan@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена посольская деятельность томского конного казака Емельяна Вершинина и отдельные эпизоды его служебной биографии. На основе использования различных источников выявлено его социальное происхождение, родственные связи, служебные обязанности. Показаны некоторые результаты его участия в посольских миссиях к монгольским Алтын-ханам, калмыцким правителям, енисейским киргизам, телеутам. Сделан вывод, что благодаря поездкам с посольством русских посланников в Монголию, Китай и Среднюю Азию устанавливались мирные политические и торговые связи с их правителями.

Ключевые слова: Емельян Вершинин, родственные связи, служба в Сибири, посольские дела

Для цитирования: Каменецкий И.П. «Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 108–113. doi: 10.17223/15617793/483/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/11

The “ambassadorial affairs” of the Tomsk Cossack Yemelyan Vershinin in the 1630s–1640s

Ivan. P. Kamenetskiy¹

¹ *Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation,
kamenetskiiwan@mail.ru*

Abstract. The aim of this study is to clarify the origin and ambassadorial activities of the little-known Tomsk equestrian Cossack Emelyan Vershinin, who made long trips to the rulers of the eastern states and Siberian nomadic formations. The study is based on published materials on the history of Russian-Mongolian and Russian-Chinese relations and on archival sources (tribute books) from the Siberian Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts. In the early days of Siberian exploration it was important to establish ambassadorial and trade relations with neighbouring eastern countries. One of the active participants of Russian missions to “unpeaceful lands” and eastern countries was the Tomsk Cossack Yemelyan Vershinin, who came from a hereditary military environment. The purpose of his journeys was to bring the warlike nomads into Russian citizenship and to settle disputes with the rulers of independent states. Vershinin made his first trip to the Mongol ruler Altyn Khan in 1634 as part of the diplomatic mission of the boyar’s son S. Grechaninov. In the autumn of 1638 he was sent to the “Kyrgyz land” to the Yenisei princes Ishey and Koyan to persuade the nomadic owners to “obey” and take *sherti* (oath of allegiance to the Russian sovereign). In 1640 Vershinin headed a diplomatic mission to the first Kalmyk khan Daichin (Taichi-Taishi), son of the famous Oirat taisha Urlyuk, who roamed the upper reaches of the Irtysh and the Yaik. Demonstrating his independence from the Russian tsar, Daichin kept the Tomsk envoys in his dominion for three years. Having found themselves in “captivity”, the Russian ambassadors were forced to travel with Daichin’s caravan to Trukhmenkala (a city in Turkmenistan), then visited the Bukhara cities of Samarqand and Tashkent, and the Chinese border town Xining. While in Xining, Vershinin met with Chinese officials and received a letter to the Russian authorities, which due to the lack of interpreters in the Siberian Prikaz was not read. Upon his return to Tomsk, Vershinin presented a report on the results of his stay in the Oirats’ land, Central Asia and China. Vershinin’s further service was marked by a trip to the Teleut prince K. Abakov with a statement of peace initiatives coming from the Russian authorities. The study concludes that the establishment of political and commercial relations with “foreign” rulers at an early stage of Siberian development allowed the Russian authorities to avoid major military conflicts, typical of Western states in the era of colonial conquests, and to form policies contributing to strengthening Russia’s influence on its eastern borders and transforming it into a powerful Eurasian state.

Keywords: Yemelyan Vershinin, family ties, service in Siberia, ambassadorial affairs

For citation: Kamenetskiy, I.P. (2022) The “ambassadorial affairs” of the Tomsk Cossack Yemelyan Vershinin in the 1630s–1640s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 108–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/11

Поездки русских служилых людей с посольствами к другим народам и в сопредельные с Сибирью государства в XVII в. были нередким явлением. На важность и значимость их для укрепления российского влияния в колонизируемой сибирской «окраине» обратил внимание блестящий знаток истории Сибири эпохи землепроходцев Н.Н. Оглоблин. В одной из своих работ он писал: «Установление политических и торговых сношений с независимыми и полунезависимыми владетелями соседних с Сибирью мунгалских, киргизских, калмыцких и других стран, нередкие дипломатические победы над ними, все мирные завоевания порубежных земель путем посольских переговоров – все это было делом этих непатентованных дипломатов, отбывавших “посольское дело” наряду со всяким другим “государевым делом”. Они оставили нам любопытные “статейные списки” своих посольств, представляющие ценные материалы не только для политической истории среднеазиатских владений XVII века и наших сношений с ними, но и для географии и этнографии центральной Азии» [1. С. 156–171].

К числу таких «непатентованных» русских дипломатов, первыми проложивших дорогу в государства Восточной и Средней Азии, относились рядовые томские казаки – Иван Петлин (1619) и Емельян Вершинин (1640). Жизненный путь и путешествие И. Петлина в Китай, Монголию и Тибет, с глубоким описанием им жизни народов восточных стран уже достаточно подробно изучены и освещены в литературе [2]. Меньшую известность получили поездки в сибирские «новые земли», а также в Монголию, Среднюю Азию, Китай другого русского посланника, Емельяна Вершинина. Сведения о биографии и службе в Сибири Емельяна Вершинина, в отличие от знаменитого предшественника, носят во многом ограниченный, фрагментарный характер и не дают полной и целостной картины о широкой посольской практике и жизни в целом. Изучение и анализ сохранившихся разрозненных, отрывочных сведений позволяют получить более глубокое представление о его личности, происхождении, посольской службе, поездках в восточные страны, а также участии в социальных движениях, хозяйственной деятельности и других сторонах жизни активного сибирского казака.

Емельян Еремеев Вершинин, по одной версии томский казак, по другой – тарский, происходил из потомственной служилой среды. Его отец – Еремей Вершинин, по словам сына Прокофия Вершинина, был «важенин» – выходцем с берегов реки Ваги притока Северной Двины. В 1590-е гг. в составе одного из правительственных отрядов Еремей был послан из Москвы в Сибирь, где участвовал в строительстве ряда сибирских городов: Сургута, Нарыма, Томска и Кетска, после чего был оставлен на службе в Томске [3. С. 38]. Его сыновья Емельян и Прокофий (Пронка), очевидно, родились в Томске, который стал центром обширного разряда, где и были поверстаны в конные казаки. Их имена впервые встречаются в именной книге Томского города 1630 г. в составе «литовского списка», где Е. Вершинин упоминается как семейный конный казак,

состоявший в десятке П.А. Попова, с окладом 7 руб. с четью, 7 четей муки, 6 четей круп, 2 пуда соли [4. Стб. 27. Л. 129, 268]. Как и многие служилые люди, Емельян занимался земледелием, в 1637 г. он служил уже без хлебного жалования, получал «с пахоты своей» 14 четей ржи, 8 четей овса, 7 четей с осминой ячменя, имел 10 десятин «перелогу» и полностью обеспечивал себя собственным хлебом [5. С. 185].

Как и все ратные люди Томского гарнизона, Емельян выполнял различные «государевы службы», среди которых наиболее важными и ответственными были поездки в неподвластные русскому государю «новые земли» и «дальние посылки» с посольством в порубежные с Сибирью восточные страны. Правительство придавало особое значение посольским делам, которые способствовали налаживанию мирных отношений и торговых связей с сопредельными государствами и установлению контактов с правителями кочевых «воинских людей», нередко совершавшими нападения на русские владения. Руководители Посольского, Казанского и Сибирских приказов требовали от воевод направлять к сибирским и иным «иноземцам» лиц, владеющих грамотой, знающих язык, условия и особенности жизни других народов, умеющих проводить и отстаивать «государевы» интересы.

Одна из первых таких поездок Е. Вершинина состоялась в 1636 г. 28 августа он был определен в состав посольства в «мунгалскую землю» к монгольскому правителю Алтын-хану под началом бывшего выходца из греческих земель томского сына боярского Степана Греченинова (Греченина). Целью поездки было закрепить успехи русской дипломатии, достигнутые предшествующим посольством к Алтын-хану дворянина Якова Тухачевского в 1634 г., и добиться принятия российского подданства монгольским правителем. Для выполнения «дальней» государевой службы ему, как и другим спутникам, было выдано денежное жалование за 1637 г. и «подмога против годового оклада», которая составила 14 четей ржи, 8 четей овса, 7 четей с осминой ячменя [6. С. 78].

Долгий и нелегкий путь в монгольские степи, проходивший через Киргизскую землю, был уже хорошо известен русским землепроходцам, но по-прежнему оставался тяжелым и опасным. Особенно большую угрозу представляли енисейские киргизы и тубинцы, постоянно совершавшие набеги на русские города и остроги. 30 октября при переправе через р. Алас «у Саянского камня» на послов внезапно напали «саянские мужики», которые пытались отнять у них «государеву казну» с «жалованием», предназначенным монгольскому правителю. Набег кочевников был отбит, но послы понесли при этом материальный урон, один тюк с подарками казны кочевники сумели захватить. Благодаря проводникам, высланным Алтын-ханом навстречу русским посланникам, они успешно достигли ханской ставки.

Следует отметить, что поездки русских людей в Сибирь с посольскими миссиями не всегда завершались благополучным исходом. В 1645 г. было совершено убийство в Кан-Карокольской земле в Горном Алтае кузнецкого пятидесятника Куземки Володими-

рова. В 1652 г. были ограблены и унижены кузнецкий десятник Шестак Яковлев «с товарищи», направленные к телеутам в качестве послов. При возвращении домой отряд Ш. Яковлева был пленен сойонами и телеутами, которые ограбили воеводских посланцев, обрили в насмешку бороды казакам и отпустили их домой [7. С. 223, 250].

Ещё более трагично завершилось несостоявшееся посольство тобольского сына боярского Ерофея Заболоцкого и подьячего Василия Чаплина в Монголию в 1650 г. Прорыв большой путь, послы остановились на ночевку на р. Усть-Прорве за Байкалом, где на них внезапно напали буряты и убили 8 чел. (в том числе Ерофея, его сына Кирилла, В. Чаплина, В. Безноскова, Т. Соснина, О. Сергеева, Я. Скороходова). 9 мая 1653 г. на месте гибели отряда служилый Федор Афанасьев с группой казаков установили крест и поставили зимовье [8. С. 302].

«Послование» Гречанинова – Вершинина проходило и завершилось вполне успешно. На приёме у Алтын-хана, после завершения должного посольского церемониала, уже хорошо описанного в литературе, Е. Вершинин, вместе с другими посланниками, вручил правителю подарки на 19 руб., а также отдал свою саблю и пищаль, как того требовали монгольские придворные правила. После завершения своей миссии С. Гречанинов отправил Е. Вершинина нарочным в Томск с «изветом» о её результатах и возвращении домой русского отряда, отправленного вместе с монгольскими послами [9. С. 32, 49].

В этом же году Е. Вершинин снова побывал с подарками у влиятельного духовного лидера монголов – тибетского ламы Даин Мерген-ландзу, оказывавшего покровительство русским посланцам, который стремился также заручиться поддержкой царского правительства. После обмена любезностями о здравии обеих правителей, их заверений жить в мире и дружбе, Емельян вручил ламе «государево жалование», а взамен получил «шубу баранью да озям безиной». В своем письме русскому царю Даин Мерген-ландзу выразил своё удовлетворение действиями послов и заключением соглашения заинтересованных сторон. Он также извещал, что С. Гречанинов, как и его предшественник, дворянин Я. Тухачевский, в отличие от томского подьячего Д. Огаркова, занявшего жесткую позицию в вопросе безусловного принятия русского подданства независимого монгольского правителя, «послы добрые» [9. С. 31–34, 38–50, 78, 89, 418].

30 сентября 1638 г. Е. Вершинин с группой других казаков во главе с пятидесятником Андреем Губой вновь был направлен томским воеводой И. Ромодановским с государевым жалованием «в киргизы». Служилым людям было велено идти «в Кыргызскую землю» к князю Ишею «в Тубу и Маторь», князю Кояну в «Черные волости в Шусты» и князю Алтыбаю, где предстояло собрать сведения об их намерениях в отношении русских: «проведать нет ли у киргизских князев какова збору и не чаят ли их под государевы которые города войною приход». Для придания большей убедительности аргументов в склонении кочевых владельцев к «послушанию» и принятию

шерти, послам надлежало сообщить о решении Алтын-хана быть под государевой «высокою рукой». Помимо этого, отряду было указано на обратном пути собрать ясак в порубежных волостях – в «шустах и в гоях» на 1639 г. [10. С. 86; 11. С. 86–87].

Результаты этой поездки неизвестны, но несомненно одно: в поездках к тюркским и монгольским владетелям Вершинин приобрел необходимые посольские навыки и опыт общения с «иноземцами», усвоил нормы и обычаи жизни кочевников. Вскоре ему стали поручать выполнять самостоятельно другие ответственные посольские задания. 28 сентября 1640 г. воеводским указом Емельян был направлен «с товарищи»: городовым толмачом бухаретинном Ермометкой Шагалаковым и казанским гулящим татаринном Алыбайком в «черные калмыки» к ойратскому правителю Дайчину (Тайчи-тайши), сыну известного тайши Урлюка, кочевавшего в верховьях Иртыша и Яика. Целью поездки было выдвижение традиционных к кочевым правителям предложений, содержащихся в воеводских пространственных наставлениях («памятях»).

По прибытию «в калмыки» Вершинину было указано призывать Дайчину к шерти с соблюдением им необходимых обязательств: «под твои государевы сибирские города и остроги и на твоих государевых ясачных людей войною не приходит, и на промыслех и на проездах твоих государевых русских людей и татар не побивать и не грабить и под твои государевы сибирские города и остроги и на твоих государевых ясачных людей войною не приходит, и на промыслех и на проездах твоих государевых русских людей и татар не побивать и не грабить... и с скотом и со всяким своим товаром улусных своих людей под Томской город присылать торговать» [12. С. 120].

Поставленная перед малочисленными русскими посланцами задача – склонить мирными средствами сильного калмыцкого правителя принять российское подданство – была делом трудным, порой безнадежным. Но московское правительство не всегда учитывало сложные сибирские реалии, расстановку сил в регионе и нередко настойчиво требовало от своих воевод-наместников добиваться безоговорочного подчинения не только правителей мелких потестарных образований, но и владельцев независимых восточных государств. Последние, как правило, рассматривали принятие шерти – присяги на верность русскому царю – не как вассальную зависимость от сильного сюзерена, а лишь как возможность заключения выгодного для них военно-политического союза с могущественным государством, способным оказать им помощь в борьбе с враждебными соседями.

Посольская миссия Е. Вершинина к видному калмыцкому тайше непредвиденно надолго затянулась, чем вызвало беспокойство воевод, сообщивших в Москву о своём неведении в отношении пропавших томских посланцев. Лишь спустя три года Е. Вершинин сумел один, без спутников возвратиться в Томск. 20 сентября 1643 г. он сообщил новому воеводе С.В. Клубкове-Мосальскому о причине длительного отсутствия и сведения о своих приключениях, про-

изошедших с ним и его товарищами во время нахождения у калмыков.

По словам Е. Вершинина, после выполнения русскими посланниками возложенных на них обязательств тайша Дайчин удержал «сило» их в своем улусе, а сам отбыл надолго в неизвестном направлении. Составители сборника материалов по истории русско-монгольских отношений предполагают, что тайша отбыл на съезд монгольских владетельных князей, созданный в 1640 г. по инициативе ойратского Батур-хунтайджи для объединения сил в связи с угрозой маньчжурского нашествия [13. С. 540].

Обращение и отношение к русским послам во время их вынужденного длительного пребывания в улусе калмыцкого правителя в целом соответствовало принятым дипломатическим нормам, по утверждению Е. Вершинина, «корм был доволен и никакой обиды, и тесноты ни в чем не было» [14. С. 120]. Но возвратившись в свой улус осенью 1641 г. тайша не отпустил Емельяна с товарищами в Томск. Вместо этого Дайчин отправил их со своими людьми с товарами, купленными в улусе тайши, с торговым караваном в города Средней Азии, Казачьей орды, а затем и в Китай. Причину такого поведения тайши в отношении к русским полномочным посланцам Е. Вершинин не указывал. Можно лишь предположить, что, возможно, Дайчин продемонстрировал таким образом русским властям свою независимость, свободу действий в отношении царских воевод и способность осуществлять широкие торговые и политические связи с разными государствами и народами без участия и покровительства России.

Оказавшись вновь «в неволе», русские послы вынуждены были совершить поездку с караваном сначала в Трухменкалу (город в Туркмении), затем посетили бухарские города – Самаркан и Ташкен, а также родовые владения Казачьей орды. В пути следования каравана, при неуказанных Вершининым обстоятельствах, один из его спутников был убит в какой-то «драке», другой был отпущен с товарами в Бухару, где следы его затерялись. После поездок «тяжолым ходом со вьюки» по Средней Азии караван Дайчина осенью 1641 г. достиг китайского порубежного города Сюмени (Синина), где до весны следующего года продолжил вести свои торговые дела. Лишь после возвращения каравана из Китая в улус Дайчина Емельян был отпущен в Томск с заверением готовности калмыцкого владетеля служить великому государю: «и прямить и добра хотеть и никакова дурна не думать, и под Томской город с торги приходить» [14. С. 120].

Сообщение о прибытии Е. Вершинина в Томск, вестях от него и посещениях им Китая было отправлено незамедлительно воеводской отпиской в Сибирский приказ. В отличие от подробной и живописной «росписи» И. Петлина о его пребывании в Китайской империи, заметки Вершинина отличаются краткостью изложения. В своём отчете он отметил лишь большие размеры и каменные постройки Синина, его многолюдье и оживленную торговлю. Сведения о столице Китая – Пекине, которые он получил, по-видимому,

от местных купцов, также немногословны и носят общий характер: «а тот де город, где китайский царь живет, добре велик, сказывают от стены до стены поперек города конем день ездю. А товаров... в Китайском всяких много, и овощ огородной русской и немецкой всякой родится» [14. С. 120].

Лаконизм сообщения Е. Вершинина, очевидно, объясняется тем, что его поездка в Китай не была предусмотрена властями, и он, следовательно, не получил перед непредвиденной поездкой в Китай специального наказа-наставления с поставленными в нем вопросами, которым обычно снабжались русские послы при отправлении в другие государства. Возможно также, что томские воеводы в расспросе не проявили большого внимания к его вынужденному путешествию в Китай, не сочли нужным подробно описывать его наблюдения, ограничились в своей отписке о его поездке лишь небольшими извлечениями. Следует также учитывать, что правительство ограничивало сибирским воеводам возможность проявлять самостоятельно дипломатическую активность, а в 1616 г. специальным указом даже запретило отправлять посольства к Алтын-хану и в Китайское государство [2. С. 5].

Между тем во время пребывания в Синине Вершинин, очевидно, встречался с китайскими чиновниками, где ему как представителю Русского государства была вручена грамота, в которой выражалось стремление Китая поддерживать добрососедские торговые отношения с могущественным северным соседом. Вместе с отпиской воеводы китайская грамота, привезенная Вершининым, была направлена в Москву. Но, как и предыдущая, врученная И. Петлину в 1619 г., за неимением переводчиков в столичных приказах не была прочитана, и русское правительство так и не узнало о предложениях главы Минской империи. Исследователи русско-китайских отношений полагают, что «из-за незнания русскими китайского языка грамота десятки лет лежала в Посольском приказе непереверённой и представляла собой неразрешаемую загадку (до тех пор, пока Н. Спафарий не перевел ее), в результате чего в русский язык вошло устойчивое выражение «китайская грамота» [6. С. 31].

По-видимому, в Сибирском приказе сочли дипломатическую миссию томского казака «в калмыки» успешно выполненной, а сведения, привезенные им о государствах и народах Средней Азии и Китае, заслуживающими внимание. За посольскую службу ему было велено повысить размер денежного и хлебного жалования и выплатить его за прошедшие годы. В 1643 и в 1665 гг. его полный оклад составлял 9 руб. с четью, 8 четей с осминой ржи, 6 четей овса, 2 пуда соли и был самым высоким среди рядовых конных казаков томского гарнизона [15. Кн. 479. Л. 102, 114; Кн. 566. Л. 562, 566 об.].

Последующая служба Е. Вершинина в Томске была также связана с посольскими делами. В конце 1646 г. он был направлен, с уже указанным выше сыном боярским Степаном Гречениновым к влиятельному телеутскому князю Коке Абакову. Целью по-

сольства было наладить ухудшившиеся отношения между русскими и телеутами из-за взаимных «задоров», чинимых обеими сторонами. Послование С. Греченинова «в калмыки» закончилось неудачей, у самого посла украли лошадь, а члена миссии К. Кызланова даже избивали. В следующем году Е. Вершинин самостоятельно совершил поездку в улус Абаковичей с целью разрешения спорных вопросов и возобновления торгового обмена с телеутами [12. С. 73, 74, 76]. Очевидно, переговоры с телеутами на этот раз прошли на более приемлемых для участников условиях, поскольку в июне-июле 1647 г. вместе с товарищами он «съезжался» с «белыми калмыками» в их владениях на р. Искитиме, «ниже Писанного камня», для «лешевания» (ведения звериного промысла) [11. С. 305].

Е. Вершинин, в отличие от многих рядовых казаков, не принимал активного участия в бурных событиях томского восстания 1648–1649 гг., направленного против злоупотреблений воеводы князя Осипа Щербатого. Есть основания считать, что он вместе с братом Прокофием (Пронкой, имеющим прозвище Жук) был в числе умеренных сторонников свергнутого воеводы. Их имена не встречаются в общегородских мирских челобитных, инициированных восставшими и направленными царю. Они не входили также в состав явных сторонников враждующих воевод, не были вовлечены в их активные действия и по завершению смуты не были привлечены к следствию.

Об их нейтральной позиции свидетельствуют и другие факты. В разгар смуты, в январе 1649 г., Е. Вершинин осуществлял руководство группой разведчиков в походе под руководством сына боярского Степана Неверова на «черных калмыков». Последние напали на шегарских ясачных людей, живущих недалеко от Томска, убили 8 человек, взяли в плен 40 чел., захватили собранный царю ясак, и скрылись с ясырем и награбленным. Высланная вперед разведка во главе с Е. Вершинином быстро обнаружила противника и сообщила о его местонахождении. Но брошенный за ними отряд С. Неверова, из-за возникших среди казаков разногласий, не сумел их догнать и вскоре вернулся ни с чем. О. Щербатый по этому поводу, ссылаясь на мнение Е. Вершинина, не без оснований считал, что часть казаков, являвшихся сторонниками воеводы Ильи Бунакова, намеренно сорвала поход на джунгар, которых можно было настичнуть и покарать [13. С. 165, 272].

Однако, бурные события, произошедшие в Томске, не обошли стороной брата Емельяна, конного казака Пронку Жука, пострадавшего от действий второго воеводы И. Бунакова. За отказ подписать коллектив-

ную челобитную, инициированную воеводой, о замене томской городской печати личной печатью И. Бунакова, он был бит по его приказу на воинском смотре ослопом, при этом воевода лично сломал ему руку. Но и после этого казак ответил упорным отказом, твердя, что «не хочет порудить (ослушаться. – И.К.) твоего государева указу, а крест де он целовал тебе, государю, а не ему, Илье». В мае 1649 г. его арестовали и хотели пытать, но Прокофий сумел откупиться от истязаний, по его словам, «чтоб ево за посмех внапрасне не испортили» и тем самым сумел избежать незаслуженного наказания [13. С. 308–309, 311]. О сильном, независимом характере П. Вершинина и умении за себя постоять может свидетельствовать и тот факт, что, когда на калмыцком торгу во время смуты у него украли из ножен нож, он вступил в драку с воровскими телеутами и сумел вернуть украденное [5. С. 144].

Дальнейшая служба и судьба Е. Вершинина и его брата в источниках не прослеживаются. Известно лишь, что в 1658 г. они выразили свою активную позицию в отношении томского подьячего В. Чебучакова, подписавшись под общегородской мирской челобитной о его должностных злоупотреблениях, повлекшей за собой отставку ненавистного подьячего [16. Стб. 84. Л. 7 об.]. Сохранились свидетельства о нахождении их в составе томского гарнизона в прежнем статусе в 1675 и 1680 гг. [17. Кн. 566. Л. 556 об., 562 об.; Кн. 622. Л. 64, 65]. Можно также считать, что служившие «с пашни» братья Вершинины являются основателями одноименной деревни, возникшей в 1670-е гг. недалеко от Томска [14. С. 52].

Таким образом, в процессе присоединения Сибири и становления в ней русской государственности большое значение имели «посольские дела», в которых участвовали не только дети боярские, но и рядовые служилые люди. Благодаря поездкам с посольством томских казаков И. Петлина, Е. Вершинина и других русских посланников в Монголию, Китай и Среднюю Азию шло накопление знаний не только о «новых сибирских землях», но и сопредельных с Сибирью государствах и народах. Привезенные ими сведения оказались полезными для будущих посольств в изучении стран Центральной и Восточной Азии. Установление мирных политических и торговых связей с «иноземными» правителями на ранней стадии освоения Сибири позволяло русским властям избегать крупных военных конфликтов, характерных для западных государств в эпоху колониальных захватов, формировать политику, способствующую укреплению влияния России на восточных рубежах и превращению её в могущественную евразийскую державу.

Список источников

1. Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник, 1890. Т. 46, № 10. С. 156–171.
2. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова»). М.: Наука, 1966. 160 с.
3. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. 250 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Стб. 27.
5. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. ун-та имени В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. 1950. С. 23–210.

6. Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы (1608–1683). М. : Наука, 1969. Т. 1. 613 с.
7. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск : Типография И.П. Долгов Р.Н., 2005. 338 с.
8. Служилые люди Сибири конца XVI–XVIII века: библиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост. И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М. : СПб. : Нестор - История, 2020. 992 с.
9. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : Изд-во вост. лит., 1959. 352 с.
10. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков Л.Е. Материалы по истории Хакассии XVII – начала XVIII вв. Абакан : Хакассский гос. ун-т, 1995. 250 с.
11. Русско-монгольские отношения. 1636–1653. Сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин Н.В. Устюгов. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. 467 с.
12. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.
13. Покровский Н.Н. Томск в 1648–1649 г. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. 401 с.
14. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 182 с.
15. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479; Кн. 566.
16. РГАДА. Ф. 214. Оп.1 Стб. 84.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566 ; Кн. 622.

References

1. Ogloblin, N.N. (1890) Sibirskie diplomaty XVII veka (Posol'skie "stateynye spiski") [Siberian diplomats of the 17th century (Ambassadorial reports)]. *Istoricheskiy vestnik*. 10 (46). pp. 156–171.
2. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1966) *Pervye russkie diplomaty v Kitae* [The First Russian Diplomats in China]. Moscow: Nauka.
3. Rezun, D.Ya. (1993) *Rodoslovnaya sibirskikh familiy: Istoriya Sibiri v biografyakh i rodoslovnnykh* [Pedigree of Siberian Surnames: History of Siberia in biographies and genealogies]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma.
4. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 214. List 1. Column 27. (In Russian).
5. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) Naselenie Tomskogo uезда v pervoy polovine XVII v. [The population of the Tomsk district in the first half of the 17th century]. *Trudy Tomskogo gos. un-ta imeni V. Kuybysheva. Seriya istoriko-filologicheskaya*. 112. pp. 23–210.
6. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S (eds) (1969) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v.: materialy i dokumenty (1608–1683)* [Russian-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents (1608–1683)]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Kamenetskiy, I.P. (2005) *Russkoe naselenie Kuznetskogo uезда v XVII – nachale XVIII vv.: opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyakh frontira Yuzhnoy Sibiri* [The Russian Population of the Kuznetsk District in the 17th – early 18th Centuries: The experience of life in the conditions of the frontier of Southern Siberia]. Омск: Tipografiya I.P. Dolgov R.N.
8. Kamenetskiy, I.P. (ed.) (2020) *Sluzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI–XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'* [Service People of Siberia at the End of the 16th–18th Centuries: A bio-bibliographic dictionary]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1959) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collected documents]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
10. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, L.E. (1995) *Materialy po istorii Khakassii XVII – nachala XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th – early 18th centuries]. Абакан: Khakassian State University.
11. Zlatkin, I.Ya. & Ustyugov, N.V. (eds) (1974) *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1653. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1636–1653 Collected documents]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
12. Umanskiy, A.P. (1980) *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th–18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
13. Pokrovskiy, N.N. (1989) *Tomsk v 1648–1649 g. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk in 1648–1649. Voivodship authority and zemstvos]. Novosibirsk: Nauka.
14. Emel'yanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu* [Settlement by Russians of the Middle Ob Region in the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. Book 479; Book 566. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. Column 84. (In Russian).
17. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. Book 566; Book 622. (In Russian).

Информация об авторе:

Каменецкий И.П. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: kameneckiiwan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.P. Kamenetskiy, Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kameneckiiwan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2022;
одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 23.05.2022;
approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94.159.922.4
doi: 10.17223/15617793/483/12

Почему Сибирь не Америка: особенности сибирского характера

Станислав Витальевич Мажинский¹

¹Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, mazhnsky@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены характерные черты американского и сибирского характеров, сравнение которых берет начало в XIX в. Особое внимание уделяется мировоззренческим ценностям основам, которые сформированы характером освоения территорий, особенностями социальных отношений и климатическими условиями. На основе исследований отечественных и зарубежных авторов составлена сводная таблица ценностных различий, которая демонстрирует различие ценностных мировоззренческих категорий двух социумов.

Ключевые слова: сибирский характер, пространство, Сибирь, Америка, мировоззрение, индивидуализм

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Мажинский С.В. Почему Сибирь не Америка: особенности сибирского характера // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 114–120. doi: 10.17223/15617793/483/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/12

Why Siberia is not America: Features of the Siberian character

Stanislav V. Mazhinskiy¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, mazhinsky@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the Siberian character as a part of the Russian national character. The article aims to review the special features and traits of the Siberians character. Over the past decades, Russian social sciences have comprehended Siberia as an American model of society. The main research method contains a comparison of Siberian and American societies within the process of colonization and development of the territories of both countries. Based on anthropological, historical and sociological studies, particular results were obtained: there are significant differences between the two societies in mindset, worldview, behavior, social communication, economic activities, and many more. The reasons of the mentioned differences are based on the colonization type and climate characteristics. Siberia was colonized by only one Russian ethnic group in harsh climatic conditions. There were no external threats during the Siberian colonization. North America was colonized by several national states (Britain, France, the Netherlands, Spain) in mild climates. By the way, North American territories were also developed by African slaves who worked at plantations. Besides, America was colonized under the French threat. Native people during the colonization in Siberia and North America played different roles. These totally contrasting conditions had a huge impact on agricultural practices and farming techniques, the worldview of the whole American national character and the Siberian local character. A significant part of this study was focused on the mentality of the Siberians. The core of Siberian mentality contains two big complex categories: space and labor. Space and labor as the main patterns of mentality formed the features of cultural, social and household life of the Siberians. As a result of a comparison of the colonizations and characters of the two societies, a comparative table was drawn up. The table shows the value-based categories of the two societies: desires, purposes, type of social relations, etc. Russian and American studies were taken as sources for evaluating the features. The table shows that only a few value-based categories are similar, other categories are different significantly. Obviously, future research demands more value-based categories for comparison and evaluation. Detailed data about Siberian and American societies will help to conduct research with accurate results for unbiased comprehension.

Keywords: Siberian character, space, Siberia, America, worldview, individualism

Financial support: The research was supported by a grant from the Russian Government, Project No. 075-15-2021-611: Human in the Changing Space of the Urals and Siberia.

For citation: Mazhinskiy, S.V. (2022) Why Siberia is not America: Features of the Siberian character. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 114–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/12

Изучение Сибири как целостного региона с его культурными, этническими и региональными особенностями не теряет своей актуальности. Данный регион составляет более 70% территорий современной России. Сибирь имеет огромную протяженность и ее освоение идет не одно столетие. Люди, населяющие и осваивающие сибирский регион, представляют огромный интерес для изучения историков, социологов, экономистов и этнологов.

Особенности жителей сибирского региона достаточно подробно изучаются как отечественными, так и зарубежными учеными в рамках исследований сибирской идентичности. Среди отечественных ученых можно выделить работы А.А. Анисимовой, А.О. Бороноева, О.Г. Ечевской, Л.М. Путиловой, среди зарубежных исследователей – Р. Колс, У. Клоуз, К. Фишер, Г. Вивер. Формирование сибирской идентичности происходит под влиянием многочисленных факторов: климат, социальная жизнь, экономические отношения, взаимоотношения с коренными народами, бытовой уклад и т.д. Однако вместе с формированием идентичности происходит процесс формирования культурных, поведенческих, психологических и когнитивных моделей общества. Именно эти составляющие и обуславливают ментальность жителей сибирского региона, которая составляет сибирский характер.

Национальный характер является важным элементом понимания психокультурных особенностей любого национального государства и представляется целостным явлением. Отношение ученого сообщества к концепции национального характера неоднозначно. Основные направления критики концепции основывались на том, что отсутствуют адекватные эмпирические методы измерения культурных особенностей, что концепция получила только развитие в период Второй Мировой войны и в данный момент устарела, что концепция изначально была построена на расовых различиях и т.д. В XX в. делались попытки заменить национальный характер на другие концепции и исключить его из исследовательского поля, однако в начале XXI учеными был замечен растущий интерес к исследованию концепции [1. Р. 1]. По сути, в первом приближении национальный характер представляет собой психокультурную оболочку государства, где собраны специфические черты и отличия народа.

Цель статьи – выявление особенностей сибирского характера. Сибирский характер в данном исследовании не противопоставляется российскому национальному характеру, а является его частью со своей спецификой. Понимание особенностей сибирского характера позволит лучше представлять сибирский социум и его черты, а также объяснять социальные процессы в данном регионе.

Если рассматривать национальный характер с позиции регионов национального государства, то в таком измерении он представляется уже не целостным, а раздробленным. Такую ситуацию Гегель называл термином «партикулярность». То есть в рамках одного национального характера может находиться множество региональных субхарактеров, которые зависят от локальных особенностей проживания одной этни-

ческой группы или народа [2. С. 57]. Партикулярность указывает на национальные особенности внутри государства, разделяя его на определенные регионы. В мире обычно государства разделяется на два больших региона. Яркими примерами партикулярности при первом приближении, может быть разделение на север и юг территорий Китая, Германии и Италии, разделение на восточный берег и западный берег в США и т.д. Подобное территориальное разделение государств, как правило, не имеет четких границ между регионами и исходит из самоощущения нации. Самоощущение внутри нации происходит на основе диалектов, стереотипов, разного понимания и отношения к одним и тем же явлениям внутри государства, разных климатических условий, питания и т.д. Или же подобное разделение может строиться на основе проживания крупных этносов в рамках одного государства, например, Фландрия и Валлония в Бельгии, Страна Басков и Каталония в Испании.

Рассматривая современную Россию, стоит сказать о том, что каждый из больших регионов формирует свою партикулярность, свой региональный характер: например, Кавказ, Центральная Россия, Кубань, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Если рассматривать в контексте бирегionalности, то обычно в России выделяют ее европейскую часть и азиатскую, а деликательной чертой являются Уральские горы.

Понятие «сибирский характер» как партикулярность, т.е. часть российского национального характера, обусловлено суровыми климатическими условиями и обширными пространствами [3. Р. 48]. Стоит отметить, что понятие «сибирский характер» является комплексной категорией, где менталитет является важным аспектом. В менталитете отражены психические, культурные, мировоззренческие и поведенческие модели сибирского общества. Это сформировало непохожесть и особенности сибиряков, выделяет их на фоне российского национального характера. Данная особенность была отмечена впервые несколько веков назад, что послужило основой для сравнения жителей Сибири с представителями других государств.

Сибирь – новая Америка?

Сравнение жителей Сибири с североамериканцами берет свое начало еще с XIX в. В работе И.П. Завалишина «Описание Западной Сибири» сибиряки, которые характеризуются деятельностью, сдержанностью, трудолюбием, сравниваются с американцами [4. С. 79]. Подобное восприятие сибиряков в России стало поддерживаться как в начале XX в., так и в начале XXI в.

В начале XX в. освоение Сибири сравнивалось с освоением территорий США. На эту тему в 1906 г. была подготовлена работа А. Глейнера, в которой выражались надежды на то, что Сибирь в скором времени сделается второй Америкой [5. С. 25]. В книге быстрый рост сибирских городов сопоставлялся с развитием городов в США, проводились параллели экономической и социальной жизни. Но революцион-

ные изменения в России и советский период поменяли риторику, связанную с Сибирью, до 2000-х гг.

Прикладные исследования, проводимые российскими социологами в середине 1995–1996-х гг., пытались выявить региональные особенности сибирского региона. Данные исследования были основаны на методике нидерландского социолога Герта Хофстеде, который предложил количественные измерения национальной культуры. «Национальная культура» как термин был предложен вместо национального характера, который считался спекулятивным и неточным [6. Р. 1]. В количественные показатели им были включены такие измерения, как дистанция власти, долгосрочная ориентация, индивидуализм, маскулинность, избегание неопределенности [6. Р. 79–454]. В данных исследованиях, проведенных в середине 1990-х гг., Сибирь характеризовалась как наименее индивидуалистичный регион, с наименьшим уровнем избегания неопределенностей. Такие результаты и выводы, возможно, были сделаны из-за того, что в выборке принимало большое количество студентов – 250 человек [7. С. 47]. Студенты как социальная категория находятся в процессе социализации и объективно полноценными носителями ценностных моделей быть не могут. Полноценными носителями национальных культурных и ценностных моделей могут быть только социально зрелые личности [8. Р. 14].

С середины 2000-х гг. среди ученых была переосмыслена идея о том, что Сибирь, рассматриваемая как социально-экономическое пространство, по своим характеристикам похожа на США. Доктор экономических наук МГУ А.А. Аузан в 2006 г. заметил, что Россия является не евразийской страной, а евро-американской. По его мнению, за Уралом начинается типичная Америка [9. С. 194]. Такая позиция вновь продемонстрировала, что Сибирь как социально-экономическое пространство существенно отличается от остальной России.

Сравнение Сибири с Америкой затрагивает вопрос об идентичных ценностях. Главной ценностью в американском обществе является индивидуализм, и если следовать этой логике, то в целом Сибирь по складу характера и ментальности близка к американскому обществу. Соответственно, слабым аспектом социальных отношений является коллективизм. Дальнейшие исследования отечественных ученых середины 2000-х и конца 2010-х гг. с большей выборкой это доказали. В Тюменской области, Красноярском крае, Республике Саха, Республике Бурятия и Томской области высокие показатели индивидуализма, избегания неопределенности и высокая дистанцированность власти [7. С. 47–48]. Прикладные исследования показали, что индивидуализм как основа социальных отношений характерен и для Сибири, и для США. Хотя в тот же период (в начале 2010-х) проводились исследования новосибирских социологов А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской, которые дали противоречивые результаты. По данным их исследований, в характере сибиряков имеет место как индивидуализм, так и коллективизм, что и отразилось в амбивалентности сибирского характера [10. С. 67–69].

Тезисы о том, что за Уралом начинается типичная Америка, а индивидуализм является высшей ценно-

стью сибиряков, являются сомнительны. Индивидуализм как часть социальных отношений и деловой активности в Сибири, безусловно, присутствует, но не является высшей ценностью, определяющей мировоззрение и основные психокультурные модели сибирского общества. Важным доводом может послужить то, что территории Сибири и Америки осваивались разными методами и в разных условиях.

Во-первых, в Сибири промысловая колонизация была начальным этапом освоения территории, а затем появились земледельческие и ремесленные центры [11. С. 12–13]. Профессор Томского государственного университета В.П. Зиновьев выделяет четыре этапа освоения: 1) военно-политическое присоединение; 2) промысловое освоение; 3) аграрное освоение; 4) современный этап – индустриальное освоение [12. С. 111]. В США колонизация проводилась, с одной стороны, колониальными державами – Британией, Францией, Голландией, Испанией, с другой стороны, с помощью рабов, которых доставляли из Африки. Например, в Северную Америку на территорию современных США было завезено от 500 до 600 тысяч рабов, которых активно использовали в освоении новых территорий, их труд был востребован преимущественно на плантациях [13. Р. 7].

Во-вторых, освоение территорий происходило в кардинально разных климатических условиях: резко континентальный климат в Сибири, умеренный и субтропический климатические пояса в США. Климат, в свою очередь, обуславливал хозяйственную деятельность переселенцев и земледельческую специфику, отразился на бытовых качествах и традициях.

В-третьих, если освоение территорий в США проходило под внешней угрозой вторжения французских колонистов, то в Сибири выраженных внешних угроз не было.

В-четвертых, если коренное население в Сибири было вовлечено в торговые отношения с русскими, что позволило обогащаться всем, то в США коренное население было использовано в противостоянии колониальных держав, особенно в середине XVIII в. [14. С. 263–277]. К тому же главы колоний в Северной Америке занимались не политикой осваивания новых территорий, а активной скупкой на западе больших земельных участков задешево у коренного населения и последующей их продажей переселенцам по более высокой цене [14. С. 270].

В-пятых, освоение Сибири в XX в. происходило в формате создания моногородов, которые подразумевают постоянное проживание населения на осваиваемых территориях. Тем временем в США основой освоения территорий был вахтовый метод работы, который менее затратен и более выгоден экономически, так как имеет сезонный характер и не требует постоянного проживания на осваиваемых территориях.

Как видно из сравнения, исходные условия освоения огромных пространств США и Сибири имели существенные различия. Разные условия освоения и особенности проживания существенно повлияли на характер социальных отношений, мировоззрение и ценности. На основе этого формировались общества

двух осваиваемых пространств. Существенная разница в освоении территорий США и Сибири несколько столетий подряд определяла особенности в формировании ментальности, а значит, и отношение к природе, к человеку и к идентичности.

Сравнение Сибири с Америкой строилось не на изучении культурно-психологических особенностей сибиряков, а на экономической жизни этого региона. С философско-политической точки зрения эту особенность можно объяснить формированием как в Сибири, так и в США гражданского общества смитовского типа с XVIII в. до начала XX в. [15. Р. 61]. Особенностью данного общества являются свобода личности и свободные экономические отношения, которые подразумевают определенное поведение и социально-экономическую активность, что обуславливает внешнюю схожесть обществ Сибири и США в XIX в.

К вопросу о ценностной картине мира сибиряков

Рассмотрение мировоззренческих основ населения Сибири представляется на сегодняшний день достаточно сложным. Ментальность, с ее набором ценностных установок, моделей и стереотипов, как часть психики общества не осознается населением. По этой причине в количественных прикладных исследованиях ее достаточно сложно выделить. Более того, процессы глобализации оказали существенное влияние на культурные особенности государств и народов. Культурные особенности под влиянием глобализации стали трансформироваться или вовсе стираться. Также существенно трансформировалась передача культурных норм и поведения от поколения к поколению, поэтому приходится обращаться к ранним работам – XIX и XX вв.

Освоение огромных пространств Сибири в суровых климатических условиях требовало высоких моральных качеств [3. Р. 49], способствующих выживанию и ведению хозяйственной деятельности, они и стали определять основы сибирского менталитета. Отечественный философ Л.М. Путилова в своих исследованиях указывала на то, что высшей ценностью сибиряков являлся труд [16. С. 64]. Так как труд в суровых климатических условиях являлся высшей и созидательной ценностью, то на основе его разворачиваются следующие характеристики:

Во-первых, на основе этой ценности, способствующей выживанию и преобразованию территорий, у жителей Сибири сформировались качества бережливости и запасливости [16. С. 64]. Поэтому среди сибирского населения расточительство и бездумная трата накопленного осуждались.

Во-вторых, на основе труда в тяжелых климатических условиях сформировались уважение к труду человека и к продукту его деятельности – собственности. Человек, труд и результат труда в сибирских условиях стали ценными. Поэтому покушение на чужую собственность или результаты труда среди жителей Сибири крайне осуждалось, считалось недостойными и низкими [16. С. 64].

В-третьих, на основе качества труда появилась такая личностная характеристика, как самоуважение.

Труд был преимущественно «на себя», поэтому необходимо доводить любое начатое дело до конца – качественно и добротнo, даже при неблагоприятных условиях или обстоятельствах. Это непосредственно отразилось на поведении и личностных качествах. Путилова отметила, что старожилы Сибири обладали такими качествами, как твердость духа, смелость, предприимчивость, настойчивость и упорство, а также уগ্রямство и грубоватость [16. С. 65]. К этим качествам также добавлялось наличие мужественности и физической силы [3. Р. 48].

В-четвертых, для выполнения созидательной деятельности по освоению пространства было необходимо поддерживать жизнедеятельность и здоровье. Для этого приходилось делать большие запасы не только продуктов питания, но и различных трав. Огромные лесные пространства позволяли запастись впрок не только пищу, но и целебные травы, создавая у населения Сибири ощущение изобилия. Использование целебных трав сибиряками существенно обогатило народную медицину. Известны случаи не только заготовки в Сибири трав и лекарственных растений для городов центральной России, но и направления сибирских «травников» на службу в Москву в XVII–XVIII вв. [17. С. 178]. Кроме того, здоровье сибиряков в середине XIX в. было значительно лучше, чем в остальной России [4. С. 79].

Очевидно, что рассмотренные качества формировали среди сибирского населения истинно «мужские» черты ментальности и миропонимания, которые наложили особенности на социальные отношения и бытовые традиции. Это определяет сибиряков как неразговорчивых, как «людей дела», для которых характерны замкнутость и монотонность жизни [16. С. 64].

Вместе с трудом базовой ценностью сибиряков также является восприятие «своей земли». Земля воспринимается не как ресурс для экономических выгод, не кладовая полезных ископаемых, а как самостоятельная пространственная ценность [18. С. 24]. Земля понимается как пространство, которое нужно освоить для комфортной жизни. Отсюда сформировалось не «потребительское» отношение к сибирской земле. Исследователями было замечено, что отношение к сибирской земле как к пространству является чертой, которая отделяет «своих» сибиряков от «чужих». «Чужими» являются те, кто относится к Сибири с позиции прагматизма, личной выгоды или краткосрочных целей [18. С. 24–25].

Пространственное понимание перенеслось у сибирских старожил и на жилища. Это позволило избежать неопрятности и неряшества в хозяйстве, как об этом писал Завалишин [4. С. 79]. Восприятие «своего пространства» и «своей земли» сформировало хозяйственность в сибиряках. Любое обустройство пространства и поддержание «обжитости» требует хозяйственности и качественного труда. Поэтому отношение к сибирской земле у сибирских старожил не с позиции купца или дельца, а с позиции хозяина. Многие историки и этнологи конца XIX – начала XX в. замечали, что жителям Сибири, которые не имели плотных контактов с европейскими странами, были

присущи чистота и опрятность, которые иногда доходили до педантизма [19. С. 90].

Наличие огромных пространств для освоения при суровом климате требовало огромных людских усилий. Именно консолидированные усилия сибиряков способствовали и обогащению, и освоению больших пространств. Именно в этой сибирской консолидации в XIX в. стала стираться сословная дифференциация, в отличие от остальной России того времени [19. С. 87]. К тому же сложилось различное понимание организованного пространства, особенно у первых поселенцев [20. С. 158].

Из-за сложных климатических условий и бескрайних пространств, а также за неимением помещичества, крепостного права и чиновничьего гнета у жителей Сибири сформировались свободолюбие и гибкость мышления [21. Р. 192–196]. Свободолюбие отразилось на отношении к власти и освоению территорий. У сибиряков не было трепета и нежности к царскому правительству [19. С. 87]. К тому же был вольный характер освоения пространства – без поддержки властей, без государственных услуг. Власть территориально находилась далеко от мест освоения, а сибирские территории считались далекой окраиной. Это сформировало замкнутость Сибири на самой себе в социальном плане [22. С. 28].

Гибкость ума проявилась в отношении элементов мировоззрения. Сибиряки с одинаковым почитанием относились и к молитвам, и к заговорам. В мировоззренческом плане произошло наложение друг на друга языческих и христианских традиций, которые были в отношении друг друга неконфликтны [16. С. 66].

Пространство и труд как ценностные комплексные единицы формируют базовую ценностную основу

мировоззрения сибиряков. На этой ценностной основе формируются особенности человеческих качеств сибиряков, которые, в свою очередь, передаются последующим поколениям. Данное сочетание играет ключевую роль в коммуникации, поведении, характере и отношениях жителей Сибири. Более того, это сочетание, бесспорно, является ментальным стержнем сибирского общества, который обуславливает картину мира. Очевидно, что в эпоху глобализации некоторые аспекты и особенности национального характера трансформировались либо проявляются частично.

Америка и Сибирь в контексте мировоззренческих различий

Важным выводом отечественных ученых, изучавших особенности Сибири, является то, что ценностью сибиряков является индивидуализм, а значит, именно этой характеристикой сибиряки схожи с американцами. Индивидуализм является комплексной ценностной парадигмой американского общества. В основе индивидуализма находится индивид, относительно автономный и независимый, морально ответственный [23. Р. 363]. То есть индивидуальная личность в американском обществе реализует принципы личной свободы и ответственности.

Сравнение качеств сибиряков и американцев можно выразить в таблице, которая отражает отношение к некоторым категориям социальной жизни и быту, а также ценностные характеристики. Возможно, из-за процессов глобализации и социальных трансформаций некоторые из представленных категорий показаны в социумах исследуемых территорий не явно.

Сравнение качеств сибиряков и американцев

Категории	Сибирь	Америка
Отношение к окружающей среде	Освоение и облагораживание	Контроль и сохранение
Основа социальных отношений	Взаимопомощь	Само-помощь (Self-Help)
Социальная среда	Кооперация	Конкуренция
Ориентация во времени	Проживание здесь и сейчас, краткосрочные стратегии	Ориентация на будущее, долгосрочные стратегии
Мировоззренческая основа	Пространственная	Личностная
Тип социума	Сдержанный, замкнутый, медлительный	Открытый, экспрессивный, активный
Отношения ко времени	Время как возможность успеть сделать необходимое: аграрный цикл, отдых и т.д.	Жесткий контроль за временем, время как ресурс
Отношения к ресурсам	Запасливое	Авантюрно-рискованное
Основа достижений	Труд	Личностные качества
Цель	Удобство и изобилие	Успешная личность, сделать себя самого (self-made man)
Желания	Новые впечатления	Чувствовать себя большой дружной семьей
Отношение к труду	Четкие профессиональные навыки, экономящие время работы, эффективность	Трудоголизм, опора на профессиональные навыки
Изменения	Ведут к неопределенности	Ведут к развитию и прогрессу
Отношение к приезжим	Разделение на «своих» и «чужих»	Равенство и одинаковые возможности

Примечание. Сравнительная таблица составлена на основе работ А.О. Бороноева [22], Л.М. Путиловой [16], А. Анисимовой, О. Ечевской [10, 18, 21], R.L. Kohls [24], C.S. Fischer [23], G.R. Weaver [25].

Выводы

Как видно из сравнения ценностных характеристик сибиряков и американцев, между культурами двух обществ существует очевидная разница. Однако есть категории, которые некоторым образом

сходны, например отношение к труду. Но в остальных категориях, которые составляют ценностные основы двух социумов, видны отличия, в них мало схожих черт.

Сравнение Сибири и Америки в XIX и начале XX в. было связано с быстрым развитием сибирских

городов, развитием инфраструктуры и обогащением. Этими процессами две территории были схожи в то время. Однако в конце XX и начале XXI в. эту схожесть пытались выявить с помощью эмпирических исследований экономистов и социологов при изучении социальных характеристик и идентичностей. На первое место в качестве основы сравнения выходит такое выявленное свойство сибирского социума, как индивидуализм. И вновь происходит возобновление интереса к поиску схожих черт сибирского и американского социумов. Однако, как показывает данное исследование, ни в плане исторического развития, ни в ментальном плане явного сходства нет.

Основывая сравнение лишь на одной категории – индивидуализме, можно получить лишь поверхностные результаты, соответственно, и поверхностное

понимание сибирского общества. Черты индивидуализма при повсеместных процессах глобализации характерны для многих народов. К тому же глобализация с ее индивидуалистическими характеристиками трансформировала традиционные отличительные черты того или иного социума.

«Пространство» и «труд» как основы менталитета сибиряков определяют ценностную картину мира сибиряков, а также социальные отношения. Эти характеристики существенно отличаются от характеристик российского менталитета, хотя сибирский менталитет является его органичной частью. Дальнейшее описание сибирской идентичности и сибирского характера в терминах базовых ценностных категорий позволит более комплексно рассмотреть особенности и черты сибиряков.

Список источников

1. Sneffella B., Schmidtke D., Kuperman V. National character stereotypes mirror language use: a study of Canadian and American tweets // PLOS ONE. 2018. Vol. 13, № 11. P. 1–37. doi: 10.1371/journal.pone.0206188
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрмана и Фердинанда Вальтера. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 304 с.
3. Clowes E.W. Being a Sibiriac in contemporary Siberia: imagined geography and vocabularies of identity in regional writing culture // Region: regional studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2013. Vol. 2, № 1. P. 47–67. doi: 10.1353/reg.2013.0005
4. Завалишин И.П. Описание Западной Сибири. М. : Типография Грачева и комп., 1862. 414 с.
5. Глейнер А. Сибирь, будущая Америка. Киев : Тип. Петра Барского, 1906. 60 с.
6. Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Second edition. Thousand Oaks : Sage Publications, Inc., 2001. 568 p.
7. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру. М. : Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. 200 с.
8. Inkeles A. National character: a psycho-social perspective. New Brunswick, N.J. : Transaction Publishers, 1997. 426 p.
9. Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М. : ОГИ, 2006. 288 с.
10. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск : НГУ, 2012. 176 с.
11. Сибирский характер как ценность / под ред. М.И. Шиловой. Красноярск, 2011. Т. 4. 248 с.
12. Зиновьев В.П. Этапы освоения Северной Азии. Демографический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 111–114. doi: 10.17223/15617793/413/17
13. Slavery and Justice / Edited by Allen B.A., Armstrong P., Azfar F. et. al. Brown University, 2003. 107 p.
14. Азимов А. История США: освоение Северной Америки. М. : Б.С.Г. – ПРЕСС, 2003. 336 с.
15. Smith-Peter S. Imagining Russian regions: subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Boston : Brill, 2018. 328 p.
16. Путилова Л.М. Проблема обусловленности исторических форм поселения и менталитета Сибири // Проблемы сибирской ментальности. СПб. : Астерион, 2004. С. 60–69.
17. История Сибири. Сибирь в составе феодальной России / под ред. А.П. Окладникова, В.И. Шункова. Л. : Наука, 1968. Т. 2. 535 с.
18. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // Laboratorium. 2012. № 4 (3). С. 11–41.
19. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.) / под ред. А.В. Немировской. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011. 222 с.
20. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 152–158.
21. Anisimova A., Echevskaya O. Siberian regional identity: self-perception, solidarity or political claim? // Russia's regional identities: the power of the provinces. London : Routledge, 2018. P. 189–205.
22. Боронов А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования // Проблемы сибирской ментальности. СПб. : Астерион, 2004. С. 26–33.
23. Fischer C.S. Paradoxes of American individualism // Sociological Forum. 2008. Vol. 23, № 2. P. 363–372.
24. Kohls R.L. The values Americans live by. New York : Meridian House International, 1984. 17 p.
25. Weaver G.R. American cultural values // Kokusai Bunka Kenshu (International Training). 1997. Vol. 14. P. 14–20.

References

1. Sneffella, B., Schmidtke, D. & Kuperman, V. (2018) National character stereotypes mirror language use: a study of Canadian and American tweets. *PLOS ONE*. 11 (13). pp. 1–37. DOI: 10.1371/journal.pone.0206188
2. Hegel, G.W.F. (2014) *Leksii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828. V zapisi Ioganna Eduarda Erdmana i Ferdinanda Val'tera* [Lectures on the Philosophy of Spirit. Berlin 1827/1828. Recorded by Johann Eduard Erdmann and Ferdinand Walter]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
3. Clowes, E.W. (2013) Being a Sibiriac in contemporary Siberia: imagined geography and vocabularies of identity in regional writing culture. *Region: regional studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 1 (2). pp. 47–67. DOI: 10.1353/reg.2013.0005
4. Zavalishin, I.P. (1862) *Opisanie Zapadnoy Sibiri* [Description of Western Siberia]. Moscow: Tipografiya Gracheva i komp.
5. Gleyner, A. (1906) *Sibir', budushchaya Amerika* [Siberia, the Future America]. Kiev: Tip. Petra Barskogo.
6. Hofstede, G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, Inc.
7. Auзан, A.A. & Nikishina, E.N. (2021) *Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu* [Socio-Cultural Economics: How culture affects the economy, and how the economy influences culture]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.

8. Inkeles, A. (1997) *National Character: A psycho-social perspective*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.
9. Auzan, A.A. (2006) *Tri publichnye lektzii o grazhdanskom obshchestve* [Three Public Lectures on Civil Society]. Moscow: OGI.
10. Anisimova, A.A. & Echevskaya, O.G. (2012) *Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii* [Siberian Identity: Prerequisites for formation, contexts of actualization]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
11. Shilovoy, M.I. (ed) (2011) *Sibirskiy kharakter kak tsennost'* [Siberian Character as a Value]. Vol. 4. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
12. Zinov'ev, V.P. (2016) Periods of economic development in North Asia. The demographic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 111–114. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/17
13. Allen, B.A. et al. (eds) (2003) *Slavery and Justice*. Providence: Brown University.
14. Azimov, A. (2003) *Istoriya SShA: osvoenie Severnoy Ameriki* [History of the USA: Exploration of North America]. Moscow: B.S.G. – PRESS.
15. Smith-Peter, S. (2018) *Imagining Russian Regions: Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia*. Boston: Brill.
16. Putilova, L.M. (2004) Problema obuslovlennosti istoricheskikh form poseleniya i mentaliteta Sibiri [The problem of conditionality of the historical forms of the settlement and the mentality of Siberia]. In: Boronoev, A.O. et al. *Problemy sibirskoy mental'nosti* [Problems of the Siberian Mentality]. Saint Petersburg: Asterion. pp. 60–69.
17. Okladnikova, A.P. & Shunkova, V.I. (1968) *Istoriya Sibiri. Sibir' v sostave feodal'noy Rossii* [History of Siberia. Siberia as part of feudal Russia]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
18. Anisimova, A. & Echevskaya, O. (2012) “Sibiriyak”: obshchnost', natsional'nost' ili “sostoyanie dushi”? [“Siberian”: community, nationality or “state of mind”?]. *Laboratorium*. 4 (3). pp. 11–41.
19. Nemirovskaya, A.V. (2011) *Sotsiokul'turnye protsessy v Vostochnoy Sibiri (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy v Krasnoyarskom krae i Respublike Khakasiya v 2009–2011 gg.)* [Sociocultural Processes in Eastern Siberia (Based on sociological research in the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia in 2009–2011)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
20. Lyutsidarskaya, A.A. (1997) Kolonizatsiya Sibiri: chelovek i prostranstvo [Colonization of Siberia: man and space]. In: *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura* [Peoples of Siberia: History and culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 152–158.
21. Anisimova, A. & Echevskaya, O. (2018) Siberian regional identity: self-perception, solidarity or political claim? In: Clowes, E., Erbslöh, G. & Kokobobo, A. (eds) *Russia's Regional Identities: The power of the provinces*. London: Routledge. pp. 189–205.
22. Boronoev, A.O. (2004) Sibirskiy mentalitet: sodержanie i aktual'nost' issledovaniya [Siberian mentality: the content and relevance of the study]. In: Boronoev, A.O. et al. *Problemy sibirskoy mental'nosti* [Problems of the Siberian Mentality]. Saint Petersburg: Asterion. pp. 26–33.
23. Fissler, C.S. (2008) Paradoxes of American individualism. *Sociological Forum*. 2 (23). pp. 363–372.
24. Kohls, R.L. (1984) *The Values Americans Live by*. New York: Meridian House International.
25. Weaver, G.R. (1997) American cultural values. *Kokusai Bunka Kenshu (International Training)*. 14. pp. 14–20.

Информация об авторе:

Мажинский С.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: mazhnsky@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Mazhinskiy, Cand. Sci. (History), senior researcher, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: mazhinskiy@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.09.2022;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 26.09.2022;
approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94(510)(=091)+(045)
doi: 10.17223/15617793/483/13

История развития китайского города Харбин в системе межмуниципального сотрудничества с Россией (1993 г. по настоящее время)

Светлана Борисовна Макеева¹

¹Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия
msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика регионального развития северо-восточного города Харбин в системе партнёрского, побратимского межмуниципального сотрудничества с российскими городами – Хабаровском, Якутском, Краснодаром и Мурманском. Особое внимание уделено перспективам и возможностям в поддержании межмуниципального взаимодействия по линии Харбин – российские города.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, Харбин, региональная история, города-побратимы, Хабаровск, Якутск, Мурманск, Краснодар, партнёрское сотрудничество

Для цитирования: Макеева С.Б. История развития китайского города Харбин в системе межмуниципального сотрудничества с Россией (1993 г. по настоящее время) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 121–129. doi: 10.17223/15617793/483/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/13

The history of the development of the Chinese city Harbin in the system of inter-municipal cooperation with Russia (from 1993 to the present)

Svetlana B. Makeeva¹

¹ Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The aim of this article is to consider the specifics of the regional development of the northeastern city Harbin in the system of partnership, sister city inter-municipal cooperation with Russian cities Khabarovsk, Yakutsk, Krasnodar and Murmansk. Special attention is also paid to the prospects and opportunities in maintaining inter-municipal cooperation between Harbin and the Russian cities. Chinese researchers (Zhang Xiujie, Ma Xiaohe, Yu Yabin, Du Lizhu, Yang Qingshan, Zhao Yichun, Yu Bingyan, Li Tuliang) consider the peculiarities of the economic, geographical, historical transformations of Harbin, a northeastern city in China. Until now, there has been no comprehensive analysis of the modern interaction between Harbin and the Russian cities Khabarovsk, Yakutsk, Krasnodar and Murmansk in Russian and Chinese research. Plans for regional transformations in the province of Heilongjiang at the beginning of the 21st century. aim to revive the old industrial bases in Northeast China. The key role in this process belongs to Harbin, a historical and cultural city, the northeastern center of the economy, politics, trade, culture, science and technology; a future big data storage and processing center in North China; the city of an innovative model of ecological construction of the digital economy of the northeast of China. The history of Harbin's regional development shows this city is a space of historical integration of cultures of different countries, it is a famous historical city with a great cultural heritage and distinctive features of multiculturalism. In regional transformations, Harbin pays special attention to the inter-municipal interaction with foreign cities. After the normalization of Soviet-Chinese relations in 1985, practically the entire Northeast of the PRC played a leading role in restoring ties with Russian cities and regions. The modern development of Harbin in cooperation with the cities of the world is built on the basis of the implementation of the global project of the New Silk Road – the One Belt, One Road (OBOR) initiative. The Chinese side is interested in moving the dialogue with Russian sister cities from humanitarian cooperation to multi-vector partnerships. Harbin attaches great importance to inter-municipal cooperation with foreign cities under the Chinese concept of “foreign affairs for the people”. The Russian cities Khabarovsk, Yakutsk, Murmansk, Krasnodar became Harbin's sister cities; their cooperation since the early 1990s has developed in various directions. The experience of inter-municipal twinning, partnership cooperation accumulated over the past decades between Harbin and Khabarovsk, Yakutsk, Murmansk, and Krasnodar can serve as a basis for further interaction between the Chinese city Harbin and other Russian cities.

Keywords: Northeast China, Harbin, regional history, sister cities, Khabarovsk, Yakutsk, Murmansk, Krasnodar

For citation: Makeeva, S.B. (2022) The history of the development of the Chinese city Harbin in the system of inter-municipal cooperation with Russia (from 1993 to the present). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 121–129. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/13

Введение. С 1985 г., с начала периода нормализации и восстановления китайско-советских отношений, северо-восточные города и провинции Китая проявляли активность в установлении и развитии межрегионального и межмуниципального сотрудничества с областями и краями, городами Советского Союза. Особая роль в данном процессе отводилась системе побратимского сотрудничества, которая регулировалась четкими указаниями ЦК КПК и Государственного совета через Китайскую ассоциацию дружбы с зарубежными странами (中国人民对外友好协会). Китайская сторона была заинтересована вывести диалог с городами-побратимами и регионами-побратимами России из разряда гуманитарного сотрудничества в систему многовекторного партнёрского взаимодействия.

В сложившейся современной ситуации исследование различных направлений российско-китайских отношений представляет особую значимость. Важная роль отводится изучению практических результатов партнёрского взаимодействия российских и китайских регионов и городов. На фоне крупных китайских макрорегионов, поддерживающих сотрудничество с Россией на протяжении последних 30 лет, выделяется приграничный Северо-Восточный Китай, а среди северо-восточных городов стоит отметить роль города Харбина (провинция Хэйлунцзян), за которым в качестве побратимских партнёров были закреплены 4 российских города – Хабаровск, Якутск, Краснодар и Мурманск. Межмуниципальное сотрудничество с этими городами развивалось по различным направлениям.

Современная заинтересованность России в поддержании отношений с Китаем, получении практических результатов, с одной стороны, должна быть основана на глубоком анализе развития китайских партнёрских городов и регионов, их опыте решения проблем муниципального и регионального хозяйства, перспективных проектах преобразований на ближайшие годы, а с другой – необходимо проследить накопленный опыт партнёрского сотрудничества по линии «российские – китайские города и регионы». Только комплексное рассмотрение этих двух аспектов позволит использовать информацию с практической пользой для российских городов, планирующих встроиться в систему взаимодействия с китайскими городами и получать реальные практические результаты от сотрудничества.

Целью данной статьи является рассмотрение специфики регионального развития северо-восточного города Харбина в системе партнёрского, побратимского межмуниципального сотрудничества с российскими городами: Хабаровском, Якутском, Краснодаром и Мурманском. Особое внимание уделено перспективам и возможностям в поддержании межмуниципального взаимодействия по линии Харбин – российские города.

Стоит отметить, что рассмотрению особенностей развития китайского города посвящены работы китайских специалистов (Чжан Сюэцзе, Ма Сяохэ, Юй Ябиня, Ду Личжу, Ян Циншаня, Чжао Ичуня, Юй Биньяна, Ли Туляна), в которых представлены экономические, географические, исторические преобразования одного из северо-восточных городов Китая – Харбин. До настоящего времени комплексное рассмотрение современного взаимодействия города Харбин с такими российскими городами, как Хабаровск, Якутск, Краснодар и Мурманск, не было представлено в работах отечественных и китайских специалистов.

История пространственных преобразований в городе Харбин в 1980–2020-е гг. Особый импульс развитию северо-восточного города Харбин придавала политика «реформ и открытости», реализовывавшаяся в КНР с 1978 г. Революционный комитет города Харбин 11 января 1980 г. был преобразован в Народное правительство города, в подчинении которого находилось 7 городских районов: Даоли, Даовай, Наньган, Сянфан, Дунли, Тайпин и Пинфан [1]. В октябре 1983 г. по инициативе Государственного совета два уезда Ачэн и Хулань вошли в состав города Харбин. 2 февраля 1991 г. уезды Фанчжэн, Биньсянь, Илань города Цзямусы были переданы Госсоветом городу Харбин [2].

Расширение городских границ Харбина оказало влияние на социально-экономические преобразования городской инфраструктуры. 20 июля 1992 г. было полностью завершено строительство магистрального газопровода от уезда Илань до Харбина, общей протяженностью 249 км. В 1992 г. в рамках Шестой сессии Девятого собрания народных представителей на муниципальном уровне было принято решение о пространственных преобразованиях района ветхого жилья в г. Харбин. 11 октября 1993 г. была проведена реконструкция городского района аварийных домов «Дяди дигао», где в начале XX в. проживали семьи бедных харбинских железнодорожников. В общей сложности к октябрю 1993 г. первая очередь проекта была завершена и построено 47 современных зданий [3].

В ходе общегосударственной реформы административного деления на муниципальном уровне на заседании постоянной комиссии партийного комитета провинции Хэйлунцзян 4 сентября 1996 г. было принято решение об объединении района реки Сунгари и города Харбин и формировании территории нового города Харбин, который включал в себя 7 районов, 12 уездов, в том числе мелкие города Шуанчэн, Шанчжи, Учан, уезды Баянь, Мулань, Тунхэ и Яньшоу [4].

Одним из основных исторических источников регионального развития города Харбин выступают генеральные планы. С середины 1980-х гг. в Харбине зародилась современная городская планировка. Согласно генпланам г. Харбин от 1984 г. и от 1996 г.,

«город Харбин – это столица провинции Хэйлунцзян, исторический и культурный город, северо-восточный центр экономики, политики, торговли, культуры, науки и техники» [5]. В Генплане города Харбин от 2002 г. было указано, что это «столица провинции Хэйлунцзян, региональный центральный город, исторический и культурный город, город ледового и снежного туризма мирового уровня» [6]. В истории планирования города Харбин стоит отметить 1997 г., когда методы градостроительства изменились, когда проводились масштабные работы по диагностике улиц, микрорайонов и территорий города [7]. В 1999 г. была создана Служба стратегического планирования города Харбин. За период реализации Десятого пятилетнего плана социально-экономического развития КНР (2001–2006 гг.) были отремонтированы и расширены улицы города Харбин: Биньцзян, Гунбинь, Тунсян, Вэньчан, Чанцзян, Чаншоу, Гундянь, Сюэфу Саньдао, улица Храма Конфуция, западный участок улицы Баоцзянь; проложено 76 участков грунтовых дорог в пригородной зоне города Харбин [8].

Начало реализации Госсоветом КНР в 2003 г. «Стратегии возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае» позволило решать проблемы неравномерности и диспропорциональности развития промышленности в северо-восточных провинциях и городах, в частности в городе Харбин. В феврале 2004 г. Госсовет КНР принял решение об обновлении административного деления города Харбин. Были образованы два новых района Сунбэй и Хулань, район Тайпин был упразднен, а его административная территория передана району Даовай. Функции административного уезда Хулань были скорректированы [9]. В сентябре 2004 г. началась реализация проекта «Дадинцзышань» (大顶子山), представляющего собой проект авионики, т.е. судоходный и энергетический план по управлению основным течением реки Сунгари. В октябре 2005 г. был запущен крупнейший в городе проект центрального отопления «Даоли» [10]. В 2005 г. Бюро городского планирования города Харбин представило «Специальный план содействия инвестициям в городское пространство Харбина». В декабре 2006 г. была завершена первая фаза проекта водоснабжения Мопаньшань (磨盘山), что позволило решить проблему с поставкой воды в отдалённые районы города Харбин. В августе 2007 г. официально началось строительство главной городской магистрали «две горизонтальные и три вертикальные» (两横三纵) в районе Цюньли на южном берегу реки Сунгари [11].

Данный новый городской район был спроектирован и построен по высоким экологическим стандартам в соответствии с планом развитой социальной инфраструктуры [12]. В настоящее время в состав Харбина входит 18 административных центров уездного уровня, в том числе 9 районов городского подчинения, 2 города уездного уровня и 7 уездов, а именно районы Наньган, Даоли, Даовай, Пинфан, Сянфан, Сунбэй, Хулань, Ачэн, города Шуанчэн, Учан, Шанчжи, уезды Баянь, Илань, Яньшоу, Мулань, Тунхэ, Биньсянь, Фанчжэн [13].

Рассматривая историю регионального развития города Харбин, стоит отметить, что данный город – это пространство исторической интеграции культур разных стран, известный исторический город с глубоким культурным наследием и отличительными чертами мультикультурализма. Харбин – стратегически значимый региональный город, выполняющий функции столицы провинции Хэйлунцзян, так как в данном городе сосредоточены основные функциональные подразделения партийных и государственных органов провинции Хэйлунцзян. Это ключевой политический центр на Северо-Востоке КНР, а также центр приграничного взаимодействия между Китаем и Россией [14].

По состоянию на конец 2021 г. население города Харбина составило 10 млн 636 тыс. человек. В 2021 г. ВВП города Харбин достигло 535,2 млрд юаней. Будучи старой промышленной базой на Северо-Востоке Китая, Харбин имеет очень хороший производственный потенциал, выражающийся в развитой автомобильной, фармацевтической промышленности и отлаженной системе производства химического волокна [15]. За последние десятилетия была сформирована перерабатывающая база, в которой электромеханическая промышленность выступала основным направлением развития. Харбин занимает ведущую роль в Северо-Восточной Азии, связывая между собой транспортно-логистические пути Китая, Японии, Южной Кореи и России. Железная дорога Харбин–Далянь в качестве оси соединяет три мегаполиса Северо-Восточного Китая: Чанчунь, Шэньян и Далянь. В настоящее время Харбин наладил торгово-экономическое и технологическое сотрудничество более чем со 100 странами и регионами мира, и ведущую роль в этом процессе сыграла Харбинская международная торгово-экономическая ярмарка.

В современных условиях реализации задач по развитию цифровой экономики особое значение отводится привлечению иностранных инвестиций в город Харбин. Для решения данной задачи важную роль играет формирование имиджа города и улучшение качества городской жизни посредством городского планирования и городского дизайна.

В сентябре 2021 г. администрация города Харбин опубликовала «План развития цифровой экономики в 14-ю пятилетку» (数字经济“十四五”发展规划), «Генеральный план строительства новой модели умного города» (新型智慧城市建设总体规划), «План действий по строительству нового типа инфраструктуры» (新型基础设施建设行动计划), «План действий по развитию производства в сфере больших данных» (促进大数据产业发展行动计划) и «Примерные проекты градостроительства в эпоху цифровой экономики» (数字经济创新发展示范城市建设方案). На основе данных документов в городе Харбин была сформирована система планирования цифровой экономики «1 + 4».

26 мая 2022 г. председатель Комитета по развитию и реформам в городе Харбин Ван Сицюань представил «План ускоренного развития цифровой экономики на 2022–2024 гг.» (加快数字经济发展实施方案 2022–2024). В настоящее время цифровая экономика

выступает важной отправной точкой для развития стратегических инновационных отраслей экономики города Харбин в целях «перестраивания и опережения» (换道超车). В ближайшем будущем в Харбине будет формироваться инновационная модель экологического строительства цифровой экономики Северо-Востока, создаваться центр хранения и обработки больших данных в Северном Китае, столица провинции Хэйлунцзян выступит регионом трансформации цифровых технологий Северо-Восточной Азии. Реализация в г. Харбин «Плана ускоренного развития цифровой экономики на 2022–2024 гг.» позволит интегрировать цифровую экономику в процесс построения современной экономической системы города. Ключевыми в пространственных преобразованиях выступают четыре сферы города Харбин: 1) высокоскоростные интеллектуальные информационные сети; 2) развитие отраслей, связанных с полупроводниками; 3) трансформация сельского хозяйства с помощью цифровых технологий; 4) создание на территории Харбина «нового умного города» и повышение уровня цифровизации государственного управления. В 2022 г. Харбин сосредоточился на продвижении более 100 проектов цифровой экономики с общим объемом инвестиций более 50 млрд юаней.

В рамках регионального развития города Харбин, китайское правительство особое внимание придает тому, что он расположен в Северо-Восточном Китае и является центром Северо-Восточной Азии. Это политический, экономический и культурный центр Дунбэя. Играет ведущую роль в промышленном коридоре Харбин–Дацин–Цицикар. Харбин занимает центральное место в развитии сотрудничества с Россией, и на протяжении последних 30 лет развивал партнёрские связи с такими российскими городами, как Хабаровск, Якутск, Краснодар и Мурманск.

Харбин – Хабаровск. История сотрудничества. Харбин активно поддерживал китайско-российское межмуниципальное сотрудничество с российским городом Хабаровском по линии городов-побратимов в сфере торговли, образования, медицины, молодежной политики, экологии, культуры, спорта и туризма [16]. «Соглашение об установлении побратимских связей между Харбином и Хабаровском» было подписано 15 июня 1993 г. Одной из регулярных форм поддержания партнёрского сотрудничества выступало участие представителей двух городов-побратимов в Харбинской международной торгово-экономической ярмарке, Харбинском международном фестивале льда и снега, ежегодном праздновании Дня города Хабаровска, молодежном международном фестивале искусств «Восходящие звезды стран Азиатско-Тихоокеанского региона».

В связи с возникновением необходимости регулировать возрастающие с каждым годом экономические, торгово-промышленные и образовательные связи, в 2005 г. был создан Комитет по международному сотрудничеству между Харбином и Хабаровском. Ежегодно в работе данного Комитета принимали участие китайские и российские инициативные граждане. Так,

например, в 2006 г. хабаровская делегация из 68 представителей правительственных и экономических ведомств, банков, больниц, фармацевтических, сервисных и продовольственных компаний принимала участие в работе Комитета [17].

Руководство китайского города Харбин и российского города Хабаровск придавало значительное внимание роли межмуниципального сотрудничества в развитии Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России. Так, на встрече в декабре 2019 г. мэр города Харбина Сунь Чжэ и мэр города Хабаровска С.А. Кравчук инициировали переговоры между 30 предприятиями Харбина и Хабаровска по сотрудничеству в сфере туризма, пищевого производства, переработки сельскохозяйственной продукции, выращиванию и переработке лекарственного сырья для китайской медицины.

На протяжении трёх десятилетий между городами-побратимами Харбином и Хабаровском осуществлялось сотрудничество в области транспорта и коммуникаций. На регулярной основе проводились переговоры по вопросам организации работы наплавного (понтонного) моста между пунктами пропуска «Покровка» и «Жаохэ» и открытия регулярных пассажирских речных перевозок по маршруту Хабаровск – Фуюань – Хабаровск. Харбин, поддерживая сотрудничество с Хабаровском, сформировал целую сеть трансграничного логистического направления, включающую в себя сеть воздушных, железнодорожных и автомобильных каналов. Данная сеть напрямую была связана с Харбинской зоной свободной торговли (哈尔滨保税区), которая, по распоряжению Госсовета от 2015 г., стала территорией сотрудничества с Россией, и более 50 китайских предприятий поддерживали взаимодействие с городом Хабаровском.

На протяжении двух десятилетий Харбин и Хабаровск осуществляли активное сотрудничество в образовательной сфере между школами, вузами двух городов. В 2018 г. переход взаимодействия в данной сфере на новый уровень ознаменовала договоренность мэра города Харбин Сун Сибиня и мэра города Хабаровска А.Н. Соколова о создании в городе Харбин международной школы для учеников двух городов-побратимов [18]. Кроме того, два города-побратима поддерживали сотрудничество в области спорта начиная с 1990-х гг. Одним из ярких событий в этом направлении стало проведение 9 сентября 2017 г. парусной гонки «Харбин–Хабаровск – города китайско-российской дружбы. 2017».

В период 2020–2021 гг. межмуниципальное сотрудничество Харбина и Хабаровска перешло в новый формат, когда объемы торговли лишь возрастали, а рабочие вопросы по развитию приграничной торговли решались в онлайн-режиме на встречах администрации двух городов. Так, к концу 2021 г. основным торговым партнёром Хабаровского края выступала КНР. Из Хабаровского края в Китай в основном экспортировали древесину (55%), продукты животного происхождения (22%), а импортировали в Хабаровский край «машины, оборудование и аппаратура» (38%), «Обувь, головные уборы, зонты и др.» (11%) [19].

В 2021 г. Харбин и Хабаровск, развивая сотрудничество в области культуры, провели такие совместные мероприятия, как Азиатско-Тихоокеанский международный фестиваль искусств, международная детская художественная выставка «Молодежь демонстрирует способности и умения родного города», а также международный форум «Здоровый город – полезная практика охраны здоровья жителей». Накопленный исторический опыт межмуниципального взаимодействия Харбина и Хабаровска в современных геополитических условиях будет использоваться в целях углубления, формирования новых форм взаимовыгодного сотрудничества.

Анализ документов, предоставленных администрацией Хабаровского края, а также информации из китайских источников (народного правительства города Харбин, ежедневной газеты Хэйлунцзян, информационного сайта «Северо-Восток», новостного агентства «Харбин») о поддержании взаимодействия между двумя городами-побратимами Харбином и Хабаровском показывает, что за 30 лет партнёрского сотрудничества ежегодно проводились встречи администраций двух муниципалитетов, на которых были заявлены грандиозные планы и определялись долгосрочные проекты отношений в области торговли, образования, медицины, экономики, культуры, спорта и туризма. Практическим итогом сотрудничества стала реализация в полной мере механизма торговых связей, который включал в себя также проекты усовершенствования транспортно-логистической системы двух городов.

Харбин – Якутск. История сотрудничества. Регулярные встречи на уровне глав муниципалитетов китайского города Харбин и российского города Якутск проходят с 2003 г. В ходе визита официальной делегации Республики Саха (Якутия) в город Харбин в июле 2003 г. состоялось подписание протокола намерений об установлении побратимских отношений между Харбином и Якутском. В 2004 г. было налажено международное пассажирское авиасообщение Муданьцзян – Якутск, основан регулярный международный грузовой маршрут Хэйхэ – Якутск и международный чартерный рейс Харбин – Якутск. 1 декабря 2005 г. город Харбин посетила делегация администрации города Якутск во главе с мэром И.Ф. Михальчуком. Итогом стало подписание соглашения о дружественном сотрудничестве между городами [20].

В июне 2006 г. губернатор провинции Хэйлунцзян Чжан Цзо посетил город Якутск и подписал двустороннее соглашение о сотрудничестве с Республикой Саха (Якутия), отметив, что в Якутске уже проживают китайцы, планирующие открыть китайский рынок для продажи китайской продукции легкой промышленности и строительных материалов. 10 января 2007 г. вице-мэр города Харбин Чжан Гуйхуа и мэр Якутска И.Ф. Михальчук подписали соглашение об установлении побратимских отношений между двумя городами. Делегация города Якутск посетила 23-й Международный фестиваль льда и снега в Харбине. Секретарь Горкома города Харбин Ду Юйсинь на встрече с И.Ф. Михальчуком отмечал: «Два города могут учиться друг у

друга, укреплять сотрудничество и развиваться вместе, чтобы приносить пользу жителям».

На протяжении второго десятилетия XXI в. партнёрские побратимские отношения между Харбином и Якутском включали в себя постоянный обмен информацией по решению городских проблем двух городов в области архитектуры, градостроительства и благоустройства. Особое внимание уделялось обмену опытом в сфере поддержки малого и среднего бизнеса, в области промышленного, социального и гражданского строительства, осуществления реконструкции дорог с использованием новых строительных технологий и материалов. Весомую роль в межмуниципальном сотрудничестве сыграла деятельность Харбинской международной ярмарки. Особое значение в отношениях Харбина и Якутска отводилось взаимодействию в области продовольствия, а именно продажи в Харбин экологически чистых продуктов питания из Якутска.

Оценивая результаты межмуниципального сотрудничества Харбина и Якутска, стоит отметить, что по объему внешнеторгового товарооборота в 2021 г. КНР заняла 4-е место среди 61 страны дальнего и ближнего зарубежья, с которыми торгует Якутия, после Бельгии, Индии и Объединенных Арабских Эмиратов. Якутия поставляет в Китай минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, а также руды. Интерес у китайского бизнеса вызывает ряд крупных инвестиционных проектов на территории республики по освоению крупнейших на Востоке России месторождений газа, нефти, руд, редкоземельных металлов. Из Китая республика получает продукцию химической, машиностроительной, металлургической промышленности, ткани, одежду, пластмассы, древесину и изделия из них. Импорт товаров из Китая составляет 22,5% всех поставляемых из-за границы товаров в Якутию. На многочисленных встречах представителей администрации Хабаровска и Харбина (встреча секретаря Городского комитета партии города Харбин Ван Чжаоли и мэра города Якутска А.С. Николаева в 2017 г., встреча мэра г. Якутска Е.С. Попова с вице-мэром г. Харбина Чо Юаньчао 4 января 2019 г., встреча мэра города Харбин Сунь Чжэ с заместителем мэра Е. Поповым 15 июня 2019 г.) обсуждались вопросы межмуниципального сотрудничества в соответствии с принципами стратегии «один пояс – один путь»; создания на территории Харбина особой экономической зоны по поддержке отраслей народного хозяйства и повышению эффективности сотрудничества с Дальним Востоком России, в частности с Якутией; создания транспортного коридора с Дальним Востоком, концентрации промышленного потенциала провинции Хэйлунцзян и развития туризма.

Ежегодно представители Якутска принимали участие в культурных мероприятиях Харбина. В 2015 г. на Международном фестивале льда и снега в Харбине была организована тематическая экспозиция города Якутска, где были представлены особенности вечной мерзлоты, этнические обычаи народов, проживающих на территории Республики Саха (Якутия) [21]. В 2019 г. руководство Харбина также поддержало проект по организации в Якутске фестиваля льда и света.

Анализ документов, предоставленных администрацией Республики Саха (Якутия), а также информации из китайских источников (народного правительства города Харбин, новостного агентства «Харбин») о поддержке взаимодействия между двумя городами-побратимами Харбином и Якутском показывает, что за 20 лет партнёрского сотрудничества ежегодно проходили встречи администраций двух муниципалитетов, на которых обсуждались принципы взаимодействия в торговой сфере, освоении месторождений газа, нефти, руд на территории Республики Саха (Якутия), а также проекты в области культуры. Практическими итогами сотрудничества Харбина и Якутска стали постоянный обмен опытом в решении проблем городского хозяйства двух муниципалитетов, налаженная система торговых связей, транспортные пассажирские и грузовые цепочки, связывающие два города.

Харбин – Краснодар. История сотрудничества.

Первые партнерские контакты между Харбином и Краснодаром были установлены в 2006 г. Тогда краснодарская делегация впервые посетила город Харбин, где состоялось подписание Протокола намерений развития дружественных связей. Соглашение об установлении побратимских связей было подписано спустя два года – в 2008 г. С тех пор города ежегодно реализуют различные двусторонние проекты с активным участием жителей обоих городов [22].

Особое значение отводилось торгово-экономическому взаимодействию Харбина и Краснодара. Несмотря на географическую удалённость Краснодарского края от Китая, это партнёрство по-прежнему представляется перспективным. По данным таможенной статистики внешней торговли, в 2021 г. Китай являлся одним из крупнейших торговых партнёров Краснодарского края: доля Китая в общем товарообороте составляет 11,6%. Среди стран-экспортёров Китай занимает 3-е место (8,7% от общего экспортного объёма), уступая Турции (13%) и Египту (9%). Среди стран-импортёров Китай занимает 2-е место (15,3%), уступая лишь Турции (16,1%).

Анализируя наиболее важные и значимые проекты в побратимской деятельности Харбина и Краснодара, необходимо отметить, что ежегодно делегация администрации и деловых кругов Краснодара принимает участие в Харбинской торгово-экономической ярмарке – крупнейшей в Китае многоотраслевой выставке современных технологий и международного сотрудничества, а также в российско-китайской ЭКСПО – крупномасштабной площадке, предназначенной для демонстрации новейшей продукции и технологий, раскрывающих экономическую мощь и высокий производственный уровень России и Китая. На данных площадках представители двух городов проводят встречи и переговоры, устанавливают прямые связи между представителями бизнес-кругов Харбина и Краснодара.

В рамках развития культурного сотрудничества с КНР город Краснодар проявляет особую активность. В 2015 г. Народное правительство города Харбин направило в администрацию Краснодара ряд экспонатов

для выставки городов-побратимов «Города-побратимы: эволюция партнерства». В 2018 г. состоялся Фестиваль городов-побратимов «CitiesФЕСТ», в котором приняли участие деятели культуры Харбина. В июле 2019 г. в Харбине состоялся II Международный детский хоровой фестиваль-конкурс, в котором приняли участие 22 хора из 5 стран. Честь Краснодара отстаивали воспитанники концертного хора Межшкольного эстетического центра. В 2021 г. между Харбином и Краснодаром был организован конкурс детских рисунков «Дружба Харбина и Краснодара глазами детей».

В рамках развития молодёжных программ российско-китайского сотрудничества ежегодно проходит стажировка китайских студентов на предприятиях Краснодара. Еще одним направлением межрегионального сотрудничества, в котором активное участие принимал Краснодар, является спорт. В августе 2018 г. краснодарские спортсмены приняли участие в Международном Харбинском марафоне, а харбинские спортсменки участвовали в III Всероссийском полумарафоне «Забег.РФ» в Краснодаре. Таким образом, Харбин проявляет особый интерес к межмуниципальному сотрудничеству с Краснодаром, различные формы взаимодействия расширяются с каждым годом.

Анализ документов, предоставленных администрацией Краснодара, а также информации из китайских источников (народного правительства города Харбин, информационного агентства Китая, информационного сайта «Северо-Восток», новостного агентства «Харбин») о поддержании взаимодействия между двумя городами-побратимами Харбином и Краснодаром показывает, что практическими итогами 15-летнего сотрудничества являются расширяющиеся торговые связи, а также единичные результаты взаимодействия в области культуры и спорта двух городов.

Харбин – Мурманск. История сотрудничества.

Развитие гуманитарного, инвестиционного, торгово-экономического межмуниципального сотрудничества китайского города Харбин и российского города Мурманска начинается во второй половине 2010-х гг. Со стороны администраций Харбина и Мурманска активно разрабатывались совместные проекты, организовывались деловые визиты и встречи. В партнёрское сотрудничество по линии Харбин – Мурманск были вовлечены три основных сектора: местное самоуправление, деловые структуры и широкая общественность (некоммерческие организации, волонтеры и т.д.).

Официальное сотрудничество Харбина и Мурманска началось в марте 2014 г., во время первого визита делегации администрации Мурманска в город Харбин, в рамках которого был подписан протокол намерений об установлении дружественных связей и двустороннего сотрудничества. Следующим шагом стал визит делегации города Мурманска в город Харбин в октябре 2015 г. Состоялось подписание протокола намерений об установлении побратимских отношений. Члены делегации посетили II Российско-китайское ЭКСПО, провели переговоры по сотрудничеству в области туризма, экономики, медицины и образования. Администрация города Харбина пред-

ставила китайский опыт организации городского территориального планирования и проведения крупных культурно-массовых мероприятий на примере всемирно известного Харбинского международного фестиваля льда и снега. Особый интерес у членов мурманской делегации вызвала возможность реализации российско-китайских проектов в сфере медицины.

С 2016 г. Харбин и Мурманск обмениваются опытом в области медицины и образования, туризма. На базе Мурманского международного лицея открывается «Класс Конфуция». В сентябре 2016 г. в Мурманске было подписано соглашение об установлении побратимских отношений между Харбином и Мурманском.

Огромную поддержку партнёрскому сотрудничеству двух городов оказала лично губернатор Мурманской области М.В. Ковтун. В интервью китайскому информационному агентству Синьхуа 16 февраля 2018 г. она отмечала, что «Россия и Китай предложили совместно построить “Арктический пояс шелкового пути” (冰上丝绸之路), который придаст новый импульс развитию Мурманской области и городу Мурманску».

В 2017–2018 гг. китайские инвесторы проявили особый интерес к реализации проектов по комплексному развитию транспортных узлов в рамках строительства «Арктического пояса шелкового пути». Правительство Мурманской области привлекало китайских инвесторов к участию в возведении нового порта в Кольском заливе. После подписания соглашения между Харбином и Мурманском в 2016 г., торгово-экономические отношения между Мурманской областью и Китаем начали развиваться быстрыми темпами. С января по сентябрь 2017 г. объем торговли достиг около 140 млн долл. США, увеличившись на 46% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, в основном за счет экспорта железной руды и мороженой рыбы в Китай, а также импорта промышленных товаров из Китая [23].

В конце 2010 г. туризм выступал основным направлением сотрудничества городов Мурманска и Харбина. Китайских туристов привлекало полярное сияние, посещение первого в мире атомного ледокола «Ленин» и знакомство с коренным народом саами.

Анализ документов, предоставленных администрацией города Мурманска, а также информации из китайских источников (народного правительства города Харбин, новостного агентства провинции Хэйлунцзян) о поддержке взаимодействия между двумя городами-побратимами Харбином и Мурманском, показывает, что практическими итогами 6-летнего сотрудничества стали: привлечение китайских инвесторов в строительство объекта транспортного узла «Арктического пояса шелкового пути» на территории Кольского зали-

ва, резко возросшее торговое сотрудничество, передача китайского опыта организации городского территориального планирования городу Мурманску, привлечение китайских туристов в Мурманск.

Результаты. Китайский северо-восточный город Харбин, основанный еще в 1898 г. русскими поселенцами, на протяжении последних трёх десятилетий выступает ключевой территорией КНР в рамках восстановления старых промышленных баз Северо-Востока Китая, а также городом, поддерживающим межмуниципальное сотрудничество с такими российскими городами, как Хабаровск, Якутск, Краснодар и Мурманск. Сравнительный анализ опыта побратимского сотрудничества по линии Харбин – российские города показывает, что практическим итогом отношений Харбина со всеми четырьмя российскими городами-побратимами выступил сформировавшийся механизм торговых связей, который ежегодно расширяется. Особую роль в данном процессе сыграла деятельность Харбинской международной торгово-экономической ярмарки. Согласно статистическим данным Харбинской таможни, в 2021 г. в тройку крупнейших торговых партнеров столицы провинции Хэйлунцзян города Харбин входят Россия, Европейский Союз и Бразилия. Общий объем торговли с Россией составил 131,34 млрд юаней, увеличившись на 34,8%, что представлено 65,8% от общего объема внешней торговли провинции Хэйлунцзян. Одной из развивающихся форм взаимодействия Харбина с российскими городами выступает передача китайского опыта решения проблем муниципального хозяйства, городского территориального планирования, который активно используется Якутском и Мурманском. В данном направлении будет полезен анализ регионального развития города Харбин, его перспектив в формировании передового центра экологической цивилизации и цифровой экономики Северо-Востока КНР. Администрация города Харбин в рамках китайской концепции «иностранное дело для народа» (外事为民) заинтересована в расширении торговых связей с российскими городами-побратимами, в реализации проектов по добычи природных ресурсов, строительстве транспортных объектов «Арктического пояса шелкового пути», открытии новых туристических маршрутов в России для китайских туристов, приобретении экологически чистых продуктов питания. Накопленный за последние десятилетия опыт межмуниципального побратимского, партнерского сотрудничества Харбина с Хабаровском, Якутском, Краснодаром и Мурманском может служить основой для дальнейшего взаимодействия по линии Харбин – российские города.

Список источников

1. Хаэрбинь ши тунцзи няньцзянь [Харбинский статистический ежегодник]. Пекин : Китайское статистическое изд-во, 2013. 427 с. (на кит. яз.).
2. Ли Тулян. Хаэрбинь ши люэ [Очерки по истории Харбина]. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 1994. 294 с. (на кит. яз.)
3. Чжан Куэйянь, Ян Юйчунь, Лу Пэйлинь. Хэйлунцзян цзинь бай нянь цзинцзи цзянь ши [Краткая история экономики провинции Хэйлунцзян за последние 100 лет]. Харбин : Харбинское изд-во, 1993. 409 с. (на кит. яз.).
4. Кун Цзинвэй. Чжунго дунбэй цзинцзи бяньцзянь [Изменение экономики Северо-Востока Китая]. Чанчунь, 1999. 179 с. (на кит. яз.).
5. Хаэрбинь ши чжи, 1991–2005 [Описание Харбина, 1991–2005]. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 2006. 317 с. (на кит. яз.).

6. Хаэрбинь ши чэнсян гуйхуа чуань 21 шицзи Хаэрбинь чэнши гуйхуа дуйцэ юй яньцзю [Городское и сельское планирование Харбина. Исследования XXI в.]. Харбин : Харбинское изд-во, 2002. 216 с. (на кит. яз.).
7. Сунь Цзиньцзи. Дунбэй я лиши дили яньцзю [Исследования исторической географии Северо-Восточной Азии]. Чжэнчжоу, 1998. 388 с. (на кит. яз.).
8. Юй Биньян. 21 шицзи Хаэрбинь чэнши гуйхуа дуйцэ яньцзю [Исследование корректирующих мер в городском планировании Харбина в XXI в.]. Харбин : Харбинское изд-во, 2002. 201 с. (на кит. яз.).
9. Го Шумэй. Хэйлунцзян лиши вэньхуа цзыянь чжаньлюэ яньцзю [Стратегические исследования историко-культурного фонда провинции Хэйлунцзян]. Харбин, 2012. 314 с. (на кит. яз.).
10. Юй Ябинь, Ду Личжу. Хаэрбинь ши чэнши фачжань юй гуйхуа яньцзю [Исследование планирования и городского строительства города Харбин]. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 2006. 189 с. (на кит. яз.).
11. Ма Сяохэ. Хаэрбинь фачжань чжаньлюэ яньцзю [Исследование стратегии развития города Харбин]. Пекин : Экономика, 2010. 356 с. (на кит. яз.).
12. Ян Циншань, Чжао Ичунь. Хаэрбинь ши шэхуэй бяньцянь дуй чэнши кунцзянь цзэго яньбянь дэ инсян [Влияние социальных изменений в Харбине на эволюцию пространственной структуры города] // Цзинцзи дили [Экономическая география]. 2009. № 9. С. 1479–1464. (на кит. яз.).
13. Юэ Цзэмин. Хаэрбинь дэ чэнши гуйхуа [Городское планирование Харбина]. Харбин : Харбинское изд-во, 2014. 250 с. (на кит. яз.).
14. Ван Айсинь, Сунь Чжимин, Юй Гуанцзюнь, Чжан Ваньцян. Синь шидай дунбэй дицой цзинцзи гао чжилян фачжань яньцзю [Исследование качественного развития региональной экономики Северо-Востока Китая в новую эпоху]. Пекин, 2018. 429 с. (на кит. яз.).
15. Чжан Юньлин, Ли Дунсинь. Дунбэй я цзинцзи гайлань [Обзор экономики Северо-Восточной Азии]. Пекин, 2019. 320 с. (на кит. яз.).
16. Хаэрбинь гоцзи юхао чэнши цзэцзя дао 33 гэ. [Количество зарубежных городов-побратимов у Харбина возросло до 33] // Хаэрбинь ши жэньминь чжэнфу ванчжань [Сайт народного правительства города Харбин]. URL: http://www.hrbsrd.gov.cn/h5/content/2017-07/14/content_2164037.htm (дата обращения: 03.02.2022).
17. Хабалофусыкэ юй Хаэрбинь сешоу гунин [Хабаровск и Харбин объединяют усилия] // Хэйлунцзян жибао [Ежедневная газета Хэйлунцзян]. 2016.11.07. URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2016/11/07/057431058.shtml> (дата обращения: 5.02.2022).
18. Хаэрбинь туйцзе хуэй цзи чжун э ши дуйцзе хуэй цзай Элосы Хабалофусыкэ цзюсин [В Хабаровске состоялась презентация города Харбин и двусторонняя встреча китайских и российских предприятий] // Хаэрбинь ши чжэнфу ванчжань [Сайт народного правительства города Харбин]. 2019.12.10. URL: <https://news.sina.com.cn/c/2019-12-10/doc-iihnzhfz4806245.shtml2017> (дата обращения: 01.02.2022).
19. Внешнеэкономическая деятельность Хабаровского края. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25029> (дата обращения: 03.02.2022).
20. Ши чжэнфу дашицзи (9 юэ 16 жи – 30 жи) [Хроники городской администрации. 16–30 сентября 2007 г.] // Хаэрбинь ши чжэнфу ванчжань [Сайт народного правительства города Харбин]. URL: http://www.harbin.gov.cn/art/2007/9/30/art_4088_61696.html (дата обращения: 15.02.2022).
21. Ванчжаоли хуэйцзянь Якуцкэ ши чжэнфу дайбяотуань [Ван Чжаоли встретился с делегацией администрации города Якутск] // Хаэрбинь синьвэнь ван [Новостное агентство «Харбин»]. 2017.06.14. URL: <https://harbin.dbw.cn/system/2017/06/14/057675927.shtml> (дата обращения: 02.02.2022).
22. Хаэрбинь ши юй Элосы Кэласынодаэр ши цяньюшу юхао чэнши сеи [Харбин и Краснодар подписали соглашение о побратимских связях] // Дунбэй ван [Информационный сайт «Северо-Восток»]. 2008.07.09. URL: <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2008/07/29/051405383.shtml> (дата обращения: 01.02.2022).
23. Ши чжэнфу дашицзи (8 юэ 16 жи – 31 жи) [Хроники городской администрации. 16–31 августа 2020 г.] // Хаэрбинь ши чжэнфу ванчжань [Сайт народного правительства города Харбин]. URL: http://www.harbin.gov.cn/art/2020/9/24/art_25875_944978.html (дата обращения: 15.02.2022).

References

1. Anon. (2013) *Harbin Statistical Yearbook*. Beijing. (In Chinese).
2. Li, T. (1994) *Harbin History*. Harbin. (In Chinese).
3. Zhang, K., Yang, Yu. & Lu, P. (1993) *A Brief Economic History of Heilongjiang in the Past 100 Years*. Harbin. (In Chinese).
4. Kong, J. (1999) *Economic Changes in Northeast China*. Changchun. (In Chinese).
5. Anon. (2006) *Chronicle of Harbin City, 1991–2005*. Harbin. (In Chinese).
6. Anon. (2002) *Harbin Urban and Rural Planning, 21st Century Harbin Urban Planning Countermeasures and Research*. Harbin. (In Chinese).
7. Sun, J. (1998) *Research on the Historical Geography of Northeast Asia*. Zhengzhou. (In Chinese).
8. Yu, B. (2002) *Research on Harbin Urban Planning Countermeasures in the 21st Century*. Harbin. (In Chinese).
9. Guo, Sh. (2012) *Research on the strategy of Heilongjiang historical and cultural resources*. Harbin. (In Chinese).
10. Yu, Ya. & Du, L. (2006) *Research on Harbin Urban Development and Planning*. Harbin. (In Chinese).
11. Ma, Xiaohe (2010) *Research on Harbin's Development Strategy*. Beijing. (In Chinese).
12. Yang, Q. & Zhao, Yi. (2009) The impact of social changes in Harbin on the evolution of urban spatial structure. *Jingji dili*. 9, pp. 1479–1464. (In Chinese).
13. Yue, Z. (2014) *Urban Planning of Harbin*. Harbin. (In Chinese).
14. Wang, A., Sun, Zh., Yu, G. & Zhang, W. (2018) *Research on high-quality economic development in Northeast China in the new era*. Beijing. (In Chinese).
15. Zhang, Yu. & Li, D. (2019) *Economic Overview of Northeast Asia*. Beijing. (In Chinese).
16. Website of the People's Government of Harbin City. (2017) *The number of foreign sister cities of Harbin has increased to 33*. [Online] http://www.hrbsrd.gov.cn/h5/content/2017-07/14/content_2164037.htm (Accessed: 03.02.2022). (In Chinese).
17. Heilongjiang. (2016) *Khabarovsk and Harbin join forces*. [Online] <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2016/11/07/057431058.shtml> (Accessed: 05.02.2022). (In Chinese).
18. Website of the People's Government of Harbin City. (2019) *A presentation of the city of Harbin and a bilateral meeting of Chinese and Russian enterprises took place in Khabarovsk*. [Online] <https://news.sina.com.cn/c/2019-12-10/doc-iihnzhfz4806245.shtml2017> (Accessed: 01.02.2022). (In Chinese).
19. RF Federal State Statistics Service. (2022) *Foreign economic activity of Khabarovsk Krai*. [Online] <https://habstat.gks.ru/folder/25029> (Accessed: 03.02.2022). (In Russian).
20. Website of the People's Government of Harbin City. (2007) *Chronicles of the city administration. 16–30 September 2007*. [Online] http://www.harbin.gov.cn/art/2007/9/30/art_4088_61696.html (Accessed: 15.02.2022). (In Chinese).
21. Harbin News Agency. (2017) *Wang Zhaoli met with a delegation from the administration of Yakutsk*. [Online] <https://harbin.dbw.cn/system/2017/06/14/057675927.shtml> (Accessed: 02.02.2022). (In Chinese).
22. Heilongjiang. (2008) *Harbin and Krasnodar signed an agreement on sister city relations*. [Online] <https://heilongjiang.dbw.cn/system/2008/07/29/051405383.shtml> (Accessed: 01.02.2022). (In Chinese).

23. Website of the People's Government of Harbin City. (2020) *Chronicles of the city administration. 16–31 August 2020*. [Online] http://www.harbin.gov.cn/art/2020/9/24/art_25875_944978.html (Accessed: 15.02.2022). (In Chinese).

Информация об авторе:

Макеева С.Б. – канд. ист. наук, зав. отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Makeeva, Cand. Sci. (History), head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 28.08.2022;
approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94(470)«1944»
doi: 10.17223/15617793/483/14

Освобождение Крыма: отступление румынского горного корпуса под натиском советских войск в апреле 1944 г.

Татьяна Петровна Малютина¹

¹Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия
chal.04@mail.ru

Аннотация. Рассматривается отступление румынского горного корпуса под натиском советских войск в Крыму в апреле 1944 г. в контексте событий Крымской стратегической наступательной операции. Впервые в научный оборот вводятся румынские архивные документы, хранящиеся в трофейном фонде Центрального архива Министерства обороны РФ. Эти документы, наряду с воспоминаниями советских военачальников и участников событий, трудами российских и зарубежных исследователей, позволяют частично воссоздать картину боевых действий апреля 1944 г. и раскрыть причины значительных потерь, понесённых румынскими войсками.

Ключевые слова: румынский горный корпус, апрель 1944 г., Крым

Для цитирования: Малютина Т.П. Освобождение Крыма: отступление румынского горного корпуса под натиском советских войск в апреле 1944 г. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 130–138. doi: 10.17223/15617793/483/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/14

The liberation of Crimea: The retreat of the Romanian Mountain Corps under the attack of the Soviet troops in April 1944

Tatiana P. Malyutina¹

¹Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation, chal.04@mail.ru

Abstract. The article analyses the retreat of the Romanian Mountain Corps under the attack of the Soviet troops in Crimea during April 1944. In order to understand the reasons of the retreat of the Romanian Corps, as well as other Romanian and German divisions and corps, the author examines the events of the beginning of the Crimean strategic offensive operation. For this purpose, the author uses memories of Soviet military leaders and participants of the events, works of Russian and foreign researchers. For the first time documents of the Trophy Fund of the Ministry of Defence of the Russian Federation are introduced into scholarly discourse. The author infers that the Crimean strategic offensive operation was unexpected for the Romanians. The commanders of the 17th German Army, in turn, allowed the possibility of such events and developed a plan for evacuating its troops to Sevastopol in advance. The plan was called Adler. The evacuation was to be carried out in stages and without any panic. The Nazis planned to blow up all the strategically important objects, railways, highways, warehouses and even cultural heritage sites. They hoped to keep the regime of secrecy as long as possible. However, their plans thwarted by a powerful, quick and decisive offensive of the Separate Seaside Army from Kerch and the troops of the 4th Ukrainian Front from Perekop and Sivash, the northern part of the Crimean Peninsula. The main research problem of the article is the question of the heavy losses of the Romanian troops in April 1944. During their retreat to Sevastopol, Romanians lost 17,652 soldiers and officers (killed and captured) out of 63,500, which is almost a third of their contingent in Crimea. The author came to the following conclusions. Firstly, the command of the 17th German Army tried to save the German division at the expense of Romanian divisions: Romanian brigades often formed the rear guard of the retreating troops. That is why there were some conflicts between Romanians and Germans during the retreat. Secondly, the morale of the Romanians was not at a high level. Many of them did not understand the purpose of the war in Crimea. They were distressed by the fact that the Soviet troops had already invaded Romania. Therefore, some Romanian brigades did not resist and surrendered, preferring it to death. Thirdly, the Soviet troops led the offensive very quickly; as a result, chaos and panic developed among the fascist troops. Romanian commanders and staffs lost contact with their troops. The invaders, who managed to break through to Sevastopol and hoped to save themselves behind its fortifications, did not know yet that Sevastopol would be liberated by the Soviet troops on 9 May 1944.

Keywords: Romanian Mountain Corps, April 1944, Crimea

For citation: Malyutina, T.P. (2022) The liberation of Crimea: The retreat of the Romanian Mountain Corps under the attack of the Soviet troops in April 1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 130–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/14

Осенью 1943 г. – зимой 1944 г. советские войска в упорных и кровопролитных боях захватили плацдармы в Крыму – на Перекопе, у Сиваша и под Керчью. Казалось, были созданы все необходимые условия для решающего наступления и полного освобождения Крымского полуострова от оккупировавшей его 200-тысячной 17-й армии вермахта (командующий генерал-полковник Э. Енеке), в состав которой входили 5 немецких и 7 румынских дивизий. «Даёшь Крым!» – этот лозунг стал популярен в армейских газетах и на солдатских митингах [1. С. 193]. Но в январе 1944 г. войска на крымских плацдармах получили приказ перейти к обороне и закрепиться на достигнутых рубежах.

Немецкий исследователь А. Бухнер отмечает, что в советских листовках – призывах к сдаче в плен, разбрасываемых в то время в Крыму с самолетов, появилось «издевательское утверждение» о том, что «Крым представляет собой самый большой и надёжный лагерь для военнопленных». Советскому Союзу очень удобно, что немцы и румыны там сами себя кормят и охраняют, а когда уезжают в отпуск – даже добровольно возвращаются обратно. Потому – «им, русским, нет нужды спешить отвоевывать Крым» [2. С. 114].

Но в Ставке Верховного Главнокомандования вряд ли руководствовались подобными соображениями. Советское командование понимало, что фашисты, занимавшие выгодные позиции в Крыму, будут стойко их оборонять, надеясь на снабжение морем и помощь извне – со стороны Никополя. Кроме того, для Гитлера Крым был важным козырем, необходимым для удержания в своём блоке Турции, Румынии и Болгарии.

Чтобы ослабить силу сопротивления блокированной в Крыму группировки, нужно было ликвидировать Никопольский плацдарм и затем развернуть наступление на Одессу. Эти стратегические задачи были осуществлены зимой 1944 г. в ходе наступления всех четырёх украинских фронтов. Советские войска разгромили крупнейшие вражеские группировки «Юг» и группу армий «А». В результате этого наступления войска 2-го Украинского фронта вышли к границе Румынии, а перед 3-м Украинским фронтом открылся путь на Одессу.

Эти победы не могли не сказаться на моральном состоянии и боеспособности фашистских войск в Крыму. Особенно упал боевой дух у румын: «они не понимали, почему должны оборонять Крым, когда противник уже глубоко вторгся в Молдавию» [3. С. 487].

В журнале боевых действий 17-й армии вермахта 14 марта 1944 г. был представлен детально разработанный план эвакуации из Крыма – операция «Адлер». При этом в плане, конечно, оговаривалось, что лица, разрабатывавшие его, «ни на минуту не должны сомневаться в том, что армия имеет приказ на оборону Крыма». Последним своим оплотом в Крыму фашистское командование считало Севастополь. Имен-

но туда поэтапно должны были отходить войска. При отходе – уничтожать все материальные ценности и всю технику, какую не было возможности забрать [4. С. 238–239].

22 марта 1944 г. кондуктор Румынии Й. Антонеску встретился с Гитлером. Одним из обсуждаемых вопросов стала проблема «спасения румынских войск в Крыму» [5. С. 831]. Антонеску убеждал Гитлера дать согласие на их эвакуацию [6. С. 605].

В то время, когда фашистский генералитет составлял план эвакуации своих войск из Крыма, советское командование разрабатывало операцию по освобождению полуострова. Силами 4-го Украинского фронта (командующий генерал армии Ф.И. Толбухин) с плацдармов в районах Сиваша и Перекопа и Отдельной Приморской армии (командующий генерал армии А.И. Ерёменко) с плацдарма у Керчи планировалось прорвать оборону фашистов и, наступая в направлении на Симферополь – Севастополь, расчленил и уничтожить группировку противника [7. С. 101–102].

Ситуация осложнялась тем, что фашисты за годы оккупации Крыма построили мощную систему оборонительных сооружений как в северной части Крыма, так и на Керченском полуострове.

К 8 апреля 1944 г. для прорыва обороны и очищения Крыма от противника приготовились две армии – 2-я гвардейская (командующий генерал Г.Ф. Захаров) и 51-я (командующий генерал Я.Г. Крейзер), 19-й танковый корпус 4-го Украинского фронта и соединения Отдельной Приморской армии. В боевую готовность были приведены подразделения 4-й и 8-й воздушных армий, Черноморский флот (командующий адмирал Ф.С. Октябрьский) и Азовская военная флотилия (командующий контр-адмирал С.Г. Горшков) [8. С. 141–143].

Румынские войска, входившие в состав 17-й немецкой армии и бывшие в её оперативном подчинении, к апрелю 1944 г. были дислоцированы следующим образом: 1-я и 2-я горные дивизии горного румынского корпуса воевали с партизанами на Южном берегу Крыма, контролируя побережье от Феодосии до Севастополя; 3-я горная и 6-я кавалерийская дивизии находились на Керченском полуострове; 10-я и 19-я пехотные дивизии обороняли Сиваш и побережье Азовского моря; 9-я кавалерийская дивизия располагалась в резерве в районе Джанкоя.

Численность румынских войск в Крыму составляла около 63 500 человек. В составе горного корпуса было 20 500 солдат и офицеров, 3-я горная дивизия насчитывала 8 тысяч человек, 10-я пехотная дивизия – 11 тысяч, 19-я пехотная дивизия – 10 тысяч, и по 7 тысяч приходилось на 6-ю и 9-ю кавдивизии [9. С. 82].

8 апреля после мощной артподготовки перешли в наступление войска 4-го Украинского фронта. Румынская 10-я пехотная дивизия, державшая оборону на каранкинском направлении, не выдержала советского натиска. Её линия фронта была прорвана.

10 апреля гитлеровское командование подтянуло и бросило в контратаку 94-й пехотный полк 19-й румынской пехотной дивизии и «офицерскую школу румын», но это не спасло ситуацию. 10-я и часть 19-й румынских пехотных дивизий были к концу дня разгромлены советскими войсками и в панике отступали. На силу их сопротивления генералу Енеке «рассчитывать больше не приходилось» [10. Л. 34–35]. 11–12 апреля в бои оказалась втянута 9-я румынская кавалерийская дивизия, которая так же была разбита.

В дневнике капитана оперативного отдела штаба 17-й армии Х.Р. Гензель от 9–10 апреля значится, что в связи с прорывом фронта советскими частями и критическим положением 10-й румынской пехотной дивизии на Сивашском участке фронта армия запросила у штаба группы армий «А» разрешение на операцию «Адлер». Оно было получено в ночь с 9 на 10 апреля [11. С. 307–308].

П. Карель отмечал, что немцы планировали проводить выполнение операции «Адлер» в режиме строгой секретности. Но «румыны, а также немецкие морские артиллеристы» стали его тут же нарушать – вести открытые переговоры в радиозфере, поджигать казармы и наблюдательные вышки, «использовать» боеприпасы, которые не могли забрать с собой. Штабы и командиры «с яростью наблюдали за этим опасным разгулом недисциплинированности, но справиться с ним не могли» [12. С. 352].

Пленный подполковник, командир 196 пехотного полка 19-й пехотной дивизии румын Буду Флорин, захваченный юго-западнее Сейтлера, дал показания, что его дивизия имела задачу отходить на Симферополь. В ходе отступления дивизия была разбита, вся её техника потеряна. В районе юго-западнее Сейтлера остатки 19-й пехотной дивизии были окружены, частично уничтожены. Свыше тысячи человек сдались в плен [10. Л. 47].

Захваченные в плен 13 апреля в районе Кадыш (40 км к северу от Евпатории) солдаты 9-й кавалерийской и 10-й пехотной румынских дивизий показали на допросе, что приказ об эвакуации из Крыма они получили 10 апреля. По этому приказу румынские дивизии должны были эвакуироваться раньше немецких частей через Севастопольский порт, но ввиду успешного наступления советских войск получили новое направление отхода – на Евпаторию, дабы не осложнять эвакуацию немцев из Севастополя. По словам военнопленных, румынские и немецкие части в беспорядке отступают, бросая оружие и технику, а потери румынских подразделений достигают 70% [4. С. 244].

По данным штаба 4-го Украинского фронта от 14 апреля 1944 г., в районах Евпатория, Симферополь, юго-западнее Сейтлера было захвачено в плен свыше 3 500 солдат и офицеров 9-й кавалерийской и 19-й пехотной румынских дивизий, 50-й, 336-й и 111-й немецких дивизий [4. С. 245].

Крымская стратегическая наступательная операция советских войск явилась полной неожиданностью для командования румынского горного корпуса. В журнале боевых действий этого подразделения за

апрель 1944 г. отмечалось, что с 1 по 8 апреля в секторе корпуса боевых действий не велось. 8 апреля была проведена перегруппировка сил с целью проведения карательных операций против партизан в зоне лесистого массива горы Чёрной. В этой операции приняли участие 7 батальонов 1-й и 2-й горных дивизий, 2 артиллерийских дивизиона, 58-я разведывательная группа.

Операция против партизан началась утром 9 апреля, но была отменена, едва начавшись. 10 апреля «прочёс» местности пришлось прервать по распоряжению командования 17-й армии в связи с тем, что советские подразделения прорвали оборону фашистов в Крыму. Немцы отдали приказ о начале операции «Адлер».

В то время, когда под ударами войск 4-го Украинского фронта фашисты откатывались к Севастополю, командование румынского горного корпуса получило от командования 17-й армии информацию о том, что 10-я пехотная дивизия румын разбита, но отступление 336-й и 50-й немецких пехотных дивизий проходит «планово и без паники» [13. Л. 37].

10 апреля в 22 часа в соответствии с общим планом Крымской наступательной операции Красной Армии с керченского плацдарма начали наступление войска Отдельной Приморской армии. Их удар был стремительным. К 4 часам 11 апреля войска армии овладели первой и второй линиями главной полосы обороны противника, а к 6 утра освободили Керчь.

Прорвав оборону на керченском рубеже, войска Отдельной Приморской армии сразу же начали преследование отходящего противника. Вперёд выдвинулись подвижные отряды, созданные задолго до наступления. В их состав входили подразделения пехоты, посаженные на машины и усиленные артиллерией. Задача этих отрядов состояла в том, чтобы не дать фашистам закрепиться на промежуточных рубежах, окружать и уничтожать отступающего противника.

О темпах наступления подвижных отрядов свидетельствуют показания командира 9-го кавполка 6-й румынской кавалерийской дивизии подполковника Паулэана Теодора: «К 9 часам 11 апреля я сумел отойти из района Керчи и занять оборону по Турецкому валу. В 12 часов русские пехотой и танками на широком фронте атаковали не только мои позиции, но и немецкие части, которые начали откатываться назад. Это заметили солдаты моего полка и потеряли моральную стойкость. Сумев под прикрытием артиллерии вытянуть полк в колонну, я начал отход на запад, но к 14 часам танки русских врезались в походный порядок и огнём рассеяли его, подавив часть солдат и офицеров гусеницами. Полк в результате этой атаки русских разбежался. Я же сам пытался уехать, но, видя безнадежность положения, сдался в плен. В моём полку насчитывалось до тысячи человек, которые во главе со штабом были частично уничтожены, а оставшиеся в живых взяты в плен с материальной частью» [14. С. 301]. Румынский подполковник отметил, что такое стремительное наступление советских войск «явилось неожиданным». Он

был уверен, что его подразделение сумеет оторваться и отойти на Ак-Монайские позиции [15. С. 137].

Ак-Монайский оборонительный рубеж был последним рубежом обороны противника на Керченском полуострове. Его оборона была поручена 3-й румынской горной дивизии, усиленной отдельными немецкими пулемётными подразделениями. Командование 17-й армии решило пожертвовать дивизией сателлитов, чтобы прикрыть отступление 98-й и 73-й пехотных немецких дивизий.

Войска Отдельной Приморской армии начали штурм Ак-Монайских позиций вечером 12 апреля. Уже к ночи прорыв обороны фашистов на всю глубину был завершён. Дорога в центральные районы Крыма теперь была открыта. В ходе этих боёв 3-я горная дивизия румын была разгромлена. Оставшиеся в живых, бросив артиллерию и матчасть, в панике отступали на запад [15. С. 141].

А. Бухнер так описывает поспешное отступление оккупантов через село Салы 13 апреля 1944 г.: «румыны перемешались с немцами. Лошади, гусеничные и колёсные транспортные средства сбились в единую массу. У всех было только одно желание – перевалить через горы и выйти к Севастополю... Это являло собой картину полного крушения, а не планомерного отступления» [2. С. 126].

Отступавшие в панике с Керченского полуострова фашисты оказались в полосе обороны румынского горного корпуса, в связи с чем 11 апреля корпус получил приказ о переброске частей обеспечения к Севастополю. Для этой цели были использованы три эшелона автогужевых средств. 58-я разведывательная группа румын прибыла из Хан Эли в Севастополь и поступила в распоряжение коменданта города.

12 апреля командный пункт румынского горного корпуса в спешном порядке был переведён из Симферополя в Ялту. Для частей корпуса, не входивших в дивизионный состав, был определён район сосредоточения – в 10 километрах к юго-западу от Севастополя. Туда были отправлены: военный трибунал горного корпуса; 58-я группа снабжения; мастерская «Матра»; диспетчерский центр № 26; подразделение Красный крест; казначейство интендантской службы; часть батальона связи; колонна материалов связи; рота пропаганды; колонна инженерных материалов; обоз 31-го сапёрного батальона; ветеринарный госпиталь № 58 и часть 4-го ветеринарного госпиталя; часть 2-й роты 19-го караульного батальона; полевые госпитали № 7 и 9 с ранеными, больными; санитарно-профилактические службы № 3 и 10, группа использования трофеев; пекарня 58-й роты и почтовое отделение горного корпуса [13. Л. 37–38].

В Ялту вместе с командным пунктом горного корпуса отбывали: часть 8-го батальона связи; 58-я рота полиции, усиленная частью 2-й роты 19-го охранного полка; штаб-квартира горного корпуса; командование батальона танков, 58-я автомобильная рота (одна часть которого была придана для усиления 2-го горного корпуса); 2-я рота 3-го автомобильного полка.

В тот же день – 12 апреля – командный пункт 1-й горной дивизии был переведён из Бахчисарая в

Ялту. 1-й, 2-й и 3-й батальоны горных стрелков, а также 2-й дивизион горной артиллерии, 2-я и 3-я батареи 4-го артиллерийского полка 1-й румынской горной дивизии были размещены в Севастополе и переданы в распоряжение коменданта города.

Для усиления оборонительной линии «Гнейзенау» в районе Алушты из состава 1-й румынской горной дивизии были выделены 3-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 137-я противотанковая батарея, 23-й батальон горных стрелков, 120-я минометная рота 1-й группы горных стрелков, 2-я рота горных сапёров, 2-я рота 31-го сапёрного батальона. Эти подразделения поступили в распоряжение коменданта оборонительной линии.

Командный пункт 2-й горной дивизии был переведён из Карасубазара в Алушту. Его передовой пост разместился в Ускуте.

10-й, 15-й, половина 9-го батальона горных стрелков, батарея 5-го артдивизиона 2-й румынской горной дивизии были переведены в зону Севастополя и переданы в распоряжение коменданта.

Командование горного корпуса не имело точных данных о судьбе второй половины 9-го батальона горных стрелков, которые ранее дислоцировались в колхозе им. Сталина. В журнале боевых действий отмечалось, что, «вероятно, они были направлены в пешем строю в Севастополь» [13. Л. 40]. Также румынскому командованию не удалось установить точное местонахождение двух батарей 4-го артдивизиона 2-й горной дивизии. «Возможно, они находятся на линии “Гнейзенау” вместе с 38-й противотанковой батареей».

2-й горный гаубичный батальон вместе с командованием и одной батареей прибыл в Севастополь. Ещё две батареи батальона прибыли на автомашинах 12 апреля в 15.00 из Судака. 2-й эскадрон конных стрелков, рота связи и 1-й сапёрный батальон 2-й горной дивизии румын передислоцировались в Алушту.

13 апреля 1944 г. румыны отводили свои части от Огуз-Тобе до Судака включительно.

В ночь с 13 на 14 апреля начался отход 7-го батальона горных стрелков из Ускута до линии «Гнейзенау» в секторе Алушты. А уже к вечеру 14 апреля опорный пункт Ускут был взят 128-й гвардейской горнострелковой дивизией генерал-майора М.И. Колдубова [16. С. 294].

23-й батальон стрелков 1-й румынской горной дивизии был переброшен из зоны Алушты в зону Перевала для того, чтобы помешать продвижению советских частей по шоссе Симферополь – Алушта.

В то же время всё дивизионное обслуживание, 37-я рота зенитной артиллерии и учебный центр, находившиеся в Бахчисарае, 13 апреля были переведены в зону сосредоточения 1-й горной дивизии к югу от Севастополя.

Командование 4-го артиллерийского румынского полка из Алушты было передислоцировано в Севастополь. Командование 1-й группы горных стрелков и рота 120-миллиметровых миномётов 2-й группы горных стрелков, находившиеся в Алуште, были направлены в Ялту.

Задачу охраны коммуникаций от Алушты до Севастополя получили рота стрелков, находившаяся в Гурзуфе и Кизильташе; 1-й эскадрон конных стрелков; два взвода полиции в Ялте и один взвод в Лиме-нах; рота полиции в Форосе.

Во 2-й горной дивизии румын в этот день происходили следующие перемещения частей: 16-й батальон горных стрелков из зоны Ускута был переброшен морским путём в Севастополь; 1-я и 3-я батареи 2-го дивизиона горных гаубиц были также отправлены в Севастополь. 38-я рота зенитной артиллерии выдвинулась из Ускута в сторону Алушты. Обоз частей и подразделений, не входивших в состав дивизии, получил приказ двигаться к западу от Алушты. 8-й батальон горных стрелков, входивший в группу «Кригер», утром был в Судак посажен на суда и отправлен морским путем в Севастополь [13. Л. 41–42].

Отступавшие с Керченского полуострова фашистские соединения тоже возлагали большие надежды на возможность эвакуации морским путём из Судака. Но 14 апреля советская авиация нанесла бомбовые удары по порту Судак, где производилась погрузка немецких и румынских войск на баржи. Одна баржа с солдатами была потоплена на глазах ожидавших погрузки. Напуганные случившимся, остальные подразделения отказались эвакуироваться морем и походным порядком отправились по дороге на Алушту. Но идти им пришлось недолго. При выходе из Судака колонна была встречена огнём подвижного отряда 16-го стрелкового корпуса. В результате свыше тысячи солдат и офицеров (в их числе 18-й батальон горных стрелков 2-й горной дивизии румын) были взяты в плен, а город Судак был полностью освобождён от фашистских захватчиков [14. С. 302].

14 апреля советские войска быстро продвигались вдоль шоссе Симферополь – Алушта. Передовые части вышли к Перевалу (высота 763,6), где были замечены командиром 7-й батареи 1-го артиллерийского полка румын.

Румынское командование в журнале боевых действий неоднократно отмечало, что «партизаны оказывают ценную помощь русским войскам, увеличивая их численность и ускоряя продвижение по горам и перевалам» [13. Л. 43, 46].

Для обороны и удержания зоны Алушта – Шумы и высоты 763,6 (Перевал) 1-му горному дивизиону румын в Алуште был придан 7-й батальон горных стрелков, входящий в состав 2-й горной дивизии (раньше он оборонял побережье в Ускуте). Этот батальон должен был занять позицию в районе Шумы, чтобы задержать продвижение советских подразделений (в особенности механизированных частей) по шоссе Симферополь – Алушта и одновременно прикрывать отступление 23-го батальона горных стрелков, обороняющего район высоты 763,6 (Перевал). Одна рота должна была преградить дорогу Алушта – Аспорт непосредственно к северо-востоку от Алушты, чтобы помешать возможному продвижению советских частей по этому шоссе.

Для охраны наиболее уязвимой зоны Байдар, через которую проходило шоссе Ялта – Форос –

Севастополь, был выделен отряд майора Леонхардта, состоявший из следующих частей: командной группы 1-го отряда горных стрелков; учебного центра 1-й горной дивизии (примерно одна усиленная рота); роты 120-миллиметровых миномётов. Эти части получили задание устроить засаду в зоне высоты 302 (6 километров к северо-востоку от Байдар), наблюдать за выходами из горно-лесистого района Скеля – Саватка – Бага – Уркуста, проводить наступление или оборону в зависимости от обстоятельств, приняв все меры для обеспечения безопасности тыла и флангов.

В 10.30 перед ротой на левом фланге (в зоне, расположенной в 1 км к северо-западу от высоты 763,6) появилось, как означено в журнале боевых действий румынского горного корпуса, «около 2 наступавших русских рот».

В зоне высоты 597,8 на повороте шоссе показалось 4 советских танка, которым удалось немного продвинуться к югу. Продолжить движение танки не смогли из-за брошенной и разбитой техники, перекрывшей шоссе.

В 10.45 советские части атаковали роту, находившуюся с левого фланга (к западу от Перевала) от высоты 763,6, но безуспешно.

Командование 2-й горной дивизии 14 апреля было переведено из Алушты в Севастополь и передано в распоряжение 17-й немецкой армии.

7-й батальон горных стрелков, находившийся в Ускуте, был передан в распоряжение 1-й горной дивизии для обороны зоны Алушта – Шумы [13. Л. 44–45].

В ночь с 14 на 15 апреля 1944 г. советская авиация несколькими волнами бомбила Ялту. В связи с этим командование румынского горного корпуса, 58-я полицейская рота и рота связи в 15.30 выехали из Ялты в Севастополь. Район сосредоточения был определён в 7 километрах к юго-западу от Севастополя.

В 2.30 советские подразделения численностью в 1–2 полка, с танками и тяжелой артиллерией, атаковали боевые части на шоссе Перевал – Алушта, чтобы прорвать позиции румынских войск в зоне Перевал – Шумы и перерезать путь для отступления группы Альмендингера в районе Алушты. Советским воинам удалось прорвать оборону 23-го батальона горных румынских стрелков и захватить одну противотанковую пушку. В 8.30 23-й батальон горных стрелков отступил на линию резервной роты.

7-й батальон горных стрелков занимал позиции к северу от Шумы. Одна рота этого батальона находилась на дороге Алушта – Аспорт, получив приказ прикрывать отступление 23-го батальона горных стрелков и препятствовать продвижению советских войск в сторону Алушты.

В 9.00 натиск советских частей усилился, в особенности на флангах румынской обороны, что заставило 23-й батальон горных стрелков отступить в тыл 7-го батальона для перегруппировки в качестве резерва отряда в районе Шумы.

С 11.15 до 13.00 в зоне Перевала начали появляться советские кавалерийские разведки, показалось 30–

40 танков, которые продвигались вдоль шоссе в сторону Шумы, входя в соприкосновение с 7-м батальоном горных стрелков. Крупные советские подразделения прорвались через горный массив Демерджи к Алуште, угрожая тылам фашистов.

Немецкие части в Алуште и танки, которые должны были оборонять этот город до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза окружения, отступили в сторону Ялты. В такой ситуации алуштинский отряд румын мог быть окружён. Чтобы избежать окружения батальонов, командование 1-й горной дивизии отдало приказ обоим батальонам начать отход в Алушту, где пока ещё сохранялась возможность эвакуироваться морем.

В 13.35 телефонная связь и радиосвязь румынского командования с алуштинским отрядом была прервана.

В 14.00 на командный пункт в Ялте прибыл командующий 5-м немецким армейским корпусом генерал Альмендингер, который дал следующее устное приказание: «Соппротивление в Ялте должны оказывать войска 1-й горной дивизии до тех пор, пока последняя часть 5-го немецкого армейского корпуса не удалится к западу от Ялты. 1-я горная дивизия в Ялте должна быть надёжным арьергардом германских колонн до самого Севастополя, прикрывая их отход и охраняя от нападения советских войск или партизан» [13. Л. 48].

На основании этого приказа 1-я горная дивизия румын под командованием полковника Василиу прикрывала отход всех отступающих частей.

Ялта удерживалась 1-й горной дивизией до 19.15 15 апреля, когда последние части 5-го немецкого корпуса не удалились к западу от Ялты. Отступление румынских частей, оборонявших Ялту, было произведено под защитой частей прикрытия, расположенных на западных возвышенностях города.

Здания и сооружения в Ялтинском порту были взорваны в 19.35.

Отходившие румынские части подверглись нападению партизан при выходе к западу от Ялты и в зоне Кекенеиза.

Спешное отступление фашистов из Ялты под натиском частей 227-й Темрюкской стрелковой дивизии с фронта и партизанских отрядов с тыла помешало оккупантам уничтожить замечательные дворцы Южного берега – Ливадийский, Воронцовский в Алушке, Юсуповский в Кореизе, которые уже были заминированы [14. С. 304].

Войскам, участвовавшим в освобождении Ялты, приказом Верховного главнокомандующего от 16 апреля 1944 г. была объявлена благодарность. Москва салатовала этой победе 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий [16. С. 300].

Командование 2-й горной дивизии и всех подчиненных ей частей 15 апреля прибыло в Севастополь.

У румынского командования отсутствовали данные о нахождении следующих частей: 38-й противотанковой батареи, прибывшей 12 апреля из Карасубазара и расположившейся в обороне позиций «линии Гнейзенау»; 4-го артдивизиона, который 12 апреля

отправился из Ускута по направлению «линии Гнейзенау»; командования 1-й и 2-й батареи 5-го артдивизиона, находившегося в секторе Перекопа.

Поступила скудная информация от лейтенанта Бежана. Этот румынский офицер входил в командную группу 4-го артдивизиона. Он прибыл на командный пункт дивизии в Алуште 13 апреля и доложил, что 12 апреля его часть была атакована советскими танками и партизанами в районе восточнее Зуи. В ходе боя офицер оказался в одиночестве и ничего не знал о судьбе дивизиона [13. Л. 46–50]. Командир 4-го артдивизиона румын подполковник Оинеску Ион, захваченный в плен 18 апреля в районе Ялты, на допросе показал, что 15 апреля в 21.00 в районе Никита колонну его подразделения встретили советские войска, прибывшие на 15 автомашинах. Стрельбы не было. Советские части были встречены румынскими солдатами «радостными возгласами “Ура!”». Подполковник приказал всем покинуть шоссе и бежать в лес, что сам и сделал. Но никто не последовал его примеру. И. Оинеску с горечью отмечал, что вся его колонна, численностью более 1 000 человек, была взята в плен. А его самого позднее захватили советские артиллеристы [16. С. 309].

Перед наступающими воинами 24-й гвардейской дивизии преградой оказались укрепленные берега р. Бельбек. О боях у этой реки разведчик Т.И. Степанов вспоминал: «весь день мы ящерицами ползаем по высотам северного берега реки Бельбек. Он к ней спадает кругим скальным обрывом... а за ней опять круто вверх уходит тот берег. В нём вырублены доты, блиндажи, траншеи. Оттуда хорошо видны наши голые скалы. Ни деревца, ни кустика... Скоро наступление». Задачей разведки было – вскрыть оборону противника и «нанести на карту каждый пулемёт, миномёт, орудие, траншею, колючую проволоку, окоп», чтобы артиллерия «смогла подавить огнём важные опорные пункты врага». Для более точного выполнения нужен был «язык». И его смогли захватить, используя разведку боем [1. С. 197].

Захваченный в плен румынский солдат из 3-й роты 9-го батальона 2-й горной дивизии на допросе показал, что боевые части 2-й горной дивизии несли береговую службу на Южном побережье Крыма в районе Судака. 10 апреля они были направлены в Севастополь для эвакуации. В пути 9-й и 10-й батальоны получили приказ занять оборону на заранее подготовленном рубеже по р. Бельбек, имея задачей 4–5 дней сдерживать наступление русских с целью обеспечения эвакуации. В 9-м батальоне числилось до 600 человек [10. Л. 66]. Пленный из 4-й роты 15-го батальона 2-й горной дивизии румын, захваченный южнее р. Бельбек, дал показания о том, что в его батальоне было до 450 человек, а вторую линию траншей за ними занимают немцы [10. Л. 72].

16 апреля 1944 г. командование румынского горного корпуса, 58-я полицейская рота, командование батальона танков и 53-я танковая рота (имеющая 3 танка, готовых к бою), а также связисты прибыли в район сосредоточения горного корпуса в Севастополе.

Туда же прибыли командование 1-й горной дивизии, а также все подчинённые ей части (кроме 23-го батальона горных стрелков и 3-го дивизиона 4-го арт-полка).

С утра 17 апреля 1-я и 2-я горные дивизии в оперативном отношении вышли из подчинения горного корпуса и поступили в распоряжение 49-го немецкого армейского корпуса.

19 апреля 1-я и 2-я горные дивизии румын получили приказ держать оборону под Севастополем и «оказывать сопротивление противнику без всякой надежды на отступление». В этот день в журнале боевых действий горного корпуса отмечалось, что «все атаки советских частей были отбиты. Противник понёс большие потери».

Командир горного корпуса румын генерал Гуго Шваб инспектировал на передовой линии фронта все части 1-й и 2-й горных дивизий и констатировал, что «моральное состояние войск превосходное. Все понимают, за что они борются». Этот факт был также отмечен и подтверждён командирами крупных немецких соединений [13. Л. 53].

В секторе обороны 1-й горной дивизии бои развернулись у позиций 1-го, 2-го и 3-го батальонов горных стрелков.

На фронте 1-го батальона румын советские войска «почти непрерывно вели огонь из артиллерийских орудий, миномётов, противотанковых пушек, и, особенно интенсивно, бомбардировку с воздуха». В 14.00 около батальона советских бойцов перешли в атаку, но она захлебнулась.

На левом и правом флангах 3-го батальона горных стрелков советские части перешли в атаку в 19.30. По румынским данным в ней участвовали около двух рот и 2 танка. Атака была отбита.

В секторе 2-го батальона утром 19 апреля красноармейцы пытались провести разведку боем, укрывшись в броневике. Но она не удалась. Броневик был подбит прямым попаданием снаряда и сгорел. В 11.10 советская танкетка, за которой следовала около роты пехоты, атаковала на гребне с левого фланга батальона. Нападавших румыны рассеяли огнём артиллерии и миномётов. В 19.00 атака повторилась, но снова безрезультатно.

На фронте 2-й горной дивизии румын советские подразделения прорвали левофланговые позиции 9-го и 15-го батальонов горных стрелков. Закрывать бреши румынам не удалось.

В ночь с 18 на 19 апреля в район расположения 50-й немецкой пехотной дивизии были переброшены румынские подразделения. 16-й батальон горных стрелков, 2-й эскадрон конных стрелков, две противотанковые пушки 75-миллиметрового калибра передислоцировали в Бартењевку. Одна рота 120-миллиметровых миномётов, состоящая из четырёх орудий, была передана в сектор 15-го батальона горных стрелков.

20 апреля 1944 г., воспользовавшись временным затишьем на позициях, во второй половине дня в штаб румынского горного корпуса прибыл капитан Опришор из 7-го батальона 2-й горной дивизии, со-

провожаемый двумя нижними чинами. Он рассказал, что шёл из Алушты в Ялту с колонной 7-го батальона горных стрелков и оставшимися в живых бойцами отряда с Перевала (23-й батальон горных стрелков). Вечером 15 апреля перед Ялтой колонна была настигнута советскими танками и рассеяна. Капитан с несколькими уцелевшими солдатами сумел скрытно пройти через Ялту в Узенбаш и по долине р. Бельбек добраться до сектора генерала Хагемана [13. Л. 56].

21 апреля 1944 г. в секторе обороны 1-й горной дивизии на фронте 2-го и 3-го батальонов советские подразделения вели сильный огонь из артиллерии всех калибров. В секторе 2-го батальона горных стрелков в 16.45 красноармейцы пошли в атаку, введя в бой, по румынским данным, около двух-трех рот пехоты и 4 танка. В 17.20 атака была отбита в результате сосредоточенного огня всех видов автоматического оружия, миномётов и артиллерии. В журнале боевых действий горного корпуса отмечалось, что «напротив румынских позиций было оставлено много убитых и раненых русских» [13. Л. 57].

Этот локальный успех, достигнутый 2-м батальоном горных стрелков, миномётной ротой и артиллерией, был отмечен в оперативном донесении 336-й пехотной немецкой дивизии «группы Конрада», составленном в тот же день вечером. В донесении немцы превозносили результативное «товарищество по оружию между 687-м гренадерским полком и 2-м батальоном румынских горных стрелков». А генерал Гуго Шваб патетически утверждал, что горные стрелки 2-го батальона «вписали новые славные страницы в золотую книгу нашей страны и корпуса горных стрелков» [13. Л. 57].

22 апреля генерал Войкулеску, находившийся под впечатлением от этой победы, инспектировал батальоны, находящиеся в секторе 1-й горной дивизии. Его приятно поразило «идеальное взаимодействие между немецкими и румынскими частями, начиная от офицеров до простых солдат» [13. Л. 61].

Тем временем боевые действия продолжались. 22 апреля в 17.00 командный пункт горного корпуса был подвергнут бомбардировкам советской авиации, атаковавшей тремя волнами по 30 самолётов в каждой, а в 18.00 он подвергся сильному обстрелу из тяжёлой артиллерии. Под сильный обстрел попала также зона сосредоточения 2-й горной румынской дивизии и аэродром. После этой бомбардировки 23 апреля командный пункт горного корпуса с сокращённым личным составом был переведён в форт «Максим Горький № 2».

Сектор 50-й немецкой пехотной дивизии, где дислоцировались и батальоны 2-й румынской горной дивизии, в ночь с 22 на 23 апреля был накрыт мощным артобстрелом из орудий всех калибров. Артобстрел продолжился и утром. Под прикрытием огня советская ударная группировка при поддержке танков перешла в наступление и смогла вклиниться в позиции 10-го батальона горных стрелков. По данным румын, в атаке участвовало одиннадцать танков, из которых семь было уничтожено. Несмотря на контрата-

ку немецких частей в юго-западном направлении, полностью прорыв ликвидировать не удалось.

Советские подразделения атаковали и на участке обороны 58-й разведывательной группы румын. В ходе боя румынское командование потеряло с ней связь.

Когда связь восстановили, было выяснено, что 23 апреля в 5.30 утра после мощной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха, проведённой тремя последовательными волнами штурмовиков, советские подразделения перешли в атаку, в которой участвовали крупные силы пехоты и танков. В 12.30 советским бойцам удалось пробиться за передовую линию сопротивления, занятую 2-м эскадронам румын. К 17.00 правые фланги 1-го и 2-го эскадронов были отброшены с занимаемых позиций. Для восстановления положения ночью с 23 на 24 апреля были проведены две контратаки румынских и немецких частей, которые оказались безрезультатными из-за мощного заградительного огня советской артиллерии и бомбардировок авиации [13. Л. 66].

24 апреля в секторе 10-го батальона горных стрелков ударная советская группировка при поддержке танков сумела увеличить прорыв, сделанный накануне. Положение на фронте 10-го батальона горных стрелков оценивалось командованием румынского корпуса, как «весьма серьёзное, т.к. противника нельзя остановить из-за отсутствия сил» [13. Л. 64].

25 апреля после мощного артобстрела из орудий и миномётов всех калибров, направленного против передовой линии обороны 2-й горной дивизии, советская пехота при поддержке танков в 18.30 вновь перешла в атаку в секторе 58-й разведывательной группы и с правого фланга 8-го батальона горных стрелков. Ударная группировка увязла в боях у румынских позиций, но небольшие наступательные отряды сумели пробиться к шоссе и железной дороге. Четыре советских танка дошли до командного пункта батальона горных стрелков, но их подожгли фаустпатронами и остановили немцы.

27 апреля в секторе батальонов 1-й горной дивизии советские подразделения провели разведку боем. Румыны отмечали активные действия советской артиллерии и авиации. В секторе батальонов 2-й горной дивизии советские части атаковали в районе подножья холма Бункерберг, в 1,5 км к юго-востоку от Бельбека, пытаясь прорваться в долину между высотой 104,5 и Эльберг. Но прорыв не удался [13. Л. 69].

28 апреля в Румынию были эвакуированы командный состав и штабы 6-й и 9-й кавалерийской дивизий, 10-й и 19-й пехотных дивизий. После этого в соответствии с оперативным приказом № 5 по 17-й немецкой армии создавалась новая организация боевого управления. Румынские 1-я горная дивизия со своими основными частями и 2-я горная дивизия с частями 10-й пехотной дивизии (отрядом полковника Арделяну) в оперативном отношении подчинялись 49-му немецкому армейскому корпусу. 3-я горная дивизия с частями 19-й пехотной дивизии (подполковника Петришер) – 5-му немецкому армейскому корпусу. Отряд подполковника Брэкэческу, сформированный из 6-й и

9-й кавалерийской дивизий, подчинялся в оперативном отношении крепости Севастополь.

Подполковник Брэкэческу получил приказ поступить в распоряжение коменданта Херсонеса полковника Гаммер и с вверенным подразделением оборонять побережье между Стрелецкой бухтой и Каменоломней, сменив немецкие войска в этом районе [13. Л. 70].

Горному корпусу был дан приказ повысить дисциплину и боеспособность всех румынских частей, находившихся в Севастополе, а также «заниматься организацией и держать под контролем эвакуацию оставшихся румынских частей из Крыма».

28 апреля Гуго Шваб инспектировал на передовой линии 8-й батальон горных стрелков, 58-ю разведывательную группу и отряд полковника Арделяну. Он остался весьма довольным результатами инспекции [13. Л. 71].

30 апреля в секторе 4-й группы горных стрелков 2-й горной дивизии в 2.30 советский отряд численностью в 40 человек под командой офицера и политрука напал на румынские позиции. Все атакующие были в немецком обмундировании. Им удалось проникнуть до северо-западного склона высоты 104,5 (в одном километре от р. Бельбек) и даже добраться до командного пункта 4-й группы горных стрелков. Но далее румынские части, находившиеся на командном пункте, и отряд полковника Арделяну, контратаковавший с тыла, окружили советский отряд и полностью уничтожили его.

Таким образом, отступление горного корпуса румын (равно как и других румынских подразделений) под натиском советских частей в апреле 1944 г. проходило в состоянии спешки и паники. Штабы и командиры теряли связь с подчинёнными войсками и не знали об их судьбе. Советскому командованию с первых же дней наступления стало известно о плане «Адлер», потому задачей наступавших подразделений было не допустить его реализации в полной мере. Командование 17-й немецкой армии, стремясь выиграть время и спасти немецкие пехотные дивизии, ставило подразделения румын в отряды прикрытия и арьергарды. Но части сателлитов не отличались надёжностью и не всегда оправдывали ожидания немецкого руководства. Чтобы поднять боевой дух румын и не допустить преждевременного отхода с занимаемых позиций, фашистское командование размещало немецкие заградительные отряды в тылу румынских соединений. Все эти факторы привели к тому, что при отступлении в Севастополь из района Керчи и с севера Крымского полуострова потери румын составили 17 652 человека [2. С. 128], т.е. по факту почти треть контингента.

В Севастополе румыны были сразу же привлечены к участию в обороне города. Фашистское руководство стремилось воссоздать боевое содружество немцев и румын, несколько пошатнувшееся во время отступления. Поэтому превозносились совместные локальные победы, подчеркивалась значимость «результативно-го товарищества по оружию».

Ни румыны, ни немцы тогда ещё не знали, что Севастополь будет взят советскими войсками уже 9 мая 1944 г. Но оккупанты чувствовали, что их господству в

Крымскому пришёл конец. Не случайно во время наступления советские военнослужащие в местах сражений находили «большое количество различных вражеских орденов знаков». В их числе были и румынские орде-

на «Витязь Михай». Кавалер этого ордена имел право на получение 25 гектаров крымской земли [4. С. 268]. Но бои в апреле 1944 г. убедили фашистов, что этим правом воспользоваться им не придётся.

Список источников

1. Степанов Т.И. Даёшь Крым! Даёшь Севастополь! // Война. Народ. Победа, 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 193–198.
2. Бухнер А. Восточный фронт. Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинёв. 1944 / пер. с англ. В.Д. Кайдалова. М.: Центрполиграф, 2013. 388 с.
3. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939–1945. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 1998. 796 с.
4. Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. I. Роль Крыма в войне. Документы и материалы. М.: ПрофМедиа, 2014. 368 с.
5. Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М.: Алгоритм, 2007. 1024 с.
6. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967. 776 с.
7. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988. Кн. 2. 363 с.
8. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М.: Вече, 2009. 384 с.
9. Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. – май 1944 г.). Документы свидетельствуют. М.: Кречет, 1994. 152 с.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 244. Оп. 3000. Д. 807. 110 л.
11. Гарт Б. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. 485 с.
12. Карель П. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус; Эксмо, 2005. 432 с.
13. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 490. 110 л.
14. Шедько П.М. Отдельная Приморская армия в боях за освобождение Крыма // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 262–306.
15. Мошчанский И.Б. Трудности освобождения. М.: Вече, 2009. 240 с.
16. Ерёменко А.И. Годы возмездия: Боевыми дорогами от Керчи до Праги. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. 890 с.

References

1. Stepanov, T.I. (1984) Daesh' Krym! Daesh' Sevastopol'! [Bring on Crimea! Bring on Sevastopol!]. In: Danishevskiy, I.M. & Taratuta, Zh.V. (eds) *Voyna. Narod. Pobeda, 1941–1945. Stat'i. Ocherki. Vospominaniya* [War. People. Victory, 1941–1945. Articles. Essays. Memories]. Vol. 3. Moscow: Politizdat. pp. 193–198.
2. Bukhner, A. (2013) *Vostochnyy front. Cherkassy. Ternopol'. Krym. Vitebsk. Bobruysk. Brody. Yassy. Kishinev. 1944* [Eastern Front. Cherkassy. Ternopol. Crimea. Vitebsk. Bobruisk. Brody. Iasi. Kishinev. 1944]. Translated from English by V.D. Kaydalova. Moscow: Tsentrpoligraf.
3. Toppel'skirkh, K. (1998) *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny. 1939–1945* [History of the Second World War. 1939–1945]. Moscow; Saint Petersburg: AST; Poligon.
4. Shoigu, S.K. (ed.) (2014) *Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941–1945* [Great Patriotic War. 1941–1945]. Vol. 1. Moscow: ProfMedia.
5. Utkin, A.I. (2007) *Russkie vo Vtoroy mirovoy voynе* [Russians in World War II]. Moscow: Algoritm.
6. Vert, A. (1967) *Rossiya v voynе 1941–1945* [Russia in the War 1941–1945]. Moscow: Progress.
7. Vasilevskiy, A.M. (1988) *Delo vsey zhizni* [The Work of a Lifetime]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
8. Krivosheev, G.F. et al. (eds) (2009) *Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveyshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic War Unclassified. The book of losses. The latest reference edition]. Moscow: Veche.
9. Litvin, G.A. & Smirnov, E.I. (1994) *Osvobozhdenie Kryma (noyabr' 1943 g. – may 1944 g.). Dokumenty svidetel'stvuyut* [Liberation of Crimea (November 1943 – May 1944). Documents testify]. Moscow: Krechet.
10. Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 244. List 3000. File 807. 110 p. (In Russian).
11. Gart, B. (1988) *Ot "Barbarossy" do "Terminala". Vzglyad s Zapada* [From "Barbarossa" to "Terminal". View from the West]. Moscow: Politizdat.
12. Karel', P. (2005) *Vostochnyy front. Kniga vtoraya. Vyzhennaya zemlya. 1943–1944* [Eastern Front. Book two. Scorched earth. 1943–1944]. Moscow: Izografus; Eksmo.
13. Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 500. List 12462. File 490. 110 p. (In Russian).
14. Shed'ko, P.M. (1963) *Otdel'naya Primorskaya armiya v boyakh za osvobozhdenie Kryma* [Separate Primorye Army in the battles for the liberation of Crimea]. In: Chirva, I.S. (ed.) *Krym v Velikoy Otechestvennoy voynе Sovetskogo Soyuzа 1941–1945 gg.* [Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Simferopol: Krymizdat. pp. 262–306.
15. Moshchanskiy, I.B. (2009) *Trudnosti osvobozhdeniya* [Difficulties of Liberation]. Moscow: Veche.
16. Eremenko, A.I. (2009) *Gody vozmezdiya: Boevymi dorogami ot Kerchi do Pragi* [Years of Retribution: Battle roads from Kerch to Prague]. Moscow: AST; AST MOSKVA.

Информация об авторе:

Малютина Т.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: chal.04@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.P. Maljutina, Dr. Sci. (History), professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: chal.04@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.01.2019; одобрена после рецензирования 13.06.2019; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 04.01.2019; approved after reviewing 13.06.2019; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/15617793/483/15

Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.: особенности правоприменительной практики

Уташ Борисович Очиров¹, Виктория Саналовна Шургучиева²

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия

² Октябрьский районный суд, Ростов-на-Дону, Россия

¹ utash-ochirov@yandex.ru

² shvikuwa1223@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа имперского законодательства и документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия реконструированы стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX в. Сделан вывод о том, что в ходе судебного разбирательства можно выделить три его основные стадии: предварительное следствие, суд и исполнение приговора, а также определены особенности правоприменительной практики и характерные признаки судопроизводства.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, судопроизводство, Зарго, улусный попечитель, правоприменительная практика

Источник финансирования: исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп». Регистрационный номер 122022700134-6.

Для цитирования: Очиров У.Б., Шургучиева В.С. Стадии судебного разбирательства в Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.: особенности правоприменительной практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 139–144. doi: 10.17223/15617793/483/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/15

The stages of the trial in the Kalmyk steppe in the second half of the 19th – early 20th centuries: Features of law enforcement practice

Utash B. Ochirov¹, Victoria S. Shurguchieva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

² Oktyabrskiy District Court, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ utash-ochirov@yandex.ru

² shvikuwa1223@yandex.ru

Abstract. The article aims to study the stages of the trial in the Kalmyk steppe in the second half of the 19th century and to identify special law enforcement practices. The study is based on the analysis of the imperial legislation and documentary materials from the funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia. The legal norms of Section II, On Judicial Proceedings in Ulus Zargo, of the Provisions on the Administration of the Kalmyk People (1847) can be grouped according to the thematic principle: the purpose and sources of legal proceedings in the ulus courts; participants in the trial; punishment; execution of punishment. Unfortunately, the legislator in this normative act did not consider in detail the procedure of the proceedings, which determined the relevance of the article. The study is based on the principles of scientificity and objectivity. The research methods were: reconstructive, which restored the stages of judicial proceedings; comparative historical, which revealed the general patterns and features in the functioning of judicial proceedings in the Kalmyk steppe; and historical genetic, which established the cause-and-effect relationship in the judicial proceedings' development. In the course of the study, the authors emphasize the analysis of the case management practice of the ulus directorates in the field of judicial proceedings, thus highlighting their three main stages in the Kalmyk steppe in the specified period. The first stage is the preliminary investigation; the second is the trial itself; the third is the execution of the verdict. The authors note that the Provisions of 1847, for the first time in the imperial legislative practice on regulating the vital activity of the Kalmyk people, took into account the level of their well-being in the punishment. The authors conclude that the legal proceedings in the Kalmyk steppe during the analysed period were characterised by the following features: (1) the incompetence of judges, who

had a low level of education, not to mention legal literacy, was typical for this period; (2) the judicial system was not independent from the administrative power, because ulus guardians and their assistants played an essential role in the work of ulus Zargo, and since 1892 they started managing the courts; (3) despite the fact that, after the judicial reforms of Alexander II, openness, adversariality, equality of the parties were declared as the basic principles of justice, the ulus Zargo did not implement these principles, since these reforms did not apply to foreign societies of the Russian Empire.

Keywords: Kalmyk steppe, legal proceedings, Zargo, ulus guardian, law enforcement practice

Financial support: The research was supported by a government subsidy, Project No. 122022700134-6: The South-eastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups.

For citation: Ochirov, U.B. & Shurguchieva, V.S. (2022) The stages of the trial in the Kalmyk steppe in the second half of the 19th – early 20th centuries: Features of law enforcement practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 139–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/15

После ликвидации Калмыцкого ханства имперские власти в конце XVIII – первой половине XIX в. предприняли ряд попыток создать новую систему управления калмыками. Однако лишь 23 апреля 1847 г. было Высочайше утверждено «Положение об управлении калмыцким народом», которое завершило формирование так называемой попечительской системы управления калмыцким народом, просуществовавшей с некоторыми изменениями до 1917 г. В преамбуле положения 1847 г. указывалось, что «Для водворения между калмыками, кочующими в Астраханской губернии и Кавказской области, порядка и устройства, издано было в 1834 г. Положение об управлении сим народом. Двенадцатилетний опыт показал необходимость в некоторых изменениях и дополнениях, сообразных с местными потребностями и пользами калмыков...» [1]. Отсюда следует, что данный правовой акт был разработан и принят в связи с тем, что прежнее положение (1834 г.) нуждалось в значительном уточнении.

Анализ структурной части текста Положения 1847 г. показывает, что документ состоит из трех разделов: 1) «О правах и обязанностях калмыков»; 2) «Об управлении калмыцким народом»; 3) «Наказ об обязанностях по управлению калмыцким народом». Каждый раздел разделен по тематическому принципу на главы: в составе первого раздела было 8 глав, второго – 9 глав и третьего – 11. Некоторые главы также были разделены на отделения. Все главы разделялись на статьи, имеющие сквозную нумерацию. Непосредственно системе судоустройства и судопроизводства в Калмыцкой степи была посвящена глава V раздела второго «Об Улусных Зарго», в которой первое отделение «О составе, предметах ведомства и о порядке сношений Улусных Зарго» включало 12 статей; второе отделение «О судопроизводстве в Улусных Зарго» – 20 статей.

В исследуемый период калмыки Астраханской губернии находились в ведении Министерства государственных имуществ (с 1837 по 1902 г.). По Положению 1834 г. высшее местное управление калмыцким народом составляли: 1) астраханский военный губернатор; 2) главный попечитель калмыцкого народа; 3) совет управления калмыцким народом под председательством главного попечителя; 4) суд Зарго и 5) Ламайское духовное управление. Однако по новому Положению 1847 г. непосредственное управле-

ние калмыками стало осуществляться управляющим Астраханской палатой государственных имуществ, который также являлся главным попечителем калмыцкого народа. Местное же управление возлагалось на улусных попечителей, а «делами тяжёбными и о проступках заведывают улусные зарго» (ст. 97) [1]. Таким образом, сравнительный анализ двух положений позволяет сделать вывод о том, что в 1847 г. общекалмыцкий центральный судебный орган Зарго был ликвидирован, а остались только улусные зарго.

Двадцать статей II отделения «О судопроизводстве в улусных Зарго» можно сгруппировать по тематическому принципу: цель и источники судопроизводства в улусных судах; участники судебного процесса; наказание; исполнение наказания. При этом законодателем в данном нормативном акте не была детально рассмотрена процессуальная процедура судопроизводства. В связи с этим целью данной статьи является реконструкция стадий судебного производства в Калмыцкой степи на основе анализа документальных материалов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия.

Проблема судопроизводства в обществах инородцев, в том числе кочевых, к сожалению, не являлась предметом специального изучения. Между тем отдельные исследования, посвященные проблеме судоустройства и судопроизводства в инородческих обществах второй половины XIX в., имеют место в отечественной историографии. Так, рассматривая указанную проблему, Б.Ц. Жалсанова и Л.В. Курас указывали, что суд и судопроизводство у бурят осуществлялось на основании «Устава об управлении инородцев» 1822 г. и норм обычного права [2, 3]. Отдельные аспекты организации судебной системы и осуществления судопроизводства в среде инородцев были рассмотрены в статьях Е.А. Команджаева [4, 5], Н.Н. Андреевской [6], С.Ю. Даржаева [7] и др.

Согласно статье 139 Положения 1847 г., в каждом улусе судебную власть осуществляло улусное зарго в составе 5 человек: председателя, двух членов (старшего и младшего) и двух заседателей от калмыков. В казенных улусах председателем зарго был правитель улуса, во владельческих – нойон-владелец. Членами зарго назначались русские чиновники: старшим – улусный попечитель, младшим – его помощник. Заседатели избирались улусным сходом сроком на три года из числа зайсангов, не име-

ющих в своем управлении родовых аймаков или владельцев, а «по неимению их или по неспособности из калмыков-простолюдинов» [1]. Таким образом, по данному Положению структура и состав улусных зарго остались прежними, но изменились принцип комплектования и порядок выборов на должности улусных заседателей, которые ранее избирались собраниями зайсангов.

После принятия закона 16 марта 1892 г., упраздненного обязательные отношения между калмыками-простолюдинами и их владельцами, и, соответственно, ликвидации властных функций владельцев частных улусов и правителей казенных улусов их обязанности по председательствованию в улусных судах были переданы улусным попечителям [8. № 8429]. В результате этого улусные попечители стали совмещать. «в одном лице административные, распорядительные, судебно-следственные, полицейские функции, т.е. являлись одновременно исполнительной и судебной властью, что давало почву для коррупции и разного рода других должностных преступлений. С другой стороны, такой объем обязанностей приводил к нехватке времени для квалифицированного выполнения хотя бы одной из них. Как правило, предпочтение в работе отдавалось текущему (оперативному) управлению, а судебной деятельностью попечители занимались в свободное от этой работы время. В результате улусные суды работали не на постоянной основе и не могли оперативно отправлять правосудие, тем более на территориях площадью в десятки и даже сотни квадратных верст» [9. С. 35].

Делопроизводство улусного зарго возлагалось на чиновников канцелярии улусного управления. Улусные зарго составляли первую степень суда по уголовному и гражданскому судопроизводству, включая опеку над малолетними калмыками, и являлись подотчетными Палате уголовного и гражданского суда, куда направлялись жалобы на решения улусных судов. Проведение заседаний улусного зарго Положением предусматривалось не менее одного раза в неделю, при этом улусный попечитель и его помощник должны были принимать жалобщиков и просителей. В улусных судах решались иски на сумму до 30 руб., мелкие уголовные дела. Тяжбы между калмыками по-прежнему решались по традиционным калмыцким законам. Им были подсудны большинство калмыков, за исключением Ламы калмыцкого народа, управляющих улусами, депутата астраханской Палаты государственных имуществ и членов их семей, дела которых разбирались в «общих судебных местах».

Кроме того, в обязанность улусных судов входило представление в Палату государственных имуществ ежемесячных именных ведомостей о производящихся в них делах, списков содержащихся арестантов с указанием причин содержания, а также годовых ведомостей по ревизии опекунских отчетов и перечневых ведомостей о движении дел, о числе калмыков, подвергшихся осуждению. По форме, установленной для сельских расправ в селениях государственных крестьян, в штрафных книгах в улусных зарго велся учет калмыков, подвергнутых наказанию за совершенные

проступки и преступления. Таким образом, на местах собиралась база данных неблагонадежных из числа улусного населения, что могло способствовать раскрытию правонарушений.

Судебное производство можно разделить на три части: предварительное следствие, суд и исполнение. Первая стадия – предварительное следствие, оно требовало определенных поводов для открытия, т.е. жалобы или явки с повинной. Так, например, 5 апреля 1893 г. в Малодербетовское улусное управление поступило заявление от калмыка Шарнут-Чоносова рода Алык Дорджиева о том, что 27 февраля 1893 г. с урочища «Онтын-Гол» была украдена лошадь серой масти 9 лет без тавра. Спустя 18 дней лошадь привел однородец Дорджиева Бадма Гришкиев. О случившемся были поставлены в известность старшина Баден Цохоров и карантинные стражники Иосиф Плотников и Андрей Кузнецов. В своем заявлении Алык Дорджиев потребовал взыскать с Бадмы Гришкиева затраченные в ходе поисков лошади собственными силами средства в размере 32 руб. [10. Д. 575. Л. 96].

В стадии предварительного следствия также следует выделить самостоятельный этап – оповещение о явке в суд заинтересованных лиц, в ходе которого проводилось официальное приглашение в письменной форме. Лица, участвующие в деле, извещаются судебными повестками о времени и месте судебного заседания. Так, по вышеприведенному делу Малодербетовским улусным управлением 9 февраля 1894 г. за № 88 была направлена повестка за подписью председателя зарго В. Зварковского старшине Шарнут-Чоносова рода Бадену Цохорову [10. Д. 575. Л. 103]. Судебная повестка, являясь формой судебного извещения, содержала следующие обязательные реквизиты: название дела, по которому проводится судебное заседание, дату и место проведения, а также указывались последствия в случае неявки: «За неисполнение сего предписания Вы будете подвергнуты денежному штрафу» [10. Д. 575. Л. 103]. Анализ документальных материалов позволяет сделать вывод о том, что повестка как судебное извещение направлялась только должностным лицам. По рассматриваемому делу 14 января 1894 г. родовому старшине было направлено предписание о высылке калмыков Дорджиева и Гришкиева в улусную ставку [10. Д. 575].

При этом, согласно статье 151 Положения 1847 г. улусное судопроизводство «при разборе дел об имуществе и обидах, должны иметь главнейшей целью окончить оные миролюбивым образом». В случае если стороны были согласны на примирение, заключался договор, который подписывался обеими сторонами и свидетельствовался зарго. Контроль за исполнением условий договора поручался улусному попечителю.

При недостижении договоренности дело рассматривалось на основе норм калмыцкого обычного права, а если одной из сторон дела был не калмык, то рассмотрение обстоятельств дела производилось на основе имперского законодательства.

Претензии потерпевшей стороны и объяснения ответчика оформлялись в виде протокола. Так,

16 января 1894 г. помощником попечителя Малодербетовского улуса Древским был составлен протокол о привлечении к ответственности калмыка Манджи Чокаева, содержателя Тингутинской почтовой выставки, который, «будучи в пьяном состоянии, позволил себе в грубых и дерзких выражениях» отказать в лошадях, при этом сам Древский выступил потерпевшей стороной [10. Д. 575. Л. 158]. Протокол опроса потерпевшего содержал сведения о дате, месте и сути претензии по факту совершенного правонарушения.

Показания большого количества свидетелей записывались попечителем или его помощником. Бланк протокола допроса свидетелей был напечатан типографским способом и имел обязательные реквизиты: номер по настольному реестру текущего года и номер дела. Далее следовала графа, где необходимо было указать, когда и кем, т.е. каким должностным лицом проводился допрос. Кроме того, обязательным к заполнению были графы, содержащие следующие сведения: фамилия и имя свидетеля, дата рождения, семейное положение, количество детей, грамотность, был ли судим, религиозное вероисповедание, сословное положение, улус и родовая принадлежность [11. Д. 2003. Л. 4].

Фиксирование показаний ответчика производилось, как показывает анализ делопроизводственных материалов улусного управления и улусного зарго, в произвольных формах, но с обязательным указанием его личных данных. В целях предупреждения побега подозреваемого он содержался в тюрьме при улусном управлении, если же преступление представляло собой определенную важность, то дело передавалось на рассмотрение в Уголовную палату, а подсудимый отсылался в тюремный замок ближайшего города Астраханской губернии. С получением показаний ответчика первая стадия процесса судопроизводства завершалась.

Вторая стадия – судебное разбирательство. Начинаясь судебное разбирательство с анализа доказательств, проводимого улусным попечителем или его помощниками. Суд рассматривал обстоятельства дела на основе материалов, подготовленных в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства в его современном понимании не проводилось. Суд мог затребовать сбор дополнительных сведений, которые также предоставлялись в письменной форме, к которым можно отнести справки, ходатайства и т.п. В ходе расследования обстоятельств совершения правонарушения запрещалось производить повальные обыски без крайней в них надобности. Метод сплошного исследования в изучении судопроизводства в указанный период в Калмыцкой степи позволил нам разделить доказательства на четыре вида: собственное признание, свидетельские показания, письменные доказательства и присяга. Присяга истца или ответчика и свидетелей из числа калмыков, в соответствии с Положением 1847 г., совершалась согласно их обычаям. Составление формы присяги возлагалось на ламу, который передавал ее Главному попечителю калмыцкого народа, последний в свою очередь представлял ее на рассмотрение и утверждение министра государ-

ственных имуществ. Приведем в качестве примера распространенный текст клятвы. В тексте сохранена орфография и пунктуация источника, как и в других цитатах из архивных документов. «Боже! Безошибочно различающий истину и неправду, пред лицом Твоим свидетельствую по чистой справедливости и истине в том, о чем спрашиван буду, ни для дружбы, вражды или корысти, ниже страха сильных лиц, ничего не утаю что знаю, слышал и видел, а буду показывать сущую правду; если же посягну солгать пред Тобою, Судья всеведающий, то да отнимется язык мой, тело мое да низвергнуто будет в преисподнюю земли и душа моя в будущей жизни да будет предана Хану адских духов и ввержена в вечно пламенеющий ад.

В заключение сей моей клятвы возлагаю на главу мою образ Твой и троекратно поклонюсь Тебе все-сильному Бурхану» [11. Д. 2003. Л. 3]. Текст клятвы был оформлен типографским способом на одном листе, поделенном на две части. На левой стороне была клятва на калмыцком языке, на правой – ее перевод на русский. После принятия присяги лицом, принявшим ее, на данном листе делалась запись о том, кто и когда приносил присягу, кем она была принята.

Исполнение решения суда – третья, завершающая стадия. Следует отметить, что согласно Положению 1847 г. чиновники улусных судов несли ответственность за упущения или подлоги в делопроизводстве, проволочку и неправильные действия по общим положениям о судебных местах 1-й степени и о служащих в них чиновниках. По проступкам, не заключающим в себе особенной важности, виновный может быть отдан на поруки, что являлось нововведением в правовой практике, также как и то, что в судебном производстве предусматривалось участие свидетелей, но не более 10 человек. Если же наказание за проступок и преступление превышало власть улусного зарго, то дело представлялось на ревизию в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда.

Положение 1847 г. впервые в имперской законодательной практике по регулированию жизнедеятельности калмыков учитывало уровень их благосостояния при вынесении наказания. «Законодатель установил, что у привлекаемого к ответственности виновного не могут быть описаны и проданы жизненно необходимые вещи» [12. С. 271]. При определении с калмыков денежных взысканий на удовлетворение исков в опись не включались кибитка, одежда, припасы продовольствия для семейства на четыре месяца и скот: 1 верблюд, 2 лошади, 3 крупного и 10 мелкого скота, а также запас корма необходимого для него в течение двух месяцев. В случае же отсутствия у виновного имущества, которое могло быть передано на удовлетворение иска, он мог быть отдан в работы сроком не более чем на полгода с ежедневной оплатой в размере 15 коп. серебром.

Расходы, связанные с этапированием осужденных, как указывает И.В. Лиджиева [13. С. 390], ложились на органы местного самоуправления. Так, заведующий Маньчским улусом 9 марта 1911 г. представил в Управление калмыцким народом приговор № 11 Ики-

Чоносковского аймачного схода от 17 февраля об асигновании из аймачного капитала 25 руб. на этапирование в Сибирь осужденного калмыка Дорджи Ноха Манджиева [14. Д. 17. Л. 1–17].

Огромное количество дел было прекращено из-за отсутствия подозреваемых или за недоказанностью преступлений, что «объясняется неудовлетворительностью сыска и чрезвычайным формализмом в делопроизводстве». Так, например, Управление калмыцким народом в своем письме Багацохуровскому улусному зарго от 31 января 1906 г. в отношении приговора по делу о побоях Кекеева Яванова отмечает: «Не касаясь существа приговора, Управление калмыцким народом считает нужным сообщить зарго, что как содержание дела, так и внешний его вид поражают невнимательностью и неряшливостью. В сем отношении достаточно указать на то, что суд не выяснил, в чем обвиняется Кекеев, какими статьями закона предусмотрено совершенное им преступление и подсудно ли оно Зарго» [15. Д. 121. Л. 6.]. В ходе процесса свидетели и участники процесса фактически не были защищены от угроз внесудебного преследования. Даже если исключить возможность взяточничества судей, которое было отнюдь не редким явлением, в большинстве случаев решения выносились в пользу богатей [16. С. 68]. Между тем следует отметить, что уровень преступности в Калмыцкой степи был невысок, и большей частью она была связана со скотоводством (угон скота, незаконный выпас, уклонение от налогов или арендной платы и т.д.). Кроме того, распространенной практикой были иски, связанные с имущественными отношениями. Так, например, в Малодербетовское улусное управление 18 января 1893 г. было подано заявление от старшины Сарланкинова рода Джалака Думбиева, который, как указано в заявлении,

«в 1892 г. сватал за своего сына Анджи дочь калмыка-однородца Омгор Мумаева и по обычаю калмыков дал выкуп (калым) Мумаеву деньгами 40 руб. да еще на дойку корову. Весной 1893 г., когда я собирался сыграть свадьбу Мумаев вдруг отказался выдать свою дочь за моего сына, а осенью того же года выдал ее замуж, вернув мне только 40 руб.» [10. Д. 575. Л. 119–119 об.]. Сумма иска, поданного Думбиевым, составляла 60 руб. Как показывает практика, аналогичные споры, также как и вышеуказанный, в большинстве своем решались в досудебном порядке.

Таким образом, анализ документальных материалов, выявленных в фондах Национального архива Республики Калмыкия, позволяет выделить три стадии судебного разбирательства, а также сделать вывод о том, что судопроизводство в Калмыцкой степи в указанный период характеризовалось следующими признаками. Во-первых, для системы судопроизводства Калмыцкой степи в указанный период была характерна некомпетентность судей, имевших низкий образовательный уровень, не говоря уже о юридической грамотности. Во-вторых, судебная ветвь не была независимой от исполнительной ветви власти, так как представители последней (улусные попечители и их помощники) играли существенную роль в работе улусных Зарго, а с 1892 г. и вовсе сконцентрировали руководство судами в своих руках. В-третьих, несмотря на то, что после судебных реформ Александра II в числе основных принципов судопроизводства были провозглашены открытость, состязательность, равенство сторон, в улусных Зарго эти принципы не реализовывались, так как указанные реформы не распространялись на инородческие общества Российской империи.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. 1847. Отделение первое. № 21144. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1848. 950 с.
2. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Бракоразводные дела в инородческом судопроизводстве бурят в XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3 (74). С. 15–19.
3. Курас Л.В., Жалсанова Б.Ц. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112.
4. Команджаев Е.А. Организация судебной власти в Калмыцкой степи в XIX в. // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в РК. Материалы II Республиканской научно-практической конференции. Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2009. С. 25–31.
5. Команджаев Е.А. Осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 223–227.
6. Андреев娜 Н.Н. Особенности организации управления и суда сибирских инородцев по законодательству Российской империи 20-х гг. XIX в. // Вестник Московского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 1 (7). С. 106–113.
7. Даржаев С.Ю. Суд и судопроизводство у бурят в XIX – начале XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 15. С. 1–10.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892. СПб. : Государственная типография, 1895.
9. Очиров У.Б. Правоохранительные и судебные органы Калмыкии в 1917–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 34–42.
10. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-16. Оп. 1.
11. НА РК. Ф. И-15. Оп. 2.
12. Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX в.): историко-этнографический аспект. Элиста : КИГИ РАН, 2016. 336 с.
13. Лиджиева И.В. Финансово-хозяйственная деятельность органов общественного управления Калмыцкой степи в XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 362–392.
14. НА РК. Ф. И-9. Оп. 10.
15. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1.
16. Очиров У.Б. Калмыкия в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста : Джангар, 2006. 448 с.

References

1. Speransky, M.M. (ed.) (1848) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 22. Section 1. 21144. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
2. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2016) Brakorazvodnye dela v inorodcheskom sudoproizvodstve buryat v XIX v. [Divorce cases in the foreign legal proceedings of the Buryats in the 19th century]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 3 (74). pp. 15–19.
3. Kuras, L.V. & Zhalsanova, B.Ts. (2016) Russian legislation on the court and legal procedure in the Buryat society in the 19th century and the Buryat local self-government bodies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 108–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/406/17
4. Komandzhaev, E.A. (2009) Organizatsiya sudebnoy vlasti v Kalmytskoy stepi v XIX v. [The organization of the judiciary in the Kalmyk steppe in the 19th century]. In: *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy normotvorcheskoy i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti v RK* [Current state and prospects of rule-making and law enforcement activities in the Republic of Kalmykia]. Elista: Kalmyk State University. pp. 25–31.
5. Komandzhaev, E.A. (2014) Osushchestvlenie pravosudiya v Kalmykii v XIX v. [The implementation of justice in Kalmykia in the 19th century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 4. pp. 223–227.
6. Andreyanova, N.N. (2011) Osobennosti organizatsii upravleniya i suda sibirskikh inorodtsev po zakonodatel'stvu Rossiyskoy imperii 20-kh gg. XIX v. [Features of the organization of management and court of Siberian foreigners according to the legislation of the Russian Empire in the 1820s]. *Vestnik Moskovskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 1 (7). pp. 106–113.
7. Darzhaev, S.Yu. (2008) Sud i sudoproizvodstvo u buryat v XIX – nachale XX v. [Court and legal proceedings among the Buryats in the 19th – early 20th centuries]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. 15. pp. 1–10.
8. Russian Empire. (1895) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third collection]. Vol. 12. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
9. Ochirov, U.B. (2015) Pravookhranitel'nye i sudebnye organy Kalmykii v 1917–1925 gg. [Law enforcement and judicial bodies of Kalmykia in 1917–1925]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 4. pp. 34–42.
10. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-16. List 1.
11. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-15. List 2.
12. Lidzhiyeva, I.V. (2016) *Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nach. XX v.: istoriko-etnograficheskiy aspekt* [Local Self-Government of the Kalmyks in the 19th – Early 20th Centuries: Historical and ethnographic aspect]. Elista: Kalmyk Institute for Humanities Research RAS.
13. Lidzhiyeva, I.V. (2015) Finansovo-khozyaystvennaya deyatel'nost' organov obshchestvennogo upravleniya Kalmytskoy stepi v XIX v. [Financial and economic activities of public administration bodies of the Kalmyk steppe in the 19th century]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 6. pp. 362–392.
14. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 10.
15. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 1.
16. Ochirov, U.B. (2006) *Kalmykiya v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia During the Civil War (1917–1920)]. Elista: Dzhangar.

Информация об авторах:

Очиров У.Б. – д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста,). E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Шургучиева В.С. – помощник судьи Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: shvikuwa1223@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

U.B. Ochirov, Dr. Sci. (History), leading researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

V.S. Shurguchieva, assistant judge, Oktyabrskiy District Court of Rostov-on-Don (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: shvikuwa1223@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2018;
одобрена после рецензирования 30.10.2018; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 23.08.2018;
approved after reviewing 30.10.2018; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94(470) "1991"– 057
doi: 10.17223/15617793/483/16

События августа 1991 г. в лицах: штрихи к портрету члена Государственного комитета по чрезвычайному положению Д.Т. Язова

Юрий Арсенович Реент¹

¹ *Академия ФСИН России, Рязань, Россия,
reent2@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8378-6106*

Аннотация. Статья приурочена к тридцатилетию событий, названных августовским путчем 1991 г. и оцененных как попытка государственного переворота. На основе оценок, данных представителями двух противоположных «полюсов» конфликта, прослежено изменяющееся восприятие внутривнутриполитических событий той поры. Для решения поставленной исследовательской задачи в качестве источников взяты не только материалы различных средств массовой информации, доступные нормативные документы, но и воспоминания реальных участников описываемого противостояния.

Ключевые слова: августовский путч 1991 г., Государственный комитет по чрезвычайному положению, Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, МВД РСФСР, распад СССР

Для цитирования: Реент Ю.А. События августа 1991 г. в лицах: штрихи к портрету члена Государственного комитета по чрезвычайному положению Д.Т. Язова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 145–150. doi: 10.17223/15617793/483/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/16

The heroes of the 1991 August Coup: Glimpses of the portrait of Dmitry Yazov, a member of the State Committee on the State of Emergency

Yuri A. Reent¹

¹ *Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation,
reent2@yandex.ru, , ORCID: 0000-0001-8378-6106*

Abstract. The article is dedicated to the thirtieth anniversary of the events called the 1991 August Coup and regarded as an attempt of a takeover. One of its key participants was Dmitry Timofeevich Yazov, the last Marshal of the Soviet Union. The article presents Yazov's opinion on the causes and nature of the actions of members of the State Committee on the State of Emergency and also a description of the situation by the employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Soviet Federative Socialist Republic who took part in the so-called release of Mikhail Gorbachev and the arrest of state leaders accused of attempting a conspiracy to remove him from the post of the president of the USSR. Taking into account evaluations given by representatives of the two opposite "sides" of the conflict, the author traces the changing perception of the domestic political events of that time. To solve the research problem, the author studied not only materials from various media and accessible normative documents, but also memories of real participants in the described confrontation. The mentioned sources, including the author's personal acquaintance with the main character of the article, determined to a great extent the novelty of the study. The formed data bank is quite representative to understand the indicated problem. The main methodological principles of the study are scientific objectivity and historicism. The specific events of Yazov's life are described in the context of political processes taking place in the country. Nevertheless, the main objective of the article is to reveal the identity of the prominent military leader against the background of the events of the August Coup and their influence on his subsequent life. He did not deny mistakes, but insisted that it did not affect his conscience and officer's honor. In the author's opinion, Yazov's most important conclusion regarding the events of August 1991 is that the idea of creating the State Committee on the State of Emergency was provoked by President Gorbachev himself. As for Boris Yeltsin, he only took an advantage of the situation in order to gain full power. This indirectly confirms the existence of problems in the formation of political and legal culture in the implementation of major state reforms. The material of the article can be useful to everyone who is interested in the latest history of Russia. It records little-known but important elements of the activities of statesmen and state bodies during one of the most acute political breaks in national history.

Keywords: State Committee on the State of Emergency, 1991 Soviet coup d'état attempt, Marshal of the Soviet Union Dmitry Yazov, Ministry of the Interior of the Russian SFSR, collapse of the Soviet Union

For citation: Reent, Yu.A. (2022) The heroes of the 1991 August Coup: Glimpses of the portrait of Dmitry Yazov, a member of the State Committee on the State of Emergency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 145–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/16

К середине 1991 г. стало очевидно, что политическая система Советского Союза в прежнем виде дальше существовать не может. Отношения между президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачевым и Борисом Николаевичем Ельциным, недавно ставшим президентом РСФСР, обострились до предела. Был подготовлен, но так и не согласован проект нового союзного договора. К тому времени Литва и Грузия уже заявили о независимости, собирались выйти из состава СССР еще несколько советских республик.

Впервые за послевоенный период встал вопрос о возможности распада СССР. С целью предотвращения такого сценария ряд высших государственных руководителей учредили Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Возглавил его «второй человек» страны – вице-президент СССР Геннадий Янаев. Помимо него в комитет вошли председатель правительства Валентин Павлов, министр внутренних дел Борис Пуго, министр обороны Дмитрий Язов, председатель Комитета государственной безопасности Владимир Крючков, заместитель председателя Совета обороны при президенте СССР Олег Бакланов и другие крупные чиновники. 19 августа 1991 г. центральные, а затем и местные средства массовой информации официально сообщили об этом. Все развлекательные программы и мероприятия отменили. Радио и телевидение транслировали классическую музыку: весь тот репертуар, который исполнялся в случае смерти лидера КПСС. Но глава партии и государства Михаил Горбачев был жив. Ранее сообщалось, что он находился в отпуске, отдыхал в поселке Форос.

В тот же день ГКЧП издает Приказ № 1, в соответствии с которым вводится чрезвычайное положение на всей территории СССР [1]. Запретили оппозиционные партии и движения, массовые собрания, закрыли многие газеты, ввели цензуру. В каждом из регионов были назначены военные коменданты, имевшие широчайшие полномочия, а в столицу ввели войска. Вскоре окружение Б. Ельцина распространило информацию, что М. Горбачев взят под домашний арест и изолирован на крымской даче. В крупных городах страны начались акции протеста. В Москве они приобрели трагический характер.

Автору довелось ознакомиться с документами, освещающими произошедший кризис власти, беседовать со свидетелями и участниками. Результатом этого стал ряд публикаций [2. С. 93–100; 3. С. 53–56; 4, С. 170–175]. Оценки очевидцев тех событий нередко противоречивы. Официальная позиция, высказанная соратниками Б.Н. Ельцина, достаточно хорошо известна. Но интересна и точка зрения противоположной стороны, т.е. членов ГКЧП.

Сегодня мы затронем воспоминания в ту пору министра обороны СССР (1987–1991 г.), Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова. Не-

сколько слов о том, почему выбрана именно его персона. Дело в том, что автору случалось неоднократно встречаться с ним во время службы в Центральной группе войск и Среднеазиатском военном округе. О нем сложилось мнение как об очень порядочном, доброжелательном, незаурядном человеке. Но здесь речь пойдет в основном о событиях августа 1991 г. Так сложилось, что сотрудники и курсанты моего родного вуза, в ту пору Рязанской высшей школы МВД СССР, приняли в этих событиях непосредственное участие.

Во многие учреждения и органы внутренних дел уже 19 августа 1991 г. поступили взаимоисключающие распоряжения: со стороны МВД СССР – оставаться в местах дислокации и поддерживать порядок, а от МВД РСФСР – выделить хорошо подготовленные в боевом отношении группы в распоряжение центрального аппарата. Министр внутренних дел РСФСР Андрей Федорович Дунаев в Москве сформировал делегацию для вылета в п. Форос, а группе офицеров МВД из Рязани (все мастера и кандидаты в мастера спорта) приказал проследовать с ней. Отряд возглавили подполковник внутренней службы А. Швецов – заместитель начальника Рязанской высшей школы МВД СССР и Д. Ахадуллаев – заместитель начальника кафедры боевой и физической подготовки.

Д.Р. Ахадуллаев вспоминает: «Когда сказали, что операция, связанная с освобождением М.С. Горбачева, опасна, предложили выйти из строя тем, у кого есть дети. Не вышел никто! Желающих оказалось даже больше, чем требовалось для проведения операции. В итоге двух охранников Руцкого пришлось высадить и взять наших». В 16 часов 45 минут самолет с российским руководством и сводным отрядом Рязанской высшей школы МВД вылетел в Крым. За два с половиной часа до этого туда же взял курс ИЛ-62, на борту которого находились члены ГКЧП А. Лукьянов, В. Ивашко, Д. Язов, В. Крючков, А. Тизяков и О. Бакланов.

Позже, объясняя обстоятельства участия в ГКЧП, министр обороны заявил, что все было несколько не так, как это представляют сейчас. Он утверждал, что все обвинения в заговоре беспочвенны. На самом деле «было решение организовать поездку к Горбачёву, чтобы тот согласился временно возложить свои полномочия на Янаева, и никто не обсуждал вопрос о физической ликвидации Горбачёва» [5]. Возвращаясь к предшествующим событиям, Д.Т. Язов уточнил, что еще 3 августа 1991 г. М.С. Горбачев собрал всех первых лиц государства и сказал: «Я уезжаю в отпуск, но вы смотрите, обстановка довольно серьезная. Если что – придется вводить чрезвычайное положение» [6]. Тон высказывания был многозначительный, словно целеуказание.

Безусловно, не стоило игнорировать заявление Б. Ельцина, полагавшего, что на территории

РСФСР его законы и указы выше союзных нормативных актов. Из этого следовало, например, что он мог перечислить деньги в союзный бюджет, а мог и вообще ничего не дать. Его примеру последовали бы другие республиканские лидеры. «Председатель правительства Павлов был финансистом и прекрасно понял, что августовскую зарплату бюджетникам платить будет нечем. Янаев, который остался за Горбачева, Павлов, почти все министры пытались дозвониться Горбачеву в Форос. Он не отвечал. Потом говорили, что у него нет связи. Все было! Приняли решение лететь к нему и просить ввести чрезвычайное положение, чтобы поставить Ельцина и других региональных лидеров на свое место. Я не ездил потому, что кто-то должен сторожить в Москве ядерный чемоданчик. Горбачев возмутился, что к нему приехали без приглашения, долго никого не принимал. Потом встретил, сказал, что болен: радикулит. Никаких распоряжений не дал и отправил делегацию восвояси. Но добавил: “Вы, заговорщики, все равно без меня все делаете. Ну и делайте, что хотите”» [7. С. 15].

Именно после этого эксцесса, уже в Москве, было принято решение об объявлении чрезвычайного положения. Единоличного лидера не было. С целью подстраховки ГКЧП учредили в качестве коллегиального органа власти. На наш взгляд, роль, отведенная Д.Т. Язову, была не совсем продумана. Представляется более разумным поручить охрану Кремля, водоснабжение столицы, средств массовой информации органам МВД и КГБ, но не танковым подразделениям Министерства обороны.

Обстановка в стране накалялась, политические центробежные силы уже не находили действенных противовесов. Мало кто из власть предержащих хотел тогда вспоминать, что в марте состоялся референдум, на котором население страны подавляющим большинством (77,85%) решило сохранить СССР [8]. Как-то не вспоминали и о еще недавно провозглашаемом лозунге, что основным законом является воля народа. Разворачивалась почти не прикрытая борьба за власть. Ну а Б.Н. Ельцин, будто бы отстранившись от этого, улетел в Алма-Ату, где отдыхал у Н.А. Назарбаева [9. С. 80–82].

Д.Т. Язов вспоминает: «Я не знал, что дальше делать. Решил лететь к Горбачеву сам, Бог с ним, с чемоданчиком. Мы отправились на его самолете, чтобы в случае удачного разговора везти его в Москву, но параллельно с нами на другом борту вылетели Рудков и другие люди из команды Ельцина. По телефону Михаил Сергеевич узнал, что к нему летят 2 самолета. Он нас не принял, а их принял. Тогда я понял, что по возвращении в Москву буду арестован. В Москве, в Кремле мой охранник, полковник КГБ, говорит: “Завтра утром вас снимут”. Отвечаю: “Нет, сегодня меня арестуют”. И действительно, подходит Баранников (председатель КГБ РСФСР), просит пройти с ним к Степанкову (генпрокурору РСФСР), тот предлагает сдать оружие. Я говорю: “Оружия нет, арестовывайте”. – “А откуда вы знаете, что арестуют”? – “Предвидел”» [7. С. 15].

Происходившие перед этим события комментирует полковник Г.И. Королев: «Когда самолет взлетел, мы начали разрабатывать план операции по захвату дачи (неизвестно было, как складывается обстановка, жив ли Горбачев). Руководство операцией взяли на себя Рудков и Бакатин. В течение двух с половиной часов полета они думали, что же нам делать» [10. С. 72]. Военный аэродром «Бельбек» по каким-то причинам отказался принять самолет с российской делегацией. Предлагаемые альтернативные варианты вызывали у А. Рудкова сомнения, поскольку не исключали возможность провокации. Эти опасения усилились в связи с информацией о запросе на посадку самолета ИЛ-62, на борту которого находились 85 офицеров КГБ СССР во главе с начальником управления охраны Ю. Плехановым.

Только после 7 часов вечера самолету Рудкова с группой сотрудников РВШ МВД разрешили приземлиться в Бельбеке. Незадолго до этого отменили приказ об уничтожении борта в случае его несанкционированной посадки. Прилетевших встретил председатель Верховного Совета Крымской АССР Н.В. Багров. Вице-президент РСФСР А.В. Рудков и Председатель Совета министров РСФСР И.С. Силаев выехали к М.С. Горбачеву. Рязанцы заняли позиции в аэропорту. С ними остались А.Ф. Дунаев и А.Н. Стерлигов из КГБ РСФСР. Со стороны моря прилетел ИЛ-62 со спецгруппой КГБ. Вскоре из Фороса прибыл человек в штатском с приказом А. Рудкова выделить для обеспечения безопасности М. Горбачева 15 человек. Остальные продолжали охранять самолет.

Затем вернулся А. Рудков, поставил новую задачу: по прибытию М. Горбачева с семьей разместить его не в президентском лайнере, а в Ту-134 министра обороны, отрезав охранников КГБ. Группа полковника внутренней службы Г.И. Королева сразу же выехала выполнять приказ. Офицеры из РВШ МВД РСФСР заняли салон лайнера. Они должны были не допустить Д. Язова и других к кабине пилотов. Попытки такие были, но их быстро пресекли. Во время перелета к маршалу все же было особое отношение. Несмотря на статус арестанта, все офицеры спецгруппы, проходя мимо него, отдавали воинское приветствие строго по уставу, вставали, если он был рядом [11. С. 27]. Второй группе рязанцев в 20 часов 15 минут из МВД России поступила команда обеспечить охрану аэропорта Внуково-2 к моменту возвращения М. Горбачева.

На аэродроме распоряжением министра внутренних дел РСФСР В. Баранникова прилетевшие члены ГКЧП были изолированы друг от друга. Арестованных Д.Т. Язова, В. Крючкова и А. Тизякова доставили на базу отдыха Управления делами Правительства РСФСР «Сенеж» под Солнечногорском. Там же состоялся первый допрос Д.Т. Язова. Он содержался в отдельном коттедже. Как и положено, при аресте были изъяты колющие, режущие предметы, ремень, подтяжки. В связи с особенностями фигуры уже далеко не молодого человека маршальские брюки не хотели оставаться на положенных местах, а норовили соскользнуть. Один из офицеров охраны, посочувствовав, сказал – «Вам бы сейчас веревку...». Дмитрий Тимофеев

вич понял эти слова по-иному. Сверкнув глазами, будто говоря – «не дождетесь», резко встал, покинув гостиную. Тем не менее утром офицеры приобрели для него спортивный костюм, в котором он выглядел более соответствующе обстоятельствам. В своих мемуарах он вспомнит и о «курсантах Рязанской школы милиции», и майоре, который ночью приносил ему в комнату яблоки, вероятно полагая, что еды там нет.

Поздно вечером 23 августа арестованных членов ГКЧП перевезли в Тверскую область. Ехали в темноте, дорога заняла почти семь часов. Утром их разместили в следственном изоляторе ИЗ-69/2 в г. Кашине. Там чуть не произошла перестрелка с местным ОМОНОм, принявшим их за диверсионную группу, прибывшую освободить высокопоставленных арестантов [11. С. 42]. Позже, сохраняя режим строгой секретности, всех перевели в СИЗО «Матросская тишина». При оформлении уголовного дела Д. Язова выяснилась любопытная деталь биографии. Оказалось, что он приписал себе в документах лишний год, чтобы его, семнадцатилетнего мальчишку из сибирской глубинки, взяли на фронт. Пришлось провести серьезное расследование, чтобы выяснить и подтвердить реальную дату рождения – 8 ноября 1924, а не 1923 г., как записано в паспорте [12].

В следственном изоляторе Дмитрий Тимофеевич начал работать над мемуарами. Известный писатель и политический деятель А.А. Проханов, почитав, не только высоко оценил их, но и помог в 2000 г. издать, реализовать тираж. Благодаря вызванному интересу книга позже вышла еще тремя изданиями. Ее название – «Удары судьбы» в полной мере оправдано. У последнего советского маршала таких было немало. С 9 лет рос без отца, затем закрутил водоворот военных тягот, лишений и потерь. Позже трагические события коснулись малолетней дочери, смерть жены, сына, а затем и внука [13]. Казалось, что тюремное заключение уже переполнит чашу страданий.

Но и это испытание не стало последним. Недоброжелатели не унимались. В СМИ появилась информация, что он в СИЗО подготовил униженное обращение к руководству страны с «искренним раскаянием». Будто бы по этой причине называл себя «старым дураком» [14], как бы прося пощады. Однако маршал твердо настаивает на том, что такого видеописьма не было. Он называет это фальсификацией журналиста, запущенного к нему в камеру. Простые его мысли по поводу случившегося были высказаны «в сердцах» и не предназначались ни для конкретных лиц, ни для широкого обсуждения, тем более что многие отдельные фразы были выдернуты из контекста.

Интерес общества к обстоятельствам попытки антиконституционного переворота в августе 1991 г. не угас. Следствием чего стала публикация воспоминаний руководителей ГКЧП [15]. Правда, стоит признать, что первые их высказывания были не столь литературно обработанными, но более соответствовали описываемым событиям. Генеральный прокурор России В. Степанков и его заместитель Е. Лисов, проводившие следствие по делу ГКЧП, также издали

книгу. Менее других в ней освещается личность Д.Т. Язова. Впрочем, название посвященного ему подраздела говорит о многом: «Портрет маршала, который стал игрушкой в руках политиков» [16. С. 6].

Несмотря на доступность многих документов, официальная версия происшедшего в дни путча не сформулирована до конца до сих пор. В каких-то изданиях указаны одни детали, в других – представлена совершенно иная их интерпретация. Вероятно, поэтому мнения россиян о событиях августа 1991 г. сильно отличаются. Так, по данным «Левада-центра», только 27% опрошенных считали, что с августа 1991 г. политическое развитие России обрело правильную направленность. Однако 49% были твердо убеждены в обратном [17]. Можно сделать вывод, что для большинства политически мыслящего населения страны очевидно следующее: формально поддерживая М.С. Горбачева в конфликте с ГКЧП, Б.Н. Ельцин сначала ловко разделался с последним, а затем, воспользовавшись случаем, нарушая свои же обещания и заявления, «раздавил» Президента СССР и разрушил возглавляемое им государство.

Участники операции по освобождению М. Горбачева и аресту членов ГКЧП оценивают эти события по-разному, но относительно собственной роли в этом солидарны. Всех удивили метаморфозы, произошедшие впоследствии. Если сразу после проведенной операции высокопоставленные представители руководства РСФСР называли их героями, сулили награды, то вскоре порекомендовали все забыть и ничего не комментировать. Но это невозможно стереть из памяти. Сегодня многие бывшие сотрудники РВШ МВД РСФСР считают, что «вспомнить есть что, гордиться нечем» [11. С. 44]. И буквально все из них уверены, что, оказавшись участниками судьбоносных для страны событий, в полной мере выполнили свой служебный долг.

Что же касается Д.Т. Язова, он был освобожден из заключения по амнистии. Уволен в отставку «по достижению предельного возраста с правом ношения военной формы одежды и с вручением благодарственной грамоты» [18], награжден именованным оружием. Очевидно, что с преступниками так не поступают. Позже он был приглашен на работу в Академию Генштаба. С 2008 г. Д.Т. Язов работал ведущим аналитиком службы генеральных инспекторов Министерства обороны Российской Федерации. В этом статусе он активно участвовал в развитии ветеранского движения, считал, что не в интересах России упоминать только о недостатках и перегибах.

Д.Т. Язов умер 25 февраля 2020 г., но до последнего своего дня утверждал, что в августе 1991 г. никакой попытки государственного переворота не было. Идею о введении чрезвычайного положения подал сам Президент СССР М.С. Горбачев [13. С. 32], а создание ГКЧП явилось вынужденным ответом на его бездействие в условиях развала государства. Представляется, что нельзя не учитывать этого мнения, давая оценку событиям 30-летней давности.

Но важно осознавать и тот факт, что все описанное здесь – лишь небольшой эпизод из чрезвычайно насыщенной, сложной и интересной жизни достойного че-

ловека и полководца – последнего Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова. Люди такого масштаба были не просто участниками тех или иных событий. Именно они и делали историю нашей страны.

Список источников

1. Правда: Орган ЦК КПСС. 1991. 20 авг. (№ 111).
2. Рязанский институт права и экономики Минюста России: история и современность. Рязань : РИПЭ Минюста РФ, 2000. 202 с.
3. Этапы большого пути / под общ. ред. А. Я. Гришко. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 303 с.
4. Кошелев М. И. Забытая история о событиях августа 1991 года // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. Вып. 7. Рязань, 2014. С. 170–175.
5. Телеканал «Россия 2». Программа «Вести», Репортаж «Шпигель-ТВ». Эфир 20.10.1991 г. Часть 1. URL: <http://vanila.org/viewtopic.php?t=674034> (дата обращения: 07.10.2018).
6. Последний маршал СССР Язов оценил реформы Горбачева, Сердюкова и Шойгу. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2013/11/07/942026-posledniy-marshal-sssr-yazov-otsenil-reformyi-gorbacheva-serdyukova-i-shoigu.html> (дата обращения: 08.04.2018).
7. Тюрьма омолодила последнего маршала СССР // Московский комсомолец. № 26379. 2013. 8 ноября.
8. Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года (Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР) // Известия. 1991. 27 марта.
9. Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М. : Интербук, 1997. 480 с.
10. «Холодный» август 1991-го. Москва, Форос... // Академия ФСИН России: история и современность. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. 460 с.
11. Жаркий август 1991 года. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. 96 с.
12. Альперина С. Маршал с прямой спиной // Российская газета – Неделя. 2004. № 3622. 05 ноября.
13. Язов Д.Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М. : Центрполиграф, 2014. 447 с.
14. Репортаж о ГКЧП, подготовленный редакцией Шпигель-ТВ (Spiegel-TV), и показанный в программе «Вести» (Россия): эфир от 20 октября 1991 г. URL: <http://maintracker.org/forum/viewtopic.php?t=3625941> (дата обращения: 03.04.2018).
15. Язов Д., Крючков В., Янаев Г. ГКЧП: был ли шанс? М. : Алгоритм, 2013. 220 с.
16. Степанков В.Г., Лисов Е.К. Кремлевский заговор: версия следствия. М. : Огонек ; ОГИЗ, 1992. 320 с.
17. Лукин Д. Август-91: трагедия или победа демократии? URL: <http://www.ruvek.info/?action=view&id=5974&module=articles> (дата обращения: 15.08.2016).
18. Об увольнении с военной службы в отставку Язова Д.Т. и Варенникова В.И. Указ Президента Российской Федерации от 07.02.1994 г. № 250. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5433> (дата обращения: 03.04.2018).

References

1. *Pravda: Organ TsK KPSS*. (1991). 111. 20 August.
2. Ponomarev, S.N. (ed.) (2000) *Ryazanskiy institut prava i ekonomiki Minyusta Rossii: istoriya i sovremennost'* [Ryazan Institute of Law and Economics of the Ministry of Justice of Russia: History and modernity]. Ryazan: Ryazan Institute of Law and Economics of the Ministry of Justice of Russia.
3. Grishko, A.Ya. (ed.) (2009) *Etapy bol'shogo puti* [Stages of a Long Journey]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii.
4. Koshelev, M.I. (2014) *Zabytaya istoriya o sobyitiyakh avgusta 1991 goda* [Forgotten story about the events of August 1991]. *Gumanitarno-penitentsiarnyy vestnik*. 7. pp. 170–175.
5. Rossiya 2. (1991) *Shpigel'-TV* [Spiegel-TV]. *Vesti*. 20 October. Part 1. [Online] Available from: <http://vanila.org/viewtopic.php?t=674034>. (Accessed: 07.10.2018).
6. MK.RU. (2013) *Posledniy marshal SSSR Yazov otsenil reformy Gorbacheva, Serdyukova i Shoigu* [The last Marshal of the USSR Yazov appreciated the reforms of Gorbachev, Serdyukov and Shoigu]. *MK.RU*. 07 November. [Online] Available from: <http://www.mk.ru/politics/article/2013/11/07/942026-posledniy-marshal-sssr-yazov-otsenil-reformyi-gorbacheva-serdyukova-i-shoigu.html>. (Accessed: 08.04.2018).
7. *Moskovskiy komsomolets*. (2013) *Tyur'ma omolodila poslednego marshala SSSR* [Prison rejuvenated the last marshal of the USSR]. *Moskovskiy komsomolets*. 26379. 8 November.
8. *Izvestiya*. (1991) *Ob itogakh referendumu SSSR, sostoyavshegosya 17 marta 1991 goda* [On the results of the referendum of the USSR, held on March 17, 1991 (From the message of the Central Committee for the referendum of the USSR)]. *Izvestiya*. 27 March.
9. Korzhakov, A. (1997) *Boris El'tsin: ot rassveta do zakata* [Boris Yeltsin: From dawn to dusk]. Moscow: Interbuk.
10. Reent, Yu.A. (2014) “Kholodnyy” avgust 1991-go. Moskva, Foros... [“Cold” August 1991. Moscow, Foros...]. In: Krymov, A.A. (ed.) *Akademiya FSIN Rossii: istoriya i sovremennost'* [Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia: History and modernity]. Ryazan: Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia.
11. Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia. (2016) *Zharkiy avgust 1991 goda* [Hot August of 1991]. Ryazan: Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia.
12. Al'perina, S. (2004) *Marshal s pryamoj spinoj* [Marshal with a straight back]. *Rossiyskaya gazeta – Nedelya*. 3622. 05 November.
13. Yazov, D.T. (2014) *Udary sud'by. Vospominaniya soldata i marshala* [Blows of Fate. Memoirs of a soldier and marshal]. Moscow: Tsentrpoligraf.
14. Spiegel-TV. (1991) *Reportazh o GKChP* [Report on the State Committee on the State of Emergency]. *Vesti*. 20 October. [Online] Available from: <http://maintracker.org/forum/viewtopic.php?t=3625941>. (Accessed: 03.04.2018).
15. Yazov, D., Kryuchkov, V. & Yanaev, G. (2013) *GKChP: byl li shans?* [SCSE: Was there a chance?]. Moscow: Algoritm.
16. Stepankov, V.G. & Lisov, E.K. (1992) *Kremlevskiy zagovor: versiya sledstviya* [Kremlin Conspiracy: Version of the investigation]. Moscow: Ogonek; OGIZ.
17. Lukin, D. (2011) *Avgust-91: tragediya ili pobeda demokrati?* [August-91: Tragedy or victory of democracy?]. *Pravda*. 16 August. [Online] Available from: <http://www.ruvek.info/?action=view&id=5974&module=articles>. (Accessed: 15.08.2016).
18. Official Internet Resources of the President of Russia. (1994) *Ob uvol'nenii s voennoy sluzhby v otstavku Yazova D.T. i Varennikova V.I. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.02.1994 g. № 250* [On the dismissal of Yazov D.T. and Varennikov V.I. from military service. Decree of the President of the Russian Federation No. 250 of February 7, 1994]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5433>. (Accessed: 03.04.2018).

Информация об авторе:

Реент Ю.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: reent2@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8378-6106

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.A. Reent, Dr. Sci. (History), professor, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: reent2@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8378-6106

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 27.03.2021; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 27.03.2021; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94 (571.513)
doi: 10.17223/15617793/483/17

Идеи самоуправления в национальном движении хакасов в 1905–1907 гг.

Елена Васильевна Самрина¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия,
esamrina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены идеи самоуправления в национальном движении коренного населения Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии во время Первой русской революции. Статья основана на архивных материалах и материалах опубликованных научных работ по национальному движению хакасов. Исследованы причины возникновения национального движения. Проанализирована имперская политика в отношении коренного населения.

Ключевые слова: родовая знать, идеи самоуправления, автономия, Революция 1905 г., реформы, национальное движение, инородческий съезд

Для цитирования: Самрина Е.В. Идеи самоуправления в национальном движении хакасов в 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 151–155. doi: 10.17223/15617793/483/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/17

Ideas of self-government in the Khakas national movement in 1905–1907

Elena V. Samrina¹

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation,
esamrina@mail.ru

Abstract. The article discusses the ideas of self-government of the province in the national movement of the indigenous people of Minusinsk and Achinsk districts of Yenisei Province during the first revolution in Russia. The article is based on archival materials and published works on the Khakas national movement. The article aims to investigate the causes of the emergence of the national movement and analyze the imperial policy towards the indigenous population. In the course of this research the author has come to the following conclusions. The new government policy for the Russian state was associated with the tasks of empire-building, and for the indigenous people with a significant infringement of their rights to self-government, a reduction in land resources. The idea of self-government was provoked by the government reforms of 1898, as a result of which the system of governance of the indigenous population became part of the volost administration, one with the Russian population of the administration. These moments were the main reasons for the emergence of the national movement. The tribal elite developed program requirements concerning, first of all, self-government and autonomy, certain political rights. The main participants of the movement became the tribal aristocracy, they occupied the posts of heads of departments. Most of them were descendants of the Yenisei Kyrgyz. In the 17th century, when the Russian state began to encroach on the lands of the Yenisei Kyrgyz, they had a strong state formation with the military-political elite and the relationship between them was confrontational. Remembering the former power of their ancestors, the tribal aristocracy resisted the new government policy, which completely deprived them of their self-government. The impulse of the national movement was given by the unification of the clan aristocracy, representatives of the Russian intelligentsia in the person of Arsenyevich Yarov and the bourgeoisie in the person of Innokentiy Petrovich Kuznetsov-Krasnoyarskiy. During this period, political ideas had been formed, which were later voiced during the Revolution of 1917.

Keywords: tribal elite, idea of self-government, autonomy, Revolution of 1905, reforms, national movement, national congress, social and political organization

For citation: Samrina, E. V. (2022) Ideas of self-government in the Khakas national movement in 1905–1907. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 150–155. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/17

Революционные события 1905–1907 гг. стали катализатором политических настроений населения национальных окраин России. В годы революции родовая элита коренного населения Минусинского и

Ачинского уездов Енисейской губернии не только с интересом следила за ходом событий в России, но и активно включилась в общероссийский контекст национального движения. Активность проявили от-

дельные деятели, создавшие «Союз сибирских инородцев», целенаправленно ориентировавшие свою деятельность на возрождение традиционных форм самоуправления.

По инициативе родовой элиты состоялся инородческий съезд и была основана национальная организация «Союз сибирских инородцев». Активизацию политической деятельности спровоцировал новый правительственный курс, связанный для Российского государства с задачами имперского строительства. Для коренного населения это могло обернуться существенным ущемлением прав на самоуправление и сокращением земельного ресурса. В связи с реформами в конце XIX – начале XX в. коренное население ожидала кардинальная смена формы жизнедеятельности, неслучайно из народов Енисейской губернии национальное движение коснулось только хакасов.

Закон 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», игнорируя скотоводческий характер хозяйства, предписывал отводить коренному населению, как и крестьянам, земельные наделы размером в 15 десятин. Воплощение в жизнь закона о землеустройстве предполагало основательное изменение хозяйства и кочевого быта, что не могло найти поддержку ни у основной массы, ни у родовой аристократии, стоявшей во главе местного национального самоуправления. Земельный фонд коренных народов изымался в пользу переселенческого фонда и царского двора (Кабинет его императорского величества) [1. С. 154–156, 168–181].

В качестве подготовительной меры власти решили провести волостную реформу, которая предусматривала ликвидацию инородческого самоуправления. И в 1898 г. в отношении народов Сибири был инициирован ряд нормативных актов, связанных с введением волостного и сельского управления по крестьянскому образцу и переводом кочевых и бродячих народов в разряд оседлых («Временное положение о крестьянских начальниках», распространенное и на коренное население; положение «О видах на жительство для инородцев»; «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями»). Формально законы были направлены на ликвидацию особого статуса отдельных территорий и утверждение единого для всей страны унитарного административно-территориального устройства. Но, по мнению Л.М. Дамешека, нормативные акты 1898 г. явились началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Органы управления инородцев, основанные на принципах «Устава» 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. А крестьянские начальники надеялись большими полномочиями, особенно в судебных делах коренного населения [2. С. 160].

«Временное положение о крестьянских начальниках» хакасами воспринималось как угроза национальной идентичности. В 1907 г. Д.Е. Лаппо, юрист, мировой судья, деятель кадетской партии, писал: «...ни к чему степняки – кочевники не относятся так враж-

дебно, как к распространению на них правила крестьянского управления. Одна мысль о таком распространении поражает кочевого инородца ужасом. В таких реформах инородцы видят посягательство на самое их национальное бытие» [3. С. 4–5].

Впервые вопрос о применении к хакасам правил об управлении крестьянским населением обсуждался на особом административном совещании в Минусинске 22–25 октября 1899 г. На этом совещании родовая элита выступила против введения законов, ограничивающих права хакасов в самоуправлении. В ноябре 1902 г. на заседании Минусинского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности представитель старой родовой аристократии Г.П. Чарков опять выступил против «уподобления... инородческого управления русскому» [4. С. 244]. По его мнению, власть, принимая решения в отношении хакасов, не учитывала особенности жизнедеятельности кочевых сообществ. «Следовало бы раньше, чем принять определенное решение, командировать для исследования инородческого быта целую комиссию» [3. С. 18].

Родовая элита пытается найти приемлемые формы суверенного управления. Во второй половине 1905 г. в аборигенной среде идет обсуждение вопроса о создании органов самоуправления. В октябре 1905 г. 8 уполномоченных от хакасских ведомств, баи М.Е. Спиринов, Н.И. Окунев, А.И. Асочаков, Н.И. Орешков и другие приняли участие в работе Минусинского уездного крестьянского съезда. Среди решений съезда выделяются требования реализации избирательных прав, касающихся выборов в уездное земское собрание двух гласных от каждой земской единицы. Под этим проектом поставили подписи и хакасские баи [3. С. 86–87]. Кроме того, депутаты выдвинули идею квотирования мест от инородческого населения Сибири в представительных органах власти: по два гласных от каждой мелкой земской единицы в губернских земствах и один депутат Государственной думы от хакасского населения [3. С. 32, 88–89].

Выборы в I Государственную думу остро переживались и в среде байства, и среди русского крестьянства. Известно, что 6 августа 1905 г. Николай II подписал Манифест о созыве Государственной думы. Выборы предполагалось провести по куриальной системе, согласно ей устанавливались квоты на выборщиков по куриям. Что касается политических прав коренного населения, то о сословном неполноправии писал директор Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова, лидер «Союза сибирских инородцев» А.А. Ярилов: «Тридцать три тысячи инородцев на выборы в Государственную Думу в Минусинск могут отправить двух выборщиков, тогда как каждая волость, даже численностью 2–3 тысячи имеют право послать тоже двух выборщиков. Тогда как численность инородцев позволяла им отправить 8 выборщиков, вместо двух. Тогда они имели бы возможность послать хоть одного выборщика из своей среды в Красноярск; теперь же об их нуждах не узнает не только Государственная дума, а даже своя губерния» [5].

Делегаты съезда высказались за формирование единых земских учреждений для крестьян и инородцев. Но объединение институтов самоуправления крестьянства и инородцев, сам характер планируемых преобразований, приведения инородческого управления под общие основания, т.е. реорганизация инородных управ, не устроили родовую элиту. В дальнейшем они отстаивают право на самостоятельность не только на уровне волости, уезда, а на губернском уровне.

Активная часть байства стала инициатором проведения инородческого съезда 1 и 2 ноября 1905 г. в с. Аскиз. Состав участников съезда был внушительным: руководители Усть-Абаканской и Аскизской управы Сатик (Никита Иванович) Окунев, Хара-Билек Чебодаев, родовые старосты, доверенные 12 родов и делегация Усть-Абаканской управы, баи Орешков, Паскир Картин, Павел Доможаков, Кыштымов, братья Чарковы, Чудогашевы и др.

Проведение съезда стало возможным благодаря объединению родовой аристократии, представителей русской интеллигенции в лице Арсения Арсеньевича Ярилова и буржуазии в лице Иннокентия Петровича Кузнецова-Красноярского, председателя съезда.

На повестку инородческого съезда вынесли живо-трепещущие вопросы, касающиеся самоуправления и сохранения национальной идентичности: территориальная целостность хакасских ведомств (территория Хакасии делилась между Минусинским и Ачинским уездом), участие хакасов в представительных органах власти, возврат и передача в полную собственность в соответствующие инородческие ведомства изъятых земельных угодий.

Ярким документом, принятым на съезде, стал «Проект степного земского положения», в котором излагались решения съезда. В основу этого документа был положен проект иркутских бурят. В 1907 г. Д.Е. Лаппо опубликовал принятый на сходе проект земских учреждений с собственными комментариями. Ключевым решением съезда было повышение статуса инородческого земского участка в российской территориально-политической системе, на основе которой строилось функционирование органов местного самоуправления. По мнению участников съезда, «будущий инородческий земский участок не должен подчиняться и зависеть от уездного земства, а должен быть в непосредственных сношениях с земством губернским» [3. С. 32, 88–89]. Согласно «Проекту степного земского положения» власть передавалась «Национальным земским организациям», построенным не по территориальному, а по «родовому» принципу [3. С. 86]. «Проект» предусматривал ликвидацию института крестьянских начальников в хакасских ведомствах и возрождение Степных дум.

Закрытие Степных дум баями воспринималось болезненно. В глазах элиты думы представлялись не только институтом самоуправления, а символизировали легитимную структуру власти. Роспуск Степных дум и введение волостного управления по русскому образцу с подчинением русским крестьянским начальникам означали ликвидацию самоуправления в

хакасских ведомствах. Власть переходила от сословия бегов, башлыков к новым социальным силам. Но к этому времени в составе Степных дум, затем инородных управ сформировалась знать со значительными материальными средствами, финансировавшая национальное движение. Руководители хакасских ведомств выступили против правительственных реформ. В частности, голова Усть-Абаканской управы Сатик Окунев стал одним из лидеров национального движения и учредителем «Союза сибирских инородцев». Окунева избрали в качестве выборщика депутатов в Государственную думу [6. С. 35]. Впоследствии он принял активное участие в первых съездах хакасов в период 1917–1918 гг., являлся председателем I съезда хакасского народа в апреле 1917 г. [7. С. 39].

После событий 1917–1918 гг. Сатика арестовали и выслали из Хакасии. Перед арестом он зарыл сокровища, в 1958 г. часть клада обнаружил тракторист на месте родового улуса С. Окунева. В обнаруженном кладе были сотни высокопробных серебряных монет времен правления Ивана IV и Лжедмитрия, российские монеты конца XIX – начала XX в. и иностранные монеты второй половины XIX – первой половины XX в. – пени и марки Финляндии, рейхмарки Германии, серебряные изделия. Сокровища семьи накапливались столетиями, формирование клада шло от поколения к поколению. Хозяин клада надеялся, что сокровища пролежат в сохранности в земле, а самому удасться вернуться домой [8].

Конечно, Окунев финансировал национальное движение. Так же как и другой лидер политической организации «Союза сибирских инородцев» И.Г. (Паскир) Картин, который являлся представителем богатейшей байской семьи Картиных. В свое время богатство Картиных было так велико, что внук родоначальника Качинской Степной думы Чирки – Апун говорил: «Прежде чем кончится капитал Картиных, раньше переведётся песок в р. Абакане» [9. С. 74].

Деятельность общественно-политической и национальной организации «Союза сибирских инородцев», выступавшей с политическими требованиями, стала свидетельством национальных устремлений. Решение о создании этого инородческого союза было принято на встрече представителей родов инородцев в 1905 г. В газете «Голос Сибири» был опубликован Устав сибирских инородцев и список учредителей организации: А.А. Ярилов, Н.Т. Спиринов, И.Г. Картин, Е.А. Топанов, Н.И. Окунев, С.С. Поросенов, Н.И. Исарцев – письмоводитель Абаканской инородной управы. В начале 1906 г. в состав организации входили «50 качинских инородцев, и в степи уже образовались две самостоятельные группы союза» [10]. Учредители активно пропагандировали программу Союза среди коренного населения Аскизского и Кызильского ведомств [11. Л. 12]. Союз был создан для защиты прав коренного населения. Родовая элита пыталась с помощью этой организации оказать влияние на принятие решений, касающихся самоуправления.

Программа предусматривала установление связи, консолидацию и объединение сибирских инородцев для

совместного выбора хотя бы одного защитника инородческих нужд, т.е. квотирование «хотя бы одного общего» депутата Государственной думы от инородцев Сибири. Кроме того, в Уставе сибирских инородцев содержалось требование «всеобщего, равного, прямого и тайного голосования как единственно обеспечивающего инородцам надлежащую защиту их интересов» [12. Л. 39]. В изданной листовке Союза «Гражданская полноправность минусинских инородцев» (автор А.А. Ярилов) отстаивались права «минусинских инородцев» на самоопределение в составе Русского государства, залогом которого явилось бы «твердое установление находящихся в их пользовании земель» [13. Л. 9].

«Союз сибирских инородцев» принял участие в выборах в Государственную думу I созыва. Сатика Окунева избрали в качестве выборщика депутатов в Государственную думу [6. С. 35]. Создание «Союза сибирских инородцев» ознаменовало собой важный шаг в развитии национального движения, положило начало оформлению националистической либеральной программы и свидетельствовало о формировании национальной хакасской буржуазии.

За революцией последовала реакция, выступления в России были подавлены. Власть изменила правила выборов в Государственную думу для увеличения числа лояльных монархии депутатов; на местах не соблюдались декларированные в Манифесте 17 октября 1905 г. свободы; болезненный для большинства населения страны аграрный вопрос не был решён. И конечно, царские власти не приняли байскую реформу. В 1907 г. начались преследования учредителей «Союза сибирских инородцев». А.А. Ярилов вынужденно эмигрировал за границу, а перед этим полтора

месяца провел в тайге горного Алатау в составе приисковой партии золотопромышленника Иваницкого [14. С. 39]. Сатик Окунев, Хара-Билек Чебодаев скрылись за пределами Хакасии. Вскоре царские чиновники провели административную реформу, заменив старое степное управление волостным, основанным на территориальном принципе, а кочевые инородцы были переведены в разряд оседлых.

Идеи самоуправления были сильны в среде родовой элиты не случайно. Представители родовой аристократии – потомки енисейских кыргызов. В XVII в., ко времени прихода Русского государства, было сформировано развитое потестарное общество с военно-политической элитой, с которой складывались непростые отношения. В свою очередь, енисейские кыргызы являлись потомками правителей Кыргызского каганата, на протяжении нескольких столетий правивших в Центральной Азии, и вторжение Русского государства на свои территории они встретили жестким военным противостоянием. Русское государство использовало силовую стратегию присоединения.

Что касается национального движения начала XX в., то видимо среди представителей родовой аристократии была еще сильна историческая память о былом могуществе предков, поэтому окончательная ликвидация органов самоуправления переживалась болезненно. Родовая элита проявила политическую и гражданскую зрелость. Она выступила не просто за сохранение органов самоуправления, а за широкий спектр преференций: предоставление автономии в пределах губернии, развитие гражданских и политических прав инородцев, национального образования и культуры.

Список источников

1. Жидков Г.И. Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1973. 264 с.
2. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). Иркутск : Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 320 с.
3. Лаппо Д.Е. Степное земское положение: проект земских учреждений, принятый Аскизским инородческим съездом 1–2 ноября 1905 года и Иркутским бурятским съездом 22–24 августа 1905 года. Красноярск : Типо-литография Кохановских, 1907. 98 с.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 54. Енисейская губерния. СПб., 1903, 328 с.
5. Телеграф и почта. 1906. 27 апреля 1906 г.
6. Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б. Революционное движение на юге Енисейской губернии в 1905–1907 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 18–35.
7. Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1999. 62 с.
8. Хакасия. 2006. № 66 13 апреля.
9. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1987. 175 с.
10. Голос Сибири. 1905. 7 декабря.
11. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-656. Оп. 1а. Д. 7.
12. НАРХ. Ф. П-656. Оп. 1а. Д. 15.
13. НАРХ. Ф. и-2. Оп.1. Д. 1041.
14. Ярилова Л.С., Лыткина Е.И. Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири // Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции 23–24 июня 2005 г., гг. Абакан и Минусинск. Абакан : Фирма «Март», 2005. С. 21–49.

References

1. Zhidkov, G.I. (1973) *Kabinetnoe zemlevladenie (1747–1917)* [Cabinet Land Tenure (1747–1917)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.
2. Dameshek, L.M. (2007) *Sibirskie inorodtsy v imperskoy strategii vlasti (XVIII – nach. XX v.)* [Siberian Aliens in the Imperial Strategy of Power (18th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya.
3. Lappo, D.E. (1907) *Stepnoe zemskoe polozhenie: proekt zemskikh uchrezhdeniy, prinyatyiy Askizskim inorodcheskim s'ezdom 1–2 noyabrya 1905 goda i Irkutskim buryatskim s'ezdom 22–24 avgusta 1905 goda* [Steppe zemstvo code: project of zemstvo institutions adopted by the Askizsky foreign congress on November 1–2, 1905 and the Irkutsk Buryat congress on August 22–24, 1905]. Krasnoyarsk: Tipo-litografiya Kokhanovskikh.
4. Yeniseysk Governorate. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry]. Vol. 54. Saint Petersburg: Tip. "Nar. pol'za".

5. *Telegraf i pochta*. (1906) 27 April.
6. Meshalkin, P.N. & Sheynfel'd, M.B. (1977) Revolyutsionnoe dvizhenie na yuge Eniseyskoy gubernii v 1905–1907 gg. [The revolutionary movement in the south of the Yenisei province in 1905–1907]. *Voprosy istorii Khakasii*. pp. 18–35.
7. Gladyshevskiy, A.N. (1999) *Stepan Dmitrievich Mainagashev. 1886–1920. Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Stepan Dmitrievich Mainagashev. 1886–1920 Essay on life and work]. Abakan: Khakassian State University.
8. *Khakasiya*. (2006) 66. 13 April.
9. Butanaev, V.Ya. (1987) *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya khakasskogo aala* [Socio-Economic History of the Khakass Aal]. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
10. *Golos Sibiri*. (1905) 7 December.
11. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-656. List 1a. File 7.
12. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund P-656. List 1a. File 15.
13. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund i-2. List 1. File 1041.
14. Yarilova, L.S. & Lytkina, E.I. (2005) [Life and work of A.A. Yarilov in Siberia]. *Zhizn' i deyatel'nost' A.A. Yarilova v Sibiri* [Life and Work of A.A. Yarilov in Siberia]. Proceedings of the Conference. Abakan; Minusinsk. 23–24 June 2005. Abakan: Firma “Mart”. pp. 21–49. (In Russian).

Информация об авторе:

Самрина Е.В. – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail:esamrina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Samrina, Cand. Sci. (Geography), senior researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail:esamrina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2018;
одобрена после рецензирования 21.02.2019; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 25.10.2018;
approved after reviewing 21.02.2019; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/483/18

Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций

Эдуард Эдуардович Шульц¹

¹ *Московский государственный областной университет, Москва, Россия, nuap1@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема прогнозирования революций. Для прогнозирования революций предлагается сочетание методов – сравнительно-исторического анализа и метода аналогий. Метод сравнительно-исторического анализа используют, когда революции рассматриваются как социально-политическое явление Нового и Новейшего времени. К методу аналогий прибегают в ситуации, когда революции происходят в странах со схожими условиями.

Ключевые слова: революции, теория революций, прогнозирование революций, базовые революции, корректирующие революции, современные революции

Для цитирования: Шульц Э.Э. Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 156–164. doi: 10.17223/15617793/483/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/18

Comparative historical analysis in the prediction of revolutions

Eduard E. Shults¹

¹ *Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation, nuap1@yandex.ru*

Abstract. The article considers the problem of forecasting revolutions – one of the main issues raised in social sciences whose solution meets objective and subjective difficulties. Researchers radically diverge in the possibility of predicting revolutions, as well as in the question of whether revolutions have a future or the era of revolutions has passed. An opportunity to predict revolution is important, but most often in forecasts this socio-political phenomenon is substituted for attempts of predicting explosions of social protest in its mass and radical forms which can lead to a change of power. The analysis of revolutions allows, with a huge share of probability, concluding that revolutions have a chance to occur where they never occurred, except for specific cases when certain countries already avoided revolutions. To reach the aim, the author offers a combination of two approaches: (1) a comparative-historical analysis of revolutions as a socio-political phenomenon of the modern era and (2) a method of analogies – if a phenomenon occurs under certain conditions in one country or group of the countries, then this phenomenon, most likely, will also happen in other countries with similar conditions. To solve the problem, the author considers exclusively demonstrations of the phenomenon of revolutions for the period of modern and contemporary history, since forecasting is based on methods of comparative historical analysis and analogies and the article does not set historical and philosophical problems about the possibility in the future of revolutionary phenomena similar to those that took place in antiquity, or to communist revolutions. In the author's opinion, the revolution as a process consists of three components: (1) social protest in mass and radical forms; (2) coup d'état (change of political power); (3) reforms in the state (significant changes in the system). In the absence of one of the components, the term “revolution” is not applicable. Violation of this rule leads to the blurring of the boundaries of the phenomenon and the dragging into it of other political and socio-political phenomena (coups, reforms, mass protests, etc.). A comparative analysis of more than sixty revolutions identifies two types by external characteristics (algorithm and consequences): basic and corrective (including six models of the revolution algorithm, three in each form). Then the author analyzes options for a no-revolution path for various states. This approach allowed the following conclusions. (1) For the majority of the countries, the era of revolutions has come to an end. (2) A large number of the countries of Africa and some countries of Asia have a forthcoming long civilization period before conditions for the revolutions of the modern era mature. (3) In the short and medium terms, a number of countries have prospects of revolutions. At the same time, in connection with globalization and internationalization of the ideas and technologies, these countries can undergo necessary transitions in the evolutionary way through reforms, avoiding revolutionary explosions.

Keywords: revolutions, theory of revolution, forecasting of revolutions, basic revolutions, correcting revolutions, contemporary revolutions

For citation: Shults, E.E. (2022) Comparative historical analysis in the prediction of revolutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 156–164. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/18

С точки зрения предсказания революций первый вопрос заключается в том, а есть ли у революций будущее, не закончились ли они. Здесь исследователи расходятся во мнении кардинально. Джек Голдстоун и Джон Форан, например, полагают, что у революций есть будущее [1. С. 2; 2. Р. 401]. Джефф Гудвин и Мисаг Парса считают, что демократизация в дальнейшем пойдет не революционным путем, а через юридическое и законодательное русло [1. С. 8–9]. Джеффери Пэйдж уточняет, что нет будущего у революций в виде классовых восстаний снизу, при этом другие формы и виды вполне могут присутствовать [3. Р. 27]. Большая и, пожалуй, бóльшая часть исследователей полагает, что революции непредсказуемы, и это одна из характерных и отличительных их черт [4. С. 22; 5. С. 388–389; 6. Р. 250; 7. Р. 7].

Исследователи революций поставили одной из главных задач прогнозирование революций, однако пока этот опыт нельзя назвать удачным [2, 8–10]. Основные причины, на наш взгляд, следующие: 1) происходит попытка прогнозирования не революций, а госпереворотов и массовых проявлений социального протеста (что, конечно, важнее для политики и власти, но не обязательно связано с революциями); 2) эти прогнозы отталкиваются от различных точек отсчета и опираются на разные принципы, но это не те характеристики, которые определяют явление «революции».

Для решения поставленной задачи нам необходимо принять, что мы рассматриваем революции только как социально-политическое явление Нового и Новейшего времени.

Во-первых, здесь и сейчас нас исключительно интересует только демонстрация явления «революций» для периода Нового и Новейшего времени, так как в прогнозировании мы полагаемся на методы сравнительно-исторического анализа и аналогий и не ставим историософских задач о возможности в будущем явлений революционного порядка, сходных с теми, что происходили в древности, или коммунистических революций.

Во-вторых, следует отметить, что термин «революция», складывание которого произошло в период XVII–XIX вв., отталкивался от событий английских революций 1640 и 1688 гг., Американской революции и французских революций 1879, 1830 и 1848 гг. – событий, аналогов которым не было в предыдущей истории. Несмотря на отсутствие единодушия в определении термина «революция», научный дискурс подразумевает такое поле значений, в котором революция противопоставляется эволюционным процессам, представляет собой резкие, быстрые (в сравнении с эволюционным путем), существенные изменения в обществе [11; 12; 13. С. 11–33, 93–113]. Общества совершают трансформации, которые могут напоминать революции модерна, но они в своих проявлениях принципиально отличались. Данное положение основательно вошло в комплекс общественных наук, получив поддержку многих ведущих исследователей теории революции [5. С. 367–368; 14. С. 15, 31,

45, 51–53, 57, 83, 223, 229, 262, 374; 15. Р. 38; 16. Р. 13, 42].

Революция – это политический переворот, поддержанный массами населения, который ведет к кардинальному изменению политической и социальной системы общества. Революция как процесс состоит из трех компонентов: 1) социальный протест в массовых и радикальных формах; 2) государственный переворот (смена политической власти); 3) реформы в государстве (значительные изменения системы). При отсутствии одной из составляющих термин «революция» неприменим. Государственный переворот возможен без социального протеста и без реформ в обществе. Даже наличие реформ после государственного переворота не говорит о наличии явления революции, так как этот феномен подразумевает кардинальные изменения в обществе, а такие после обычного политического переворота не происходят. Именно поэтому записываемые рядом исследователей в революции события в Иране 1953 г., Гватемале в 1944–1954 гг., в 1970-х гг. в Анголе, Мозамбике, Зимбабве, на Ямайке и Гренаде, в 1970–1980-х гг. в Родезии [17. Р. 33, 90, 123], а также так называемые цветные революции, к которым относятся и события арабской весны [18. С. 297–299, 315], революциями никак не являлись. По этим же причинам события 1989–1991 гг., известные как «бархатные революции», являлись революциями, так как содержали все три составляющие. Несмотря на то что уровень социального протеста в ряде стран этих революций был невысок, все случаи содержали в себе политический переворот и радикальные изменения в политической и социальной сферах. Как верно заметил французский социолог и философ Жак Эллюль, восстание становится революцией тогда, когда начинается этап строительства [15. Р. 50]. Именно радикальные преобразования отличают явление «революция».

Сравнительный анализ алгоритма революций (ход, этапы) дает 6 моделей революций: 1) Великая французская революция (ВФР), Английская революция 1640–1653 гг., Русская революция, Мексиканская революция 1854–1867 гг., Иранская революция 1905–1911 гг., Турецкая революция 1908–1923 гг.; 2) Нидерландская, Американская революции, революции в Латинской Америке (1810–1826 гг.); 3) (рассматривается далее); 4) французские революции 1830 и 1848 гг.; 5) так называемые бархатные революции; 6) «славная революция», «революция гвоздик», революции в Египете 1952 г., Ливии и Ираке 1958 г., Ливии 1969 г.

Существуют еще модели по алгоритму, которые близки к названным моделям, но имеют некоторые отличия. Революции в Бельгии 1830 г. и Швейцарии 1847–1848 гг. похожи на модель 2, по которой прошли национально-освободительные революции, но здесь не было внешней силы, с которой необходимо было бороться, – происходил процесс объединения разрозненных частей страны. Революции в Швеции 1809 г. и Норвегии 1814 г. близки к модели 6, по которой революция проходит в виде военного перево-

рота, но здесь на престол ставится другой монарх и проводятся кардинальные политические и социальные реформы. Частично данные революции близки Бельгийской 1830 г. и Швейцарской 1847–1848 гг. – движение военной силы из регионов в столицу, охват всей страны. Сюда же примыкают революции в Финляндии и Польше 1918 г., где данные территории выделились из состава другой страны в связи с революцией в последней – в России, при этом присутствовали в том или ином виде такие элементы, как «государственный переворот» и «гражданская война».

Это самая малочисленная группа революций в общем явлении, однако отнести их к другим моделям не позволяют принципиальные отличия: 1) революции привнесли значительные изменения в общества, что отличает их от революций моделей 4, 5 и 6; 2) по своему алгоритму и влияющим факторам они не могут быть отнесены к модели 1 (классические революции) и модели 2 (национально-освободительные революции). Таким образом, используя здесь дополнительные признаки, мы выделяем эту модель как отдельную – третью.

По внешним признакам проявления выделяются революции, которые заняли длительные промежутки времени и сопровождались серьезным социальным противостоянием. Эти революции отличают не только внешние проявления, но и последствия – они привели к значительной ломке системы, к самым кардинальным изменениям. Такие революции могли быть единственными в стране, а если нет, то следующие революции были скоротечны и без большой социальной напряженности. Первый вид логично назвать основными или базовыми революциями, второй – дополнительными или корректирующими.

Исходя из определенных моделей по алгоритму (указанных выше), существует классический тип, представленный ВФР и Английской революцией (модель 1), но есть как минимум и революции, которые происходили вместе с национально-освободительной борьбой (модель 2). Причем выделяются еще и революции, когда не было внешней силы, на которую эта борьба могла быть направлена, но в стране решался вопрос объединения территорий и создания единого государства (модель 3). Те революции, которые были вторыми и третьими в странах (мы называем их корректирующими), обладают очевидными различиями: так, французские революции 1830 и 1848 гг. различаются между собой и отличаются от так называемой «славной революции» в Англии 1688 г. Здесь необходимо искать несколько типов внутри вида корректирующих революций (модели 4, 5, 6).

Таким образом, сравнительный анализ всех революций приводит нас к выделению двух видов по внешним признакам (алгоритм и последствия): базовые и корректирующие (включающие в себя 6 моделей алгоритма революций, по три в каждом виде). Базовые революции, как правило, являются основными, первыми революциями в государствах, показывающими возможность изменений и их вектор. Корректирующие революции проходят там, где определен-

ные изменения не были проведены в результате базовых революций и последующих реформ. В базовых революциях выделяются 3 типа: национально-освободительные, классические и смешанные. В корректирующих революциях – также 3 типа: по типу «баррикад» (французские революции 1830 и 1848 гг.), «демонстраций» («бархатные»), «военного переворота» («славная революция», «революция гвоздик», в Египте в 1952 г., Ливии и Ираке в 1958 г., Ливии в 1969 г. и др.).

Разберемся в существующих вариантах революций и безреволюционного пути развития.

В национально-освободительных революциях решение проблемы социально-политического развития сочетается с изгнанием оккупационного режима или правительства, зависимого от иностранного государства. К национально-освободительным революциям относились Нидерландская и Американская революции, революции в Испании и Португалии (1808–1814 гг.), Греции (1821–1829 гг.), революции в Мексике, Венесуэле, Перу, Чили, Боливии, Аргентине в 1810–1826 гг. (война за независимость испанских колоний в Америке), Филиппинская революция 1896–1898 гг., Ирландская революция 1919–1923 гг. (в части до 1922 г., затем в 1922–1923 гг. велась своя гражданская война), революции в Марокко (1953–1956 гг.), Тунисе (1952–1957 гг.), Алжире (1954–1962 гг.), Вьетнамская революция 1945–1975 гг. и некоторые другие.

В ряде государств после национально-освободительных революций снова прошли революции, как, например, в Боливии (1952 г.) и Никарагуа (1979 г.). Мексике после национально-освободительной революции 1810–1821 гг. потребовались революции в 1854–1867 гг. и в 1910–1920 гг. В Испании и Португалии революции заняли весь XIX в. и первую треть XX в.

Революции могли не происходить в странах, куда новая система была привнесена как в часть территории другого государства: Австралия, Канада, Исландия и ряд других. Этот же эффект проявлялся в ходе временной оккупации государства с проведением реформ, что произошло наиболее ярко в период Наполеоновских войн и после II Мировой войны.

В странах, образовавшихся путем отделения от других государств, где ранее произошла революция, базовая революция не происходила. В США и Ирландии, например, потребовались национально-освободительные революции для обретения независимости от Англии, в Австралии и Канаде отделение произошло мирным путем. Во всех случаях иностранный диктат сменился на национальную демократию – существовавшие или вновь вводимые демократические институты приобретали статус высшей власти в стране. Первый сценарий – США: революция и война против Англии, раннее выделение в самостоятельное государство. Второй сценарий – Ирландия: длительная национально-освободительная борьба на протяжении нескольких веков, революция и успешная война с Англией в первой четверти XX в. Третий сценарий – Канада, Австралия, Новая Зеландия: мирное

отделение в XX в. К третьему сценарию примыкает ряд стран с неанглийским (в отличие от вышеупомянутых) населением: Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Бирма, Тринидад и Тобаго и др.

Такой же вариант существовал и с национально-освободительной революцией: когда революция проходит в государстве, а затем от него отделяются части в отдельное государство, то в них революция могла больше и не происходить. Не потребовалось революций после национально-освободительных в Колумбии, Эквадоре, Коста-Рике, Перу, Гватемале, Панаме, Гондурасе наравне с Нидерландами, США, Бельгией и Швейцарией.

В странах, избавившихся от колониальной зависимости, с уходом власти страны-метрополии исчезали монархия и дворянское сословие. Это открыло возможность безреволюционного перехода не только в развитых странах, таких как Канада, Австралия и т.п., но и в некоторых странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (английские колонии: Тринидад и Тобаго, Гайана, Белиз, Гренада, Шри-Ланка, Малайзия, Сингапур, Мальдивы; колония США Пуэрто-Рико и колония Нидерландов – Суринам). На территориях, присоединенных к государствам-метрополиям, где уже прошла революция, революций не было (например, Французская Гвиана).

Уровень социально-экономического и политического развития метрополии оказывал сильное влияние на революции в странах-колониях. Существенным был и временной факт революций в метрополиях. Характерно меньшее количество революций в британских колониях и более частая замена национально-освободительных революций мирным переходом к независимости. Колонии Испании и Португалии застали свои метрополии в период революций, проходивших в XIX и XX вв., что сильно повлияло на происхождение и развитие национально-освободительных революций в этих колониях.

Революция могла происходить в новых государствах в период распада крупного государства-империи, как, например, это было в Финляндии 1918 г., а могла быть привнесена соседним государством, как произошло в Монголии в начале 1920-х гг.

Теперь необходимо остановиться на потенциальных революциях, которые происходят на наших глазах, но в силу различных обстоятельств они превратились в затяжные гражданские войны.

В Непале идет затяжная гражданская война в классической для Юго-Восточной Азии форме партизанской борьбы с леворадикальным характером. В 1950–1951-е гг. при вмешательстве Индии был сохранен монархический строй и произошел откат снова к абсолютной монархии. Таким образом, сложился эффект «отложенной революции». В 1994 г. к власти через выборы пришли коммунисты, однако менее чем на год. В 1996 г. в стране началась гражданская война. В 2006 г. к партизанской борьбе добавилась всеобщая забастовка и политический союз партий парламента с коммунистами, руководившими партизанской войной. В результате монарх был лишен власти, страна объявлена республикой. В связи с силой крайне левых

возможно дальнейшее развитие революции, однако сдерживающими факторами являются противовес сил в обществе, международное влияние и положительный пример возможности переговоров и политического консенсуса в стране. Присутствует и фактор внешнего врага – Индии, способный играть объединяющую роль политических сил Непала и его общества.

Близкий пример – Бирма (Мьянма), была английской территорией. Получила независимость в 1947 г., сразу же вспыхнула гражданская война, которая продолжалась до 2012 г. На наших глазах происходит формирование единого государства и реформирование политических институтов. От реализации и полноты реформ будут зависеть продолжение гражданской войны и революционный потенциал.

Северный и Южный Йемен получили независимость в разное время: Северный – в 1918 г. от Османской империи, Южный – в 1967 г. от Англии. В Северном Йемене произошла революция (1962–1975 гг.), повлекшая за собой восьмилетнюю гражданскую войну и войну между Севером и Югом. В 1990 г. произошло объединение государства, но уже в 2004 г. в стране снова вспыхнула гражданская война, а затем и в 2014 г.

Некоторые страны не знали революций, в своем развитии они не доросли до них. Речь идет о большинстве стран Африки и части стран Азии, где государство стало результатом не эволюции, а более навязанным актом, где социальная структура несет особенности родоплеменного строя и кланово-этнических противостояний.

После распада колониальной системы в ряде бывших колоний шли гражданские войны на этнической почве (с требованием выделения новых государственных образований из состава очерченных государств). Такой опыт возник с началом развала колониальной системы в начале XIX в. и отделения испанских колоний, проявился в распаде так называемой Первой Мексиканской империи. В XX в. такая практика возникла почти повсеместно: Папуа – Новая Гвинея, Шри-Ланка, Бирма, Эритрея, Судан и почти вся Центральная и Южная Африка и др. Проблема заключается в том, что «национальные границы зачастую проводились произвольно, без учета культурного или этнического единства» [19. С. 18]. С той же проблемой мы сталкиваемся и в примере Афганистана.

Процессы государственного образования путем отделения происходят до сих пор (например, Южный Судан, Западная Сахара). Ряд государств находятся в состоянии, когда они уже потеряли атрибуты единой государственности (например, Сомали) или сохраняют эти атрибуты, но фактически государственная власть не распространяется дальше городов или вообще одной столицы. Большинство государств вышли из состояния открытой гражданской войны при вмешательстве извне, но разделение в обществе никуда не делось и грозит новыми гражданскими войнами и потенциальным распадом государств (ЮАР, Сьерра-Леоне, Либерия, Уганда, Нигерия, Нигер, Гвинея-

Бисау, Ангола, Кот-д'Ивуар, ДР Конго). Пример оформившегося распада государств в связи с этноконфессиональным конфликтом – Судан и Южный Судан, где в 1955–1972 гг. и 1983–2005 гг. шла война между арабским севером Судана и южанами-неарабами, а в 2011 г. Южный Судан получил суверенный статус.

Исследователи справедливо указывают на особенности развития африканских стран в связи с историей их образования и развития. Так, «только три государства Африки южнее Сахары формально остались независимыми; это Эфиопия, Либерия и Южно-Африканская Республика (ЮАР). Истории образования и развития этих трех государств кардинально различались». Государственность в Эфиопии существовала с Древнего мира. Либерия и ЮАР представляют собой государства, созданные своеобразным путем в конце Нового времени: Либерия создана бывшими американскими рабами, вернувшимися в Африку, ЮАР – объединение государств «белых поселенцев» [20. Р. 119–130; 21. Р. 282–289; 22. Р. 228–269].

Пример африканских стран достаточно наглядно демонстрирует принцип: уровень развития цивилизации отражается на государственном и национальном строительстве, и это вполне коррелирует с явлением революции. Государства в современном понимании формируются в Северной и Северо-Восточной Африке – на территориях развития цивилизаций и государственности с Древнего мира или как минимум со Средних веков. Из всех стран Центральной, Западной, Восточной и Южной Африки только в Эфиопии произошла революция (1974–1975 гг.). Цивилизация в Эфиопии берет свое начало до нашей эры, и это государство находится в ряду единичных случаев для Африки, когда в стране так и не был установлен колониальный режим.

Все страны Центральной и Южной Африки имели неудачный опыт переходов к демократическому правлению в современном понимании, прошли через этноконфликты и гражданские войны. В большинстве этих государств клановое, родовое или племенное деление является основой общества. Население сохраняет патриархальный уклад жизни. Причем эти процессы свойственны и государствам, которые были основаны так называемыми реэмигрантами (потомками вывезенных в рабство африканцев) и имели большее воздействующее влияние на общественные и государственные институты (Сьерра-Леоне и Либерия). Страна-метрополия здесь не играет такой роли, как это сложилось в других частях света. Английские, французские, итальянские, португальские, испанские, бельгийские колонии мало отличаются друг от друга в период независимости.

Это не означает, что есть страны и народы «неспособные» или «недоросшие до демократии». Это значит, что период колонизации создал такое вмешательство, которое помешало этим народам и странам пройти естественно-исторический путь развития, создало причудливые комбинации идей и технологий современности с чертами родового, первобытно-общинного и феодального строя.

Вмешательство европейской цивилизации произошло тогда, когда на территории Центральной и Южной Африки существовали первобытно-общинный строй и раннеклассовые государства. Кроме экономического перекося в сторону аграрно-сырьевой экономики, интегрированной в экономику страны-метрополии, одним из главных последствий для африканских стран стали деформированные социальные структуры.

Возникновение Афганистана как государства и определение его границ стало больше результатом внешнего влияния и юридического признания, чем внутренних процессов. На афганской территории существовали отдельные княжества: Кабул, Кандагар, Пешавар и Герат, – значительная часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность на протяжении всей истории. Все попытки централизации власти и объединения государства носили временный характер, и центральная власть почти никогда не распространяла свое влияние на всю географическую территорию Афганистана. Племенные восстания против центральной власти стали характерной чертой Афганистана XVIII–XX вв. Следует отметить, что оккупировавшие Афганистан англичане распространяли свой контроль лишь на часть территории – это касалось столицы и территории бывшего Кабульского княжества и ряда городов [23. Р. 163; 24. С. 138–139, 166; 25. Р. 7–8]. Та же история повторилась в XX в. с советской оккупацией и в XXI в. с американской.

Социальные и политические изменения происходили в городах, за их пределами – территория племен, родов и кланов, общество которых медленно изменялось последние два-три столетия. Военная добыча являлась существенной частью благосостояния афганских племен, и эта черта с некоторыми трансформациями дожила до сегодняшнего дня. В стране сохраняются патриархальные общественные институты (например, лойя-джирга – совет представителей племен). Все перевороты, «революции» и реформы – это дело столицы и нескольких городов. Символы в виде конституций, воспринятых названий и форм (президент, парламент, выборы, социализм, капитализм) – лишь декор и атрибутика.

Главная особенность Афганистана – это неравномерность исторического развития разных его территорий (их обществ, племен и т.д.) и устойчивость пережитков общинной и родоплеменной организации. Современные американские исследователи констатируют проблему «преобразования королевства Кабула в государство Афганистана» [23. Р. 173].

Всем этим государствам, о которых шла речь выше, предстоит переход к состоянию *modernity*, когда они станут представлять собой государства в историческом понимании. Тогда реальный переход политической и социальной структуры произойдет революционным путем или через реформы ввиду сильного заимствования примеров из других государств. Присутствующая социальная деформация, сильное международное влияние, длительный период ломки и гражданского противостояния склоняют чашу весов к последнему пути.

Существует и другая группа государств – кандидатов на революции.

«Монархии Залива» – это государства, в которых не было революций и политическая система до сих пор представлена абсолютной монархией. Саудовскую Аравию, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты объединяют ключевые характерные черты: абсолютная монархия; разросшаяся королевская семья, занимающая все ключевые позиции в политике, экономике и общественной жизни; высокий уровень благосостояния населения за счет нефтяных доходов; высокая доля пришлой рабочей силы. Близкое сходство можно найти в государстве Юго-Восточной Азии – Брунее. Иордания отличается крайней бедностью из-за отсутствия нефтяных доходов и нехватки необходимых ресурсов (энергоресурсов и воды). Эти шесть государств являются претендентами на революции.

С точки зрения причин и последствий революций иранский пример 1978 г. имеет примечательные черты. Неприятие «монархиями Залива» иранской революции, резкое осуждение и противостояние на протяжении многих десятилетий связаны и с тем, что социально-экономическая структура шахского Ирана сильно напоминала их собственную: шахская семья накануне революции занимала верхнюю ступень социально-классовой структуры иранского общества; происходило активное проникновение шахского дома во все сферы экономической жизни, что привело к созданию так называемой дворцовой монополии.

События 2011 г. в арабском мире показали сравнительную устойчивость режимов, несмотря на их архаичность, однако рано или поздно этим государствам придется расставаться с существующей формой власти либо путем реформ, либо систему сменит революция. Модель общественного договора «деньги в обмен на власть», на которой держится власть в указанных богатых монархиях, выглядит вполне жизнеспособной на сегодняшний день, эти государства выглядят благополучными, и разговор о революции вызовет недоумение. Однако в этих государствах не упразднены главные причины революций: сохранение политической и социальной системы, при которой общество не имеет доступа к власти. В этих государствах населяющие их народы не превратились в нацию. Высокий уровень благосостояния позволяет купировать протестные проявления, однако такое положение не будет вечным. Во-первых, нефть кончится (либо физически, либо в этом полезном ископаемом исчезнет необходимость). Во-вторых, может возникнуть и другая ситуация: если человечество застрянет на данном этапе технологического развития, то нефть станет с ее исчерпаемостью объектом еще большей борьбы государств, чем это было в XX и XXI в., и тогда странам Залива угрожает потеря самостоятельности. Все перечисленные варианты в любом сочетании приведут к слабости режимов и потере ими социальной поддержки, т.е. возникнет революционная ситуация: возможность госпереворота при поддержке народных масс или их нейтралитете с необходимостью дальнейших реформ политической системы.

Бахрейн от своих соседей отличает конституционная монархия (есть выборы в одну палату парламента, но запрещены политические партии) и главный определяющий фактор – база флота США. Первое смягчает «революционное давление» (даже при наступающих экономических сложностях: исчерпанных нефтяных резервах и недостаточной переориентации на другие отрасли), второе – гарантирует внешнее вмешательство на поддержку режима. Принципиально отличается от этой группы государств Кувейт – демократическое государство с конституционной монархией и широкими избирательными правами (в том числе женщин).

Кандидат на революцию – королевство Бутан (получило независимость в 1949 г.). Здесь достаточно закрытое общество, где сильная изолированность упраздняет эффект интернационализации и заимствования идей революции, однако идеи модернизации все равно пробивают себе дорогу, и несколько попыток модернизации сверху уже прерывались. «Таиландский вариант» представляется наиболее вероятным, хотя возможна и инициатива по радикальным изменениям от монарха.

Еще один кандидат на революцию – Марокко (речь идет о настоящих революциях, а не о том, что вошло в историю под названием «цветные революции» и «арабская весна»). Размах и накал национально-освободительного движения в Марокко заставили французские и испанские власти в 1956 г. дать независимость двум частям страны в рамках одного государства во главе с султаном, которого французские власти вначале заставили отречься от престола в 1953 г., а затем были вынуждены вернуть на трон в 1955 г. Участие монарха в освободительном движении сделало его популярной фигурой и одним из символов независимости. «Кроме того, монарх был в глазах населения религиозно-легитимным правителем, ведущим происхождение от Пророка. В результате харизматический лидер стал стабилизирующим фактором в переходный период развития, когда экономические трудности, противодействие разных политических фракций, кланов и этнических группировок создавали внутреннюю конфликтогенную ситуацию». Первая конституция (1962 г.) декларировала основные права и свободы граждан с квазипарламентской политической системой, которая прикрывала абсолютизм конституционной формой [26. С. 93, 95]. Постепенно избирательная система внешне демократизировалась, но выборы все равно сохраняли и сохраняют определенную управляемость со стороны правительства. После массовых мирных демонстраций 2011 г. в городах Марокко с требованиями ограничения монархической власти и решения социальных проблем в стране был проведен референдум по проекту конституционной реформы, но она почти ничего не изменила в политическом и социальном плане.

Три примера соседей – Туниса, Марокко и Алжира – имеют сильное сходство. В Алжире национально-освободительная революция 1954–1962 гг. привела к независимости и установлению республиканского строя. В Тунисе национально-освободительная борьба

привела к обретению независимости в 1956 г. и установлению монархического режима, однако уже в 1957 г. Национальное собрание проголосовало за упразднение монархии и провозгласило Тунис республикой. Эти три страны имеют сходство с группой трех других стран региона.

Революции в Египте (1952), Ираке (1958) и Ливии (1969) имеют общие черты. Все эти революции представляли собой военный переворот, осуществленный тайными организациями молодых офицеров среднего звена («Свободные офицеры»). Госперевороты прошли без больших социальных возмущений, но пользовались поддержкой населения. Во всех трех государствах революции были направлены (и реализовали) на свержение монархии и борьбу с феодальными пережитками и сильной экономической и политической зависимостью от западных стран. Для того чтобы понять, почему революции произошли именно таким путем, как нам кажется, помогут некоторые сравнения и аналогии. Во-первых, эти революции по быстротечности сходны с корректирующими революциями. Со многими корректирующими их роднит и отсутствие широкого вовлечения масс с акцентированием на государственном перевороте. По реализации госпереворота и движущим силам эти революции сильно напоминают «революцию гвоздик» в Португалии 1974 г. Во-вторых, необходимо разобраться, почему в странах, где революций не было, сразу прошли революции, сильно напоминающие корректирующие. В Египте, Ливии и Ираке можно констатировать несостоявшиеся национально-освободительные революции: длительная борьба с колониальными режимами не переросла в национально-освободительные революции, так как вопрос был урегулирован политическим путем. Эти страны стали независимыми государствами с монархической формой правления и сохранили феодальные рудименты.

Можно с большой долей вероятности предположить, что по аналогии с соседями дальнейший путь Марокко – либо тунисский вариант (мирный переход), либо вариант Египта, Ирака и Ливии.

По аналогии со странами Восточной Европы корректирующие революции потенциально возможны в

Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Лаосе и на Кубе, где события 1989–1991 гг. привели к некоторой экономической либерализации, но не политической. Альтернатива – проведение реформ: отказ от однопартийной системы, переход к реальной демократии современного образца, исчезновение партийной номенклатуры.

Конечно, любые рассуждения о предстоящих революциях столкнутся с высокой степенью скепсиса, в том числе научно обоснованного, да и психологически сложно увидеть разительные изменения в период, когда ничего их не предвещает. Что касается первого пункта, то здесь роль играют логика рассуждений и опора на сходство явлений, уже произошедших в истории. Такую логику, имеющую право на существование, мы привели в данной статье. Что касается второго пункта, то хотелось бы дать ряд показательных исторических примеров.

В Англии 1639 г., Франции 1788 г. и в России 1916 г. вряд ли бы нашелся хоть один человек, кто поставил бы на то, что через год в их странах падут абсолютные монархии и разразятся революции. «Верно то, что в конце 1786 г., – писал исследователь Великой французской революции Эмэ Шерэ, – никто не верил в скорое наступление революции, и даже после того, как она произошла, современники все-таки оставались в убеждении, что ее легко было бы избежать» [27. С. 75]. Как писал другой исследователь Альбер Матьез, Французская революция поражала «своей стихийной неожиданностью как самих участников ее, так и свои жертвы» [1. С. 23]. В феврале 1917 г. В.И. Ленин, который посвятил организации революции в России всю свою жизнь и деятельность, говорил, что он сам и его поколение до революции не доживут, что революцию увидят следующие поколения [28. С. 220; 29. 162]. Абсолютно неожиданными для современников стали и Мексиканская революция 1910–1920 гг., и Иранская 1978 г. [30. Р. 3; 31], и эти примеры можно множить до границ всех известных революций. Таким образом, когда возникает мысль о том, что в современных реалиях ничего во внешних проявлениях не предвещает революции, необходимо возвращаться к данным примерам.

Список источников

1. Матьез А. Французская революция. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 576 с.
2. Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // *Revolution: Critical Concepts in Political Science* / Ed. by R.H.T. O'Kane. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 395–416.
3. Paige J.M. Finding the Revolutionary in the Revolution: Social Science Concepts and the Future of Revolution // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* / Ed. by J. Foran. Zed Books, 2003. P. 19–29.
4. Капустин Б. О предмете и употреблении понятия «революция» // *Логос*. 2008. № 6. С. 3–47.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. 418 с.
6. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. N.Y. : Vintage Books, 1965. 310 p.
7. Kirkpatrick J.J. After Communism, what? // *Problems of Communism*. 1992. № 41. January-April. P. 1–7.
8. Foran J. Introduction to the Future of Revolution // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* / ed. by J. Foran. Zed Books, 2003. P. 1–15.
9. Foran J. Magical Realism: How Might the Revolutions of the Future Have Better End(ing)s? // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books, 2003. P. 271–283.
10. Foran J. The Future of Revolutions at the fin-de-siecle // *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 417–450.
11. Шульц Э.Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 167–172.
12. Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // *Социологические исследования*. 2014. № 2. С. 132–142.

13. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
14. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций : пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.
15. Ellul J. *Autopsy of Revolution*. N.Y. : Knopf, 1971. 300 p.
16. Zagorin P. *Rebels and Rulers, 1500–1600: Vol. 1, Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution*. Cambridge University Press, 1982. 292 p.
17. Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 395 p.
18. Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : ПФОП, 2014. 512 с.
19. Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. школа политических исслед., 2002. С. 15–36.
20. Adejumbi S.A. *The History of Ethiopia*. Greenwood Press, 2007. 219 p.
21. Henze P.B. *Layers of Time. A History of Ethiopia*. Palgrave, 2001. 372 p.
22. Zewde B. *A History of Modern Ethiopia. 1855–1991*. 2nd ed. Addis Ababa University Press, 2005. 300 p.
23. Hopkins B.D. *The Making of Modern Afghanistan*. Palgrave Macmillan, 2008. 258 p.
24. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю.В. Ганковский. М. : Мысль, 1982. 368 с.
25. Dorransoro G. *Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present*. London : Hurst & Co. ; Paris, 2000. 370 p.
26. История Востока : в 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000). М. : Восточная лит-ра РАН, 2008. 1095 с.
27. Шерр Э. Падение старого режима. 1787–1789. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907. Т. 1. 393 с.
28. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во политической литературы, 1989. Т. 2. 384 с.
29. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во политической литературы, 1989. Т. 3. 367 с.
30. Kurzman C. *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 304 p.
31. Wolf E.R. *Peasant Wars of the Twentieth Century*. Harper & Row ; Publishers, 1969. 328 p.

References

1. Mathiez, A. (1995) *Frantsuzskaya revolyutsiya* [French Revolution]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Goldstone, J.A. (2000) Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe. In: O’Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 395–416.
3. Paige, J.M. (2003) Finding the Revolutionary in the Revolution: Social Science Concepts and the Future of Revolution. In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 19–29.
4. Kapustin, B. (2008) О predmete i upotrebleniyakh ponyatiya “revolyutsiya” [On the subject and uses of the concept of “revolution”]. *Logos*. 6. pp. 3–47.
5. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial’nykh izmeneniy* [Sociology of Social Changes]. Translated from English by V.A. Yadova. Moscow: Aspekt-Press.
6. Brinton, S. (1965) *The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition*. New York: Vintage Books.
7. Kirkpatrick, J.J. (1992) After Communism, what? *Problems of Communism*. 41. January-April. pp. 1–7.
8. Foran, J. (2003) Introduction to the Future of Revolution. In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 1–15.
9. Foran, J. (2003) Magical Realism: How Might the Revolutions of the Future Have Better End(ing)s? In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 271–283.
10. Foran, J. (2000) The Future of Revolutions at the fin-de-siecle. In: O’Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 417–450.
11. Shul’ts, E.E. (2015) “Teoriya revolyutsii”: k istorii izucheniya, sistematizatsii i sovremennomu sostoyaniyu [“Theory of Revolution”: to the history of study, systematization and current state]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 1-33 (198). pp. 167–172.
12. Shul’ts, E.E. (2014) Revolyutsiya: k voprosu ob opredelenii termina [Revolution: on the question of the definition of the term]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 132–142.
13. Shul’ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The Theory of Revolution: Revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
14. Eisenstadt, Sh. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel’noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and Transformation of Societies. Comparative study of civilizations]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
15. Ellul, J. (1971) *Autopsy of Revolution*. New York: Knopf.
16. Zagorin, P. (1982) *Rebels and Rulers, 1500–1600*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Foran, J. (2005) *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Shul’ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta (Tekhnologii upravleniya radikal’nymi formami sotsial’nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Technologies of Rebellion (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: PFOP.
19. Kharrison, L. (2002) Vvedenie. V chem znachenie kul’tury? [Introduction. What is the meaning of culture?]. In: Harrison, L.E. & Huntington, S.P. (eds) *Kul’tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 15–36.
20. Adejumbi, S.A. (2007) *The History of Ethiopia*. Greenwood Press.
21. Henze, P.B. (2001) *Layers of Time. A History of Ethiopia*. Palgrave.
22. Zewde, B. (2005) *A History of Modern Ethiopia. 1855–1991*. 2nd ed. Addis Ababa: Addis Ababa University Press.
23. Hopkins, B.D. (2008) *The Making of Modern Afghanistan*. Palgrave Macmillan.
24. Gankovskiy, Yu.V. (ed.) (1982) *Istoriya Afganistana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Afghanistan from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Mysl’.
25. Dorransoro, G. (2000) *Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present*. Paris; London: Hurst & Co.
26. Yakobson, V.A. (ed.) (2008) *Istoriya Vostoka* [History of the East]. Vol. 6. Moscow: Vostochnaya lit-ra RAS.
27. Chérest, A. (1907) *Padenie starogo rezhima. 1787–1789* [The Fall of the Old Regime. 1787–1789]. Vol. 1. Saint Petersburg: Brokgauz-Efron.
28. Dridzo, V.S. & Manbekova, S.U. (eds) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il’iche Lenine* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
29. Butochnikova, S.F. (ed.) (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il’iche Lenine* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
30. Kurzman, C. (2004) *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
31. Wolf, E.R. (1969) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. Harper & Row Publishers.

Информация об авторе:

Шульц Э.Э. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета (Москва, Россия). E-mail: nuar1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Shults, Cand. Sci. (History), associate professor, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuar1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.07.2021;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 22.07.2021;
approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796.332
doi: 10.17223/15617793/483/19

Аналитический обзор зарубежных публикаций по проблемам подготовки в футболе

*Инесса Юрьевна Горская¹, Григорий Станиславович Баймаков²,
Игорь Валерьевич Аверьянов³, Егор Николаевич Мироненко⁴*

^{1,2}*Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск, Россия*

³*Московский государственный технический университет им. Баумана, Москва, Россия*

⁴*Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия*

¹*mbofkis@mail.ru*

²*mbofkis@mail.ru*

³*iaveryanov@bmstu.ru*

⁴*fvs-omgups@yandex.ru*

Аннотация. Представлен аналитический обзор направленности и содержания зарубежных научных публикаций по проблемам подготовки в футболе. Проведенный анализ публикаций зарубежных исследователей позволяет отметить значительное количество серьезных исследовательских работ, выполненных коллективом авторов – специалистов в разных областях спортивной науки, что обеспечивает комплексный подход к разработке научно-методического обеспечения в футболе. Обобщение содержания зарубежных научных публикаций позволило определить пути дальнейшего научно-методического обеспечения для оптимизации процесса подготовки в футболе.

Ключевые слова: футбол, тренировочный процесс, физическая подготовка, техническая подготовка, функциональное состояние, соревновательная готовность, юные футболисты, высококвалифицированные футболисты

Для цитирования: Горская И.Ю., Баймаков Г.С., Аверьянов И.В., Мироненко Е.Н. Аналитический обзор зарубежных публикаций по проблемам подготовки в футболе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 165–174. doi: 10.17223/15617793/483/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/19

An analytical review of foreign publications on the problems of training in football

Inessa Yu. Gorskaya¹, Grigory S. Baimakov², Igor V. Averyanov³, Egor N. Mironenko⁴

^{1,2}*Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation*

³*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation*

⁴*Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation*

¹*mbofkis@mail.ru*

²*mbofkis@mail.ru*

³*iaveryanov@bmstu.ru*

⁴*fvs-omgups@yandex.ru*

Abstract. The achievements of Russian football players at the present stage are quite far in their rating positions from the level of the leading countries. In this regard, the problem of optimizing various aspects of the preparation of football players at all stages of the long-term training process does not lose its relevance. An analysis of the experience of training foreign football players, reflected in research works and publications of scientists and specialists, can help expand the information field on the construction and implementation of physical, technical and tactical training, medical and biological support for the training of football players of different skill levels. The aim of the study is an analytical review of the direction and content of foreign scientific publications on the problems of training in football. The research methods are: analysis of foreign scientific publications, generalization, systematization, induction, synthesis. The analysis of publications by foreign researchers allows us to note a significant number of serious works carried out by teams of authors that are specialists in various fields of sports science (pedagogical, physiological, psychological, biomechanical), which provides an integrated approach to the development of scientific and methodological support in football. Most of the studies covered in the publications of foreign authors were carried out using apparatus methods and sophisticated equipment, which allows monitoring biomechanical characteristics, the amount of effort, the power of work; tracking quantitative indicators of the volume of various actions, distances covered by a

football player during movements in the game, indicators the functional state of the players. Summarizing the content of foreign scientific publications made it possible to determine the ways for further scientific and methodological support to optimize the training process in football: (1) in terms of technical and tactical training: expanding the implementation of methods of biomechanical analysis of movements; standardization of diagnostic procedures for assessing the special preparedness of a football player; (2) in the aspect of physical training: substantiation of the model characteristics of the athlete's physical readiness in accordance with the modern realities of football; individualization of physical training on the basis of identifying the weaknesses of preparedness in terms of leading motor qualities; strengthening of control of tolerance of the imposed loadings; integration of the activity of a trainer in joint work with a medical and/or research worker competent in matters of physiological and biomedical profile; (3) in the aspect of medical and biological support of training: a detailed analysis of the athlete's functional readiness and recovery processes; strengthening of the psychological and psychomotor components of training; account of individual typological features and searching for a favorable combination of individual typological features for the selection of gifted players; expanding of information on how to take into account the biological maturity of young football players; (4) the use of an integral approach in assessing the prospects of a football player at all stages of the multiyear sports training.

Keywords: football, training process, physical training, technical training, functional state, competitive readiness, young football players, highly qualified football players

For citation: Gorskaya, I.Yu., Baimakov, G.S., Averyanov, I.V. & Mironenko, E.N. (2022) An analytical review of foreign publications on the problems of training in football. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 165–174. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/19

Актуальность исследования. Достижения российских футболистов на современном этапе, несмотря на растущую популярность и массовость этого вида спорта в нашей стране, достаточно далеки по своим рейтинговым позициям от уровня лидирующих стран. В этой связи не теряет актуальности проблема оптимизации разных аспектов подготовки футболистов на всех этапах многолетнего тренировочного процесса.

Анализ опыта подготовки зарубежных футболистов, отраженный в научно-исследовательских работах и публикациях ученых и специалистов, может способствовать расширению информационного поля по вопросам построения и реализации физической, технико-тактической подготовки, медико-биологического обеспечения подготовки футболистов разного уровня квалификации.

Современный уровень доступности публикаций в иностранных журналах позволяет отслеживать научно-методическое обеспечение подготовки футболистов в разных странах по направленности и содержанию научных статей.

Цель исследования – аналитический обзор направленности и содержания зарубежных научных публикаций по проблемам подготовки в футболе.

Методы исследования. Аналитический обзор подготовлен с использованием теоретических методов научного исследования: анализ зарубежных научных публикаций, обобщение, систематизация, сопоставление, индукция, синтез.

Результаты исследования. Проведенный анализ научных публикаций позволил определить, что наибольшее внимание иностранных ученых и специалистов привлекают вопросы контроля функционального состояния, содержания физической подготовки, поиска информативных показателей для определения талантливых игроков. Проанализируем обзорно основные направления исследований иностранных авторов.

Медико-биологическое сопровождение подготовки футболистов (физиологические и комплексные исследования)

Медико-биологические вопросы обеспечения подготовки высококвалифицированных футболистов рассматривают в своем исследовании Rabbani Alireza, Kargarfard Mehdi, Twist Craig (2020). В частности, авторы проводят анализ динамики групповых и индивидуальных колебаний ЧСС в тренировочной подготовке на предварительном этапе сезонного цикла. Проводился мониторинг в течение 24 дней предсезонной подготовки, анализировались показатели ЧСС покоя, реакции на нагрузку аэробного характера, ЧСС восстановления после 1 минуты. Подчеркивается необходимость анализа именно индивидуальных значений ЧСС, так как недостаточная функциональная готовность даже 1-2 игроков отражается на эффективности работы всей команды [1].

Представители бразильских университетов Баии и Перманбуку опубликовали результаты собственных медико-биологических исследований, проведенных с участием профессиональных футболистов [2]. Авторы исследовали влияние тренировочных нагрузок на биохимические, психологические, физиологические и гематологические параметры профессиональных футболистов в предсезонный период. В этом исследовании участвовали 8 высококвалифицированных футболистов, эффекты влияния нагрузки перманентно отслеживались в течение 21 дня, характер и параметры нагрузки определялись на каждой тренировке. Выявлено, что среди всех фиксируемых показателей (гемоглобин, креатинкиназа, субъективные показатели самочувствия и показатели вариабельности сердечного ритма) уровень концентрации креатинкиназы является наиболее чувствительной переменной к тренировочной нагрузке по сравнению с другими переменными.

В работе японских авторов Itoh Ryosuke и Hirose Norikazu (2020) представлен анализ зависимости по-

казателей физической и функциональной подготовленности с темпами биологического созревания футболистов, прошедших специальный отбор (средний возраст 12,7 лет). Исследователи отмечают, что практически отсутствуют сведения о морфофункциональных показателях и других аспектах подготовки азиатских футболистов. Основным результатом исследования явилось получение информации об уровне морфофункциональных показателей (рост, масса тела, процентное содержание жира в организме, окружность (бедро / икры) у футболистов, развивающихся по ретардантному ($n = 13$ чел.), среднему ($n = 22$ чел.) и акселеративному ($n = 14$ чел.) типу. Выявлены достоверно значимые различия по показателям физической подготовленности у футболистов с разными темпами биологического созревания (гибкость, спринт 10 м, 50 м, челночный бег $10 \text{ м} \times 5$, прыжок на одной ноге с продвижением (пятирной), тест Йо-Йо и др.). Авторы делают заключение, что в наибольшей степени уровень биологической зрелости влияет на рост и мышечную силу юных футболистов [3].

Исследование Dodd Karl D., Timothy J. Newans (2018) также затрагивает аспекты необходимости учета биологического возраста футболистов. Авторы отмечают, что поиск талантливых игроков, будущих «звезд» футбола, является сложнейшей задачей. Необходимо отслеживать динамику физических кондиций игроков в течение нескольких лет, используя комплекс физиологических показателей в совокупности с тестированием двигательной подготовленности. Это поможет выявить футболистов с поздним созреванием, которые зачастую несправедливо отсеиваются при отборе. Исследователи разработали эталонные (модельные) характеристики функциональных показателей для футболистов разного возраста, что поможет тренерам в прогнозе успешности игрока [4].

Еще одно исследование, посвященное анализу физиологических и биомеханических показателей футболистов суперэлиты после двух матчей подряд, выполнено итальянскими исследователями университета Вероны А. Тесгоси *et al.* (2021). Речь идет о довольно распространенной ситуации, когда во время соревновательного футбольного сезона у игроков часто бывает перегруженный график матчей (пребудет сыграть несколько игр в течение очень короткого периода времени). Это создает выраженный биомеханический стресс, который может помешать оптимальному восстановлению игроков в последующие дни. Исследователи сравнили эффективность двух стратегий постматчевого восстановления (включающих одинаковые восстановительные процедуры, но различающихся по характеру тренировочных нагрузок, применяемых после дня пассивного отдыха). Анализировались маркеры биохимического стресса (уровень лактата, креатинина, креатинкиназы, лейкоцитов, кортизола, белка и др.), показатели мышечных болевых ощущений (по 10-балльной шкале), самочувствие, субъективное ощущение восстановления. На следующий после матча день тренировки исключались, физическая активность сведена к минимуму, применены восстановительные процедуры (мануальная терапия,

массаж и аналогичные процедуры). Через 48 ч после матча в одной подгруппе применили 60-минутную тренировку (разминка, игры с небольшим количеством участников, тактические упражнения), а во второй подгруппе – 30-минутную тренировку более низкой интенсивности (технические упражнения, динамическая растяжка, бег трусцой без смены направления). Выявлена **большая** эффективность низкоинтенсивной тренировки (2-й вариант) по отношению к скорости восстановления по большинству показателей биохимического и физиологического стресса, при этом функциональные показатели готовности футболистов (время ускорения, реакции и др.) были на одинаковом уровне [5].

Отдельные исследователи фокусируют внимание на анализе выраженности двигательной асимметрии, а также влиянии асимметричности выполнения двигательных тестов на результативность [6–9]. Так, в [6] представлен анализ асимметричности при выполнении прыжков на одной ноге. В этом исследовании приняли участие элитные футболистки молодежной сборной. При проведении тестирования использованы разные виды прыжков (одиночные, тройные, перекрестные, вверх, на время и др.). Исследователи отмечают, что при выполнении вертикальных типов прыжков асимметрия более выражена, чем при выполнении прыжков с продвижением вперед. Выявлена достаточно тесная взаимосвязь ($r = 0,49–0,59$) между показателями асимметричности выполнения прыжковых тестов и более низкими скоростными показателями (в частности, с результатом в ускорении на 20 м), а также более низкими значениями вертикального выпрыгивания вверх и других прыжковых тестов. Этой группой исследователей изучена информативность различных тестов для определения выраженности двигательной асимметрии футболиста, после чего составлена рекомендация о целесообразности использования прыжковых тестов для диагностики межконечностной асимметрии.

Авторы отмечают, что необходимы дополнительные исследования влияния выраженности двигательной асимметрии на физическую работоспособность спортсмена, при этом рассматривается фактор межконечностной асимметрии в негативном аспекте для этого вида спорта. В работе этих же авторов и других исследователей проведено сопоставление показателей выраженности двигательной асимметрии в выборках футболистов разного возраста. В указанном исследовании приняли участие 45 футболистов элитной академии (в возрасте до 23 лет $n = 15$; до 18 лет – $n = 16$ и до 16 лет $n = 14$), которые, независимо от возрастной группы, выполняли двусторонние и односторонние прыжки в рамках своего обычного предсезонного фитнес-тестирования. Анализировались показатели работы ведущей и неведущей конечности в этих прыжках (мощность отталкивания, направленность отталкивания и др.). Сделано заключение, что асимметричность по-разному проявляется в прыжках на одной и двух конечностях, поэтому необходимо использовать несколько разных тестов для оценки характеристик доминирования конечностей [8]. В [9]

авторы, отмечая нехватку продольных исследований, приводят данные о сезонных изменениях величины и направления асимметрии в выборке высококвалифицированных футболистов мужской академии (до 23 лет). Испытуемые выполняли односторонние прыжки с противодействием на разных этапах сезонной подготовки. Анализировался ряд показателей асимметрии, в том числе высота прыжка и концентрический импульс, а также индекс реактивной силы.

Проведенное на одной выборке продольное исследование позволило увидеть неодинаковый характер динамики анализируемых показателей асимметрии и резюмировать, что при мониторинге асимметрии только ее величина может дать ложное впечатление, необходим мониторинг направления асимметрии. Исследователи подчеркивают важность показателей асимметрии и их переменный характер.

Другой аспект проблемы, связанной с двигательной асимметрией при подготовке футболистов, затрагивают представители Лондонского института спорта [10]. В данном исследовании отмечается, что во время матча футболисты высокого класса выполняют большое количество двигательных актов, требующих действий, в которые вовлечены как одна конечность, так и обе. Так, элитные футболисты преодолевают в среднем 10–11 км, выполняют выпрыгивания до 15 раз и меняют направление движения 1 200–1 400 раз за один матч. Отмечая, что в силовой и скоростно-силовой подготовке игроков присутствуют два разных подхода: с акцентом на одностороннее (локальная работа по одной конечности) и двустороннее воздействие (средства, требующие одновременной вовлеченности обеих конечностей), исследователи провели экспериментальную проверку тренировочных эффектов этих подходов. В данном исследовании приняли участие две группы высококвалифицированных футболистов (средний возраст 17,6 лет), сформированные методом случайного подбора. Эксперимент продолжался в течение 6 недель, силовая и скоростно-силовая подготовка осуществлялась 2 раза в неделю. В группе с применением одностороннего подхода ($n = 11$) использовались средства, локально воздействующие на одну конечность (сплит-приседания, прыжки с контрдвижением на одной ноге, прыжки с возвышения на одной ноге и прыжки в длину и вверх на одной ноге, применялись упражнения со штангой). В группе с двусторонним тренировочным вмешательством ($n = 12$) применялись сходные средства, выполняемые на обеих ногах. В рамках двустороннего группового вмешательства применялись приседания на спине, СМЖ, прыжки с падением (DJ) и прыжки в длину (BJ). Дисперсионный анализ, проведенный после эксперимента, не показал различий между группами. Однако внутригрупповые различия были очевидны. Выявлено, что при применении как первого, так и второго подхода к силовой подготовке футболистов отмечаются тренировочные эффекты в виде значимых приростов скоростно-силовых и силовых показателей, однако, характер этих эффектов различен. При применении одностороннего подхода более выражено увеличились силовые показатели (абсолютные и от-

носительные) в тестах, связанных с прыжками на одной ноге, приседаниями, выпрыгиваниями вверх. При двусторонней подготовке более выраженные приросты отмечались в ускорениях на 30 м, прыжках в длину, беге со сменой направления движения. Перспективой дальнейших исследований авторы этой публикации обозначают проведение эксперимента с сочетанным применением одностороннего и двустороннего подходов, а также организацию более длительных экспериментальных вмешательств.

Настоящее исследование показывает, что как двусторонние, так и односторонние программы силовых тренировок и тренировок по прыжкам эффективны для улучшения показателей физической работоспособности, это дает возможность структурировать и разнообразить прыжковые и силовые нагрузки в предсезонном периоде. Авторы считают, что использование силовых и скоростно-силовых нагрузок в предсезонной подготовке способствует повышению надежности игрока. D. Stern et al. в [10] отмечают необходимость систематизации сведений в отношении односторонних и двусторонних тренировок в футболе ввиду противоречивых данных в публикациях других исследователей, причем не только по футболу, но и по другим видам командных игр [11–13].

Исследование ученых из Черногории направлено на сравнительный анализ состава тела футболистов наиболее успешных команд стран Балканского региона [14]. В эксперименте приняли участие футболисты 17–19 лет; сравнение показателей состава тела проведено по 11 переменным. Выявлены статистически значимые различия между футболистами разных клубов по двум показателям – процентному содержанию жира и мышечной массе. Отмечается важность контроля показателей состава тела футболистов на современном этапе. Доказана тесная корреляция между высоким уровнем безжировой массы тела, массы тела с низким содержанием жира и результатами скоростно-силовых тестов (высота выпрыгивания вверх, время спринтерских ускорений), причем как у высококвалифицированных, так и у юных футболистов [15].

Физическая подготовка футболистов (педагогические исследования)

Значительная часть исследований посвящена вопросам подбора эффективных средств физической подготовки, отвечающих современным стандартам. Так, в исследовании испанских авторов Núñez F.J. et al. (2019), направленном на анализ тренировочных эффектов от применения 9-недельных силовых нагрузок с использованием инерционного устройства, указано на значительные приросты показателей мощности, скорости спринтерского бега у высококвалифицированных футболистов в результате дополнительных силовых тренировок [16]. Falces-Prieto M. et al. (2021), соглашаясь с необходимостью активизации силовой подготовки футболистов, провели исследование, посвященное подбору оптимального сочетания силовых нагрузок, сравнивая тренировочные эффекты применения силовой подготовки с ис-

пользованием внешних отягощений и без них [17]. Исследователи отмечают, что в разных экспериментах доказана эффективность применения таких средств силовой подготовки, как плиометрические упражнения, баллистические упражнения, тренировка с электростимуляцией, тренировка с эксцентрическим отягощением, сочетание разных средств силовой подготовки для футболистов разного уровня квалификации [16–18]. Однако для большинства этих методов необходимы дорогостоящее оборудование и инвентарь. Поэтому тренерам, особенно работающим с начинающими и юными футболистами, следует определить простые и экономичные ресурсы для реализации силовой подготовки, которая является одним из ключевых аспектов тренировочного процесса в современном футболе. Núñez F.J. et al. (2019) проведен эксперимент с участием 144 юных футболистов, разделенных на две подгруппы, в одной из которых применялись тренировки с использованием внешнего отягощения и специальных устройств (в условиях тренажерного зала), во второй – использовались силовые упражнения с весом собственного тела. Тренировки для развития силы проводились один раз в неделю в обеих подгруппах. Динамика силовых показателей отслеживалась по результатам выполнения скоростно-силовых тестов (прыжки вверх, отжимания, ускорения) с применением контактной платформы с программным обеспечением Chronojump.

Анализ результатов данного исследования позволил констатировать выраженные приросты силовых показателей, показателей скоростно-силовых способностей, аэробной выносливости, а также положительные изменения состава тела (в частности, прирост мышечной массы) в обеих группах испытуемых. Величина приростов несколько варьировала в разных выборках (более выражены приросты при силовых тренировках с отягощением), однако силовая тренировка как с отягощениями, так и без них была эффективной, если применялась в течение 15 недель. Авторы рекомендуют в подготовке юных футболистов, а также футболистов с ретардантным типом биологического созревания применять силовую тренировку без отягощений [16]. Такой подход рекомендуется применять и в футбольных клубах с ограниченным материальным обеспечением.

Отмечается также важность силовой подготовки футболистов в препубертатный период, что несколько противоречит российским подходам в данном вопросе, так как при подготовке юных футболистов в России, как правило, считается опасным акцентировать силовую подготовку, особенно с применением отягощений, в возрасте до наступления пубертатного периода.

Группой исследователей проведен анализ динамики показателей физической подготовленности в сезоне у элитных футболистов [19]. Данный анализ был направлен на выработку стратегии построения кондиционной подготовки спортсменов в этом виде спорта. Анализировались показатели скоростных, скоростно-силовых, силовых способностей, выносливости (бег 10, 30 м, разнонаправленные прыжки, величина усилия мышц бедра, йо-йо-тест и др.).

В ходе исследования выявлены показатели со стабильными характеристиками на разных этапах сезонной подготовки, а также показатели, значения которых снижаются, особенно в сравнении с периодом предсезонного уровня. В частности, отмечается, что результаты бега на 30 м сохраняются на должном уровне, однако в ускорениях на 10 м результаты тестирования снижаются по отношению к уровню предсезонной готовности. Была выявлена нисходящая сезонная динамика относительных силовых показателей.

Полученные сведения послужили основой для выработки направлений педагогической коррекции (акцентированная работа над скоростными показателями, развитием силы нижней части тела). Авторы рекомендуют тренерам по физической подготовке футбольных команд проводить отдельные структурированные силовые и кондиционные тренировки, а также использовать средства силовой и скоростной подготовки в рамках разминки перед тренировками на поле.

Наиболее эффективным вариантом авторы считают сочетание малоформатных игр с краткосрочными высокоинтенсивными беговыми упражнениями; такое воздействие позволит обеспечить не только скоростную направленность работы, но и развитие аэробной системы, а также технико-тактических навыков.

В [20] отражены интересные данные о взаимосвязях данного теста с другими показателями физической подготовленности, влияющими на успешность игрока. Тест с повторными ускорениями выбран в качестве основного, так как авторы считают его наиболее близким к типичным действиям футболиста во время игры. В исследовании участвовали юные игроки из академии английской Премьер-лиги (до 12 лет, $n = 8$; до 13 лет, $n = 11$; до 14 лет, $n = 15$; до 15 лет, $n = 6$; до 16 лет, $n = 10$; и до 18 лет, $n = 13$). В качестве основного показателя использовался тест на повторный спринт (8×30 -метровых ускорений с 30-секундным активным восстановлением), анализировались корреляции с результатами в других тестах, включая тест Yo-Yo, тест на ловкость, тест «прыжок с противодвижением руками», в дополнение к спринтам на 10 и 20 м по прямой.

Авторы выявили разные темпы изменения результата в основном тесте с повторными ускорениями 8×30 м, в возрасте от 15 до 16 лет отмечена стабилизация показателя. Результат в основном тесте коррелирует с несколькими физическими качествами, решающими для соревновательного футбола (ловкость, скорость, мощность и аэробная выносливость), однако величина коэффициентов корреляции различна (наиболее тесные связи выявлены с показателями ловкости и результатом в беге на 10 и 20 м).

Психофизические показатели футболистов на разных этапах подготовки (психологические и психофизиологические исследования)

В исследовании испанских ученых, направленном на изучение психофизиологических факторов в ходе

сезонной спортивной подготовки футболисток высокой квалификации (средний возраст на момент обследования $26,4 \pm 3,7$ года), определены маркеры выраженного психофизиологического стресса [21]. Исследователи анализировали корреляции между субъективными показателями, характеризующими самочувствие спортсмена (настроение, активность, самочувствие), и биохимическими факторами стрессовой реакции (по показателям концентрации тестостерона и кортизола в слюне, концентрации креатинкиназы в крови), а также показателями variability сердечного ритма. Выявлена интересная зависимость между концентрацией тестостерона и кортизола в слюне и показателями настроения (за исключением бодрости), а также между концентрацией кортизола и выраженным напряжением, срывом настроения, проявлением замешательства, спутанности сознания (коэффициенты корреляции варьируют в диапазоне 0,54–0,60). Это позволило авторам сделать заключение о том, что концентрация кортизола является маркером выраженности психофизиологического стресса. Также эти исследователи выявили значительное снижение уровня настроения спортсменов (увеличение шкал отрицательного настроения) после 7 недель предсезонной подготовки, что свидетельствует о сниженной психофизиологической устойчивости к интенсивным, объемным нагрузкам. Авторы отмечают, что перспективой использования полученных данных для тренеров и исследователей является разработка, мониторинг и контроль программ тренировок (в частности, в течение предсезонного периода).

Совместное исследование группы иранских и турецких ученых (представителей кафедры физиологии физических упражнений, Центральный Тегеранский филиал, Исламский университет Азад, Тегеран, а также представителей Школы здорового воспитания и спорта, Эгейский университет, Измир, Турция) было направлено на изучение динамики субъективных показателей самочувствия футболистов в возрасте 25 лет под влиянием нагрузок разного характера (высокоинтенсивные, аэробные, анаэробно-аэробные). Целью данного исследования являлось структурирование и оптимизация нагрузок футболистов в предсезонный период [22]. Авторы делают заключение, что в меньшей степени выражены негативные проявления в самочувствии, настроении, активности, работоспособности футболистов после кратковременных высокоинтенсивных нагрузок анаэробно-аэробного характера в сравнении с объемными низкоинтенсивными нагрузками на развитие выносливости.

Исследование D. Wilczyńska et al. (2021), проведенное коллективом исследователей разных стран (Гданьский университет физической культуры и спорта, Университет Казимира Великого, Польша; Мельбурнский университет, Австралия; Шаньдунский университет, Китай), направлено на анализ психомоторных показателей юных футболистов и гимнастов [23]. Авторы исследовали влияние уровня психологических знаний тренера на показатели психологического и психомоторного статуса спортсменов. В частности, анализировались показатели тревожности,

стресса, мотивации, психомоторных реакций и др. у юных футболистов двух разных выборок; в одной группе тренер посещал специальные семинары и тренинги психологической направленности, в другой – нет. Выявлен неоднозначный характер результатов, обусловленный сложностью стандартизации условий (различия личностных черт разных тренеров, спортсменов, условий тренировочного процесса). Однако по ряду психофизических параметров более высокие показатели отмечены в выборке спортсменов, тренер которых занимался саморазвитием в отношении психологических знаний, умений и навыков регуляции состояния (собственного и спортсменов), взаимодействия в системе тренер–воспитанник.

Критерии отбора талантливых футболистов и маркеры соревновательной результативности (комплексные исследования)

Ряд научных публикаций посвящен проблеме поиска и отбора талантливых игроков, что является важной проблемой при комплектовании сборных команд различного уровня [24–26]. Так, в статье R.S. Wilson et al. (2021) изложены результаты разработки протокола оценки результативности и надежности игрока, что позволяет использовать предложенную авторами формулу при рассмотрении потенциальных кандидатов в команду [24]. Авторы предлагают следующий алгоритм действий: для каждой группы игроков необходимо сыграть серию игр 3 на 3, в которых футболисты методом случайного подбора распределены в новые команды и против новых противников для каждой игры. Учитывается среднее количество забитых каждым игроком голов, количество голов, забитых товарищами по команде, пропущенных голов и чистых командных голов за игру.

Предложенный метод проверен исследователями на надежность (коэффициенты корреляции 0,57–0,69). В результате использования разработанной формулы можно получить информацию о личной результативности игрока и о вкладе игрока в командную производительность.

В публикации A. Ali (2011) рассматривается информативность и надежность различных тестов, используемых для оценки специальных навыков футболиста при поиске одаренных игроков [25]. Автор указывает, что такие тесты обязательно должны включать в себя основные элементы, характеризующие навыки передачи мяча, передвижения, удара по воротам. Игроки должны применять когнитивные, перцептивные и двигательные навыки в быстро меняющихся ситуациях, в связи с чем попытки оценить эти навыки предпринимались многочисленными исследователями и практиками. Однако автор указывает, что тесты должны подбираться в зависимости от возможностей (временных и материальных), цели тестирования, возраста и численности испытуемых.

В противовес мнению данных авторов, группа исследователей (R. Sieghartsleitner, C. Zuber, M. Zibung, A. Conzelmann) из Института спортивных наук Бернского университета (Швейцария) указывает на одно-

бокость подходов, существующих в практике отбора футболистов [26]. В частности, авторы отмечают, что чаще всего для отбора перспективных игроков используется один из двух подходов – прогнозирование успешности на основе анализа результатов двигательных тестов либо опора на экспертное мнение тренера. Исследователи настаивают на необходимости комплексной оценки более широкого круга показателей, включая функциональное состояние, показатели психологических особенностей в совокупности с результатами двигательных тестов и экспертной оценки тренера при отборе одаренных футболистов.

Заключение ученых базируется на достоверных данных исследования, проведенного с участием 117 футболистов в возрасте до 14 лет и на отслеживании результатов прогноза через 5 лет. Выявлено, что прогнозы успешности, сделанные на основе анализа физической подготовленности спортсмена по ряду тестов, оказались неточными в подавляющем большинстве случаев (низкая прогностическая достоверность, $r = 0,75$). Тогда как прогнозирование будущей успешности на основе интегральной (комбинированной) оценки функционального состояния, морфологических параметров, показателей физической подготовленности, психологических особенностей и компетентного мнения тренеров показало высокий процент точности и совпадения ($r = 0,93$).

Схожую проблему рассматривают немецкие ученые O. Höner, D. Murr, P. Larkin, R. Schreiner, D. Leyhr (2021), которые провели масштабное исследование с целью анализа информативности девяти разных предикторов будущей успешности футболиста [27]. В данном исследовании приняли участие игроки мужского пола ($N = 13\ 869$ чел.; $M_{\text{возраст}} = 12,59 \pm 1,07$ года) из возрастных групп от 12 до 15 лет немецкой программы развития футбольных талантов. В качестве предикторов одаренности рассматривались объективные показатели физической подготовленности (спринт, ловкость, дриблинг, контроль мяча, жонглирование) и субъективные (экспертная оценка тренерами навыков удара ногой, выносливости, индивидуальных тактических навыков, психосоциальных навыков). Репрезентативная выборка и длительность проведенного исследования позволили оценить надежность каждого показателя в отношении прогностической ценности при отборе талантливых футболистов. Точность прогноза оценивалась спустя три сезона по показателям успешности игроков (в частности, попадание / непопадание в профессиональную молодежную академию). Выявлено, что по всем 9 предикторам успешные игроки превосходят показатели неуспешных игроков (кроме показателей ловкости). Тактические навыки, навыки ударов ногами и спринт имели наибольшую прогностическую ценность в каждой возрастной группе. Наибольшую точность показал один из трех вариантов рассматриваемых моделей прогноза успешности, который сочетал анализ тактических навыков, навыков ударов ногами и спринта.

В статье Peña-González I. et al. (2021) представлен анализ зависимости возраста футболистов в сопостав-

лении с показателями соревновательного уровня, полевой позиции игрока, уровня физической подготовленности и антропометрических параметров [28]. В исследовании принимали участие 203 игрока в возрасте 14–15 лет, для тестирования физических кондиций использован прыжковый тест с противодействием, спринт 30 м и тест Йо-Йо. Были выявлены достоверно значимые различия между морфологическими и морфофункциональными показателями игроков и показателями физической подготовленности у футболистов разного соревновательного уровня и разных полевых позиций (вне зависимости от возраста). Хотя на более значительных соревнованиях принимала участие большая часть футболистов более старшего возраста. Авторы делают заключение, что различия в уровне функциональной готовности футболистов обусловлены не возрастом, а уровнем конкуренции. Этот вывод может использоваться при комплектовании команд для участия в соревнованиях. По мнению авторов, вопрос о возрастных предпочтениях при отборе игроков на разные полевые позиции остается открытым и требует дополнительных исследований.

C.F. Murtagh at al. (2018) предлагают использовать в качестве маркера будущей успешности футболиста оценку биомеханических и физиологических характеристик коленного сухожилия. В частности, авторы провели исследование, позволившее выявить взаимосвязь между результативностью прыжковых тестов (разнонаправленные прыжки) и эластичностью сухожилий коленного сустава. Определено, что более «податливое» сухожилие позволяет обеспечивать высокую амплитуду движений игрока [29].

В публикации испанских исследователей A. Díez at al. (2021) описано масштабное наблюдение, целью которого было прослеживание зависимости успешности матча от объема двигательных действий во время игры, позиции игрока, статуса матча, места проведения матча, физических кондиций футболиста и многих других характеристик [30]. Исследование проведено с участием игроков второго дивизиона Испании (профессиональные элитные футболисты), носит наблюдательный характер (лонгитюдный), наблюдения велись ежедневно. В течение длительного времени авторы пытались отследить и выявить факторы, которые обеспечивают успешность игры. Мониторинг двигательных действий проводился с использованием устройств GPS. Устройство помещалось в регулируемый непрозрачный жилет, в задний карман, расположенный в верхней части спины, между лопатками. Фиксировались общая дистанция бега, время бега со средней скоростью, время бега с ускорением, количество ускорений и замедлений бега и др. Технические действия фиксировались с применением программного обеспечения для видеонализа. Ученые пришли к заключению, что в большей степени на успешность команды влияет уровень технико-тактических действий, а не показатели физических кондиций. Общее время бега в игре не оказывает существенного влияния на победу в матче, тогда как время ускорений выше у команд-победителей. Голевых моментов больше у команды, играющей на домашнем поле.

Заключение

Проведенный анализ направленности и содержания научных публикаций зарубежных исследователей позволяет отметить значительное количество серьезных исследовательских работ, выполненных коллективами авторов – специалистов в разных областях спортивной науки (педагогических, физиологических, психологических, биомеханических), что обеспечивает комплексный подход к разработке научно-методического обеспечения в футболе. Подавляющее большинство исследований проведено с использованием современной аппаратуры, позволяющей получить объективные характеристики параметров функционального состояния, биомеханических и физических показателей выполнения движений, что свидетельствует о высоком уровне обеспечения научно-исследовательской деятельности в сфере подготовки юных и высококвалифицированных футболистов. Об этом же свидетельствует и общее количество публикаций (частота встречаемости статей по проблемам подготовки футболистов в различных зарубежных научных журналах).

Значительное количество публикаций связано с медико-биологическим обеспечением подготовки футболистов высокой квалификации и футболистов подросткового возраста – кандидатов для футбольных академий разных стран. Тогда как отечественные исследования в сфере футбола связаны преимущественно с технико-тактическими аспектами и физической подготовкой юных футболистов. Можно отметить, что большинство исследований, результаты которых отражены в публикациях иностранных авторов, проведено с использованием аппаратных методик и сложного оборудования, что позволяет мониторить биомеханические характеристики, величину усилия, мощность работы, отслеживать количественные

показатели объема разных действий, расстояний, преодоленных футболистом во время перемещений в игре, показатели функционального состояния игрока, биохимические изменения.

Обобщение содержания зарубежных научных публикаций позволило определить пути дальнейшего научно-методического обеспечения для оптимизации процесса подготовки в российском футболе:

– в аспекте *технико-тактической подготовки*: расширение внедрения методов биомеханического анализа движений; стандартизация диагностических процедур для оценки специальной подготовленности футболиста;

– в аспекте *физической подготовки*: обоснование модельных характеристик физической готовности спортсмена в соответствии с современными реалиями футбола; индивидуализация физической подготовки на основе выявления слабых сторон подготовленности по ведущим двигательным качествам; усиление контроля переносимости предъявляемых нагрузок; интеграция деятельности тренера в совместной работе с медицинским и/или научным сотрудником, компетентным в вопросах физиологического и медико-биологического профиля;

– в аспекте *медико-биологического обеспечения подготовки*: детальный анализ функциональной готовности спортсмена и процессов восстановления; усиление контроля психологических и психомоторных компонентов подготовки; учет индивидуально-типологических особенностей и поиск благоприятного сочетания индивидуально-типологических признаков для отбора одаренных игроков; расширение информации о способах учета биологической зрелости юных футболистов;

– использование интегрального подхода в оценке перспективности футболиста на всех этапах многолетней спортивной подготовки.

Список источников

1. Rabbani A., Kargarfard M., Twist C. Fitness Monitoring in Elite Soccer Players: Group vs. Individual Analyses // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34, Is. 11. P. 3250–3257.
2. Freitas D.G.S., Pinto A., Oliveira Damasceno V., Freitas V.H., Miloski B., Filho M.G.B. Effects of the training on psychophysiological variables in soccer preseason // *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2014. Vol. 20 (1). P. 26–31.
3. Itoh R., Hirose N. Relationship Among Biological Maturation, Physical Characteristics, and Motor Abilities in Youth Elite Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34, Is. 2. P. 382–388.
4. Dodd K.D., Newans T.J. Talent identification for soccer: Physiological aspects // *Journal of Sports Science and Medicine*. 2018. № 21 (10). P. 1073–1078.
5. Trecroci A., Perri E., Lombardi G., Banfi G., Del Vescovo R.D., Rosa E.M., Alberti G., Iaia F.M. Perceptual and Biochemical Responses in Relation to Different Match-Day +2 Training Interventions in Soccer Players // *Frontiers in Physiology*. 2021. Vol. 12. Art. 685804. DOI: 10.3389/fphys.2021.685804
6. Bishop Ch., Read P., Bromley T., Brazier J., Jarvis P., Chavda Sh., Turner A. The Association Between Interlimb Asymmetry and Athletic Performance Tasks A Season-Long Study in Elite Academy Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. P. e215-e216.
7. Bishop Ch., Read P., Chavda Sh., Jarvis P., Brazier J., Bromley T., Turner A. Magnitude or Direction? Seasonal Variation of Interlimb Asymmetry in Elite Academy Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. P. e207.
8. Bishop Ch., Abbott W., Brashill C., Turner A., Lake J., Read P. Bilateral vs. Unilateral Countermovement Jumps Comparing the Magnitude and Direction of Asymmetry in Elite Academy Soccer Player // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. DOI: 10.1519/JSC.00000000000003679
9. Bishop Ch., Read P., McCubbine J., Turner A. Vertical and Horizontal Asymmetries Are Related to Slower Sprinting and Jump Performance in Elite Youth Female Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2021. Vol. 35, Is. 1. P. 56–63.
10. Stern D., Gonzalo-Skok O., Loturco I., Turner A., Bishop Ch. A Comparison of Bilateral vs. Unilateral-Biased Strength and Power Training Interventions on Measures of Physical Performance in Elite Youth Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34, Is. 8. P. 2105–2111.
11. Nimphius S., McGuigan M., Newton R. Relationship between strength, power, speed, and change of direction performance of female softball players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2010. № 24. P. 885–895.

12. Gonzalo-Skok O., Tous-Fajardo J., Suarez-Arrones L., et al. Single-leg power output and between-limbs Imbalances in team-sport players: Unilateral versus bilateral combined resistance training // *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2017. № 12. P. 106–114.
13. Bogdanis G., Tsoukos A., Kaloheri O., et al. Comparison between unilateral and bilateral plyometric training on single and double leg jumping performance and strength // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2019. № 33. P. 633–640.
14. Gardasevic J., Bjelica D., Vasiljevic I., Masanovic B. Differences in body composition between young soccer players (U19) members of the best soccer clubs in Serbia, Bosnia and Herzegovina, and North Macedonia // *Pedagogy of Physical Culture and Sports*. 2020. № 24. P. 175–180.
15. Nobari H., Ruivo-Alves A., Clemente F.M., Pérez-Gómez J., Clark C., Granacher U., et al. Associations between variations in accumulated workload and physiological variables in young male soccer players over the course of a season // *Frontiers in Physiology*. 2021. Vol. 18. Art. 638180. DOI: 10.3389/fphys.2021.638180
16. Núñez F.J., De Hoyo M., López A.M., Sañudo B., Otero-Esquina C., Sánchez H., et al. Eccentric-concentric ratio: a key factor for defining strength training in soccer // *International Journal of Sports Medicine*. 2019. № 40. P. 796–802.
17. Falces-Prieto M., Sáez de Villarreal-Sáez E., Raya-González J., González-Fernández F.T., Clemente F.M., Badicu G., Murawska-Ciałowicz E. The Differentiate Effects of Resistance Training With or Without External Load on Young Soccer Players' Performance and Body Composition // *Frontiers in Physiology*. 2021. № 12. Art. 771684. DOI: 10.3389/fphys.2021.771684
18. de Hoyo M., Gonzalo-Skok O., Sañudo B., Carrascal C., Plaza-Armas J.R., Camacho-Candil F., Otero-Esquina C.J. Comparative Effects of In-Season Full-Back Squat, Resisted Sprint Training, and Plyometric Training on Explosive Performance in U-19 Elite Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2016. № 30 (2). P. 368-377.
19. Emmonds S., Sawczuk T., Scantlebury S., Till K., Jones B. Seasonal Changes in the Physical Performance of Elite Youth Female Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34, Is. 9. P. 2636–2643.
20. Di Mascio M., Ade J., Musham C., Girard O., Bradley P.S. Soccer-Specific Reactive Repeated-Sprint Ability in Elite Youth Soccer Players: Maturation Trends and Association With Various Physical Performance Tests // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34, Is. 12. P. 3538–3545.
21. Botelho R., Abad C.C.C., Spadari R.C., Winckler C., Garcia M.C., Guerra R.L.F. Psychophysiological Stress Markers During Preseason Among Elite Female Soccer Players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. DOI: 10.1519/JSC.0000000000003702
22. Beykzade P., Farzanegi P., Beykzade H., et al. Monitoring of the pre-season preparatory training by the mood profile and physical performance in the male soccer players // *Research Sport Science*. 2011. P. 11–18.
23. Wilczyńska D., Łysak-Radomska A., Podczarska-Głowacka M., Skrobot W., Krasowska K., Perzanowska E., Danczewicz T., Lipińska P., Hopkins W.G. The Effectiveness of Psychological Workshops for Coaches on Well-Being and Psychomotor Performance of Children Practicing Football and Gymnastics // *Journal of Sports Science and Medicine*. 2021. Vol. 20. P. 586–593.
24. Wilson R.S., Hunter A.H., Camata T.V., Foster C.S.P., Sparkes G.R., Moura F.A., Santiago P.R.P., Smith N.M.A. Simple and reliable protocol for identifying talented junior players in team sports using small-sided games // *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 2021. № 31 (8). P. 1647–1656.
25. Ali A. Measuring soccer skill performance: a review // *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 2011. № 21. P. 170–183.
26. Sieghartsleitner R., Zuber C., Zibung M., Conzelmann A. Science or Coaches' Eye? - Both! Beneficial Collaboration of Multidimensional Measurements and Coach Assessments for Efficient Talent Selection in Elite Youth Football // *Journal of Sports Science and Medicine*. 2019. № 18 (1). P. 32–43.
27. Höner O., Murr D., Larkin P., Schreiner R., Leyhr D. Nationwide Subjective and Objective Assessments of Potential Talent Predictors in Elite Youth Soccer: An Investigation of Prognostic Validity in a Prospective Study // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2021. Vol 28 (3). Art. 638227.
28. Peña-González I., Javaloyes A., Sarabia J.M., Moya-Ramón M. Relative age-related differences between different competitive levels and field positions in young soccer players // *Research in Sports Medicine*. 2021. Vol. 29 (3). P. 254–264.
29. Murtagh C.F., Stubbs M., Vanrenterghem J., O'Boyle A., Morgans R., Drust B., Erskine R.M. Patellar tendon properties distinguish elite from non-elite soccer players and are related to peak horizontal but not vertical power // *European Journal of Applied Physiology*. 2018. Vol. 118 (8). P. 1737–1749.
30. Díez A., Lozano D., Arjol-Serrano J.L., et al. Influence of contextual factors on physical demands and technical-tactical actions regarding playing position in professional soccer players // *BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation*. 2021. № 13 (157). DOI: 10.1186/s13102-021-00386-x

References

1. Rabbani, A., Kargarfard, M. & Twist, C. (2020) Fitness Monitoring in Elite Soccer Players: Group vs. Individual Analyses. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 34 (11). pp. 3250–3257.
2. Freitas, D.G.S. et al. (2014) Effects of the training on psychophysiological variables in soccer preseason. *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 20 (1). pp. 26–31.
3. Itoh, R. & Hirose, N. (2020) Relationship Among Biological Maturation, Physical Characteristics, and Motor Abilities in Youth Elite Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 34 (2). pp. 382–388.
4. Dodd, K.D. & Newans, T.J. (2018) Talent identification for soccer: Physiological aspects. *Journal of Sports Science and Medicine*. 21 (10). pp. 1073–1078.
5. Trencroci, A. et al. (2021) Perceptual and Biochemical Responses in Relation to Different Match-Day +2 Training Interventions in Soccer Players. *Frontiers in Physiology*. 12. Art. 685804. DOI: 10.3389/fphys.2021.685804
6. Bishop, Ch. et al. (2022) The Association Between Interlimb Asymmetry and Athletic Performance Tasks A Season-Long Study in Elite Academy Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 36 (3). pp. 787–795. doi: 10.1519/JSC.0000000000003526
7. Bishop, Ch. et al. (2022) Magnitude or Direction? Seasonal Variation of Interlimb Asymmetry in Elite Academy Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 36 (4). pp. 1031–1037. DOI: 10.1519/JSC.0000000000003565
8. Bishop, Ch. et al. (2020) Bilateral vs. Unilateral Countermovement Jumps Comparing the Magnitude and Direction of Asymmetry in Elite Academy Soccer Player. *Journal of Strength and Conditioning Research*. DOI: 10.1519/JSC.0000000000003679
9. Bishop, Ch., Read, P., McCubbine, J. & Turner, A. (2021) Vertical and Horizontal Asymmetries Are Related to Slower Sprinting and Jump Performance in Elite Youth Female Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 35 (1). pp. 56–63.
10. Stern, D., Gonzalo-Skok, O., Loturco, I., Turner, A. & Bishop, Ch. (2020) A Comparison of Bilateral vs. Unilateral-Biased Strength and Power Training Interventions on Measures of Physical Performance in Elite Youth Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 34 (8). pp. 2105–2111.
11. Nimphius, S., McGuigan, M. & Newton, R. (2010) Relationship between strength, power, speed, and change of direction performance of female softball players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 24. pp. 885–895.
12. Gonzalo-Skok, O. et al. (2017) Single-leg power output and between-limbs Imbalances in team-sport players: Unilateral versus bilateral combined resistance training. *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 12. pp. 106–114.

13. Bogdanis, G. et al. (2019) Comparison between unilateral and bilateral plyometric training on single and double leg jumping performance and strength. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 33. pp. 633–640.
14. Gardasevic, J., Bjelica, D., Vasiljevic, I. & Masanovic, B. (2020) Differences in body composition between young soccer players (U19) members of the best soccer clubs in Serbia, Bosnia and Herzegovina, and North Macedonia. *Pedagogy of Physical Culture and Sports*. 24. pp. 175–180.
15. Nobari, H. et al. (2021) Associations between variations in accumulated workload and physiological variables in young male soccer players over the course of a season. *Frontiers in Physiology*. 18. Art. 638180. DOI: 10.3389/fphys.2021.638180
16. Núñez, F.J. et al. (2019) Eccentric-concentric ratio: a key factor for defining strength training in soccer. *International Journal of Sports Medicine*. 40. pp. 796–802.
17. Falces-Prieto, M. et al. (2021) The Differentiate Effects of Resistance Training With or Without External Load on Young Soccer Players' Performance and Body Composition. *Frontiers in Physiology*. 12. Art. 771684. DOI: 10.3389/fphys.2021.771684
18. de Hoyo, M. et al. (2016) Comparative Effects of In-Season Full-Back Squat, Resisted Sprint Training, and Plyometric Training on Explosive Performance in U-19 Elite Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 30 (2). pp. 368–377.
19. Emmonds, S. et al. (2020) Seasonal Changes in the Physical Performance of Elite Youth Female Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 34 (9). pp. 2636–2643.
20. Di Mascio, M. et al. (2021) Soccer-Specific Reactive Repeated-Sprint Ability in Elite Youth Soccer Players: Maturation Trends and Association With Various Physical Performance Tests. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 34 (12). pp. 3538–3545.
21. Botelho, R. et al. (2020) Psychophysiological Stress Markers During Preseason Among Elite Female Soccer Players. *Journal of Strength and Conditioning Research*. DOI: 10.1519/JSC.0000000000003702
22. Beykzade, P. et al. (2011) Monitoring of the pre-season preparatory training by the mood profile and physical performance in the male soccer players. *Research Sport Science*. August. pp. 11–18.
23. Wilczyńska, D. et al. (2021) The Effectiveness of Psychological Workshops for Coaches on Well-Being and Psychomotor Performance of Children Practicing Football and Gymnastics. *Journal of Sports Science and Medicine*. 20. pp. 586–593.
24. Wilson, R.S. et al. (2021) Simple and reliable protocol for identifying talented junior players in team sports using small-sided games. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 31 (8). pp. 1647–1656.
25. Ali, A. (2011) Measuring soccer skill performance: a review. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 21. pp. 170–183.
26. Sieghartsleitner, R., Zuber, C., Zibung, M. & Conzelmann, A. (2019) Science or Coaches' Eye? – Both! Beneficial Collaboration of Multidimensional Measurements and Coach Assessments for Efficient Talent Selection in Elite Youth Football. *Journal of Sports Science and Medicine*. 18 (1). pp. 32–43.
27. Höner, O., Murr, D., Larkin, P., Schreiner, R. & Leyhr, D. (2021) Nationwide Subjective and Objective Assessments of Potential Talent Predictors in Elite Youth Soccer: An Investigation of Prognostic Validity in a Prospective Study. *Frontiers in Sports and Active Living*. 28 (3). Art. 638227.
28. Peña-González, I., Javaloyes, A., Sarabia, J.M. & Moya-Ramón, M. (2021) Relative age-related differences between different competitive levels and field positions in young soccer players. *Research in Sports Medicine*. 29 (3). pp. 254–264.
29. Murtagh, C.F. et al. (2018) Patellar tendon properties distinguish elite from non-elite soccer players and are related to peak horizontal but not vertical power. *European Journal of Applied Physiology*. 118 (8). pp. 1737–1749.
30. Díez, A. et al. (2021) Influence of contextual factors on physical demands and technical-tactical actions regarding playing position in professional soccer players. *BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation*. 13 (157). DOI: 10.1186/s13102-021-00386-x

Информация об авторах:

Горская И.Ю. – д-р пед. наук, профессор кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия). E-mail: mbofkis@mail.ru

Баймаков Г.С. – аспирант кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия). E-mail: mbofkis@mail.ru

Аверьянов И.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Московского государственного технического университета им. Баумана (Москва, Россия). E-mail: iaveryanov@bmtu.ru

Мироненко Е.Н. – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физического воспитания и спорта Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: fvs-omgups@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.Yu. Gorskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: mbofkis@mail.ru

G.S. Baimakov, postgraduate student, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: mbofkis@mail.ru

I.V. Averyanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: iaveryanov@bmtu.ru

E.N. Mironenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fvs-omgups@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 28.02.2022;
approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 378.14, 796.011.3
doi: 10.17223/15617793/483/20

Комплекс специальных упражнений для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей

Юлия Аркадьевна Дубровская¹, Геннадий Викторович Руденко²,
Леонид Валентинович Пихконен³

^{1, 2} Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

³ ООО «ПетроРемСтрой», Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3} DubrovskayaY-A@mail.ru

Аннотация. Обоснована необходимость использования адаптированного комплекса специальных упражнений для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей; описана методика реализации данного комплекса в рамках дисциплины (модуля) по физической культуре и спорту и имеющегося стандартного оборудования спортивных залов вузов; показана динамика роста силовой подготовленности обучающихся.

Ключевые слова: физическая подготовка, профессиональная подготовка горноспасателей, физические упражнения, горный инженер, горноспасатель

Для цитирования: Дубровская Ю.А., Руденко Г.В., Пихконен Л.В. Комплекс специальных упражнений для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 175–182. doi: 10.17223/15617793/483/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/20

A set of special exercises for the formation of professionally significant physical qualities of mine rescuers

Yulia A. Dubrovskaya¹, Gennady V. Rudenko², Leonid V. Pikhkonen³

^{1, 2} Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation

³ PetroRemStroy, LLC, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2, 3} DubrovskayaY-A@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to describe the methodology for applying an adapted set of training exercises for the formation of professionally significant physical qualities of mine rescuers, using standard equipment of sports halls of universities as part of practical classes in physical culture and sports. Based on the analysis of the current standards for the physical training of mine rescuers and the six-year experience of practical training of students in the Mining specialty, the Technological Safety and Mine Rescue focus (profile) from 2013 to 2018, on simulators in paramilitary mine rescue teams, we selected elements of special physical exercises, which, without any difficulties, can be included in the general set of exercises in the disciplines (modules) of physical culture and sports in all courses of study in the above or related specialties. Based on the results of the experiment, we made the following conclusions. The work of mine rescuers is unique in its physical requirements. They must have a high level of fitness in order to perform professional tasks with high quality and intensity over a relatively long period compared to other emergency services. The physical readiness of mine rescuers should include the following professionally significant and specific physical and psychophysical qualities: speed of reaction; coordination and reflex dexterity; flexibility; power static endurance; dynamic indicators of the body; accuracy of movements; muscle strength; motor reaction; overcoming fear of heights, fear of closed space; psychophysical stability and survival in extreme conditions. These qualities must be formed and developed in the process of regular training and special exercises, starting from the first year, as part of the educational process in the disciplines of physical culture and sports, and elective disciplines in physical culture and sports. The effectiveness of the set of special exercises in physical culture and sports for the formation and development of professionally significant skills of mining engineers-rescuers was experimentally proven. Specialized physical training in the sports hall of the university will lay the foundation for the formation of professionally significant qualities of a mine rescuer, form an understanding of the importance of their development, and help to determine the functional reserves of the body for the effective implementation of tasks in extreme situations.

Keywords: physical training, professional training of mine rescuers, physical exercise, mining engineer, mine rescuer

For citation: Dubrovskaya, Yu.A., Rudenko, G.V. & Pikhkonen, L.V. (2022) A set of special exercises for the formation of professionally significant physical qualities of mine rescuers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 175–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/20

Введение

Высшие технические образовательные учреждения России, реализующие программы подготовки специалистов для объектов минерально-сырьевого комплекса, в наибольшей степени заинтересованы в скорейшей адаптации выпускников к работе в реальных условиях горных предприятий. Увеличение интенсивности извлечения полезных ископаемых, большие глубины добычи, выделение опасных газов, внезапные изменения горного давления определили необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов по специальности 21.05.04 «Горное дело», направленность (профиль) «Технологическая безопасность и горноспасательное дело» с иным подходом к обучению по дисциплинам физической культуры и спорта.

В рамках вузовской подготовки по специальности «Горное дело» направленность (профиль) «Технологическая безопасность и горноспасательное дело» будущим специалистам необходимо дать знания, сформировать умения и навыки для решения комплекса задач в области промышленной безопасности: оказание первой помощи, поиск и спасение людей на объектах ведения горных работ, нормативное регулирование, предупреждение, прогнозирование и минимизация последствий чрезвычайных ситуаций на объектах по добыче (переработке) угля, горючих сланцев, рудных, нерудных, россыпных месторождений полезных ископаемых. Подготовка таких специалистов должна иметь прочный теоретический фундамент – изучение дисциплин в области горного дела, качественная практическая подготовка в условиях учебных комбинатов, и усиление физической подготовленности с целью сформировать профессионально значимые качества будущих горных инженеров-спасателей [1].

Работа горноспасателя, в отличие от подавляющего большинства профессий горно-геологических специальностей, связана с постоянным риском для жизни и здоровья, с работой в экстремальных условиях при ликвидации аварийных и нестандартных ситуаций, поэтому к физической подготовленности выпускников предъявляются особые требования. Выпускник направления «Технологическая безопасность и горноспасательное дело» должен быть готов к физическим и психологическим нагрузкам, связанным с эмоциональной напряженностью при выполнении спасательных работ в условиях, не пригодных для дыхания; для работы в стесненных условиях горизонтальных, наклонных и вертикальных горных выработок, взрывоопасной и пожароопасной окружающей среде; для работы в условиях ограниченной видимости, высоких температур и влажности; в условиях обрушения горной массы; обладать навыками и физическими возможностями эвакуации пострадавших; ведения горноспасательных работ при затоплении выработок во-

дой; оказанию первой доврачебной помощи пострадавшим [2]. Для выполнения сложных профессиональных задач обучающимся необходима особая физическая подготовка [3]. Мы определили ее как «специализированная физическая подготовка» будущих горных инженеров-спасателей.

Например, деятельность по тушению пожара в результате взрыва в шахте включает в себя напряженную физическую работу, которая выполняется в агрессивной, не пригодной для дыхания среде. Известно, что сочетание физической активности в спецодежде с полной экипировкой для проведения спасательной операции, термическое тепловое напряжение приводят к повышенному физиологическому и психологическому стрессу [4]. В статье используется термин «специализированная физическая подготовка», т.е. подготовка, предполагающая использование специфических, применяемых только при подготовке студентов, обучающихся по направленности «Технологическая безопасность и горноспасательное дело», профессионально направленных физических упражнений.

В вузах задачу физической подготовки решают дисциплины (модуль) физическая культура и спорт. Эта практика неприемлема для обучения специалистов по горно-геологическим специальностям в силу особых требований к физической и психологической подготовке будущих специалистов. Высокая физическая подготовка значительно снижает потребление кислорода на тканевом уровне [5], поэтому требуется введение в курс физической подготовки, начиная с первого года обучения, специализированного комплекса адаптированных специализированных упражнений.

Вопрос о совершенствовании процесса физической подготовки студентов горных специальностей стал активно изучаться с начала 70-х гг. XX в. Основателем этого направления стал Н.Н. Шабалкин [6]. Его идеи получили развитие в работах В.А. Чистякова, Г.В. Руденко, В.М. Фатькина, Н.Н. Кладкина, В.Н. Богачева [7–10].

Наш опыт подготовки инженеров-горноспасателей показал, что для работы в условиях сложного горного производства на объектах минерально-сырьевого комплекса все физические качества необходимо развивать в комплексе. Следует отметить, что в научной литературе вопросам обоснования внедрения адаптированных упражнений для горноспасателей в образовательный процесс посредством физической культуры и спорта уделено крайне мало внимания. Целью освоения дисциплин (модуля) по физической культуре и спорту является развитие физических качеств и способностей, совершенствование функциональных возможностей организма, укрепление здоровья обучающихся. Традиционный подход к системе физической подготовки не отвечает требованиям производства к будущему специалисту. Необходимы качественные изменения в структуре и содержании программ по физической

культуре и спорту. Для горноспасателей занятия должны быть направлены на развитие и совершенствование всех систем и функций организма с акцентом на тренировку сердечно-сосудистой системы [11], на развитие двигательных умений и навыков; воспитание волевых качеств; на обеспечение работоспособности и готовности к динамической работе, на осознанную потребность в систематических занятиях физическими упражнениями и устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни.

Среди задач программы физической подготовки необходимо отметить особо значимые, напрямую касающиеся деятельности горноспасателей: формирование навыка ориентировки собственного тела в пространстве; укрепление и развитие сердечно-сосудистой и дыхательной систем; развитие двигательных качеств: быстрота, гибкость, ловкость, выносливость, мышечная сила; преодоление страха высоты, преодоление страха замкнутого пространства, панических атак, нарушение координации движений, завышение или занижение самооценки. В условиях шахты все операции, применяемые горноспасателями на поверхности, значительно усложняются и приобретают экстремальный характер. Кроме мышечной силы и выносливости, необходимо в рамках физической культуры и спорта развивать умение выдерживать психологические нагрузки, связанные с длительным нахождением спасателя в ограниченном пространстве, отсутствием освещения, наличием загазованности, задымления.

Цель исследования – описать методику применения адаптированного тренировочного комплекса упражнений для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей, используя стандартное оборудование спортивных залов вузов в рамках практических занятий по физической культуре и спорту.

Методы и организация исследования

На основе анализа действующих нормативов по физической подготовке горноспасателей и шестилетнего опыта практической подготовки студентов по специальности Горное дело направленность (профиль) «Технологическая безопасность и горноспасательное дело» с 2013 по 2018 г. на тренажерах в военизированных горноспасательных отрядах были выбраны элементы специальных физических упражнений, которые без особых трудностей можно включить в общий комплекс упражнений по дисциплинам (модулям) физической культуры и спорта на всех курсах обучения по вышеуказанной или смежной специальности. Предлагаемые упражнения имитируют некоторые простейшие физические приемы, применяемые при проведении спасательных работ, а также те упражнения, которые включены в тренировки специалистов аварийно-спасательных служб и формирований в учебных комбинатах, на шахтах и полигонах.

Проблемы физической подготовки появились после выезда студентов, завершивших второй курс обучения, на учебную практику в различные военизированные

горноспасательные подразделения, которые имеют свои учебные центры, оснащенные тренажерами и полигонами для регулярных тренировок действующего штатного состава спасателей, а также для подготовки и переподготовки нового кадрового состава. Несмотря на то, что в течение учебного года обучающиеся полностью выполняли стандартную программу общих физических упражнений, они оказались не готовы к значительным физическим нагрузкам в учебном центре, оборудованном специализированными тренажерами; тренировки были организованы в соответствии с методиками профессиональной подготовки горноспасателей.

Необходимо отметить, что организация тренировочного процесса на учебной базе подразделения военизированной горноспасательной части регламентирована Приказом ФГУП ВГСЧ, обязательным для всех подразделений Российской Федерации, занимающихся подготовкой и переподготовкой респираторщиков и руководителей подразделений профессиональных горноспасателей, задействованных на оперативной работе при возникновении чрезвычайных ситуаций [12]. Предписанные упражнения, проводимые на регулярной основе для всего списочного состава горноспасателей, оказались для студентов трудновыполнимыми. Для них была разработана специальная программа тренировок в облегченном варианте, позволяющая адаптировать неподготовленный организм к тяжелым физическим нагрузкам.

Вторая сложность, с которой мы столкнулись, заключалась в отсутствии у практикантов простейших профессиональных навыков, таких как транспортировка пострадавшего, передвижение по тесным выработкам с респиратором за спиной или попластунски с респиратором перед собой, работа на блочном динамометре с включенным респиратором в тепловой камере и др.

Тренировки в учебном центре делятся по степени тяжести на три вида: средней тяжести, тяжелые и очень тяжелые. Анализ комплекса таких тренировок показал, что некоторые из упражнений можно и нужно проводить до учебной и производственной практик в спортзале или на спортивной площадке вуза. Мы убедились в процессе эксперимента (период с 2013 по 2018 г.), что адаптированные физические занятия в спортзале с акцентом на выполнение упражнений, развивающих профессионально значимые физические качества будущих горноспасателей, значительно ускоряют и упрощают обучающимся процесс адаптации к тренировкам на специализированных тренажерах и в учебной шахте в рамках учебных и производственных практик. Поэтому в программу по физической культуре и спорту предлагаем ввести специальные упражнения, имитирующие некоторые простейшие физические приемы, применяемые в настоящее время при проведении горноспасательных работ и на тренировках аварийно-спасательных служб.

Рассмотрим тренировочные комплексы упражнений в учебных или обслуживаемых шахтах [12] (табл. 1).

Перечень типовых тренировочных упражнений для выполнения сотрудниками ВГСЧ в респираторах в учебной шахте и адаптированные упражнения для выполнения обучающимися в медицинских масках или строительных респираторах

Степень тяжести работы	Виды работ, в соответствии с Приказом № 912 от 09.12.2020 [12]	Имитационные упражнения в спортивном зале вуза
Средней тяжести	Ходьба по горизонтальным выработкам	Ходьба с рюкзаком весом 12 кг, имитирующим вес респиратора
	Спуск и подъем «пострадавшего» по вертикальной выработке с помощью лебедки.	Подъем «пострадавшего» на блоке, закрепленном на перекладине
Тяжелая	Возведение шлакоблочной или бетонной перемычки.	Перетаскивание гантелей и гирь по горизонтали и установка их на скамьи и столы
	Транспортировка «пострадавшего» на носилках по вертикальным, горизонтальным и наклонным выработкам	Транспортировка «пострадавшего» на носилках по периметру спортзала по горизонтальной поверхности и с препятствиями (маты, барьеры)
	Ходьба по наклонным выработкам	Ходьба с рюкзаком весом 12 кг, имитирующим вес респиратора, по гимнастическому бревну
	Движение по лестничному отделению шурфа	Подъем по шведской стенке с рюкзаком весом 12 кг, имитирующим вес респиратора
	Переноска груза по горизонтальным и наклонным выработкам	Перетаскивание гантелей и гирь по горизонтальной и наклонной лестнице, установленной у шведской стенки
	Применение ручной пилы	Работа с резиновым жгутом, амортизаторами или эспандерами
Очень тяжелая	Передвижение по тесным выработкам с респиратором за спиной	Передвижение с рюкзаком весом 12 кг, имитирующим вес респиратора, в лабиринтах и «змейке»
	Передвижение по тесным выработкам по-пластунски с респиратором перед собой	Передвижение в спортзале по-пластунски с рюкзаком весом 12 кг, имитирующим вес респиратора, перед собой под барьерами
	Работа на блочном динамометре в тепловой камере	Работа с резиновым жгутом, амортизаторами или эспандерами, привязанными к шведской стенке

Содержание имитационных адаптированных упражнений и упражнений в учебной шахте и на полигоне:

1. *Ходьба с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора: ходьба по горизонтальным выработкам.* На учебной и производственной практиках студенты в учебном центре работают на тренажерах в индивидуальных изолирующих дыхательных аппаратах (респираторах) массой около 12 кг. Для имитационной нагрузки достаточно нагрузить обычный рюкзак (например, песком) и выполнять все необходимые упражнения, указанные в табл. 1, не снимая его. Во время занятий рюкзак, как и респиратор, индивидуально подгоняется под студента. Интенсивность и продолжительность упражнения определяется рабочей программой по дисциплине (модулю) физическая культура и спорт, и рабочей программой по элективным дисциплинам по физической культуре и спорту.

2. *Подъем «пострадавшего» на блоке, закрепленном на перекладине: спуск и подъем «пострадавшего» по вертикальной выработке с помощью лебедки.* Это важное базовое упражнение для спасателей можно выполнять в спортзале, закрепив блок на перекладине. Небольшая высота перекладины и маты на полу позволят выполнять упражнения в безопасном режиме.

3. *Перетаскивание гантелей и гирь по горизонтали и установка их на скамьи и столы (возведение шлакоблочной или бетонной перемычки).* Легко реализуемое в спортзале или на спортивной площадке изометрическое упражнение на развитие силовых способностей для пассивного напряжения мышц для удержания груза на предплечьях и плечах и активного напряжения на перемещение на высоту гантелей и гирь.

4. *Транспортировка «пострадавшего» на носилках по периметру спортзала по горизонтальной поверхности и с препятствиями (маты, барьеры).* Транспортировка «пострадавшего» на носилках по вертикальным, горизонтальным и наклонным выработкам. Одно из важных упражнений для формирования и развития силовой выносливости спасателей, необходимой в их профессиональной деятельности. Группа из трех человек попеременно выполняет перемещение «пострадавшего» сначала по горизонтальной поверхности, затем через небольшие препятствия – маты, а затем – через барьеры или гимнастическое бревно, имитируя перенос «пострадавшего» через сходни конвейерного ствола, завалы. Упражнение нужно выполнять без носилок и с носилками. Задание можно усложнить перетаскиванием «пострадавшего» на одеяле вдвоем ползком по горизонтальной поверхности, имитируя стесненные условия выработки. На рис. 1 приведены схемы эвакуации пострадавших, которые могут быть включены в содержание имитационных адаптированных упражнений в общем комплексе упражнений по дисциплине физическая культура и спорт в любом спортзале высшего учебного заведения или на прилегающих к вузу спортплощадках.

5. *Ходьба с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора, по гимнастическому бревну: ходьба по наклонным выработкам.* В комплексе специальных упражнений есть элемент передвижения по подвешенному на цепях брусу со свободным перемещением. В спортзале можно использовать облегченный вариант развития координационных способностей в виде статической и динамической устойчивости передвижения по гимнастическому бревну или по рейке гимнастической скамейки.

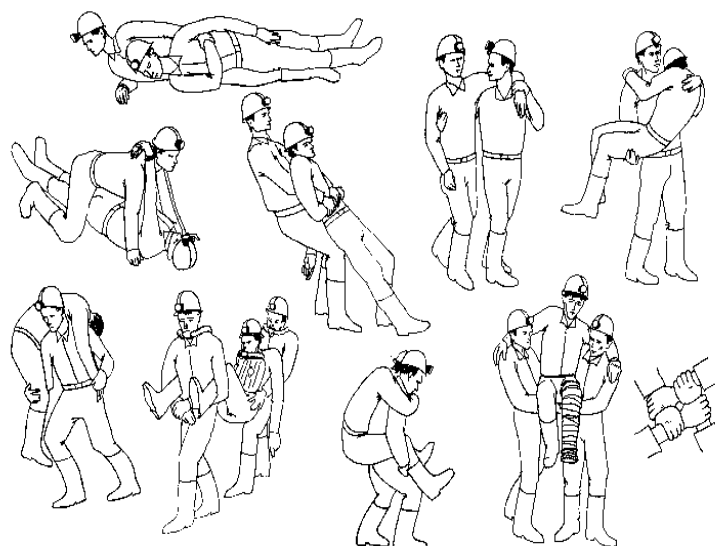

Рис.1. Эвакуация пострадавшего без носилок и с носилками по горизонтальным выработкам

6. Подъем по шведской стенке с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора (движение по лестничному отделению шурфа). Силовое упражнение, которое можно выполнять большой группой студентов одновременно, в зависимости от ширины шведской стенки.

7. Перетаскивание гантелей и гирь по горизонтальной и наклонной лестнице, установленной у шведской стенки: перенос груза по горизонтальным и наклонным выработкам. Это упражнение можно совместить с силовой и координационной составляющими. Переносить можно гантели и гири в двух руках, а затем в одной. Наклонная выработка и угол ее наклона имитируются приставлением лестницы с фиксацией на полке шведской стенки.

8. Работа с резиновым жгутом, амортизаторами или эспандерами (применение ручной пилы). Силовое упражнение с внешним сопротивлением упругих предметов. При продолжительном применении упражнение формирует и развивает выносливость. Выполняется одной рукой.

9. Передвижение с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора, в лабиринтах и «змейке» (передвижение по тесным выработкам с респиратором за спиной). Удобно выполнять на спортивных площадках, которые в большинстве своем оборудованы лабиринтами и «змейками» из металлических труб. Здесь можно практиковать развитие скоростно-силовых способностей преодоления лабиринта на время.

10. Передвижение в спортзале по-пластунски с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора, держа рюкзак перед собой, под барьерами (передвижение по тесным выработкам по-пластунски с респиратором перед собой). Одно из основных упражнений в учебной шахте (терренкур). Упражнение физически тяжелое, выполняется как на прямом участке, так и на участке с поворотами. Упражнение формирует мышечную силу, выносливость, ловкость.

11. Работа с резиновым жгутом, амортизаторами или эспандерами, привязанными к шведской стен-

ке (работа на блочном динамометре в тепловой камере). Силовое упражнение с внешним сопротивлением упругих предметов. При многократном повторении развивает выносливость. Выполняется в наклонном положении туловища на сгибание и разгибание вытянутых рук.

После закрепления базовых навыков можно имитировать затрудненность дыхания в изолирующем дыхательном аппарате и выполнять все упражнения в маске или обычном строительном респираторе – данный комплекс упражнений позволяет сформировать специфические навыки, связанные с проведением спасательных операций в подземных условиях в непригодной для дыхания атмосфере в течение ограниченного времени.

Результаты и их обсуждение

Показатели физической подготовленности студентов регулярно оценивались в течение всего периода обучения. Результаты данного теста свидетельствовали о соответствии уровня физической подготовленности обучающихся нормативным требованиям (табл. 2).

Предложенный комплекс упражнений, апробированный с 2013 по 2018 г. в рамках подготовки обучающихся по специальности Горное дело направленность (профиль) «Технологическая безопасность и горноспасательное дело», обеспечил формирование профессионально важных качеств будущих горноспасателей. Контрольные испытания по определению динамики физической подготовленности горноспасателей позволили выявить уровень развития отдельных двигательных качеств и установить эффективность разработанных специальных физических упражнений (табл. 3).

Анализ данных показывает устойчивую динамику роста результатов по всем параметрам, что позволяет судить о целесообразности использования специальных упражнений, упомянутых выше (см. табл. 3, последний столбец).

Таблица 2

Нормативные требования для оценки физической подготовленности обучающихся

№ п/п	Тест	Мужчины				
		5	4	3	2	1
1	Бег 100 м, с / Бег 3000 м, мин, с	13,4	13,8	14,2	14,4	14,8
		12,30	12,55	13,30	13,70	14,20
2	Подтягивание на перекладине, кол-во раз	15	12	9	7	5
3	Сгибание рук в упоре на брусьях, кол-во раз	15	12	9	7	5
4	Прыжок в длину с места, см	250	240	230	223	215

Таблица 3

Результаты I этапа эксперимента

№ п/п	Упражнения	Ед. изм.	Исходные данные	Промежуточные	Итоговые	Величина изменения
1	Бег 100 м / Бег 1000 м	с	14,30	14,10	13,46	0,83
		мин., с	352,5	338,1	330	22,5
2	Подтягивание на перекладине	Кол-во раз	7	12	15	8
3	Сгибание рук в упоре на брусьях	Кол-во раз	7	12	15	8
4	Прыжок в длину с места	см	233	244	251	18

В этой статье мы проанализировали результаты годового цикла занятий, которые показали хорошую динамику роста силовой подготовленности обучающихся. Виден заметный рост физических показателей даже по результатам трех контрольных упражнений: подтягивание на перекладине, сгибание рук в упоре на брусьях, прыжок в длину с места.

1. Значительные улучшения результатов в подтягивании на перекладине позволяют судить о целесообразности использования специальных упражнений горноспасателя для развития силовой выносливости. Разница исходных и итоговых данных существенна и объясняется применением в значительном объеме упражнений с отягощениями – ходьба с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора; работа с резиновым жгутом, амортизаторами или эспандерами, привязанными к шведской стенке; подъем по шведской стенке с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора.

2. Динамика роста результатов в сгибании рук в упоре на брусьях объясняется целенаправленной тренировкой с использованием упражнений с отягощениями и гимнастическими снарядами для развития силы рук: перетаскивание гантелей и гирь по горизонтали и установка их на скамьи и столы.

3. Существенный прирост результата в прыжке в длину с места свидетельствует о положительном влиянии силовых упражнений, направленных на развитие силы мышц ног: подъем по шведской стенке с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора; ходьба с рюкзаком 12 кг, имитирующим вес респиратора, по гимнастическому бревну; ходьба по наклонным выработкам.

Заключение

Для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на объек-

тах минерально-сырьевого комплекса обучающимся необходим качественно иной уровень физической подготовки. Работа с группами профессиональных спасателей за пределами предприятий горнодобывающей промышленности (альпинисты, пожарные) показала, что на поведение людей и принятие ими решений влияет их предыдущий опыт и специальная подготовка. Поэтому считаем крайне важным приобретение устойчивых навыков и практических умений в рамках вышеописанных упражнений, которые позволят довести приемы и способы работы горноспасателя до автоматизма, на подсознательном уровне, и обеспечат возможность применить эти навыки в для спасения людей и выполнения аварийно-спасательных работ экстремальных условиях [13].

В статье мы описали адаптированный тренировочный комплекс упражнений, необходимый для формирования профессионально значимых физических качеств горноспасателей, а также методику проведения занятий по физической культуре и спорту. По результатам эксперимента можно сделать следующие выводы: представленная информация о результатах физической подготовленности студентов является достоверной, надежной, объективной: выборка носит репрезентативный характер.

Горноспасатели должны иметь высокий уровень физической подготовки, чтобы выполнять профессиональные задачи качественно, с высокой интенсивностью в течение относительно длительного периода. Физическая подготовленность специалистов данной службы должна включать следующие профессионально значимые и специфические физические и психофизические качества [14]: быстрота реакции; координационная и рефлекторная ловкость; гибкость; силовая статическая выносливость; динамические показатели организма; точность движений; мышечная сила; двигательная реакция; преодоление страха высоты, боязни замкнутого пространства; психофизиче-

ская устойчивость и выживаемость в экстремальных условиях. Эти качества необходимо формировать и развивать в процессе регулярных тренировок, выполняя специальные упражнения, начиная с первого курса, в рамках образовательного процесса по дисциплинам физическая культура и спорт, и элективные дисциплины по физической культуре и спорту.

При незначительной корректировке программы без дополнительных финансовых затрат можно развить необходимые профессиональные качества. Физическая подготовленность студентов вузов, реализующих специальность Горное дело направленность (профиль) «Технологическая безопасность и горноспасательное дело», на сегодняшний день свидетельствует о низком уровне организации и не отвечает требованиям производства. Существует настоятельная необходимость в пристальном внимании к вопросу специализированной физической подготовки будущих горноспасателей как со стороны вуза, так и

со стороны предприятий минерально-сырьевого комплекса.

Мы экспериментально доказали эффективность комплекса специальных упражнений по физической культуре и спорту для формирования и развития профессионально значимых навыков горных инженеров-спасателей. Внедрение таких физических упражнений с первого курса обучения позволит решить важную образовательную и практическую задачу – подготовить студентов к занятиям в учебной шахте, на тренажерах и полигонах, обеспечить максимально быструю адаптивность к физически тяжелым тренировкам на учебной и производственной практиках. Специализированная физическая подготовка в спортивном зале вуза позволит заложить основу формирования профессионально значимых качеств горноспасателя, определить функциональные резервы организма занимающихся для эффективного выполнения поставленных задач в условиях экстремальных ситуаций.

Список источников

1. Гладков Ю.А., Крохалев Б.Г. Горноспасательное дело в шахтах и рудниках. М. : ПолиМЕдиа, 2002. 236 с.
2. Орлов Н.В., Судиловский М.Н. Пособие по горноспасательному делу. М. : Недра, 1976.
3. Методическое пособие по физической подготовке личного состава военизированных горноспасательных частей. Тула, 1966. 78 с.
4. Hellsloot I., Ruitenberg A. Citizen response to disasters: a survey of literature and some practical implications // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2004. P. 111–113.
5. Mackenzie-Wood P., Baafi E., Aziz N., Tague I., Sun Y. Deployment of self-contained self rescuers in coal mines, in Aziz, N (ed) // *Coal Operators' Conference*. University of Wollongong & the Australasian Institute of Mining and Metallurgy. 1998. P. 690–700.
6. Шабалкин Н.Н. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов горных вузов. М., 1971. 80 с.
7. Руденко Г.В., Чистяков В.А. Модельные характеристики психофизической подготовленности выпускника-горноспасателя // *Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2012. № 4 (86). С. 110–113.
8. Фатькин В.М. Обоснование показателей профессионально прикладной физической подготовки студентов-горняков и методика оценки их состояния в процессе трудовой деятельности // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. 2008. № 56. С. 241–254.
9. Кладкин Н.Н., Сентизова М.И. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов-геологов путем организации досуга в период учебно-полевой практики // *Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы : материалы X Междунар. межвузовской науч.-метод. конф., посвящ. 75-летию кафедры физического воспитания и спорта МГУ*. М. : Изд-во МГУ, 2008. С. 407–408.
10. Богачев В.Н. Физические упражнения как средство контроля состояния готовности горноспасателя к выполнению профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб. : СПбГГУ им. Г.В. Плеханова, 2001. 22 с.
11. Callender N., Ellerton J., MacDonald J.H. Physiological demands of mountain rescue // *Emergency Medicine Journal*. 2011. Vol. 29 (9). P.753–757. DOI:10.1136/emmermed-2011-200485
12. Приказ МЧС России № 912 от 09.12.2020 «О Порядке организации и проведения систематической профессиональной подготовки репираторщиков и командиров ФГУП «ВГСЧ» к выполнению горноспасательных работ» // ФГУП «Военизированная горноспасательная часть». URL: <https://vgsch.organizations.mchs.gov.ru/dokumenty/5107>
13. Kowalski-Trakofler K., Vaught C., Brnich M.J. Expectations Training for Miners Using Self-Contained Self-Rescuers in Escapes from Underground Coal Mines // *Journal of Occupational and Environmental Hygiene*. 2008. Vol. 5 (10). P. 671–677.
14. Болотин А.Э., Васильева В.С. Требования, предъявляемые к профессиональной подготовленности специалистов по защите в чрезвычайных ситуациях // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2013. № 6. С. 29–32.

References

1. Gladkov, Yu.A. & Krokhalev, B.G. (2002) *Gornospasatel'noe delo v shakhtakh i rudnikakh* [Mine rescue work in mines]. Moscow: PoliMEdia.
2. Orlov, N.V. & Sudilovskiy, M.N. (1976) *Posobie po gornospasatel'nomu delu* [Mining rescue manual]. Moscow: Nedra.
3. Anon. (1966) *Metodicheskoe posobie po fizicheskoy podgotovke lichnogo sostava voenizirovannykh gornospasatel'nykh chastey* [Methodological manual for the physical training of personnel of paramilitary mine rescue units]. Tula: [s.n.].
4. Hellsloot, I. & Ruitenberg, A. (2004) Citizen response to disasters: a survey of literature and some practical implications. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 12. pp. 98–111. DOI: 10.1111/j.0966-0879.2004.00440.x
5. Mackenzie-Wood, P., Baafi, E., Aziz, N., Tague, I. & Sun, Y. (1998) Deployment of self-contained self rescuers in coal mines. *Coal Operators' Conference*. University of Wollongong & the Australasian Institute of Mining and Metallurgy. pp. 690–700.
6. Shabalkin, N.N. (1971) *Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov gornyykh vuzov: uchebno-metod. posobie* [Professional applied physical training of students of mining universities: textbook]. Moscow: [s.n.].
7. Rudenko, G.V. & Chistyakov, V.A. (2012) Model'nye kharakteristiki psikhofizicheskoy podgotovlennosti vypusknika-gornospasatelya [Model characteristics of psychophysical readiness of a graduate mine rescuer]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (86). pp. 110–113.
8. Fat'kin, V.M. (2008) Obosnovanie pokazateley professional'no prikladnoy fizicheskoy podgotovki studentov-gornyyakov i metodika otsenki ikh sostoyaniya v protsesse trudovoy deyatel'nosti [Substantiation of indicators of professional applied physical training of students-miners and methods of assessing their condition in work]. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten'*. 56. pp. 241–254.
9. Kladkin, N.N. & Sentizova, M.I. (2008) [Professional applied physical training of students-geologists by organizing leisure during field practice]. *Organizatsiya i metodika uchebnogo protsessa, fizkul'turno-ozdorovitel'noy i sportivnoy raboty* [Organization and methodology of the

- educational process, physical culture and health and sports work]. Proceedings of the X International Conference. Moscow: Moscow State University. pp. 407–408. (In Russian).
10. Bogachev, V.N. (2001) *Fizicheskie uprazhneniya kak sredstvo kontrolya sostoyaniya gotovnosti gornospasatelya k vypolneniyu professional'noydeyat'nosti* [Physical exercises as a means of monitoring the readiness of a mine rescuer to perform professional activities]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Saint Petersburg.
  11. Callender, N., Ellerton, J. & MacDonald, J.H. (2011) Physiological demands of mountain rescue. *Emergency Medicine Journal*. 29 (9). pp. 753–757. DOI: 10.1136/emered-2011-200485
  12. Voenizirovannaya gornospasatel'naya chast' [Militarized Mine Rescue Unit]. (2020) *Prikaz MChS Rossii № 912 ot 09.12.2020 "O Poryadke organizatsii i provedeniya sistematocheskoy professional'noy podgotovki respiratorshchikov i komandirov FGUP "VGSCCh" k vypolneniyu gornospasatel'nykh rabot"* [Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 912 of 09.12.2020 "On the procedure for organizing and conducting systematic professional training of trained rescuers and commanders of the Federal State Unitary Enterprise "Militarized Mine Rescue Unit" for the performance of mine rescue operations"]. [Online] Available from: <https://vgsch.organi-zations.mchs.gov.ru/dokumenty/5107>
  13. Kowalski-Trakofler, K., Vaught, C. & Brnich, M.J. (2008) Expectations Training for Miners Using Self-Contained Self-Rescuers in Escapes from Underground Coal Mines. *Journal of Occupational and Environmental Hygiene*. 5 (10). pp. 671–677.
  14. Bolotin, A.E. & Vasil'eva, V.S. (2013) Trebovaniya, pred'yavlyayemye k professional'noy podgotovlennosti spetsialistov po zashchite v chrezvychaynykh situatsiyakh [Requirements for the professional readiness of specialists in protection in emergency situations]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 6. pp. 29–32.

Информация об авторах:

Дубровская Ю.А. – канд. пед. наук, начальник отдела лицензирования, аккредитации и контроля качества образования Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Руденко Г.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Пихконен Л.В. – канд. техн. наук, горный инженер ООО «ПетроРемСтрой» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Dubrovskaya, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Licensing, Accreditation and Quality Control of Education, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

G.V. Rudenko, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

L.V. Pikhkonen, Cand. Sci. (Engineering), mining engineer, PetroRemStroy, LLC (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 19.04.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 004.4:376-056.26
doi: 10.17223/15617793/483/21

Корпус стандартов цифровой доступности: современный этап развития применительно к электронному обучению

Екатерина Алексеевна Косова¹

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

Аннотация. Исследовались международные и российские федеральные стандарты, имеющие прямое или опосредованное отношение к цифровой доступности электронного обучения. Выполнена систематизация актуальных стандартов по сферам применения, географическому охвату, группам бенефициаров цифровой доступности. Выделены ключевые группы стандартов (основанные на концепциях WCAG и AccessForAll), которые могут быть использованы в качестве базиса для реализации универсально доступного электронного обучения.

Ключевые слова: цифровая доступность, веб-доступность, стандартизация, стандарты, электронное обучение, общедоступность, WCAG, AccessForAll

Для цитирования: Косова Е.А. Корпус стандартов цифровой доступности: современный этап развития применительно к электронному обучению // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 183–194. doi: 10.17223/15617793/483/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/21

Corpus of digital accessibility standards: The current stage of development in relation to e-learning

Yekaterina A. Kosova¹

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

Abstract. The article deals with issues of standardization of e-learning digital accessibility. It aims to analyze the content of the current digital accessibility standards and to assess the possibility of their use to ensure the accessibility of e-learning and its components. International and Russian federal standards that are directly or indirectly related to the digital accessibility of e-learning were studied. The search for documents was carried out in October 2021 – February 2022 on the official websites of standardization bodies by thematic headings and keywords in the title or abstract of the document. A sample of 92 current standards was obtained, including: international (global) – 57 (62%); international (European) – 23 (25%); international (Commonwealth of Independent States) – 2 (3%); Russian federal – 10 (11%). Using the content analysis method, the standards were systematized according to the following parameters: publication date; publication language; full text access features; geographical coverage; digital accessibility standardized parameters; digital accessibility beneficiary groups. The corresponding data set was published in the Mendeley Data online repository. The obtained data were studied using descriptive statistics in Microsoft Excel. As a result of the study, five categories of digital accessibility standards were identified (by areas of application in e-learning): digital content accessibility standards (39; 42%), software accessibility standards (26; 28%), Internet communications accessibility standards (10; 11%), standards for ensuring individual needs and preferences (20; 22%), standards for the development and interpretation of digital accessibility standards (15; 16%). Some standards (13; 14%) cover more than one category. It has been determined that the beneficiaries of applying the most digital accessibility standards are all e-learning users who may be in conditions that make learning difficult. The analysis has identified two key groups of standards that can be used as a basis for the implementation of universally accessible e-learning – standards based on the WCAG and AccessForAll concepts. WCAG regulates the requirements for the development of accessible digital content, and AccessForAll methods for meeting the user's personal needs and preferences. It was determined that both concepts together can form a unified system in which WCAG is a mandatory component, and AccessForAll is an optional one. The need to develop new combined standards for e-learning digital accessibility, taking into account the best standardization practices, has been identified.

Keywords: digital accessibility, web accessibility, standardization, standards, e-learning, WCAG, AccessForAll

For citation: Kosova, Ye.A. (2022) Corpus of digital accessibility standards: The current stage of development in relation to e-learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 183–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/21

Введение

Современные тенденции к всеобщей цифровизации образования, укрепившиеся в период пандемии Covid-19, обладают парадоксальным эффектом: с одной стороны, новые цифровые технологии способствуют обогащению образовательных процессов, с другой – усиливают неравенство и изоляцию наиболее уязвимых контингентов обучающихся [1]. Цифровизация образования связана в первую очередь с внедрением в учебный процесс электронного обучения (ЭО), которое должно быть одинаково доступным для всех обучающихся. Согласно [2], ЭО является общедоступным, если образовательные платформы, электронные образовательные ресурсы (ЭОР) и способы их доставки соответствуют индивидуальным потребностям и предпочтениям каждого пользователя. С определением общедоступности согласуется понятие цифровой доступности (ЦиД, англ. digital accessibility), сформулированное Консорциумом Всемирной паутины (англ. World Wide Web, W3C) применительно к веб-контенту [3] и получившее в дальнейшем более широкую трактовку, охватывая все цифровые ресурсы и технологии. Принципы ЦиД могут определять, в частности, подходы к проектированию цифровых ресурсов, обладающих свойствами воспринимаемости, понятности, управляемости и надежности для всех пользователей, включая находящихся в условиях, затрудняющих обучение, в особенности для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). По данным [4–6], одной из нерешенных проблем ЭО является недостаточная ЦиД современных ЭОР. Из публикаций последних лет известно, что ЭОР, в том числе ресурсы открытого образования, нередко не соответствуют требованиям ЦиД [7–13], а разработчики образовательного контента зачастую не компетентны в проектировании общедоступных ЭОР [6, 14, 15].

В обзоре [16] представлены актуальные направления деятельности в области ЦиД ЭО, среди которых присутствуют вопросы разработки и применения отраслевых рекомендаций, спецификаций и стандартов по обеспечению ЦиД ЭОР. Несмотря на то, что стандарты доступности веб-контента, цифрового образовательного контента, интернет-коммуникаций и мобильных технологий существуют и опубликованы, их использование при разработке образовательных платформ и ЭОР, как правило, игнорируется разработчиками [16], что приводит к ограничениям ЦиД ЭОР, а значит, и к снижению общедоступности ЭО в целом. К вероятным причинам манкирования использованием стандартов ЦиД могут быть отнесены: отсутствие нормативного принуждения, некомпетентность авторов и разработчиков ресурсов ЭО в области стандартизации ЦиД, несовершенство стандартов ЦиД ЭО.

Стандарты ЦиД регламентируют способы и средства обеспечения доступности цифрового контента и цифровых технологий для всех пользователей, представляя разработчику алгоритмы для применения в конкретных технологических процессах. Представляется важным исследовать пул стандартов ЦиД для систематизации и категоризации регламентирующих документов применительно к ЭО, сравнения подходов

к обеспечению ЦиД ЭО, установления тенденций в разработке стандартов ЦиД, выявления преимуществ и недостатков актуальных регламентов ЦиД в отношении ЭО.

Цель статьи – проанализировать содержание действующих стандартов ЦиД и оценить возможность их использования для обеспечения общедоступности ЭО и его компонентов.

Материал и методы

Исследовались международные и российские государственные стандарты, имеющие прямое или опосредованное отношение к ЦиД ЭО. Рассмотрены документы органов стандартизации, в которых Российская Федерация (РФ) выступает в качестве учредителя, члена или наблюдателя, а также стандарты других международных организаций, если установлено, что положения стандартов могут быть полезны для внедрения в ЭО РФ. Отбор документов осуществлялся в октябре 2021 г. – феврале 2022 г. на официальных сайтах органов стандартизации по тематическим рубрикам и ключевым словам в наименовании или реферате документа. Были отобраны только действующие стандарты (последние версии документов), имеющие отношение к ЦиД и ЭО. В качестве ключевых использованы слова: accessib(ility), disab(ility), e-learning, доступ(ность), инвалид(ность), ограниченн(е) возможност(и), обучени(е), образова(ние/тельные) технологии. Агрегированные сведения о распределении стандартов в первоначальной выборке приведены в приложении к данной статье.

После исключения дублирования получена выборка из 92 стандартов, в том числе: глобальных международных – 57; европейских международных – 23; международных стандартов Содружества Независимых Государств, СНГ – 2; российских федеральных стандартов – 10.

Изучены рефераты всех отобранных документов и полнотекстовые версии 54 (58,7%) стандартов, находящихся в свободном (бесплатном) доступе. Путем контент-анализа выполнена систематизация стандартов по следующим параметрам: дата публикации; язык публикации; особенности доступа к полному тексту; географический охват; стандартизируемые параметры ЦиД; группы бенефициаров ЦиД с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Детальное описание выборки и данных контент-анализа представлено в наборе данных [17], опубликованном в онлайн-репозитории Mendeley Data на русском и английском языках.

Полученные данные исследовались с помощью методов описательной статистики в программе Microsoft Excel®, схема распределения стандартов ЦиД разработана в веб-сервисе diagrams.net¹.

Результаты

Общие характеристики стандартов. Из числа отобранных документов 68 (73,9%) стандартов ориентированы на обеспечение ЦиД для пользователей с нарушением зрения, 65 (70,7%) – с нарушением слуха и речи, 70 (76,1%) – с когнитивными нарушениями,

59 (64,1%) – с нарушениями опорно-двигательного аппарата, 59 (64,1%) – с неврологическими нарушениями, 67 (72,8%) – с особенностями здоровья, связанными со старением. Для 11 (12,0%) стандартов целевой группы их приложения и применения установить не удалось из-за отсутствия указаний на нозологические формы ОВЗ в описаниях документов и ограничений доступа к полнотекстовым версиям.

На основании контента доступных для изучения стандартов можно составить представление о концептуальных подходах к формированию содержания регламентов Цид и их применимости к ЭО. Анализ наименований и резюме всех стандартов, а также

полнотекстовых версий большинства стандартов позволил установить следующее:

1. Стандарты Цид, применимые к ЭО, распределяются по пяти категориям в соответствии с основными целями и задачами, приведенными в описании документов: а) стандарты доступности цифрового контента, б) доступности программного обеспечения (ПО), в) доступности интернет-коммуникаций, г) стандарты обеспечения индивидуальных потребностей и предпочтений, д) стандарты разработки и толкования нормативов Цид (табл. 1). Некоторые стандарты (13; 14,1%), например [18–20], охватывают несколько категорий.

Таблица 1

Распределение стандартов Цид по категориям, группам бенефициаров Цид, географическому охвату и особенностям доступа к документам, N=92

Категории стандартов Цид	Количество стандартов Цид, n (%)												Всего
	По группам бенефициаров Цид						В зависимости от географического охвата				С разным доступом		
	С нарушениями зрения	С нарушениями слуха и речи	С когнитивными нарушениями	С моторными нарушениями	С неврологическими нарушениями	Пожилые, старики и долгожители	Международный глобальный	Международный европейский	Международный СНГ	Российский федеральный	Бесплатный	Платный	
Стандарты доступности цифрового контента	28 (30,4)	26 (28,3)	25 (27,2)	22 (23,9)	23 (25,0)	27 (29,3)	29 (31,5)	6 (6,5)	0 (0,0)	4 (4,3)	20 (21,7)	19 (20,7)	39 (42,4)
Стандарты доступности ПО	14 (15,2)	12 (13,0)	18 (19,6)	12 (13,0)	12 (13,0)	18 (19,6)	16 (17,4)	8 (8,7)	0 (0,0)	2 (2,2)	11 (12,0)	15 (16,3)	26 (28,3)
Стандарты доступности интернет-коммуникаций	10 (10,9)	9 (9,8)	9 (9,8)	9 (9,8)	9 (9,8)	10 (10,9)	3 (3,3)	6 (6,5)	0 (0,0)	1 (1,1)	7 (7,6)	3 (3,3)	10 (10,9)
Стандарты обеспечения индивидуальных потребностей и предпочтений	18 (19,6)	18 (19,6)	19 (20,7)	17 (18,5)	17 (18,5)	18 (19,6)	10 (10,9)	6 (6,5)	2 (2,2)	2 (2,2)	16 (17,4)	4 (4,3)	20 (21,7)
Стандарты разработки и толкования нормативов Цид	15 (16,3)	15 (16,3)	15 (16,3)	15 (16,3)	15 (16,3)	15 (16,3)	6 (6,5)	6 (6,5)	0 (0,0)	3 (3,3)	10 (10,9)	5 (5,4)	15 (16,3)

2. В стандартах доступности цифрового контента (см. табл. 1) приведены конкретные технические рекомендации (инструкции) и чек-листы по проектированию доступного для пользователей цифрового контента. Рассматриваются общие требования доступности для всех типов контента (например, в [21, 22]) и рекомендации по обеспечению доступности отдельных типов или характеристик контента (например, требования к аудиодескрипции [23], субтитрам [24, 25], описанию изображений [26], тифлокомментированию [27], цветовым комбинациям [28]). Целевая аудитория стандартов этой категории – авторы и разработчики контента.

3. В стандартах доступности ПО, например в [29–32], сформулированы требования и инструкции по разработке доступного ПО и средств разработки ПО системного, служебного и прикладного значения. Приводятся чек-листы доступности для разработчиков программных интерфейсов стационарных и мобильных приложений. Целевая аудитория этих стандартов – разработчики ПО.

4. В стандартах доступности интернет-коммуникаций приведены технологические решения, разработанные для облегчения пользования сетью Интернет лицами с особыми потребностями [33, 34], а также регламенты по обеспечению доступности интернет-сервисов, например, телекоммуникационных сервисов [35], сети «Интернет вещей» [36]. Целевая аудитория стандартов – администраторы сетей, разработчики ПО.

5. В стандартах обеспечения индивидуальных потребностей и предпочтений сформулированы требования Цид, исходящие из индивидуального профиля пользователя, т.е. персональных потребностей, возможностей и предпочтений (например, [37–39]). Целевая аудитория стандартов – разработчики ПО, разработчики персонализированных учебных сред.

6. В стандартах разработки и толкования нормативов Цид приведены агрегированные данные о стандартах доступности [40, 41], рекомендации по проектированию и использованию стандартов доступности [42–44], по включению вопросов доступности в стандарты [45]. Целевая аудитория – разработчики стандартов.

7. В сегменте российских федеральных стандартов присутствуют стандарты доступности цифрового контента, определяющие регламенты тифлокомментирования [27] и субтитров [25, 46], не имеющие аналогов в остальном обработанном корпусе документов.

8. Более трети находящихся в открытом (бесплатном) доступе стандартов (33; 35,9%) ссылаются в своих текстах на Руководящие принципы доступности веб-контента (англ. Web Content Accessibility Guidelines, WCAG) [21, 22]: в списке использованных источников или другом информационном контексте – 31 (33,7%); в качестве документов, рекомендованных к соблюдению – 11 (12,0%); в качестве аналога или прототипа, который связан с данным стандартом, – 6 (6,5%), на основании которого разработан данный стандарт – 2 (2,2%), которому эквивалентен данный стандарт – 1 (1,1%). Несмотря на то что нормативы и рекомендации WCAG имеют отношение только к стандартам доступности цифрового контента и ПО, цитирование WCAG присутствует в стандартах всех категорий. По всем признакам нормативы и рекомендации WCAG и сама концепция

WCAG являются наиболее значимыми (если не эталонными) в области Цид.

9. Стандарты Цид, имеющие прямое отношение к ЭО (всего – 10, международных – 9 [2, 37, 38, 47–51, 52], российский – один [53]), принадлежат к стандартам обеспечения индивидуальных потребностей и предпочтений. Они основаны на концепции AccessForAll (рус. ДоступДляВсех) [47] Глобального консорциума обучения (англ. Instructional Management Systems Global Learning Consortium, IMS). Рассмотренные документы ориентированы на персонафикацию ЭОР по запросу пользователя и не содержат конкретных технических рекомендаций по обеспечению Цид, о чем заявляется в преамбулах документов.

В период с 2014 по 2021 г. наблюдалась тенденция к возрастанию активности в сфере разработки стандартов доступности цифрового контента и доступности ПО (рис. 1). Эти же годы характеризовались появлением стандартов, охватывающих одновременно две-три категории: Цид контента и ПО; Цид контента, ПО и интернет-коммуникаций. К таким стандартам относится, например, стандарт РФ [54], базирующийся на положениях WCAG 2.1 [22].

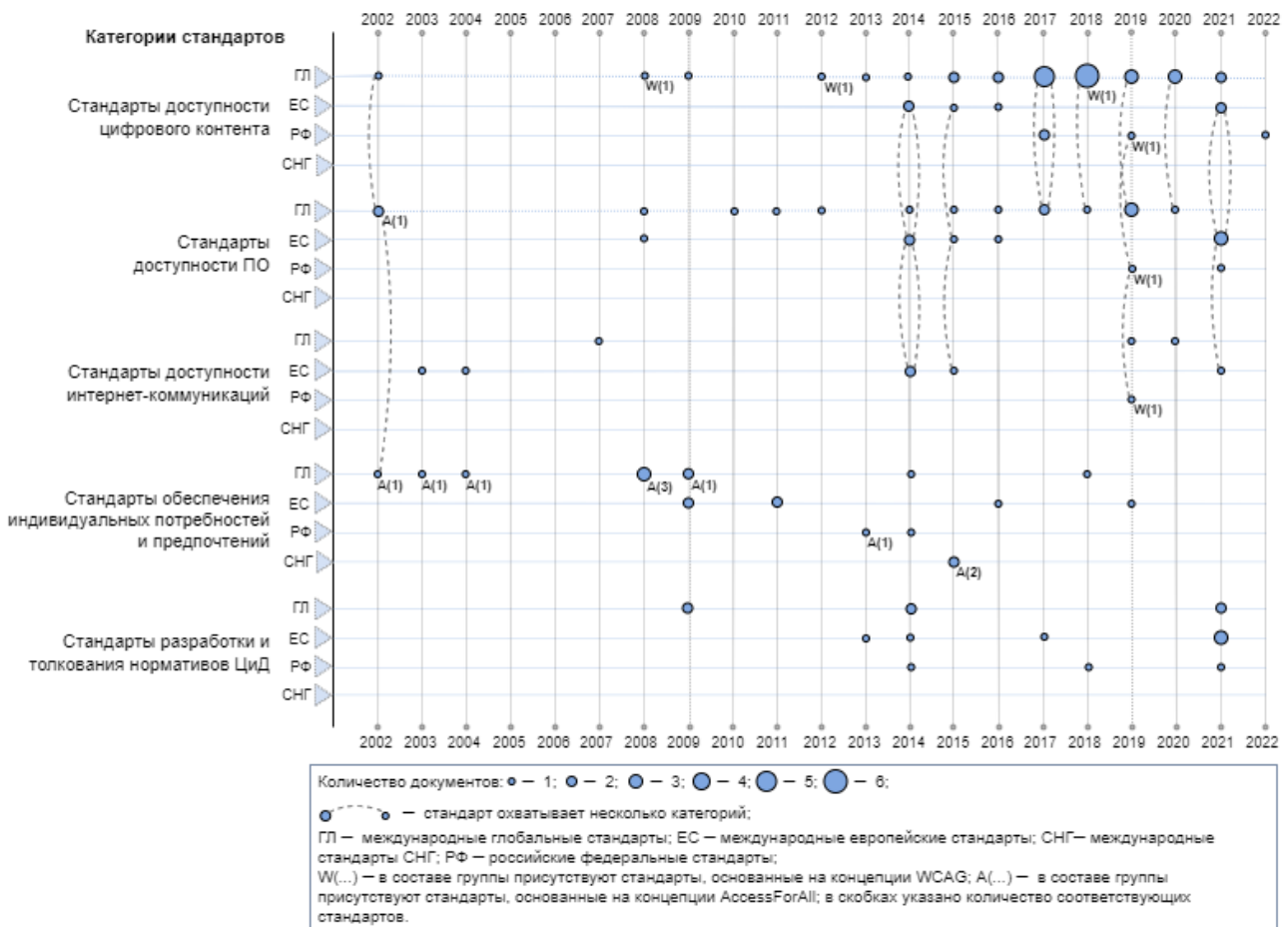

Рис. 1. Эволюция разработки стандартов Цид в соответствии с хронологией их публикации

Наиболее интенсивная нормотворческая деятельность зарегистрирована в 2017–2018 гг. в глобальном сегменте стандартов доступности цифрового контента (см. рис. 1). Кроме того, приведенные данные свидетельствуют, что некоторые стандарты (в том числе,

основанные на концепции AccessForAll) действуют, а значит, не теряют своей актуальности с начала 2000-х гг. Согласно временной шкале действующие в настоящее время стандарты, основанные на концепции WCAG, начали публиковаться позже, чем стандарты, осно-

ванные на концепции AccessForAll. Однако следует отметить, что на рисунке не представлены документы, утратившие силу. Например, родоначальником серии руководств WCAG является стандарт WCAG 1.0 1999 г. [55], замененный на версии WCAG 2.0 [21] и WCAG 2.1 [22] (обе версии актуальны), в то время как стандарты AccessForAll до 2002 г. не публиковались. Согласно распределению частот публикации, наибольшее количество документов относится к глобальному сегменту стандартов доступности цифрового контента (29, 31,5%), наименьшее – к сегменту стандартов СНГ по четырем категориям из пяти (0; 0,0%) (см. табл. 1 и рис. 1).

Сравнительный анализ концепций AccessForAll и WCAG. Дальнейший анализ сосредоточен на сравнении подходов, изложенных в стандартах, которые базируются на концепциях AccessForAll [2, 37, 38, 47–53] и WCAG [21, 22, 54, 56]. Кратко охарактеризуем особенности этих концепций.

AccessForAll определяет подход к обеспечению общедоступности среды ЭО. Согласно концепции AccessForAll, образовательная среда доступна, если удовлетворены потребности обучающегося путем адаптации, замены или изменения формы представления ЭОР [2, 53]. Доступность образовательной среды достигается за счет ее гибкости (настройки компонентов в зависимости от предпочтений конкретного человека) и предоставления контента в форматах, различных по форме презентации, но идентичных по содержанию. Стандарты, основанные на концепции AccessForAll, регламентируют способы описания (каталогизации, формирования метаданных) ЭОР, а также потребностей и предпочтений пользователя для дальнейшего сопоставления запросов пользователя и соответствующих этим запросам инструментов обучения. Ограниченные возможности в контексте ЭО являются не характеристикой человека, а продуктом несогласованности между потребностями (предпочтениями) пользователя и предоставляемыми ему ЭОР [2, 53]. Акцепторы и бенефициары стандартов группы AccessForAll – пользователи с ОВЗ и любые люди, находящиеся в обстановке, затрудняющей их обучение. Цид, согласно концепции AccessForAll, может быть обеспечена тремя способами: первоначальным отбором ЭОР с поддержкой общедоступности; адаптацией и настройкой ЭОР в соответствии с индивидуальными потребностями и предпочтениями пользователя; поиском и отбором дополнительных и альтернативных ЭОР, соответствующих персональным предпочтениям пользователя. Удовлетворение индивидуальных потребностей и предпочтений достигается за счет создания персонального профиля (при необходимости – нескольких профилей) пользователя [37, 38]. Требования Цид к ЭОР и способы создания доступных ЭОР не входят в зону действия стандартов, однако предполагается, что контент ЭОР должен соответствовать рекомендациям WCAG 1.0 [2, 37, 38, 50, 52, 53]. В актуальных стандартах группы AccessForAll не анонсирован выпуск обновленных версий.

Подход, изложенный в стандартах WCAG, направлен на обеспечение Цид любых веб-ресурсов (а в модифицированных версиях стандартов – лю-

бых цифровых ресурсов [54]), включая ЭОР и веб-инструменты ЭО. В соответствии с концепцией WCAG, доступность ЭОР достигается за счет соблюдения технических рекомендаций к цифровому контенту, которые позволяют сделать ЭОР воспринимаемыми, понятными, управляемыми и надежными для максимального количества пользователей [21, 22]. Стандарты, основанные на концепции WCAG, регламентируют собственно требования Цид и способы создания доступных ЭОР. Ограниченные возможности, согласно концепции WCAG, связаны с несоответствием цифрового ресурса потребностям и возможностям пользователя. Цид может быть обеспечена на трех уровнях соответствия: А – самый приоритетный, наименее трудозатратный; АА – средний; ААА – наименее приоритетный, самый трудозатратный. ЭОР, соответствующие WCAG, обладают свойствами общедоступности и гибкости за счет настройки интерфейса в соответствии с предпочтениями пользователя (на уровне ААА) и выбора альтернативных способов представления контента (на всех уровнях). Бенефициарами WCAG являются пользователи с ОВЗ и люди, столкнувшиеся с техническими и ситуационными барьерами доступа. При этом ни одна из версий WCAG не способна удовлетворить потребности и предпочтения всех уязвимых категорий пользователей из-за многообразия вариаций ограничений здоровья, однако работа над созданием новых версий WCAG для соответствия запросам большего количества пользователей ведется непрерывно [22].

Основные преимущества и недостатки концепций AccessForAll и WCAG в отношении обеспечения общедоступности ЭОР и ЭО обобщены в табл. 2.

Из данных табл. 2 можно заключить, что концепции AccessForAll и WCAG взаимодополняют друг друга без видимых противоречий. По всей вероятности, наиболее оптимальный подход к обеспечению Цид ЭО заключается в сочетанном применении к образовательному контенту и образовательной среде в целом стандартов, базирующихся на обеих концепциях. При этом соблюдение требований WCAG можно отнести к обязательному минимуму, а AccessForAll – к факультативным опциям, позволяющим обеспечить максимальную персонализацию ЭО. Самостоятельное (независимое) использование стандартов групп WCAG и AccessForAll снижает эффективность обеспечения Цид ЭО из-за пробелов и погрешностей, обнаруженных в каждой из концепций (табл. 2).

Обсуждение. По сведениям, имеющимся у автора, выполненное исследование является вторым опубликованным анализом стандартов Цид, которые могут иметь прямое или косвенное отношение к обеспечению общедоступности ЭО. Первая, обзорная, публикация [57] также принадлежит автору, но в отличие от данной статьи была посвящена изучению международных и национальных регламентов и их согласованности с политиками веб-доступности, принятыми в конкретных государствах. В результате настоящего исследования выделены и систематизированы регламентирующие документы международного и федерального уровней, использование которых может способствовать формированию общедоступной среды ЭО.

Особенности концепций AccessForAll и WCAG в отношении обеспечения общедоступности ЭОР и ЭО

Концепции обеспечения ЦИД	Особенности стандартов, соответствующих концепциям ЦИД	
	Преимущества	Недостатки
AccessForAll	<ul style="list-style-type: none"> – Поддерживают принципы универсального дизайна. – Предназначены для удовлетворения потребностей и предпочтений всех пользователей, включая лиц с ОВЗ, но не ограничиваясь ими. – Поддерживают функциональный (не медицинский) подход к определению ограниченных возможностей. – Разработаны для использования в ЭО. – Ориентированы на максимальную персонализацию ЭОР. – Содержат детальное руководство по машиночитаемому описанию ЭОР, потребностей и предпочтений пользователей. – Содержат ссылки на руководства по разработке доступного контента 	<ul style="list-style-type: none"> – Предполагают разработку большого количества ЭОР разных типов. – Не содержат требования и методические рекомендации по разработке доступного контента. – Содержат рекомендации к использованию устаревшего руководства по разработке доступного контента (WCAG 1.0 [55]). – Не анонсируют публикацию новых версий, не развиваются
WCAG	<ul style="list-style-type: none"> – Поддерживают принципы универсального дизайна. – Предназначены для удовлетворения потребностей и предпочтений всех пользователей, включая лиц с ОВЗ, но не ограничиваясь ими. – Поддерживают функциональный (не медицинский) подход к определению ограниченных возможностей. – Содержат детальное руководство по обеспечению доступности цифровых и веб-ресурсов. – Обеспечивают доставку доступного цифрового контента в едином, универсальном контейнере (веб-странице, медиафайле, документе). – Анонсируют публикацию новых версий, развиваются 	<ul style="list-style-type: none"> – Не содержат отдельных требований для обеспечения ЦИД ЭОР (предназначены для любых цифровых и веб-ресурсов). – Не содержат ссылок на стандарты ЦИД ЭО

Примечание. Курсивом выделены характеристики, свойственные обеим концепциям.

В соответствии с целями проектирования доступных систем и технологий ЭО стандарты ЦИД можно подразделить на пять категорий. Наибольшая частота разработок зарегистрирована для стандартов доступности цифрового контента, доступности ПО и обеспечения индивидуальных потребностей и предпочтений пользователей (см. табл. 1). Применение некоторых стандартов рекомендовано при выполнении узкоспециальной задачи (например, в процессе разработки аудиодескрипции [23] или скрытых субтитров [25]), часть стандартов имеют универсальный характер и могут быть распространены на все ЭО (например, руководящие принципы веб-доступности [21, 22]).

Большинство проанализированных документов имеют глобальный статус. Стандарты РФ вместе с межгосударственными стандартами СНГ составляют 13% от всех рассмотренных документов. При этом в сегменте РФ присутствуют уникальные стандарты [25, 27, 46], не имеющие аналогов в выборке.

К целевой аудитории пользователей проанализированных стандартов относятся (в зависимости от специализации документа): авторы и разработчики контента, разработчики ПО, администраторы компьютерных сетей, разработчики персонализированных учебных сред, разработчики стандартов ЦИД. Конечными получателями выгоды от применения большинства стандартов ЦИД к ЭО являются все пользователи ЭО (с ограничениями здоровья или без них), которые могут находиться в условиях, затрудняющих обучение. Исключение составляют стандарты, предметом которых является обеспечение ЦИД для лиц с конкретными ОВЗ, например, для людей, страдающих слепотой [23], глухотой [46], геронтологическими и гериатрическими изменениями [28].

Особого внимания заслуживают две группы стандартов – основанные на концепциях WCAG и AccessForAll. Эффективность WCAG [21, 22] подтверждена многочисленными модификациями и ци-

тированиями в государственных и международных стандартах (например, Великобритании, Европейского Союза, Индии, Канады, Китая, Новой Зеландии, РФ и других стран и территорий [58]). Стандарты, базирующиеся на концепции AccessForAll, образуют уникальную группу регламентирующих документов, которые, в отличие от прочих стандартов выборки, разработаны специально для обеспечения ЦИД ЭО. Четыре документа обеих групп (WCAG [56], AccessForAll [2, 37, 50]) опубликованы в качестве стандартов Международной организации по стандартизации (англ. International Organization for Standardization, ISO). Рекомендации по использованию указанных стандартов и их модификаций для обеспечения ЦИД ЭО содержатся в литературе [16].

Сравнительный анализ концепций WCAG и AccessForAll, выполненный на основании содержания соответствующих стандартов, показывает, что обе концепции поддерживают принципы универсального дизайна, общедоступности и функционального (не медицинского) подхода к определению ограниченных возможностей. При этом WCAG регламентирует требования к разработке цифрового контента, доступного для всех, а AccessForAll – методы удовлетворения персональных потребностей и предпочтений пользователя.

Обе концепции в совокупности могут образовывать единую систему, в которой WCAG является обязательным компонентом, а AccessForAll – опциональным. При этом каждая из концепций имеет недостатки в отношении обеспечения ЦИД ЭО. Согласование между концепциями может быть реализовано путем разработки нового обобщающего стандарта ЦИД ЭО и/или стандарта, содержащего инструкции по совместному использованию концепций WCAG и AccessForAll для получения оптимального результата в процессе обеспечения ЦИД ЭО.

Заключение

Стандарты Цид относятся к документам, имеющим рекомендательный характер, но в то же время вносят ясность в методологию организации доступных услуг, предоставляя поставщикам и разработчикам цифрового образовательного контента регламенты и алгоритмы обеспечения его доступности. В результате исследования выполнена систематизация актуальных стандартов Цид по сферам применения (категориям) и выделены две ключевые группы стандартов, которые могут быть использованы в качестве базиса для реализации универсально доступного ЭО – стандарты, основанные на концепциях WCAG и AccessForAll. Стандарты группы WCAG, ориентирован-

ные на доступность цифрового контента, наиболее цитируемы в международных и национальных регламентах Цид, включая стандарты, основанные на концепции AccessForAll. Вместе с тем в международной практике и в РФ пока отсутствуют стандарты ЭО, основанные на концепции WCAG. Не исключено, что именно этот пробел влечет за собой несовершенство политик обеспечения Цид в области ЭО. Предполагается, что проектирование новых комбинированных стандартов Цид ЭО с учетом лучших практик стандартизации (в том числе основанных на концепциях WCAG и AccessForAll) позволит реализовать системный подход к регламентированию общедоступного ЭО, обеспечивая необходимыми инструкциями все компоненты ЭО в их взаимосвязи.

Приложение

Распределение стандартов Цид на веб-сайтах органов стандартизации

№	Наименование органа стандартизации (на английском языке)	Наименование органа стандартизации (на русском языке)	Участие РФ	Статус стандартов	Общее количество стандартов, по ключевым словам / рубрикам (n)	Стандарты, отобранные для анализа, n
1	International Organization for Standardization, ISO ^a	Международная организация по стандартизации, ИСО	Член	Международный глобальный	accessib(ility) (103), disab(ility) (241), e-learning (13)	33
2	International Electrotechnical Commission, IEC ^b	Международная электротехническая комиссия, МЭК	Член	Международный глобальный	accessib(ility) (28), disab(ility) (11), e-learning (17)	0
3	World Wide Web Consortium, W3C ^c	Консорциум Всемирной паутины	Не участвует	Международный глобальный	accessibility (13)	13
4	International Telecommunication Union, ITU ^d	Международный союз электросвязи, МСЭ	Член	Международный глобальный	accessib(ility) (387); disab(ility) (33); e-learning (438)	5
5	Instructional Management Systems Global Learning Consortium, IMS, Global/IMS ^e	Глобальный консорциум обучения	Не участвует	Международный глобальный	accessibility (4)	4
6	European Committee for Standardization (фр. Comité Européen de Normalisation, CEN) ^f	Европейский комитет по стандартизации	Не участвует	Международный европейский		
7	European Electrotechnical Committee for Standardization (фр. Comité Européen de Normalisation Électrotechnique, CENELEC) ^f	Европейский комитет электротехнической стандартизации	Не участвует	Международный европейский	accessib(ility) (284); disab(ility) (188); e-learning (6)	13
8	European Telecommunications Standards Institute, ETSI ^g	Европейский Институт по стандартизации в области телекоммуникаций	Наблюдатель	Международный европейский	accessib(ility) (35), disab(ility) (21), e-learning (0)	12
9	Euro-Asian Council for Standardization, Metrology and Certification	Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации ^h	Член	Международный СНГ	доступ(ность) (349), инвалид(ность) (169), органиченны(е) возмож- ност(и) (56), обучени(е) (113), образо- ва(ние/тельные техноло- гии) (117)	2
10	Federal Technical Regulation and Metrology Agency (Rosstandart)	Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) ⁱ	Учредитель	Российский федеральный		10

Примечание. Отобраны только действующие стандарты; поиск российских федеральных стандартов и межгосударственных стандартов Содружества Независимых Государств (СНГ) осуществлялся на сайте Российского института стандартизации (РСТ), URL: <https://nd.gostinfo.ru/> (дата обращения: 27.08.2022); использованы сокращения: РФ – Российская Федерация, Цид – цифровая доступность.

^aInternational Organization for Standardization. URL: <https://www.iso.org/> (дата обращения: 27.08.2022); ^bInternational Electrotechnical Commission. URL: <https://iec.ch/> (дата обращения: 27.08.2022); ^cWorld Wide Web Consortium. URL: <https://www.w3.org/> (дата обращения: 27.08.2022); ^dInternational Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/> (дата обращения: 27.08.2022); ^eIMS Global Learning Consortium. URL: <http://www.imsglobal.org/> (дата обращения: 13.01.2022); ^fCEN-CENELEC. URL: <https://www.cencenelec.eu/> (дата обращения: 27.08.2022); ^gEuropean Telecommunications Standards Institute. URL: <https://www.etsi.org/> (дата обращения: 27.08.2022); ^hМежгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. URL: <https://easc.by/> (дата обращения: 27.08.2022); ⁱФедеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/> (дата обращения: 27.08.2022).

Примечание

¹ Diagrams.net. URL: <https://www.diagrams.net/> (дата обращения: 02.09.2022).

Список источников

1. Rewired Global Declaration on Connectivity for Education (ED-2021/FLI-DubaiCare/1) // UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380598/PDF/380598eng.pdf.multi> (дата обращения: 05.09.2022).
2. ISO/IEC 24751-1:2008. Information technology – Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training – Part 1: Framework and reference model / ISO. Publication date : 2008-10 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/41521.html> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Introduction to Web Accessibility / W3C. Publication date : 2022-03 // W3C. URL: <https://www.w3.org/WAI/fundamentals/accessibility-intro/#what> (дата обращения: 05.09.2022).
4. Meleo-Erwin Z., Kollia B., Fera J., Jahren A., Basch C. Online Support Information for Students with Disabilities in Colleges and Universities during the COVID-19 Pandemic // Disability and Health Journal. 2020. Vol. 4, Is. 1. Art. no. 101013. doi: 10.1016/j.dhjo.2020.101013
5. Lazar J. Managing digital accessibility at universities during the COVID-19 pandemic // Univ Access Inf Soc. 2021. doi: <https://doi.org/10.1007/s10209-021-00792-5>
6. Mullin C., Gould R., Parker Harris S. ADA Research Brief: Digital Access for Students in Higher Education and the ADA. Chicago, IL: ADA National Network Knowledge Translation Center. 2021. P. 1–12. https://adata.org/research_brief/research-brief-digital-access-students-higher-education-and-ada (дата обращения: 05.09.2022).
7. Al-Mouh N., Al-Khalifa A., Al-Khalifa H. A first look into MOOCs accessibility: The case of Coursera // Miesenberger K., Fels D., Archambault D., Peñáz P., Zagler W. (eds) Computers Helping People with Special Needs. ICCHP 2014. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham. 2014. Vol. 8547. P. 145–152.
8. Bohnsack M., Puhl S. Accessibility of MOOCs // In: Miesenberger K., Fels D., Archambault D., Peñáz P., Zagler W. (eds) Computers Helping People with Special Needs. ICCHP 2014. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham. 2014. Vol. 8547. P. 141–144.
9. Ferati M., Mripa N., Bunjaku R. Accessibility of MOOCs for blind people in developing non-English speaking countries // In: Di Bucchianico G., Kercher P. (eds) Advances in Design for Inclusion. Advances in Intelligent Systems and Computing. Springer, Cham. 2016. Vol. 500. P. 519–528. doi: 10.1007/978-3-319-41962-6_46
10. Ramírez-Vega A., Iniesto F., Rodrigo C. Raising Awareness of the Accessibility Challenges in Mathematics MOOCs // TEEM 2017 Proceedings of the 5th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality, ACM, New York, NY, USA. 2017. Article no. 92. P. 1–8. doi: 10.1145/3144826.3145435
11. Sanchez-Gordon S., Luján-Mora S. Implementing Accessibility in Massive Open Online Courses' Platforms for Teaching, Learning and Collaborating at Large Scale // eDemocracy & eGovernment. Stages of a Democratic Knowledge Society. Cham : Springer, 2019. P. 151–160.
12. Park K., So H.-J., Cha H. Digital equity and accessible MOOCs: Accessibility evaluations of mobile MOOCs for learners with visual impairments // Australasian Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 35 (6). P. 48–63. doi: 10.14742/ajet.5521
13. Sanchez-Gordon S., Luján-Mora S. Design, Implementation and Evaluation of MOOCs to Improve Inclusion of Diverse Learners // Management Association (Ed.), Accessibility and Diversity in Education: Breakthroughs in Research and Practice. 2020. P. 52–79. doi: 10.4018/978-1-7998-1213-5.ch004
14. Gilligan J. Competencies for Educators in Delivering Digital Accessibility in Higher Education // Universal Access in Human-Computer Interaction. Applications and Practice. 14th International Conference, UAHCI 2020, Held as Part of the 22nd HCI International Conference, HCII 2020, Copenhagen, Denmark, July 19–24, 2020, Proceedings, Part II. 2020. doi: 10.1007/978-3-030-49108-6_14
15. Косова Е.А. Мотивация и готовность преподавателей к использованию дистанционных образовательных технологий в обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья // Информатика и образование. 2020. № 9. С. 43–52. doi: 10.32517/0234-0453-2020-35-9-43-52
16. Sanchez-Gordon S., Luján-Mora S. Research challenges in accessible MOOCs: a systematic literature review 2008–2016 // Universal Access in the Information Society. 2018. № 17 (4). P. 775–789. doi: 10.1007/s10209-017-0531-2
17. Kosova Y. Standardizing the accessibility of e-content, software and communication technologies in point of e-learning: dataset of standards // Mendeley Data. 2022. V1. doi: 10.17632/cs36nvw4xs.1
18. ETSI TR 103 185. User Group; Collection of user requirements from visually impaired people for e-accessibility to ICT products and services / ETSI. Publication date : 2015-08 // ETSI. URL: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/103100_103199/103185/01.01.01_60/tr_103185v010101p.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
19. ISO 21801-1:2020. Cognitive accessibility – Part 1: General guidelines / ISO. Publication date : 2020-01 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/71711.html> (дата обращения: 05.09.2022).
20. EN 301549:2021. Accessibility requirements for ICT products and services / CEN, CENELEC. Publication date : 2021-06 // CEN-CENELEC. URL: https://standards.cenelec.eu/dyn/www/?p=CEN:110:0:::FSP_PROJECT:72841&cs=1CECAE8F0020ADBC373E305AEEBB0442E (дата обращения: 05.09.2022).
21. WCAG 2.0. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0 / W3C. Publication date : 2008-12 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG20/> (дата обращения: 05.09.2022).
22. WCAG 2.1. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1 / W3C. Publication date : 2018-06 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/> (дата обращения: 05.09.2022).
23. ISO/IEC TS 20071-21:2015. Information technology – User interface component accessibility – Part 21: Guidance on audio descriptions / ISO. Publication date : 2015-12 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/63061.html> (дата обращения: 05.09.2022).
24. ISO/IEC TS 20071-25:2017. Information technology – User interface component accessibility – Part 25: Guidance on the audio presentation of text in videos, including captions, subtitles and other on-screen text / ISO. Publication date : 2017-02 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/69060.html> (дата обращения: 05.09.2022).
25. ГОСТ Р 57763-2017. Скрытые субтитры для инвалидов по слуху. Общие технические требования : издание официальное : введено впервые : дата введения 2018-01-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6337406.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
26. ISO/IEC 20071-11:2019. Information technology – User interface component accessibility – Part 11: Guidance on text alternatives for images / ISO. Publication date : 2019-12 // ISO. – URL: <https://www.iso.org/standard/74345.html> (дата обращения: 05.09.2022).
27. ГОСТ Р 57891-2022. Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения : издание официальное : взамен ГОСТ Р 57891-2017 : дата введения 2022-01-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6880129.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
28. ISO 24505:2016. Ergonomics – Accessible design – Method for creating colour combinations taking account of age-related changes in human colour vision / ISO. Publication date : 2016-04 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/63752.html> (дата обращения: 05.09.2022).
29. ISO 9241-171:2008. Ergonomics of human-system interaction – Part 171: Guidance on software accessibility / ISO. Publication date : 2008-07 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/39080.html> (дата обращения: 05.09.2022).
30. ISO/IEC TR 13066-3:2012. Information technology – Interoperability with assistive technology (AT) – Part 3: IAccessible2 accessibility application programming interface (API) / ISO. Publication date : 2012-09 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/53998.html> (дата обращения: 05.09.2022).
31. ISO/IEC TR 13066-4:2015. Information technology – Interoperability with assistive technology (AT) – Part 4: Linux/UNIX graphical environments accessibility API / ISO. Publication date : 2015-11 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/54001.html> (дата обращения: 05.09.2022).

32. ETSI EG 203 350. Human Factors (HF); Guidelines for the design of mobile ICT devices and their related applications for people with cognitive disabilities / ETSI. Publication date : 2016-11 // ETSI. URL: https://www.etsi.org/deliver/etsi_eg/203300_203399/203350/01.01.01_60/eg_203350v010101p.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
33. ETSI TR 103 073. Universal Communications Identifier (UCI); Improving communications for disabled, young and elderly people / ETSI. Publication date : 2003-11 // ETSI. URL: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/103000_103099/103073/01.01.01_60/tr_103073v010101p.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
34. ETSI EG 202 301. Universal Communications Identifier (UCI); Using UCI to enhance communications for disabled, young and elderly people / ETSI. Publication date : 2004-05 // ETSI. URL: https://www.etsi.org/deliver/etsi_eg/202300_202399/202301/01.01.01_60/eg_202301v010101p.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
35. ITU-T E.790. Telecommunications accessibility guidelines for older persons and persons with disabilities / ITU-T. Publication date : 2007-01 // ITU. URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-F.790/en> (дата обращения: 05.09.2022).
36. ITU-T Y.4204. Accessibility requirements for the Internet of things applications and services / ITU-T. Publication date : 2019-02 // ITU. URL: <https://www.itu.int/ITU-T/recommendations/rec.aspx?rec=13858&lang=en> (дата обращения: 05.09.2022).
37. ISO/IEC 24751-2:2008. Information technology – Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training – Part 2: "Access for all" personal needs and preferences for digital delivery / ISO. Publication date : 2008-10 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/43603.html> (дата обращения: 05.09.2022).
38. ГОСТ 33248-2015 (ISO/IEC 24751-2:2008). Информационная технология. Индивидуализированная адаптируемость и доступность в обучении, образовании и подготовке. Часть 2. Индивидуальные потребности и предпочтения при цифровой доставке по системе «доступ для всех» : издание официальное : введен впервые : дата введения 2016-11-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6109200.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
39. EN 17161:2019. Design for All – Accessibility following a Design for All approach in products, goods and services - Extending the range of users / CEN, CENELEC. Publication date : 2019-03 // CEN-CENELEC. URL: https://standards.cencenelec.eu/dyn/www/?p=CEN:110:0:::FSP_PROJECT_FSP_ORG_ID:62323,2301962&cs=1AECBCDFF18BED2C84BA2E5FA7AF6E955 (дата обращения: 05.09.2022).
40. ISO/IEC TR 29138-2:2009. Information technology – Accessibility considerations for people with disabilities – Part 2: Standards inventory / ISO. Publication date : 2009-06 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/51341.html> (дата обращения: 05.09.2022).
41. CEN/CLC/ETSI/TR 101550:2021. Documents relevant to EN 301 549 (V1.1.1) "Accessibility requirements suitable for public procurement of ICT products and services in Europe" / CEN, CENELEC, ETSI. Publication date : 2021-07 // ETSI. URL: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/101500_101599/101550/01.01.03_60/tr_101550v010103p.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
42. ISO/IEC GUIDE 71:2014. Guide for addressing accessibility in standards / ISO. Publication date : 2014-12 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/57385.html> (дата обращения: 05.09.2022).
43. ГОСТ Р 54937-2018 (ISO/IEC Guide 71:2014). Руководящие указания для разработчиков стандартов, рассматривающих вопросы создания доступной среды : издание официальное : дата введения 2019-06-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6429144.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
44. ISO 9241-20:2021. Ergonomics of human-system interaction – Part 20: An ergonomic approach to accessibility within the ISO 9241 series / ISO. Publication date : 2021-11 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/80709.html> (дата обращения: 05.09.2022).
45. ITU-T H Suppl. 17. Guide for addressing accessibility in standards (ISO/IEC GUIDE 71:2014) / ITU-T. Publication date : 2014-11 // ITU. URL: <https://www.itu.int/ITU-T/recommendations/rec.aspx?rec=12358&lang=en> (дата обращения: 05.09.2022).
46. ГОСТ Р 57767-2017. Субтитры к кино- и видеопродукции для инвалидов по слуху. Общие технические требования по информационной доступности : издание официальное : введен впервые : дата введения 2018-01-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6337402.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
47. IMS Guidelines for Developing Accessible Learning Applications : White Paper : v1.0 / IMS. Publication date : 2002-07 // IMS. URL: <http://www.imsglobal.org/accessibility/accessiblevers/sec1.html> (дата обращения: 05.09.2022).
48. IMS Learner Information Package Accessibility for LIP Best Practice and Implementation Guide : Final Specification : v1.0 / IMS. Publication date : 2003-06 // IMS. URL: http://www.imsglobal.org/accessibility/acclipv1p0/imsacclip_bestv1p0.html (дата обращения: 05.09.2022).
49. IMS AccessForAll Meta-data Specification : Final Specification : v1.0 / IMS. Publication date : 2004-07 // IMS. URL: http://www.imsglobal.org/accessibility/accmdv1p0/imsaccmd_oviewv1p0.html (дата обращения: 05.09.2022).
50. ISO/IEC 24751-3:2008. Information technology – Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training – Part 3: "Access for all" digital resource description / ISO. Publication date : 2008-10 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/43604.html> (дата обращения: 05.09.2022).
51. IMS AccessForAll Digital Resource Description Information Model : Final Release : v2.0 / IMS. Publication date : 2009-10 // IMS. URL: http://www.imsglobal.org/accessibility/accdrdv2p0/html/ISO_ACCDRDV2p0_InfoModelv1.html (дата обращения: 05.09.2022).
52. ГОСТ 33249-2015 (ISO/IEC 24751-3:2008). Информационная технология. Индивидуализированная адаптируемость и доступность в обучении, образовании и подготовке. Часть 3. Описание электронных ресурсов по системе «доступ для всех» : издание официальное : введен впервые : дата введения 2016-11-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6109204.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
53. ГОСТ Р 55769-2013 (ISO/IEC 24751-1:2008). Информационная технология. Индивидуализированная адаптируемость и доступность в обучении, образовании и подготовке. Часть 1. Основы и эталонная модель : издание официальное : введен впервые : дата введения 2015-01-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/5321468.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
54. ГОСТ Р 52872-2019. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности : издание официальное : взамен ГОСТ Р 52872-2012 : дата введения 2020-04-01 // ФГБУ «РСТ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6471657.aspx> (дата обращения: 05.09.2022).
55. WCAG 1.0. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 1.0 / W3C. Publication date : 1999-05 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WAI-WEBCONTENT/> (дата обращения: 05.09.2022).
56. ISO/IEC 40500:2012. Information technology – W3C Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0 / ISO. Publication date : 2012-10 // ISO. URL: <https://www.iso.org/standard/58625.html> (дата обращения: 05.09.2022).
57. Косова Е.А. Стандартизация доступности веб-контента // Открытое образование. 2020. 24 (3). С. 12–23. doi: 10.21686/1818-4243-2020-3-12–23 (дата обращения: 05.09.2022).
58. Web Accessibility Laws & Policies / W3C. Publication date : 2018-03 // W3C. URL: <https://www.w3.org/WAI/policies/> (дата обращения: 05.09.2022).

References

1. UNESCO. (2021) *Rewired Global Declaration on Connectivity for Education* (ED-2021/FLI-DubaiCare/1). [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380598/PDF/380598eng.pdf.multi> (Accessed: 05.09.2022)

2. ISO. (2008a). *ISO/IEC 24751-1:2008. Information technology — Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training — Part 1: Framework and reference model*. Publication date: 2008-10. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/41521.html> (Accessed: 05.09.2022)
3. W3C. (2022) *Introduction to Web Accessibility*. Publication date: 2022-03. [Online] Available from: <https://www.w3.org/WAI/fundamentals/accessibility-intro/#what> (Accessed: 05.09.2022)
4. Meleo-Erwin, Z., Kollia, B., Fera, J., Jhren, A. & Basch, C. (2020) Online Support Information for Students with Disabilities in Colleges and Universities during the COVID-19 Pandemic. *Disability and Health Journal*. 4 (1). Art. no. 101013. DOI: 10.1016/j.dhjo.2020.101013
5. Lazar, J. (2021) Managing digital accessibility at universities during the COVID-19 pandemic. *Univ Access Inf Soc*. DOI: 10.1007/s10209-021-00792-5
6. Mullin, C., Gould, R. & Parker Harris, S. (2021) *ADA Research Brief: Digital Access for Students in Higher Education and the ADA*. Chicago, IL: ADA National Network Knowledge Translation Center. pp. 1–12. [Online] Available from: https://adata.org/research_brief/research-brief-digital-access-students-higher-education-and-ada
7. Al-Mouh, N., Al-Khalifa, A. & Al-Khalifa, H. (2014) A first look into MOOCs accessibility: The case of Coursera. In: Miesenberger, K., Fels, D., Archambault, D., Peñáz, P. & Zagler, W. (eds) *Computers Helping People with Special Needs*. ICCHP 2014. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham. Vol. 8547. pp. 145–152.
8. Bohnsack, M. & Puhl, S. (2014) Accessibility of MOOCs. In: Miesenberger, K., Fels, D., Archambault, D., Peñáz, P. & Zagler, W. (eds) *Computers Helping People with Special Needs*. ICCHP 2014. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham. Vol. 8547. pp. 141–144.
9. Ferati, M., Mripa, N. & Bunjaku, R. (2016) Accessibility of MOOCs for blind people in developing non-English speaking countries. In: Di Bucchianico, G. & Kercher, P. (eds) *Advances in Design for Inclusion. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Springer, Cham. Vol. 500. pp. 519–528. DOI: 10.1007/978-3-319-41962-6_46
10. Ramírez-Vega, A., Iniesto, F. & Rodrigo, C. (2017) Raising Awareness of the Accessibility Challenges in Mathematics MOOCs. *TEEM 2017 Proceedings of the 5th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality*. New York, NY, USA: ACM. Article no.92. pp. 1–8. DOI: 10.1145/3144826.3145435
11. Sanchez-Gordon, S. & Luján-Mora, S. (2019) Implementing Accessibility in Massive Open Online Courses' Platforms for Teaching, Learning and Collaborating at Large Scale. In: Meier, A. *eDemocracy & eGovernment. Stages of a Democratic Knowledge Society*. Springer, Cham. pp. 151–160.
12. Park, K., So, H.-J. & Cha, H. (2019) Digital equity and accessible MOOCs: Accessibility evaluations of mobile MOOCs for learners with visual impairments. *Australasian Journal of Educational Technology*. 35 (6). pp. 48–63. DOI: 10.14742/ajet.5521
13. Sanchez-Gordon, S. & Luján-Mora, S. (2020) Design, Implementation and Evaluation of MOOCs to Improve Inclusion of Diverse Learners. In: I. Management Association (ed.) *Accessibility and Diversity in Education: Breakthroughs in Research and Practice*. pp. 52–79. DOI: 10.4018/978-1-7998-1213-5.ch004
14. Gilligan, J. (2020) Competencies for Educators in Delivering Digital Accessibility in Higher Education. *Universal Access in Human-Computer Interaction. Applications and Practice*. 14th International Conference, UAHCI 2020, Held as Part of the 22nd HCI International Conference, HCII 2020, Copenhagen, Denmark. 19–24 July 2020. Proceedings. Part II. DOI: 10.1007/978-3-030-49108-6_14
15. Kosova, Y.A. (2020) Motivatsiya i gotovnost' prepodavately k ispol'zovaniyu distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy v obuchenii studentov s ogranichenymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Motivation and readiness of teachers to use distance educational technologies in teaching students with disabilities]. *Informatics and education*. 9. 43–52. (In Russian). DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-9-43-52
16. Sanchez-Gordon, S. & Luján-Mora, S. (2018) Research challenges in accessible MOOCs: a systematic literature review 2008–2016. *Universal Access in the Information Society*. 17 (4). pp. 775–789. DOI: 10.1007/s10209-017-0531-2
17. Kosova, Y. (2022) Standardizing the accessibility of e-content, software and communication technologies in point of e-learning: dataset of standards. *Mendeley Data*. V1. DOI: 10.17632/cs36nvw4xs.1
18. ETSI. (2015) *ETSI TR 103 185. User Group; Collection of user requirements from visually impaired people for e-accessibility to ICT products and services*. Publication date: 2015-08. [Online] Available from: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/103100_103199/103185/01.01.01_60/tr_103185v010101p.pdf (Accessed: 05.09.2022).
19. ISO. (2020) *ISO 21801-1:2020. Cognitive accessibility — Part 1: General guidelines*. Publication date: 2020-01. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/71711.html> (Accessed: 05.09.2022).
20. CEN-CENELEC. (2021) *EN 301549:2021. Accessibility requirements for ICT products and services*. Publication date: 2021-06. [Online] Available from: https://standards.cenelec.eu/dyn/www/f?p=CEN:110:0:::FSP_PROJECT:72841&cs=1CECAE8F002ADBC373E305AEEBB0442E (Accessed: 05.09.2022).
21. W3C. (2008) *WCAG 2.0. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0*. Publication date: 2008-12. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG20/> (Accessed: 05.09.2022).
22. W3C. (2018a) *WCAG 2.1. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1*. Publication date: 2018-06 [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/> (Accessed: 05.09.2022).
23. ISO. (2015a) *ISO/IEC TS 20071-21:2015. Information technology — User interface component accessibility — Part 21: Guidance on audio descriptions*. Publication date: 2015-12. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/63061.html> (Accessed: 05.09.2022).
24. ISO. (2017) *ISO/IEC TS 20071-25:2017. Information technology — User interface component accessibility — Part 25: Guidance on the audio presentation of text in videos, including captions, subtitles and other on-screen text / ISO*. Publication date: 2017-02. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/69060.html> (Accessed: 05.09.2022).
25. GOSTINFO. (2017a) *GOST R 57763-2017. Closed captions for the hearing impaired persons. General technical requirements*. Effective date: 2018-01. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6337406.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
26. ISO. (2019) *ISO/IEC 20071-11:2019. Information technology — User interface component accessibility — Part 11: Guidance on text alternatives for images*. Publication date: 2019-12. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/74345.html> (Accessed: 05.09.2022).
27. GOSTINFO. (2022) *GOST R 57891-2022 Tiflokommentirovanie and tiflokommentariy. Terms and Definitions*. Effective date: 2022-04. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6880129.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
28. ISO. (2016) *ISO 24505:2016. Ergonomics — Accessible design — Method for creating colour combinations taking account of age-related changes in human colour vision*. Publication date: 2016-04. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/63752.html> (Accessed: 05.09.2022).
29. ISO. (2008b) *ISO 9241-171:2008. Ergonomics of human-system interaction — Part 171: Guidance on software accessibility*. Publication date: 2008-07. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/39080.html> (Accessed: 05.09.2022).
30. ISO. (2012a) *ISO/IEC TR 13066-3:2012. Information technology — Interoperability with assistive technology (AT) — Part 3: IAccessible2 accessibility application programming interface (API)*. Publication date: 2012-09. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/53998.html> (Accessed: 05.09.2022).
31. ISO. (2015b) *ISO/IEC TR 13066-4:2015. Information technology — Interoperability with assistive technology (AT) — Part 4: Linux/UNIX graphical environments accessibility API / ISO*. Publication date: 2015-11. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/54001.html> (Accessed: 05.09.2022).

32. ETSI. (2016) *ETSI EG 203 350. Human Factors (HF); Guidelines for the design of mobile ICT devices and their related applications for people with cognitive disabilities*. Publication date: 2016-11. [Online] Available from: https://www.etsi.org/deliver/etsi_eg/203300_203399/203350/01.01.01_60/eg_203350v010101p.pdf (Accessed: 05.09.2022).
33. ETSI. (2003) *ETSI TR 103 073. Universal Communications Identifier (UCI); Improving communications for disabled, young and elderly people*. Publication date: 2003-11. [Online] Available from: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/103000_103099/103073/01.01.01_60/tr_103073v010101p.pdf (Accessed: 05.09.2022).
34. ETSI. (2004) *ETSI EG 202 301. Universal Communications Identifier (UCI); Using UCI to enhance communications for disabled, young and elderly people*. Publication date: 2004-05. [Online] Available from: https://www.etsi.org/deliver/etsi_eg/202300_202399/202301/01.01.01_60/eg_202301v010101p.pdf (Accessed: 05.09.2022).
35. ITU. (2007) *ITU-T E.790. Telecommunications accessibility guidelines for older persons and persons with disabilities*. Publication date: 2007-01. [Online] Available from: <https://www.itu.int/rec/T-REC-F.790/en> (Accessed: 05.09.2022).
36. ITU. (2019) *ITU-T Y.4204. Accessibility requirements for the Internet of things applications and services / ITU-T*. Publication date: 2019-02. [Online] Available from: <https://www.itu.int/ITU-T/recommendations/rec.aspx?rec=13858&lang=en> (Accessed: 05.09.2022).
37. ISO. (2008c) *ISO/IEC 24751-2:2008. Information technology — Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training — Part 2: “Access for all” personal needs and preferences for digital delivery*. Publication date: 2008-10. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/43603.html> (Accessed: 05.09.2022).
38. GOSTINFO. (2015a) *GOST 33248-2015 (ISO/IEC 24751-2:2008). Information technology. Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training. Part 2. “Access for all” personal needs and preferences for digital delivery*. Effective date: 2016-11. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6109200.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
39. CEN-CENELEC. (2019) *EN 17161:2019. Design for All – Accessibility following a Design for All approach in products, goods and services - Extending the range of users*. Publication date: 2019-03. [Online] Available from: https://standards.cencenelec.eu/dyn/www/?p=CEN:110:0::: FSP_PROJECT:FSP_ORG_ID:62323,2301962&cs=1AECBCDF18BED2C84BA2E5FA7AF6E955 (Accessed: 05.09.2022).
40. ISO. (2009) *ISO/IEC TR 29138-2:2009. Information technology — Accessibility considerations for people with disabilities — Part 2: Standards inventory*. Publication date: 2009-06. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/51341.html> (Accessed: 05.09.2022).
41. ETSI. (2021) *CEN/CLC/ETSI/TR 101550:2021. Documents relevant to EN 301 549 (V1.1.1) “Accessibility requirements suitable for public procurement of ICT products and services in Europe”*. Publication date: 2021-07. [Online] Available from: https://www.etsi.org/deliver/etsi_tr/101500_101599/101550/01.01.03_60/tr_101550v010103p.pdf (Accessed: 05.09.2022).
42. ISO. (2014) *ISO/IEC GUIDE 71:2014. Guide for addressing accessibility in standards*. Publication date: 2014-12. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/57385.html> (Accessed: 05.09.2022).
43. GOSTINFO. (2018) *GOST R 54937-2018 (ISO/IEC Guide 71:2014) Guidelines for standards developers to address accessibility*. Effective date: 2019-06. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6429144.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
44. ISO. (2021) *ISO 9241-20:2021. Ergonomics of human-system interaction — Part 20: An ergonomic approach to accessibility within the ISO 9241 series*. Publication date: 2021-11. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/80709.html> (Accessed: 05.09.2022).
45. ITU. (2014) *ITU-T H Suppl. 17. Guide for addressing accessibility in standards (ISO/IEC GUIDE 71:2014)*. Publication date: 2014-11. [Online] Available from: <https://www.itu.int/ITU-T/recommendations/rec.aspx?rec=12358&lang=en> (Accessed: 05.09.2022).
46. GOSTINFO. (2017b) *GOST R 57767-2017. Subtitles for the film and video production for the hearing impaired persons. General technical requirements for information availability*. Effective date: 2018-01. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6337402.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
47. IMS. (2002) *IMS Guidelines for Developing Accessible Learning Applications: White Paper: v1.0*. Publication date: 2002-07. [Online] Available from: <http://www.imsglobal.org/accessibility/accessiblevers/sec1.html> (Accessed: 05.09.2022).
48. IMS. (2003) *IMS Learner Information Package Accessibility for LIP Best Practice and Implementation Guide: Final Specification: v1.0*. Publication date: 2003-06. [Online] Available from: http://www.imsglobal.org/accessibility/acclipv1p0/imsacclip_bestv1p0.html (Accessed: 05.09.2022).
49. IMS. (2004) *IMS AccessForAll Meta-data Specification: Final Specification: v1.0*. Publication date: 2004-07. [Online] Available from: http://www.imsglobal.org/accessibility/accmdv1p0/imsaccmd_oviewv1p0.html (Accessed: 05.09.2022).
50. ISO. (2008d) *ISO/IEC 24751-3:2008. Information technology — Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training — Part 3: “Access for all” digital resource description*. Publication date: 2008-10. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/43604.html> (Accessed: 05.09.2022).
51. IMS. (2009) *IMS AccessForAll Digital Resource Description Information Model: Final Release: v2.0*. Publication date: 2009-10. [Online] Available from: http://www.imsglobal.org/accessibility/accdrdv2p0/html/ISO_ACCDRDv2p0_InfoModelv1.html (Accessed: 05.09.2022).
52. GOSTINFO. (2015b) *GOST 33249-2015 (ISO/IEC 24751-3:2008). Information technology. Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training. Part 3. “Access for all” digital resource description*. Effective date: 2016-11. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6109204.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
53. GOSTINFO. (2013) *GOST R 55769-2013 (ISO/IEC 24751-1:2008). Information technology. Individualized adaptability and accessibility in e-learning, education and training. Part 1. Framework and reference model*. Effective date: 2015-01. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/5321468.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
54. GOSTINFO. (2019) *GOST R 52872-2019. Internet resources and other digital content. Software applications and user interfaces. Accessibility requirements for persons with disabilities and other special needs*. Effective date: 2020-04. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6471657.aspx> (Accessed: 05.09.2022). (In Russian).
55. W3C. (1999) *WCAG 1.0. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 1.0*. Publication date: 1999-05. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WAI-WEBCONTENT/> (Accessed: 05.09.2022).
56. ISO. (2012b) *ISO/IEC 40500:2012. Information technology — W3C Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0*. Publication date: 2012-10. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/58625.html> (Accessed: 05.09.2022).
57. Kosova, E.A. (2020) Standardization of Web Content Accessibility. *Open Education*. 24 (3). pp. 12–23. DOI: 10.21686/1818-4243-2020-3-12-23 (In Russian).
58. W3C. (2018b) *Web Accessibility Laws & Policies*. Publication date: 2018-03. [Online] Available from: <https://www.w3.org/WAI/policies/> (Accessed: 05.09.2022).

Информация об авторе:

Косова Е.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой прикладной математики Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: lunx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ye.A. Kosova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Applied Mathematics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 06.09.2022;
approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/483/22

Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения

Ирина Александровна Савченко^{1, 2, 3}, Жанна Липаритовна Алоян⁴,
Светлана Сереевна Барсегян⁵

¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

² Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

³ Нижегородская Академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

^{4, 5} Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Ванадзор, Республика Армения

^{1, 2, 3} teosmaco@rambler.ru

⁴ alozhanna@mail.ru

⁵ svetlana-barsegyan@yandex.ru

Аннотация. Освещаются наиболее характерные трудности для изучения РКИ студентами-армянами и предлагаются методические решения для применения компаративного метода с целью устранения этих трудностей. Выявляются особенности русской лингвистической системы, которые являются наиболее сложными для усвоения армянскими студентами. Конкретизируются сопоставительные техники обучения РКИ, определяются методические способы и приемы использования особенностей армянского и изучаемого языков в образовательном процессе.

Ключевые слова: компаративное обучение, учет особенностей родного языка, взаимодействие и взаимовлияние языков, интерференционные явления, русский как иностранный (РКИ), обучающиеся-армяне, сопоставительный анализ языковых систем, контактирующие языки, устойчивые ошибки, речевая деятельность

Для цитирования: Савченко И.А., Алоян Ж.Л., Барсегян С.С. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 195–208. doi: 10.17223/15617793/483/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/22

The Russian language in modern Armenia: Elements of comparative learning

Irina A. Savchenko^{1, 2, 3}, Zhanna L. Aloyan⁴, Svetlana S. Barseghyan⁵

¹ Moscow City University, Moscow, Russian Federation

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

³ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{4, 5} Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia

^{1, 2, 3} teosmaco@rambler.ru

⁴ alozhanna@mail.ru

⁵ svetlana-barsegyan@yandex.ru

Abstract. The present article touches upon some observations on the Russian language teaching in the Armenian classroom focusing on the issue how the linguo-cultural dynamic processes in the post-Soviet states, and in Armenia, in particular, were reflected on the local population's Russian language proficiency and on the conditions of teaching and mastering Russian. We have observed common problems faced by Armenian students in the Russian classroom and highlighted some methodological solutions for the comparative method usage to avoid possible mistakes. We have revealed some characteristics of the Russian language system, which are considered difficult for Armenian students. In our research we mainly focus on some comparative teaching techniques used in the Russian classroom. We also determine the methodological means and techniques of using features of two languages (Armenian and Russian) in the educational process, which promote learners' cognitive development to succeed in learning a foreign language. In the article, we aim to highlight the most difficult features of the Russian language system for Armenian students using a comparative method and on this basis to suggest some comparative techniques to prevent and avoid typical mistakes made by Armenian students in the process of learning. For this purpose, we study the relevant theoretical works necessary for the analysis of the given research material; determine the linguistic factors of the native (Armenian) language which affect the common linguistic characteristics of Armenian students by revealing the similarities and differences between two language systems; consider the main characteristics of the Russian language teaching

process in the classroom; identify and analyze the objective and subjective reasons of language difficulties Armenians experience when mastering Russian with the help of a comparison of the two languages; identify the strategies for overcoming language barriers through comparative teaching and learning. The methodological basis of this article is a comparative-typological analysis of the material and its linguistic and methodological application. We also employ the classical methods of cognition of social phenomena (generalization, analogy, induction, deduction) and applied research methods (observation, description, comparison, sampling). Within the framework of this article we have summarized advanced experiences in the sphere and analyzed the results of our study of Armenian students' speaking through diagnostic tests. The language material is investigated by means of the system analysis method: by separating language levels and separating units within the given levels.

Keywords: comparative learning, consideration of native language peculiarities, interaction and mutual influence of languages, interference phenomena, Russian as foreign language, Armenian students, comparative analysis of language system, contacting languages, persistent mistakes, speech activity

For citation: Savchenko, I.A., Aloyan, Zh.L. & Barseghyan, S.S. (2022) The Russian language in modern Armenia: Elements of comparative learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 195–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/22

Введение

Изменения политического характера, а также экспансия английского языка в образовании привели к колебаниям социокультурных позиций русского языка, к уменьшению зоны его употребительности на постсоветских территориях и во всем мире. Благодаря дружественным отношениям с Россией в Армении все эти процессы не столь интенсивны, как в некоторых других постсоветских государствах. Русский язык в Армении выполняет важные функции: 1) сохраняет функции языка межнационального общения; 2) для многих является основным источником получения новых знаний, преимущественно из медийного пространства; 3) наконец, благодаря русскому языку армяне имеют возможность транслировать свою национальную культуру всему русскоязычному миру. Тем не менее, по данным переписи 2001 г., 13% населения республики русский язык вместе с армянским языком считали родным, но перепись 2011 г зафиксировала снижение числа владеющих русским языком (60%): русский язык в качестве родного языка указали уже менее 1% населения республики [1].

Истоки активного вхождения русского языка и русской культуры в жизнь армянского общества закладываются с XIX в., когда братья Лазаревы в Москве в 1815 г. основали Лазаревский институт восточных языков. Род Лазарянов считался покровителем ученых и артистов. В лицее армянско-русской словесности и искусства обучение учащихся разных национальностей рассматривалось как важнейшая политическая инициатива в воспитании молодого поколения.

Советское время можно охарактеризовать как период активного продвижения русского языка в Армении, когда русский язык активно входит во все сферы жизни общества. Уже с 30-х гг. XIX в. преподавание русского языка и литературы в образовательной системе Армении становится обязательным. В результате начинают изучать русский язык, который был понятен и доступен всем.

Начало и дальнейшее развитие армянской русистики принято относить к 1937 г., когда в Ереванском государственном университете на базе филологического факультета открылось отделение русского языка и литературы, а в дальнейшем, в 1976 г., был основан факультет русского языка и литературы (позже

переименован в факультет русской филологии) и создана кафедра русского языка. Через несколько лет после этого отделения русской филологии были открыты практически во всех профилирующих вузах Армении. В стране открываются русские школы, а в армянских школах русский язык начинает преподаваться с начальных (со 2-го) классов.

В этот период владение русским языком получает особо важное образовательное значение: русский язык входит в армянский быт, становясь активным источником получения информации, средством коммуникации с внешним миром, базой для активного заимствования. Владение русским языком делает доступной литературу на русском языке по отдельным специальностям и становится реальной возможностью для получения качественного высшего образования не только в Армении, но и в других республиках СССР.

В 1993 г. в Армении был принят закон «О языке», согласно которому государственным языком Армении является армянский язык, обслуживающий все сферы жизнедеятельности республики, а обучение и воспитание во всех учебных заведениях должно проводиться на армянском языке. Лишь национальные меньшинства, проживающие на территории Армении, и дети от смешанных браков имеют право на обучение на русском языке. После принятия данного закона все общеобразовательные школы Армении перешли на армянский язык обучения. Однако, несмотря на это, русский язык в средних/общеобразовательных, основных, старших школах и вузах является обязательным. Во всех армянских школах русский язык, как и прежде, начинают изучать со 2-го класса, а другие иностранные языки (в основном, английский язык) – с 3-го класса до окончания школы. Однако по сравнению с советским периодом количество часов, отводимых на русский язык, значительно сократилось: в начальной и основной школах уроки по русскому языку проводятся по два-три часа в неделю, в 10–12-х классах старшей школы – уже по 3 часа в неделю, в классах с профильным обучением – 5–8 часов в неделю. В вузах в рамках непрофильных (неязыковых) направлений подготовки на обучение русскому языку отводится не более двух часов в неделю и только в первые три семестра обучения.

Образовательная среда – это лишь один из элементов социокультурной среды. Сокращение часов, отводимых на изучение русского языка, – не единственная

причина снижения уровня владения русским языком (как в качественном, так и в количественном измерении) в Армении.

Нужно признать, что если 30 лет назад в Армении параллельно с традиционной армянской лингвокультурной средой органично развивалась русская лингвокультурная среда, то теперь этой среды, увы, нет. И если прежде русский язык усваивался населением Армении органично, с ранних лет, «сам по себе», без обращения к армянскому, а школьное и вузовское обучение русскому языку было нацелено не на разговорную речь (которой и так все владели), а на повышение общей грамотности, то теперь армяне изучают русский язык как иностранный. И в этих условиях востребованными становятся компаративные методы обучения. Поколение армянских граждан, рожденных после 1990 г., усваивает русский язык не «напрямую», а через фильтр родного армянского языка.

Актуальность исследования определяется тем, что сегодня повышение качества владения армянскими гражданами русским языком становится беспрецедентно значимым. Лингвокультурные условия, в которых существует армянское общество, в особенности его молодежный сегмент, делают компаративные техники обучения РКИ ведущими и незаменимыми в педагогическом процессе. На этом фоне актуализируется потребность в выявлении и описании языковых закономерных особенностей армянского языка, которые проявляются в русской речи обучаемых армян. Проведение данного исследования может быть направлено на расширение и углубление сравнительно-типологических исследований для определения общих, специфических и своеобразных языковых конструкций в коммуникативной обучающей среде.

Цель статьи – с использованием сравнительного метода выделить наиболее трудные для армянских студентов особенности русской языковой системы (в частности, грамматической) и на этой основе предложить ряд компаративных техник для предупреждения и профилактики типичных ошибок обучающихся-армян, допускаемых при изучении русского языка.

В соответствии с поставленной целью предстоит решить следующие **задачи**:

- изучить соответствующую теоретическую базу, необходимую для анализа материала исследования;
- определить влияющие на языковые особенности армянских студентов лингвистические факторы родного армянского языка, выявляя сходства и различия двух языковых систем;
- рассмотреть особенности процесса обучения русскому языку в армянской аудитории;
- с помощью сопоставительного описания русского и армянского языков выявить и проанализировать объективные и субъективные причины языковых трудностей при обучении РКИ в армянской аудитории;
- обозначить пути преодоления языковых трудностей посредством компаративного обучения.

Методология и методы исследования

Методологической основой работы стал компаративный типологический анализ в векторах его лингвистического и методического применения. В исследовании использовались классические методы познания общественных явлений: обобщение, аналогия, индуктивно-дедуктивный метод.

Для решения поставленных задач был использован комплекс прикладных методов: наблюдение, описание, сопоставление, метод выборки. В рамках данной статьи проведено обобщение передового опыта в изучаемой сфере, проведен анализ результатов изучения речевой деятельности студентов-армян с использованием диагностических тестов.

Исследование языкового материала реализуется методом системного анализа: путем разделения уровней языка и разделения единиц внутри данных уровней.

Основным материалом для выявления типичных языковых трудностей, приводящих к устойчивым ошибкам в речи армянских студентов на русском языке, послужили диагностические тесты, которые проводились в период с 2013 по 2021 г. на первых курсах неспециальных факультетов Ванадзорского государственного университета имени Ованеса Туманяна (Республика Армения). Диагностические тесты включали задания на аудирование, говорение, чтение, письмо, т.е. на тестирование уровня владения всеми формами речевой деятельности. По результатам диагностических тестов были выявлены, систематизированы и проанализированы основные ошибки, присутствующие в тестах, с целью теоретического осмысления трудностей и минимизации последующих ошибок в речи студентов-армян. В рамках данной статьи в центре проведенного нами анализа в большинстве случаев освещены часто встречающиеся, типичные ошибки.

Теоретико-методологическая база исследования основана на положениях, разработанных в научных трудах, в которых исследуются вопросы национально ориентированного обучения русскому языку как иностранному (Б.М. Есаджанян и др. [2], Л.Г. Баласанян, Л.В. Московин [3], В.Н. Вагнер [4], Т.М. Балыхина [5], А.А. Акишина, О.Е. Каган [6], А.Н. Щукин, Г.М. Фролова [7]), в работах по проблемам теории и практики преподавания иностранных языков в условиях межкультурного взаимодействия (О.А. Обдалова и О.В. Одегова [8, 9], Н.Д. Гальскова [10], М. Вугат [11] и др.), а также в работах по методике обучения русскому как иностранному с учетом языковой системы родного языка обучающихся (В.Н. Вагнер [4, 12], Т.М. Балыхина и Н.М. Румянцева [13], Б.М. Есаджанян [14], Р.Л. Мелкумян [15], И.Р. Саркисян [16] и др.).

В исследовании был использован метод компаративно-контрастного анализа – метод, применяемый для выявления общего и специфического в грамматической системе контактирующих языков (в данном случае армянского и русского) в необходимом и достаточном для данного исследования объеме с целью выявления типичных для армяноговорящих студентов

трудностей при изучении РКИ. «Здесь, во-первых, мы берем во внимание родной язык обучающихся, поскольку он естественным образом “всплывает” в сознании обучающихся в процессе обучения новому иностранному языку. Одновременно с родным языком большую роль играет и первый (а также второй/третий и т.д.) иностранный язык обучающихся – английский язык и др.» [17. С. 166].

Постановка вопроса

Сегодня обучение иностранным языкам, в том числе и русскому, рассматривается в контексте межкультурной коммуникации. Взаимопонимание людей, относящихся к разным культурам, часто осложняется из-за языковых барьеров, стереотипов и предрассудков. Исходя из этого, важнейшими задачами обучения РКИ в армянской аудитории являются: формирование у обучающихся базовых языковых и лингвокультурных структур русского языка, изучение фактов культуры в языке, обеспечивающих в дальнейшем грамматически правильное, семантически и культурно точное понимание и порождение текстов на иностранном языке, восприятие русскоязычной речи на слух, т.е. развитие коммуникативной компетенции. Методическая система обучения РКИ в армянской аудитории часто сопряжена с закономерными трудностями, обусловленными типологией языков разных языковых систем. Методическая значимость типологии языков в обучении РКИ в армянской аудитории возрастает. Поэтому для реализации стратегии обучения РКИ в армянской аудитории, на наш взгляд, необходим учет особенностей армянского языка с целью методической адаптации и презентации русского языкового материала, прогнозирования, профилактики и устранения возникающих интерференционных ошибок. Компаративный метод, который так или иначе уже используется в практике обучения армян русскому языку, требует научного обоснования.

Сведения о том, как выглядит русский язык в зеркале армянского языка – родного языка обучающегося, разумеется, нельзя отождествлять с методикой преподавания русского языка в армянской аудитории. Однако такие сведения могут являться основой для методически грамотного преподавания РКИ, в котором в максимальной степени учитываются особенности обучающегося, в данном случае – армяноговорящего. Так как в Армении языком общения во всех сферах жизнедеятельности является армянский, овладение новым иностранным языком (русским языком в нашем случае) реализуется через преодоление норм родной языковой системы и определенных стереотипов, а знание русского языка накладывается на психолингвистические традиции родного языка. Процесс обучения РКИ в армянской аудитории, таким образом, определяется не только взаимопроникновением систем двух языков, но и влиянием социокультурных и психолингвистических установок и традиций армянских учащихся. Компаративный типологический анализ языковых единиц и грамматических категорий

контактирующих языков в процессе преподавания РКИ имеет цель – выявить причины и мотивы возникающих ошибок и трудностей, определить место и роль отдельных лингвистических категорий, последовательность их подачи при обучении РКИ в армянской аудитории. Как отмечает Н.Н. Рогозная, в задачу преподавания языков «входит не насаждение, а прогнозирование и предупреждение ошибок». Поэтому свести количество ошибок до минимума можно «с помощью внедрения в практику преподавания сопоставительных лингвистических данных, развития осознанного подхода к обучению языку, использования разнообразных методических приемов, игровых заданий и так далее» [18. С. 122].

Для более эффективного осуществления и оптимизации самого процесса обучения необходимо выстроить особую оптимальную методическую систему управления учебным процессом, которая будет базироваться на сопоставительном описании русского и армянского языков, установить, какие лингвистические явления русского языка имеют прямые совпадения и, наоборот, расхождения с армянским языком. В такой методической системе важно выявить те лингвистические категории, которые имеют сходства в лексическом значении и употреблении слов и языковых конструкций. Не менее значимо сознательное восприятие армянскими студентами тех языковых форм русского языка, которые являются уникальными и не имеют никаких аналогий в армянском языке, что позволит выявить универсальные и индивидуальные характеристики каждого из этих языков.

Изучение РКИ предполагает понимание нового кода и правил переключения кодов. На этом этапе опосредующую роль играет система правил родного языка. Человек кодирует грамматику и семантику в категориях и языковых средствах родного языка, а затем пытается дать сознательный перевод высказывания на иностранный язык. Таким образом, при понимании иностранного языка, в данном случае русского, в сознании обучающихся функционируют две системы – речевоспроизведения и языкового кодирования.

Практика показывает, что при обучении русскому языку студенты-армяне встречаются с большими трудностями. Основываясь на многолетнем опыте работы со студентами в армяноязычной аудитории, мы выделили основные трудности, с которыми сталкиваются армяноязычные студенты. Эти трудности в большинстве своем связаны с тем, что армянский и русский языки относятся к разным типам языков: русский язык относится к флективным языкам, а армянский – к агглютинативным. Как правило, языковое мышление у обучающихся армян – армянское, поэтому в их речи больше интерференционных явлений, связанных с армянской языковой системой. По этому вопросу еще Л.В. Щерба отмечал, что «очевидно... надо решительно отказаться от традиционной изоляции изучаемого языка от родного и попытаться получить нужные результаты иными способами <...> Вполне естественно попытаться сделать из родного языка не врага, а друга и помощника. При обучении

иностранным языку можно и надо всегда отталкиваться от родного языка <...> Таким образом, все своеобразие иностранного языка не должно усваиваться бессознательно, практически, а должно быть наоборот, сознательно противопоставляемо явлениям родного языка» [19. С. 40–51].

Исходя из собственного многолетнего опыта, можем указать следующие аспекты методической работы, в которой сопоставление становится важным базовым материалом для последующего изучения РКИ. Во-первых, многие характерные трудности русского языка с типологической точки зрения могут быть обнаружены на периферии армянского языка. Так обстоит, например, дело с падежами в русском и армянском языках, с категорией вида в русском и армянском языках и т.д. Во-вторых, языковые знания, умения и навыки в армянском языке, на наш взгляд, оказывают опосредованное влияние на овладение русским языком.

Сопоставление как общенаучный метод обучения языку является, на наш взгляд, одним из условий продуктивности и результативности обучения РКИ. Такой методический прием позволяет преподавателям выявить существующие совпадения и расхождения в системах контактирующих языков. Благодаря сопоставительному компаративному методу при анализе, например морфологического строя русского и родного языков, путем сравнения и последовательного сопоставления грамматических категорий контактирующих языков можно выявить, какие морфологические категории русского языка имеют аналоги в родном языке обучающихся и какие морфологические категории родного языка не имеют соответствий в русском языке [20]. Такой анализ содействует целесообразной организации и эффективной последовательности подачи языкового материала. Проведение комплексного сопоставительного анализа лингвистических категорий контактирующих языков позволяет преподавателю спрогнозировать, выявить и оценить возможные интерференционные ошибки, а также обозначить действенную рациональную систему и спроектировать продуктивные методы обучения РКИ в армянской аудитории.

А как поступать в том случае, когда невозможно типологическое сопоставление? Как уже было указано выше, сопоставление не всегда возможно в силу несоответствия тех или иных языковых явлений в армянском и русском языках. В таком случае целесообразно, на наш взгляд, обращаться к материалу английского (второго или третьего изучаемого иностранного) языка, предлагая обучающимся сравнивать «...специфические знания, навыки и умения, реализующиеся в компетенциях, основывающихся, в том числе, и на способах получения, переработки, организации и извлечения полученных знаний средствами изучаемого иностранного языка» [21. С. 28]. В нашей практике нам также приходилось для объяснения некоторых грамматических категорий прибегать к помощи второго иностранного, например английского. Для этого, разумеется, необходимо, чтобы студенты как минимум владели английским языком на уровне А1-А2.

Трудность изучения тех или иных лингвистических явлений русского языка в отдельных случаях может определяться их сложностью, а не вследствие несовпадения лингвистических систем языков.

Расхождения, существующие в русском и армянском языках, в соответствии с каждым языковым уровнем выражаются в виде диафонии (различия на фонетическом уровне), дисморфии (морфологические различия), диатаксиса (синтаксические несовпадения), диасемии (семантические расхождения), диалексии (различия морфологических форм слова). Указанные расхождения, которые, как уже видно, проявляются на всех уровнях языка (фонетическом, грамматическом, лексическом, семантическом, стилистическом, орфографическом, и лингво- и социокультурном) и порождают закономерные трудности при обучении русскому языку.

Некоторые фонетические, лексические и орфографические трудности при обучении РКИ

Поскольку целью нашей статьи является освещение самых типичных и часто повторяющихся трудностей при обучении РКИ в армянской аудитории, мы выделили ряд фонетических, орфографических, лексических и морфологических особенностей армянского языка, не имеющих прямых соответствий в русском. В данной статье были проанализированы эти трудности в общих чертах, так как выявление и исследование трудностей на каждом из этих уровней языка может стать предметом отдельного исследования.

В условиях глобализации и развивающегося в мире многоязычия конечной целью обучения иностранным языкам, в нашем случае русскому языку, становится овладение коммуникативной функцией языка, т.е. дальнейшее использование русской речи (устной и письменной) как средства общения. В таких условиях одной из главных задач преподавания РКИ, на наш взгляд, становится формирование творческой языковой личности. Поэтому методическим содержанием занятия должна быть коммуникация.

К основным трудностям в фонетической и лексической системах, с которыми сталкиваются студенты-армяне при обучении РКИ, можно отнести:

– ошибки при постановке ударения, которые весьма распространены и устойчивы. Подобные ошибки обусловлены различием акцентологических систем армянского и русского языков. В армянском языке ударение фиксированное – на гласном последнего слога в слове, в русском же оно динамичное, разноместное, силлабо-тоническое и имеет смыслоразличительную функцию (за́мок – замо́к, наре́зать – наре́зть). Можно сказать, что ударение в армянском языке подчеркивает все слово (заканчивает его), а в русском – и слово, и фонему, которая в безударной позиции меняет качество, подвергается редукции. Данное различие приводит к интерферентным явлениям: различие значения словоформы (ср.: кни́ги (род. п. ед. ч.) – кни'ги (им. п. мн. ч.), мо'ря (род. п. ед. ч.) – моря' (им. п. мн. ч.), окна' (род. п. ед. ч.) – о'кна (мн. ч. им. п.), постановка самого ударения не на том

слоге. Данные и другие подобного рода словоформы не только произносятся одинаково (в лучшем случае), но и обозначают лишь множественность, исключая все остальные грамматические значения;

– на фонетическом уровне главными причинами интерференции являются: отсутствие в армянском языке дифференциального признака твердости-мягкости согласных; редукция гласных; отсутствие оглушения звонких согласных перед глухими в конце слова, озвончения – перед звонкими; отсутствие определенных звуков русского языка в армянском. Для армянских обучающихся трудным представляется также вариативность гласных фонем в безударной позиции, их изменчивость в зависимости от занимаемой позиции по отношению к ударному слогу. В армянском языке фонема [a] всегда выступает в роли только [a]. Так же обстоит дело и с другими гласными: соответствующих инвариантных гласных фонем в армянском языке нет. Подобную характеристику можем дать и другим отклонениям в произношении согласных звуков. Немалую трудность представляет усвоение русских звуков [и] и [ы]: языка (языка), самый (в значении ‘самый’), бил (в значении ‘был’), ми (мы) и др. Были выявлены отклонения также при произношении в отсутствующих в армянском языке таких согласных звуков, как [ч’], [ш’], [ж’]: [чэсни], [шэка], [шотка] и др. Как правило, [ш’] произносилось как [шч], [ч’] и [ж’] произносятся твердо, как соответствующие армянские варианты. Для современного армянского литературного языка не характерна корреляция согласных по мягкости/твердости; армянским согласным звукам не свойственно мягкое произношение, результатом чего становится смещение в произношении мягких и твердых согласных. Очень часто в данном аспекте армянские студенты не различают согласные [л] и [л’]: [цэлы], [рул], [пэдал], [лэто], [палто] и др.;

– на основе сопоставления лексики армянского и русского языков были выделены также сходства и различия в семантической системе. Расхождения могут быть обусловлены эпидигматикой, парадигматикой и синтагматикой. Очень часто одно и то же явление окружающей нас действительности в разных языках может получать разное выражение и определение. В процессе преподавания РКИ наибольшее внимание должно быть уделено наиболее активной зоне лексико-семантической интерференции армянского и русского языков – многозначным словам. Трудности присутствуют в усвоении студентами русских слов с переносными значениями в результате как совпадения, так и различия образных систем русского и армянского языков. Ср.: совпадение – золотые руки, голова (в значении умный), дует ветер, идет дождь и др.; несовпадение – огурчик (про мужчину, который выглядит свежо, молодо, бодро), в армянском же – это слово имеет прямо противоположное значение; рукой подать – воспринимается в прямом значении. Значения многозначных слов воспринимаются только в основном, первичном значении. Особенно трудно воспринимаются переносные значения на основании сходства. Происходит также перенесение одного из

значений омонимичных слов на сферу употребления одного из значений полисемантического слова: ср. употребление слова «размер» в значении «величина». В речи армян, изучающих русский язык, не происходит разграничения слов-омонимов и многозначных слов.

В диагностический тест с целью выявления трудностей при употреблении омонимичных слов русского языка были включены задания: перевести данные предложения на армянский язык, объяснить значения выделенных слов и т.п. Были выявлены ошибки такого рода: не воспринимается омонимичность слов, одно значение переводится информантами правильно, а второе – либо не переводится, либо переводится в первом значении: образование (в значении ‘обучение’), печь (как существительное), походить (‘идти вперед’), ключ (только в значении ‘ключ от замка’, а значение ‘источник’ армянским учащимся было неизвестно). Омонимы информанты определяют как формы одного и того же слова.

В связи с этим считаем уместным при изучении нового материала своевременно включать в содержание обучения адаптированные тексты разных жанров с различными значениями многозначных слов (с расставленными ударениями на начальном этапе обучения). При этом тексты должны сопровождаться различными заданиями для активации соответствующих значений многозначного слова: перевести их на армянский язык или подобрать к ним синонимы/антонимы.

Для развития русской речи обучающихся армян немаловажное значение имеет систематическая работа над фразеологизмами и идиоматическими выражениями. Фразеологические единицы широко употребительны и в русском, и в армянском языках. Многие из них схожи по структуре и семантике. Ср.: набрать в рот воды – բերանը ջուր փնել [beranə ʒur aɲnel] букв.: взять в рот воды; понимать с полуслова – կես բանը հասկանալ [kes banəˈ haskanal] – дословный перевод; знать как свои пять пальцев – հինգ մատի պես գիտնալ [hing mati pes gitenal] – дословный перевод и др. Но многие русские фразеологизмы не имеют эквивалентов в армянском языке, например: бить баклуши, сирота казанская, отложить в долгий ящик, приказать долго жить и прочие. В этом случае студенты-армяне сталкиваются с трудностью определения значения данных фразеологизмов и их переводом на армянский язык. Например, фразеологизм приказать долго жить в их понимании – действительно долго жить, хотя он имеет противоположное значение – ‘умереть’. Как показывает наша практика, армянские обучающиеся нередко путают фразеологический оборот с аналогичным свободным словосочетанием. В таких ситуациях целесообразным считаем проведение структурно-семантического и этимологического анализа фразеологических оборотов для определения норм употребления данных единиц в речи. Считаем необходимым отметить, что перевод фразеологических единиц с русского языка на армянский также представляет собой один из сложных вопросов при обучении армян РКИ.

Бесспорно, навыки, умения и компетенции, приобретенные при выполнении фонетических и лексических упражнений, в дальнейшем обеспечивают базу для формирования коммуникативных умений и навыков, однако более подробный анализ трудностей, возникающих на фонетическом, лексическом, орфографическом, стилистическом уровнях, может быть предметом отдельных исследований.

Устойчивые и типичные трудности при обучении армянской аудитории грамматике русского языка

Со значительными трудностями сталкиваются армянские студенты при усвоении морфологической системы русского языка, что также связано с имеющимися расхождениями в морфологических системах контактирующих языков. В русском, как и в армянском языке, традиционно выделяют десять частей речи.

К **морфологическим** единицам и категориям, отсутствующим в армянском языке и не имеющим аналогий с морфологическими явлениями русского языка, которые вызывают естественные трудности у армянских студентов, относятся:

- агглютинативный характер морфологии армянского языка с некоторыми элементами аналитизма;
- различие в грамматическом и семантическом выражении категории одушевленности/неодушевленности имен существительных в русском и армянском языках;
- отсутствие грамматической категории рода в армянском языке и ее наличие в русском языке;
- несовпадение падежных систем – функций, значений и количества падежей – русского и армянского языков;
- отсутствие в армянском языке падежной парадигмы прилагательных;
- наличие грамматических связей в русском языке. Русский язык характеризуется нормой грамматического согласования определяемого слова с главным, т.е. существительного с другими частями речи в роде, числе и падеже. В армянском языке данное явление отсутствует;
- несовпадение форм русских местоимений в дательном и винительном падежах с соответствующими местоимениями армянского языка;
- наличие категории совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида в русском языке и ее отсутствие в армянском языке;
- отсутствие в армянском языке приставочных глаголов, однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения и др.

Подробнее разберем трудности, приводящие к устойчивым и типичным речевым ошибкам обучающихся армян по отдельным частям речи.

Имя существительное в русском языке представлено такими грамматическими категориями, как род, число и падеж, а также лексико-грамматическими разрядами. В армянском же языке имя существительное имеет грамматические категории числа, падежа, а также лексико-грамматическими разрядами одушевленности и неодушевленности.

При обучении **категории числа** у обучающихся особых трудностей не возникает, так как данная категория с ее словоизменительной парадигмой присуща как армянскому, так и русскому языкам и не выявляет особых семантических расхождений. Однако типологическая система двух контактирующих языков определяет разные формы выражения множественности имен существительных: формы множественного числа в русском языке образуются с помощью окончаний, а в армянском – действует агглютинативный принцип образования множественности – прибавление к основе слова постоянного суффикса *-ներ- / -եր- ([-ner- / -er-])*. При склонении существительных множественного числа в армянском языке механически «прикрепляются» падежные окончания единственного числа. Таким образом, категория числа в армянском и русском языках с точки зрения типологии во многом тождественна.

Падежная система любого языка организована на соответствии сопоставлений «форма – значение / смысл». В русском языке выделяют 6 падежей, а в армянском – 7. В данной категории в обоих языках обнаруживаются как соответствия, так и расхождения, что и представляет трудность для восприятия и дальнейшего правильного употребления этой категории в речи. В каждом из этих языков значения отдельных падежей не совпадают и вызывают типичные ошибки при их употреблении. Не совпадает также техника словоизменения: в русском языке употребляют дифференцированное словоизменение (для каждого грамматического рода своя система склонения), а в армянском языке действует как внутренняя (изменения происходят в основе слова), так и внешняя (с помощью флексий) последовательность. Ср.: дом – *մա / տնիւ – տնիւ* [tun / tan]; яйцо – *կիւն – ձիւն* [ju / jvi]; любовь – *կար / սիր* [ser / sira] и др. Особо нужно отметить несовпадение значений винительного падежа существительных армянского и русского языков. Категория одушевленности/неодушевленности в русском языке, как известно, выражается совпадением словоформ в именительном и винительном падежах – при обозначении неодушевленности, в родительном и винительном падежах – при обозначении одушевленности имен существительных. Например, видеть сына, друга, дочерей, сестер, но видеть дом, пол, село, окно, вазы, книги и др. Важность формы винительного падежа в коммуникации определяется в первую очередь частотностью употребления слов в этом падеже, в том числе частотностью употребления личных имен в винительном падеже. Выражение категории одушевленности/неодушевленности в армянском языке (даже при употреблении личного имени) может быть осуществлено на синтаксическом уровне и исходя из конкретных коммуникативных целей говорящего. Ср.: Я люблю А.С. Пушкина (Вин. п.) / Я люблю собаку (Вин. п.) (из рода домашних животных), не люблю котов / *Ես սիրում եմ Պուշկին* [es sirum em puşkin]: (Вин. п. = Им. п.) (имеются в виду стихи Пушкина и в данном случае личное имя употребляется в значении

нарицательного) / Ես սիրում եմ Պուշկինին [es sirum em puškinin] (Вин. п. = Дат. п.) – в данной конструкции имя личное использовано в своем прямом значении и обозначает личность (т.е. любить личность Пушкина) / Ես սիրում եմ շուն [es sirum em šun]: (Вин. п. = Им. п.) – слово собака в данной конструкции имеет значение рода животных), а в предложении Ես սիրում եմ շանը [es sirum em šanə] – получает значение определенности и употреблено в дательном падеже. Особо нужно отметить, что животные в армянском языке рассматриваются в качестве неодушевленных существительных и отвечают на вопрос «что?». Нормативными являются ошибки при определении категории одушевленности/неодушевленности. В армянском языке вопрос «кто?» ставится к существительным, обозначающим лишь человека, а все остальные слова, которые указывают на животных, птиц, насекомых и неживые предметы, относятся к неодушевленному существительным и отвечают на вопрос «что?».

Грамматическая категория рода не характерна для морфологической системы современного армянского языка. Сложность этой темы приводит к типичным трудностям в процессе обучения РКИ, а в результате – к возникновению ошибок при согласовании и управлении в речи армянских обучающихся. Естественный женский пол в армянском языке выражается путем прибавления суффикса – ուհի [-uhi] к слову, которое может обозначать как мужской, так и женский пол. Ср.: врач – բժիշկ [bʒišk] (можно обозначить как слово общего рода) – բժշկուհի [bʒiškuihi] (женский род); учитель – ուսուցիչ [usuc'ič'] – ուսուցչուհի [usuc'č'uhi]; секретарь – քարտուղար [k'artuŋar] – քարտուղարուհի [k'artuŋaruhi] и др.

Восприятие **категории грамматического рода** в русском языке можно отнести к одной из самых трудных задач для армянских студентов. Категория рода в русском языке – универсальная категория, которой обладают имена существительные, прилагательные, порядковые и некоторые из количественных числительных, местоимения, некоторые глагольные формы (прошедшее время, условное наклонение, причастия), а армянский язык относится к той небольшой группе индоевропейских языков, которой не присуща эта категория. Категория рода распространяется на другие, зависимые от нее явления грамматики русского языка (склонение существительных, согласование прилагательных, причастий (причастных оборотов), порядковых числительных и т.п.), поэтому правильное их усвоение зависит от правильного понимания и определения рода. В армянской грамматике имена существительные не согласуются с другими частями речи в роде, числе, падеже. Многолетний опыт работы в вузе показывает, что армянские студенты наибольшее количество ошибок в речи допускают при употреблении форм грамматического рода. Ошибки данного типа обусловлены совпадением форм существительных мужского рода в именительном падеже русского языка с существительными в именительном падеже армянского языка, которые также не имеют

окончания, т.е. обладают нулевым окончанием, и этим определяются трудности восприятия данной категории армянскими обучающимися. Вследствие этого возникают ошибки следующего типа: мой ручка, наша дом, красивый мама, холодный вода, мой волосы, светлый комната, папа сказала, один газет, идущий девушка, белый стена и т.п. Так, в русском языке прилагательные, числительные (один, два, а также порядковые), местоимения, сочетаясь с существительным в качестве его определения, согласуются в роде, числе и падеже, а в армянском языке в родовом отношении они остаются без изменений.

Существенным является и то, что между морфологическими категориями прилагательного в русском языке и между морфологическими категориями прилагательного в армянском языке есть значительная разница. В армянском языке **имена прилагательные**, в отличие от русского, не имеют падежной парадигмы, что указывает на весьма существенные отличия между двумя языками и на возникающие вследствие этого трудности при изучении данной части речи армянскими студентами. В них общими являются лишь значение признака и категория степеней сравнения. В силу агглютинативной природы армянского языка прилагательное является неизменяемой частью речи, в русском же языке эта часть речи характеризуется грамматическими категориями имени существительного (род, число, падеж). Однако эти категории не являются постоянными, а служат для грамматического согласования с именем существительным. Словоизменяемая функция прилагательного в русском языке и неизменяемость армянских прилагательных служат обоснованной базой для возникновения трудностей при их обучении и употреблении в речи. Отсутствие у студентов-армян навыков согласования имени прилагательного с существительным в армянском языке способствует порождению большого числа ошибок при согласовании частей речи в процессе организации русской речи, что создает предпосылки для возникновения трудностей при изучении имени прилагательного. В результате несовпадения грамматических категорий прилагательного в русском и армянском языках в речи армяноговорящих студентов нами замечены несистемные употребления прилагательных, несогласование прилагательных с существительными и усечение их окончаний. Ср.: красная шапка – կարմիր գլխարկ [karmir glxark], красный цвет – կարմիր գույն [karmir guyn], красное солнышко – կարմիր արև [karmir arev], красные носки – կարմիր գուլպաներ [karmir gulpaner]; усечение – красны (й), голубо (й), стары (й) и др. Приведем замеченные нами ошибки в согласовании: Единственная проблема с языком были. У меня прямая автобус. Хороший мысль у тебя. Старая дедушка. Сильная папа. Для развития соответствующих навыков (согласования, изменения в роде, числе и падеже, сохранения окончаний) целесообразным считаем выполнение упражнений на склонение прилагательных параллельно с существительными и написание пропущенных окончаний прилагательных. Посредством таких

упражнений отрабатываются навыки согласования прилагательных с существительными.

Распространенные ошибки в употреблении местоимений

Как в армянском, так и в русском языке имена могут заменяться местоимениями. В обоих языках выделяются параллельные группы местоимений по значению (разряды местоимений). Очевидно, что грамматические категории числа и падежа дублируют соответствующие категории существительного и прилагательного. Однако и при таком совпадении также можно констатировать факт возникновения трудностей при работе с местоимениями в армянской аудитории.

В армянском языке при склонении местоимений дательный и винительный падежи совпадают в одной словоформе. Ср.:

Տր. / Дат. п. ինձ [inj] / мне, քեզ [k'ez] / тебе, նրան [nran] / ему, ей, մեզ [mez] / нам, ձեզ / вам, նրանց [nranc'] / им.

Հայց. / Вин. п. ինձ [inj] / меня, քեզ [k'ez] / тебя, նրան [nran] / ego, ee, մեզ [mez] / нас, ձեզ / вас, նրանց [nranc'] / их.

В результате указанных совпадений в русской речи армянских обучающихся можно заметить ошибочное употребление дательного падежа вместо винительного: Можно вам?; Пошлю вас / тебя (письмо); С днем рождения тебе; Хочу подарить тебя цветы; Могу помочь тебя / вас; Для вас сделаю; Поздравляю вам; Желаю вас...; Мальчик ответил его; Ему остановил один архитектор; А сейчас я тебя подарю цветные карандаши; Ему звали Иван Айвазовский и др.

Нами зафиксировано неправильное понимание и употребление форм личного местоимения единственного числа «я», когда при склонении меняется вся его основа (я – меня и т.д.); употребление местоимений мне–меня–себя, которое также объясняется совпадением форм местоимений в винительном падеже с формой дательного падежа в армянском языке; употребление указательного местоимения в предложениях следующего типа: Это студенты. Это наши студенты. Эти студенты готовятся к занятию (смещение синтаксических функций местоимений в предложении).

Нами были замечены также примеры ошибок с утратой рефлексивов: Ты часто звонишь твоим родителям? Мама отдала ее счастье ее детям. Я часто бывал на моей даче.

Наблюдается также неправильное употребление указательных местоимений вместо личных: 1. В восемь часов я иду на урок. Этот кончается в четырнадцать часов. 2. Книга лежит в шкафу. Эта находится на нижней полке шкафа. Ошибки данного рода возникают при прямом, дословном переводе с армянского языка, где в конструкциях подобного рода используются указательные местоимения.

Наиболее сложная тема морфологии русского языка – глагол, ее неполное усвоение приводит к

межъязыковой интерференции. Многообразие грамматических категорий русского глагола, сложность значений и образований данной группы слов являются причиной типичных трудностей для армянских студентов. Трудности еще больше усиливаются вследствие отсутствия аналогичных грамматических форм и значений, присущих русским глаголам.

В русском языке семантика грамматической категории вида глагола показывает нецелостность, неопределенность (НСВ) и целостность, внутренний предел (СВ) действия, однако грамматическая категория вида имеет семантические инварианты, которые не представлены в армянском глаголе. Указание на результативность или кратность действия, выражаемое в русском языке в рамках категории вида, передается в армянском языке средствами лексического уровня. Уже этой разноуровневой принадлежности достаточно для обоснования трудности усвоения русского глагольного вида армяноговорящими. Например, семантический инвариант повторяющегося действия: Она потеряла ключи от дома. Форма глагола «потеряла» означает, что она потеряла ключи неоднократно. В армянском языке эта конструкция может быть выражена только аналитически – при помощи лексических средств много раз, не раз, часто и др. Трудности вызывает также использование конструкций с завершенной формой прошедшего времени в контексте неопределенной кратности. Ср.: Она никогда не мне показала эту фотографию.

Если вид русского глагола является постоянным признаком всех глагольных форм, в том числе и инфинитива (ср.: писать – пишу – писал – буду писать – пиши – писал бы...), а видовые корреляты образуются с помощью суффиксов и префиксов (читать – прочитать, выполнить – выполнять и др.), то в армянском языке вид является непостоянным признаком, выявляется лишь в спрягаемых формах и связывается со временем протекания действия, т.е. с грамматической категорией времени. Русским глагольным формам прошедшего времени несовершенного вида соответствуют армянские глагольные формы прошедшего несовершенного времени, ср.: шел – ходил – գ ւ ու լ մ է ի [gnum ēi], летел – летал – թռ չ ու լ մ է ի [t'řč'um ēi]; а глаголам совершенного вида – формы прошедшего совершенного времени, ср.: пошел – поехал – գ ւ սց ի [gnac'i], пробежал – убежал – վազեցի [vazec'i] и т.д. Этим расхождением обуславливается нарушение в русской речи армян видовременных соотношений определения формы времени глагола как формы вида: буду написать, будем подождать, будем подумать, буду посмотреть, больше не буду опоздать и др. Я уже писал (в значении написал); Он часто пришел на занятия... Он начал прочитать. Не надо было поверить его словам. Зачем поехать туда? Очень часто смешиваются видовые корреляты глаголов говорить – сказать, которые воспринимаются армянскими студентами как разные слова с разными значениями: Много раз я сказал. Можно мне говорить? (вместо Можно я скажу?). Как видно из примеров, армянские студенты отождествляют несовершенный вид с будущим временем глагола, а прошедшее время – с совершенным видом. Такое смешение связано с

тем, что в армянском языке законченность/незаконченность действия имеет прямую связь с категорией времени, а категория вида рассматривается как несамостоятельная грамматическая категория, что не свойственно русскому языку. Замечено неразличение таких грамматических форм, как должен писать – будет писать – напишет.

Были зафиксированы неправильные употребления в речи армянских студентов форм совершенного вида глагола в инфинитивных конструкциях: Мне надо учиться прочитать. Мне больше нравится приготовить, печь, хотя в армянском языке в подобных конструкциях, так же как и в русском, используются глаголы несовершенного вида. Данные ошибочные употребления грамматического вида, на наш взгляд, обуславливаются незнанием/непониманием значения приставок и их соотносительности с видом. Приставки в русском языке приносят в глагольную лексему пространственное и темпоральное значения, что нехарактерно для глаголов армянского языка, где отсутствуют приставочные образования глагольных форм. Трудности появляются и вследствие семантической тождественности/близости префиксов, семантического разнобоя, который придают глаголам приставки: ср.: глаголы уйти, выйти, пойти, ходить, уехать, улететь и другие формы данного глагола в армянском языке выражается одной глагольной формой [q'ush] [gnal].

Для минимизации ошибок в употреблении видо-временных форм глагола армянскими обучающимися необходимо, чтобы последние овладели семантикой глаголов совершенного и несовершенного видов – предельности и неопределенности значений действия. Не меньшее внимание следует уделять правильному употреблению наречий часто, редко, обычно, иногда с глаголами несовершенного вида (НСВ) и употреблению наречий вчера, сразу, мгновенно, сегодня, позавчера с глаголами совершенного вида и их использованию в предложениях типа: Когда ты обычно (что делаешь?) встаешь? – Я всегда (что делаю?) встаю рано и немного (что делаю?) занимаюсь спортом. В этих предложениях используются глаголы несовершенного вида, которые отвечают на вопрос «что делать?». А в предложении Почему ты сегодня (что сделал?) встал так поздно? используется глагол совершенного вида, так как действие уже совершено. Студентам предлагается запомнить и правильно использовать в предложениях глаголы, после которых употребляются глагольные инфинитивы НСВ: любить (кататься, бегать, читать) / полюбить, запрещать, учиться / научиться и др. Особое внимание необходимо уделить использованию следующих отрицательных конструкций: никак, не следует, не надо, нельзя, незачем, лучше не, отнюдь не, не советую, не нужно, не хочется, не рекомендуется, вовсе не, далеко не, а также достаточно, хватит, вредно и др., после которых также употребляются глаголы несовершенного вида. В нашей практике встречались следующие ошибки, допускаемые армянскими студентами и связанные с употреблением вида глагола: Можно читать? вместо Можно прочитать? Или Можно продолжать? вместо

Можно продолжить? Или Мальчик начал нарисовать на стене вместо Мальчик начал рисовать на стене и т.п.

С категорией вида тесно связывается другая сложная для усвоения армянами тема в глагольной системе – глаголы движения. Особые специфические трудности возникают при изучении глаголов движения, которые образуют семантические соотносительные пары однонаправленного/разнонаправленного действия: идти – ходить, бежать – бегать, брести – бродить, лезть – лазить, лететь – летать, плыть – плавать и др. Семантика глаголов движения/перемещения в русском и армянском языках неравнозначна. Глаголы движения относятся к такому пласту лексики русского языка, который коренным образом отличается от лингвистических представлений глагольной категории движения в армянском языке, и ошибки, часто присутствующие в русской речи армян при употреблении данной категории слов, связаны именно с расхождениями в грамматических системах русского и армянского языков.

Русские глаголы движения образуют специфическую семантическую категорию и представлены в русском языке соотносительными парами. В армянском же языке глаголы движения не распределяются по отдельным лексическим группам и не формируют также соотносительных пар. Они просто могут лишь объединиться в одну семантическую группу на основе лексического значения, на которое не накладывается другой обязательный признак (ср.: q'ush [gnal], q'ush [gal], ush'ut [tanel], berel [berel] и др., но в этих глаголах нет указания на способ передвижения, на показатель кратности). В русском языке в глагольных лексемах присутствует широкий семантический спектр: «способа», «средства», «характера» и «интенсивности перемещения в пространстве», который определяется самой семантикой глаголов:

– способ и характер движения/перемещения (ходить – ездить, летать – лететь, нести – вести – везти, лезть – лазить, брести – бродить, тащить – таскать, гонять – гнать, ползти – ползать, катать – катить);

– направленность движения/перемещения, однонаправленность и разнонаправленность, однократность и многократность (плыть – плавать, ехать – ездить, бегать – бежать, гнаться – гоняться, катить – катать, везти – возить, летать-лететь, брести – бродить).

Указанные специфические особенности русских глаголов движения создают плодотворную основу для межъязыковой интерференции и приводят к закономерным трудностям при обучении этой группы лексем. Ср.: Я иду в Москву. Она принесла подарки для друзей из Москвы. Из Москвы они придут завтра. Каждое утро он бежит по парку. Мы много раз ехали в Москву.

Как уже отмечалось, в армянском языке префиксация во всех частях речи, в том числе при образовании глагольных форм, малопродуктивна. В русском же языке существует множество различных словообразовательных приставок (в- / во-, вы-, до-, от- / ото-, о- / об-, из-, за-, у-, при-, под- / подо-, пере-, про- и др.), которые путем имперфектизации/перфектизации придают глаго-

лам новые смысловые оттенки (уйти, дойти, войти, зайти, выйти, прийти, отойти, перейти, пройти, подойти, обойти). В русском словообразовании приставки обладают формообразующей, смыслообразующей и словообразующей функциями, что значительно затрудняет понимание и употребление приставочных глаголов в русской речи армян. Глаголы движения в армянском языке передаются одной и той же глагольной формой. Ср.: глаголам переходить – перейти, проезжать – проехать, проходить – пройти в армянском языке соответствует одна глагольная форма ‘*shǫǫtǫtǫ*’ [anc‘nel], прийти – приехать – ‘*qush*’ [gal], ехать – уехать, пойти – поехать, идти – пойти ‘*qǫsh*’ [gnal] и много других. В связи с этим встречаются ошибки подобного рода: Он боялся туда ехать (вместо идти). А в свободное время он пошел (вместо ходил) к морю. Я каждый день иду на работу на автобусе. Они вчера пришли из Петербурга. Можно я пойду из урока? (вместо уйду) и т.п.

В русском языке формобразование частей речи, в частности глаголов, является сложным не только для армянских студентов, но и для носителей языка. Поэтому при обучении студентов-армян особенностям употребления русских глагольных форм (например, категории вида и глаголы движения) важное место нужно отводить функционально-семантическим особенностям глагольных приставок (а также суффиксов), которые придают словам различные лексические значения. Студентам предлагается выучить по списку и запомнить эти приставки и суффиксы, научиться составлять с ними минимальные конструкции, а затем предложения. Обучающимся предлагается также выполнить упражнения следующего типа:

Вместо точек вставьте глагол «шел» с разными приставками.

1. *Руководитель семинара... в аудиторию.* 2. *Сегодня я... в университет за час до начала занятий.* 3. *Чтобы уступить дорогу преподавателю, мы... в сторону.* 4. *Мы очень устали и едва... до общежития.* 5. *Вчера после уроков мы... в кино.* 6. *Дежурный по общежитию... все комнаты.* 7. *Сегодня по дороге домой я... к моему школьному другу.*

При использовании армянскими студентами русских отрицательных конструкций также происходит смещение совершенного и несовершенного видов глаголов. Например, в предложенном преподавателем упражнении нужно было заменить данные предложения противоположными по смыслу: 1. Мне нужно спросить у декана факультета. 2. Я хочу прочитать эту статью. 3. Откройте, пожалуйста, окно. 4. Я советую прочитать эту книгу. 5. Я рекомендую сделать операцию. 6. Тебе надо выполнить это упражнение.

Студенты с трудом выполняли упражнения подобного типа, часто употребляли глаголы совершенного вида вместо глаголов несовершенного вида, ср.: 1. Мне не нужно спросить у декана факультета (вместо не нужно спрашивать). 2. Я не хочу прочитать эту статью (вместо не хочу читать). 3. Не откройте, пожалуйста, окно (вместо не открывайте). 4. Я не советую прочитать эту книгу (вместо не советую читать). 5. Я

не рекомендую сделать операцию (вместо не рекомендую делать). 6. Тебе не надо выполнить (вместо не надо выполнять) это упражнение.

Часто встречаются и ошибки, связанные с категорией времени русского глагола. Например, при использовании простого будущего времени используется неправильная конструкция: Мы будем прочитать эту часть текста вместо Мы прочтем эту часть текста; будем посмотреть; будем поиграть и т.п.

Частыми являются ошибки в употреблении временных форм глагола. Ср.: В Армении ходили (вместо ходят) в школу двенадцать лет. Я вчера пишу (вместо написал) домашние задания. В данной конструкции присутствует наложение ошибок – глагольного вида и времени.

Также ошибочными бывают употребления инфинитива вместо личной формы глагола. Ср.: Я не хочу есть. Он идти на работу. Я не писать домашнее задание. Можно я читать? Я идти домой и играть на компьютере.

Особого внимания требует изучение возвратных глаголов. Обращение к данной категории слов часто бывает необоснованным, хотя в армянском языке данное лингвистическое явление также широко представлено и не должно было вызывать особых затруднений при их изучении и употреблении. Ср.: – Вы можете прийти завтра в 2 час? – Да, мы можем. Мы с сыном идем в школу. Мы думаем, что надо учить. Она часто купается ребенка. Сегодня мы познакомим с новым преподавателем и др.

Заключение

Наличие разнообразных расхождений между грамматическими средствами русского языка и их эквивалентами в армянском языке порождает специфические трудности в преподавании РКИ в армянской аудитории. Однако компаративный содержательный анализ русских грамматических средств, учет их связи с лексическими единицами в словоформе и в предложении способны стать продуктивной основой преподавания языковой системы русского языка армянским обучающимся. В этом случае армянский язык становится одним из средств познания русского языка через поиск сходств и различий между двумя языками. Преподаватель может проводить интересные параллели между изучаемыми языками и родным армянским языком, сравнивать языковые (и культурные) реалии, пытаться находить соответствия и опираться на них.

В результате проведенного сопоставительного анализа языковых единиц армянского и русского языков мы отобрали языковые реалии и контексты, использование которых в процессе обучения русскому языку студентов-армян может способствовать системной организации последовательной подачи материала и интенсификации учебного процесса. Предложенные компаративно-методические решения нацелены на предупреждение и минимизацию всевозможных явлений транспозиции и интерференции, которые неизбежно возникают при обучении иностранному

языку, но имеют свою специфику при обучении РКИ студентов-армян.

Как справедливо отмечают А.В. Рагозина и О.А. Обдалова, «в целях избегания отрицательной интерференции и экономии времени //...на этапе представления нового материала на занятии применяются языковое задействие (при понимании новых или схожих явлений) и языковое взаимодействие (при объяснении и корректировке). Такое задействие и взаимодействие языков являются естественным процессом, так как при погружении студентов в новую языковую среду родной язык и первый иностранный язык начинают оказывать воздействие (как положительное, так и отрицательное) на обучающихся в результате мысленного их сопоставления <...> преподаватель сможет контролировать явление языковой интерференции и сделать языковой перенос сознательным и корректным» [21], а также «упростить понимание некоторых явлений в изучаемом языке при их наиболее полном или частичном совпадении» [17. С. 167].

В речевой деятельности обучающихся армян наблюдается межъязыковая сверхгенерализация – перенос в русскую речь несвойственных ей признаков армянского языка. Армянский студент на подсознательном уровне стремится привести в соответствие все референтные языковые факты русского языка с фактами армянского языка и в результате этого совершает ошибки [22. Р. 189]. Разнообразие выявленных нарушений в речи обучающихся армян на разных языковых уровнях характеризуется прямой зависимостью единиц этих уровней.

Сопоставительное описание и анализ структур русского и армянского языков выявили, что собственные армянскому языку особенности лингвистической системы порождают у обучающихся широкое поле межъязыковой интерференции. Компаративный анализ этих трудностей и актуализация знаний в сфере родного языка способствуют эффективному преподаванию РКИ и содействует формированию у обучающихся коммуникативных навыков. Основополага-

ющий принцип опоры на армянский язык при обучении русскому языку должен реализовывать себя на основе сравнения содержательных языковых параметров и сопоставления способов и формального выражения.

При разработке приемов и методов компаративного обучения армянских студентов русскому языку должны быть учтены все генетические и типологические сходства и различия контактирующих языков. Учет и сопоставление языковых структур позволит преподавателю правильно моделировать и эффективно организовывать занятие по РКИ.

Таким образом, мы приходим к выводам:

1. Компаративный метод, подразумевающий обращение к лингвистическому материалу армянского языка в обучении РКИ, стимулирует и мотивирует обучающихся армян изучать и совершенствовать русский язык и понимать закономерности его существования и нормативного функционирования в речи.

2. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет: определить типологическую природу, различия и сходства лингвистических систем контактирующих языков; осмыслить структурные особенности разных уровней этих языков; обозначить законы функционирования русских языковых единиц; и как результат – перенести имеющиеся знания армянского языка, приобретенные умения и навыки, на изучаемый русский язык.

В процессе компаративного обучения студентов-армян РКИ необходимо принимать во внимание особенности родного (армянского) языка обучающегося – в противовес стихийному переносу навыков, сформированных в процессе использования родного языка, который может вызвать интерференционные явления. Основным методическим решением в данном случае являются разработка и внедрение системы упражнений с элементами сравнительного анализа (во всех видах речевой деятельности), нацеленных на профилактику выявленных типичных и устойчивых ошибок в речи армянских студентов.

Список источников

1. Population C Population (urban, rural) by Ethnicity, Sex and Age / Statistical Committee of the Republic of Armenia. 25.05.2016. URL: <https://armstat.am/file/doc/99486253.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Есаджян Б.М., Баласанян Л.Г., Баятян Э.А., Шахкян Г.Г. Методика преподавания русского языка как неродного / под ред. Б.М. Есаджяна. Ереван : Фалин, 2008. 496 с.
3. Баласанян Л.Г., Московин Л.В. Преподавание русского языка в армянских школах: исторический аспект // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15, № 3. С. 345–353.
4. Вагнер В.Н. Национально ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом. 1988. № 1. С. 70–75.
5. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие для преп. и студ. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2007. 185 с.
6. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. курсы, 2002. 256 с.
7. Шукин А.Н., Фролова Г.М. Методика преподавания иностранных языков : учебник для вузов. М. : Академия, 2015. 288 с.
8. Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. 180 с.
9. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81.
10. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1. С. 3–7.
11. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon, UK : Multilingual Matters, 1997. 124 p.
12. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология». М. : ВЛАДОС, 2001. 384 с.

13. Бальхина Т.М., Румянцева Н.М. Учет национальных и личностных особенностей тестирующихся при создании адапционных тестов по РКИ // Полилингвильность и транскультурные практики. 2013. № 3. С. 78–85.
14. Есаджян Б.М. Падежные конструкции русского языка и их армянские соответствия. Ереван : Луйс, 1977. 152 с.
15. Мелкумян Р.Л. О сравнительном анализе грамматического строя русского и армянского языков // Русский язык в армянской школе. 1958. № 1. С. 3–19.
16. Саркисян И.Р. О реализации фонем неродного языка в билингвальной среде // Символ науки : международный научный журнал. 2015. № 4. С. 153–154.
17. Рагозина А.В., Обдалова О.А. Плюрилингвальное обучение второму иностранному языку студентов из юго-восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 164–171. doi: 10.17223/15617793/465/22
18. Рогозная Н.Н. О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 18. М. : Диалог-МГУ, 2001. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_18_13rogznaja.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
19. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики. М. : Высшая школа, 1974. 112 с.
20. Зимняя И.А. Психология и обучение неродному языку. М. : Русский язык, 1989. 223 с.
21. Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
22. Savchenko I.A., Barseghyan S.S. Bilingualism as a phenomenon of transcultural communication in foreign language teaching // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 188–195. doi: 10.17223/15617793/463/24

References

1. Statistical Committee of the Republic of Armenia. (2016) *Population C Population (urban, rural) by Ethnicity, Sex and Age*. [Online] Available from: <https://armstat.am/file/doc/99486253.pdf>. (Accessed: 20.12.2021).
2. Esadzhanian, B.M. et al. (2008) *Metodika predopavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo* [Methods of Teaching Russian as a Non-Native Language]. Yerevan: Filin.
3. Balasanyan, L.G. & Moskovin, L.V. (2018) *Prepodavanie russkogo yazyka v armyanskikh shkolakh: istoricheskiy aspekt* [Russian Language Teaching in Armenian Schools: Historical Aspect]. *Pollingvial'nost' i trans-kul'turnye praktiki*. 3 (15). pp. 345–353.
4. Vagner, V.N. (1988) *Natsional'no orientirovannaya metodika v deystvii* [Nationally oriented methodology in action]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 70–75.
5. Balykhina, T.M. (2007) *Metodika predopavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo)* [Methods of Teaching Russian as a Non-Native (New) Language]. Moscow: RUDN University.
6. Akishina, A.A. & Kagan, O.E. (2002) *Uchimsya učit'. Dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Learning to Teach. For a teacher of Russian as a foreign language]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz. kursy.
7. Shchukin, A.N. & Frolova, G.M. (2015) *Metodika predopavaniya inostrannykh yazykov* [Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow: Akademiya.
8. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/7
10. Gal'skova, N.D. (2004) *Mezhkul'turnoe obuchenie: problema tseley i soderzhaniya obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural learning: the problem of goals and content of teaching foreign languages]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1. pp. 3–7.
11. Byram, M. (1997) *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
12. Vagner, V.N. (2001) *Metodika predopavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim na osnove mezh'yazykovogo sopostavitel'nogo analiza: Fonetika. Grafika. Slovoobrazovanie. Struktury predlozheniy. poryadok slov. Chasti rechi* [Methods of Teaching the Russian Language to English and French Speakers Based on Interlingual Comparative Analysis: Phonetics. Graphics. Word formation. Sentence structures, word order. Parts of speech]. Moscow: VLADOS.
13. Balykhina, T.M. & Rummyantseva N.M. (2013) *Uchet natsional'nykh i lichnostnykh osobennostey testiruyushchikhsya pri sozdani adaptatsionnykh testov po RKI* [Taking into account the national and personal characteristics of test takers when creating adaptation tests for Russian as a foreign language]. *Pollingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 3. pp. 78–85.
14. Esadzhanian, B.M. (1977) *Padezhnye konstruksii russkogo yazyka i ikh armyanskie sootvetstviya* [Case Constructions of the Russian Language and Their Armenian Equivalents]. Yerevan: Luys.
15. Melkumyan, P.L. (1958) *O sravnitel'nom analize grammaticheskogo stroya russkogo i armyanskogo yazykov* [On the comparative analysis of the grammatical structure of the Russian and Armenian languages]. *Russkiy yazyk v armyanskoy shkole*. 1. pp. 3–19.
16. Sarkisyan, I.R. (2015) *O realizatsii fonem nerodnogo yazyka v bilingval'noy srede* [On the implementation of phonemes of a non-native language in a bilingual environment]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 4. pp. 153–154.
17. Ragozina, A.V. & Obdalova, O.A. (2021) *Plurilingual Teaching of a Second Foreign Language for Students from Southeast Asia*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 164–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/465/22
18. Rogoznaya, N.N. (2001) *O postanovke trudnykh sluchayev proiznosheniya v russkoy rechi yaponsev* [On the formulation of difficult cases of pronunciation in the Russian speech of the Japanese]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 18. Moscow: Dialog-MGU. [Online] Available from: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_18_13rogznaja.pdf. (Accessed: 19.12.2021).
19. Shcherba, L.V. (1974) *Prepodavanie inostrannykh yazykov v shkole. Obshchie voprosy metodiki* [Teaching Foreign Languages at School. General questions of methodology]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Zimnyaya, I.A. (1989) *Psikhologiya i obuchenie nerodnomu yazyku* [Psychology and Non-Native Language Teaching]. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Savchenko, I.A. & Barseghyan, S.S. (2021) *Bilingualism as a Phenomenon of Transcultural Communication in Foreign Language Teaching*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 188–195. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/24

Информация об авторах:

Савченко И.А. – д-р социол. наук, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); начальник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Доб-

ролюбова (Нижний Новгород, Россия); профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД России (Нижний Новгород, Россия). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Алоян Ж.Л. – доцент кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: alozhanna@mail.ru

Барсегян С.С. – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); head of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Technologies for Social and Humanitarian Research”, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Z.L. Aloyan, associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: alozhanna@mail.ru

S.S. Barseghyan, lecturer, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 21.04.2022;
approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 378.6
doi: 10.17223/15617793/483/23

Оценка и развитие профессионализма преподавателей высшего педагогического образования: изменения концепции и технологии

Лариса Германовна Смышляева¹, Наталия Альбертовна Семенова²,
Лариса Валерьевна Куровская³, Кирилл Алексеевич Смышляев⁴

^{1, 2, 3} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

⁴ Томский государственный педагогический колледж, Томск, Россия

¹ laris.s@mail.ru

² natalsem@rambler.ru

³ l_kurovskaya@mail.ru

⁴ smyshlyayev-k@mail.ru

Аннотация. Обобщены результаты научно-педагогических исследований по оценке уровня компетенций педагогов общего образования на основе применения методов машинного обучения (на примере образовательных организаций Томской области). Обоснованы и сформулированы ключевые концепты, отражающие способы внесения корректив в практики подготовки педагогов в вузе. Предложена программа опытно-экспериментальной работы по апробации новой концепции и технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

Ключевые слова: общее образование, высшее педагогическое образование, профессиональные компетенции, оценка уровня компетенций, компетентностные дефициты педагога, полисубъектность, педагогическое образование

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, в рамках государственного задания на 2022 г. по теме № 25 «Технология оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего и профессионального образования» (дополнительное соглашение № 073-03-2022-116/3 от 11.04.2022 г. к соглашению № 073-03-2022-116 от 14.01.2022 г.).

Для цитирования: Смышляева Л.Г., Семенова Н.А., Куровская Л.В., Смышляев К.А. Оценка и развитие профессионализма преподавателей высшего педагогического образования: изменения концепции и технологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 209–220. doi: 10.17223/15617793/483/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/23

Assessing and developing the professionalism of professors of university teacher education: Changes in concept and technology

Larisa G. Smyshlyayeva¹, Nataliya A. Semenova², Larisa V. Kurovskaya³, Kirill A. Smyshlyayev⁴

^{1, 2, 3} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Tomsk State Pedagogical College, Tomsk, Russian Federation

¹ laris.s@mail.ru

² natalsem@rambler.ru

³ l_kurovskaya@mail.ru

⁴ smyshlyayev-k@mail.ru

Abstract. The problem of assessing the quality of education today is relevant. There are many problematic questions: What should the technologies for implementing the links between school teachers and schoolchildren's learning outcomes be? How to identify these connections and work with them? Is it possible to establish multidimensional relationships between the activities of a teacher, the results of students, between the competencies of a teacher and the quality of their professional training at the university? In Tomsk Oblast, the research is being carried out in two areas: (1) development and testing of a technology that makes it possible to analyze the learning outcomes of schoolchildren and establish the relationship between these results and the level of teachers' professionalism, (2) establishment of a relationship between the identified deficits in the subject and methodological competencies of teachers and the quality of their professional training at a pedagogical university. In the first direction of work, the results of research on assessing the level of school teachers' competence were summarized. The study used machine learning methods. The data obtained in educational institu-

tions of Tomsk Oblast for the period from 2015 to 2019 (unified state exam in mathematics, physics, Russian language, and social studies) were processed. This work made it possible to identify learning difficulties among schoolchildren, and then to connect these difficulties with a lack of competencies in the professional activities of their teachers. In the second direction of the research, the goal is set: the development of a new concept for the assessment and development of the professionalism of teachers in the system of higher pedagogical education. The object of study is the system of continuous professional development of teachers in the system of teacher education. The study uses the methods of theoretical analysis, structural analysis, analysis of products of activity, focus group, method of expert assessments, educational design. The types of interdependence of professional and educational deficits of different subjects of educational activities are described. These types of connections are important for achieving the integrity of the assessment system, developing the professionalism of professors of teacher education and structuring managerial actions to ensure the quality of general and teacher education in the logic of their relationship. The following conclusions are made. (1) The proposed concept of assessing and developing the professionalism of professors of a pedagogical university is an element of a system for achieving the quality of school and university pedagogical education in the “school student – teacher – university teacher” logic. (2) An assessment of the level of teachers’ professional competences shows deficits that need to be addressed. (3) Changes in the preparation of students can be based on the analysis of professional deficits of teachers, which makes it possible to change the preparation of students, including ensuring the prevention of deficits.

Keywords: general education, higher pedagogical education, professional competencies, assessment of the level of competencies, competency deficits of a teacher, polysubjectivity. teacher education

Financial support: The work was supported by the Ministry of Education of Russian Federation, Theme 25 “Technology for Assessing the Professionalism and Level of Competence of Teachers of General and Vocational Education” of the state assignment (Additional Agreement No. 073-03-2022-116/3 dated April 14, 2022, to Agreement No. 073-03-2022-116 dated January 14, 2022).

For citation: Smyshlyayeva, L.G., Semenova, N.A., Kurovskaya, L.V. & Smyshlyayev, K.A. (2022) Assessing and developing the professionalism of professors of university teacher education: Changes in concept and technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 209–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/23

Введение

В условиях существенного обновления технологического уклада и трансформации культурных норм современного мира все большее значение придается возможностям образования человека как социального института. В связи с этим сегодня самые авторитетные эксперты озадачены осмыслением вопроса обновления практик профессиональной подготовки и профессионального развития педагога как на концептуальном, так и на организационно-технологическом уровнях. Качество педагогического образования в настоящее время выступает предметом особого внимания государства. Это обусловлено высокой общественной значимостью труда педагогов, непосредственно связанного с задачами формирования мировоззрения школьников дидактическими средствами школьных предметов, воспитанием и социализацией детей и юношества на протяжении длительного временного интервала – 9–11 лет [1, 2].

Значимость доминанты качества педагогического образования усиливает тот факт, что приказом Президента Российской Федерации 2023 г. объявлен Годом педагога и наставника [3]. Это не только обозначает высокий уровень государственной и общественной ценности педагогической деятельности, но и усиливает степень ответственности всех субъектов сферы образования за обеспечение его качества, отвечающего всей совокупности современных требований. Сегодня для повышения качества общего и профессионального педагогического образования в России запущен и успешно реализуется ряд направ-

лений деятельности государства, прямо или косвенно связанных с решением задач национального проекта «Образование» (2019–2024 гг.) [4, 5]. К таким проектам, результативность которых уже четко оформлена к настоящему времени, может быть отнесены:

- развитие материально-технической базы образовательных учреждений (9 500 центров образования «Точка роста», 183 детских технопарка «Кванториум», 126 центров цифрового образования «IT-куб», 33 технопарка универсальных педагогических компетенций в педагогических вузах);

- единая федеральная система научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров (центры непрерывного повышения профессионального мастерства педагогов в субъектах Российской Федерации и федеральные научно-методические центры в вузах);

- формирующееся единое образовательное пространство (утверждено ядро педагогического образования, выстроена единая система повышения квалификации педагогов, координируемая Академией Минпросвещения России, принимаются решения о единых учебных программах по школьным дисциплинам).

Также представляется важным подчеркнуть, что качество педагогического образования – явление, которое на современном этапе развития педагогической науки достаточно активно рассматривается в качестве объекта научно-педагогических исследований в различных контекстах, при обозначении достаточно широкого круга предметов исследования [6–10].

Это связано с тем, что в силу очень высокого темпа преобразований и трансформационных процессов в обществе, экономике и культуре достаточно быстро изменяются требования к качеству педагогического образования, появляется обоснованная необходимость в новых подходах, способах, средствах и условиях его обеспечения. Одним из векторов такой предметности выступает проблема оценки качества педагогического образования, включая обновление концептов и технологий измерительно-диагностических контекстов такой оценки, что напрямую связано с созданием надежных механизмов непрерывного профессионального развития педагогов системы высшего педагогического образования в режиме постоянного мониторинга.

Как отмечено, проблема оценки качества образования находится сегодня в фокусе внимания исследователей, занимающихся вопросами развития образования, и обусловлена рядом факторов, повышающих внимание к этой проблеме. Особого внимания заслуживают вопросы, касающиеся технологии оценки качества результатов работы педагогов системы общего образования. Федеральным институтом оценки качества образования подчеркивается, что «качество работы учителя обуславливает качество образовательных результатов школьников» [11]. «Чем больше концентрация учителей с профессиональными дефицитами в школе, тем выше риски низких образовательных результатов» [12]. Однако эти очевидные положения вызывают ряд исследовательских вопросов, требующих решений. К ключевым среди них, на наш взгляд, можно отнести ниже следующие.

– Каковы должны быть технологии реализации взаимосвязи между профессиональной деятельностью педагога общего образования и результативностью обучения школьников? Как выявлять эти взаимосвязи и работать с ними в плане усиления влияния одного на другое?

– Возможно ли установить многомерные связи между деятельностью педагога и образовательными результатами его учеников, между профессиональными компетенциями педагога и качеством его профессиональной подготовки в вузе, уровнем профессиональных компетенций преподавателей системы педагогического образования?

Сегодня, в условиях тотальной цифровизации и активного использования больших данных для управления образованием и его развитием, включая контекст качества педагогического образования, такие исследования и решения могут быть связаны с технологиями, основанными на применении алгоритмов машинного обучения.

В Томской области в рамках выполнения государственного задания «Технология оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего и профессионального образования», выполняемого при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, в 2021–2022 гг. реализуется фундаментальное исследование по двум направлениям.

1. Разработка и апробация технологии, позволяющей осуществить анализ результатов обучения школьников и установить связи этих результатов с уровнем профессионализма педагогов системы общего образования. Такая технология выступает новым способом непрерывного профессионального развития педагога системы общего образования. Обнаружение профессиональных дефицитов (предметная подготовка и методическая подготовка) педагогов на основе данных о состоянии учебных (образовательных) результатов их учеников – основа для определения задач корректирующих активностей в практиках дополнительного профессионального образования педагогических кадров, нацеленных на устранение выявленных дефицитов.

2. Установление взаимосвязи между выявленными дефицитами предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования и качеством их профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Это выступит способом внесения необходимых коррективов в задачи развития высшего педагогического образования как на уровне изменений его контента (включая задачу обозначения новых или смещения каких-либо действующих ценностно-содержательных акцентов), так и на организационно-технологическом уровне образовательных программ профессиональной подготовки педагога в педвузе. Кроме того, именно данная взаимосвязь, ее качественные характеристики могут быть обозначены как системообразующий элемент работы по проектированию изменений концепции и технологии в оценке и развитии профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

Для проведения исследования участниками научного коллектива ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (далее – ТГПУ) были определены базовые понятия, концепты и рабочая гипотеза исследования, а также те методологические подходы, на основе которых строился дизайн исследования (включая его цель, объект, задачи, этапы, методы).

Исследование осуществлялась с опорой на следующие методологические подходы:

– *системный подход* (Ю.К. Бабанский, И.В. Блауберг, В.А. Дмитриенко, Н.В. Кузьмина, И.К. Шалаев, Э.Г. Юдин и др.), позволивший рассматривать взаимосвязи общего и профессионального (высшего и дополнительного) педагогического образования с позиций целостности и взаимозависимости, причем системообразующим элементом и смыслом этой целостности выступает качество общего образования, измеряемое в основе своей через учебные (образовательные) результаты школьника;

– *деятельностный подход* (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Д.Б. Эльконин и др.), позволяющий рассматривать взаимодействие в системе общего и педагогического образования как полисубъектную образовательную коммуникацию, ключевым механизмом которой выступает педагогическая деятельность, с од-

ной стороны, обеспечивающая (или не обеспечивающая) качество общего образования, а с другой – представляющая собой на уровне практик высшего педагогического образования предмет взаимосвязи между будущим педагогом и тем педагогом, который осуществляет его профессиональную подготовку;

– *компетентностный подход* (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, М.Г. Минин, Л.Г. Смышляева, А.В. Хуторской и др.), позволяющий рассматривать профессионализм педагога систем общего и высшего педагогического образования с единых концептуальных позиций через компетентностный профиль – матрицу описания качественных характеристик субъекта педагогического труда, включающую обозначение перечней компетенций различных групп по основанию проявлений компетенций к тому или иному виду задач, решаемых педагогом в своей профессиональной деятельности.

Структурирование и содержательное наполнение компетентностного профиля педагога основано на теоретических положениях:

– современной педагогической науки (в части тех разделов, которые представляют знание о специфике педагогической деятельности на уровне ее ценностных, содержательных и процессуально-инструментальных характеристик) [13];

– педагогической психологии, обозначающих особенности педагогической деятельности и образовательного взаимодействия, включая самые новые представления об идентичности субъекта этой деятельности [14, 15];

– отражающих требования действующих ФГОС ВО педагогических направлений подготовки [16];

– отражающих требования действующего Профессионального стандарта педагога [17].

Компетентностный профиль педагога как общего, так и высшего педагогического образования включает следующие группы компетенций: универсальные; общепрофессиональные (компетенции воспитания и социализации, проектирования и реализации образовательного процесса, взаимодействия с субъектами образовательной деятельности); предметные и методические.

При проведении исследования, связанного с апробацией новой концепции и технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования, в качестве концептуальной опоры нами использована идея С.И. Поздеевой об «открытом профессионализме» педагога как феномене, отражающем взаимосвязь продуктивности педагогического труда с нацеленностью педагога на постоянное непрерывное развитие: «развитие открытого профессионализма педагога как способность выстраивать личностное авторское действие по реализации собственных профессиональных интересов и смыслов, вычленению и преодолению не типичных, а собственных профессиональных затруднений, не количественный рост профессиональных качеств и компетенций, а их качественное изменение» [18].

Алгоритм реализации исследования

Цель этапа исследования, результаты которого представлены в статье, состояла в разработке новой концепции оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

Объект исследования: система непрерывного профессионального развития преподавателей системы педагогического образования.

Исследовательские задачи в рамках поставленной цели:

1) обобщение результатов научно-педагогических исследований по созданию нового технологического обеспечения оценки уровня компетенций педагогов общего образования на основе применения методов машинного обучения через диагностику дефицитов обученности школьников (на примере образовательных организации Томской области);

2) определение ключевых концептов обновления подходов к оценке и развитию профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования на технологическом уровне;

3) проектирование программы опытно-экспериментальной работы по апробации новой концепции и технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

В исследовании были использованы методы теоретического анализа, структурного анализа, анализа продуктов деятельности, фокус-группы, экспертных оценок, образовательное проектирование.

При решении первой из указанных задач (метод анализа продуктов деятельности) в рамках реализации первого направления работы осуществлялась деятельность по разработке и реализации технологии оценки уровня профессионализма педагога школы через анализ результатов обучающихся.

В анализ были включены результаты ранее выполненных исследований национального единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся Томской области за период с 2015 по 2019 г. по четырём учебным дисциплинам (профильная математика, русский язык, физика, обществознание) [19]. В результате применения кластеризации K-средних (k-means) было установлено 15 групп образовательных учреждений, внутри каждой из которых обучающиеся имеют одинаковые затруднения в решении заданий по предметам, что позволило актуализировать дефициты предметных и методических компетенций педагогов каждой группы [19, 20].

Следующий шаг работы был связан с обработкой данных, полученных в рамках проведения региональной диагностики предметных и методических затруднений педагогических работников. Педагоги по математике (742 чел.) и физике (334 чел.) проходили диагностику в 2020 г. [21], педагоги русского языка (826 чел.) и обществознания (438 чел.) – в 2021 г. [22]. Диагностика осуществлялась Центром мониторинга и оценки качества образования и была направлена на выявление предметных и методических затруднений

педагогов Томской области. Диагностику проходили учителя, имеющие профильное образование и нагрузку по учебной дисциплине.

В основу разработки диагностических материалов легли такие нормативные документы, как федеральные государственные стандарты основного общего и среднего общего образования и профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (утвержден Приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (ред. от 05.08.2016) [23–25]. Диагностические материалы включали задания для оценки уровня владения педагогом предметными компетенциями (знание преподаваемой учебной дисциплины) и методическими компетенциями (владение методикой и ключевыми подходами, методами подготовки, проведения, оценки и подведения итогов учебного занятия). Были проведены текстологическая и содержательная экспертизы набора заданий на предмет соответствия требованиям, изложенным в спецификации. Процедуры проведения и экспертизы осуществлял Центр мониторинга и оценки качества образования Томского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования (далее – ТОИПКРО).

В рамках первого направления исследования (разработка и апробация технологии, позволяющей провести анализ результатов обучения школьников, установить связи с уровнем профессионализма педагогов и спланировать работы по устранению их профессиональных дефицитов) были решены следующие задачи:

1) выбор способа работы с большими данными по оценке результатов обученности школьников;

2) типология (кластеризация) школ, показавших определенные группы дефицитов обученности школьников;

3) обнаружение профессиональных дефицитов педагогов системы общего образования на основе интерпретации данных, полученных в рамках оценки результатов обученности школьников;

4) планирование коррекционно-развивающей работы по устранению компетентностных дефицитов педагогов общего образования средствами программ дополнительного профессионального образования.

Далее, в рамках второго направления научно-педагогических исследований, осмысливался этап разработки новой концепции оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования. Ключевым смыслом является установление взаимосвязи между выявленными дефицитами предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования и качеством их профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Было запланировано и организовано несколько *этапов*:

– обзор и анализ публикаций (глубина поиска 2015–2022 гг.), представленных в базах Scopus, Web of Science и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, по ключевым словам, связанным с проблемой исследования [26–34], – *метод теоретического анализа*;

– *экспертный опрос* (78 экспертов, среди которых – представители АУП школ г. Томска и Томской области, молодые педагоги системы общего образования (стаж работы 3–5 лет после выпуска из ТГПУ), высококвалифицированные специалисты ТОИПКРО и ТГПУ) на предмет выявления целесообразности разработки новой концепции оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования;

– *формулировка рабочей гипотезы*, отражающей предположение о специфике соответствующей технологии, с опорой на обобщенные результаты аналитической работы по материалам *первого направления* исследований научного сообщества ТГПУ и ТОИПКРО (разработка и апробация технологии, позволяющей осуществить анализ результатов обучения школьников и выявить связи этих результатов с уровнем профессионализма педагогов системы общего образования);

– выявление и анализ дефицитов предметных и методических компетенций педагогов, обучающихся школьников по учебным предметам (математика, физика, русский язык и обществознание) с использованием пакета контрольно-измерительных материалов (КИМ), содержащих оценочные материалы по предметным и методическим компетенциям [35] и их сопоставительный анализ (табл. 1) с характеристиками (компонентным/деятельностным составом) общепрофессиональных и профессиональных компетенций, формируемых в процессе обучения в педагогическом университете по профилям, соответствующим указанным учебным предметам (в действующей редакции основных образовательных программ (ООП) педагогических направлений подготовки соответствующих профилей) – *метод анализа продуктов деятельности и метод структурного анализа*;

– образовательное проектирование субъектно-деятельностной матрицы технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования на основе актуализации взаимосвязи между выявленными дефицитами предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования и качеством их профессиональной подготовки в педагогическом вузе (3 фокус-группы – педагоги общеобразовательных школ (27 чел.), преподаватели педагогического университета (15 чел.), сотрудники ТОИПКРО (12 чел.), студенты 4–5-х курсов ТГПУ (32 чел.);

– экспертная оценка результатов работы фокус-групп – *метод экспертных оценок*.

Данные для исследования:

– Перечни компетенций, формируемых у обучающихся педагогических вузов по действующим ООП (общепрофессиональные и профессиональные – предметные и методические компоненты их компетенций).

– Данные машинной обработки результатов обученности школьников с 2015 по 2019 г.: образовательные результаты национального единого государственного экзамена обучающихся Томска и Томской области по

таким учебным дисциплинам, как русский язык, профильная математика, физика и обществознание.

Пакет КИМ для диагностики и оценки профессиональных дефицитов педагогов общего образования.

Таблица 1

Сопоставление данных о выполнении педагогами предметных и методических диагностических заданий и компетенции, связанные с выявленными предметными и методическими дефицитами педагогов (на основе действующих ООП педагогического направления подготовки)

Диагностические задания	Данные о выполнении педагогами заданий в рамках диагностики	Компетенции, связанные с выявленными предметными и методическими дефицитами педагогов (логический пример-иллюстрация с опорой на действующие ООП педагогического направления подготовки)
Русский язык		
1. Предметно-направленные	75,25%	ПК-1. Способен осваивать и использовать теоретические знания, практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач. ИПК-1.1. Знает структуру, состав и дидактические единицы предметной области (преподаваемого предмета)
2. Методически-направленные	40,76%	
2.1. Контрольно-оценочная деятельность на уроках русского языка	13,29–57%	ОПК-5. Способен осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся, выявлять и корректировать трудности в обучении
2.2. Использование деятельностных методов и образовательных технологий в урочной и внеурочной деятельности	4,02–38,26%	ПК-1. Способен осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач. ИПК-1.3. Демонстрирует умение разрабатывать различные формы учебных занятий, применять методы, приемы и технологии обучения, в том числе информационные
Обществознание		
1. Предметно-направленные	72,1%	ПК-1. Способен осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач
2. Методически-направленные		44,24%
2.1. Решение методических задач по организации процесса обучения на разных уровнях образования	17,58%	ОПК-8. Способен осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний ОПК. ИОПК-8.2. Проектирует и осуществляет учебно-воспитательный процесс с опорой на знания предметной области, психолого-педагогические знания и научно-обоснованные закономерности организации образовательного процесса
Сформированность навыков оценивания социальной информации, умения поиска информации в научно-педагогических источниках различного типа для реконструкции недостающих звеньев с целью объяснения и оценки разнообразных явлений в образовательном процессе	33,11%	УК-1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач. ОПК-9. Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности
Математика		
1. Предметно-направленные	82,78%	ПК-1. Способен осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач
2. Методически-направленные		65,69%
2.1. Контрольно-оценочная деятельность на уроках математики	32,97–68,44%	ОПК-5. Способен осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся, выявлять и корректировать трудности в обучении
2.2. Владение методами педагогической деятельности при работе со слабослышащими и слабовидящими обучающимися	86%	ОПК-6. Способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями. ИОПК-6.1. Осуществляет отбор психолого-педагогических технологий (в том числе инклюзивных) и применяет их в профессиональной деятельности с учетом различного контингента обучающихся
2.3. Использование разнообразных форм, приемов, методов обучения	55,59%	ОПК-3. Способен организовывать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями, в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. ИОПК-3.2. Использует педагогически обоснованные содержание, формы, методы и приемы организации совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся
Физика		
1. Предметно-направленные	64,92%	ПК-1. Способен осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач
2. Методически-направленные	44,09%	

Диагностические задания	Данные о выполнении педагогами заданий в рамках диагностики	Компетенции, связанные с выявленными предметными и методическими дефицитами педагогов (<i>логический пример-иллюстрация с опорой на действующие ООП педагогического направления подготовки</i>)
2.1. Контрольно-оценочная деятельность на уроках физики	41,97%	ОПК-5 Способен осуществлять контроль и оценку формирования результатов образования обучающихся, выявлять и корректировать трудности в обучении
2.2. Планирование и осуществление учебного процесса	39,79%	ОПК-8 Способен осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний. ИОПК-8.2 Проектирует и осуществляет учебно-воспитательный процесс с опорой на знания предметной области, психолого-педагогические знания и научно-обоснованные закономерности организации образовательного процесса
2.3. Использование различных форм, методов и образовательных технологий в урочной и внеурочной деятельности	29,55%	ОПК-3 Способен организовывать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями, в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. ИОПК-3.2 Использует педагогически обоснованные содержание, формы, методы и приемы организации совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся

Результаты исследования представлены в табл. 1.

1. *Ключевыми концептами*, определяющими изменения практик оценки и развития профессионального развития преподавателей системы высшего педагогического образования, выступают следующие:

– для обеспечения повышения эффективности управления качеством общего образования целесообразно создание новых отлаженных организационно-методических механизмов непрерывного мониторинга состояния качества высшего педагогического образования в логике полисубъектной деятельности взаимосвязанности «преподаватель педагогического вуза – педагог системы общего образования – школьник»;

– учебные затруднения школьников, отражающиеся на уровне показателей качества общего образования, связаны с дефицитами профессионализма педагогов этой сферы образования (и общепрофессиональные, и профессиональные компетенции – в их предметной и методической проявленности), что, в свою очередь, выступает индикацией компетентностных дефицитов преподавателей системы высшего педагогического образования – ключевых субъектов, обеспечивающих качество профессиональной подготовки педагогов для системы общего образования.

2. Субъектно-деятельностная матрица технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования основана на актуализации взаимосвязи между дефицитами предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования и качеством их профессиональной подготовки в педагогическом вузе (табл. 2).

Выявление типа взаимозависимости профессиональных и учебных дефицитов субъектов, включенных в образовательное взаимодействие обозначенного формата, представляется важным в плане достижения целостности системы оценки и развития профессионализма преподавателей высшего педагогического

образования и структурирования управленческих действий по обеспечению качества общего и педагогического образования в логике их взаимосвязи.

После установления типа взаимозависимости профессиональных и учебных дефицитов субъектов, включенных в образовательное взаимодействие «школьник – педагог общего образования – преподаватель педагогического вуза», необходим детализированный анализ эмпирических материалов для понимания причин дефицитов и разработки сценария коррекционных мер по устранению этих причин.

3. Программа опытно-экспериментальной работы (ОЭР) по апробации новой концепции и технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

Цель ОЭР: опытно-экспериментальная проверка технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования, основанная на концепции актуализации взаимосвязи между дефицитами предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования (выявлены посредством анализа результатов обученности школьников) и качеством их профессиональной подготовки в педагогическом вузе.

Методы: комплексный педагогический эксперимент (опрос, метод анализа продуктов деятельности – диагностика педагогов общего образования и обучающихся ТПУ (выпускные курсы), структурный анализ, использование больших данных).

В рамках работы по *второму направлению исследования* (установление взаимосвязи между выявленными дефицитами предметных и методических компетенций педагогов общеобразовательных организаций региона и их профессиональной подготовкой в педагогическом вузе) были спланированы *этапы ОЭР*, которые обусловлены рядом соответствующих задач и запланированы к реализации в течение 2023 г.

Актуализации полисубъектной взаимосвязи «школьник – педагог общего образования – преподаватель педагогического вуза» в технологии оценки и развития профессионализма преподавателей высшего педагогического образования

Тип взаимозависимости профессиональных и учебных дефицитов субъектов, включенных в образовательное взаимодействие «школьник – педагог общего образования – преподаватель педагогического вуза»	Измеряемый признак	Субъекты		
		Преподаватели высшего педагогического образования	Педагоги общего образования	Обучающиеся общеобразовательных школ
I. Позитивно синхронизированный	Уровень знания предметного материала по школьному предмету	Высокий	Высокий	Высокий
II. Негативно синхронизированный	Уровень знания предметного материала по школьному предмету	Низкий	Низкий	Низкий
III. Асинхронный (А)	Уровень знания предметного материала по школьному предмету	Высокий	Низкий	Низкий
IV. Асинхронный (Б)	Уровень знания предметного материала по школьному предмету	Низкий	Высокий	Низкий
V. Асинхронный (В)	Уровень знания предметного материала по школьному предмету	Высокий	Высокий	Низкий

1. Выявление дефицитарных компетенций педагогов системы высшего педагогического образования, которые обусловили дефицит предметных и методических компетенций педагогов системы общего образования («сквозное» использование КИМ, охарактеризованных выше). Однако при проведении такой диагностики и оценки, в целях обеспечения объективности и надежности оценки профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования, важно осуществлять анализ того, как и где формировался педагогический профессионализм школьных учителей, чьи ученики имеют учебные затруднения при обучении и дефициты обученности. Это обозначает ряд требований к выборке участников ОЭР.

2. Идентификация типа взаимозависимости профессиональных и учебных дефицитов субъектов, включенных в образовательное взаимодействие «школьник – педагог общего образования – преподаватель педагогического вуза» и интерпретация результатов.

3. Использование КИМ, направленных на выявление уровня сформированности предметных и методических компетенций студентов выпускных групп и преподавателей ТГПУ, осуществляющих их профессиональную подготовку, – «сквозное» использование КИМ в системе диагностики и оценки уровня развития профессионализма участников образовательного взаимодействия «преподаватель педагогического вуза – будущий педагог общего образования».

4. Выявление взаимосвязей и установление корреляционных зависимостей между данными диагностики и уровнем сформированности предметных и методических компетенций студентов выпускных групп и преподавателей ТГПУ, осуществляющих их профессиональную подготовку, интерпретация результатов.

5. Разработка программы коррекционных мер по устранению компетентностных дефицитов студентов выпускных групп и преподавателей ТГПУ, осуществляющих их профессиональную подготовку.

6. Оценочно-диагностические процедуры и статистическая обработка данных по доказательству результативности программы коррекционных мер по

устранению компетентностных дефицитов студентов выпускных групп и преподавателей ТГПУ, осуществляющих их профессиональную подготовку, через повторение цикла «сквозного» использования КИМ для субъектов образовательного взаимодействия «преподаватель педагогического вуза – будущий педагог общего образования».

7. Подготовка пакета научно-методических материалов по описанию технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего и профессионального образования в целостном виде, а также рекомендаций по ее использованию в региональных практиках непрерывного профессионального развития педагогических кадров.

Выводы

Предполагаемая концепция оценки и развития профессионализма преподавателей высшего педагогического образования выступает элементом системы обеспечения качества общего и высшего педагогического образования в целостном виде и отражает многомерность оценочно-диагностических процедур в логике «школьник – педагог общего образования (выпускник педагогического вуза) – преподаватель системы педагогического образования».

Диагностика и оценка уровня развитости профессиональных компетенций педагогов системы общего образования посредством специально разработанных КИМ показали, что предметная компонента компетенций более чем у 85% педагогов представлена на высоком уровне. Однако более 55% педагогов общего образования имеют компетентностные дефициты по методической компоненте их профессионализма. Это может выступать одной из причин снижения качества обученности школьников, установленной при анализе большого количества данных в рамках выполнения первого направления исследования (кластеризация школ Томской области на этой основе).

Изменения в подготовке студентов – будущих педагогов могут быть основаны как на анализе данных постоянно действующего мониторинга профес-

сиональных дефицитов педагогов общего образования через выявление дефицитов обученности школьников, так и на целенаправленной работе (включая необходимые коррекционные меры на уровне реализации ООП высшего педагогического образования) по формированию соответствующих компетенций.

Сопоставительный анализ данных, полученных в процессе проведения региональной диагностики предметных и методических затруднений педагогических работников и содержания общепрофессиональных и профессиональных компетенций, составляю-

щих основу профессиональной подготовки будущих педагогов, позволяет необходимым образом акцентировать работу в рамках профессиональной подготовки студентов с учетом дефицитов действующих педагогов, решая и задачи профилактики дефицитов.

Для создания технологии оценки профессионализма и уровня компетенций педагогов общего и профессионального образования в целостном виде необходимо проведение ОЭР по апробации новой концепции и технологии оценки и развития профессионализма преподавателей системы высшего педагогического образования.

Список источников

1. Послание Президента Федеральному Собранию 2021. Полный текст выступления URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Паспорт национального проекта «Образование». URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 10.10.2022).
5. Ключевые результаты национального проекта «Образование» по итогам 2019–2021 годов. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/results/> (дата обращения: 10.10.2022).
6. Ратнер Ф.Л., Тихонова Н.В. Качество образования: педагогический аспект // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 12. С. 87–96. doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-87-96
7. Мониторинг моделей оценки качества системы общего образования на примере субъектов Российской Федерации и разработка инструментария по внедрению лучших практик / Р.М. Чудинский, В.В. Малев, А.А. Малева [и др.] // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 715–737. doi: 10.32744/pse.2022.3.41
8. Назарова С.И. Оценка качества педагогической деятельности работников общего и профессионального образования: инструментарий и технологии // Управление образованием: теория и практика. 2015. № 3 (19). С. 15–26.
9. Болотов В.А. Прошлое, настоящее и возможное будущее российской системы оценки качества образования // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 287–297.
10. Тряпицына А.П. Современные тенденции развития качества педагогического образования // Человек и образование. 2012. № 3 (32). С. 4–10.
11. Резильентность. Оценка по модели PISA-2020 // Федеральный институт оценки качества образования : официальный сайт. URL: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Резильентность%202020.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).
12. Результаты общероссийской оценки по модели PISA-2021 // Федеральный институт оценки качества образования : официальный сайт. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/МСИ/Результаты_общероссийской_оценки_по_модели_PISA_.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
13. Образование человека в третьем тысячелетии: проблемы, цели и ценности образования в современном мире. Круглый стол, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена / М.Н. Кожевникова, А.Г. Асмолов, С.В. Борисов [и др.] // Ценности и смыслы. 2021. № 6 (76). С. 117–149. doi: 10.24412/2071-6427-2021-6-117-116-149
14. Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы. М. : Психологический ин-т Рос. академии образования ; Издательский дом «Бахрах», 2022. 276 с.
15. Психология образования: современный вектор развития / Е.В. Аверкиева, В.А. Архипова, Е.Г. Белякова [и др.]. Екатеринбург : Уральский федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. 790 с. doi: 10.15826/B978-5-7996-3101-7
16. Федотова В.С. Развитие компетентностной модели педагогического образования в контексте содержания новых ФГОС // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91). С. 226–235. doi: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-22
17. Непрокина И.В., Пчелинцева Т.С. Профессиональный стандарт как инструмент повышения качества профессиональной деятельности педагогов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 101–103.
18. Поздеева С.И. Профессиональное развитие педагога как ответ на внешние актуальные вызовы // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 2 (42). С. 40–47. doi: 10.23951/2307-6127-2022-2-40-47
19. Мозгова Д.А., Замятина О.М., Семенова Н.А., Куровская Л.В. Диагностика профессиональных дефицитов и компетенций педагогов общего образования: кластерный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 189–196. doi: 10.17223/15617793/472/22
20. Замятина О.М., Мозгова Д.А., Семенова Н.А. Проблемы оценки профессионализма и уровня компетенций педагога общего и профессионального образования // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 6 (40). С. 125–131. doi: 10.23951/2307-6127-2021-6-125-131
21. Анализ результатов выполнения отдельных заданий или групп заданий региональной диагностики предметных и методических затруднений педагогических работников Томской области в 2020 году. Томск, 2020. 62 с. URL: http://coko.tomsk.ru/files/reports/teacher_analysis_2020dec.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
22. Анализ результатов региональной диагностики предметных и методических затруднений педагогических работников Томской области в 2021 году. Томск, 2022. 52 с. URL: http://coko.tomsk.ru/files/reports/teachers_report_2021.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
23. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 10.10.2022).
24. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 10.10.2022).
25. Профессиональный стандарт Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/ (дата обращения: 10.10.2022).

26. Сериков В.В., Леонтьев А.В., Закиева Р.Р. Подходы к измерению компетентности специалиста и оценка его сформированности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1 (150). С. 29–34.
27. Рубин Ю.Б., Соболева Э.Ю. Независимость оценки качества высшего образования: критерии, принципы, реалии // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 3. С. 26–42. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-26-42
28. Томильцев А.В., Мальцев А.В. Проблемы оценки профессиональной подготовки : методологические подходы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 4. С. 9–33. doi: 10.17853/1994-5639-2018-4-9-33
29. Дрондин А.Л. Независимая оценка качества российского высшего образования: зачем она нужна и что можно улучшить // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 2. С. 41–49. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-41-49
30. Организация образовательной среды педагогического университета: концепты и сценарий изменений / А.Н. Макаренко, Л.Г. Смышляева, И.В. Волчкова [и др.] // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 10. С. 129–136. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-129-136
31. Алтыникова Н.В., Дорофеев А.В., Музаев А.А., Сагитов С.Т. Управление качеством педагогического образования на основе диагностики профессиональных дефицитов учителя : теоретико-методический аспект // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 1. С. 65–81. doi: 10.17759/pse.2022270106
32. Писарева С.А., Пучков М.Ю., Ривкина С.В., Тряпицына А.П. Модель уровневой оценки профессиональной компетентности учителя // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 3. С. 151–168. doi: 10.15293/2658-6762.1903.09
33. Чучалин А.И. Подход CDIO++ к совершенствованию научно-педагогической деятельности преподавателей университета // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 5. С. 18–36. doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-18-36
34. Разинкина Е.М., Раев К.В., Калинин О.В. Внутренняя система оценки качества образования: независимая оценка профессиональных компетенций педагогических работников // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 112–122. doi: 10.18721/JHSS.10210
35. Алтыникова Н.В., Музаев А.А. Оценка предметных и методических компетенций учителей: апробация единых федеральных оценочных материалов // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 1. С. 31–41. doi: 10.17759/pse.2019240102

References

1. The State Duma. The Federal Assembly of the Russian Federation. (2021) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 2021. Polnyy tekst vystupleniya* [Message of the President to the Federal Assembly 2021. Full text of the speech]. [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/>. (Accessed: 10.10.2022).
2. Garant.ru. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200>. (Accessed: 10.10.2022). (In Russian).
3. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet portal of legal information]. (2022) *Decree of the President of the Russian Federation No. 401 of June 27, 2022 "On holding the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003>. (Accessed: 10.10.2022). (In Russian).
4. Presidential Council for Strategic Development and National Projects. (2018) *Passport natsional'nogo projekta "Obrazovanie"* [Passport of the national project "Education"]. [Online] Available from: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm. (Accessed: 10.10.2022).
5. Ministry Of Education Of The Russian Federation. (n.d.) *Klyuchevye rezul'taty natsional'nogo projekta "Obrazovanie" po itogam 2019–2021 godov* [Key results of the national project "Education" in 2019–2021]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/results/>. (Accessed: 10.10.2022).
6. Ratner, F.L. & Tikhonova, N.V. (2019) *Kachestvo obrazovaniya: pedagogicheskiy aspekt* [Quality of Education: Pedagogical Aspect]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 12 (28). pp. 87–96. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-87-96
7. Chudinskiy, R.M. et al. (2022) *Monitoring modeley otsenki kachestva sistemy obshchego obrazovaniya na primere sub'ektov Rossiyskoy Federatsii i razrabotka instrumentariya po vnedreniyu luchshikh praktik* [Monitoring models for assessing the quality of the general education system on the example of the constituent entities of the Russian Federation and developing tools for the implementation of best practices]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3 (57). pp. 715–737. DOI: 10.32744/pse.2022.3.41
8. Nazarova, S.I. (2015) *Otsenka kachestva pedagogicheskoy deyatel'nosti rabotnikov obshchego i professional'nogo obrazovaniya: instrumentariy i tekhnologii* [Evaluation of the quality of pedagogical activity of employees of general and vocational education: tools and technologies]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 3 (19). pp. 15–26.
9. Bolotov, V.A. (2018) *Proshloe, nastoyashchee i vozmozhnoe budushchee rossiyskoy sistemy otsenki kachestva obrazovaniya* [Past, present and possible future of the Russian system for assessing the quality of education]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 287–297.
10. Tryapitsyna, A.P. (2012) *Sovremennye tendentsii razvitiya kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya* [Modern trends in the development of the quality of pedagogical education]. *Chelovek i obrazovanie*. 3 (32). pp. 4–10.
11. Federal'nyy institut otsenki kachestva obrazovaniya [Federal Institute for Educational Quality Assessment]. (2020) *Rezil'entnost'. Otsenka po modeli PISA-2020* [Resilience. Assessment according to the PISA-2020 model]. [Online] Available from: <https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Rezil'entnost'%202020.pdf>. (Accessed: 30.08.2022).
12. Federal'nyy institut otsenki kachestva obrazovaniya [Federal Institute for Educational Quality Assessment]. (2021) *Rezul'taty obshcherossiyskoy otsenki po modeli PISA-2021* [Results of the all-Russian assessment according to the PISA-2021 model]. [Online] Available from: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/MSI/Rezul'taty_obshcherossiyskoy_otsenki_po_modeli_PISA_.pdf. (Accessed: 10.10.2022).
13. Kozhevnikova, M.N. et al. (2021) *Obrazovanie cheloveka v tret'em tysyacheletii: problemy, tseli i tsennosti obrazovaniya v sovremennom mire. Kruglyy stol, Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena* [Human education in the third millennium: problems, goals and values of education in the modern world. Round table, St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. *Tsennosti i smysly*. 6 (76). pp. 117–149. DOI: 10.24412/2071-6427-2021-6-117-116-149
14. Mitina, L.M. (ed.) (2022) *Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost' i perspektivy* [Teacher in the Context of Personal and Professional Development: Reality and prospects]. Moscow: Psikhologicheskii in-t Ros. akademii obrazovaniya; Izdatel'skiy dom "Bakhrakh".
15. Averkieva, E.V. et al. (2020) *Psikhologiya obrazovaniya: sovremennyy vektor razvitiya* [Psychology of Education: A modern vector of development]. Yekaterinburg: Ural Federal University. DOI: 10.15826/B978-5-7996-3101-7
16. Fedotova, V.S. (2019) *Razvitie kompetentnostnoy modeli pedagogicheskogo obrazovaniya v kontekste soderzhaniya novykh FGOS* [Development of a competency-based model of pedagogical education in the context of the content of the new Federal State Educational Standards]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (91). pp. 226–235. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-22
17. Neprokina, I.V. & Pchelintseva, T.S. (2016) *Professional'nyy standart kak instrument povysheniya kachestva professional'noy deyatel'nosti pedagogov* [Professional standard as a tool to improve the quality of professional activities of teachers]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 4. pp. 101–103.
18. Pozdeeva, S.I. (2022) *Professional'noe razvitie pedagoga kak otvet na vneshnie aktual'nye vyzovy* [Professional Development of a Teacher as a Response to External Current Challenges]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2 (42). pp. 40–47. DOI: 10.23951/2307-6127-2022-2-40-47

19. Mozgova, D.A. et al. (2021) Diagnostics of Professional Deficits and Competencies of General Education Teachers: Cluster Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 472. pp. 189–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/472/22
20. Zamyatina, O.M., Mozgova, D.A. & Semenova, N.A. (2021) Problemy otsenki professionalizma i urovnya kompetentsiy pedagoga obshchego i professional'nogo obrazovaniya [Problems of assessing professionalism and the level of competence of a teacher of general and vocational education]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 6 (40). pp. 125–131. DOI: 10.23951/2307-6127-2021-6-125-131
21. Tomsk Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educational Workers. (2020) *Analiz rezul'tatov vypolneniya otdel'nykh zadaniy ili grupp zadaniy regional'noy diagnostiki predmetnykh i metodicheskikh zatrudneniy pedagogicheskikh rabotnikov Tomskoy oblasti v 2020 godu* [Analysis of the results of performing individual tasks or groups of tasks for regional diagnostics of subject and methodological difficulties of pedagogical workers in the Tomsk region in 2020]. Tomsk: [s.n.]. [Online] Available from: http://coko.tomsk.ru/files/reports/teacher_analysis_2020dec.pdf. (Accessed: 15.10.2022).
22. Tomsk Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educational Workers. (2022) *Analiz rezul'tatov regional'noy diagnostiki predmetnykh i metodicheskikh zatrudneniy pedagogicheskikh rabotnikov Tomskoy oblasti v 2021 godu* [Analysis of the results of regional diagnostics of subject and methodological difficulties of pedagogical workers of the Tomsk region in 2021]. Tomsk: [s.n.]. [Online] Available from: http://coko.tomsk.ru/files/reports/teachers_report_2021.pdf. (Accessed: 15.10.2022).
23. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2020) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standard for basic general education]. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/>. (Accessed: 10.10.2022).
24. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2020) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standard for secondary general education]. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>. (Accessed: 10.10.2022).
25. Consultant Plus. (2016) *Professional'nyy standart Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v sfere doshkol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel')* [Professional standard Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/. (Accessed: 10.10.2022).
26. Serikov, V.V., Leont'ev, A.V. & Zakieva, R.R. (2022) Podkhody k izmereniyu kompetentnosti spetsialista i otsenka ego sformirovannosti [Approaches to measuring the competence of a specialist and assessing its development]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 1 (150). pp. 29–34.
27. Rubin, Yu.B. & Soboleva, E.Yu. (2021) Nezavisimost' otsenki kachestva vysshego obrazovaniya: kriterii, printsipy, realii [Independence of higher education quality assessment: criteria, principles, realities]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 3 (30). pp. 26–42. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-26-42
28. Tomil'tsev, A.V. & Mal'tsev, A.V. (2018) Problemy otsenki professional'noy podgotovki: metodologicheskie podkhody [Problems of assessing professional training: methodological approaches]. *Obrazovanie i nauka*. 4 (20). pp. 9–33. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-4-9-33
29. Drondin, A.L. (2020) Nezavisimaya otsenka kachestva rossiyskogo vysshego obrazovaniya: zachem ona nuzhna i chto mozhno uluchshit' [Independent assessment of the quality of Russian higher education: why is it needed and what can be improved]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2 (29). pp. 41–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-41-49
30. Makarenko, A.N. et al. (2021) Organizatsiya obrazovatel'noy sredy pedagogicheskogo universiteta: kontsepty i stsennariy izmeneniy [Organization of the educational environment of the pedagogical university: concepts and scenario of changes]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 10 (30). pp. 129–136. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-129-136
31. Altnikova, N.V. et al. (2022) Upravlenie kachestvom pedagogicheskogo obrazovaniya na osnove diagnostiki professional'nykh defitsitov uchitelya: teoretiko-metodicheskiy aspekt [Management of the quality of pedagogical education based on the diagnosis of teacher's professional deficits: theoretical and methodological aspect]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1 (27). pp. 65–81. DOI: 10.17759/pse.2022270106
32. Pisareva, S.A. et al. (2019) Model' urovnevoy otsenki professional'noy kompetentnosti uchitelya [Model of level assessment of teacher's professional competence]. *Science for Education Today*. 3 (9). pp. 151–168. DOI: 10.15293/2658-6762.1903.09
33. Chuchalin, A.I. (2019) Podkhod CDIO++ k sovershenstvovaniyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavateley universiteta [CDIO++ Approach to Improving the Scientific and Pedagogical Activities of University Teachers]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 5 (28). pp. 18–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-18-36
34. Razinkina, E.M., Raev, K.V. & Kalinina, O.V. (2019) Vnutrennyaya sistema otsenki kachestva obrazovaniya: nezavisimaya otsenka professional'nykh kompetentsiy pedagogicheskikh rabotnikov [Internal system for assessing the quality of education: an independent assessment of the professional competencies of pedagogical workers]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2 (10). pp. 112–122. DOI: 10.18721/JHSS.10210
35. Altnikova, N.V. & Muzaev, A.A. (2019) Otsenka predmetnykh i metodicheskikh kompetentsiy uchiteley: aprobatsiya edinykh federal'nykh otsenочnykh materialov [Assessment of subject and methodological competencies of teachers: approbation of unified federal assessment materials]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1 (24). pp. 31–41. DOI: 10.17759/pse.2019240102

Информация об авторах:

Смышляева Л.Г. – д-р пед. наук, директор Научно-образовательного междисциплинарного центра педагогических технологий развития человеческого потенциала, старший научный сотрудник, советник при ректорате Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: laris.s@mail.ru

Семенова Н.А. – канд. пед. наук, научный сотрудник, директор Института развития педагогического образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: natalem@rambler.ru

Куровская Л.В. – канд. биол. наук, научный сотрудник, руководитель Парка инновационных образовательных практик, директор Федерального центра научно-методического сопровождения педагогических работников Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

Смышляев К.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой физической культуры Томского государственного педагогического колледжа (Томск, Россия). E-mail: smyshlyayev-k@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.G. Smyshlyayeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Research and Educational Interdisciplinary Center for Pedagogical Technologies for Human Development, senior researcher, advisor to the Rectorate, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: laris.s@mail.ru

N.A. Semenova, Cand. Sci. (Pedagogics), research fellow, head of the Institute for the Development of Pedagogical Education, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalsem@rambler.ru

L.V. Kurovskaya, Cand. Sci. (Biology), research fellow, head of the Park of Innovative Educational Practices, head of the Federal Center for Scientific and Methodological Support of Pedagogical Workers, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

K.A. Smyshlyayev, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Physical Education Department, Tomsk State Pedagogical College (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smyshlyaev-k@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.10.2022;
одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 18.10.2022;
approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.95
doi: 10.17223/15617793/483/24

Коллизии административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации

Валентина Сергеевна Боронина¹

¹ *Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, alyu@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения. Проанализировано действующее законодательство Российской Федерации в данной сфере правоотношений и отмечены целевые ориентиры, имеющие принципы и средства по их достижению. Выявлены правовые категории, взаимосвязь между ними, а также возникающие из-за несогласованности отдельных нормативно-правовых актов коллизии административного законодательства, для преодоления которых предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, участники дорожного движения, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие

Для цитирования: Боронина В.С. Коллизии административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 221–226. doi: 10.17223/15617793/483/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/24

Collisions of administrative legislation on road safety in the Russian Federation

Valentina S. Boronina¹

¹ *All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, alyu@mail.ru*

Abstract. The article aims to identify and consider the basic collisions of administrative legislation on road safety on the territory of the Russian Federation. The theoretical basis includes the normative legal acts of the Russian Federation regulating the designated area of research. The empirical basis is the official statistics of the Main Directorate for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the World Health Organization. The analysis of road traffic accidents in the Russian Federation over the past decade (in the period from 2011 to 2021 the total number of deaths in road traffic accidents amounts to 238,663) shows that an acceptable level of safety for road users has not yet been achieved, just like in most of the developed countries, where 1.3 million road users were killed and about 50 million injured as a result of traffic accidents in 2021. Considering the relevance of this problem, the author discloses the targets set by the President and the Government of the Russian Federation in a number of regulatory legal acts aimed at improving road safety; outlines the principles of activities and legal and non-legal means of affecting the participants in these relations to achieve these targets; analyzes and defines the relevant legal categories: “safety”, “safety of participation in road traffic”, “ensuring road safety”. The author assumes that the road traffic safety is possible only in the case of neutralization and elimination of all the negative consequences of road traffic accident, such as death, various injuries of individuals, material losses, etc. Specific conditions that form the road traffic situation and affect its assessment, depending on the correlation of positive and negative segments of its total value, are noted. According to the author, measures to eliminate collisions of administrative legislation on road traffic safety are: legislative consolidation of the concepts “safe driving conditions on roads” and “dangerous driving conditions on roads”, with specification of their content; determination of road traffic safety criteria without limitation to sections of roads equipped with service facilities, which means considering the entire length of the road used.

Keywords: safety, road traffic, road users, traffic rules, road traffic accident

For citation: Boronina, V.S. (2022) Collisions of administrative legislation on road safety in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 221–226. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/24

Несмотря на активное государственное противодействие дорожно-транспортным происшествиям (ДТП), нацеленное на снижение опасности их последствий, вплоть до полного исключения смертельных исходов, приходится констатировать, что

количество происшествий, приводящих к гибели людей, сохраняет высокий уровень и признается социумом одним из наиболее актуальных вызовов современности, как в национальном, так и в мировом масштабе.

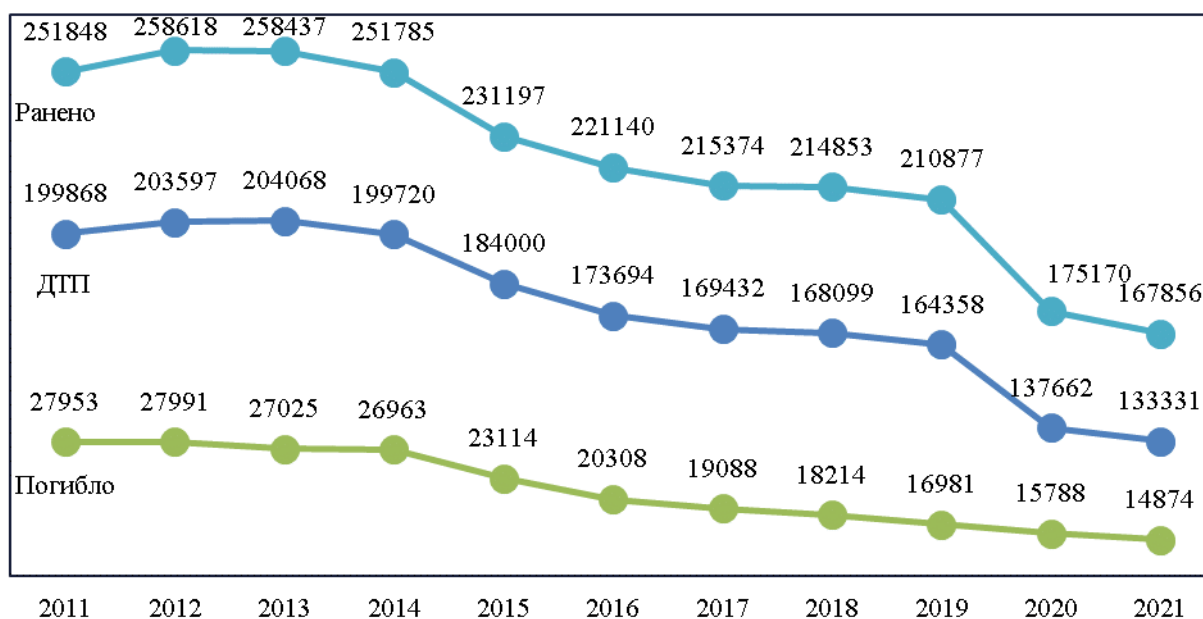

Рис. 1. Основные показатели дорожно-транспортной аварийности на территории Российской Федерации (2011–2021)

Так, в период с 2011 по 2021 г. на территории Российской Федерации число погибших в ДТП составило 238 229 человек [1]. В графике (см. рис. 1) проиллюстрирована динамика дорожно-транспортной аварийности на территории России в истекшем десятилетии, свидетельствующая, что приемлемый уровень безопасности участников дорожного движения все еще не достигнут.

Подобные негативные явления свойственны и иным развитым странам. В обзоре «Глобальный план действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2021–2030 годы» отмечено, что во всем мире за 2021 г. в результате ДТП погибли 1,3 миллиона и получили ранения около 50 миллионов участников дорожного движения. Анализируя сложившуюся ситуацию, специалисты прогнозируют, что в течение следующего десятилетия число человеческих жертв ДТП может достигнуть 13 миллионов человек и превысить 500 миллионов лиц, способных получить телесные повреждения различной тяжести [2].

Принимая во внимание актуальность указанной проблемы, Президент Российской Федерации и Правительство России предприняли ряд мер по ее нейтрализации и устранению, нашедших отражение в нормативных правовых актах: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. [3, 4], обозначивших следующие целевые ориентиры рассматриваемого противодействия:

- к 2024 г. показатель социального риска не должен превышать 4 погибших на 100 тысяч населения;
- обеспечить к 2030 г. стремление к нулевой смертности в ДТП.

Кроме того, законодатель не оставил без внимания принципы деятельности по достижению данных целевых установок, к числу которых в дополнение к принципам, признанным мировым сообществом [5] и провозглашенным в Конституции Российской Федерации, отнесены:

- концентрация усилий субъектов, противодействующих угрозам безопасности дорожного движения, на эффективных мероприятиях по снижению уровня дорожно-транспортного травматизма посредством кардинального решения в данной сфере наличных проблем;

- своевременная актуализация управленческих решений по организации и практическому осуществлению плановых мероприятий на основе результатов постоянного мониторинга наиболее проблемных зон (территорий) и направлений (сфер), негативно влияющих на состояние безопасности дорожного движения;

- приоритет использования и дальнейшее совершенствование современных технологий в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения;

- приоритет обеспечения безопасности наиболее уязвимых участников (детей, пешеходов, инвалидов) и сфер дорожного движения (пассажирских и грузовых перевозок).

Всеобщая и повсеместная реализация указанных принципов становится возможной при использовании получивших нормативное закрепление следующих правовых и неправовых средств воздействия на участников рассматриваемых отношений:

1) повышение ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения;

2) повышение уровня подготовленности всех категорий водителей;

3) комплексное совершенствование параметров улично-дорожной сети по каждому условию, влияющему на безопасность дорожного движения;

4) совершенствование всех элементов системы управления безопасностью дорожного движения (субъекты, объекты, прямые и обратные связи);

5) развитие системы оказания помощи (медицинской, психологической, технической, юридической и др.) участникам дорожного движения и механизма спасения лиц, пострадавших в результате ДТП.

Естественной потребностью и одновременно материальной нуждой людей во всем мире является потребность в перемещении, и не только самого человека, но и продуктов его труда. Таким образом приобретение указанной потребности обеспечивает функционирование практически любой сферы современного общества: экономической, социальной, культурной, хозяйственной, административно-политической и др.

Проанализировав нормативно-правовые акты, а также юридическую литературу в области обеспечения прав и законных интересов участников дорожного движения, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что преобладающим правом участников дорожного движения, выступает право на свободное и беспрепятственное передвижение по дорогам, что в административно-правовом статусе участников дорожного движения является специальным правом, поскольку закреплено в Основном законе страны – Конституции РФ (ч. 1 ст. 27), где четко сказано, каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, что в свою очередь подчеркивает конституционно-правовую защиту прав и законных интересов участников дорожного движения.

Право на свободу передвижения, является одним из главных элементов в системе административных прав участников дорожного движения. Потребность в передвижении – одна из естественных потребностей человека, при этом она может удовлетворять не только личные интересы, но и общественные (перемещение людей, предметов, средств, продуктов их труда). Вне зависимости от вида интереса основной целью передвижения является оптимальное сокращение времени, которое вынужденно тратится на перемещение. Обозначенный интерес для всех участников дорожного движения является объективно преобладающим, поскольку затрачиваемое время на участие в процессе дорожного движения – это потери или затраты живого труда, которые в большинстве случаев для всех участников дорожного движения вынужденные и по этой причине не приносящие какой-либо выгоды. Отсюда следует почти общее для всех участ-

ников дорожного движения стремление сократить время пребывания в этой социальной роли.

Если проанализировать в целом историю человечества, то для минимизации времени пространственного перемещения совсем на ранних стадиях цивилизации создавались различные транспортные механизмы и приспособления, которые в дальнейшем послужили основанием для возникновения процесса, называемого дорожным движением.

Однако этот процесс послужил поводом для возникновения опасных условий движения с использованием транспортных средств на дороге, повлекших за собой отрицательные последствия в форме возникновения ДТП¹.

Транспортное средство в процессе движения, согласно физическим законам, приобретает запас кинетической и потенциальной энергии, способной произвести разрушающие действия. Можно сказать о том, что любая деятельность участников дорожного движения осуществляется в условиях постоянного риска, так как само по себе механическое транспортное средство несет потенциальную опасность при любой скорости, что может повлечь неблагоприятную ситуацию в любой момент участия в дорожном движении. Таким образом, такого рода деятельность осуществляется в условиях постоянного риска, а степень тяжести последствий будет возрастать по мере того, как участником дорожного движения будет реализовываться интерес по оптимальному сокращению времени. На данное диалектическое противоречие впервые в юридической литературе указал В.В. Лукьянов и назвал его «скорость – опасность» [6. С. 12].

На наш взгляд, в основе указанного противоречия лежат два абсолютно противоположных мотива действий участников дорожного движения: с одной стороны, это стремление к интересу оптимизации затрачиваемого времени по достижению цели (использования максимальной скорости передвижения, выбор наиболее короткого пути), а с другой – стремление к интересу безопасности, направленному на предупреждение предполагаемых негативных последствий поведения на дороге.

Тем самым возникает конфликт мотивов, приводящий к принятию решения о возможной скорости и режиме движения, в котором участник дорожного движения сопоставляет интересы и цели. Однако любое пренебрежение безопасностью на дороге может привести к ДТП, т.е. осознание безопасности должно преобладать при принятии решения о режиме движения. В свою очередь, чрезмерная осторожность также может отрицательно сказываться на эффективности удовлетворения транспортных потребностей человека.

Следовательно, выбор участником дорожного движения какого-либо режима движения не влечет за собой полной убежденности в том, что он правильный и абсолютно безопасный. Статистические данные свидетельствуют о том, что принятие решений участниками дорожного движения не может исключить полностью вероятность возникновения ДТП (см. рис. 1).

При этом немаловажное значение приобретает одностороннее и бесспорное, всеобщее и повсеместное восприятие правоприменителями и участниками дорожного движения содержания используемых в рассматриваемой сфере правовых категорий. Одной из таких категорий является «безопасность участия в процессе дорожного движения», которая выступает к тому же единым интересом всех участников дорожного движения, имеющим государственное и общественное значение. Как отмечено ранее, данная категория самым непосредственным образом связана с личными и общественными благами (права и свободы), провозглашенными в Конституции России, обеспечиваемыми и защищаемыми национальным законодательством.

На наш взгляд, будет уместным подчеркнуть наличие между безопасностью дорожного движения и безопасностью участников дорожного движения неразрывной, устойчивой, многосторонней, динамичной связи как целого и части, как целеполагания и совокупности средств и способов его реализации.

Понятие «безопасность» законодатель закрепил в ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», где, однако, он не раскрыл его содержание, ограничившись дифференциацией видов безопасности, основу которой составили отдельные группы общественных отношений, охраняемых государством. Стоит отметить, что ранее, в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» попытка определить ее содержание была предпринята. Под «безопасностью» здесь понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», где упомянутые «интересы» представляли совокупность потребностей, удовлетворение которых смогло бы надежно обеспечить как само существование личности, общества и государства, так и возможности их прогрессивного развития.

В свою очередь, понятие «дорожное движение» согласно определению, данному в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [7] (далее – Закон о БДД), представляет собой «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог». Исходя из данного определения, участники дорожного движения есть участники такого рода отношений.

Необходимо разъяснить, что под дорогой в данном случае понимается обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Дорога включает в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии.

Также стоит внимания тот факт, что впервые широко был введен в международную практику термин «дорожное движение» («Road traffic») Конвенцией о дорожном движении 1949 г. в рамках Всемирной конференции ООН по дорожному движению [8].

В 1959 г. к данной Конвенции присоединился СССР, однако это не послужило поводом к официальному закреплению указанного термина, оно произошло только в 1971 г., после одобрения Комитетом научно-технической терминологии Академии наук СССР, который разрешил использование термина «дорожное движение» вместо ранее употреблявшихся в текстах нормативных актов терминов: «уличное движение», «движение по улицам городов и автомобильным дорогам», «движение в городах, других населенных пунктах и на автомобильных дорогах».

В.В. Лукьянов был одним из первых специалистов, который высказал свою точку зрения относительно рассматриваемого понятия и предложил под дорожным движением понимать «...процесс движения транспортных средств по дорогам, в котором действия водителей и пешеходов определяются специальными правилами» [6. С. 9].

Стоит отметить, что под безопасностью дорожного движения в ст. 2 Закона о БДД понимается состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. Под обеспечением безопасности дорожного движения понимается деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий.

Изучив приведенные выше юридические термины через призму рассматриваемой нами проблемы, позволим заметить, что достижение состояния безопасности в сфере дорожного движения возможно только в случае нейтрализации и исключения всех негативных последствий ДТП, таких как: гибель людей, различного рода травмы физических лиц, материальные и прочие потери.

Однако, по мнению ведущих специалистов в рассматриваемой области, современный этап развития автомобилизации общества, характеризуемый такими признаками, как увеличение протяженности дорог; увеличение количества участников дорожного движения; увеличение времени, затрачиваемого на передвижение по дорогам; увеличение скорости передвижения на транспортных средствах, усложняет ситуацию, не позволяя полностью избежать ДТП и их негативных последствий.

Таким образом, под «обеспечением безопасности дорожного движения» допустимо понимать нацеленную на уменьшение вероятности совершения ДТП и тем самым снижение их количества на фоне решения глобальной перспективной задачи, состоящей в стремлении к нулевому показателю человеческих смертей и ранений, сокращению материальных потерь, комплексную, многовекторную и многоуровневую нормотворческую, регулятивную, охранительную и прочую деятельность по достижению состояния безопасности в рассматриваемой сфере [7].

Как показывает проводимое исследование, в эпицентре внимания субъектов и объектов данного управленческого воздействия в процессе его реализации находятся конкретные условия, формирующие обстановку движения по дорогам и влияющие на ее оценку в зависимо-

сти от соотношения позитивного и негативного сегментов ее суммарной совокупности. При этом указанную позитивную составляющую можно рассматривать в качестве безопасных условий дорожного движения, а ее отрицательный антоним – соответственно, в качестве условий, несущих в себе риски и опасности.

Выделение этих двух групп условий и определение их содержания, на наш взгляд, имеет важное прикладное значение, так как дифференциация предложенных совокупностей и их сравнительно-правовая характеристика позволяют конкретизировать механизм противодействия обстоятельствам, угрожающим безопасности дорожного движения, и обеспечить его максимальную результативность. В данном случае, полагаем, будет уместным привести следующее изречение Рене Декарта: «Дайте понятиям точное толкование, и вы освободите мир от половины заблуждений» [9. С. 54].

Одновременно с этим права граждан на безопасные условия движения по дорогам Российской Федерации гарантируются государством и обеспечиваются путем выполнения законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения и международных договоров Российской Федерации п. 1 ст. 24 Закона о БДД.

Решая задачу формирования, поддержания и восстановления безопасных условий движения по дорогам, всем участвующим в этом субъектам одновременно приходится функционировать и в векторе противодействия условиям, имеющим противоположную направленность. При этом нельзя не учитывать, что в зависимости от категории участников дорожного движения (водитель, велосипедист, пешеход и др.) степень их реальной защиты от опасных дорожных условий будет неодинакова.

Так, например в случае дорожно-транспортного происшествия, как наезд на пешехода, тяжесть последствий для него будет больше, чем для водителя.

Право граждан на безопасные условия движения по дорогам в данной статье рассматривается как один из основных элементов их административно-правового статуса, это прежде всего обусловлено тем,

что через реализацию этого права может быть решена задача государства по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий.

Важным элементом статуса для всех участников дорожного движения является право получать от органов исполнительной власти и прочих определенных законодательством лиц достоверную информацию о безопасных условиях дорожного движения. Однако, это не означает, что инициатива в получении, обладании и пользовании подобной информацией, характеризующей условия дорожного движения, должна исходить исключительно от ее потребителей. Скорее, наоборот, обладатели и хранители такой информации должны активно и наступательно обеспечить ее получение (доведение) и адекватное восприятие потребителями.

Обращает на себя внимание, что законодатель, обязывая участников дорожного движения при перемещении по дорогам знать о безопасных условиях такого движения, ограничивает это требование лишь применительно к участкам, оборудованным объектами сервиса². Одновременно с этим ст. 24 Закона о БДД такого ограничения не содержит, что свидетельствует о несогласованности отдельных нормативно-правовых установлений, способных ввести в заблуждение не только участников дорожного движения но и правоприменителей.

Таким образом, для устранения коллизий административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения, уместно предложить следующее:

1) законодательно закрепить понятия «безопасные условия движения по дорогам» и «опасные условия движения по дорогам», определив при этом их содержание;

2) определение критериев безопасности дорожного движения не ограничивать участками дорог, обустроенных объектами сервиса, рассматривая при этом всю протяженность дороги в целом, которую используют участники дорожного движения.

Примечания

¹ Статья 2 Закона о БДД содержит определение дорожно-транспортного происшествия, под которым понимается событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб.

² Статья 3 Федерального закона от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации...»: под объектами сервиса следует подразумевать здания, строения, сооружения, иные объекты, предназначенные для обслуживания участников дорожного движения по пути следования (автозаправочные станции, автостанции, автовокзалы, гостиницы, кемпинги, мотели, пункты общественного питания, станции технического обслуживания, подобные объекты, а также необходимые для их функционирования места отдыха и стоянки транспортных средств) [10].

Список источников

1. Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/documents/health-topics/road-traffic-injuries/21321-russian-global-plan-for-road-safety.pdf?sfvrsn=65cf34c8_33&download=true (дата обращения: 10.06.2022).
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).
4. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 года № 1-р) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).
5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).
6. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Транспорт, 1983.

7. Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).
8. Международная конвенция о дорожном движении (Женева, 19 сентября 1949 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).
9. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / под ред. проф. В.С. Нерсесянца. М., 2001.
10. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2022).

References

1. *Ofitsial'nyy sayt GIBDD MVD Rossii* [Official Website of the Main Directorate for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.gibdd.ru>. (Accessed: 10.06.2022).
2. World Health Organisation. (2021) *Global'nyy plan desyatiletiya deystviy po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya 2021–2030* [Global Plan for a Decade of Action for Road Safety 2021–2030]. [Online] Available from: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/documents/health-topics/road-traffic-injuries/21321-russian-global-plan-for-road-safety.pdf?sfvrsn=65cf34c8_33&download=true. (Accessed: 10.06.2022).
3. Consultant Plus. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Consultant Plus. (2018) *Strategy for road safety in the Russian Federation for 2018–2024 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1-r of January 8, 2018)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Consultant Plus. (1948) *Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
6. Luk'yanov, V.V. (1983) *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya* [Road Safety]. 2nd ed. Moscow: Transport.
7. Consultant Plus. (1995) *Federal Law No. 196-FZ of December 10, 1995 “On Road Safety”*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
8. Consultant Plus. (1949) *International Convention on Road Traffic (Geneva, September 19, 1949)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
9. Nersesyants, V.S. (ed.) (2001) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow: Norma.
10. Consultant Plus. (2007) *Federal Law No. 257-FZ of November 8, 2007 “On highways and road activities in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторе:

Боронина В.С. – научный сотрудник 3-го отдела Научно-исследовательского центра № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (Москва, Россия). E-mail: alyu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Boronina, research fellow, Research Center No. 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: alyu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2022;
одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 15.07.2022;
approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 341
doi: 10.17223/15617793/483/25

Международно-правовая характеристика регулирования онлайн-торговли в США и ЕС

Александр Николаевич Вылегжанин¹, Дарья Дмитриевна Штодина²

^{1,2} *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия*
¹ *a.vylegzhanin@inno.mgimo.ru*
² *dashashtodina96@gmail.com*

Аннотация. Анализируется в контексте применимого международного права то законодательство США и Европейского союза, которое регулирует онлайн-торговлю. С учетом общего и особенного в таком законодательстве рассматриваются перспективы международно-правового регулирования коммерческой онлайн-деятельности. Авторы также анализируют проблему защиты персональных данных в киберпространстве при осуществлении подобного рода коммерческой деятельности с учетом существующих рисков.

Ключевые слова: международное право, онлайн-торговля, киберпространство, персональные данные, кибербезопасность

Для цитирования: Вылегжанин А.Н., Штодина Д.Д. Международно-правовая характеристика регулирования онлайн-торговли в США и ЕС // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 227–239. doi: 10.17223/15617793/483/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/25

International legal characterization of e-commerce regulation in the US and the EU

Alexander N. Vylegzhanin¹, Daria D. Shtodina²

^{1,2} *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*
¹ *a.vylegzhanin@inno.mgimo.ru*
² *dashashtodina96@gmail.com*

Abstract. This article reveals the main trends in the regulation of international trade in modern international law. The aim of the article is to analyze the current sources of international trade law aimed at regulating online commerce in cyberspace, which has become the object of regulation in many regional international agreements, as well as to compare the approaches of the US and the EU to the regulation of commercial activities in cyberspace, in particular on the issue of personal data protection. The authors explore the problem of online commerce regulation by using comparative and critical methods of analysis, i.e. comparing the legal regulation in the United States and the EU and their critical evaluation. The authors also analyze the problem of personal data protection in cyberspace in this kind of commercial activity, taking into account the existing risks. The material for the study is based on the international legal regulation of trade, the so-called “soft law” norms adopted in the framework of UNSTIRAL, the US legislation (for example, the provisions of the Uniform Commercial Code (UCC), the Uniform Electronic Transactions Act (UETA), the Electronic Signatures in International and Internal Commerce Act) and the EU law, especially the EU Regulation 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and its free circulation. The article examines online commerce as an object of international law, types of online commerce and existing contracts of sale in cyberspace, then examines in detail the sources of regulation of online commerce in the US and EU, taking into account the legal development, then analyzes the problems of personal data protection and the difference between the US approach, expressed in minimal interference in the activities of entities involved in trade (the so-called “laissez-faire” approach), and the EU “paternalistic” approach, consisting in detailed regulation of rules of commercial activity. To conclude, the authors have examined the issue related to the prospects of legal regulation of online commerce, taking into account the differences between the EU and its member states and the United States. A possible way out of this problem could be consistent cooperation based on bilateral agreements on specialized issues, adherence to the principles of international online trade set out in a New EU-U.S. Agenda for Global Change and the creation of a free trade area (FTA) between the EU and the U.S.

Keywords: international trade law, e-commerce, cyberspace, personal data, cybersecurity

For citation: Vylegzhanin, A.N. & Shtodina, D.D. (2022) International legal characterization of e-commerce regulation in the US and the EU. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 227–239. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/25

Введение

Международно-правовые исследования деятельности в киберпространстве, в том числе оценки такого глобального феномена, как всемирная компьютерная сеть Интернет, уже не являются открытием ни в зарубежной, ни в российской юридической науке [1–5]. Экономическая деятельность, в которую вовлечены цифровые технологии, в том числе электронная (онлайн) торговля, стремительно развивается, охватив уже практически все регионы мира [2]. Предложенный в статье научный акцент на международно-правовой политике США и ЕС обоснован: технологическое лидерство США в развитии компьютерных технологий – это признаваемый факт, как и само появление сети Интернет в США; ЕС же, также представляя государства с масштабной трансграничной онлайн-торговлей, как ее регулятор проявляет себя иногда «оппонентом» США, прежде всего в части защиты личных данных.

Онлайн-торговля развивается по мере экспансии Интернета. Если в 1995 г. порядка 1% населения нашей планеты имело доступ к Сети, то через 10 лет такой доступ имел уже один миллиард жителей; уже через 5 лет, в 2010 г., 2 млрд населения Земли пользовались компьютерной сетью. В 2016 г. число пользователей киберпространства посредством Интернета превысило 3,1 млрд жителей – примерно 42% 7-миллиардного населения Земли [1. P. 2–25]. В Китае сегодня особенно быстро растет число пользователей Интернетом: в 2016 г. оно уже превысило 640 млн человек [1. P. 37]. Растет число пользователей киберпространства и в России для многих целей, в том числе коммуникаций, получения информации, досуга, совершения сделок, банковских и торговых операций [3].

В таком контексте авторы настоящей статьи дают во втором ее разделе характеристику киберпространства как объекта международного права; в третьем разделе исследуется международно-правовой смысл термина «онлайн-торговля»; в четвертом – содержание действующих норм международного права об онлайн-торговле; в пятом – международно-правовая политика США в отношении онлайн-торговли; в шестом – правовая политика ЕС в этой области. В седьмом разделе рассматривается сама возможность согласования международно-правового режима онлайн-торговли, приемлемого не только для США и ЕС. В заключении сделаны выводы.

Характеристика киберпространства как объекта международного права

Дискуссия об объекте международного права применяется к киберпространству, усиливает свою актуальность. По мнению Н.М. Коркунова, отрицать наличие объекта МП бессмысленно: «Право ни на что и

есть ничто» [6. С. 12–13]. В юридической литературе уже отмечено, почему для выдающихся российских знатоков международного права, профессоров Н.М. Коркунова и Ф.Ф. Мартенса термин «объект международного права» понимался в различных значениях. Однако в настоящее время преобладающим является подход, который предлагал разграничивать понятия «предмет международного права» (международные отношения) и «объект международного права» (те блага, интересы, действия, по поводу чего государства вступают в такие отношения) [7. С. 25–29].

Является ли киберпространство объектом международного права, если нет универсального международного договора о нем? Сегодня мало правоведов поддержали бы позицию американского судьи Ф. Истербрука, выступившего в 1996 г. на научной конференции по праву киберпространства («Academic conference on cyberspace law»). По мнению судьи, тратить время на «право Интернета» («the law of the Internet») столь же бессмысленно, сколь выделять «лошадиное право» («the law of the horse») [1. P. 28]. Напротив, в настоящее время в международно-правовой науке рассматриваются варианты сценарии перехода к «транснациональному управлению» («transnational governance») киберпространством вместо нынешнего его в основном национального и корпоративного управления компаниями-IT-гигантами, зарегистрированными в США [8].

Секретариат ООН даже создал Рабочую группу по управлению Интернетом (the Working Group on Internet Governance), которая предложила сценарии такого перехода на Мировом саммите по информационному обществу (the World Summit on the Information Society). В его заключительном докладе, в свою очередь, предложены модели перехода к международному управлению киберпространством, прежде всего, путем создания на базе ООН Глобального совета по Интернету (Global Internet Council), который должен будет заменить созданную правительством США интернет-корпорацию по закрепленным именам и цифрам (the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers). Соответственно, по замыслу сторонников такого подхода, вместо права США, ныне обязательного и для упомянутой интернет-корпорации, и для IT-гигантов, зарегистрированных в США, будут действовать международно согласованные нормы, составляющие правовой режим киберпространства, об аудите, об информационной политике, о регулировании отношений между создателями сайтов, о спорах, о борьбе со спамом и т.д. [1. P. 39–40]. Впрочем, уже сейчас наличествует немало международных договоров, заключенных государствами в конкретных областях их отношений по использованию киберпространства, прежде всего, в целях обеспечения информационной безопасности и борьбы с киберпреступностью [9]. Но эти договоры не затрагивают фундаментальные правовые основы управления киберпростран-

ством. Понятно, что сегодня эти основы созданы, прежде всего, одним законодателем – американским; трудно спорить и с тем, что именно администрация США понесла начальные расходы на развитие американскими IT-компаниями системы доменных имен; объяснима и позиция американской интернет-корпорации, поддержанной министерствами США, в том, что без технологического лидерства США вряд ли возможно развитие системы Интернет в нынешних высоких темпах [10].

Но реальность такова, что неудовлетворенность сложившимся порядком управления киберпространством из США в мире нарастает. Этот порядок, который создан правом США и зиждется на нем, был терпим, когда основных пользователей киберпространства представляли сами же США и их союзники в Европе. Но в настоящее время большинство пользователей киберпространства – это уже не западный мир, в котором доминируют США. Большинство таких пользователей, причем быстро растущее, – это граждане Китая и других стран Азии; граждане России и других стран СНГ.

Более того, уже обозначились противоречия между правовой политикой США в области онлайн-торговли и правовой позицией Европейского союза в этой сфере.

Разумеется, при исследовании экономической деятельности в киберпространстве с точки зрения международного права надо учитывать, что значим не только вопрос о том, является ли онлайн-торговля объектом международного права. Подобный вопрос, применимый к военной деятельности в киберпространстве, еще более острый в контексте современного права международной безопасности. Это отмечено в статье адмирала Дм. Ставридиса, декана факультета Отделения торгового права и дипломатии Университета Тафтс (США), который ранее был командирован силами НАТО в Европе [11. Р. 7]. Хотя отдельные работы о международно-правовом измерении военного соперничества государств в киберпространстве в англоязычной комплексно-правовой литературе наличествуют [12. Р. 67–75], все же большинство договоров государств – членов НАТО в этой области, видимо, пока закрыты для научной общественности, соответственно, тема военной деятельности в данной статье не рассматривается. С этим контрастирует открытость международных документов о торговых сделках, заключаемых в киберпространстве.

Международно-правовое содержание термина «онлайн-торговля»

Онлайн-торговля как международно-правовое понятие означает, прежде всего, действия по поводу передачи материальных и нематериальных ценностей, коль скоро конкретная онлайн-передача таких ценностей имеет трансграничный характер и в такую передачу государства (или иные субъекты международного права) вовлечены, хотя могут и не вступать в правоотношения по поводу каждой конкретной онлайн-передачи. Онлайн-торговля сегодня уже считается и в

США, и в ЕС тем благом, по поводу которого на данном этапе оформляются международные отношения, в том числе посредством международных договоров [3]. В этом смысле онлайн-торговля является предметом международного права, хотя *de facto* большую часть сделок совершают не государства, а лица (юридические и физические) [13]. Предметом международного торгового права названы в науке, прежде всего: 1) отношения между государствами, другими субъектами международного права, связанные с трансграничным движением товаров и услуг, причем покупателями и продавцами в данном случае могут выступать лица физические и юридические; 2) отношения между государствами по поводу внутригосударственных правовых режимов в торговой сфере [14. С. 59]. Даже в авторитетных учебниках по международному экономическому праву онлайн-торговля не рассматривается [15]. Но на практике международная торговля претерпевает значительные изменения (уже 1990-х гг. сеть Интернет обозначила себя как благоприятная коммерческая среда, предоставившая возможность перенести оформление части международных торговых сделок в киберпространство). Сегодня же онлайн-торговля предполагает не только совершение сделок купли-продажи товаров, но и обмен (в том числе международный) услугами, разнообразной информацией, даже новыми технологиями. В этот глобальный торговый процесс вовлечены не только сеть Интернет, но и Экстранет (корпоративная сеть) и Интранет (часть сети организации или государственного ведомства). На таком фоне онлайн-торговлю нередко обозначают как ведение онлайн-бизнеса, хотя именно торговые механизмы составляют ядро этого феномена [16. Р. 1–18].

В настоящее время нет единого договорно-правового определения термина «онлайн-торговля» (англ. – «e-commerce»). Даже в правительственных торговых организациях данный термин не получил единообразной дефиниции. Например, в ВТО подобный вид торговли обозначает как производство, рекламу, распространение и реализацию товаров через телекоммуникационные сети [17]. В научной литературе (Д. Вайтли [18]) предложено такое определение: онлайн-торговля – это общий термин, включающий в себя любую форму заключения коммерческой сделки или любую форму информационного обмена, осуществляемую посредством использования информационных и коммуникационных технологий. Законодательный подход США заключается в определении электронной коммерции как сделок, которые совершаются с использованием сети Интернет (The Internet Tax Freedom Act, 1998), причем виды таких сделок могут быть различными, в том числе купля-продажа и лицензирование. Европейская инициатива по электронной коммерции (European Initiative in Electronic Commerce), созданная на основе решения Европейской комиссии в 1997 г., подчеркивает «динамический» характер данного понятия, которое включает в себя различную коммерческую деятельность в киберпространстве (торговля товарами и услугами, доставка онлайн-товаров, онлайн-торговля акциями и т.д.) [19]. Пред-

ложено и такое определение электронной коммерции: «отношения, складывающиеся при ведении коммерческой деятельности в Интернете, связанной с совершением сделок, продвижением услуг, товаров, работ и других объектов в сети Интернет» [20. С. 157–166].

Содержание норм международного права об онлайн-торговле

При отсутствии договорно-правового определения термина «e-commerce», различиях в правовых позициях государств касательно действующего правового режима онлайн-торговли, Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) [21]¹ как вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН, предложила ряд норм, носящих рекомендательный характер для государств – членов ООН:

– Рекомендация в отношении правового значения записей на ЭВМ 1985 г. (Recommendations on the legal value of computer records) 1985 г. [22];

– Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле UNCITRAL Model law on electronic commerce (UNCITRAL Model law on electronic commerce) 1996 г. [23];

– Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (UNCITRAL Model law on electronic signatures) 2001 г. [24].

В Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. нет точной дефиниции термина «электронная торговля», однако само понятие рассматривается в тексте закона как включающее в себя передачу информации в дистанционном формате с использованием различных видов технологий, в том числе электронных сообщений, обмен текстами и т.д. Комиссия учитывала, что первоначально торговые отношения государств не предусматривали, разумеется, онлайн-формата. К концу 1999 г., однако, в мире примерно 260 млн человек осуществляли покупки в онлайн-среде. К 2002 г. эти показатели превысили уже 580 млн человек во всем мире, а в 2020 г. (в период пандемии) объем рынка онлайн-торговли увеличился до 4,5 трлн долларов [25]. По оценке NASDAQ (Служба автоматизированных котировок Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам), к 2040 г. 95% покупок будут совершаться в сети Интернет. В ближайшие 20 лет ожидается перевод всей коммерции в онлайн-среду, что актуализирует тему согласования между государствами, особенно лидерами онлайн-торговли, общеприемлемого подхода к международно-правовому режиму такой торговли.

В научной литературе выделяют три основных способа использования киберпространства для торговли, в том числе международной: 1) онлайн-операции между компаниями – юридическими лицами, обозначенными еще термином «продажи для бизнеса» («business-to-business»), где конечным покупателем выступает именно юридическое лицо; 2) онлайн-операции между государством, учреждением, действующим от имени государства и компанией – юридическим лицом, обозначаемыми термином «продажи для правительства» («business-to-government»),

где конечным покупателем выступает государство; 3) онлайн-операции, совершаемые между юридическим лицом и покупателем – физическим лицом («business-to-consumer»). Это – самая распространенная сделка в онлайн-среде, где конечным покупателем выступает физическое лицо [26. Р. 325–347]. На практике данная классификация рассматривается в настоящее время как весьма условная, а сделки, совершаемые в киберпространстве, становятся все более разнообразными, усложненными, количество их видов увеличивается.

Тем не менее такие сделки имеют ряд специфических признаков, среди которых выделяют следующие: 1) особый подход к определению юрисдикции; 2) острота вопроса о защите персональных данных покупателя; 3) дополнительная актуальность вопроса о защите прав потребителя.

По данным ЮНКТАД² [27], в 82% от общего числа государств мира приняли нормативно-правовые акты, направленные на национально-законодательное регулирование онлайн-торговли, однако лишь в 56% от этого же числа государств существует законодательство по защите прав потребителей [28]. В этом контексте отметим, что достаточно разработанное законодательство США и ЕС, которое применимо к онлайн-торговле и которое постоянно совершенствуется, обозначает по ряду вопросов существенные отличия, как и сама правовая политика в данной области этих субъектов международного права.

Международно-правовая политика США в отношении онлайн-торговли

Международно-правовая политика США, делая акцент на обеспечении безопасности онлайн-торговли, декларирована в обобщенном виде так: какие бы шаги на национально-законодательном уровне не предпринимали государства в целях защиты своих информационных сетей, для обеспечения кибербезопасности, в том числе технологической, необходимо еще международное взаимодействие по выработке соответствующих стратегий. Отмечено, что, в отличие от традиционного оружия, разрушительные средства информационной технологии скрыты и невидимы; их использование может осуществляться «через цепочку» в нескольких странах, при этом сложно установить происхождение, идентифицировать нарушителя, его спонсоров, тем более что негосударственные субъекты создают потенциал, позволяющий осуществлять разрушительные действия в киберпространстве, в том числе с использованием посредников. Эти свойства делают традиционные стратегии (такие как меры, применяемые в процессе контроля за вооружениями) неэффективными в противодействии создателям киберугроз. Несмотря на сложность этой задачи, государства должны объединить усилия в реализации общей цели сохранения и расширения вклада, который информационные технологии вносят в обеспечение их безопасности и целостности.

Вместе с тем, согласно американскому подходу к регулированию всякой торговли, государство должно ограничиваться минимальным в нее вмешательством,

практиковать в качестве регулятора «минималистический подход – minimalist approach») [29]. Концепция *laissez-faire* (фр. – «позволять делать»), представляющая собой, по сути, «умывание рук» при осуществлении бизнеса, при наличии свободного рынка, изначально получила наибольшее воплощение на территории США. На основе данного подхода в 1997 г. американский президент Б. Клинтон поручил разработать «Основы глобальной электронной коммерции» [30]. В данном документе содержатся пять принципов развития электронной торговли: 1) «основная роль принадлежит частным субъектам» (частному сектору); 2) минимальное вмешательство со стороны государственного аппарата (в том числе отказ государственных органов от применения необоснованных ограничений в сфере торговли в Интернете); 3) в том случае, если государственное вмешательство будет признано необходимым, его цель должна заключаться лишь в применении мер по поддержанию торговли, а также в обеспечении предсказуемой, свободной от излишнего законодательного регулирования, устойчивого и понятного режима проведения торговли в онлайн-среде; 4) от государственных органов требуется признание специфических признаков киберпространства как объекта регулирования; 5) упрощение электронной торговли на глобальном уровне. США признали также необходимость разработки международного соглашения, которое позволило бы упростить осуществление онлайн-торговли. Государство, с точки зрения США, должно оставить за собой право минимального вмешательства в свободный онлайн-рынок, который должен самостоятельно функционировать на основе механизмов саморегулирования. «Экстратерриториальный» принцип применим к сети Интернет, к онлайн-торговле в целом; предусматривается создание единых норм и принципов регулирования подобных сделок независимо от национальной юрисдикции. «Основы глобальной электронной коммерции» были использованы Комиссией ООН по праву международной торговли при разработке Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, в котором также регулируются вопросы международных торговых договоров, заключаемых с помощью электронных средств. В основах подчеркивается роль Международного института унификации частного права (УНИДРУА) и Международной торговой палаты (МТП) по разработке правил и принципов регулирования онлайн-торговли.

На подход США к определению юрисдикции повлияли и решения Верховного суда США о киберпространстве. Так, в решении по делу *International Shoe* [31], Суд применил принцип «минимального контакта», согласно которому осуществление надлежащей правовой процедуры предусматривает, что ответчик по делу, находящийся за пределами места рассмотрения спора, должен иметь «минимальные контакты» с государством, в котором рассматривается спор. Данное решение подвергалось критике ввиду того, что компания, осуществляющая онлайн-торговлю, фактически имеет «минимальные контакты» с судебной системой каждого государства. В 1997 г. суд в Запад-

ной Пенсильвании вынес решение по делу *Zipco Mfg. Co. v. Zipco Dot Com. Inc.* [32], в котором он подчеркнул необходимость применения обозначенного выше принципа в контексте «скользящей шкалы» (*sliding scale*), т.е. с учетом активности компании при заключении договоров с покупателями из другого государства.

На практике онлайн-торговля в США и в других странах осуществляется, прежде всего, на основе заключения следующих видов договоров купли-продажи: 1) лицензионные соглашения (*shrinkwrap agreement*), принимаемые на основании конклюдентных действий покупателя («оберточная» лицензия). Отмечается, что подобные соглашения схожи с обычными лицензионными договорами. В данном случае покупатель приобретает программу и своими конклюдентными действиями соглашается с условиями лицензии; 2) клик-соглашения (*clickthrough agreement*), принимаемые исключительно в онлайн-среде на основании договора, заключаемого покупателем с продавцом, на основании условий, обозначенных на экране монитора; 3) браузерные соглашения (*browsewrap agreement*), которые предусматривают принятие условий договора при переходе по гиперссылке, которая располагается на одной из страниц сайта [1]. Покупатель не должен принимать условия посредством нажатия кнопки компьютерной мыши; вместо этого он должен использовать веб-сайт.

Большинство договоров о сделках, совершаемых в онлайн-среде, регулируется в США Единым торговым кодексом (ЕТК) США. Наряду с ЕТК США был разработан Закон об унифицированных электронных сообщениях (*Uniform Electronic Transactions Act–UETA* [33]) в 1999 г. и Закон об электронных подписях в международной и внутренней торговле (*The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act–E-SIGN* [34]) в 2000 г. UETA по состоянию на 2021 г. был принят почти во всех штатах США. Основная цель данных правовых документов состояла в юридическом уравнивании значения электронной цифровой подписи с обычной (письменной) подписью, т.е. все сделки, осуществляемые на территории США с использованием электронной подписи, стали приравниваться к реальным сделкам, совершенным в письменной форме. *The Electronic Signatures in Global and National Commerce Act* входит в Кодекс США в 15-й раздел «Коммерция и торговля». Значимым источником регулирования торговли в онлайн-среде принято считать Единый закон о транзакциях с компьютерной информацией (*Uniform Computer Information Transactions Act–UCITA* [35]), разработанный некоммерческой американской ассоциацией – Национальной конференцией уполномоченных по унифицированным государственным законам в 1999 г. Единый закон был рекомендован к принятию во всех 50 штатах, однако к настоящему времени он действует лишь в штатах Мэриленд и Вирджиния. Критика противников принятия данного закона заключалась в том, что Единый закон предоставлял продавцам лицензии больший объем прав по сравнению с покупателями программного обеспечения.

Следует учитывать, что UETA применяется только в том случае, если стороны прямо договорились об этом, а UCITA применяется автоматически, если стороны не договорились об обратном. Закон об унифицированных электронных сообщениях (UETA) регулирует все вопросы, связанные с электронными подписями, а также вопросы проведения онлайн-торговли, которые не входят в предмет регулирования Единого закона о транзакциях с компьютерной информацией (UCITA).

Отдельно следует остановиться на законодательном решении вопросов защиты персональных данных законодательством США и на особенностях американской международно-правовой доктрины в данной области. При совершении сделок в киберпространстве покупатель предоставляет для дальнейшей обработки персональные данные и иные сведения, необходимые для исполнения договора. В книге «Путеводитель в правовом регулировании персональных данных Лотара Дертманна» [36] подчеркивается, что в США, в отличие от стран Европы, разрешена обработка персональных данных. Так, на территории США законодательство о конфиденциальности, как декларировано, направлено на защиту частной жизни лица и сохранение тайны переписки; поэтому физические лица не защищены законом, за исключением случаев применения «стандарта разумного человека» (англ. – «a reasonable person»). На основании применения данного стандарта в каждом конкретном случае решается вопрос о так называемом разумном ожидании со стороны лица о соблюдении конфиденциальности третьими лицами. В США в каждом штате отдельно могут приниматься в этой области местные законы, которые действуют наряду с законами федерального уровня. За соблюдением компаниями прав субъектов персональных данных ответственным органом выступают уполномоченные органы по защите прав потребителей (например, Федеральная торговая комиссия США). Подход Верховного суда США заключается в его акценте на защиту лишь отдельных категорий данных физических лиц – прежде всего, данных о здоровье лица и о его финансовом положении.

Немаловажный аспект регулирования онлайн-торговли связан с налогообложением. В американской правовой системе существует мораторий на введение новых или дискриминационных мер для налогообложения сделок, совершаемых с использованием сети Интернет: в 1998 г. был принят закон «О налоговой свободе в Интернете» («Internet Tax Freedom Act» [37]), в соответствии с которым был создан Консультативный комитет по вопросам электронной торговли. Длительность моратория составляла три года, однако в 2020 г. был разработан закон «О постоянном освобождении Интернета от налогов», на основании которого запрещается любое государственное и местное налогообложение электронной коммерции.

Международно-правовая политика ЕС в отношении онлайн-торговли

Переходя к характеристике регулирования онлайн-торговли в ЕС, следует, прежде всего, напомнить, что

Европейский союз объединяет 27 государств-членов, в каждом из которых действуют свои правила регулирования торговых отношений в сети Интернет. Вопрос определения юрисдикции и выбора применимого права (choice of law) в данном случае играет ключевую роль. Ключевым судебным решением по вопросу определения юрисдикции считается дело с участием компании Yahoo! [38], которая отказывала Франции в прекращении продажи с аукциона атрибутов нацизма, ссылаясь на свободное регулирование Интернета (компания была зарегистрирована на территории США). Позднее французскому суду удалось доказать, что американская компания не проводила торги в правовом вакууме, а распространяла рекламу на территории Франции, где подобные действия по оправданию нацизма запрещены уголовным законом. Этот пример чрезвычайно важен для понимания регулирования действий компаний и государств в киберпространстве. Государство действует в киберпространстве через серверы, собственную инфраструктуру, находящуюся под юрисдикцией государства. Следовательно, есть правовые рычаги для реализации ответственности за противоправные действия конкретного лица.

В ЕС необходимость регулировать онлайн-торговлю появилась позднее, чем в США, в начале 2000-х гг. В 2000 г. в ЕС была принята Директива по вопросам онлайн-коммерции (Директива ЕС № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке [39], в частности об электронной коммерции), на основании которой обеспечивалось свободное движение товаров и услуг в рамках единого рынка ЕС. Каждому продавцу, участвующему в онлайн-торговле, предоставляется право доступа на рынки всех 27 государств – членов ЕС; в свою очередь, от продавца требуется предоставить сведения о наименовании компании, о месте ее регистрации наряду с предоставлением необходимой контактной информации о юридическом лице. Как и в США, любые договоры, заключаемые в онлайн-среде, приравниваются по своей юридической силе к аналогичным договорам, заключаемым в традиционной письменной форме (ст. 9). Директива имеет обязательный характер для всех государств-членов, которые обязаны привести внутреннее законодательство в соответствие с данным источником. В документе содержатся положения о поощрении инвестирования европейскими компаниями в инновационные технологии. Для ЕС основной целью стала защита прав потребителей, гарантирование защиты персональных данных пользователей, размещаемых в киберпространстве, в отличие от США, которые ставили целью скорейшее закрепление своих позиций на рынке онлайн-торговли.

Потребителям в сфере онлайн-торговли также предоставляется защита на основании Директивы 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета от 20.05.1997 г. о защите потребителей в связи с договорами, заключаемыми на расстоянии [40]. Правовые отношения определяются как поставка товаров и услуг без фактического присутствия сторон, органи-

зованная поставщиком с использованием одного или нескольких дистанционных средств связи. Как и в США, законодательство ЕС предусматривает использование электронной цифровой подписи на основании Директивы № 2000/31/ЕС и Директивы №1999/93/ЕС о порядке использования электронных подписей в Европейском сообществе.

Современная повестка дня для политики ЕС в сфере киберпространства была сформулирована в 2019 г. Председателем Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен, которая заявила о необходимости соответствия политики ЕС новой эпохе информационных технологий. С этой целью в Европейском союзе в период с 2019 по 2024 г. предполагается реализовать следующие меры [41]:

- принять Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act), который позволил бы установить правила конкуренции для онлайн-платформ торговли;
- принять Закон об онлайн-сервисах (Digital Services Act), направленный на пресечение действий по распространению незаконного контента и товаров на основе правил транспарентности онлайн-торговли;
- принять Регламент по защите личных данных (ePrivacy Regulation);
- принять Закон об управлении персональными данными (Data Governance Act).

Остановимся предметнее на регулировании в Европейском союзе защиты персональных данных, показывая различия в правовых подходах ЕС и США к обеспечению такой защиты.

В США и ЕС и на уровне официальных документов, и в юридической науке сложились различные представления о таком понятии, как «privacy» («личная тайна»). В конституциях стран ЕС часто встречаются положения о личной тайне граждан (например, в Конституции Германии), а в тексте Конституции США 1787 г. подобное положение отсутствует. В документах ЕС охрана личной тайны («privacy») признается основным правом человека, которое должно защищаться Конституцией страны и Хартией ЕС об основных правах 2000 г. [42]. Подход же США заключается в рассмотрении лишь вопроса защиты прав человека вообще. В ЕС речь идет о защите конкретно чести и достоинства гражданина, причем на основе разработанного законодательства. На федеральном уровне в США нет закона, который бы позволял обеспечить защиту персональных данных о лице, использование которых может унижить достоинство человека, а возникающие в киберпространстве такие проблемы подлежат решению на уровне частного сектора [42. Р. 169–174], что потребует механизмы саморегулирования в киберпространстве.

Для Европейского союза, напротив, характерно стремление гармонизировать правовые нормы, направленные на регулирование защиты персональных данных покупателей. Директива ЕС о защите персональных данных была принята в 1995 г. и введена в действие в государствах – членах Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). В 2018 г. вступил в силу Регламент ЕС 2016/679 от 27.04.2016 г. о защите физических лиц в отношении обработки персональных

данных и их свободного оборота [43], который предусматривает обязательства юридических лиц в ЕЭЗ в данной области. На основании Регламента 2016 г. компании обязаны: документировать активность по обработке поступающих персональных данных о физических лицах; назначать должностное лицо, ответственное за совершение действий по обработке персональных данных; использовать надежные программные средства хранения и удаления таких данных; раскрывать все данные о лицах, осуществляющих контроль за персональными данными, а также цели обработки данных, правовые основания обработки и т.д. (ст. 12, 13). Регламент, в отличие от Директивы 1995 г., применяется непосредственно, не требуя включения его норм в национальное законодательство государств – членов ЕС. Надзорными функциями на основании ст. 29 Директивы 1995 г. была наделена Рабочая группа ст. 29, которая в дальнейшем, с принятием Регламента 2018 г., на основании ст. 68 была переименована в Европейский совет по защите данных. Данный Регламент ЕС послужил основой для принятия дальнейших решений по достижению так называемого технологического суверенитета в европейском регионе. В марте 2020 г. Европейская комиссия представила доклад «Europe investing in digital» [44], в котором отстаивалась идея отказа от повсеместного использования американского программного обеспечения, облачных технологий хранения персональных данных в пользу создания подобных технологий на внутреннем рынке, доступ к которым будет закрыт для американских компаний.

Многие государства последовали примеру законодательного Регламента ЕС 2016 г. и приняли внутригосударственные законы о защите личных данных – Бразилия, Индия, Япония, Южная Корея, Таиланд. Более того, Дж. Брилл, бывший член Федеральной торговой комиссии США, поддерживала идею принятия схожего Регламента в США, поскольку подобное решение, дескать, позволит усилить экономическое сотрудничество США и ЕС [45. Р. 8].

Переговоры о заключении соглашения о беспрепятственной онлайн-торговле между ЕС и США начались в конце 1990-х гг., когда на основании принятой Директивы 1995 г. ЕС запретил передавать персональные данные третьим государствам, в которых не было соблюдено требование об «адекватной» защите таких данных. Патерналистский подход ЕС к защите информации о физических лицах противоречил представлениям американской доктрины о свободном доступе к информации о лице (за некоторыми исключениями). Итогом переговоров стало принятие Соглашения о передаче данных по принципу «безопасной гавани» (Safe Harbour Agreement), разработанного в период с 1998 по 2000 г. Г. Фарелл [46. Р. 286] подчеркивает, что основная идея создания данного Соглашения состояла в отказе от применения к третьим государствам требования об «адекватной» защите персональных данных граждан ЕС. Только компании, зарегистрированные в США, которые дали свое согласие на «адекватную защиту», должны были ее предоставлять в отношении граждан ЕС. Соглаше-

ние не предусматривало изменения законодательства Европейского союза или США и основывалось на семи базовых принципах сотрудничества Сторон: принцип уведомления (уведомление субъекта персональных данных об их сборе и использовании); принцип выбора (у субъекта должно быть право не предоставлять данные и направить их другой компании); принцип, согласно которому дальнейшая передача персональных данных возможна только в случае наличия гарантий их защиты третьей стороной; принцип безопасности (для защиты данных от утери или кражи); принцип целостности данных, которые должны относиться к указанному субъекту и быть достоверными для их сбора; принцип доступа субъекта данных к изменению, удалению любой информации, затрагивающей его интерес; принцип обеспечения выполнения перечисленных правил. Спустя 15 лет после принятия Safe Harbour Agreement Европейский суд в 2015 г. признал его недействительным. При рассмотрении дела «С-362/14 Maximilian Schrems v. Data Protection Commissioner» [47] Европейский суд принял решение об отсутствии «адекватных мер» защиты со стороны США персональных данных пользователей Facebook, зарегистрированных на территории ЕС.

С целью укрепления международного сотрудничества ЕС и США в 2016 г. приняли соглашение EU-U.S. Privacy Shield [48], в котором закреплено право передачи персональных данных о гражданах ЕС на территорию США, но с обязательством США следовать законодательству ЕС. В тексте этого договора, однако, было закреплено положение о приоритете требований национальной безопасности США. Тем самым государственные органы США получали возможность «перехвата» персональных данных граждан Европейского союза. В исследовании, посвященном вопросу защиты персональных данных в США и ЕС на основе сравнительного подхода, отмечен недостаточно эффективный механизм защиты прав лиц. Итогом разрешения данных противоречий стало решение Суда Европейского союза от 16.07.2020 г. о признании соглашения EU-U.S. Privacy Shield недействительным [49].

Возможно ли согласование международно-правового режима онлайн-торговли?

Различные подходы ЕС и США к защите персональных данных граждан не могли послужить основой для создания правового механизма трансатлантической онлайн-торговли, в связи с чем американские компании регулярно заявляют о том, что доступ на рынок ЕС фактически закрыт. Несмотря на это, в 2020 г. Президент США Д. Байден заявил о необходимости пересмотра мер по международному сотрудничеству ЕС и США в онлайн-торговле, обосновывая свое решение тем, что ЕС является основным потребителем цифровых услуг США. В 2019 г. объем экспорта информационно-коммуникационных технологий в ЕС составил 31 млрд долларов, однако американские компании заявляют о недальновидном подходе ЕС, выраженном в принятии отличающихся от американ-

ских мер по защите персональных данных. Национальный совет по внешней торговле США (The National Foreign Trade Council-NFTC) выразил обеспокоенность в связи с принятием ЕС директив и регламентов, которые устраняют инновационные американские компании с рынка ЕС. В некоторых штатах (Калифорния, Вирджиния [50, 51]) разрабатываются законы, схожие по содержанию с Общим регламентом ЕС по защите персональных данных от 2018 г., однако такие акты лишь усиливают правовую фрагментацию на внутреннем рынке США.

На 117-м заседании Конгресса США было принято решение о смене правовой политики США в сторону так называемого подхода на основе результатов. Первоначально защита персональных данных базировалась на «прескриптивном подходе» [52]. Он предполагал детальное регулирование защиты данных о субъекте на законодательном уровне по аналогии с практикой ЕС в этой области. Позднее признавалось, что «подход на основе результатов» (который акцентирует внимание на реализацию норм в практике) мог бы эффективно защищать интересы участников онлайн-торговли; это было отражено в Стратегии по защите персональных данных 2020 г. [53].

Обеспокоенность властей ЕС была вызвана и принятием в США Закона, уточняющего правомерное использование данных, хранящихся за рубежом (Cloud Act) 2018 г. [54], который позволит получить доступ к данным, хранящимся на территории иностранных государств, без необходимости предоставления гарантий их защиты. Провайдеры из США могут предоставлять имеющиеся у них данные только в том случае, если запрашивающее данные государство относится к демократическому государству, характеризующемуся «верховенством права» («Rule of Law»). При совершении таких действий властям США, в случае передачи данных о лицах, не являющихся гражданами США, не требуется обращаться к Договорам о взаимной правовой помощи, в отличие от аналогичной ситуации с персональными данными американских граждан. Как констатировано, положения Cloud Act противоречат Регламенту ЕС 2016/679 от 27.04.2016 г. о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и их свободного оборота по следующим причинам:

- данный Закон фактически ставит интересы граждан США выше интересов граждан ЕС, что противоречит положению ст. 6 Европейского регламента;
- в Законе установлено право отказа от применения Договоров о взаимной правовой помощи, хотя в ст. 48 Регламента закреплено право передачи персональных данных только на основе действующего международного соглашения [43, 54].

Несмотря на обозначенные различия в правовом регулировании в ЕС и США онлайн-коммерции, существуют потенциальные возможности для их взаимодействия в этой сфере. Американская сторона предлагает сочетать основанный на коммерческом риске подход с подходом ЕС, основанным на принципе «предосторожности» («precautionary principle»). В различных международных организациях, таких как

Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сторонам уже удалось достичь консенсуса по различным вопросам, связанным с обеспечением кибербезопасности. В 2019 г. ОЭСР были разработаны Принципы искусственного интеллекта (Principles on Artificial Intelligence (AI)) [55], которые приняли и США, и ЕС. Все стандарты, содержащиеся в данном источнике, носят рекомендательный характер с тем, чтобы государства могли по своей воле ввести в действие положения Принципов по национальному праву. Эти положения касаются вопросов защиты персональных данных, обеспечения кибербезопасности с учетом существующих рисков, а также ответственного ведения коммерческой деятельности в онлайн-среде.

Но мыслим ли универсальный международно-правовой режим онлайн-торговли? Международные торговые переговоры в рамках ВТО в настоящее время сфокусированы на создании правил ведения торговли онлайн-коммерции, дальнейшего сотрудничества, основанного на гармонизации соответствующего внутреннего законодательства государств – членов ВТО. Признается необходимость совершенствования действующего правового режима торговли посредством использования принципа недискриминации, отказа от ограничительного подхода к регулированию [56]. И США, и ЕС солидарны в вопросе о принятии международно-правовых обязательств, соблюдения правил транспарентности торговли, взаимного сотрудничества. Исходя из необходимости пересмотра правил ведения онлайн-торговли, государства – члены ВТО могли бы принять соответствующее международно-правовое соглашение, однако пока во многих государствах удалось достичь консенсуса лишь по ограниченному кругу вопросов: о мерах в отношении спама; о дальнейшем упрощении процедур онлайн-торговли [57].

Потенциально примечательны, в этом контексте, принципы международной онлайн-торговли, изложенные в документе «A New EU-U.S. Agenda for Global Change» 2020 г. («Новая повестка дня для ЕС и США по глобальным изменениям» [58]). В повестке перечислены основные направления сотрудничества сторон: усиление мер по борьбе с пандемией COVID-19; защита окружающей среды в рамках разработки соответствующих международно-правовых документов; координирование использования технологий и торговли. Со стороны Европейского союза поступило предложение учредить Совет США и ЕС по вопросам торговли и технологий (U.S.-EU Trade and Technology Council). Деятельность Совета должна быть направлена на усиление трансатлантического сотрудничества ЕС и США на двусторонней основе и на обеспечение возможности привлечения к сотрудничеству других государств. На основании данного предложения в июне 2021 г. был учрежден Совет, который рассматривается в качестве форума сторон по вопросам технологических стандартов, климата и «зеленых» технологий, защиты персональных данных, экспортного контроля, притока инвестиций, глобальных изменений в торговле и т.д.

В рамках шагов к универсальному договору об онлайн-торговле государства могли бы сотрудничать на основе двусторонних соглашений, изначально по специализированным вопросам: налогообложение при онлайн-торговле; защита персональных данных; правила конкуренции и т.п. Далее в рамках ВТО, согласно ст. 24 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1944 г., возможно создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Под ЗСТ понимается группа из двух или более таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли между данными территориями в отношении тех товаров, которые происходят из них. ЗСТ обеспечивается режимом наиболее благоприятствуемой нации, установленным в ВТО и соответствующим Соглашением о свободной торговле [58]. Между ЕС и США, отметим, не заключено подобного соглашения. 9.04.2019 г. Совет ЕС признал проведение дальнейших переговоров по данной повестке «неактуальными» [59]. Следует привести и весьма радикальную точку зрения Р.К. Кнейк, который убежден в разрастании фрагментации сети Интернет и, в частности, в разделении онлайн-торговли на европейском, американском и китайском рынках. Несмотря на то что киберпространство предполагает свободное движение информационных потоков, органы государственной власти многих государств принимают законодательство, направленное на защиту внутригосударственных интересов в этом особом пространстве, не обозначенном в 1940–1950-х гг., когда создавалось современное международное право. Профессор А. Чандер [60] солидарен с подобной точкой зрения, так как только сейчас европейские государства осознали опасность хранения персональных данных о гражданах в американских компаниях (в том числе таких, как Google, Facebook, Microsoft) и последовательно принимают законодательные акты, призванные остановить опасную зависимость от американских гигантов IT-индустрии. В порядке международно-правового прогноза высказано мнение о том, что американским компаниям придется пойти на уступки с ЕС для заключения в будущем Соглашения о свободной торговле, которое сможет существенно упростить проведение онлайн-торговли для сторон [59. Р. 27]. Решающая роль будет при этом принадлежать Конгрессу США.

Заключение

На фоне происходящей в настоящее время очередной «информационной революции», включающей в себя распространение Интернета и онлайн-торговли на все новые области, наблюдается увеличивающийся технологический отрыв США от других государств мира, особенно Африки, Азии, Латинской Америки. Будучи сегодня IT-лидером в мире, США не заинтересованы в согласовании общеприемлемого универсального международного договора об онлайн-торговле, поскольку даже сам ход такого согласования требует соблюдения принципа суверенного равенства государств, в данном случае как «киберразвитых», так и «киберотсталых». Переманивание в киб-

риндустрию США лучших IT-специалистов из России, Индии, Китая и некоторых других стран с сильной технической школой добавляет все новые технологические преимущества США. На таком фоне США стремятся сохранить свое командное положение в сложившихся правилах экономической деятельности в киберпространстве, прибегая к избирательным двусторонним международным договоренностям, к удобным для США и их союзников документам «мягкого права», к продвижению тех правовых механизмов, которые сложились в законодательстве США.

Нынешние обозначенные разногласия между США и ЕС, как легко спрогнозировать, будут преодолены, и России в таких условиях предстоит формулировать обновленную международно-правовую позицию в отношении будущего правового режима онлайн-торговли. Принимая во внимание отсутствие каких-либо перспектив в ближайшие годы улучшить отношения с США и с ЕС, России, как представляется,

целесообразно сделать политико-правовые шаги в направлении согласования проектного документа о правовом режиме онлайн-торговли с главной экономикой мира – Китаем. Такие шаги в политико-правовом плане полностью соответствуют совместной российско-китайской декларации по международному праву [61]. Напомним, что этот документ (п. 3) предусматривает следующее: «Стороны полагают, что отказ от дискриминационной политики и практики в экономических отношениях, укрепление и расширение на равноправной и взаимовыгодной основе торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных обменов и сотрудничества будут способствовать совместному развитию и процветанию» [60]. Если бы российско-китайский согласованный документ о правовом режиме онлайн-торговли стал реальностью, ему (а не правовой позиции США и ЕС) можно было бы прогнозировать поддержку большинства государств мира.

Примечания

¹ ЮНКТАД была создана в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН в целях содействия гармонизации и унификации норм торгового права. Среди успешных результатов ее деятельности – разработка текста Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. [16].

² Среди десятков международных организаций, занимающихся в той или иной степени рассмотрением вопросов международной торговли, Конференция ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development) – ЮНКТАД – как международная организация, сформировавшаяся на базе одноименных конференций, занимает особое значение, прежде всего, как вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН, согласно ее резолюции 19, принятой в 1995 г., в силу ст. 22 Устава ООН [22].

Список источников

1. Rustad M.L. *Global Internet Law in a nutshell*. 3rd ed. West Academic Publ., 2016. 463 p.
2. *Emerging Trends in Business // Digital Economy*. URL: <https://www.toppr.com/guides/business-environment/emerging-trends-in-business/digital-economy/> (дата обращения: 15.12.2021).
3. Число пользователей интернета в России достигло 124 миллиона // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 15.12.21).
4. Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Международно-правовые аспекты кибербезопасности // *Московский журнал международного права*. 2020. № 1. С. 44–53.
5. Lipton J. *Rethinking Cyberlaw: a new vision for internet law*. Edward Elgar Publishing, 2015. 176 p.
6. *Международное право*. Лекции, читанные в Военно-юридической академии Н. Коркуновым. СПб., 1886. 346 с.
7. Мартенс Ф.Ф. *Современное международное право цивилизованных народов*. 5-е изд., доп. и испр. СПб., 1905. Т. 2. 432 с.
8. Русинова В.Н. Международно-правовая квалификация вредоносного использования информационно-коммуникационных технологий: в поисках консенсуса // *Московский журнал международного права*. 2022. № 1. С. 38–51.
9. Крутских А.В. *Международная информационная безопасность: Теория и практика* : в 3 т. Т. 3: Сборник документов (на английском языке). М. : Аспект Пресс, 2019. 621 с.
10. Мозолина О.В. Вопросы международно-правового регулирования Интернета // *Московский журнал международного права*. 2004. № 4. С. 152–163.
11. Stavridis J. Introduction to “Roadmap for a Code of Conduct for Cyberspace” // *Fletcher Security Review*. 2016. № 1. P. 8–12.
12. Ott N. Conflict in cyberspace: How International Legal Norms can Reduce Military Escalation in Cyberspace reduce state-based military escalation in cyberspace // *Fletcher Security Review*. 2016. № 1. P. 67–75.
13. *Международное экономическое право* : учеб. пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. М. : КНОРУС, 2016. 272 с.
14. *Международное право* : в 2 ч. Ч. 1 : учебник для вузов / А.Н. Вылегжанин и др.; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. 329 с.
15. Вельяминов Г.В. *Международное экономическое право и процесс*. М. : Wolters Kluwer Russia, 2004. 477 с.
16. Mohamad R. International law on e-commerce: legal issues and impact on the developing countries // *China University of Political Science and Law*. 2013. P. 1–18.
17. World Trade Organization Work programme on electronic commerce. 1998. № 98-3738. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc11_e/briefing_notes_e/bfecom_e.htm (дата обращения: 15.12.2021).
18. Whitely D. *E-commerce: Strategy, Technologies and Applications*. McGraw Hill, 1998. 259 p.
19. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, COM (97) 157 final. 28 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/Lex> (дата обращения: 15.12.2021).
20. Шайдуллина В.К. Международно-правовые аспекты ведения электронной торговли // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. № 13 (4). С. 157–166.
21. Вельяминов Г.М. *Правовое урегулирование международной торговли*. Опыт ЮНКТАД. М. : Международные отношения, 1972. 235 с.
22. United Nations Commission on international trade law (UNCITRAL) recommendation on the legal value of computer records (A/CN.9/265). 1985. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1985e.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
23. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле. 1996. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 15.12.2021).

24. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию. 2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/uncitral.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
25. Павленко А. E-commerce 2021: 21 показатель, характеризующий отрасль. URL: <https://vc.ru/trade/200161-e-commerce-2021-21-pokazatel-harakterizuyushchiy-otrasl> (дата обращения: 15.12.2021).
26. Pappas C.W. Comparative U.S. and EU approaches to e-commerce regulation: jurisdiction, electronic contracts, electronic signatures and taxation // *Denver Journal of International Law and Policy*. 2002. P. 325–347.
27. Cyberlaw Tracker: The case of United States of America // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/page/cyberlaw-tracker-country> (дата обращения: 15.12.2021).
28. Jackson J.H., Davey W.J., Sykes A.O. *Legal Problems of International Economic Relations*. 3rd ed. West Group St. PAUL MINN, 1995.
29. Eichengreen B. *Globalizing capital: a history of the international monetary system*. New and Updated edition. Princeton University Press, 1996. 240 p.
30. A Framework for Global Electronic Commerce // The White House. 1997. URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce/> (дата обращения: 15.12.2021).
31. *International Shoe Co. vs. State of Wash.* 326, U.S. 310 (1945).
32. *Zippo Mfg. Co. vs. Zippo Dot Com. Inc.* 952 F. Supp. 1119 (W.D. Pa. 1997).
33. Uniform Electronic Transactions Act. 2000. URL: <https://www.cga.ct.gov/2000/rpt/2000-R-1076.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
34. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act. 2000. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
35. Uniform Computer Information Transactions Act (UCITA). 1999. URL: <https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/> (дата обращения: 15.12.2021).
36. Детерманн Л. Путеводитель в правовом регулировании персональных данных Лотара Детерманна // *Международный корпоративный комплаенс*. 3-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 340 с.
37. Bargar T. Controversial Internet Tax Freedom Act becomes permanent July 1. URL: <https://www.avalara.com/blog/en/north-america/2020/06/controversial-internet-tax-freedom-act-becomes-permanent-july-1.html> (дата обращения: 15.12.2021).
38. LICRA v. Yahoo! (Ligue contre le racisme et l'antisémitisme et Union des étudiants juifs de France c. Yahoo! Inc. et Société Yahoo! France), decided by the High Court of Paris (Tribunal de grande instance) in 2000. Also see Jon Henley, Yahoo! Cleared in Nazi Case, *The Guardian*, 13 February 2003 (Nov. 10, 2018). URL: <http://www.theguardian.com/technology/2003/feb/12/newmedia.media> (дата обращения: 15.12.2021).
39. Директива 2000/31/ ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)». 2000. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tehnreg/depsanmer/consumer_rights.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
40. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/22/ЕС от 7 марта 2002 г. об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг (Директива об универсальных услугах). URL: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Direktiva_Evropejskogo_Parlamenta_i_Soveta_Evropejskogo_Sozuza_200222ES_ot_7_marta_2002.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
41. Von der Leyen U. A Union that strives for more, My agenda for Europe // European Commission. 2019. URL: http://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/political-guidelines-next-commission_en.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
42. Movius L.B., Krup N. U.S. and EU Privacy Policy: Comparison of Regulatory Approaches // *International Journal of Communication*. 2009. № 3. P. 169–174.
43. Regulation (EU) 2016/679 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. 2016 (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/> (дата обращения: 15.12.2021).
44. The Digital Europe Programme. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme> (дата обращения: 15.12.2021).
45. Knake R.K. Toward a new approach to internet governance // *Weaponizing Digital Trade: Creating a Digital Trade Zone to Promote Online Freedom and Cybersecurity*. Council on Foreign Relations Press, 2020. P. 1–33.
46. Farrell H. Constructing the international foundations of e-commerce- the EU-U.S. Safe Harbour Agreement // *International Organization*. 2003. Vol. 57. P. 277–306.
47. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 July 2020. *Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited and Maximillian Schrems*. Case C-311/18. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/1 (дата обращения: 15.12.2021).
48. Fefer R.F., Archick K. U.S.-EU Privacy Shield // *Congressional Research Service*. 2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11613> (дата обращения: 15.12.2021).
49. Fefer R.F., Archick K. EU data protection rules and U.S. implications // *Congressional Research Service*. 2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10896> (дата обращения: 15.12.21).
50. GDPR v. CCPA: What You Need to Know // *American Marketing Association*. URL: www.ama.org/pages/california-consumer-privacy-protection-act-what-you-need-to-know/ (дата обращения: 15.12.2021).
51. Virginia Consumer Data Protection Act: Here Comes the Next State Privacy Law of the Land // *JDSUPRA*. March 8, 2021. URL: www.jdsupra.com/legalnews/virginia-consumer-data-protection-act-2724869/ (дата обращения: 15.12.2021).
52. NIST Privacy Framework. URL: <https://www.nist.gov/privacy-framework> (дата обращения: 15.12.2021).
53. Executive Summary: DoD Data Strategy, Unleashing Data to Advance the National Defense Strategy // *Department of Defense*. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Oct/08/2002514180/-1/-1/0/DOD-DATA-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 15.12.2021).
54. Clarifying Lawful Overseas Use of Data (CLOUD) Act, 2018. URL: <https://www.justice.gov/dag/cloudact> (дата обращения: 15.12.21).
55. OECD Principles on AI, 2019 // OECD. URL: <http://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/> (дата обращения: 15.12.2021).
56. Fefer R.F. EU Digital Policy and International Trade // *CRS Report*. 2021. P. 1–27.
57. Соглашения о свободной торговле // Евразийская Экономическая Комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Pages/default.aspx (дата обращения: 15.12.21).
58. EU-US: A new transatlantic agenda for global change // *European Commission Press release*. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2279 (дата обращения: 15.12.2021).
59. Council decision authorising the opening of negotiations with the United States of America for an agreement on the elimination of tariffs for industrial goods // *Council of the European Union*. 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39180/st06052-en19.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
60. Chander A. The Coming North American Digital Trade Zone // *Council on Foreign Relations*. 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/coming-north-american-digital-trade-zone> (дата обращения: 15.12.2021).
61. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 15.12.2021).

References

1. Rustad, M.L. (2016) *Global Internet Law in a Nutshell*. 3rd ed. West Academic Publ.
2. Toppr. (n.d.) *Digital Economy. Emerging Trends in Business*. [Online] Available from: <https://www.toppr.com/guides/business-environment/emerging-trends-in-business/digital-economy/>. (Accessed: 15.12.2021).
3. TASS. (2021) Chislo pol'zovateley interneta v Rossii dostiglo 124 milliona [The number of Internet users in Russia has reached 124 million]. TASS. 19 October. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/12698757>. (Accessed: 15.12.21).
4. Danel'yan, A.A. & Gulyaeva, E.E. (2020) *Mezhdunarodno-pravovye aspekty kiberneticheskoy bezopasnosti* [International legal aspects of cybersecurity]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 1. pp. 44–53.
5. Lipton, J. (2015) *Rethinking Cyberlaw: A new vision for internet law*. Edward Elgar Publishing.
6. Korkunov, N.M. (1886) *Mezhdunarodnoe pravo. Lektsii, chitaniye v Voenno-yuridicheskoy akademii N. Korkunovym* [International Law. Lectures delivered at the Military Law Academy by N. Korkunov]. Saint Petersburg: Leyt. Shidlovskiy.
7. Martens, F.F. (1905) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Peoples]. 5th ed. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Ministerstva putey soobshcheniya.
8. Rusinova, V.N. (2022) *Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya vredenostnogo ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: v poiskakh konsensusa* [International legal qualification of the harmful use of information and communication technologies: in search of consensus]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 1. pp. 38–51.
9. Krutskikh, A.V. (2019) *Mezhdunarodnaya informatsionnaya bezopasnost': Teoriya i praktika* [International Information Security: Theory and practice]. Vol. 3. Moscow: Aspekt Press.
10. Mozolina, O.V. (2004) *Voprosy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya Interneta* [Issues of international legal regulation of the Internet]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 4. pp. 152–163.
11. Stavridis, J. (2016) Introduction to “Roadmap for a Code of Conduct for Cyberspace”. *Fletcher Security Review*. 1. pp. 8–12.
12. Ott, N. (2016) Conflict in cyberspace: How International Legal Norms can Reduce Military Escalation in Cyberspace reduce state-based military escalation in cyberspace. *Fletcher Security Review*. 1. pp. 67–75.
13. Vylegzhanin, A.N. (ed.) (2016) *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo* [International Economic Law]. Moscow: KNORUS.
14. Vylegzhanin, A.N. et al. (eds.) (2021) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. 4th ed. Part. 1. Moscow: Yurayt.
15. Vel'yaminov, G.V. (2004) *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i protsess* [International Economic Law and Process]. Moscow: Wolters Kluwer Russia.
16. Mohamad, R. (2013) International law on e-commerce: legal issues and impact on the developing countries. *Shina University of Political Science and Law*. pp. 1–18.
17. World Trade Organization. (1998) *World Trade Organization Work programme on electronic commerce. No. 98-3738*. [Online] Available from: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc11_e/briefing_notes_e/bfecom_e.htm. (Accessed: 15.12.2021).
18. Whitely, D. (1998) *E-commerce: Strategy, Technologies and Applications*. New Delhi: McGraw Hill.
19. EUR-Lex. (1997) *Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, COM (97) 157 final*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/Lex>. (Accessed: 15.12.2021).
20. Shaydullina, V.K. (2020) *Mezhdunarodno-pravovye aspekty vedeniya elektronnoy trgovli* [International legal aspects of electronic commerce]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 13 (4). pp. 157–166.
21. Vel'yaminov, G.M. (1972) *Pravovoe uregulirovanie mezhdunarodnoy trgovli. Opyt YuNKTAD* [Legal Regulation of International Trade. UNCTAD experience]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. UN. (1985) *United Nations Commission on international trade law (UNCITRAL) recommendation on the legal value of computer records (A/CN.9/265)*. [Online] Available from: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/yb_1985e.pdf. (Accessed: 15.12.2021).
23. UN. (1996) *Tipovoy zakon YuNSITRAL ob elektronnoy trgovle* [Model Law on Electronic Commerce]. [Online] Available from: https://uncitral.un.org/ru/texts/e-commerce/modellaw/electronic_commerce. (Accessed: 15.12.2021).
24. UN. (2001) *Tipovoy zakon YuNSITRAL ob elektronnykh podpisakh i Rukovodstvo po prinyatiyu* [UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures and Guidelines for Enactment]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/uncitral.pdf. (Accessed: 15.12.2021).
25. Pavlenko, A. (2021) *E-commerce 2021: 21 pokazatel', kharakterizuyushchiy otrasl'* [E-commerce 2021: 21 indicators characterizing the industry]. *VC.ru*. 25 January. [Online] Available from: <https://vc.ru/trade/200161-e-commerce-2021-21-pokazatel-harakterizuyushchiy-otrasl>. (Accessed: 15.12.2021).
26. Pappas, S.W. (2002) Comparative U.S. and EU approaches to e-commerce regulation: jurisdiction, electronic contracts, electronic signatures and taxation. *Denver Journal of International Law and Policy*. 2 (31). pp. 325–347.
27. UNCTAD. (n.d.) *Cyberlaw Tracker: The case of United States of America*. [Online] Available from: <https://unctad.org/page/cyberlaw-tracker-country>. (Accessed: 15.12.2021).
28. Jackson, J.H., Davey, W.J. & Sykes, A.O. (1995) *Legal Problems of International Economic Relations*. 3rd ed. West Group St. PAUL MINN.
29. Eichengreen, B. (1996) *Globalizing capital: a history of the international monetary system. New and Updated edition*. Princeton: Princeton University Press.
30. The White House. (1997) *A Framework for Global Electronic Commerce*. [Online] Available from: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce/>. (Accessed: 15.12.2021).
31. U.S. Supreme Court. (1945) *International Shoe Co. vs. State of Wash. 326, U.S. 310 (1945)*.
32. US District Court for the Western District of Pennsylvania. (1997) *Zippo Mfg. Co. vs. Zippo Dot Com. Inc. 952 F. Supp. 1119 (W.D. Pa. 1997)*.
33. Connecticut General Assembly. (2000) *Uniform Electronic Transactions Act*. [Online] Available from: <https://www.cga.ct.gov/2000/rpt/2000-R-1076.htm>. (Accessed: 15.12.2021).
34. Public Law. (2000) *Electronic Signatures in Global and National Commerce Act*. [Online] Available from: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf>. (Accessed: 15.12.2021).
35. Practical Law Canada. (1999) *Uniform Computer Information Transactions Act (UCITA)*. [Online] Available from: <https://ca.practicallaw.thomsonreuters.com/>. (Accessed: 15.12.2021).
36. Determann, L. (2018) *Putevoditel' v pravovom regulirovanii personal'nykh dannykh Lotara Determanna* [Guide to the legal regulation of personal data by Lothar Determann]. In: Determann, L. *Mezhdunarodnyy korporativnyy kompliens* [International Corporate Compliance]. 3-e izd. Moscow: Infotropik Media.
37. Bargar, T. (2020) *Controversial Internet Tax Freedom Act becomes permanent July 1. Avalara*. [Online] Available from: <https://www.avalara.com/blog/en/north-america/2020/06/controversial-internet-tax-freedom-act-becomes-permanent-july-1.html>. (Accessed: 15.12.2021).
38. Henley, J. (2003) *Yahoo! Cleared in Nazi Case. The Guardian*. 13 February. [Online] Available from: <http://www.theguardian.com/technology/2003/feb/12/newmedia.media>. (Accessed: 15.12.2021).

39. Eurasian Economic Commission. (2000) *Direktiva 2000/31/ES Evropeyskogo parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuza "O nekotorykh pravovykh aspektakh informatsionnykh uslug na vnutrennem rynke, v chastnosti, ob elektronnoy kommertsii (Direktiva ob elektronnoy kommertsii)"* [Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union "On certain legal aspects of information services in the internal market, in particular on electronic commerce (Directive on electronic commerce)"]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depsanmer/consumer_rights.pdf. (Accessed: 15.12.2021).
40. Council of the European Union. (2002) *Direktiva Evropeyskogo Parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuza 2002/22/ES ot 7 marta 2002 g. ob universal'nykh uslugakh i pravakh pol'zovateley v otoshenii setey elektronnykh kommunikatsiy i uslug (Direktiva ob universal'nykh uslugakh)* [Directive 2002/22/EC of the European Parliament and of the Council of 7 March 2002 on universal services and user rights in relation to electronic communications networks and services (Universal Services Directive)]. [Online] Available from: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Direktiva_Evropejskogo_Parlamenta_i_Soveta_Evropejskogo_Soyuza_200222ES_ot_7_marta_2002.pdf. (Accessed: 15.12.2021).
41. Von der Leyen, U. (2019) A Union that strives for more, My agenda for Europe. *European Commission*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/political-guidelines-next-commission_en.pdf. (Accessed: 15.12.2021).
42. Movius, L.B. & Krup, N. (2009) U.S. and EU Privacy Policy: Comparison of Regulatory Approaches. *International Journal of Communication*. 3. pp. 169–174.
43. European Commission. (2016) *Regulation (EU) 2016/679 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. 2016 (General Data Protection Regulation)*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/>. (Accessed: 15.12.2021).
44. European Commission. (n.d.) *The Digital Europe Programme*. [Online] Available from: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme>. (Accessed: 15.12.2021).
45. Knake, R.K. (2020) *Weaponizing Digital Trade: Creating a Digital Trade Zone to Promote Online Freedom and Cybersecurity*. Council on Foreign Relations Press. pp. 1–33.
46. Farell, H. (2003) Constructing the international foundations of e-commerce- the EU-U.S. Safe Harbour Agreement. *International Organization*. 57. pp. 277–306.
47. EUR-Lex. (2020) *Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 July 2020. Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited and Maximilian Schrems. Case C311/18*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/1>. (Accessed: 15.12.2021).
48. Fefer, R.F. & Archick, K. (2020) U.S.-EU Privacy Shield. *Congressional Research Service*. [Online] Available from: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11613>. (Accessed: 15.12.2021).
49. Fefer, R.F. & Archick, K. (2020) EU data protection rules and U.S. implications. *Congressional Research Service*. [Online] Available from: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10896>. (Accessed: 15.12.21).
50. American Marketing Association. (n.d.) *GDPR v. CCPA: What You Need to Know*. [Online] Available from: www.ama.org/pages/california-consumer-privacy-protection-act-what-you-need-to-know/. (Accessed: 15.12.2021).
51. JDSUPRA. (2021) Virginia Consumer Data Protection Act: Here Comes the Next State Privacy Law of the Land. *JDSUPRA*. 8 March. [Online] Available from: www.jdsupra.com/legalnews/virginia-consumer-data-protection-act-2724869/. (Accessed: 15.12.2021).
52. NIST Privacy Framework. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.nist.gov/privacy-framework>. (Accessed: 15.12.2021).
53. Department of Defense. (2020) *Executive Summary: DoD Data Strategy, Unleashing Data to Advance the National Defense Strategy*. [Online] Available from: <https://media.defense.gov/2020/Oct/08/2002514180/-1/-1/0/DOD-DATA-STRATEGY.PDF>. (Accessed: 15.12.2021).
54. U.S. Department of Justice. (2018) *Clarifying Lawful Overseas Use of Data (CLOUD) Act*. [Online] Available from: <https://www.justice.gov/dag/cloudact>. (Accessed: 15.12.2021).
55. OECD. (2019) *OECD Principles on AI*. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/>. (Accessed: 15.12.2021).
56. Fefer, R.F. (2021) *EU Digital Policy and International Trade. CRS Report*. pp. 1–27.
57. Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Soglasheniya o svobodnoy torgovle* [Free trade agreements]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Pages/default.aspx. (Accessed: 15.12.21).
58. European Commission. (2020) EU-US: A new transatlantic agenda for global change. *European Commission Press release*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2279. (Accessed: 15.12.2021).
59. Council of the European Union. (2019) *Council decision authorising the opening of negotiations with the United States of America for an agreement on the elimination of tariffs for industrial goods*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/39180/st06052-en19.pdf>. (Accessed: 15.12.2021).
60. Chander, A. (2018) The Coming North American Digital Trade Zone. *Council on Foreign Relations*. [Online] Available from: <https://www.cfr.org/blog/coming-north-american-digital-trade-zone>. (Accessed: 15.12.2021).
61. Diplomaticeskij vestnik. (1997) *Russian Federation. (Rossiysko-kitayskaya sovmestnaya deklaratsiya o mnogopolyarnom mire i formirovanii novogo mezhdunarodnogo poryadka* [Russian-Chinese joint declaration on a multipolar world and the formation of a new international order]. *Diplomaticeskij vestnik*. 5. May. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1902155>. (Accessed: 15.12.2021).

Информация об авторах:

Вылегжанин А.Н. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.vylegzhanin@inno.mgimo.ru

Штодина Д.Д. – аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: dashashtodina96@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Vylegzhanin, Dr. Sci. (Law), head of the International Law Department, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.vylegzhanin@inno.mgimo.ru

D.D. Shtodina, postgraduate student, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dashashtodina96@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/483/26

Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология

Валерия Андреевна Гончарова¹, Вячеслав Васильевич Иванов^{2,3},
Татьяна Владимировна Трубникова⁴, Алексей Юрьевич Чурилов⁵

^{1,2,4,5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

¹ valeria.goncharova.93@bk.ru

^{2,3} ivanov_sl@rambler.ru

⁴ trubn@mail.ru

⁵ lefikantor@yandex.ru

Аннотация. Исследования проблем правоприменения в уголовном процессе показывают, что правоприменители различным образом, иногда искаженно, толкуют действующие правовые нормы, злоупотребляя своими процессуальными полномочиями. Причиной этому может быть наличие в сознании правоприменителей неких историй (нарративов), определяющих их поведение. В статье обосновывается необходимость и возможность использования нарративных методов в изучении правоприменения и использования нарративного подхода при интерпретации результатов исследований правоприменительной практики, формулируются основы применения нарративных методов в проведении правовых исследований.

Ключевые слова: пределы, формы и гарантии защиты частных интересов средствами уголовного права и уголовного процесса, нарративные методы в правовых исследованиях

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Гончарова В.А., Иванов В.В., Трубникова Т.В., Чурилов А.Ю. Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 240–252. doi: 10.17223/15617793/483/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/26

A narrative approach in legal research: Purpose and methodology

Valeria A. Goncharova¹, Viacheslav V. Ivanov^{2,3},
Tatiana V. Trubnikova⁴, Aleksei Yu. Churilov⁵

^{1,2,4,5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Samara National Research University, Samara, Russian Federation

¹ valeria.goncharova.93@bk.ru

^{2,3} ivanov_sl@rambler.ru

⁴ trubn@mail.ru

⁵ lefikantor@yandex.ru

Abstract. A study of practice shows that law enforcers in Russia do not always follow the so-called “spirit of the law”, often giving priority just to its formal interpretations. In order to understand why this happens, it is necessary to examine the narrative stories behind such enforcement practices. Narratives can not only explain the existing law enforcement, but also create a new law enforcement practice and legal reasoning. Thus, narrative research is a useful tool for studying both lawmaking process and law enforcement practices. The aim of the study is to assess the impact of narratives on lawmaking process and law enforcement practices, as well as the development of the basics of the methodology for using narratives in legal research. The study used hermeneutic methods, as well as analysis of the results of empirical studies of law enforcement practices, comparative legal research, which together made it possible to propose goals, objectives, sources for obtaining narrative stories and data processing methods for conducting law enforcement research carried out using a narrative approach and narrative methods. The study resulted in the following. (1) Two functions of narrative methods and approaches in legal research have been identified: (i) cognitive (heuristic), which can be used to identify narratives that determine law enforcement, to explore them in order to understand how they are formed and how they can influence the legal reality, law enforcement practices, legal reasoning and lawmaking; (ii) prognostic-and-transformative, which makes it possible to identify the necessity for reforming

legal regulations and to offer structural, organizational, legal means designed to eliminate the identified problems of law enforcement. (2) A classification of narratives has been invented. It includes four groups of narratives depending on the coverage: personal, professional, regional, national, international. (3) The possibility of using the following linguistic and special-legal methods has been proved: (a) a structural and linguistic study of narrative stories. The study of plot repetitions, of the word's usage, etc.; (b) a study of words (and their omissions) in official documents; (c) a focused research of narrative stories in regions where practices that are not in accordance with the law are repeated; (d) identification of the relationship between the collected number of narrative stories and the results of statistical processing of the studied empirical materials; (e) analysis of the correlation of narrative stories and legislation, data on the organization of judicial activities.

Keywords: limits, forms and guarantees for protection of private interests by means of criminal law and criminal process, narrative methods in legal research

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Goncharova, V.A., Ivanov, V.V., Trubnikova, T.V. & Churilov, A.Yu. (2022) A narrative approach in legal research: Purpose and methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 240–252. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/26

Постановка проблемы

В 2005 г. на заседании по развитию компании Ford Motor известный социолог и консультант Питер Друкер произнес фразу, ставшую крылатой: «Культура съедает стратегию на завтрак» (Culture eats strategy for breakfast). Один из авторов данной статьи регулярно вспоминает эту фразу, когда, изучая материалы уголовного дела, в очередной раз сталкивается с тем, что правоприменители категорически «не желают» применять какие-либо уголовно-процессуальные нормы либо раз за разом искажают при их применении действительное их содержание, в том числе выявленное Конституционным Судом РФ [1–4].

В качестве «показательного примера» рассмотрим опыт применения (или, скорее, последовательного отказа от применения) судами норм УПК РФ, касающихся участия в деле специалиста.

Принципы состязательности и равенства сторон судебного разбирательства требуют, чтобы каждая сторона имела возможность предоставить суду свои аргументы и подтверждающие их доказательства. Эти принципы нарушаются, если экспертные заключения, представленные стороной обвинения в суд, были получены без какого-либо участия стороны защиты: в условиях, когда защита не могла сформулировать вопросы для экспертов, оспорить заключения экспертов или предложить «своих» экспертов для их включения в группу, а впоследствии не получила возможность представить заключения «своих экспертов».

Еще в период действия УПК РСФСР сторона защиты получала «консультативные мнения специалиста» и пыталась добиться приобщения их к материалам уголовного дела, чтобы поставить под сомнение заключение экспертизы, произведенной стороной обвинения. Одни суды на основании консультативных мнений специалистов назначали повторные экспертизы, другие вообще не упоминали консультативного мнения специалиста в приговоре [5].

В первоначальной редакции УПК РФ в перечне источников доказательств не было такого доказательства, как «заключение специалиста». Законодатель полагал, что комплекса прав участников, имеющих у них при назначении и производстве экспертизы

(ст. 198 УПК РФ), будет достаточно для обеспечения учета следователем их позиции по делу. Однако на практике следователи стали знакомить участников с постановлением о назначении экспертизы одновременно с готовым заключением эксперта. Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал жалобы на такие ситуации (Определения Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О, № 258-О, № 259-О, № 260-О, № 261-О; от 17 февраля 2015 г. № 408-О; от 23 апреля 2015 г. № 843-О, № 972-О и др.). При этом он последовательно указывал, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать права, закрепленные ст. 198 УПК Российской Федерации, связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равенства сторон, и что соответствующее требование ч. 3 ст. 195 данного Кодекса распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях. Аналогичную позицию отразил и Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 своего Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которому «подозреваемый, обвиняемый и их защитники, равно как и потерпевший, должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства». Однако это не оказало влияния на правоприменительную деятельность [6].

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, согласно которым заключение и показания специалиста включались в число доказательств по делу. Кроме того, в УПК РФ появилось определение заключения специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Для адвокатов было очевидно, что это новое доказательство – альтернатива заключению эксперта, которым может воспользоваться сторона защиты [7]. Однако для

«культуры правоприменения», для сложившегося восприятия правоприменителей и ученых, такое решение оказалось слишком непривычным. Ведь традиционно «специалист» в уголовном судопроизводстве рассматривался как сведущее лицо, привлекаемое *следователем или судом для содействия* в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. То есть прежде всего он являлся техником либо помощником следователя, промежуточным звеном в общении с экспертом, но не являлся альтернативой эксперту. Поэтому отнесение заключения специалиста к числу источников доказательств вызвало недоумение. Так, Ю.К. Якимович писал: «Заключение эксперта всегда носит объективный характер, поскольку оно основывается на проведенных экспертом исследованиях. При этом эксперт руководствуется научно разработанными методиками. Заключение же специалиста – это всего лишь мнение конкретного, хотя и обладающего специальными знаниями лица... Представляется, что заключение специалиста может служить лишь основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы» [8]. Аналогичным образом отнесся к заключению специалиста Пленум Верховного Суда РФ [9]. Он «снизил» статус заключения специалиста по сравнению с заключением эксперта, новое доказательство было рекомендовано использовать как максимум для того, чтобы понять, не возникают ли сомнения в заключении эксперта, с тем чтобы, если такие сомнения возникли, назначить повторную экспертизу.

Однако правоприменительная практика практически полностью отказалась принимать заключения специалиста, представленные стороной защиты, даже и как «второстепенное», «ущербное» доказательство. Для этого суды стали использовать нечеткость, неполную ясность формулировок законодателя. Так, суды отказывали в приобщении заключений специалиста к материалам дела, ссылаясь на то, что:

– в соответствии с ч. 2 ст. 58 УПК РФ «вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса», а эти нормы предусматривают привлечение специалиста к участию в деле, производимое следователем и судом, но не адвокатом;

– согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Поскольку специалист отвечает на вопросы только защитника, это не есть «вопросы, поставленные сторонами» (см., например, приговор Октябрьского районного суда г. Томска по делу № 1-398/2017);

– лицо, подготовившее заключение по инициативе защитника, «к следственным и судебным действиям не привлекалось» и поэтому «не может быть признано специалистом в процессе по данному делу» (приговор

Кировского районного суда г. Томска по делу № 1-17/2016).

Чтобы переломить сложившуюся практику, законодатель в 2017 г. внес в УПК РФ положения, призванные принудить следователя принимать заключения специалиста и приобщать их к материалам дела. Так, в ст. 58 была внесена ч. 2.1, в соответствии с которой «стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса». Кроме того, в соответствии с обновленной редакцией ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ, подозреваемому, обвиняемому, защитнику «не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами». В ответ на законодательные новации судебная практика разработала новый «пакет» обоснований для отказа в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста, отказа в приобщении заключения специалиста или отказа рассматривать заключение специалиста или его показания как доказательство по делу. Например:

– «представленные адвокатом заключения получены с нарушением требований УПК РФ. Защитники не обращались к следователю с ходатайством о проведении исследований в порядке, установленном действующим УПК РФ с поручением их определенным лицам» (апелляционное определение Кемеровского областного суда по делу № 22К-3149/2013);

– «специалисты использовали для ответов на вопросы только копии документов» (приговор Колпашевского городского суда Томской области по делу № 1-32/2020);

– суть заключения специалистов сводится к их несогласию с методикой производства экспертизы со стороны обвинения, «что не входит в компетенцию специалистов» (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 24.03.2017 № 20-АПУ17-2СП), специалист дает оценку заключению эксперта (приговор Елецкого городского суда Липецкой области по делу № 1-181/2018);

– специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда по делу № 1-60/2019).

И наконец: «в связи с наличием в уголовном деле экспертного заключения судом отказано в ходатайстве защитника о привлечении специалиста в связи с нецелесообразностью» (Апелляционное постановление Аларского районного суда Иркутской области по делу № 10-2/2016 от 19 июля 2016 г.) или «проведя техническое и психологическое исследования по поставленным адвокатом вопросам, *специалисты сформулировали выводы, что делать не вправе*» (приговор Советского районного суда г. Новосибирска по делу № 1-163/2019).

Выше нами представлены по одному примеру судебного решения, в которых использовано то или иное обоснование. Но эта аргументация имеет не «штучный», а распространенный характер, она повторяется по многим делам, судами разных регионов. Можно отследить формулировки и обоснования, «предпочитаемые» разными судьями одного региона или даже одного суда, но «результат» остается неизменным – заключения специалистов, представленные стороной защиты, почти никогда не рассматриваются судом как доказательство. Что же происходит? Почему суды категорически отказываются принимать данное доказательство? Почему разные судьи используют различный набор оснований для отказа? Конечно, можно сослаться на наличие у судей обвинительного уклона. Но вряд ли это обоснование способно объяснить ситуацию в целом, и тем более оно не позволяет определить, что же необходимо сделать законодателю, если он будет твердо намерен обеспечить возможность представления стороной защиты в суд заключения «своего эксперта».

Мы видим на этом примере, что правоприменители не всегда следуют «духу закона», зачастую отдавая приоритет тем или иным его формальным толкованиям в ущерб его действительному смыслу. Иногда правоприменитель буквально «манипулирует» текстом закона, подчиняя его своим невысказываемым предпочтениям. Кирилл Титаев утверждает: «Первое открытие, которое делает любой, кто сталкивается с правовой сферой в научной работе или даже в обычной жизни, – это потрясающее несоответствие между тем, что “написано в законе”, и тем, как все происходит на деле. И, особенно если столкнувшийся когда-либо изучал социальные науки, ему немедленно хочется объявить, что никакого “закона” нет, есть “традиции”, “правовая культура”, “устойчивые модели применения закона” или еще что-нибудь подобное. И только на следующем этапе, если наблюдатель не уйдет из этой сферы, плюнув в сердцах, он увидит сложнейший менюэт, который танцует вокруг того, что считается “законом”. Он увидит, что толковать закон “как попало” практически невозможно. Да, “правильные” трактовки, с точки зрения здравого смысла, ничем не отличаются от “неправильных”, но существуют некоторые невидимые постороннему правила, которые позволяют отличить в этом танце допустимые “фигуры” от недопустимых. И, соответственно, существует корпус знаний, который делает человека “юристом” и позволяет ему в конкретное время и в конкретной юрисдикции выносить “правильные” правовые суждения и критиковать других за “неправильные” [10].

И этот юридический «корпус знаний», все судоговорение, да и правоприменение в целом строится на открыто формулируемых либо негласно поддерживаемых, но не артикулируемых позициях, «историях», которые правоприменитель «рассказывает» своей деятельностью и/или открыто: выступая в полемике, отражая их в мотивировке, включаемой в текст юридических документов (приговоров, жалоб и т.д.). Без анализа этих историй, не принимая их во внимание,

невозможно понять, почему правоприменитель действует тем или иным образом.

Например, по уголовному делу № 990280, расследовавшемуся четвертым Следственным Управлением СК РФ в Екатеринбурге, судом был снят арест, ранее наложенный на объект незавершенного строительства (здание рыночного комплекса с автостоянкой). Обвиняемый по этому делу находился в розыске. Тогда следователем данный объект незавершенного строительства был признан вещественным доказательством, приобщен к уголовному делу, а затем передан на ответственное хранение потерпевшему, не являющемуся его собственником. При этом следователем потерпевшему было дано официальное разъяснение, согласно которому потерпевший вправе пользоваться данным объектом, в том числе сдавать его помещения в аренду, получая от этого доходы. Уголовное дело затем было приостановлено. Собственник данного объекта – ООО «Премиум», который (уже после принятия указанного решения) достроил данный объект, решил все споры относительно него в арбитражном суде, выплатил потерпевшему суммы, установленные арбитражным судом в качестве реституции, не мог добиться ни того, чтобы этот объект был исключен из числа вещественных доказательств, ни хотя бы того, чтобы было принято решение о передаче данного объекта на его (ООО «Премиум») ответственное хранение. Очевидно, что статус вещественного доказательства был присвоен следователем данному объекту недвижимости отнюдь не для того, чтобы он был сохранен в неизменном виде до момента судебного разбирательства по делу, а, напротив, для того, чтобы предположительно имеющееся у потерпевшего право на компенсацию вреда, причиненного преступлением, было реализовано еще до принятия окончательного решения по делу и несмотря на то, что обвиняемый скрылся (Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе ООО «Премиум» (Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2017 № 213-О)). Таким образом, правоприменитель фактически злоупотребил своим процессуальным правомочием, но, скорее всего, сделал он это (в данном конкретном случае) из благих побуждений, ведомый чувством справедливости и желанием защитить интересы потерпевшего. Не принимая во внимание этой нарративной составляющей, невозможно правильно определить причины принятия следователем соответствующего решения и методы, которые позволили бы побороть его побуждения принимать для защиты потерпевшего такого рода решения, создав для такой защиты законный механизм [2].

Рассказываемые учеными и практиками истории способны не только объяснить уже сложившееся правоприменение, но и создавать новую правоприменительную и правовую реальность. Как сказала Mary Piper, «люди обращают внимание и запоминают историю, а также изменяются под их воздействием» [11].

Например, приступая к работе по проекту по изучению злоупотребления правом, мы изучили различные источники: юридическую литературу, материалы СМИ, интервьюирование правоприменителей. Это

изучение показало, что преобладает нарратив, согласно которому злоупотребление правом имеет широкое распространение в российском уголовном судопроизводстве и допускается прежде всего обвиняемыми и их защитниками. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (в абз. 2 п. 18) позволил судам не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда «отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием им этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса...». Тем самым Верховный Суд РФ создал новое правило, согласно которому суд может отказывать в удовлетворении ходатайства стороны защиты, не потому что оно необоснованно, а лишь ссылаясь на то, что он усмотрел в деятельности участника признаки «недобросовестного использования правомочий», а также осуществлять «ограничение в реализации отдельных правомочий», т.е. произвольно лишать участника принадлежащих ему прав. Между тем в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что исходный нарратив (о частом злоупотреблении правами стороной защиты) не соответствует действительности. Так, в результате изучения 200 материалов уголовных дел, отобранных путем случайной выборки, нам удалось обнаружить только одну ситуацию, в которой имелись все признаки злоупотребления субъективным правом со стороны обвиняемого. Ситуации злоупотребления должностными лицами своими дискреционными полномочиями встречались по изученным уголовным делам в десятки раз чаще. Таким образом, нарративные истории – далеко не всегда истинны, но, даже не будучи таковыми, они могут оказаться движущей силой изменений в области создания новых правовых норм и их применения.

С учетом изложенного назрела необходимость использования в правовых исследованиях, и в частности в исследованиях правоприменения, нарративных подходов и нарративных методик. Однако на сегодняшний день в юридической науке отсутствуют разработки, позволяющие использовать упомянутые подходы и методики в правовых исследованиях. В связи с этим авторы поставили перед собой задачу определить возможные цели и функционал использования нарративных подходов и методик в правовых исследованиях, определить виды и источники получения нарративных историй для анализа, предложить перечень методов, которые могут использоваться в исследованиях правоприменения на основе нарративного подхода. Для этого проведено герменевтическое исследование, дополненное анализом российской правоприменительной практики и сравнительно-правовыми методами.

Исследование

80-е гг. XX в. ознаменованы началом «нарративного поворота» в социальных науках, лейтмотивом

которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы. Поворот к нарративам, рассказанным историями жизни, означал методологический разворот социологии к индивидуальному, уникальному: жизненной траектории конкретного человека, его индивидуальной судьбе во всем неповторимом сочетании ее поворотов и изгибов, его повседневным практикам, а также способам описания «своей истории». При этом одни авторы понимали нарратив как историю жизни конкретного человека, которая представляет собой пригодный для исследования социологический материал [12], другие – как способ организации человеком своего восприятия и осмысления внешнего и внутреннего мира, а также передачи индивидуального опыта [13, 14].

Известный английский социолог Дэвид Силвермен предложил пойти дальше и исследовать определенный фрагмент контекста социальной жизни, реконструируемой из жизненных повествований людей, используя нарративный подход, т.е. опираясь на мифы и идеологемы, функционирующие в общественном сознании на определенном витке исторической жизни общества [15]. Исследователь, использующий такой подход, делает акцент не на интерпретации содержания нарратива, но на «способах и методах, с помощью которых люди, рассказывающие “свои истории” во взаимодействии с участниками коммуникации (речь идет о нарративном интервью или о взаимодействии с виртуальными участниками коммуникации в случае письменного нарратива), «объясняют события своей жизни, придают им значения». В основании такого подхода, базирующегося на анализе «практических» семантических объяснений, лежит положение о том, что люди строят свое взаимодействие «здесь и сейчас», ориентируясь на фоновые ожидания другого участника коммуникации, стараясь быть понятыми им, интуитивно опираясь при этом на распространенные в этот период в обществе социокультурные нормы как на «решетки объяснений».

В последнее время использование понятия нарратива и нарративных методик вышло за пределы чисто социологических исследований, вторгнувшись, например, в объяснение экономических явлений, культурологию, политологию. Понятие нарратива оказывается в центре внимания как в социально-гуманитарных, так и в естественных науках. Причем «в медицине, праве, истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии – скорее поглощаются и перемалываются в аналитических жерновах» [16]. Исследователи в сфере нарратологии (Ж.М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс и др.) связывают факт значительного увеличения «нарративных» исследований с осознанием важности повествований в человеческой жизни – они сосредоточены не только в литературных текстах и повседневном языке, но и в научном дискурсе: практики композиции и репрезентации исследуются в «музыкологии» (Э. Ньюком),

художественной критике (У. Стайнер) и киноведении (К. Метц); способы достижения различными видами власти собственной легитимации через нарративы – в культурологии (Ф. Джеймисон); нарратологические объяснительные схемы используются в психологии для изучения памяти и понимания (Н. Стайн, К. Гленн); в философии и социологии науки изучение условностей повествования привлекается для обоснования риторической природы научных текстов (Р. Рорти, Э. Гросс) [17].

Пионерные работы современной экономической науки Р. Шиллера, Дж. Акерлофа и Д. Сноуера привлекли значительное внимание к вопросам исследования влияния нарративов на экономические процессы [18]. Нарративы, или повествования, по Шиллеру, представляют собой захватывающие, вирусные истории, которые впечатляют людей и поэтому способны влиять на их экономические решения. Идентификация доминирующих нарративов позволяет лучше понять, какие институты и какое влияние оказывают на экономические процессы [19].

В литературе выделяются, как правило, следующие методологические особенности нарративных исследований [20]:

а) исследователь имеет дело с текстом (рассказанной историей), а не с реальной жизнью;

б) существует проблема идентичности «Я» рассказчика нарратива – в различных ситуациях фиксируются разные характеристики рассказчика;

в) разрыв между историей и жизнью, невозможность получения полностью объективной информации, исходящей от человека. Очевидно, что ни один нарратив не может быть полностью объективным, поскольку он исходит от человека, представляет собой его интерпретацию произошедших событий. Как справедливо отмечают исследователи, рассказчик может на ходу придумывать новую информацию или замалчивать отдельные нелицеприятные факты [21]. Поэтому сложно утверждать, что целью нарративных исследований является установление истинной картины событий – целью является, как отмечают зарубежные авторы-медики, изучение способов восприятия данных событий отдельными лицами (сообществами) [22]. Следовательно, приравнивание личных историй к истине при проведении исследований недопустимо.

Что можно исследовать с помощью нарративов?

Изначально исследование нарративов уделяло большое внимание их структуре (т.е. повествованию как объекту). Исследовались хронология (ход событий и действий), фабула (риторическое соединение этих событий и действий при помощи литературных приемов, таких как метафора и интрига, для придания смысла, описания мотива и причинно-следственных связей) и перипетия (препятствия или внезапный поворот событий в сюжете) [23]; «сферы действия» или функции, определенное соотношение элементов (субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент) [24]. У. Лабов выделял шесть элементов структуры нарратива, каждый из которых несет

определенную функциональную нагрузку [25]. Такое «структурное» исследование нарратива в правовых исследованиях способно нести полезную нагрузку. Рассказы – это средства осмысления происходящего, они повествуются с точки зрения определенного человека (или группы людей одной культуры) и представляют уникальную и подробную информацию о жизненном мире этого человека (или группы) и его толковании этого мира [26]. В рассказах могут отражаться неявные знания, которые способны заполнить пробелы между явными, кодифицированными и формальными знаниями (такими как должностные обязанности, руководящие принципы и протоколы) и неформальными, некодифицированными знаниями (т.е. неписанной истиной о том, как что-то делается в определенной организации или группе). Истории отдельных лиц вплетены в более широкие метанарративы, поэтому они создают возможности для изучения организаций, сообществ и культуры.

В последние десятилетия специалисты в области нарратива уделяют внимание не только самому акту повествования. Они стремятся изучить обстоятельства, при которых осуществляется рассказ и формируется история через взаимодействие между рассказчиком и слушателем/читателем (реальным или воображаемым). Поиск ответа на вопрос, «почему этот человек рассказал эту историю этой аудитории именно таким образом (или почему кто-то не рассказал историю в определенных условиях), может предоставить важную информацию, например, об общественных ограничениях, испытываемых уязвимыми группами населения в мире неравенства [27]. Таким образом, анализ нарративов может служить диагностическим, прогностическим целям и целям преобразования существующего положения. Н.В. Евстигнеева и О.А. Оберемко приводят в своей работе следующий пример диагностической функции нарративного исследования: в утреннем эфире «Первого канала» одной из регулярно повторяющихся тем являлась «финансовая культура населения». Вот образец такого тематического выпуска новостей: «Финансовая грамотность россиян находится в зачаточном состоянии. Когда социологи поинтересовались, какой финансовой услугой граждане собираются воспользоваться в ближайшие год-два, больше половины ответили, что – никакой. Во всем мире финансовые организации, в том числе банки люди воспринимают как структуры, помогающие сохранить и приумножить деньги. Россияне пока так не думают, по крайней мере, это показывают опросы. Примерно половина населения – 54 % – в ближайшее время не планирует воспользоваться какой-либо финансовой услугой» (02.08.07 Евтеев И. «Новости экономики». Первый канал). В этом отрывке авторы упомянутого исследования выделяют основных акторов, основные виды действий, что из чего следует и что на что влияет. Основные акторы тематической группы новостей: российское население, финансовые организации – особо выделим тут банки, социологи. Если проанализировать и другие выпуски новостей на эту тему, то к актерам добавится Министерство финансов, предлагающее потратить энные

суммы на просвещение населения относительно поведения в финансовой сфере. Или, грубо, «темное» российское население не несет деньги в банки в силу своей финансовой безграмотности, которую Министерство финансов решило искоренить, естественно, в интересах самого населения, что, разумеется, и оправдывает бюджетные траты. Конструируется некая образцовая нарративная структура со своими положительными и отрицательными персонажами, жертвами, помощниками и пр. [21].

Нарративная философия получила преломление и при анализе права.

Развитие философии права в XX в. свидетельствует об изменении вектора его восприятия учеными – на смену позитивистскому подходу (легизму), предполагающему анализ права как «приказания суверена», формального свода правил поведения, лишённого сущности и не отделённого от произвола, приходят теории, взгляды, рассматривающие право совсем с другой точки зрения. В этот период право начинает исследоваться не изолированно, не «внутри себя», а с позиции междисциплинарности, глубинного соотношения с правами человека, что обуславливает появление иных типов правопонимания. Так, именно в XX в. получили свое развитие психологическая (Л.И. Петражицкий) и социологическая концепции права (Ойген Эрлих); после Второй мировой войны возродился юснатурализм (Жак Маритен), сформировались экзистенциальная парадигма правовой реальности, экономика права и др. Общим для указанных течений была их тесная связь с философией, социологией, экономикой, психологией в осмыслении права как особого регулятора общественных отношений, в котором отражена не только и не столько воля законодателя, но сложная совокупность психологических, социологических и экономических процессов. Иными словами, в XX в. право стало рассматриваться как отражение взаимодействия множества явлений, не тождественных исключительно воле правотворца. Нарративная юриспруденция, зародившаяся в 60-е гг. XX в. в США, предполагала изучение права как «живого межличностного общения, овеществленного в форме повествования (рассказа)» [28]. Как отмечал один из основоположников нарративной юриспруденции Дж.Р. Элкинс, «мы создаем нарративную юриспруденцию, когда пытаемся увидеть и рассказать истории, происходящие в мире права» [29].

В рассматриваемом аспекте право представляет собой не статичное, аморфное образование, в духе легизма – свод предписаний, обязательных для исполнения, но сложное, выраженное в текстах различного уровня подвижное пространство функционирования общественного порядка. В этом пространстве – личном, местном, государственном, международном – право переплетается с иными регуляторами отношений – политическими закономерностями и интересами, экономическими законами, психологическими поведенческими моделями, моралью, религией, как влияя на них, так и примеряя на себя их влияние. Иными словами, истории о праве в различных аспектах представляют

собой жизнь права и выступают демонстрацией реального правового регулирования. Нарративный взгляд на юриспруденцию формирует абсолютно новый этап в развитии правовой методологии как таковой: нарратив встроен в право и жизненную практику, при этом «рассказанные истории не просто отражают социальный мир права, но и обуславливают формирование и развитие его смысла» [29].

Положительной стороной рассматриваемого метода исследования правовой реальности выступает возможность увидеть право во всем его многообразии и взаимодействии с иными сферами жизни общества, проявлениями личности, сформировать особенности его применения на определенной территории в рамках одного государства, предсказать развитие дальнейшее права, выявить его текстуальные несовершенства, вынужденно преодолеваемые правоприменителями.

Возможность применения нарративного подхода и нарративных методов при исследовании правоприменения

В отечественной юриспруденции потенциал использования нарративного подхода к исследованию явлений правовой действительности до конца не изучен и не раскрыт: «...долгое господство позитивистских подходов к праву и отсутствие опыта междисциплинарных исследований лишили отечественных специалистов возможности непредвзято изучать новую методологическую концепцию в момент ее зарождения» [28. С. 28]. Небольшое количество работ [30, 31], содержащих довольно поверхностный анализ теории нарративов, свидетельствует о ее недооцененности при проведении юридических исследований – встречающиеся подходы к «встраиванию» нарративов в систему подходов к правовым явлениям носят лишь очаговый характер. Так, под конституционным нарративом авторами понимается информационно-нормативная базисная единица, структурирующая определенный круг конституционных ценностей, принципов и норм в единую конституционно заданную идею [32]. Другие авторы отмечают, что право является нарративом, поскольку описывает события и поступки, которые должны иметь место, но на момент повествования не выступают частью реальности [33]. Что же до использования в правовых исследованиях нарративных методов, то этот вопрос в отечественной доктрине вообще не изучен, да и в зарубежной он тоже почти не поднимается.

Возможно, на наш взгляд, выделить две функции использования нарративных методов и подходов в правовых исследованиях:

1. Познавательная (эвристическая) функция проявляется в возможности выявить нарративы, определяющие правоприменение, исследовать их с точки зрения наличия в них структурных совпадений и расхождений, возможности выделения общего и частного, ложного и истинного, возможности выделения метанарративов, определения того, каким образом личные воззрения, подходы к трактовке правовых

явлений, пониманию «должного – недолжного» формируются и как они способны оказывать влияние на реальную правовую действительность. В дальнейшем на этой базе, соединяя нарративные подходы с использованием эмпирических методов изучения реального правоприменения – изучить механизм и особенности реального функционирования права в многообразии его проявлений, причины возникающих на практике дисфункций, расхождения между правовыми нормами и неформальными практиками, искаженного толкования правоприменителями действующих правовых норм, злоупотребления правом, противоречивого, ошибочного правоприменения при реализации правовых норм.

2. Прогностическая и преобразовательная функция дает возможность на основе использования нарративных методов, структурного анализа, количественных и качественных методов анализа собранных эмпирических данных выявить необходимость в реформировании правовых предписаний, предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения. Мы можем также изучать условия, события, благодаря которым конкретная история становится вирусной, начинает заимствоваться широким кругом участников либо предопределять их отношение к тем или иным явлениям, событиям, субъектам, предсказывать черты таких вирусных нарративов и их последствия.

Что можно рассматривать в качестве нарратива?

В американском праве в качестве нарратива часто рассматриваются истории двух противоборствующих сторон уголовного процесса – адвоката и прокурора, рассказываемые ими суду и присяжным с целью формирования у них определенного взгляда на произошедшее событие. В этом срезе, как отмечается в литературе, среди нарративных практик могут быть выделены следующие: анализ взаимосвязи между историями и правовой аргументацией; исследование различий между тем, как стороны судебного процесса, судьи, просто практикующие юристы или стороны правового спора формулируют и используют истории; изучение того, какие истории являются наиболее убедительными с позиции суда; анализ риторики судебных речей и решений [34]. Думается, что такой подход к нарративам в юриспруденции вполне применим. В самом деле, все, что делают стороны в суде, – рассказывают суду свои истории (истории представляемых ими лиц), делая это не только напрямую (с помощью слов и документов), но и с помощью умолчаний, действий, заявляя ходатайства об исследовании доказательств, их исключении, а также посредством допроса свидетелей. На основе их судебного поединка суд должен сформировать и рассказать потом в судебном решении свой вариант истории по делу. Рассказывают свои истории и следователи, дознаватели, свидетели, другие участники судопроизводства. Есть и такие истории, которые не рассказываются, но которые можно обнаружить и «вытащить»

в результате анализа материалов дела. Но кроме участников судопроизводства есть и другие субъекты, «рассказывающие» правовые нарративы и позволяющие им предопределять свое правовое поведение: законодатели, преподаватели и исследователи.

С учетом этого можно провести классификацию правовых нарративов:

1. *Личные нарративы*, характерные для конкретного лица, которые могут играть свою роль при правоприменении, в том числе при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

2. *Профессиональные нарративы*, характерные для определенных профессиональных сообществ (судей, в том числе различных ветвей судебной системы, прокуроров, адвокатов, следователей, инхаус-юристов, преподавателей права и т.д.

3. *Региональные нарративы* определенных сообществ, играющие роль, в том числе при правотворчестве и правоприменении в субъектах РФ и муниципалитетах. Примером регионального нарратива выступают, например, различные подходы судов, входящих в различные кассационные округа, свидетельствующие о различном понимании, трактовке ими правовых норм, квалификации спорных общественных отношений и т.д.

4. *Национальные нарративы*, существующие в пределах страны и оказывающие влияние на развитие законодательства, правоприменительной практики и т.д. В качестве примера можно привести нарративы Конституционного и Верховного судов РФ. В результате деятельности, осуществляемой указанными органами, формируется правовой контекст общественной реальности в области правоприменения и, частично, законотворчества.

5. *Международные нарративы*, которые оказывают существенное влияние на международно-правовое регулирование отношений в соответствующих сферах.

Источники информации о нарративах.

1. «Классический» источник информации для собирания и последующего анализа нарративных историй – это нарративное интервью. Безусловно, оно может быть использовано и при проведении правовых исследований. Однако есть некоторые особенности и потенциальные проблемы собирания нарративных историй в ходе нарративного интервью в правовых исследованиях.

Во-первых, при проведении нарративных исследований необходимо делать рациональный выбор между размером выборки нарративных историй, собираемых таким образом, и глубиной анализа. Большинство качественных опросов полуструктурированы (т.е. исследователь задает вопросы из специально составленного списка). Нарративное интервью (особенно когда просят рассказать историю жизни) следует проводить в виде беседы, руководствуясь любопытством исследователя, а не заранее подготовленным набором вопросов. Такие опросы, как правило, довольно длинные и требуют тщательного анализа. Соответственно, размер выборки в большинстве случаев небольшой (и, следовательно, в статистическом смысле непрезентативный).

Во-вторых, проводить нарративные интервью с профессиональными участниками судопроизводства (особенно с учетом уже изложенных их особенностей) очень непросто. Судьи и вслед за ними прокуроры стали очень «закрытыми» для интервью категориями в силу преобладающих нарративов об их необходимых профессиональных особенностях. Провести нарративное интервью со следователями, адвокатами немного легче, но и они также не всегда готовы участвовать в длительных интервью с исследователем, тем более когда конкретная цель такого интервью акторам не ясна и исследователем четко не оговорена. С учетом этого необходимо использовать и другие источники информации о личных нарративах.

2. Блоги, публикации, сообщения в соцсетях, интервью в СМИ, публикуемые имиджевые кейсы и т.д. Здесь есть свои проблемы получения достаточного и репрезентативного количества нарративных историй. Дело в том, что до последнего времени очень много нарративных историй об участии адвокатов в деятельности судебной системы и столкновениях их клиентов и их самих с реальным правоприменением, размещалось в запрещенных сегодня социальных сетях Facebook и Instagram. Другие используемые сейчас инструменты общения и позиционирования адвокатов пока не могут сравниться по «богатству» опубликованных материалов с этими сетями. Тем не менее все же имеются возможности сбора и анализа личных нарративов, размещаемых их субъектами в СМИ, соцсетях, специальных ресурсах (например, Право.ру) и сети Интернет.

3. Учитывая то, что личные нарративы влияют на принятие решений по конкретным делам судьями, должностными лицами органов исполнительной власти, другими властными субъектами, содержание личных нарративов можно «извлекать» из анализа массивов соответствующих решений. Например, анализ практики назначения судами уголовных наказаний за преступления по различным категориям дел (в рамках так называемой вилки санкции) может выступать свидетельством личного отношения судьи к совершенному преступлению, его субъективного подхода, сложившегося под влиянием определенных событий, жизненного опыта, личных качеств. Могут свидетельствовать о личных нарративах и материалы конкретных дел. Так, по уголовному делу по обвинению М. и Г. (архив Красноярского краевого суда, дело № 2-13/16), рассмотренному с участием присяжных заседателей, М. был удален председательствующим из зала суда в момент дачи им показаний до окончания прений сторон. До этого ему давались распоряжения председательствующего относительно недопустимости постановки перед свидетелями определенных вопросов. В обоснование своих распоряжений председательствующий заявил: «Если вы пытаетесь поставить под сомнение доказательства, которые представлены присяжным заседателям, то это недопустимо, так как присяжным заседателям представляются доказательства проверенные». Председательствующий неоднократно останавливал подсудимого, когда тот, отвечая на вопросы, описывал конкретные

обстоятельства, поведение других лиц, рассказывал о том, во что он был одет в день, в который, по версии обвинения, он совершил преступление, и т.д., поскольку, по мнению суда, он тем самым создавал у присяжных «предубеждение относительно себя», создавая «свой положительный образ». Постановление об удалении М. из зала суда было мотивировано, в частности, тем, что М. (давая показания в качестве подсудимого) «довел до присяжных заседателей не проверенную и не подлежащую оглашению... в их присутствии информацию о своем достатке и образе жизни, своей семье и детях, а также о том, что ранее он в суде никогда не был». Представляется, что такого рода высказывания, зафиксированные в протоколе судебного заседания, дают довольно много материала о нарративах, характерных для данного судьи.

4. Документы, в том числе: следственные и судебные документы, заявления, жалобы и ходатайства, принятые по ним решения, документы, «сопровождающие» процесс подготовки и принятия тех или иных законопроектов, результаты опросов общественного мнения, научные работы. Так, анализ постановлений судов по уголовным, гражданским, административным делам позволяет сформулировать закономерности развития судебной практики как по конкретной категории дел, так и в рамках одного региона, кассационного округа (региональный, национальный нарратив), выявить особенности регионального толкования законодательных положений, пробелы, коллизии, коррупциогенные факторы в правовых актах. В более широком смысле анализ практики судебных, следственных и иных органов, выраженной в принимаемых ими правовых актах, позволяет сделать выводы о действительной «работоспособности» правовых механизмов, определить перспективы и направления правотворчества. Основой для подобного изучения являются сайты правовой информации, судов, органов государственной власти и местного самоуправления и т.д.

5. Посещение судебных заседаний и наблюдение за их ходом. Посредством устного состязания сторон происходит реконструкция конфликта нарративными средствами. Во время судебного процесса дело проигрывается несколько раз, с позиций разных участников. Сюда же можно отнести и наблюдение за «антуражем», внутренним устройством и организацией работы судебных и иных правоприменительных органов. Например: «Несколько слов необходимо сказать о физическом пространстве и внутреннем декоре российских судов, так как они формируют представление о суде как месте отправления правосудия. Здания районных судов Санкт-Петербурга, в которых проводилось наблюдение, сильно различались и по размеру, и по способу организации внутреннего пространства. В некоторых судах ремонт был свежим, в других он не проводился на протяжении многих лет. Особенно сильно на восприятие суда влияло состояние коридоров, лестничных пролетов и уборных, так как они создавали первичное представление о суде. В одном суде на лестничной клетке висело объявление “Курить в здании запрещено. За это следует штраф в со-

ответствии с КоАП», при этом рядом стояла урна с пепельницей, на полу лежало несколько окурков, на стене были пятна от затушенных сигарет. Залы судебных заседаний также были разными: от совсем маленьких и тесных, с низкими потолками, в которых едва умещались основные участники процесса, до просторных и вместительных, с хорошей акустикой, высокими потолками, цветами на подоконниках и т.п. Тесные и душные залы судов вызывают ассоциации, связанные с пребыванием в российских государственных учреждениях, таких как поликлиника или паспортный стол, что развеивает идеализированное представление о том, в каких условиях должно осуществляться отправление правосудия» [35]. Думается, что такие наблюдения также позволяют выявить и сформулировать определенные нарративы, не декларируемые прямо, но довольно однозначно «считываемые» участниками судопроизводства.

6. Законопроекты, пояснительные записки и иные сопроводительные документы к ним. Так, ярким примером влияния нарратива на правотворчество является регулирование использования криптовалюты. В условиях множества историй как на мировой, так и национальной арене, связанных с мошенничеством, легализацией доходов, торговлей наркотиками с использованием криптовалюты, отечественный законодатель принял решение практически полностью запретить использование криптовалюты (цифровой валюты) в обороте на территории РФ. Это решение было выражено в принятии Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с положениями которого российские юридические и физические лица не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

7. Исследования корпоративной, торговой и иной практики. В качестве примера могут быть приведены обычаи, обыкновения, которые могут модифицироваться при изменении контекста их применения. Так, сложившийся нарратив доставки грузов на условиях FCA создавал трудности для продавцов при получении оплаты от банка, в котором открыт аккредитив. В этой связи в 2020 г. Международной торговой палатой были внесены изменения в ИНКОТЕРМС, которые решили эту проблему [36].

8. Научная литература, статьи, выступления исследователей, практиков на научных конференциях и иных публичных мероприятиях.

Источники информации о нарративах можно также классифицировать на:

а) неофициальные (интервью, блоги);

б) официализированные (жалобы на судебные решения, на действия, решения должностных лиц, жалобы в Конституционный Суд РФ, в ЕСПЧ). Такие документы, с одной стороны, излагают некую личную историю, должны «погружать» читателя в нее, давать

возможность для возникновения эмпатии. В то же время они обращены к официальным органам, а потому пишутся языком, приближенным к официальному;

в) официальные. Тексты судебных решений, приговоров, постановлений и т.д.;

г) «подразумеваемые». В данном случае речь идет о поиске в материалах дел нарративов, не отраженных в официальных документах (поиск историй, «стоящих за делом»).

Методы анализа и обработки собранных данных

1. Структурное и лингвистическое исследование нарративных историй. Исследование повторов сюжетов, исследование употребления слов, и т.д.

2. Исследование слов (и умолчаний) в официальных документах. Такое исследование может позволить на основе анализа текстов решений делать выводы о преобладающих нарративах, влияющих на принятие таких решений. Например, в 2016 г. широко распространялась новость о том, что объединенная команда специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов ИИ, который был способен предсказывать решения Европейского суда по правам человека с точностью в 79% после ознакомления с частью опубликованного решения. Данный алгоритм презентовался как алгоритм, способный предсказать судебное решение на основе анализа дела. Фактически же, насколько можно понять из описания эксперимента, ИИ анализировал не сами материалы дела (жалобу, решения национальных органов), а их описание, содержащееся в Постановлении ЕСПЧ. Таким образом, сам язык, которым описывались обстоятельства дела, давал ИИ, как правило, достаточно данных для того, чтобы предсказать итоговое решение [37]. То есть это история о том, что судьи в неявной, но «считываемой» форме отражают свое решение уже в первой его части – описывая тем или иным образом обстоятельства дела.

3. Направленное исследование нарративных историй в тех регионах, где повторяется практика, не соответствующая закону. Такие методы необходимы для того, чтобы попытаться понять, какие нарративы вызывают к жизни подобные нарушения.

4. Определение соотношения между собранным массивом нарративных историй и результатов статистической обработки изученных эмпирических материалов (результатов изучения материалов дел, судебных решений).

5. Анализ соотношения нарративных историй и законодательства, данных об организации судебной деятельности, с тем чтобы предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Выводы

Все судоговорение, да и правоприменение в целом строится на открыто формулируемых или негласно поддерживаемых, но не артикулируемых позициях,

«историях», которые правоприменитель «рассказывает» прямо (в полемике, в мотивировке документа) или своей деятельностью. Без анализа этих историй, не принимая их во внимание, невозможно понять почему правоприменитель действует тем или иным образом.

Рассказываемые учеными и практиками правовые истории способны не только объяснить уже сложившееся правоприменение, но и создавать новую правоприменительную и правовую реальность. Нарративные истории далеко не всегда истинны, но даже не будучи таковыми, они могут оказаться движущей силой изменений в области создания новых норм и их применения.

Возможно выделить две функции использования нарративных методов и подходов в правовых исследованиях:

1. Познавательная функция, позволяющая изучить механизм и особенности реального функционирования права в многообразии его проявлений, причины возникающих на практике дисфункций, расхождения между правовыми нормами и неформальными практиками, искаженного толкования правоприменителями действующих правовых норм, злоупотребления правом, противоречивого, ошибочного правоприменения при реализации правовых норм.

2. Прогностическая и преобразовательная функция дает возможность выявить необходимость в реформировании правовых предписаний, предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Можно провести классификацию правовых нарративов:

1) личные нарративы, характерные для конкретного лица;

2) профессиональные нарративы, характерные для определенных профессиональных сообществ;

3) региональные нарративы определенных территориальных сообществ;

4) национальные нарративы, существующие в пределах страны (нарративы Конституционного и Верховного судов РФ);

5) международные нарративы, которые оказывают существенное влияние на международно-правовое регулирование отношений в соответствующих сферах.

Источники информации о нарративах в сфере права:

1) нарративное интервью. Данный источник получения нормативных историй вряд ли в ближайшее время получит широкое распространение в отечественных правовых исследованиях в связи с «закрытостью» российской судебной системы;

2) блоги, публикации, сообщения в соцсетях, интервью в СМИ, публикуемые имиджевые кейсы и т.д.;

3) результаты анализа массивов судебных решений или материалов конкретных дел;

4) документы, в том числе следственные и судебные документы, заявления, жалобы и ходатайства, принятые по ним решения, документы, «сопровождающие» процесс подготовки и принятия тех или иных законопроектов, результаты опросов общественного мнения;

5) посещение судебных заседаний и наблюдение за их ходом, наблюдение за «антуражем», внутренним устройством и организацией работы судебных и иных правоприменительных органов;

6) законопроекты, пояснительные записки и иные сопроводительные документы к ним;

7) исследование корпоративной, торговой, иной практики, применения локальных норм;

8) научная литература, статьи, выступления на конференциях.

Источники информации о правовых нарративах можно классифицировать на:

а) неофициальные (интервью, блоги);

б) официализированные (жалобы на судебные решения, на действия, решения должностных лиц, жалобы в Конституционный Суд РФ, в ЕСПЧ);

в) официальные. Тексты судебных решений, приговоров, постановлений и т.д.;

г) «подразумеваемые». В данном случае речь идет о поиске в материалах дел нарративов, не отраженных в официальных документах (поиск историй, «стоящих за делом»).

Методы анализа и обработки собранных данных:

1. Структурное и лингвистическое исследование нарративных историй. Исследование повторов сюжетов, исследование употребления слов и т.д.

2. Исследование слов (и умолчаний) в официальных документах.

3. Направленное исследование нарративных историй в тех регионах, где повторяется практика, не соответствующая закону.

4. Определение соотношения между собранным массивом нарративных историй и результатов статистической обработки изученных эмпирических материалов (результатов изучения материалов дел, судебных решений).

5. Анализ соотношения нарративных историй и законодательства, данных об организации судебной деятельности с тем, чтобы предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Список источников

1. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе; некоторые итоги исследования // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 86–94.
2. Трубникова Т.В. Признание вещественным доказательством – новый вид меры принуждения? (по материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 49–55.
3. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 914–924.
4. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194–200.

5. Возможности защиты в рамках нового УПК / под ред. Г.М. Резника, Е.Ю. Львовой. М., 2004. С. 52.
6. Куликов В. Какой спрос с эксперта. Следователей обяжут согласовывать с адвокатами вопросы для экспертизы // Российская газета – Федеральный выпуск. 2019. № 231 (7989).
7. Андреева Н. Экспертиза под контролем адвоката // Домашний адвокат. 2005. № 7 (315).
8. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / под ред. Т.В. Трубниковой. Томск, 2015. С. 3–20.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
10. Титаев К.Д. Qui custodiet, или Почему надо изучать юристов // Социология власти. 2016. Т. 28, № 3. С. 8.
11. Pipher M. Writing to change the world. New York : Riverhead Books. 2006. 272 p.
12. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 129–138.
13. Ильин И.П. Языковое обоснование «Я» в теориях постструктурализма и постмодернизма // «Я», субъект, «индивид» в парадигме современного языкознания : сб. науч.-аналитич. обзоров. М. : Рос. академия наук ; ИНИОН, 1992. С. 107–127.
14. Griffin L.J. Narrative: event-structure analysis and causal interpretation in historical sociology // American Journal of Sociology. 1993. V. 98, № 5. P. 1094–1133.
15. David Silverman. Doing Qualitative Research. SAGE Publications Ltd, 2017. 526 p. P. 124.
16. Franzosi R. Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
17. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.
18. Akerlof G.A, Snower D.J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. Vol. 126. P. 58–71.
19. Akerlof G., Kranton R. Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being. 2010. 224 p.
20. Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 9–14.
21. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Общество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.
22. Dawson J., Doll H., Fitzpatrick R., Jenkinson C., Carr A.J. The routine use of patient reported outcome measures in healthcare settings. BMJ. 2010. 340 p. P. 186.
23. McKeon R. The basic works of Aristotle. New York : Random House Modern Library, 2009. 1520 p.
24. Воробьева А.В. Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 3/4.
25. Ярская-Смирнова Е.С. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.
26. Mishler EG. The discourse of medicine: dialectics of medical interviews. Westport (CT) : Greenwood, 1984. 212 p.
27. Bakhtin M.M. The dialogic imagination: four essays. Houston (TX) : University of Texas Press, 2010. 480 p.
28. Назарова В.С. Нарративная юриспруденция как методологическая концепция в современной западной философии права и пространстве междисциплинарных практик // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 25.
29. Элкинс Дж. П. В чем суть нарративной юриспруденции? // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 196.
30. Нарративы индивидуального подоходного налогообложения в XXI веке / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 295 с.
31. Право и нарративы / общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М. : Проспект, 2022. 128 с.
32. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41–46.
33. Толстых В.Л. Международное право как метанарратив // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 8–14.
34. Gewirtz P. Narrative and Rhetoric in the Law. Law’s Stories: Narrative and Rhetoric in the Law / P. Brooks, P. Gewirtz (ed.). New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 3 (Цит. по: Соболева А.К., Рыбин А.И. Нарративы и риторическое повествование (prosthesis, narration): теоретические основы и практическое применение // Право и нарративы / общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М. : Проспект, 2022. С. 14).
35. Моисеева Е. Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа // Laboratorium. 2018. 10 (1). С. 29–50.
36. Чурилов А.Ю. Роль ИНКОТЕРМС® 2020 в регулировании международного оборота товаров с доставкой морским транспортом // Право и экономика. 2020. № 7 (389). С. 19–25.
37. Искусственный интеллект научили предсказывать судебные решения в делах по нарушению прав человека. URL: <http://habr.com/ru/post/398519/> (дата обращения: 10.10.2022).

References

1. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2017) Zloupotrebleniye pravom v ugovolnom protsesse; nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of law in criminal proceedings; some results of the study]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 4 (3). pp. 86–94.
2. Trubnikova, T.V. (2018) Priznanie veshchestvennykh dokazatel'stvom – novyy vid mery prinuzhdeniya? (po materialam izucheniya problem zloupotrebleniya pravom v ugovolnom protsesse) [Recognition as material evidence – a new type of coercive measure? (based on the study of the problems of abuse of law in criminal proceedings)]. *Zakony Rossii. Opyt, analiz, praktika*. 5. pp. 49–55.
3. Andreeva, O.I. et al. (2018) Zloupotrebleniye pravom, ego preduprezhdeniye i presecheniye v ugovolnom protsesse Rossii: nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of the right, its prevention and suppression in the criminal process of Russia: some results of the study]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 6 (12). pp. 914–924.
4. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court’s Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26
5. Reznik, G.M. & L’vovoy, E.Yu. (eds.) (2004) *Vozmozhnosti zashchity v ramkakh novogo UPK* [Possibilities of Protection Within the Framework of the New Code of Criminal Procedure]. Moscow: [s.n.].
6. Kulikov, V. (2019) Kakoy spros s eksperta. Sledovatelye obyazhut soglasovyvat’ s advokataми voprosy dlya ekspertizy [What is the demand from the expert. Investigators will be obliged to coordinate with lawyers issues for examination]. *Rossiyskaya gazeta – Federal’nyy vypusk*. 231 (7989).
7. Andreeva, N. (2005) Ekspertiza pod kontrolem advokata [Examination under the control of a lawyer]. *Domashniy advokat*. 7 (315).
8. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvaniye v ugovolnom protsesse Rossii* [Evidence and Proof in the Criminal Process of Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–20.
9. Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 “On Forensic Expertise in Criminal Cases”*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
10. Titaev, K.D. (2016) Qui custodiet, ili Pochemu nado izuchat’ yuristov [Qui custodiet, or why it is necessary to study lawyers]. *Sotsiologiya vlasti*. 3 (28).
11. Pipher, M. (2006) *Writing to Change the World*. New York: Riverhead Books.
12. Tompson, P. (1993) Istoriya zhizni i analiz sotsial’nykh izmeneniy [History of life and analysis of social changes]. *Voprosy sotsiologii*. 1. pp. 129–138.

13. Il'in, I.P. (1992) Yazykovoe obosnovanie "Ya" v teoriyakh poststrukturalizma i postmodernizma [Linguistic substantiation of "I" in the theories of poststructuralism and postmodernism]. In: "Ya", sub"ekt, "indiv" v paradigme sovremennogo yazykoznanija ["I", Subject, "Individual" in the Paradigm of Modern Linguistics]. Moscow: Ros. akademiya nauk ; INION. pp. 107–127.
14. Griffin, L.J. (1993) Narrative: event-structure analysis and causal interpretation in historical sociology. *American Journal of Sociology*. 5 (98). pp. 1094–1133.
15. Silverman, D. (2017) *Doing Qualitative Research*. SAGE Publications Ltd.
16. Franzosi, R. (1998) Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 517–554.
17. Trotsuk, I.V. (2004) Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskij konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh [Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 1 (6). pp. 41–53.
18. Akerlof, G.A. & Snower, D.J. (2016) Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 126. pp. 58–71.
19. Akerlof, G. & Kranton, R. (2010) *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press.
20. Gotlib, A.S. (2013) Analiz narrativov v sotsiologii: vozmozhnosti i problemy ispol'zovaniya [Analysis of narratives in sociology: opportunities and problems of use]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1. pp. 9–14.
21. Evstigneeva, N.V. & Oberemko, O.A. (2007) Modeli analiza narrativa [Models of Narrative Analysis]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravlenie*. 4. pp. 95–107.
22. Dawson, J. et al. (2010) The routine use of patient reported outcome measures in healthcare settings. *BMJ*.
23. McKeon, R. (2009) *The basic works of Aristotle*. New York: Random House Modern Library.
24. Vorob'eva, A.V. (1999) Tekst ili real'nost': poststrukturalizm v sotsiologii znaniya [Text or Reality: Poststructuralism in the Sociology of Knowledge]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 3/4.
25. Yarskaya-Smirnova, E.S. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 3.
26. Mishler, E.G. (1984) *The Discourse of Medicine: Dialectics of medical interviews*. Westport (CT): Greenwood.
27. Bakhtin, M.M. (2010) *The Dialogic Imagination: Four essays*. Houston, TX: University of Texas Press.
28. Nazarova, V.S. (2015) Narrativnaya yurisprudentsiya kak metodologicheskaya kontseptsiya v sovremennoy zapadnoy filosofii prava i prostranstve mezhdistsiplinarnykh praktik [Narrative jurisprudence as a methodological concept in modern Western philosophy of law and the space of interdisciplinary practices]. *Filosofiya prava*. 6 (73).
29. Elkins, J.R. (2011) V chem sut' narrativnoy yurisprudentsii? [What is the essence of narrative jurisprudence?]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 6.
30. Mayburov, I.A. & Ivanov, Yu.B. (eds.) (2021) *Narrativy individual'nogo podokhodnogo nalogooblozheniya v XXI veke* [Narratives of Individual Income Taxation in the 21st Century]. Moscow: YuNITI-DANA.
31. Denisenko, V.V., Soboleva, A.K. & Chestnova, I.L. (eds) (2022) *Pravo i narrativy* [Law and Narratives]. Moscow: Prospekt.
32. Umnova-Konyukhova, I.A. (2021) Pravo byt' chelovekom – fundamental'noe pravo i konstitutsionnyy narrativ v sisteme lichnykh prav i svobod v paradigme gumanizma [The right to be human is a fundamental right and a constitutional narrative in the system of personal rights and freedoms in the paradigm of humanism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 41–46.
33. Tolstykh, V.L. (2013) Mezhdunarodnoe pravo kak metanarrativ [International law as a metanarrative]. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*. 3. pp. 8–14.
34. Gewirtz, P. (ed.) (1996) *Narrative and Rhetoric in the Law. Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law*. New Haven, CT: Yale University Press. P. 3. Cited from: Soboleva, A.K. & Rybin, A.I. (2022) Narrativy i ritoricheskoe povestvovanie (prosthesis, narration): teoreticheskie osnovy i prakticheskoe primenenie [Narratives and rhetorical narration (prosthesis, narration): theoretical foundations and practical application]. In: Denisenko, V.V., Soboleva, A.K. & Chestnov, I.L. (eds) *Pravo i narrativy* [Law and Narratives]. Moscow: Prospekt.
35. Moiseeva, E. (2018) Vstat', sud idet! Sudebnyy protsess kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza [All rise! Litigation as an object of sociological analysis]. *Laboratorium*. 10 (1). pp. 29–50.
36. Churilov, A.Yu. (2020) Rol' INKOTERMS® 2020 v regulirovanii mezhdunarodnogo oborota tovarov s dostavkoy morskim transportom [The role of INCOTERMS® 2020 in regulating the international turnover of goods delivered by sea]. *Pravo i ekonomika*. 7 (389). pp. 19–25.
37. Habr. (2016) Iskusstvennyy intellekt nauchili predskazyvat' sudebnye resheniya v delakh po narusheniyu prav cheloveka [Artificial intelligence has been taught to predict court decisions in human rights cases]. *Habr*. 25 October. [Online] Available from: <http://habr.com/ru/post/398519/>. (Accessed: 10.10.2022).

Информация об авторах:

Гончарова В.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Иванов В.В. – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

Трубникова Т.В. – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: trubn@mail.ru

Чурилов А.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lefikantor@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

V.V. Ivanov, Cand. Sci. (Law), senior researcher, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

T.V. Trubnikova, associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

A.Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lefikantor@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.17223/15617793/483/27

Цифровой объект преступления

Мадина Муссаевна Долгиева¹

¹Главное уголовно-судебное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
novator111@mail.ru

Аннотация. Проанализированы переходные положения цифровой эпохи и их адаптация под существующие уголовно-правовые реалии. Обосновывается определение цифрового объекта преступления в контексте классических теорий объекта преступления, инновационных тенденций и актуализации доктрины уголовного права. Заключается, что аксиология цифрового объекта преступления, вызванная общественным к нему отношением, обязывает государство закрепить его в качестве социальной ценности и поставить в число охраняемых уголовным законом, включив их в перечень объектов гражданских прав.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, виртуальная валюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, криптоактивы, виртуальные активы, объект гражданских прав, квалификация хищения криптовалюты, иное имущество

Для цитирования: Долгиева М.М. Цифровой объект преступления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 253–260. doi: 10.17223/15617793/483/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/27

Digital crime object

Madina M. Dolgieva¹

¹Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
novator111@mail.ru

Abstract. The study aims to analyze the transitional provisions of the digital era and their adaptation to the existing criminal law realities, to determine the signs of a digital object of crime and the main question of whether such digital objects are protected by the criminal law of the country. The transition of economic relations to electronic services and social networks was the reason for the transformation of crime from real to virtual and led to the emergence of the term “digital crimes” in the science of criminal law, which requires a conceptual justification of the concept of a digital object of crime, to which the author, in a highly specialized sense, refers social relations that develop upon the turnover of digital financial assets, virtual assets and cryptocurrencies. After digital technologies have turned into general-purpose technologies affecting all sectors of the economy and society, the usual criminal-legal approach to determining the object of encroachment has become unnecessarily blunt, since the criminal law contains a sufficiently large number of elements of crimes referring to various kinds of normative legal acts regulating virtual legal relations. At the same time, such legislation is vague and does not solve law enforcement issues. During the preparation of the article, formal-logical methods were mainly used for the analysis of socio-legal phenomena. The author draws attention to the fact that social realities require the defining of the boundaries of secure communication in the digital and information spheres, the subject and mechanisms of its legal support and protection. At the same time, the definition of the digital object of crime is justified in the context of classical theories of the object of crime, innovative trends, and actualization of the doctrine of criminal law. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the axiology of the digital object of crime caused by public attitude to it obliges the state to consolidate it as a social value and put it among those protected by criminal law, including them in the list of objects of civil rights. The digital object of crime is socially significant values and benefits of subjects of virtual property relations that develop in the sphere of turnover of digital financial assets, virtual currency and cryptocurrencies, subject to criminal protection, which the guilty person encroaches on, wishing to cause damage to their owner. The concept of the digital object of crime proposed by the author in this regard is a timely and relevant solution to a number of problems of the qualification of digital crimes.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, virtual currency, digital currency, digital financial assets, crypto assets, virtual assets, object of civil rights, qualification of cryptocurrency theft, other property

For citation: Dolgieva, M.M. (2022) Digital crime object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 253–260. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/27

Интернет, являясь неотъемлемой и незаменимой частью нашего общества, обуславливает переход экономических отношений в виртуальные сервисы и социальные сети, что, с одной стороны, является причиной стремительного развития электронной коммерции, а с другой – условиями перехода преступной деятельности из классической, привычной обстановки в цифровую среду.

Форма существования таких отношений, по мнению автора, претерпела значительные изменения в своем содержании, поскольку конкретные правоотношения, исключающие личное участие людей, сместили фокус социальных приоритетов с процесса взаимодействия на определенный результат – получение услуги.

Преступная деятельность в сети Интернет, согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, представлена большинством составов преступлений, регламентированных уголовным законодательством Российской Федерации, и варьируется от кражи личных данных до серьезных кибератак на учреждения и инфраструктуру, финансирование терроризма, наркоторговлю и пр. При этом многообразие указанных преступлений увеличивается как в качественном, так и в количественном показателях. Так, например, за январь – май 2021 г. киберпреступность увеличилась на 25%¹.

Свобода Интернета является ключевым фактором, объясняющим цифровую революцию последних лет. Однако, продвигая эту свободу без национальных границ и единой глобальной инфраструктуры, государство должно стремиться защитить граждан от организованных преступных группировок или иных лиц, которые стремятся использовать такую открытость.

Закрепившийся в доктрине права термин «цифровые преступления» также безграничен и не имеет конкретных признаков и характеристик. Е.А. Русскевич к таковым относит как «компьютерные преступления», посягающие на объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры (в том числе компьютерную информацию), так и «компьютеризированные преступления» по признакам объекта, которые «ввиду цифрового обновления общества демонстрируют тенденцию стремительной «виртуализации» [1. С. 29]. При этом стоит отметить, что Е.А. Русскевич впервые в науке уголовного права широко трактует понятие «компьютеризированные преступления», подразделяя их на две основные подгруппы: простые – в которых использование компьютерных технологий является способом их осуществления, и квалифицированные, для которых использование таких технологий повышает их общественную опасность. Все остальные преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, автор относит к потенциально компьютеризированным, крайне редким явлениям, влияние на степень общественной опасности которых компьютерные технологии практически не оказывают.

М.А. Ефремова, выдвигает информационную безопасность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны с оговоркой, что данное предложение может быть успешно реализовано лишь в случае принятия новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2. С. 13], в то время как Р.Г. Дремлюга в этой связи называет объектом уголовно-правовой охраны цифровую экономику и информационное общество [3. С. 82].

На наш взгляд, термин «цифровые преступления» в самом широком понимании включает в себе любые посягательства, совершаемые в сети Интернет с использованием соответствующих компьютерных технологий, и в настоящее время не требует корректировки границ такого преступного поведения, поскольку невозможно предусмотреть и ограничить что-либо находящееся в процессе активного развития.

В целом криминологическое знание о цифровых формах преступлений и их теоретическое обоснование, выдвинутое Е.А. Русскевичем, показывает, насколько глобально продвинулась наука уголовного права в развитии институтов борьбы с современными видами преступности в ее корнях и во всех формах на уровне нормативного и правоприменительного противодействия [1. С. 32].

Безусловно появлению термина «цифровые преступления» предшествовали научные обоснования информационно-телекоммуникационных сфер деятельности в проекции гражданско-правового регулирования, а также уголовно-правового противодействия преступности.

Так, А.Ю. Чупровой определены критерии идентификации преступлений в сфере электронной коммерции в качестве самостоятельной системы, к которым отнесены виртуальное пространство и установленный правопорядок в информационном пространстве, обеспечивающий безопасное использование последнего участниками информационных отношений [4. С. 9]. В свою очередь, А.А. Карцхия сформулировал и обосновал гражданско-правовую модель регулирования цифрового гражданского оборота и цифровых прав, которая представляет собой совокупность правоотношений, порождаемых посредством применения цифровых технологий [5. С. 17].

Таким образом, поэтапное внедрение цифровых терминов и определений в отечественной науке права определило направления его дальнейшего развития в уголовно-правовом аспекте.

Ранее, когда цифровые технологии еще были «нишевым» рынком для специалистов, классическое учение об объекте преступления, будучи спорным, являлось простым и понятным, однако, когда они превратились в технологию общего назначения, которая затрагивает все сектора экономики и общества, то привычный уголовно-правовой подход к определению объекта посягательства стал излишне бланкетным, требующим постоянного обращения к большому количеству нормативно-правовых актов, регулирующих виртуальные отношения, например, законодательству о краудфандинге², о цифровых финансовых активах³ и другим нормам, распространяемым на правоотно-

шения, основанные на электронном взаимодействии, в целях защиты прав их участников уголовно-правовыми средствами.

Стоит согласиться с мнением Я.О. Кучиной о том, что «в случае с технологически сложными объектами их природа, а не регулируемая норма станет первоисточником для правоприменителя, если законодатель ошибется в дефиниции» [6. С. 118–127].

Вывод автора о том, что цифровые технологии перешли в категорию технологий общего назначения, основан на Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, согласно которой информационное общество России характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств (в среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи), а также беспроводных технологий, сетей связи, создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к которой подключились более 34 млн россиян, с 2014 г. осуществляется подключение населенных пунктов с населением от 250 до 500 человек к сети Интернет, в результате чего 5 млн граждан России, проживающих почти в 14 тыс. таких малонаселенных пунктов, получили доступ к сети Интернет, объем реализации товаров и услуг россиянами с использованием сети Интернет достиг эквивалента 2,3% валового внутреннего продукта и имеет тенденцию к росту, а информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка⁴.

Вместе с тем цифровая экономика, несмотря на положительное влияние, детерминирует цифровые преступления, ключевой целью которых являются цифровые объекты посягательства. Вопрос о том, находятся ли такие цифровые объекты под охраной уголовного закона страны, является открытым и дискуссионным.

С учетом позиции ряда авторов, не стремящихся отождествлять реальные общественные отношения с цифровыми, в том числе с учетом того обстоятельства, что «под воздействием цифровизации закон уже не будет стабильным регулятором и незыблемой основой национального правопорядка» [7. С. 196–209], следует отметить, что цифровая эволюция правоотношений требует и эффективного своевременного правового регулирования именно в контексте ожидаемого ответа на возникающие вопросы.

Учению об объекте преступления в науке российского уголовного права не одна сотня лет, его трансформация с XVIII в. обрела новыми свойствами и признаками, а также классификацией и приоритетностью, однако инновационная эпоха, затронувшая и доктрину права, требует координации юридических понятий с фактической стороной прогресса.

В настоящей статье автором поставлена задача определить концепцию цифрового объекта преступ-

ления, к которым автор в узкоспециальном смысле относит общественные отношения, складывающиеся по факту оборота цифровых финансовых активов, виртуальных активов и криптовалют.

Уголовно-правовое обоснование ответственности за посягательства на такие правоотношения является краеугольным камнем развития цифровой безопасности и углубления цифровой инфраструктуры в жизни общества.

Безграничный характер цифровых технологий создает проблемы для обеспечения соблюдения прав потребителей государственными органами, действия которых ограничены территориальными границами их юрисдикции, в то время как сеть Интернет предоставляет возможности внедрять свои бизнес-модели на глобальном уровне, напрямую, в связи с чем для эффективной борьбы с нарушениями законодательства необходимо координировать государственную правоприменительную деятельность.

Существующие правовые инструменты также должны быть адаптированы таким образом, чтобы они могли отвечать двойным вызовам глобализации и оцифровки, поэтому правоприменение должно стать более гибким, последовательным и эффективным, что требует расширения сотрудничества между государственными органами власти и наукой.

Социальные ценности, декларируемые Основным законом государства – Конституцией Российской Федерации, как справедливо отмечает Е.Н. Карабанова, – это аксиологическая концепция объекта преступления, закрепляющая обязанность государства охранять эти ценности согласно сложившимся в правоприменительной практике тенденциям [8. С. 69–77].

По мнению Г.П. Новоселова, поскольку само преступление предстает явлением конкретным и не может быть «родовым» или «общим», следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме того, который сторонниками классификации объектов преступления по вертикали называется непосредственным [9. С. 40]. Однако такое заключение ставит под сомнение все имеющиеся теоретические обоснования деления групп преступлений, фактически превращая, таким образом, уголовный закон в нескончаемый перечень всевозможных видов посягательств.

Безусловно, как писал А.Н. Трайнин, в теории уголовного права нет единства в понимании объекта преступления (нет его и в настоящее время) и каждое преступление выражается в посягательстве на определенный объект, которым могут являться как материальные, так и нематериальные ценности [10. С. 72].

При этом весьма креативна точка зрения В.В. Хилюты о том, что преступные посягательства на объекты гражданских прав (за исключением вещей) должны быть выведены из системы посягательств, составляющих хищения, и образовывать самостоятельную группу преступлений, охватывающих деяния, направленные против имущественных правоотношений [11. С. 25], поскольку присутствует механизм извлечения имуще-

ственной выгоды от противоправных действий без воздействия на материальную оболочку блага.

Новые уголовно-правовые запреты предлагает рассмотреть М.И. Немова, при создании специальных норм, регулирующих порядок оборота цифровых активов, указывая при этом, что в подавляющем большинстве случаев такие объекты являются средством совершения преступлений против собственности и экономической деятельности, а не самостоятельным объектом посягательства [12. С. 112].

Несмотря на то что цифровой мир приносит значительные выгоды, он, безусловно, уязвим. Инциденты в области кибербезопасности, будь то преднамеренные или случайные, например вымогательство криптовалюты за разблокировку доступа к операционным системам, растут тревожными темпами и могут нарушить предоставление основных услуг, которые мы считаем само собой разумеющимися, таких как водоснабжение, здравоохранение, электроснабжение, транспорт или мобильные услуги. Угрозы могут иметь различное происхождение, включая уголовные, политически мотивированные, террористические или спонсируемые государством нападения, а также стихийные бедствия и непреднамеренные ошибки. Что касается киберпреступности, то тенденции предполагают значительное увеличение масштабов, изощренности, количества и типов атак, числа жертв и экономического ущерба.

В целом финансовый ущерб, причиняемый в результате любых цифровых преступлений, оценивается как значительный, при этом приводимые цифры варьируются от сотен тысяч до миллиардов долларов в глобальном масштабе⁵, а экономические потери порождают непредсказуемые дополнительные расходы как государства в целом, так и отдельных его граждан.

Цифровые финансовые активы, виртуальные валюты и криптовалюты – это техническая и финансовая инновация, обладающая высоким потенциалом для мировой экономики. В то же время они используются в преступных целях в отсутствие эффективного регулирования. Использование этих виртуальных ценностей для преступной деятельности и отмывания прибыли за последние годы выросло по объему и сложности, а инструменты, облегчающие использование криптовалют, в настоящее время широкодоступны, так же как и услуги, предназначенные для направления преступной прибыли. Как следствие, преступное использование криптовалют больше не ограничивается киберпреступной деятельностью, но теперь относится ко всем видам преступлений, которые требуют передачи денежной стоимости (взятки, наркоторговля, финансирование терроризма, оборот оружия, вымогательства, разбойные нападения).

За последние годы рынок криптовалют значительно диверсифицировался. Биткойн теперь делит рынок с большим количеством других монет, также известных как альткойны. Тем не менее он по-прежнему остается самой ценной монетой, доминируя на рынке.

Криптовалютные биржи, позволяющие пользователям покупать и конвертировать криптовалюты в другие монеты или фиатную валюту за определенную

плату, законно осуществляют свою деятельность как в США, так и в странах Азии и Европы.

Таким образом предпосылки к тому, что цифровые финансы прекратят свое существование, нет. Наоборот, псевдоанонимность и децентрализация создают благоприятные условия для существования цифровой преступности, поскольку расследование таких преступлений существенно затрудняется, а процесс привлечения к уголовной ответственности становится необоснованно длительным. Важно подчеркнуть, что криптовалюты на самом деле не являются анонимными, большинство систем, на основе которых они функционируют, являются общедоступными, что делает транзакции отслеживаемыми.

Децентрализация цифровой финансовой системы предоставляет дополнительные возможности, поскольку она позволяет обойти контрольную роль традиционного центрального органа, а также географические ограничения. Это не только обеспечивает чрезвычайно быстрые международные транзакции, но и дает возможность использовать пробелы в регулировании между юрисдикциями.

И если приведенный выше анализ причин появления термина «цифровой объект преступления» не вызывает вопросов, то полисемичность этого понятия требует скрупулезного обоснования, поскольку, выступая в качестве элемента состава преступления, сам по себе цифровой объект в настоящее время не будет являться социальным благом, охраняемым уголовным законом, поскольку является формой выражения отношений, опосредованных цифровыми технологиями. На современном этапе эволюции права, в том числе и в контексте регулирования таких отношений, проблемой взаимодействия общества и государства является категоричная позиция законодателя, не разделяющего мнения ученых о том, что цифровые технологии уже внедрены в жизнедеятельность общества.

Использование категории «объект преступления» в теории права основано в первую очередь на многообразии концепций содержания объекта преступления как социально-правового явления.

С философской точки зрения объект преступления – это фрагмент реальности, на который оказывает влияние то или иное воздействие.

С юридической точки зрения объект преступления – это поставленное под уголовно-правовую охрану благо (общественные отношения), терпящее вред при посягательстве, и перечень таких благ приведен в ст. 2 УК РФ по уровню их приоритетности для государства.

Н.С. Таганцев к таким благам относил «жизнь, личные чувствования, честь, обладание или пользование предметами внешнего мира, различные блага, составляющие общественное достояние, и т.п.» [13. С. 51–58].

По мнению Р.Д. Шарапова, популярные альтернативные теории объекта преступления, заявляемые в противовес классической теории общественных отношений, заключаются в признании в качестве таковых лишь структурных элементов общественного отношения – блага, ценностей, интересов или прав участников таких отношений [14. С. 43–50], и отказ от

классической теории, по мнению указанного автора, не мотивирован.

Вместе с тем фундаментальное мнение А.В. Наумова о том, что общественные отношения не могут быть признаны универсальной теорией объекта преступления и требуется возвращение к теории объекта как блага в рамках классической и социологической школы уголовного права [15. С. 179], является наиболее оптимальным в современных реалиях. Обоснованием такому выводу служит мнение, что в случае хищения, например, цифровых финансовых активов, объектом преступления действительно выступает не похищаемое имущество непосредственно (ему при этом может быть не причинено никакого вреда), а именно отношения, вытекающие из права собственности, т.е. права владения, пользования и распоряжения имуществом [16. С. 147].

Высказанные Г.П. Новоселовым представления об объекте во взаимосвязи с преступным вредом, который, по его мнению, заключается в лишении фактической возможности законного удовлетворения своих потребностей» [17. С. 133], также применимы к современным цифровым понятиям и определениям, воздействие на которые лишает возможности распоряжаться ими. При этом указанный автор придерживается теории консолидации понятия предмета и объекта преступления, так как, по его мнению, предмет преступления отдельно от связи с общественными отношениями не существует, и перечень объектов уголовно-правовой охраны, перечисленный в ст. 2 УК РФ, является социальными ценностями и благами.

Социальные интересы государства и личности, блага и ценности являются переменными составляющими любой эпохи. Цифровая эпоха характеризуется цифровыми ценностями, и это обстоятельство должно приниматься как данность, соответственно, в системе ценностей, поставленных под охрану уголовным законом, цифровые ценности должны быть включены в приоритет значимости. Таким образом, автор соглашается с универсальной позицией ряда ученых о том, что объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинен вред [18. С. 169].

Рассматривая цифровые финансовые активы, виртуальную валюту и криптовалюту в качестве претендентов на признание их социальными ценностями, стоит также обратиться к теории развития объекта преступления как интересов социальных субъектов, выдвинутой в XIX в. и реализованной в трудах Г.П. Новоселова, который, в частности, указывал, что преступление причиняет вред только людям и лицу, признанное потерпевшим, является объектом преступления.

В этой связи, отмечая, что цифровые финансовые активы и криптовалюта, являясь нематериальными и неосозаемыми составляющими, не претерпевают фактических изменений в своем содержании, а только имеет место изменение записи в коде и переход этих кодов с одного носителя на другой, в узком смысле

вред причиняется только людям (владельцам) этих цифровых активов. Однако более широкий взгляд на природу взаимоотношений виртуального сообщества показывает, что ущерб может быть причинен не одному конкретному лицу, а группе лиц – юридическому лицу, и в таком случае смысл теории объекта как личности утрачивается.

Таким образом, не отвергая ни классическую теорию объекта преступления как общественных отношений, ни теорию объекта – блага и социальной ценности, ни менее популярные теории – субъекта или нормы права как объектов, полагаем, что концепция цифрового объекта преступления состоит в большей степени из признаков социального блага и интересов. Однако закрепление такой теории возможно только в случае правового обоснования его ценности для субъектов общественных отношений и наличия уголовно-правовой нормы, ставящей под охрану цифровой денежный (виртуальный и криптовалютный) оборот.

Как отмечает З.Б. Соктоев, в последнее время сложилась порочная практика, когда юридически значимые изменения в предметной реальности игнорируются при уголовно-правовой квалификации преступлений с формальным составом [19. С. 306].

Так, например, приговором Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга действия двоих лиц, обвинявшихся в вымогательстве криптовалюты у потерпевшего, путем инсценировки его задержания сотрудниками ФСБ с угрозой применения пыток были переклассифицированы со ст. 163 УК РФ на ч. 3 ст. 161 УК РФ (как грабеж, совершенный в особо крупном размере), и указано, что в качестве обоснования особо крупного размера хищения судом учитываются только наличные денежные средства в сумме 5 млн руб., переданные потерпевшим, при этом относительно 55 млн руб., переданных злоумышленникам в виде криптовалюты суд указал, что поскольку криптовалюта «не является средством платежа на территории Российской Федерации, ее нельзя признать объектом гражданских прав и предметом преступления»⁶. С этим мнением согласилась и апелляционная инстанция. Данный пример показывает, что хищение криптовалюты не рассматривается судами в качестве преступления.

Сложившаяся тенденция в судебной практике относительно уравнивания понятий объекта и предмета преступления основана на отсутствии четкого правового обоснования понятия цифровых активов и криптовалют.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о ЦФА) не содержит определения криптовалюты, что приводит к фрагментации понятий в теории права и на практике, и самому обороту цифровой валюты в законе о ЦФА определена только одна норма (ст. 14), определяющая лишь организацию ее выпуска, обращения и запрет на распространение информации о предложении и (или) приеме в качестве средства платежа.

Цифровые финансовые активы и уж тем более криптовалюты как таковые не являются «ценностями», охраняемыми государством, собственно, как и не носят в настоящее время социальный характер, являясь по сути добровольным актом участия их приобретателя в виртуальном обороте.

Вместе с тем признание в законе о ЦФА таких активов в качестве предмета регулирования позволяет прийти к выводу, что аксиология цифрового объекта преступления, вызванная общественным к нему отношением, обязывает государство закрепить его в качестве социальной ценности и поставить в число охраняемых уголовным законом.

Значимость для общества является основополагающим критерием отнесения того или иного объекта к социальным ценностям, защищаемым государством. Как показало десятилетие использования криптовалют и виртуальных активов в нашей стране, интерес к ним только возрастает, а волатильность курса криптовалют зависит от политики мировых государств наравне с курсом национальных валют. И это даже пугает, поскольку фактически в мире существует параллельная финансовая система, неконтролируемая никем, но поддерживаемая криптосообществом.

Согласно отчету международной компании по криптовалютным платежам Triple A на октябрь 2021 г., в Российской Федерации криптовалютами владели 17 379 175 человек, или 11,91% населения страны⁷, и на текущий момент, согласно исследованиям, граждане Российской Федерации зарегистрировали свыше 10 млн криптовалютных кошельков и вывели на них свыше 10 трлн рублей⁸.

Таким образом бесспорная значимость виртуальных активов для общества (особенно прогрессивной его части) очевидна, теперь стоит задача разобраться с их значимостью для государства, насколько интересы общества совпадают с государственной политикой и насколько готов законодатель продвинуться в выборе: регламентировать уголовно-правовые запреты или уголовно-правовую охрану таких цифровых объектов посягательства.

По мнению автора, более продуктивным путем для государства было бы признать социальную ценность виртуальных активов и криптовалют, включив их в перечень объектов гражданских прав, что позволит справедливо отнести данные объекты к числу охраняемых уголовным законом. Такая позиция являлась более чем логичной, поскольку виртуальный мир уже существует, а потому доверие общества к государству, которое может защитить их ценности, возрастет моментально.

Влияние цифровых финансовых активов и криптовалют на экономический оборот наглядно продемонстрировано в отчете Центрального банка России, в котором сообщается, что объем сделок российских граждан с криптовалютами, по некоторым оценкам, достигает 5 млрд долл. США в год. Российские граждане являются активными пользователями интернет-платформ, осуществляющих торговлю криптовалютами. Кроме того, Россия находится в числе лидеров по объему мировых майнинговых мощностей⁹.

Для включения цифрового объекта в перечень социально охраняемых государством ценностей необходимо также сформулировать его основные признаки, к которым в самом общем виде относятся: интегрированность в экономическую деятельность; трансграничность и экстерриториальность его оборота; адаптивность к изменяющейся цифровой реальности; латентность и зависимость от информационно-телекоммуникационных технологий.

Перечисленные признаки существуют сами по себе, независимо от воли государства, лишь на латентность может оказать влияние правоохранительная деятельность государства при наличии соответствующих познаний и практики.

Вместе с тем адаптивность цифровых объектов к изменяющейся цифровой реальности настолько высока, что в настоящее время уровень латентности можно снизить только с гиперлатентности до среднего его показателя.

Необходимость отнесения цифровых объектов преступления к социальным ценностям обусловлена еще и тем фактором, что отсутствие должной правовой регламентации влияет на национальную безопасность, так как невозможно предсказать влияние информационных технологий на функционирование экономической системы страны при безнадёжно отступающих законодательных нормах.

Так, по мнению К.Н. Евдокимова, неконтролируемая технотронная преступность как новый вид высокотехнологичной преступности в силу самодетерминации вышла из-под контроля личности, общества и государства, представляя опасность практически для всех жизненно важных общественных отношений [20. С. 16].

Уже сейчас эмпирическое исследование судебной практики позволяет очертить круг посягательств на цифровой объект в зависимости от направленности умысла виновного, а также цели воздействия.

Понятие цифрового объекта посягательства неразрывно связано с термином «виртуальное имущество», которое существует лишь в виде кодов и информации на экране монитора или специальных электронных носителях, при этом очевидная материальная составляющая такого имущества признается практически всеми исследователями. Однако наблюдательная позиция со стороны науки на самостоятельное развитие этой отрасли является ошибочной.

Выделение исследуемых цифровых объектов в отдельную правовую категорию и определение понятия цифрового объекта преступления позволит установить уголовно-правовой режим цифровых преступлений как нового вида преступлений и классифицировать их, что в последующем неизбежно приведет к дифференциации самостоятельной модели цифровой уголовной ответственности, хотя в настоящее время аналоговая наука сопротивляется переменам.

Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Хилюты о том, что сначала должна проводиться дифференциация различных объектов гражданских прав, прежде чем они будут включены в понятие «имущество» [21. С. 105], поскольку в настоящее время расширять данное понятие было бы не совсем

правильным ввиду отсутствия конкретизации отношения законодателя к виртуальным активам.

Кроме того, исследование цифрового объекта преступления в дальнейшем позволит избежать теоретических споров о многообъектности цифровых преступлений и категоричности определения таковых, поскольку мнение ряда авторов о том, что цифровые преступления всегда посягают на нормальное функционирование компьютерных сетей и систем, является не совсем обоснованным, так как информационная безопасность не всегда претерпевает какие-либо негативные изменения при совершении таких преступлений.

Структура охраняемых уголовным законом ценностей при включении в их число такого понятия, как цифровой объект, сохранит свою полноценность, при этом научное обоснование права на существование подобного объекта позволит исключить смешение таких понятий, как цифровые права, цифровая валюта, виртуальное имущество и другой криптовалютной терминологии, которая некоторыми исследователями не дифференцируется.

Для того чтобы уголовно-правовые меры были эффективными в борьбе с преступностью в сфере

оборота цифровых финансовых активов и криптовалюты, установление признаков состава преступления должно быть обеспечено законодательно, чтобы уголовный закон охватывал ситуации, когда преступление совершается с помощью информационно-коммуникационных технологий с любой другой территории независимо от того, где базируется та или иная технология.

Предлагаемая автором концепция цифрового объекта преступления в этой связи является своевременным и актуальным решением ряда проблем квалификации цифровых преступлений. Автором обосновывается определение цифрового объекта преступления в контексте исследованных классических теорий объекта преступления с учетом современных инновационных тенденций и необходимости актуализации доктрины уголовного права.

Таким образом, цифровой объект преступления – это социально значимые ценности и блага субъектов виртуальных имущественных отношений, складывающиеся в сфере оборота цифровых финансовых активов, виртуальной валюты и криптовалюты, подлежащие уголовно-правовой охране, на которые посягает виновное лицо, желая причинить ущерб их обладателю.

Примечания

- ¹ Данные о состоянии преступности по итогам пяти месяцев 2021 года. URL: <https://мвд.рф/news/item/24738876>
- ² Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
- ³ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
- ⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
- ⁵ Отчет Европейской полицейской организации Europol Spotlight – Cryptocurrencies – Tracing the evolution of criminal finances. URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Europol%20Spotlight%20-%20Cryptocurrencies%20-%20Tracing%20the%20evolution%20of%20criminal%20finances.pdf>
- ⁶ Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 по делу №1-95/2020; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 № 22-5295/2020
- ⁷ Cryptocurrency across the world // Triple-A. URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/?utm_source=ixbtcom
- ⁸ Как спецоперация влияет на криптовалюты в России в 2022 году: запреты и изменения с начала спецоперации // crypt-mining.net. 03.05.2022. URL: <https://crypt-mining.net/news/kak-specoperacija-vlijaet-na-kriptovaljuty-v-rossii-v-2022>
- ⁹ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Центробанк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

Список источников

1. Рускевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. 352 с.
2. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 427 с.
3. Дремлюга Р.Г. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение. М.: Юрлитинформ, 2022. 328 с.
4. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 38 с.
5. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 394 с.
6. Кучина Я.О.оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 118–127.
7. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 2. С. 196–209.
8. Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 69–77.
9. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 260 с.
10. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М.: Юрид. изд-во, 1946. 185 с.
11. Хильота В.В. Преступления против объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2021. 595 с.
12. Немова М.И. Альтернативные средства расчета как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 236 с.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
14. Шапапов Р.Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России // Lex Russica. 2015. № 12. С. 43–50.
15. Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 2004. 496 с.

16. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с.
17. Новоселов Г.П. Глава 6. Объект преступления // Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, Т.В. Кондрашова, З.А. Незнамова и др.; отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М. : Норма ; Инфра-М, 1998. 516 с.
18. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 1184 с.
19. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 408 с.
20. Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 557 с.
21. Хиллута В.В. Хищение: системный кризис института и проблемы квалификации. М. : Юрлитинформ, 2021. 422 с.

References

1. Russkevich, E.A. (2022) *Ugolovnoe pravo i "tsifrovaya prestupnost'": problemy i resheniya* [Criminal Law and "Digital Crime": Problems and solutions]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
2. Efremova, M.A. (2017) *Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoy bezopasnosti* [Criminal legal protection of information security]: Law Dr. Diss. Moscow.
3. Dremlyuga, R.G. (2022) *Ugolovno-pravovaya okhrana tsifrovoy ekonomiki i informatsionnogo obshchestva ot kiberprestupnykh posyagatel'stv: doktrina, zakon, pravoprimeneniye* [Criminal Legal Protection of the Digital Economy and the Information Society from Cybercriminal Attacks: Doctrine, law, law enforcement]. Moscow: YurLitinform.
4. Chuprova, A.Yu. (2015) *Ugolovno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya otosheniy v sfere elektronnoy kommertsii* [Criminal legal mechanisms for regulating relations in the field of e-commerce]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Kartskhiya, A.A. (2019) *Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya tsifrovyykh tekhnologiy* [Civil law model of regulation of digital technologies]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Kuchina, Ya.O. (2020) *Oborot kriptovalyuty kak ob'ekt prestupleniya i doktrinal'nye oshibki ego vospriyatiya* [Cryptocurrency turnover as an object of crime and doctrinal errors of its perception]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4. pp. 118–127.
7. Zaloilo, M.V. & Pashentsev, D.A. (2019) *Natsional'nyy pravoporyadok Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii* [National legal order in Russia in the context of digitalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2 (10). pp. 196–209.
8. Karabanova, E.N. (2018) *Ponyatie ob'ekta prestupleniya v sovremennom ugovnom prave* [The concept of the object of crime in modern criminal law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 69–77.
9. Novoselov, G.P. (2001) *Aktual'nye voprosy ucheniya ob ob'ekte prestupleniya: metodologicheskie aspekty* [Topical issues of the doctrine of the object of the crime: methodological aspects]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
10. Traynin, A.N. (1946) *Uchenie o sostave prestupleniya* [The Doctrine of the Crime]. Moscow: Yurid. izd-vo.
11. Khilyuta, V.V. (2021) *Prestupleniya protiv oborota ob'ektov grazhdanskikh prav: kontseptual'no-teoreticheskie osnovy modelirovaniya* [Crimes against the circulation of objects of civil rights: conceptual and theoretical foundations of modeling]. Law Dr. Diss. Minsk.
12. Nemova, M.I. (2020) *Al'ternativnye sredstva rascheta kak predmet i sredstvo soversheniya prestupleniy v sfere ekonomiki* [Alternative means of calculation as a subject and means of committing crimes in the sphere of economics]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Tagantsev, N.S. (2001) *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. The part is common]. Vol. 1. Tula: Avtograf.
14. Sharapov, R.D. (2015) *Al'ternativnye teorii ob'ekta prestupleniya v sovremennom ugovnom prave Rossii* [Alternative theories of the object of crime in modern Russian criminal law]. *Lex Russica*. 12. pp. 43–50.
15. Naumov, A.V. (2004) *Rossiyskoe ugovnoe pravo: Obshchaya chast'*. *Kurs lektsiy* [Russian Criminal Law: General part. Course of lectures]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Yurid. lit.
16. Naumov, A.V. (1996) *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'*: *kurs lektsiy* [Russian Criminal Law. General part: a course of lectures]. Moscow: BEK.
17. Kozachenko, I.Ya. & Neznamova, Z.A. (eds) (1998) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General part]. Moscow: Norma; Infra-M.
18. Brilliantov, A.V. (ed.) (2015) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti obshchaya i osobennaya* [Criminal Law of Russia. Parts general and special]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
19. Soktoev, Z.B. (2015) *Prichinnost' v ugovnom prave: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Causality in criminal law: theoretical and applied problems]. Law Dr. Diss. Moscow.
20. Evdokimov, K.N. (2022) *Protivodeystvie komp'yuternoy prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Counteraction to computer crime: theory, legislation, practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
21. Khilyuta, V.V. (2021) *Khishchenie: sistemnyy krizis instituta i problemy kvalifikatsii* [Embezzlement: The systemic crisis of the institution and the problems of qualification]. Moscow: YurLitinform.

Информация об авторе:

Долгинева М.М. – канд. юрид. наук, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: novator111@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), prosecutor, Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: novator111@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.07.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 30.07.2022;
approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

Научная статья
УДК 342.31, 342.384.2, 342.413
doi: 10.17223/15617793/483/28

Конституционное право на биоэтическое благополучие и достоинство пациента в сфере биомедицины: перспективы нормативной, законодательной и судебной конституционализации (отечественный и международный аспекты)

Игорь Александрович Кравец¹

¹ *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, kravigor@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются биоэтическое благополучие и достоинство пациентов как теоретические, публично-правовые концепты, проблема соотношения достоинства и прав пациентов в сфере медицинской деятельности и государственной политики в области здравоохранения. Исследуются проблема достижения биоэтического благополучия и реализации конституционно-правовых и государственных гарантий прав пациентов в отечественном и международном контексте, юридическая взаимосвязь прав пациентов и права на здоровье, их конституционализация в современной юриспруденции. Раскрываются перспективы публично-правового регулирования здоровья как общественного блага и биоэтического благополучия. Формулируются предложения по совершенствованию конституционного законодательства и законодательства в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: биоэтическое благополучие, человеческое достоинство, достоинство пациента, биоэтика, imago Dei, биомедицина, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь, биоправо, нейроправо

Для цитирования: Кравец И.А. Конституционное право на биоэтическое благополучие и достоинство пациента в сфере биомедицины: перспективы нормативной, законодательной и судебной конституционализации (отечественный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 261–272. doi: 10.17223/15617793/483/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/28

The constitutional right to bioethical well-being and patient dignity in biomedicine: Prospects for normative, legislative and judicial constitutionalization (domestic and international aspects)

Igor A. Kravets¹

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kravigor@gmail.com*

Abstract. The article considers bioethical well-being and dignity of patients as theoretical, public law concepts; the influence of secular and theological approaches on the understanding of human rights and human dignity, the birth of patients' rights from the nature and social significance of human rights; the link between bioethics and medicine and human well-being; the role of the trend of patient-orientated healthcare and bioethics in the creation of normative foundations and the formation of the prospects for constitutionalization of bioethical well-being. The author notes the intellectual significance of the concept "Anthropocene" for changing the vector of development of human activity and the formation of biological law and neuro-law, as well as the rights of generations in the Anthropocene. The author reveals scientific approaches to understanding health as a constitutional value with two levels of institutionalization: (1) health as a personal value with an individual level of institutionalization through the patient's rights; (2) health as a social value with a collective and public level of institutionalization as public health. The article proposes measures to improve healthcare legislation: the author's legal definition of bioethical well-being and the principle of achieving bioethical well-being. This article substantiates the concept of "dignity of the patient in bioethics and biomedicine" from the standpoint of the Russian and international context and reveals the content of the principle of respect for human dignity as a great principle of modernity in biolaw and bioethics. The author believes there are four directions in the study of dignity in the field of health care, bioethics, and biomedicine. The first scientific area forms an ethical and philosophical explanation of human dignity: what the basis for dignity is and what properties (qualities) of dignity have theoretical significance and influence clinical care and health policy. The second area is empirical research that helps to clarify the value of dignity in the life experiences of patients and healthcare professionals.

The third area is practice-oriented work, which proposes one or another strategy of respect for dignity in professional medical practice, as well as in the structures of organizations and health systems. The fourth area is research on the taxonomy of violations of human dignity in the health sector. The article contains reflections on the medico-social and legal content of the concept “dignity of the patient”, on the content of the principle of priority respect and protection of the dignity of the patient in the provision of medical care. The article uses methods of discursive and comparative legal analysis, the method of constitutional design, specific historical and formal legal methods of analysis. The author concludes that in modern bioethics and bio-law, the dignity of the patient must be recognized both as a subjective right and as a guiding principle of biomedicine for the purpose of achieving bioethical well-being.

Keywords: bioethical well-being, human dignity, dignity of patient, bioethics, imago Dei, biomedicine, right to health care, right to medical care, bio-law, neuro-law

For citation: Kravets, I.A. (2022) The constitutional right to bioethical well-being and patient dignity in biomedicine: Prospects for normative, legislative and judicial constitutionalization (domestic and international aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 261–272. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/28

Для любого, кому выпала честь ухаживать за пациентами на любом этапе жизненного цикла человека, обязанность поддерживать, защищать и восстанавливать достоинство тех, кто обращается к нам за помощью, охватывает саму суть медицины.

Харви Макс Чоцинов¹

На пути к биоэтическому благополучию: рождение прав пациентов из природы и социальной значимости прав человека

Биоэтика повлияла на новый разворот медицины к биомедицине, а благополучие человека сделало предметом смежных дисциплин: медицины, этики, права, технологий; в результате таких интеграционных связей закономерным стал вопрос о создании *нормативных основ* (их параметров) и, возможно, *конституционализации биоэтического благополучия*. Так же как концепт прав человека, сформировал тренд пациентоориентированности в современной медицине, так и биоэтика поставила этические и нормативные границы современным биотехнологиям и нейротехнологиям. И этот процесс взаимной «работы» продолжается.

Современные представления о правах пациента формируют тренд пациентоориентированности и зиждутся на определенном понимании природы прав человека. Существует связь между светским и религиозным пониманием прав человека, которая отражается и на достоинстве человеческой личности, и на правах пациента в сфере биомедицины. Идея о том, что люди наделены Богом или природой определенными неотъемлемыми правами, имеет западное происхождение и уходит корнями как в иудео-христианские, так и в классические греческие и римские концепции внутренней ценности и достоинства человеческой личности. Современные конституции не всегда показывают или обнаруживают связь между светскими и духовными ценностями, между светским и религиозным пониманием достоинства человеческой личности, между конституционными целями самореализации человека, его способностей, с одной стороны, достижениями и возможностями современных биомедицинских технологий – с другой.

Российская Конституция 1993 г. после конституционной реформы 2020 г. содержит упоминание о Боге (вполне безвестном и не поименованным в кон-

ституционном тексте). Согласно ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»². Новое конституционное положение не прямо, а иносказательно указывает на признание исторически сложившегося государственного единства со ссылкой «на идеалы и веру в Бога», которые передали нынешним поколениям наши предки, память о ком мы сохраняем. Вера в Бога – это часть тысячелетней истории России, к которой уповает конституционная норма, но о которой говорит как бы мимоходом, попутно, не проливая свет на природу и имя такого Бога. Помимо этого, следует отметить, что никакой связи между правами человека в российской конституционной концепции и христианской традицией, с одной стороны, и действующей Конституцией РФ (в том числе после поправок 2020 г.) – с другой стороны, сами конституционные нормы не устанавливают. В контексте современного биоправа и нейроправа, биомедицины и нейронауки, развитие которых выдвигает ряд требований к областям правового регулирования, правам человека и конституционализму, конституционная реформа 2020 г. в России оказалась «малочувствительной» к таким новациям, как биоправа, нейроправа, достоинство живых существ, права поколений в условиях Антропоцена. Представляется важным отметить необходимость научного осмысления новых прав человека в области биоправа и нейроправа, а также прав поколений, формируемых в условиях активного участия человека в изменении окружающей среды, которые могут быть наименованы как *права поколений в условиях Антропоцена*. Термин «антропоцен» (от греч. Anthropos – означает «человек», и сене – «новый» или «недавний») популяризировал атмосферный химик и лауреат Нобелевской премии Пол Крутцен, но он использовался учеными Совет-

ского Союза уже в 1960-е гг. [2. Р. R953–R954]. Интерес к теме Антропоцена не ограничивается одной дисциплиной, а имеет в своей основе междисциплинарный характер. Этот интерес отражает растущее признание значения человеческого влияния на процессы и функции Земли, поскольку изменения на Земле ускоряются беспрецедентными темпами в последние десятилетия [3. Р. 1–3]. Однако тема Антропоцена имеет важное значение не только в сфере влияния человека и его деятельности на окружающую среду; антропоцен как концепт важен для понимания границ и возможностей природы самого человека в условиях появления и культивирования новых биотехнологий и нейротехнологий.

В эпоху Антропоцена происходят 1–4 промышленные революции (1–4 ПР) и эта эпоха стала свидетелем глубоких преобразований биосферы, большинство из которых были непосредственно вызваны использованием людьми технологий и злоупотреблением ими. По мнению авторов комплексной книги «Постгуманизм», термин «антропоцен» означает «сформированный человечеством» и относится к мощным воздействиям, которые наш вид оказывает на физическую среду, которая окружает и поддерживает нас [4. Р. XIII–XIV]. По мнению ученых, с 1960-х гг. появилось и новое значение термина «антропоцен», так как не только «мир природы несет на себе основную тяжесть технологической изобретательности человека». Наступившая эпоха говорит языком «интимной трансформации» (биотехнологии и нейротехнологии), поскольку преобразования затрагивают наши собственные тела и разум. То, что «создано человечеством», не ограничивается миром деревьев, океанов, животных и небом: «это мы сами становимся объектами изменений, мишенями для наших собственных огромных творческих сил». Человеческий вид вступил в эру новых возможностей, в которой мы все чаще используем технологии для изменения наших основных черт и способностей, от физических особенностей до познания, от эмоций до интеллекта [4. Р. XIII]. Геологический Антропоцен повернулся вовнутрь и стал антропологическим Антропоценом. Достижение биоэтического благополучия человечества в целом ведет к признанию прав поколений: 1) права на благое и эффективное управление; 2) права на ресурсосберегающие технологии; 3) права на здоровую и благоприятную окружающую среду; 4) права на рост социального благополучия; 5) права на сохранение планетарного температурного режима; 6) права на ответственное взаимодействие с окружающей природой и природой самого человека. Совершенствование возможностей и природы человека, несомненно, способны оказывать возрастающее влияние на природную и социальную среды. Поэтому заслуживают исследовательского внимания формы взаимодействия человека и новых биотехнологий и нейротехнологий, с одной стороны, и результаты воздействия биотехнологий и нейротехнологий на человеческую природу как потенциально опасные для социальной и окружающей среды человечества – с другой. Антропоцен имеет природ-

ную и социальную стороны исследований, которые не могут быть обособлены друг от друга; Антропоцен синтезирует в результате человеческой деятельности социальное и природное как взаимообусловленные процессы воздействия человека на природу и природы человека на окружающую среду.

Обращаясь к иудео-христианской традиции, мы видим, что права человека исходят от Бога, они приписаны человеческой природе в силу того, что человек был сотворен по образу Бога; такие права закреплены в Ветхом Завете, устанавливающем взаимные обязательства Бога и Его избранного народа. Хотя классическая традиция (греческая и римская) обычно не находит источник прав в личном Боге, она рассматривает их как коренящиеся в естественном состоянии зависимости человека от других. Современный взгляд на правообладателя как на одинокую личность, никому не подчиняющуюся, поразил бы древних, особенно Аристотеля, который считал людей по своей сути социальными существами и утверждал, что любой, кто может существовать за пределами города, должен быть либо меньше, либо больше, чем человек, – зверь или бог. В работе Дж. Пико делла Мирандолы «Речь о достоинстве человека» [5] отразилось ренессансное понимание достоинства и прав человека; в ней продолжена христианская традиция образа Бога (*imago Dei*), который воплощен и в человеческом достоинстве, и в правах человека. Богословское утверждение об образе Бога в человеке («все люди по образу и подобию Бога») имело значимую освободительную силу и вдохновляло людей «уважать и защищать достоинство каждого человека» [6. Р. 261–262].

Потребность *правового регулирования достоинства и прав человека* применительно к новым областям биомедицины, нейронауки связана с формированием *предписывающих нормативных требований*, которые могут закрепляться как на уровне конституционных норм, так и обычных законов и подзаконных актов, определяя новые нормативные цели регулирования. *Антропологический конституционализм* появляется вместе с достижениями медицины и нейронауки; как правовой концепт он основан на создании новых нормативных предписаний и новых нормативных целей регулирования и реализации прав человека в области биотехнологий и нейротехнологий.

Как классическая (греческая и римская), так и иудео-христианская традиции в целом занимают согласованную позицию о том, что права уходят корнями в человеческую природу, налагают соответствующие обязательства и направлены на достижение определенных материальных и нормативных целей. Российские ученые в области прав человека рассматривают их в качестве нормативной формы взаимодействия индивидов, общества и государства; по мнению Е.А. Лукашевой, «права человека неотделимы от социальной деятельности людей, от их общественных отношений, способов бытия индивида» [7. С. 1–27]. Правовое регулирование прав человека на современном этапе (начало XXI в.) испытывает влияние тренда *стандартизации* [8. С. 162]; процесс стандартизации прав человека осуществля-

ется под воздействием двух взаимно обогащающих друг друга тенденций *интернационализации национального права* и *конституционализации международного права*, в том числе *мягкого права*.

Процесс стандартизации охватывает и новые области прав человека, которые появились в связи с развитием новых биотехнологий и биомедицины, нейротехнологий и нейронауки. Особенно активно идет процесс взаимодействия в новом тысячелетии *внутригосударственного и международного права в области биоэтики, биомедицины, соматических и репродуктивных прав, геномных исследований*; в этом процессе участвует и Российская Федерация; намечается повышение активности государственной правовой политики в области биотехнологий, нейротехнологий, так как они, с одной стороны, являются передовыми и отражают уровень включенности государства и научного сообщества в разработку и применение новейших достижений; с другой стороны, это область достаточно сложных, междисциплинарных отношений, для которой выработка национальных нормативов регулирования должна учитывать международно-правовые акты (универсального и регионального характера), в то же время эта область требует комплексного участия специалистов различных областей знаний (биологов, медиков, юристов, философов и др.).

Современный концепт прав человека оказывает влияние на сферу медицинской деятельности, предоставление медицинских услуг, формирование нормативных основ охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Под влиянием концепций прав человека развивается тренд пациентоориентированности в российском, сравнительном и глобальном здравоохранении. В научном плане пациентоориентированность – это комплексное и мультидисциплинарное явление и одновременно нормативно-правовой каркас современного здравоохранения, имеющий целью сохранение и/или восстановление здоровья, соблюдение и/или реализацию прав человека в сфере медицинской деятельности. Права пациента в современном здравоохранении содействуют реализации и обеспечению медико-социального аспекта латинской максимы *Salus populi suprema lex esto*, высказанной впервые Цицероном в трактате «О законах» (*De Legibus*) как предписание, обращенное к римским правителям подчиняться интересам народа, благо которого – высший закон или, как сказали бы телеологи, высшая цель. Латинская фраза не только может служить выражением существа принципа народовластия (как фундаментальное правило для правления, по мысли Дж. Локка), но и быть правовой максимой для сферы здравоохранения. Содержательные элементы этой максимы уже проникли в российское здравоохранение, однако пока не стали правовым принципом российского медицинского права и законодательства об охране здоровья граждан. Американский исследователь Уэнди Пармет полагает, что выражение «*salus populi suprema lex*» является известной максимой общего права в США, по ее мнению, она «выражает принцип, давно отмеченный, хотя и нечасто, в американском праве: благополучие общества – высший за-

кон» [9. Р. 1–4]. Существуют различные терминологические подходы к обозначению разных видов благополучия: социальное благополучие, физическое благополучие, душевное благополучие, санитарно-эпидемиологическое благополучие, экологическое благополучие. И список видов благополучия постоянно стремится к расширению.

Достижение благополучия общества в сфере здравоохранения – важная составная часть поддержания необходимого уровня здоровья населения. По мнению В.И. Крусса, здоровье граждан следует признавать основной правовой ценностью современности [10. С. 21–22]. Для конституционного и публичного права ценность здоровья является неотъемлемой частью ценности жизни человека; оно неразрывными и витальными нитями связано с правами человека, а сам человек и его права признаются высшей конституционной ценностью (согласно Конституции РФ, ст. 2). Поэтому важно институционализировать через конституционное правопонимание и практику государственной деятельности (включая деятельность Конституционного Суда РФ, федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения и других публично-правовых институтов) *здоровье как важный составной элемент в системе конституционных ценностей*.

Действующее законодательство РФ об охране здоровья граждан содержит несовершенную формулировку понятия здоровья, которая в некоторых аспектах существенно отличается от понимания здоровья на международном уровне, в концептах и нормативных регуляторах глобального здравоохранения. Российское законодательство о здравоохранении исходит из понимания здоровья в *минималистской парадигме охраны*. Действующий *правовой режим охраны здоровья поддерживает минимум от физического, психического и социального благополучия человека*, когда у него отсутствуют заболевания или расстройства функций органов и систем организма (ст. 2, ч. 1 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021): «здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»³.

Принципы современной биоэтики сформировало представление о такой категории, как «биоэтическое благополучие» человека; оно может рассматриваться как необходимое условие применения биотехнологий и нейротехнологий для обеспечения здоровья. Для дальнейшего развития российского законодательства важно интегрировать институт биоэтического благополучия в легальное определение здоровья, учитывая положения Устава Всемирной организации здравоохранения. Согласно Уставу ВОЗ, среди изложенных в преамбуле принципов, которых твердо придерживается Всемирная организация здравоохранения, есть легальное, однако проблематичное определение термина «здоровье»: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального бла-

гополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»⁴.

Предлагается в качестве авторского следующее определение здоровья как признаваемой личной и публично-правовой ценности: «Здоровье – это состояние полного биоэтического, физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней, физических и иных дефектов человеческого организма». Очевидно, что для российского здравоохранения появляется новая цель деятельности государства (в сфере охраны здоровья граждан и предоставления медицинской помощи). В качестве новой цели деятельности должна стать цель *достижения биоэтического благополучия*. Биоэтическое благополучие, инкорпорированное в структуру российского права, способно выполнять роль нового принципа охраны здоровья граждан. На наш взгляд, ценность *биоэтического благополучия* в том, что это наиболее адекватная категория в условиях развития биоэтики и биомедицины для целей их интегративного включения в законодательство о здравоохранении во взаимосвязи с новыми видами прав человека в сфере биомедицины и нейронауки в качестве комплексного института, влияющего на развитие принципов охраны здоровья граждан и нового направления в достижении благополучия человека и общества.

Для этих целей следует включить в текст Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» комплексное понятие «биоэтическое благополучие». Этим не стоит ограничиваться. Было бы разумно пойти по пути расширения законодательно установленного перечня принципов охраны здоровья граждан, подвергнув их некоторой юридической *биоэтической модификации*; в частности, под влиянием современной биоэтики следует предусмотреть в числе принципов охраны здоровья граждан *принцип приоритетного достижения биоэтического благополучия*. Представляется важным включить в текст Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следующие изменения.

Во-первых, ч. 1 ст. 2 дополнить п. 24 следующего содержания: «24) «биоэтическое благополучие – успешное соединение результатов применения высокоэффективных медицинских биотехнологий и достижения этического благополучия как результата удовлетворенности пациента добросовестным оказанием медицинской помощи в интересах реализации права на здоровье в различных сферах медицинской деятельности».

Во-вторых, ст. 4 дополнить п. 10 следующего содержания: «10) приоритетное достижение биоэтического благополучия в сфере охраны здоровья, которое обеспечивается путем:

– разработки и реализации программ достижения биоэтического благополучия посредством внедрения высокотехнологических достижений в сферу оказания медицинских услуг и получения медицинской помощи;

– ежегодного мониторинга уровня качества повседневной жизни людей и их здоровья как состояния полного физического, психического, духовного и социального благополучия;

– осуществления мероприятий по выявлению степени удовлетворенности пациента добросовестным оказанием медицинской помощи в интересах реализации права на здоровье в различных сферах медицинской деятельности».

Представляется важным конституционализировать (в законодательной, судебной форме) право на биоэтическое благополучие как право человека и гражданина; подумать над тем, чтобы выработать содержательные компоненты федеральной программы достижения биоэтического благополучия. Для научных целей следует признавать возможность разработки *конституционной модели регламентации права на биоэтическое благополучие*. Право на биоэтическое благополучие является комплексным, связанным с соматическими и репродуктивными правами, с правом на охрану здоровья и получения медицинской помощи; применение биотехнологий и нейротехнологий не должно входить в противоречие с *целью достижения биоэтического благополучия человека*. Положительный юридический эффект от сформулированного предложения заключается в следующем: он позволит, соединяя понятие здоровья с достижением биоэтического благополучия, инкорпорировать новый принцип охраны здоровья граждан и раскрыть его основное содержание, наметить пути развития института биоэтического благополучия в системе российского здравоохранения. Перспективы института биоэтического благополучия только намечены, однако уже сейчас можно предположить, что в дальнейшем он может быть интегрирован в различные сферы медицинской деятельности, включая биотехнологии и нейротехнологии.

Достоинство и права пациента в биоэтике и в биомедицине: философско-правовой, экзистенциальный, конституционный, медико-социальный аспекты и новый правовой принцип охраны здоровья граждан

Историческое время существования категории «достоинство» несоизмеримо по отношению к таким новым понятиям, как права пациентов, биоэтика и биомедицина. Достоинство как категория вбирает множество исторических и философских знаний, вокруг этой категории сформировалось многообразие концептов и концепций, которые развивают современные представления о правах пациента, биоэтике и биомедицине. Исторический контекст развития представлений о человеческом достоинстве позволяет выделить четыре ключевых вида отношений: 1) отношения между человечеством (и отдельным человеком) и Богом (с рождением «образа» и «подобия» Богу на земле); 2) отношения между человеком и обществом, включая отношения между конкретными людьми (в категориях взаимного признания достоинства и социального контекста развертывания достоинства);

3) отношения между детерминизмом и свободой, которые определяют границы человеческого достоинства, его возможности и пределы самовыражения; 4) отношения между человеком и биотехнологиями и нейротехнологиями, которые могут развивать вектор формирования достоинства от человеческого к транс-человеческому и пост-человеческому достоинству. Достоинство проникло в сферу медицинской деятельности, биоэтики и биомедицины и стало тесно связанным со сферой здоровья и здравоохранения [11. Р. 292].

По мнению совершенно разных философов, таких как Эрнст Блох [12], Юрген Хабермас [13] и Рональд Дворкин [14], принцип человеческого достоинства заслуживает пристального внимания как по этическим соображениям, так и в силу его способности влиять на нашу личную и общественную жизнь, на улучшение ее качества, на взаимоотношения индивидов между собой и между публичными институтами и индивидами перед вызовами современности, новыми технологиями, которые ведут нас к трансгуманизму и постгуманизму. Эрнст Блох в книге «Естественное право и человеческое достоинство» отстаивал позицию, что «социальная утопическая мысль направила свои усилия на человеческое счастье, естественное право – на человеческое достоинство» [12. Р. XXIX]. Оставаясь на позициях экономического марксизма, Э. Блох идет дальше и говорит о «гуманистическом первенстве» (наряду с «экономическим приоритетом»), которое является скрытым невыполненным требованием, провозглашенным в концепции общества Марксом. Такое гуманистическое первенство невозможно реализовать без опоры на человеческое достоинство. В свою очередь Э. Блох признает, что «человеческое достоинство невозможно без соблюдения прав человека, которое выходит за рамки всех форм контрактов и подрядчиков», и что «освобождение и достоинство не рождаются автоматически в результате одного и того же действия» [12. Р. VII–XXV]; они взаимно обусловлены, так как с экономическим приоритетом рождается и гуманистическое превосходство. Используя историю и доктрины естественного права, Э. Блох стремится доказать, что один из компонентов мечты Маркса о бесклассовом обществе, который до сих пор в значительной степени игнорировался марксистской традицией, основан на предвкушении достоинства в теориях естественного права. Для Э. Блоха существует радикальное естественное право – это не сохранение статичных состояний прошлого или настоящего, но эмансипация в открытость будущего как места человеческой надежды и ценности. Радикальное естественное право, в котором есть место человеческому достоинству, может быть основано только на взгляде на человеческую природу, которая еще не закрыта и «не решена до конца» [12. Р. XI–XII, XVI–XXV]. Наследие Э. Блоха до сих пор требует внимательного отношения, его *признание права человека «ходить прямо» наиболее существенным для программы социалистического общества и человечности его жизненной практики остается гуманистической надеждой перед лицом биотехнологий*. Несомненно, современные биотехно-

логии и нейротехнологии не только способны развивать человеческую природу, но и нести с собой риски ее решения в новом трансгуманистическом или постгуманистическом формате.

Ю. Хабермас полагает, что права человека возникли в ответ на конкретные нарушения человеческого достоинства, и поэтому их можно рассматривать «как характеристики человеческого достоинства, их морального источника». Отношения подобного рода объясняют моральное содержание и, более того, отличительную черту прав человека: «...они предназначены для эффективной реализации основных моральных ценностей эгалитарного универсализма с точки зрения принудительного права» [13. Р. 464]. Он считает, что наличие «морального заряда для права» – это реализация наследия конституционных революций XVIII в. [13. Р. 479]; однако перед лицом грядущих биореволюций и нейрореволюций (а в современном обществе такая почва готовится бионейротехнологиями) человеческое достоинство нуждается в новых средствах правовой защиты.

Рональд Дворкин утверждает, что «достоинство и самоуважение – что бы они ни значили – неотъемлемые условия хорошей жизни» [14. Р. 13–14]. Именно в такой жизни, основанной на ценностях достоинства и самоуважения, можно найти смысл жизни, благодаря этим ценностям и их культивированию создать хорошую жизнь. Р. Дворкин использует понятие «living well» для характеристики жизни, основанной на ценностях достоинства и самоуважения; это выражение можно перевести и как «достойная жизнь» (в течение такой жизни соблюдается и обеспечивается достоинство на всех этапах жизненного пути), и как «хорошая жизнь». Основанная на достоинстве жизнь требует значительных личных и публичных усилий, особенно в сфере публичной политики для поддержания и обеспечения достоинства в течение «4 возрастов», а может быть, и шире – начиная с заботы об эмбрионе, рождения ребенка и заканчивая смертью человека и сохранением памяти о нем.

Принцип человеческого достоинства завоевал роль *великого принципа современности*, включая его не бесспорное влияние на регулирование принципов биоэтики, биомедицины и геномных исследований как в международном публичном праве и в глобальном здравоохранении, так и во внутригосударственном праве отдельных государств. Российская Федерация стоит на пути *признания принципа человеческого достоинства в качестве важнейшей гуманистической и экзистенциальной основы современной биоэтики, биомедицины и, возможно, в дальнейшем нейроправа и нейроэтики*.

Синоптическое видение биоэтики – комплексный подход к известным темам. Представляется важным формировать *синоптическое понимание биоэтики и биоправа в современной России*, которое позволяет видеть весь комплекс проблем, связанных с уважением, охраной и защитой достоинства (человека/трансчеловека/постчеловека, эмбриона, другого живого существа) в сфере биоправа, нейроправа. По мнению исследователей биоэтика, сравнительно мо-

лодая дисциплина, которая была признана отдельной областью научных исследований только с конца 1960-х или начала 1970-х гг. [15. Р. 1–2]. Термин «биоэтика» относится к изучению этических проблем, возникающих в медицине, в таких смежных областях, как сестринское дело, фармацевтика и общественное здравоохранение, а также в науках о жизни. Современная теория биоэтики – это общая основа для освещения и в итоге решения ряда как этических, так и правовых проблем: 1) оправдана ли эвтаназия или убийство из милосердия, нуждается ли она в правовом обеспечении; 2) есть ли у людей моральное право на охрану здоровья и право на биоэтическое благополучие; 3) разрешено ли вовлекать животных в эксперименты, которые наносят им серьезный вред, на благо человечества; 4) существуют ли ограничения для исследования и редактирования генома человека. Ответы на эти и многие другие вопросы зависят от того (в том числе), как мы видим природу и границы достоинства человека / живых существ, как достоинство работает в «руках» биотехнологий и нейротехнологий, существует ли потребность гарантировать особыми средствами достоинство пациента. Другое направление в биоэтике – это исследование *взаимоотношений гуманитарных наук и биоэтики* как этико-нормативных требований в сфере медицинской деятельности. Данное направление предлагает «более радикальные вызовы медицинской практике и исследованиям» [16. Р. XI–XII, 1–4], в частности, «являются ли врачи однозначно альтруистичными или даже доброжелательными, как предполагают доминирующие взгляды на медицинскую этику», и насколько сама медицинская практика отвечает требованиям научной верификации? Задача биоэтики в этих сложных взаимоотношениях уточнять права и обязанности пациентов, права и обязанности врачей и медицинского персонала. С другой стороны, биоэтика применяется к решению этических и социальных вопросов при использовании биотехнологий, которые понимаются как применение науки и технологий к живым организмам и их частям или к продуктам и моделям живых организмов [17. Р. 3–4]: 1) в отношении дизайнерских младенцев, генетически модифицированных продуктов и использования животных; 2) в отношении вспомогательных репродуктивных технологий; 3) в отношении клонирования животных и человека; 4) в отношении генетического скрининга/тестирования; 5) в отношении технологий жизнеобеспечения человека; 6) в отношении генной инженерии; 7) в области биоинформатики; 8) в области фармакогенетики/фармакогеномики; 9) в области синтетической биологии; 10) в области нанотехнологий.

В современной отечественной юриспруденции развиваются «биомедицинское право» (Ю.Д. Сергеев, А.А. Мохов, Г.Б. Романовский и др.) [18] и «биоправо» (И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова и др.) [19. С. 98]. Понятие биомедицинского права часто используется наряду с понятиями биоюриспруденции [20] и нейроправа. Нейроправо – междисциплинарная область исследования и область регулирования с большим потенциалом; она регулирует нейротехноло-

гии, нейроправа и когнитивные способности; также является областью прикладной нейробиологии, чтобы облегчить путь понимания человеческого поведения с целью его более точного юридического регулирования [21. Р. 29–34]. Нейроправо связано с медицинской сферой, уголовным правом и криминологией, а в последнее время – с юридическими гарантиями когнитивных способностей в условиях использования нейротехнологий. Нейроправо – новая отрасль знания и будущая отрасль права, которая будет основываться на гарантиях сохранения человеческого достоинства как образа когнитивных способностей человека и его рациональных и нравственных поступков.

Современное здравоохранение основывается на продвижении и поощрении прав пациентов; для поставщиков медицинских услуг такой подход становится приоритетным в борьбе за пациентов; для общественного здравоохранения законодательное и практико-ориентированное поощрение прав пациентов выступает в качестве важного индикатора состояния здоровья населения в обществе и в стране. Для российского здравоохранения встает ключевая задача – рассматривать права пациента как одну из основ для определения стандартов клинических услуг. Современные ученые-юристы рассматривают правоохранительные правоотношения с позиций регулирования и реализации прав и обязанностей «лечебных учреждений и граждан» (М.Н. Малейна) при оказании медицинской помощи, при правовом регулировании отдельных видов медицинской деятельности (трансплантация, репродуктивная деятельность, психиатрическая помощь, деятельность экстрасенсов) [22], или с позиций формирования юридического статуса пациентов, их прав и обязанностей [23].

Фигура пациента включена в правоохранительные правоотношения. Человек и гражданин, имеющий право на охрану здоровья и получение медицинской помощи, перед лицом медицинских организаций, предоставляющих такую помощь, становится пациентом с определенным набором прав и обязанностей. В исследованиях отмечается, что содержание и структура, как и само понятие «правовой статус пациента», в отечественном законодательстве четко не определены («не наполнены конкретным юридическим содержанием» [23. С. 19]). С такой позицией можно согласиться только отчасти, так как не все из элементов такого статуса и его структуры законодательно установлены, особенно если принимать во внимание потребности развития отечественного биоправа и нейроправа. Однако стоит отметить, что идет большая научная и законодательная «работа» по формированию юридического каркаса, содержания и основных элементов правового статуса пациента в условиях создания новых отраслей права (связанных с биомедицинским правом), таких как биоправо и нейроправо. Как концепт правовой статус пациента выступает специальным видовым по отношению к правовому статусу личности. Категория «права пациента» – сравнительно новое правовое образование в системе российского законодательства о здравоохранении, института прав человека, медицинского права. *Права*

пациента – это *юридический и медико-социальный императив пациентоориентированного здравоохранения и медицинской помощи*. Они участвуют в гуманизации современной медицины, однако современная ситуация в России в области охраны здоровья граждан имеет многофакторный характер; существует множество проблем в современном российском здравоохранении не только правового, но и организационного, социального, экономического и профессионального характера.

Конституция РФ в целом признает здоровье в качестве социально значимой ценности через установление права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь; права пациента как более узкое и специальное понятие относится к законодательному, медико-правовому и доктринальному уровню. Исследования природы и содержания данного права, его места в системе основных прав и свобод человека и гражданина пользуются заслуженным вниманием на протяжении последних двух десятилетий [24–28]; обострилось внимание к изучению проблем реализации данного права и в период распространения коронавирусной инфекции [29. С. 121]. Данное конституционное право получает свое дальнейшее развитие в условиях формирования биоправа и нейроправа, которые пока не конституционализированы, однако нуждаются в доктринальном и законодательном наполнении. Расширяется содержание и структура комплексного конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь под влиянием биотехнологий и нейротехнологий; теперь оно требует нормативного регулирования прав на охрану репродуктивного здоровья и иных соматических прав, охрану когнитивных способностей человека в связи с применением нейротехнологий и др. Классическое представление о содержании конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь нуждается в определенной модификации и содержательном расширении. Законодательное регулирование права на охрану здоровья и медицинскую помощь предполагает включение в его содержание следующих элементов: 1) право на охрану здоровья; 2) право на медицинскую помощь. В таком законодательном регулировании нет правомочий в сфере достижения биоэтического благополучия и реализации биоправа. И.В. Тимофеев предлагает в развитие существующих положений Конституции РФ новую модель конституционной нормы об охране здоровья, а именно: «каждый имеет право на охрану здоровья, включая право на доступную и качественную медицинскую помощь» [25. С. 81]. Такое предложение заслуживает внимания, но и оно игнорирует потребности биоправа и биомедицины. Представляется важным и необходимым конституционализировать и право на биоэтическое благополучие и гарантии уважения и охраны достоинства пациента. *Модель конституционной нормы* могла бы иметь следующее содержание: «1. Каждый имеет право на биоэтическое благополучие. 2. Гарантии достижения биоэтического благополучия и

стандарты биоэтического благополучия устанавливаются федеральным законом. 3. Российская Федерация обеспечивает приоритетное достижение биоэтического благополучия в сфере охраны здоровья, биоправа и биомедицины».

Вполне правомерным является постановка вопроса о влиянии геномных исследований на конституционный статус личности [30. С. 260]; биомедицина и современная генетика вызывают потребность рассматривать проблему защиты конституционной правосубъектности человека и гражданина. Включенность конституционной правосубъектности личности в сферу биоправа, биомедицины, в будущем – в область нейроправа есть важная составляющая развития современного *биоконституционализма*. В *гуманитарном сердце биоконституционализма* находится *человеческое достоинство*, которое требует правового регулирования и в качестве достоинства пациента в условиях формирования биоправа и биомедицинского права. Необходима *юридическая разработка взаимодействия достоинства и прав пациента в различных сферах биоправа и биомедицинского права*.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в российской юриспруденции относят к числу социальных прав (прав второго поколения), которые провозглашены, но в какой степени гарантированы Конституцией РФ [31. С. 300–301]? Право на здоровье претендует на статус не только юридического права, но и морального. Можем ли мы его признавать естественным, или оно формируется только благодаря позитивным действиям государства и его органов? Права пациентов – сложное и многоплановое явление. Современная правовая социология биомедицины постулирует связь между субъектом биоправа, биомедицинского права и субъектом прав, когда мы говорим о соматических и репродуктивных правах как правах пациентов. Субъекты биоправа, биомедицинского права перед глазами врача (специалиста, оказывающего медицинскую помощь) становятся субъектами прав пациентов, которым предоставляются медицинские услуги и одновременно в условиях медицинского учреждения реализуется право на здоровье в различных областях (в том числе право на репродуктивное здоровье обычных больных и онкобольных).

Российская Конституция признает право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) за каждым лицом, независимо от его гражданства. Однако в случае применения гарантий реализации данного права в сфере репродуктивного здоровья государство вправе устанавливать ограничения или специальные требования. Российская Федерация создала конституционную модель публичного участия в охране здоровья и оказания медицинской помощи. Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Гарантий (специального характера) реализации права на репродуктивное здоровье и его охрану Конституция РФ не содержит. В такой же степени Конституция РФ не содержит га-

рантий в области биоэтики, биомедицины и нейроправа.

Право на охрану здоровья имеет комплексный характер и согласно ст. 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признается за каждым человеком и своим содержанием охватывает охрану окружающей среды, создание безопасных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производство и реализацию продуктов питания соответствующего качества, производство и реализацию качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказание доступной и качественной медицинской помощи. Как полагает закон, медицинская помощь – только одна из составляющих содержания права на охрану здоровья, притом что закон такую помощь ставит на последнее место. Такой подход не вполне корректен, если учитывать, что вопросы медицинской помощи, предоставления медицинских услуг и связанные с ними занимают в структуре закона доминирующее место, а первым правом, следующим за правом на охрану здоровья, закон признает все же право на медицинскую помощь. Право на медицинскую помощь также признается за каждым человеком и раскрывается через права пациента, которые имеют несколько законодательных правомочий: 1) право на выбор врача и выбор медицинской организации, где будет оказываться медицинская помощь; 2) право на профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию в медицинских организациях в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям; 3) право на получение консультаций врачей-специалистов (в том числе по имеющимся заболеваниям и проведенной диагностике); 4) право на облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством, методами и лекарственными препаратами, в том числе наркотическими лекарственными препаратами и психотропными лекарственными препаратами (с учетом поправок, внесенных Федеральным законом от 6 марта 2019 г. № 18-ФЗ)⁵; 5) право на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в том числе после его смерти (с учетом поправок, внесенных Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ)⁶; 6) право на получение лечебного питания в случае нахождения пациента в стационарных условиях; 7) право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну; 8) право на отказ от медицинского вмешательства; 9) право на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании пациенту медицинской помощи; 10) право на допуск к пациенту адвоката или законного представителя для защиты своих прав; 11) право на допуск к пациенту священнослужителя, а в случае нахождения пациента на лечении в стационарных условиях – на предоставление условий для отправления религиозных обрядов, проведение которых возможно в стационарных условиях, в том числе на предоставление

отдельного помещения, если это не нарушает внутренний распорядок медицинской организации⁷. К сожалению, среди прав пациента нет права на уважение достоинства при получении медицинской помощи. Между тем достоинство пациента – это специальная правовая и медико-социальная категория, которая нуждается в инкорпорировании в российское законодательство о здравоохранении.

Отношение государства к регулированию достоинства пациента (в медико-социальном и правовом аспекте) является важным индикатором состояния системы законодательства о здравоохранении и показателем включенности правовых, медико-социальных, экзистенциальных аспектов в формирование уважительного отношения к пациенту и в итоге может рассматриваться как необходимый этап в продвижении биоэтического благополучия. Слова «достоинство пациента» ассоциативно связаны с представлением о том, что пациент достоин уважения. Этот изначальный дискурс не только важен для понимания прав пациента и государственной политики в сфере общего и репродуктивного здравоохранения, а также биомедицины, он требует отражения в нормативных регуляторах, в применении медицинских технологий, при осуществлении профессиональной медицинской коммуникации с пациентом.

Джонатан Манн отмечает неясность взаимосвязей здоровья и достоинства личности. Он пишет, что «с точки зрения здоровья и прав человека возможные связи между достоинством и здоровьем одновременно сложны, интуитивно сильны и трудны для оценки» [32. Р. 32]. Точного определения достоинства по отношению к этике здравоохранения, очевидно, нет, или, как говорят Эндрю Эдгар и Леннарт Норденфельт, точное значение слова «достоинство... вызывает множество споров» [33. Р. 1]. Грейс Кеннеди, отмечая важность достоинства пациентов для клинической медицины, утверждает, что «гораздо труднее перевести это абстрактное понятие в клиническую практику» [34. Р. 45]. Язык достоинства может иметь риторическую силу, его зачастую используют как пациенты и их защитники, так и медицинские работники для отстаивания взаимных прав и обязанностей (пациентов и врачей). Термин «достоинство» приобретает особую значимость, когда обсуждаются вопросы медицинской этики и этического обращения с пациентами; важно, чтобы *достоинство* было *руководящим принципом* в медицинской деятельности.

Человек достойный («*homo dignus*») [35. С. 242] обладает достоинством пациента; в современной биоэтике и биоэтике, как видится, настало время признавать достоинство пациента и в качестве субъективного права, и в качестве руководящего принципа биомедицины для целей достижения биоэтического благополучия. Требуется своего решения и проблема законодательного обеспечения и уголовно-правовой охраны генетической информации с учетом принципа уважения достоинства личности и пациента [36. С. 15]

Таким образом, медицинская деятельность освещается *принципами медицинской деонтологии*, формируемой в современный период под влиянием универсальных и национальных принципов биоэтики,

ключевую роль среди которых играет принцип человеческого достоинства. В медицинской сфере и в законодательстве об охране здоровья граждан достоинство пациентов выполняет роль руководящего принципа и содействует: 1) сохранению статуса уникального человека в ходе получения медицинской помощи и оказания медицинских услуг; 2) преодолению уязвимости собственной самооценки пациентом перед профессиональным давлением медицинских знаний врачей при выборе вспомогательных репродуктивных технологий или иных медицинских технологий; 3) достижению баланса между контролем неприкосновенности частной жизни пациента и необходимостью раскрытия персональных и иных личных данных в медицинском учреждении; 4) эффективному профессиональному общению с пациентом для получения наибольшего положительного результата в под-

держании и сохранении здоровья. *Достоинство как принцип в сфере охраны здоровья граждан* может положительно влиять на *стандарты* оказания медицинской помощи.

Следовательно, инкорпорирование в качестве правового института достоинства пациента в законодательство об охране здоровья граждан (например, в качестве принципа охраны здоровья граждан: «принципа приоритета уважения и охраны достоинства пациента при оказании медицинской помощи») позволит создать юридические, а не только медико-социальные основания для продвижения в качестве руководящего принципа уважения и охраны достоинства пациента и в системе принципов охраны здоровья граждан, и в системе принципов биоэтики, и в системе приоритетных принципов при оказании/предоставлении медицинской помощи.

Примечания

- ¹ Эти слова Х.М. Чочинава, высказанные в статье «Достоинство и сущность медицины: А, В, С и D заботы о сохранении достоинства», продвигают идею достоинства на первостепенное место в медицинском уходе за пациентом как человеком [1. С. 187].
- ² Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 08.11.2021).
- ³ Официальный интернет-портал правовой информации, 22 ноября 2011 г., ст. 0001201111220007. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения: 08.11.2021).
- ⁴ Устав ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 13.05.2021).
- ⁵ Официальный интернет-портал правовой информации, 6 марта 2019 г., № 0001201903060012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903060012> (дата обращения: 08.11.2021).
- ⁶ Официальный интернет-портал правовой информации, 2 июля 2021 г., № 0001202107020011. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020011?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 08.11.2021).
- ⁷ Официальный интернет-портал правовой информации, 22 ноября 2011 г., ст. 0001201111220007. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения: 08.11.2021).

Список источников

1. Chochinov N.M. Dignity and the essence of medicine: the A, B, C, and D of dignity conserving care // *BMJ*. 2007. Vol. 335 (7612). P. 184–187. doi: 10.1136/bmj.39244.650926.47
2. Laurance W.F. The Anthropocene // *Current Biology*. 2019. Vol. 29, Is. 19. P. R953–R954.
3. Chin A., Beach T., Luzzadder-Beach S., Solecki W.D. Challenges of the “Anthropocene” // *Anthropocene*. 2017. Vol. 20. P. 1–3. doi: 10.1016/j.ancene.2017.12.001
4. Posthumanism: The Future of Homo Sapiens / M. Bess, D.W. Pasulka (ed.). Farmington Hills, Mich.: Macmillan Reference USA, a part of Gale, a CengageCompany, 2018.
5. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // *История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. / отв. ред. М.Ф. Овсянников. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 506–514.*
6. Kilner J.F. The Image of God, the Need for God, and Bioethics // *Christian bioethics: Non-Ecumenical Studies in Medical Morality*. 2017. Vol. 23, Is. 3. P. 261–282. doi: 10.1093/cb/cbx010
7. *Общая теория прав человека / отв. ред. д-ра юрид. наук. Е.А. Лукашева. М.: Изд-во НОРМА, 1996. 520 с.*
8. *Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИП РАН, 2021. 400 с.*
9. Parmet W.E. Populations, Public Health, and the Law. Washington: Georgetown University Press, 2009. 304 p.
10. Кресс В.И. Здоровье как основная правовая ценность современности // *Проблемы права*. 2012. № 4. С. 21–40.
11. Jacobson N. Dignity and health: A review // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 64, Is. 2. P. 292–302.
12. Bloch E. Natural law and human dignity / translated by Dennis J. Schmidt. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1996. 323 p.
13. Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // *Metaphilosophy*. 2010. Vol. 41 (4). P. 464–480.
14. Dworkin R. Justice for Hedgehogs. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2011. 528 p.
15. Degrazia D., Millum J. A theory of bioethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 316 p.
16. Downie R.S., Macnaughton J. Bioethics and the Humanities: Attitudes and perceptions. New York, NY: Routledge-Cavendish, 2007. 188 p.
17. Talbot M. Bioethics. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 464 p.
18. Мохов А.А. Понятие биомедицинского права и его место в системе отраслевых юридических наук // *Биомедицинское право в России и за рубежом / Г.Б. Романовский, Н.Н. Тарусина, А.А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2015. С. 6–27.*
19. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2021. № 41. С. 98–118. doi: 10.17223/22253513/41/9
20. Stetsenko S. Biojurisprudence: A Fundamental Part of the Modern General Theoretical Law // *Legal journal «Law of Ukraine»*. 2013. № 9. P. 194–216 (In Ukrainian).
21. Petoft A., Abbasi M. Current limits of neurolaw: A brief overview // *Médecine & Droit*. 2020. Vol. 2020, Is. 161. P. 29–34. doi: 10.1016/j.meddro.2019.11.002
22. Маленна М.Н. Человек и медицина в современном праве: учеб. и практ. пособие. М.: БЕК, 1995. 260 с.
23. Блинов А.Г. Юридический статус пациента как субъекта здравоохранительных правоотношений // *Журнал российского права*. 2011. № 4. С. 18–26.

24. Бушуева В.П. Конституционное право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в российской федерации на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
25. Тимофеев И.В. Развитие конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, его судебную и внесудебную защиту: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 77–81.
26. Холодова Т.Ю. Конституционно-правовое обеспечение прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
27. Отставнова Е.А. Конституционные основы защиты права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
28. Черных А.Е. Конституционное право граждан на охрану здоровья и проблемы его реализации в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.
29. Пучкова В.В. Реализация конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в период распространения коронавирусной инфекции // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 121–126. doi: 10.47643/1815-1337_2021_3_121
30. Романовский Г.Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 260–271.
31. Права человека : энциклопедический словарь / под ред. С.С. Алексеева. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016.
32. Mann J. Dignity and Health: The UDHR's Revolutionary // Health and Human Rights. 1998. Vol. 3 (2). P. 30–38.
33. Edgar A., Nordenfelt L. Dignity of the Patient // Handbook of the Philosophy of Medicine. Springer : Springer Science+Business Media Dordrecht, 2015. doi: 10.1007/978-94-017-8706-2_26-1
34. Kennedy G. The Importance of Patient Dignity in Care at the End of Life // The Ulster medical journal. 2016. Vol. 85 (1). P. 45–48.
35. Кравец И.А. «Человек достойный» («homo dignus») в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 242–255. doi: 10.17223/15617793/459/30
36. Андреева О.И., Машепуро Д.М., Ольховик Н.В., Трубникова Т.В. Уголовная юстиция в постгеномную эпоху: новые вызовы и поиск баланса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 14–28. doi: 10.17223/22253513/35/2

References

1. Chochinov, H.M. (2007) Dignity and the essence of medicine: the A, B, C, and D of dignity conserving care. *BMJ*. 335 (7612). pp. 184–187. DOI: 10.1136/bmj.39244.650926.47
2. Laurance, W.F. (2019) The Anthropocene. *Current Biology*. 19 (29). pp. R953–R954.
3. Chin, A. et al. (2017) Challenges of the “Anthropocene”. *Anthropocene*. 20. pp. 1–3. DOI: 10.1016/j.ancene.2017.12.001
4. Bess, M. & Pasulka, D.W. (eds.) (2018) *Posthumanism: The Future of Homo Sapiens*. Farmington Hills, Mich.: Macmillan Reference USA.
5. Ovsyannikov, M.F. (ed.) (1962) *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli* [History of Aesthetics. Monuments of world aesthetic thought]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR. pp. 506–514.
6. Kilner, J.F. (2017) The Image of God, the Need for God, and Bioethics. *Christian bioethics: Non-Ecumenical Studies in Medical Morality*. 3 (23). pp. 261–282. DOI: 10.1093/cb/cbx010
7. Lukashcheva, E.A. (ed.) (1996) *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [General Theory of Human Rights]. Moscow: Izd-vo NORMA.
8. Vasil'eva, T.A. & Varlamova, N.V. (eds.) (2021) *Konstitutsiya i prava cheloveka: sovremennaya doktrina i praktika* [Constitution and Human Rights: Modern doctrine and practice]. Moscow: Institute of State and Law RAS.
9. Parmet, W.E. (2009) *Populations, Public Health, and the Law*. Washington: Georgetown University Press.
10. Kruss, V.I. (2012) Zdorov'e kak osnovnaya pravovaya tsennost' sovremennosti [Health as the main legal value of our time]. *Problemy prava*. 4. pp. 21–40.
11. Jacobson, N. (2007) Dignity and health: A review. *Social Science & Medicine*. 2 (64). pp. 292–302.
12. Bloch, E. (1996) *Natural Law and Human Dignity*. Translated from German by Dennis J. Schmidt. Cambridge, MA: MIT Press.
13. Habermas, J. (2010) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights. *Metaphilosophy*. 41 (4). pp. 464–480.
14. Dworkin, R. (2011) *Justice for Hedgehogs*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. Degrazia, D. & Millum, J. (2021) *A Theory of Bioethics*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Downie, R.S. & Macnaughton, J. (2007) *Bioethics and the Humanities: Attitudes and perceptions*. New York: Routledge-Cavendish.
17. Talbot, M. (2012) *Bioethics. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Mokhov, A.A. (2015) Ponyatie biomeditsinskogo prava i ego mesto v sisteme otraslevykh yuridicheskikh nauk [The concept of biomedical law and its place in the system of branch legal sciences]. In: Romanovskiy, G.B. et al. *Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Biomedical Law in Russia and Abroad]. Moscow: Prospekt. pp. 6–27.
19. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2021) Bio-law as a new generation of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 41. pp. 98–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/41/9
20. Stetsenko, S. (2013) Biojurisprudence: A Fundamental Part of the Modern General Theoretical Law. *Law of Ukraine*. 9. pp. 194–216. (In Ukrainian).
21. Petoft, A. & Abbasi, M. (2020) Current limits of neurolaw: A brief overview. *Médecine & Droit*. 161 (2020). pp. 29–34. DOI: 10.1016/j.meddro.2019.11.002
22. Maleina, M.N. (1995) *Chelovek i meditsina v sovremennoy prave* [Man and Medicine in Modern Law]. Moscow: BEK.
23. Blinov, A.G. (2011) Yuridicheskiy status patsienta kak sub'ekta zdravookhranitel'nykh pravootnosheniy [The legal status of the patient as a subject of health care legal relations]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp.18–26.
24. Bushueva, V.P. (2006) *Konstitutsionnoe pravo grazhdan na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' v rossiyskoy federatsii na sovremennoy etape* [The constitutional right of citizens to health care and medical care in the Russian Federation at the present stage]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Timofeev, I.V. (2016) Razvitie konstitutsionnogo prava na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch', ego sudebnuyu i vnesudebnuyu zashchitu: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Development of the constitutional right to health care and medical care, its judicial and extrajudicial protection: a comparative legal study]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 4. pp. 77–81.
26. Kholodova, T.Yu. (2006) *Konstitutsionno-pravovoe obespechenie prav grazhdan na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal support of the rights of citizens to health care and medical care in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
27. Otstavnova, E.A. (2011) *Konstitutsionnye osnovy zashchity prava cheloveka i grazhdanina na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' v sovremennoy Rossii* [Constitutional foundations for the protection of the right of man and citizen to health care and medical care in modern Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
28. Chernykh, A.E. (2012) *Konstitutsionnoe pravo grazhdan na okhranu zdorov'ya i problemy ego realizatsii v Rossiyskoy Federatsii* [The constitutional right of citizens to health care and the problems of its implementation in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow

29. Puchkova, V.V. (2021) Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' v period rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii [Implementation of the constitutional right of citizens to health care and medical care during the spread of coronavirus infection]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 3 (195). pp. 121–126. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_121
30. Romanovskiy, G.B. (2017) Konstitutsionnaya pravosub'ektnost' grazhdan v usloviyakh genomnoy meditsiny [Constitutional legal personality of citizens in the context of genomic medicine]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 37. pp. 260–271.
31. Alekseev, S.S. (ed.) (2016) *Prava cheloveka: entsiklopedicheskiy slovar'* [Human Rights: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Norma; INFRA-M.
32. Mann, J. (1998) Dignity and Health: The UDHR's Revolutionary. *Health and Human Rights*. 3 (2). pp. 30–38.
33. Edgar, A. & Nordenfelt, L. (2015) Dignity of the Patient. In: Schramme, Th. & Edwards, S. (eds) *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Springer: Springer Science+Business Media Dordrecht. DOI: 10.1007/978-94-017-8706-2_26-1
34. Kennedy, G. (2016) The Importance of Patient Dignity in Care at the End of Life. *The Ulster Medical Journal*. 85 (1). pp. 45–48.
35. Kravets, I.A. (2020) A “Worthy Man” (“Homo Dignus”) in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 242–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/30
36. Andreeva, O.I. et al. (2020) Criminal justice in the post-genomic era: new challenges and the search for balance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 35. pp. 14–28. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/35/2

Информация об авторе:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2021;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 19.11.2021;
approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 483. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28.10.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5338. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.02.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.А. Цыганковой
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru